

Юрий Мюпш

КРИТИКА МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИФОНИИ РАЗУМОВ

Опыт критического анализа книги
А. Коряковцева и С. Вискунова
«Марксизм и полифония разумов».
Материалы по критике учения Маркса.

В трех книгах.

КНИГА ВТОРАЯ

Критически о политэкономических
представлениях Маркса.
Материалы по критике учения Маркса

УДК 141.82:001.85
М 98

Издается в авторской редакции

*Охраняется Законом Украины
«Об авторском праве и смежных правах».*

Мюпш Юрий

М 98   КРИТИКА МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИФОНИИ РАЗУМОВ. (Опыт критического анализа книги А. Коряковцева и С. Вискунова «Марксизм и полифония разумов». Материалы по критике учения Маркса). В 3 книгах. / КНИГА ВТОРАЯ. Критически о политэкономических представлениях Маркса. Материалы по критике учения Маркса / Юрий Мюпш. – Х.: Издательство Иванченко И.С., 2022. – 552 с.

ISBN 978-617-8059-64-4

ISBN 978-617-8059-66-8 (Ч.2)

Данная работа (в 3-х книгах) посвящена разработке концепции всестороннего критического снятия / преодоления учения Маркса, что позволяет обнаружить еще не освоенные направления и горизонты в развитии философии истории и социологии, а также по-новому взглянуть не только на многие хорошо известные аспекты, постулаты, аксиомы или догматы Маркса и Энгельса, но и выявить имеющиеся проблемы в методологии теории современного общества.

Издание адресуется философам, социологам, историкам, экономистам и политологам, а также всем, кто интересуется наследием мыслителей прошлого.

УДК 141.82:001.85

ISBN 978-617-8059-64-4.

ISBN 978-617-8059-66-8 (Ч.2)

© Юрий Мюпш, 2022

*Посвящается моему учителю и другу
Николаю Федоровичу Лесовому, а также
всем родным, близким и друзьям, благодаря
помощи, заботе и любви которых эта
книга была написана.*

**Философы лишь различным образом объясняли и изменяли
марксизм, но дело заключается в том, чтобы преодолеть его.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 9. КРИТИЧЕСКИ О КРИТИКЕ ПОЛИТЭКОНОМИИ МАРКСА</i>	7
Предварительные замечания.....	7
1. Кратко о методе и структуре экономической концепции Маркса в «Капитале».....	11
2. О благе, пользе, ценности и цене	24
3. О богатстве, цене и трудовой стоимости.....	31
4. Наемный труд и капитал.....	60
5. Об авансировании зарплаты и объяснении прибыли	67
6. О рабочем времени, товаре, обмене и деньгах	75
7. О заработной плате, цене и прибыли.....	83
8. О присвоении и собственности	100
9. Отношения распределения и производственные отношения	102
10. О производительном, непроизводительном труде и нематериальном производстве	111
11. О расширенном воспроизводстве, накоплении и проценте	122
12. О концентрации и централизации.....	127
13. О главном противоречии, неминувости кризисов капитализма и формах собственности.....	129
14. О возможности истории развития самой по себе экономики.....	136
15. Об экологии в период становления крупного машинного производства.....	138
16. О стоимости рабочей силы, длине рабочего дня и «жизненных средствах»	142
17. О традиции и о стоимости труда или рабочей силы	150
18. О продаже рабочей силы и зарплате.....	158
19. Основное условие капитализма и крупное машинное производство...	167
20. Воспроизводство с длительным оборотом капитала и необходимость денежного капитала. О кредите	174
21. О мотивах.....	185
22. О «естественной цене».....	186
23. Об издержках производства и производственных ценах	190

24. О различии между трудом и капиталом	196
25. О том, чего товар действительно стоит.....	197
26. О роли промышленной прибыли в межотраслевом регулировании прибыли.....	210
27. Основные трудности ТТС и ТПС, с точки зрения Маркса.....	212
28. О стоимости и «эквивалентном» обмене, спросе и предложении.....	224
29. О влиянии изменений в постоянном капитале на норму прибыли.....	240
30. О накоплении.....	252
31. О разрушении капитала и о кризисах	255
32. О взаимодействии спроса и предложения	261
33. О видимости, создаваемой конкуренцией	264
34. О законе понижения нормы прибыли.....	279
35. О пределах капиталистического производства.....	284
36. О капитале как товаре	290
37. К определению прибавочной стоимости и о деньгах как о капитале....	298
38. О цене денег.....	309
39. Об определении нормы процента.....	311
40. О действительном и недействительном (фиктивном) капитале.....	323
41. О ренте.....	327
42. О ренте и конкуренции капиталов.....	335
43. О главной манипуляции по подмене понятий в пояснениях Маркса к ТТС и ТПС.....	351
44. О прибавочной стоимости, комплементарных ценностях, чистом доходе и проценте.....	362
45. О «триединой формуле» доходов и анализе процесса производства	367
46. О капитале как руководителе труда и о вознаграждении за его труд ...	381
47. О классе производителей и управлении в обществе	385
48. О качественной границе для накопления капитала.....	388
49. Об экономии, использовании машин и сил природы	390
50. О необходимой иерархии в биосоциуме и о значении в ней рабочего класса.....	392
51. О необходимости всеобщего общественного труда	393
52. Об абсолютной и относительной величине нормального рабочего дня	398
53. Прогресс общества и положение рабочего.....	400
54. Маркс как экономист	405
55. О дополнениях к «Капиталу» Энгельса.....	407
56. «Капитал» Маркса и стадии эволюции капитализма	420
<i>Глава 10. КРИТИКА ЗАКОНА СТОИМОСТИ МАРКСА БЕМ-БАВЕРКОМ ....</i>	<i>426</i>
Предварительные замечания.....	426
1. Изначальные допущения Маркса и самые существенные черты хода его мыслей.....	427

---

2. О теории прибавочной стоимости	430
3. О норме прибавочной стоимости и о норме прибыли (противоречия между 1 и 3 томом «Капитала»)	433
4. О нарушениях закона трудовой стоимости	440
5. Аргументы «за» и «против» закона стоимости.....	442
6. О влиянии закона стоимости на цену.....	450
7. Абстрактный труд и различия в труде	455
8. Отклонение цен	457
9. Критика интерпретации Маркса В. Зомбартом	461
<i>Глава 11. МАРКСИСТЫ О ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ КАРЛА МАРКСА .....</i>	<i>463</i>
Предварительные замечания.....	463
1. «Проблема трансформации» глазами ортодоксального адепта Маркса	466
2. О двух видах критики закона стоимости Маркса, обозначенных марксистами	479
3. Значение теоремы Геделя в позиции «перестроечных» марксистов.....	487
<i>Глава 12. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ В СВЕТЕ КРИТИКИ БЕМ-БАВЕРКОМ, БЛАУГОМ И МЕГИЛЛОМ .....</i>	<i>498</i>
Предварительные замечания.....	498
1. Сущность теории эксплуатации у социалистов, по Бем-Баверку.....	498
2. Требования социалистов и возможность их удовлетворения	504
3. Возможность действительной эксплуатации рабочих	507
4. Карл Маркс об эксплуатации и об общественно-необходимом рабочем времени	509
5. Об эксплуатации как о необходимом социальном феномене	514
6. Замечания современных адептов Маркса к его теории эксплуатации.....	519
7. Итоговые, по М. Блаугу, критические замечания к теории прибавочной стоимости	528
8. Об обнищании рабочего класса у Маркса, по Блаугу	537
9. Смысл эксплуатации – рынок и справедливость.....	541
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	<i>Книга третья</i> 367

Глава 9.

КРИТИЧЕСКИ О КРИТИКЕ ПОЛИТЭКОНОМИИ МАРКСА

«...азы политической экономии, – труд, разделение труда, –
изрекать, наподобие оракула, суждения по таким вопросам, на
которых наше столетие ломает зубы»

(К. Маркс, т. 6, с. 198).

«Все законы, изложенные в классических трудах по политической экономии, строго непогрешимы только при предположении, что с торговли сняты всякие оковы, что конкуренция абсолютно свободна не только внутри какой-нибудь одной страны, но и во всем мире»; «закон, по которому минимальная заработная плата является естественной ценой товара – труда, будет претворяться в жизнь в такой же мере, в какой будет претворяться предпосылка Рикардо об осуществлении свободы торговли». «Итак выбирайте: либо вы должны опровергнуть всю политическую экономию в том виде в каком она существует в настоящее время, либо вы должны признать, что при свободе торговли рабочий класс испытывает на себе всю суровость законов политической экономии на себе»; «сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата»

(К. Маркс, т. 4, с. 265–267).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предваряя содержание глав, посвященных критике политэкономических взглядов Маркса и его друга, нам придется не только вновь коснуться т. н. «материалистического понимания истории», но и рационалистической позиции Маркса, как бы напоминая уже изложенное в начале седьмой главы. Иначе, по всей видимости, эта наша критика Маркса будет восприниматься как совсем чужеродное, искусственно и даже излишне привнесенное содержание в нашу книгу. Ранее уже высказывалось сожа-

ление о том, что в обсуждаемой нами книге Коряковцева и Вискунова отсутствует какая-либо политэкономическая часть, отчего вся их книга кажется явно неполной или неоправданно ограниченной в рассматриваемом материале учения Маркса.

Мы полагаем, что имманентные недостатки изначальных допущений и итоговых постулатов в сфере политэкономического исследования Маркса таятся и проистекают не только и не столько из излишней доверчивости к классической политической экономии (к ТТС), а прежде всего из некоего глубинного материалистического рационализма, собственной его изначальной парадигмы. Маркс был больше рационалист, чем эмпирик именно потому, что хотел прежде всего найти лежащие в основе экономической практики или реальности логические сущности, которые не могут быть обнаружены путем их простого выведения из эмпирических данных. Судя по всему, его интересовали не просто абстрактные логические сущности, «лежащие у основания» (как, например, кажется, у Гегеля) всякого экономического процесса, а выражаемые ими некие объективные фундаментальные материальные субстанции (при этом, о чем нужно тоже сказать, Маркс, конечно, не противопоставлял поиски логических сущностей результатам эмпирических исследований – стремился везде, где это возможно к добросовестному эмпирическому изучению). Именно в раскрытии свойств этих объектов, по всей видимости, классики усматривали возможную научность всякой теории.

Без сомнения, Маркс был убежден в том, что в экономическом мире существуют имманентная ему историческая логика или разум. Более того, он свято верил в целом позитивный экономический прогресс, который напрямую, по его мнению, зависел от степени его разумности. С его точки зрения, любые проявления неразумности в экономике вызывают как бы «нечто вроде возмездия» на практике, в исторической реальности. Перекос этой марксовой позиции очевиден: в экономическом процессе, конечно, существует своя имманентная логика или рациональность, но, и тем более, как и всякому процессу в реальности, ему имманентен абсурд, присутствуют спонтанность, эмоциональность, случайность, принципиальная неопределенность и сингулярность. Ведь всякий экономический процесс начинается с сингулярной интуиции или идеи, потребности и спрос всегда эмоциональны, во многом спонтанны, а нередко и вовсе иррациональны и нелепы. Результаты экономической, кажется возможной, рациональной проективности, планируемости и прогнозируемости, как правило, очень сомнительны. Что касается длительной перспективы, они вообще носят черты прин-

ципиальной неопределенности. Экономика адекватно или эффективно может быть структурирована лишь в той мере, в какой хоть как-то поняты или осознаны ее необходимо иррациональные рыночные элементы. Экономическая реальность такова, что даже гипотетическим абсолютным сознанием, совершенно принципиально она не может быть исчерпывающе понята, т. к. в ней все всегда в динамике (и потребности, и спрос, и технологии, и производительные силы, и производственные отношения, и степень пассионарности в социуме, и представления о ценностях и т. д.).

Может показаться, что экономика достаточно рационально структурирована и логична, но в действительности она никогда не в силах быть рациональной и/или разумной исчерпывающе... Экономическая целесообразность образует собой некие редкие островки-поплавки в естественной стихии рыночного моря иррациональности. Вне всякого сомнения, натурализм и рационализм Маркса в принципе не в силах был исчерпывающе понять весь тогдашний исторический горизонт экономических событий уже только потому, что он всегда выносил за скобки их источник – иррациональную мотивацию и оценку. Вообще, те или иные экономика или способ производства в целом не могут быть совершенно полностью поняты (особенно в контексте естествознания), они лишь могут быть как-то интерпретированы. На самом деле мы, как правило, не имеем утверждений, обладающих всеобщей валидностью в сфере экономики и, конечно же, не имеем способности во всех случаях дать абсолютно точный экономический прогноз. Таким образом, в реальности не существует исчерпывающего рационального знания всей полностью экономической сферы жизнедеятельности биосоциума.

Примечание. Энгельс полагал, что они с Марксом «изображали», а раз «всякое подлинное изображение, ..., есть в то же время объяснение предмета, – мы изображаем экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказываем строго экономически, что это их развитие есть в то же время развитие элементов социальной революции» (*т. 18, с. 269*).

Вероятно, здесь будет уместно повторить или напомнить, что у классиков, по словам Энгельса, их «Материалистическое понимание истории исходит из того сложения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не

в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (т. 20, с. 278).

Уже только поэтому мы не имеем права просто проигнорировать ложные марксовы политэкономические постулаты, как это сделали Коряковцев и Вискунов. Нельзя не заметить и здесь акцент на «пробуждающемся понимании», актуально существующих неких «неразумности и несправедливости» в общественных установлениях, которые следует как бы побыстрее исправить: «Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что “разумное стало бессмысленным, благо стало мучением”, – является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям» (Энгельс, т. 20, с. 278).

Удивительно, но при этом они были явно избыточно уверены, что «Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо – в более или менее развитом виде – в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не изобретать эти средства из головы, а открывать их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» (Энгельс, т. 19, с. 210 или т. 20, с. 278). Ведь далеко не факт, что предполагаемые «средства для устранения обнаруженных зол» обязательно, в каждом из случаев или во всех обстоятельствах, вообще существуют или даже могут существовать.

В дополнение к сказанному нужно лишь еще раз подчеркнуть, что в данной работе мы ни в коем случае не претендуем на особую оригинальную интерпретацию политэкономических теоретических положений и уж, тем более, на новаторское фундаментальное политэкономическое исследование. В этой книге предпринята попытка лишь краткой критики основных положений политэкономической позиции Маркса, требуемой контекстом этой работы. Естественно, нами прилагались усилия не столько для того, чтобы найти собственное положительное решение той или иной политэкономической проблемы, сколько для того, чтобы сформулировать обоснованные вполне корректные критические возражения. При этом, говоря словами Израиля Григорьевича Блюмина, конечно, уже изначально нам было вполне понятно и «ясно, что в настоящей работе имеется много пробелов и спорных положений» (И. Г. Блюмин, «Субъективная школа в политической экономии», т. 1, 1928 г., с. 9).

§ 1. КРАТКО О МЕТОДЕ И СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРКСА В «КАПИТАЛЕ»

«Только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку» (*К. Маркс, т. 32, с. 145*).

«– Собственно, диалектика, – сказал Гегель, – не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время – великий дар, поскольку он дает возможность отличить истинное от ложного.

– К сожалению, – заметил Гете, – эти умственные выверты нередко используются для того, чтобы ложное выдать за истинное, а истинное – за ложное» (*И. П. Эккерман, «Разговоры с Гете»*).

По мнению Маркса, «“свободное движение в материале” есть не что иное, как парафраз определенного метода изучения материала – именно диалектического метода» (*т. 32, с. 572*). Однако, как нам уже известно, диалектика, к сожалению, не дает возможности отличить (различать) истинное от ложного, особенно в эмпирическом материале. Вероятно, поэтому в другом месте Маркс все-таки уточняет, что тот, кто, «намерен изложить политическую экономию по-гегелевски... к своему огорчению, увидит, что одно дело – путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело – применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» (*т. 29, с. 224*).

Маркс, обращая внимание на преодоление, как ему кажется, идеалистического момента в диалектическом методе Гегеля, разъясняет основные свои политэкономические постулаты в сфере трудовой стоимости, следующим образом: «Прежде всего я исхожу не из “понятий”, стало быть также не из “понятия стоимости”, и потому не имею никакой нужды в “разделении” последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это – “товар”. Я анализирую последний, и притом сначала в той форме, в которой он проявляется. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть предмет потребления, или потребительная стоимость, а с другой стороны, носитель меновой стоимости, и с этой точки зрения он сам – “менная стоимость”. Дальнейший анализ последней показывает мне, что меновая стоимость есть лишь “форма проявления”, самостоятельная форма представления содержащейся в товаре стоимости, и тогда я перехожу к анализу последней. Поэтому я ясно пишу на

стр. 36 второго издания: “Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления и “стоимость”. Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости» и т. д. (*т. 23, с. 70*). «Стало быть, не я подразделяю стоимость на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция “стоимости”, – а конкретная общественная форма продукта труда, “товар”, есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны – “стоимость”, – а не меновая стоимость, так как одна только форма проявления не составляет ее собственного содержания» (*т. 19, с. 383–384*). Во-вторых, Маркс, отвергая обвинения в том, что «потребительная стоимость не играет у него никакой роли», поясняет: «Она, разумеется, не играет роли своей противоположности, “стоимости”, которая с первой не имеет ничего общего, кроме слова “стоимость”, которое фигурирует в названии “потребительная стоимость”. С таким же основанием» можно было бы «сказать, что “меновая стоимость” отодвигается мной в сторону, так как она лишь форма проявления стоимости, а не сама “стоимость”, ибо для меня “стоимость” товара не есть ни ее потребительная, ни ее меновая стоимость» (*т. 19, с. 384*).

Далее Маркс поясняет (и сразу как бы совершает неожиданный прыжок от двойной формы стоимости к представлению о двояком характере труда, якобы создающего эту стоимость), что «уже при анализе товара я не ограничиваюсь рассмотрением двойственной формы, в которой он представляется, но сейчас же перехожу к тому, что в этом двойственном бытии товара представляется двоякий характер труда, продуктом которого он является: полезного труда, т. е. конкретных видов труда, создающих потребительные стоимости, и абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, – безразлично, каким “полезным” способом она затрачивается (на этом в дальнейшем покоится изображение процесса производства); что в развитии стоимостной формы товара, в последнем счете ее денежной формы, т. е. денег, стоимость одного товара представляется в потребительной стоимости другого, т. е. в натуральной форме другого товара; что сама прибавочная стоимость выводится из “специфической” потребительной стоимости рабочей силы, присущей исключительно последней и т. д. и т. д., что, стало быть, у меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии, но – и это надо заметить – она принимается во внимание

всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов “потребительная стоимость” и “стоимость”» (т. 19, с. 385–386). Таким образом, фундаментальное значение труда в образовании стоимости, а в данном контексте точнее сказать – ценности, Марксом изначально подразумевается, как само собой разумеющееся.

В 1879–1880 г. Маркс так довольно самоуверенно отзывается о своем методе: «мой метод анализа, исходным пунктом которого является не человек, а данный общественно-экономический период, не имеет ничего общего с немецко-профессорским методом соединения понятий (“словами диспуты ведутся, из слов системы создаются” Гете)» (Маркс, т. 19, с. 386).

Примечание. Энгельс в августе 1859 г. поясняет причину и место диалектики в методе Маркса следующим образом: «Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана хотя бы одна попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляции простейшими приемами, которые она применяла всюду и везде, и к тому же часто до смешного неуклюже» (т. 13, с. 495). «Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII века и имеет перед последним большей частью только то преимущество, что располагает более богатым, естественно-научным, в особенности химическим и физиологическим материалом». «Таким образом, тут надо было решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следует избрать? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в совершенно абстрактном, “спекулятивном” виде, в каком ее оставил после себя Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по преимуществу вольфовски-метафизический Метод, следуя которому буржуазные экономисты и писали свои бессвязные толстые книги. Этот последний настолько был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем, что только косность и отсутствие другого простого метода могли сделать возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в данной его форме был абсолютно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистическим, чем все прежние» (т. 13, с. 496). «Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, “от ничего через ничто пришел к ничему”, был в этом виде здесь совершенно неуместен. Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было по крайней мере использовать. Этот метод не подвергался критике, он не был опровергнут, никто из противников великого диалектика не смог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что геге-

левская школа не знала, что с ним делать. Поэтому надо было прежде всего подвергнуть гегелевский метод основательной критике... Гегелевский способ мышления отличался от способа мышления всех других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последнее, собственно, должно было служить только подтверждением первого... Это составившее эпоху понимание истории было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода... Если эта забытая диалектика, даже с точки зрения “чистого мышления”, привела к таким результатам, если она к тому же, как бы играючи, покончила со всей прежней логикой и метафизикой, то, значит, в ней во всяком случае было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения. Но критика этого метода была нелегкой задачей; вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее» (т. 13, с. 497). «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономики, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» (т. 13, с. 497–498).

Однако трудно не согласиться с Бем-Баверком, который говорит о методе Маркса в «Капитале»: «он обратился к логически-диалектической спекуляции, которая так соответствовала его умственному складу. Он знал, что он хочет и что он должен вывести, и он до тех пор с поразительной ловкостью мастерил и подгонял покорные определения и послышки, пока заранее известный вывод действительно не выступил во внешне приличной форме силлогизма». А вот в этом – следующем – утверждении Бем-Баверк, кажется, все-таки не совсем точен или корректен: «Едва ли когда-нибудь, такой мощный ум, каким был Маркс, давал бы образец столь тяжелой, столь постоянно и явно фальшивой логики, чем это сделал Маркс в систематическом обосновании своего основного положения» (что стоимости различных товаров относятся как рабочее время, необходимое для их производства). На ум приходит сразу великий Гегель со своей «абсолютной» системой. Где Маркс может придерживаться правильной логики, это у него получается супермастерски. Читая Маркса (особенно если много), начинаешь достаточно быстро сживаться с миром его идей и, конечно, доверять ходу их развития: они действи-

тельно совершенно превосходно вытекают одна из другой и прекрасно укладываются в одно целое.

По Марксу, структура экономической теории, сама последовательность категорий определяется «тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе. Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества» (*т. 46, ч. 1, с. 44–45*). В каком смысле эта последовательность отражает историю? Ведь «история эта ежедневно разыгрывается на наших глазах». Причем речь идет не только о последовательности категорий, но и об их внутреннем содержании. Содержание этих логических категорий не есть нечто застывшее, оно глубоко исторично, даже когда речь идет о самых абстрактных (т. е. неразвитых, бедных и в этом смысле «простых») понятиях. Маркс утверждает: «Только с развитием капитала впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные относительно товара, например о том, что стоимость товара определяется содержащимся в нем общественно-необходимым временем. Здесь обнаруживается то, каким образом категории, даже принадлежащие прежним эпохам, приобретают исторический характер» (*т. 47, с. 345*); «наемный труд – это и есть уже существующая буржуазная организация труда. Без него нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества» (*т. 7, с. 16*).

Примечание. Здесь предварительно следует сразу заметить, что стоимость товара, которая якобы определяется лишь одним «содержащимся в нем общественно-необходимым временем», вряд ли вообще может кого-то как-то интересовать на практике, т. к. она никаким образом не проявляется в эмпирической реальности – всех всегда интересует лишь рыночная цена всякого вопроса и товара, формирование которой зависит от множества факторов ценообразования. Решающим фактором ценообразования, на который обоснованно указывает Бем-Баверк, как правило, является процент, который проявляется исторически как имманентное свойство любого рыночного хозяйства. Далее, если даже согласиться с тем, что без наемного труда нет буржуазии, все равно бесспорно то, что капитал имманентен и необходим абсолютно любой экономике. Поэтому и очевидно, что не обязательно только наемный труд его образует.

Итак, по Марксу выходит, что «логическое» отнюдь не противоречит «историческому», скорее они тождественны друг другу. Конечно, с точки зрения Гегеля, сказанное совершенно верно. Правда, у Гегеля историческое является лишь внутренним моментом логического, а у Маркса логическое уже и само имеет исторически обусловленную конкретную форму. Иными словами, само логическое (или теоретическое) исследование есть не только «продукт мыслящей головы», но и продукт исторической «головой», осмысливающей вполне определенную эпоху.

Переходы от простой формы стоимости к развернутой и далее ко всеобщей и подавно не имели у Маркса никакой «исторической привязки». Но по мнению Бакхауза, Маркс со временем все больше и больше склонялся к отождествлению диалектического («логического») перехода от товара к деньгам с процессом развития товарообмена, начиная с древнейших времен, т. е. с «историческим». Тем самым Маркс как бы признал невозможность раскрытия внутренней диалектики товарно-денежных отношений в капиталистическом обществе без обращения к их истории (точнее предыстории), т. е. «историзировал» свой логический метод. По Марксу, именно деньги являются высшим проявлением противоречия между относительной формой стоимости и эквивалентной формой, а деньги – это вообще якобы лишь специфическое производственное отношение. Это очевидное извращение именно рыночной сущности денег и игнорирование позитивного фундаментального значения рынка, без сомнения, крайне отрицательно сказалось на всем экономическом учении Маркса.

Примечание. Очевидно, категории политической экономии всегда рискуют утратить связь с действительностью и превратиться в некие лишь умозрительные понятия. Важно здесь еще раз повториться и заметить, что вообще более чем сомнительна всякая возможность построения научной теории, основывающейся на принципах диалектики.

С некоторой точки зрения, интересным нюансом является то, что в основе т. н. «экономической теории» Маркса находится все-таки не «единая» диалектика, а различные выражения диалектического развития в различных работах и даже в различных изданиях «Капитала». Этот взгляд на методологию Маркса отстаивает Герхард Гелер в своей работе «Редукция диалектики Маркса: Изменение структуры диалектического развития в критике политической экономии».

С его точки зрения, в работе «К критике политической экономии» последовательность изложения определяется объективной диалектикой, тогда как в «Капитале» господствует субъективная диалектика. «При такой редукции, последовательность категорий... уже не обосновывается больше, в первую очередь отчетливо выраженным развитием противоречий; она больше не является следствием непосредственного превращения противоречий самого предмета в теоретическое выражение этих противоречий. Она обосновывается просто эмпирически или исторически» (Гелер). Таким образом, получается, что «редуцированная диалектика» – это диалектика, только без противоречий в качестве движущей силы развития, т. е. это и не диалектика вовсе. Было ли это случайностью или ошибкой? Нет, – отвечает Гелер. Причины более глубоки:

«в самом предмете заключаются основания, которые делают понятной редуцию эмфатической диалектики – дело в том, что она в движении от товара к деньгам в критике порождает больше проблем, нежели в состоянии разрешить. В том виде, в каком Маркс представлял себе структуру диалектики, она, очевидно, неосуществима. С другой стороны редуцированная диалектика в “Капитале” хотя и позволяет подойти к разрешению некоторых трудностей диалектического развития в “К критике...” все же сохраняет ряд проблем и создает новые трудности» (Гелер). Иными словами, отход Маркса от подлинного диалектического рассмотрения предмета – это проявление принципиальной невозможности построения последовательно диалектической системы категорий буржуазного способа производства (этот важнейший фундаментальный вывод верен, как уже нами неоднократно отмечалось, по отношению к исследованию любого эмпирического материала). Гелер верно замечает, что непосредственное начало исследования товара у Маркса, вообще говоря, никакой диалектики в себе не содержит, поскольку здесь мы имеем дело с элементарным анализом.

Примечание. «Изменение характера диалектического развития» в тексте Маркса, следует связывать, – считает Гелер, – с выделением анализа формы стоимости в особый раздел. «Уже в “К критике...” вся последовательность форм стоимости, явно не интегрируется в развитие определений процесса обмена; в данной работе у Маркса лишь, ... в отличие от более поздних редакций, на первом плане диалектического развития находится процесс обмена» в целом, тогда как в “Капитале” форма стоимости трактуется вне и независимо от исследований процесса обмена, причем центр тяжести выведения денег из товара переносится на анализ формы стоимости». Маркс, в противоположность Гелеру, подчеркивал, что «меновая стоимость может существовать только как абстрактное одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого» (*т. 46, ч. 1, с. 38*), всецело обусловленное этим конкретным целым, хотя последнее до поры до времени и не познано, не обнаруживается явным образом. Т. е. целое выполняет свою «системообразующую функцию» независимо от того, познано оно или нет, что соответствует марксовому пониманию соотношения реального и идеального. «Расщепление» содержания процесса обмена на «структуру» формы стоимости и «структуру» собственно процесса обмена приводит, по мнению Гелера, к изменению характера (а потому и роли в системе) противоречий. Если для исходной структуры процесса обмена в первом выпуске «К критике...» характерна такая форма противоречия, где взаимно перекрещиваются синтаксические положения относящихся друг к другу слов или частей речи, то в «Капитале» доминируют уже популярные противоречия типа: потребительная стоимость – меновая стоимость, товар – деньги, относительная форма стоимости – эквивалентная форма. Однако полярное противоречие, считает Гелер, не может выполнять системообразующую

функцию, ибо «непосредственные определения полярности формы стоимости, а потому и определение последовательности выведения категорий логически непротиворечивы». Но с другой стороны, если бы форма теоретического отображения внутренне противоречивого предмета была адекватна этому предмету, то и сама теоретическая система должна была бы быть внутренне противоречивой, стало быть, логически противоречивой (сравните с Нильсом Бором). Эпигоны полагают, что в этих своих рассуждениях он подменяет противоречия диалитической логики противоречиями формальнологическими.

По всей видимости, формальная логика и диалектика «Капитала» несводимы друг к другу. Если это все-таки так, то возникают два вопроса.

1. Должно ли любое внутреннее противоречие предмета познания с необходимостью проявляться в противоречии структуры диалектической логики?

(Если ответ на первый вопрос будет утвердительный, потребуется доказать еще и изложенное во втором пункте).

2. Должно ли это противоречие диалектической логики заявить о себе в виде формальнологического противоречия? Вообще, в какой мере может быть оправданным противопоставление как бы «внутренней» диалектики предмета системе суждений об этом предмете, построенной в соответствии с законами формальной логики?

(Этот феноменологический вопрос имеет признаки неразрешимости несмотря на то, что, согласно Гегелю, диалектическая логика в конечном итоге необходимо поглощает или преодолевает формальную. По всей видимости, каждая из логик имеет все-таки свою собственную как бы имманентную сферу. С одной стороны, кажется, что противоречие предмета непременно должно обнаружить себя как формально-логическое противоречие. С другой стороны, вполне справедливо возражают этим утверждениям, что в таком случае было бы невозможно всякое познание вообще, всякое суждение о предмете. Т. е. и объективная действительность, и мышление «управляются» все-таки собственными законами, между которыми нет необходимой всеобщей связи. А это известный, вполне, как представляется, оправданный путь к «вещи в себе».

Более или менее адекватное рассмотрение этих проблем, кажется, просто невозможно без их сопоставления с принципом «дополнительности» Нильса Бора и/или принципом «неопределенности» Вернера Гейзенберга.

Таким образом, как бы получается, что даже если и предположить наличие некоего внутреннего противоречия, то оно отнюдь не обязательно должно выражаться в противоречии формально-логическом.

Примечание. Апологеты-марксисты обращают внимание на то, что структуру товарного отношения (противоречие товара) образуют два уровня:

феноменальный и сущностный. Внутреннее или сущностное противоречие – между потребительной стоимостью и стоимостью товара – проявляется во внешнем противоречии между относительной формой стоимости и эквивалентной формой, между стоимостью одного товара и являющейся ее «зеркалом» потребительской стоимостью другого товара.

По мнению некоторых марксистов-схоластов, речь у Маркса обычно идет о «субъективной» диалектике, в основе которой – диалектика самого предмета. Возникает вопрос о том, есть ли какая-либо закономерность в определенном сочетании «объективной» и «субъективной» диалектики в «Капитале», или же речь идет о чисто субъективном выборе Марксом тех или иных приемов исследования? Апологеты-эпигоны, естественно, утверждают, что такая закономерность есть, так что дело здесь отнюдь не в «отказе» Маркса от подлинной диалектики. Просто надо не забывать, что сущность не лежит на поверхности явлений, к ней еще надо «пробиться». Отсюда – сосуществование двух видов диалектики в «Капитале» (с присущим каждому из них статусом противоречия и соотношения внутренних противоречий предмета и их отражения в логике изложения). Таким образом, получается, что сочетание «объективной» и «субъективной» диалектики в данной интерпретации даже принципиально необходимо.

Тем не менее, несмотря на всю кажущуюся убедительность этой позиции, нельзя с уверенностью констатировать, что тезис Гелера о редукции диалектики у Маркса ничем не оправдан.

Итак, сами апологеты-марксисты констатировали две ключевые внутренние проблемы метода «Капитала», которые действительно могут быть дискуссионными (если это кому-то на самом деле может быть еще интересно):

- 1) проблема исторического и логического;
- 2) содержание исходного пункта диалектической системы категорий.

Вопрос о единстве и различии «субъективной» и «объективной» диалектики эпигоны-марксисты не рассматривают уж слишком проблемным. Они полагают, что «субъективная» диалектика есть совокупность диалектических закономерностей самого процесса познания, что в данной сфере действуют специфические законы, в которые вообще не включены характеристики, фигурирующие в формулировках общих законов диалектики. Таковы законы переходов от относительной истины к абсолютной, движения от конкретного к абстрактному и последующего восхождения от абстрактного к конкретному, «оборачивание» в методе. Кроме того, исходя из того, что в гегелев-

ской логике отсутствует характеристика форм явления, детальный логический анализ форм явления, по мнению апологетов-марксистов, составляет одну из величайших заслуг Маркса в области логики. В данном их утверждении не может не умилять то, как много решающим образом зависит от точки зрения!

Примечание. По мнению ревизиониста Уно, «трудовая теория стоимости должна быть обоснована в контексте процесса производства капитала, а не в контексте обмена товаров». Неомарксист В. Ф. Хауг верно заметил: «Первое, что спонтанно возникает в головах многих левых студентов, – идея о том, что научно-материалистическая и радикальная постановка вопроса требует, конечно, начинать не со сферы обращения, а с производства... только тот, кто начинает производство – последовательный материалист». Но «для того, чтобы перейти от рассмотрения процесса труда к рассмотрению процесса увеличения стоимости... необходимо, очевидно, уже представлять себе, что такое стоимость».

Первоначально Маркс шел от общих представлений об исходном понятии учения, сложившихся у него прежде всего под влиянием материалистического понимания истории (примат производства общественной жизни), ко все более четкому его определению и обоснованию. Сначала он отмежевался от изолированного рассмотрения производства от других сфер экономической жизни общества. Далее он обратил внимание на специфический исторический характер категорий «производство вообще», «труд вообще». Выяснилось, что такая, казалось бы, простейшая абстракция, как труд вообще, может быть верно понята лишь в контексте исследования экономического строя современного общества. Маркс формулирует важный вывод: «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они – именно благодаря своей абстрактности – имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий в их пределах» (*т. 46, с. 42; т. 29, с. 254–257*).

Как показать отличие в понимании простейших абстракций, не предвосхищая всего дальнейшего изложения? Как же осуществить диалектический, а не чисто формальный в духе традиционной («обычной») науки переход от этих простейших абстракций к дальнейшим, более развитым категориям, характеризующим капитал как «исходный... и конечный пункт» теоретической системы?

Из изложенного складывается впечатление, что перед Марксом стояло три параллельных задачи (которые он, собственно, сам перед собой поставил) при написании *Капитала*:

1) итогом исследования должна быть научно обоснована порочность и конечность капитализма (основной момент – эксплуатация человека человеком, т. е. теория прибавочной стоимости);

2) систематизация всего имеющегося эмпирического материала вокруг поставленных основных задач, формирование соответствующей терминологии;

3) формирование понятий и категорий в соответствии с систематизированным эмпирическим материалом (по поводу действительных экономических процессов), обязательно в соответствии с требованиями изначальной диалектической идеализированной модели.

Как представляется, в понимании Маркса, если опытный эмпирический материал удастся «загнать» и/или осознать в системе диалектического движения понятий и категорий, то в этом случае любая теория получит абсолютное «каноническое» обоснование и оправдание. Ведь «истинное познание предмета должно быть таким, чтобы он сам определял себя из самого себя, а не получал свои продукты извне» (Гегель).

Говоря о собственном методе, Маркс отмечал, что он ориентирован прежде всего на выявление тех теоретических категорий, которые одновременно и всеобщие, и конкретны. Но для того чтобы обнаружить такие конкретно-всеобщие категории, нужно проникнуть в сущность большей общности – системы или структуры, внутри которой эти категории располагаются. Таким образом, нельзя получить конкретную всеобщую категорию до тех пор, пока мы не поймем, что она есть часть, находящаяся в определенных отношениях с системой вообще. Если мы хотим схватить сущности, то мы должны помыслить системы, в которых эти сущности располагаются как целое или как тотальности выше или ниже уровнем в зависимости от их базовых характеристик. Эти сущности, следовательно, не выводимы индуктивным путем из неких частных (сравните Дж. Милль).

Конечно, метод Маркса не является позитивистским, более того, он ему прямо противоположен, если иметь в виду три базовых принципа позитивистской научности:

1) только те вещи, которые мы можем наблюдать (феномены), релевантны научному знанию, т. е. первая задача ученого – собирать информацию с помощью наблюдения фактов, имеющих отношение к решаемой задаче;

2) выстраивание полученных фактов в правильном порядке, чтобы они коррелировали друг с другом;

3) чем больше исследования напоминают изыскания в области физики, тем более, они научные; результаты исследований должны быть сформу-

лированы в форме общих законов, выведенных индуктивным путем из частных фактов.

Изначально Маркс был человеком и ученым, мыслящим глубоко дуалистично, что само по себе уже его предрасполагало к диалектическому методу Гегеля. Прежде всего он стремился к постижению внутренней природы вещей и лишь затем предполагал исследование феноменов. Кроме того, Маркс всегда стремился представить существующий порядок вещей (например социально-экономический) как некую тотальность, унифицированное целое...

Примечание. Поэтому и получается, что он использовал принцип методологического холизма в анализе некой единой сущности, отличной от механического соединения составляющих ее элементов.

Сформулированный Марксом метод, которому он старался следовать, не был методом в истинном смысле этого слова, т. к. он не помогал минимизировать риск ошибок в проводимом анализе, а наоборот. Мегилл прав, когда говорит, что «о методе Маркса лучше говорить вовсе не как о методе, а как о методологическом подходе, как об установленной заранее интерпретативной перспективе. Подход Маркса “всегда уже” содержит в себе определенные допущения». Абстрактный характер подхода, сфокусированного на процессе отыскания сущности, дал Марксу удобную возможность вновь и вновь сохранять и, диалектически «жонглируя» понятиями, обосновывать заранее намеченные им выводы исследования. Бем-Баверк совершенно правильно писал, что у Маркса «система движется в одном направлении, а факты – в другом». Метод Маркса слишком далеко разводит друг от друга процедуру проверки сформулированных в ходе исследования тезисов и само исследование, что может привести и приводит к самообману и путанице. Хотя, конечно же, в любом случае нас не может не восхищать способность Маркса концептуализировать полученные результаты и держать в поле зрения огромное количество деталей, нюансов и подробностей проводимого исследования.

Маркса действительно не интересуют мотивы, определяющие деятельность отдельных хозяйственных субъектов, но он ищет объективные факторы, «экономические условия», «не зависящие от воли (часто и от сознания) отдельного лица». Он хочет выяснить, «что происходит за спиной отдельного лица силой не зависящих от него отношений» (Бем-Баверк).

Примечание. Со своей стороны по этому поводу Бем-Баверк подчеркивает, что он вел с Марксом борьбу не из-за выбора его метода, но ввиду сделанных им ошибок при применении избранного им метода.

Однако нельзя ожидать закономерности в действиях без закономерности в мотивах, с другой стороны, мы можем постигать объективные зако-

номерности в человеческих действиях и индуктивно их устанавливать, не зная и не понимая хода их мотиваций. «Нет закономерных действий без закономерной мотивации. Но возможно знание закономерных действий без знаний соответствующей мотивации», – говорит Бем-Баверк. Открытие объективных связей имеет бесспорную познавательную ценность. Но по мнению Бем-Баверка при этом должны быть сделаны некоторые ограничения:

1) познание подобных объективных связей без познания субъективных промежуточных звеньев, которые опосредствуют причинную цепь, конечно, еще не означает наивысшей степени познания, полное познание может быть достигнуто только познанием всех внешних и внутренних связей;

2) как раз в области хозяйства, где мы преимущественно имеем дело с сознательными, рассчитанными людскими поступками, объективный источник познания в лучшем случае может содействовать вообще достижимому познанию лишь в очень незначительной и притом, взятый сам по себе, в совершенно недостаточной части;

3) кроме того, если и применяется объективный метод, то следует применять его правильно, но Маркс этого не делает.

Свое основное положение (один труд управляет меновыми отношениями) Маркс, по словам Бем-Баверка, производит на свет как некий искусственный, изощренный и уродливый плод диалектики. Бем-Баверк считает, что никогда еще в истории науки не встречалось более произвольного и чуждого фактам положения. Говоря о методе Маркса, следует сразу задаться весьма важным принципиальным вопросом: может ли его метод дать нужную количественную определенность хотя бы основным экономическим явлениям при помощи мыслительного или абстрактного вспомогательного средства – понятия стоимости?

О. Бем-Баверк совершенно верно оценивает и довольно точно определяет место теории Маркса: «Маркс займет прочное место в истории социальных наук по тем же основаниям и при том же смещении положительных и отрицательных заслуг, как и его прообраз – Гегель. Оба были гениальными мыслителями. Оба, каждый в своей области, приобрели огромное влияние на мысли и чувства целых поколений, почти можно сказать, – на самый дух времени. Их своеобразное теоретическое творчество представляло собой в высшей степени искусно задуманный, с бесчисленными этажами мыслей, возведенными при помощи сказочной силы к комбинированию, удерживаемый при помощи достойной всякого удивления силы мысли, но – картонный дом» (*«Критика теории Маркса»*, с. 130).

§ 2. О БЛАГЕ, ПОЛЬЗЕ, ЦЕННОСТИ И ЦЕНЕ

- «Ценностью называется степень способности данной вещи содействовать достижению человеческих целей» (К. Рау).
- «Хозяйственная ценность материального блага есть то значение, которое имеет оно для целесознательной деятельности хозяйствующего человека» (В. Рошер).
- «Ценность есть мера власти природы над человеком» (Г. Кэри).
- «Ценность есть отношение двух обмениваемых услуг» (Ф. Бастиа).
- «Ценность – это отвердевшее рабочее время» (К. Маркс).
- «Ценность представляет собой результат своеобразного отношения между объектом и субъектом» (О. Бем-Баверк).
- «Ценность не является внутренне присущей, она не находится внутри предмета. Ценность в нас. Она суть способ, которым человек реагирует на окружающие его обстоятельства» (Л. Мизес).
- «Никакого единого понятия ценности не существует» (О. Бем-Баверк).
- «На ценность нужно смотреть как на центр, около которого вращается и движется весь механизм нашего хозяйства» (Д. Нейманн).

С самого начала важно осознать, что и период производства, и срок службы являются категориями человеческой деятельности. Мизес верно заметил, что «В человеческой деятельности не имеет значения ничего, кроме желания индивидов достичь своих целей. По отношению к выбору этих целей вопрос об истине не стоит, имеет значение только ценность» («Человеческая деятельность» с. 302). Вполне естественно, что все ценностные суждения по необходимости всегда субъективны. Тем не менее, экономическая теория вполне оправданно рассматривает практически все факты с точки зрения ценности. Ведь ценность является той формой, которая позволяет хоть как-то сопоставлять и измерять экономические понятия (цена, спрос, полезность и др.). Не удивительно, что от того, как трактуют данное понятие, зависит понимание политической экономии и/или экономической науки в целом.

Примечание. По поводу ценности Мизес в своей «Человеческой деятельности» говорит: «Любое исследование конечных целей оказывается чисто субъективным и потому произвольным». «Ценность это важность, которую деятельный человек приписывает конечным целям. Только конечным целям присваивается первичная и подлинная ценность» (с. 75). При этом «важно понять, что и период производства, и срок службы являются категориями человеческой деятельности» (с. 364).

По-видимому, Маркс совершенно не различал поведение, которое определяется состоянием цен с точки зрения индивидуумов, и ценами,

которые определяются поведением агентов (актеров) на рынке. Очевидно, что всякая теория цен должна начинаться с объяснения осуществляемого оценивания товаров предпринимателями и в домашних хозяйствах, которые сталкиваются на рынке уже с данными ценами и приспособливают величину спроса и предложения к собственным показателям. Индивиды поступают в соответствии со своими представлениями, однако цены, несмотря на это, устанавливаются объективно в результате взаимодействия многочисленных индивидуальных поступков. Если бы агенты в этом процессе вполне осознавали бы последствия своих действий, экономическая теория, кажется, могла бы даже стать частью психоанализа. Но вероятнее всего, дать анализ совершенно объективного результата чисто субъективных действий и реакций в принципе невозможно (здесь можно заметить аналогию с проблемой свободы выбора, случайности в детерминированной системе).

Как это ни удивительно, но Маркс полагал «поверхностным проявлением товарного фетишизма» желание приподнять покров объективной детерминированности с целью распознать исходную субъективную мотивацию, от которых берет начало весь экономический процесс. Здесь, без сомнения, был «вульгарен» сам Маркс, т. к. нет никакого «товарного фетишизма» в том, как именно группируемы экономические агенты (актеры), как предприниматели и домашние хозяева или как рабочие, капиталисты и землевладельцы.

* * *

Перед тем как осуществить критическое описание и, так сказать, экспликацию главных политэкономических постулатов Маркса, мы вынуждены привести имеющиеся основные положения альтернативной позиции, выраженные одним из классиков теории экономики – Бем-Баверком (вероятно, главным оппонентом или критиком экономического учения Маркса) прежде всего в его работе «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886 г.).

Трудно не согласиться с Бем-Баверком в том, что «Величина пользы, приносимой человеку материальными благами, действительно и повсюду является вместе с тем и мерой ценности материальных благ» («Основы теории ценности хозяйственных благ» с. 77). Таким образом, по Бем-Баверку, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи», а «истинная предельная польза и истинная ценность вещи определяются всегда именно наименьшей пользой, которую прямым или непрямым путем может принести эта вещь» (там же, с. 100–101). В итоге сохранение жизни как основного богатства и условия всех остальных богатств «оказывается вместе с тем и край-

ней, предельной пользой» (*там же*, с. 87). Бем-Баверк, конечно, глубоко прав и в том, что «Абстрактной родовой ценности не существует, если только под ценностью разуместь действительное значение вещей для человека; всякая ценность, какая только существует, является ценностью конкретной» (*там же*, с. 73). Вполне уместно замечает он и то, что «Для образования ценности необходимо, чтобы с полезностью соединялась редкость – редкость не абсолютная, а лишь относительная, т. е. по сравнению с размерами существующей потребности в вещах данного рода» (*там же*, с. 67). «Ценность предполагает именно ограниченность количества вещей, отсутствие ценности предполагает избыток их, и притом, ..., избыток настолько значительный, чтобы можно было возместить потерю хотя бы только самих оцениваемых экземпляров, не превращая изобилия в недостаток» (*там же*, с. 69).

Примечание. Конечно, «не подлежит ни малейшему сомнению, что два совершенно одинаковых материальных блага, поставленных в совершенно одинаковые условия, должны обладать и совершенно одинаковой ценностью» (Бем-Баверк, «Основы теории ценности хозяйственных благ» с. 85). Но возможны ли в реальности «совершенно одинаковые материальные блага», «совершенно одинаковые условия» и «совершенно одинаковые ценности»? Ведь «для различных индивидуумов и даже для одного и того же индивидуума в разные времена шкала потребностей будет получать весьма неодинаковый вид» (*там же*, с. 78). Бем-Баверк с уверенностью утверждает, что хотя «количественные определения отнюдь не могут считаться безошибочными» (несмотря даже на то, что «очень даже часто они оказываются совсем неверными»), несомненным фактом является то, что «люди на практике постоянно прибегают к таким количественным определениям», а «величина ценности материальных благ определяется величиной выгоды, какую человек получает от них» (*там же*, с. 115).

От возможности быстро изготовить / изыскать взамен утраченного новый экземпляр требуемой вещи и от степени ее редкости «зависит, до какого именно пункта предельная польза действительно поднимается в конкретных случаях» (*там же*, с. 102).

Примечание. «Этого рода усложнения также имеют для теории ценности огромную важность: они дают нам ключ, при помощи которого мы можем объяснить влияние издержек производства на ценность материальных благ» (*там же*, с. 101).

Вероятнее всего, действительно есть какой-то «один общий источник, глубоко коренящийся в человеческой психике», из которого и «нужно действительно выводить все явления ценности» (*там же*, с. 109). При этом принципиально важно то, что «отношения между потребностями и средствами их удовлетворения бывают чрезвычайно неодинаковы в отдель-

ных случаях, то одна и та же вещь может представлять для различных лиц совершенно неодинаковую субъективную ценность – обстоятельство, без которого вообще не могли бы совершаться никакие меновые сделки» (*там же*, с. 103).

Примечание. Главным политэкономическим постулатом, скорее всего, следует признать тот изначальный факт, что «выше всех остальных мотивов стоит один мотив – это стремление получить непосредственную выгоду от обмена» (*там же*, с. 172).

Если ценностью называется вообще значение благ для человеческого благополучия, то, по-видимому, будет оправданным назвать «субъективной меновой ценностью» значение, «какое приобретает вещь для какого-нибудь субъекта благодаря своей способности давать ему при обмене другие материальные блага, между тем как меновая ценность в объективном смысле представляет собой не что иное, как способность вещи обмениваться на другие материальные блага». Таким образом, «объективная меновая ценность» – это не что иное, как «меновая сила» (*там же*, с. 161). При этом ошибочно полагать, что существует или может существовать некая «объективная меновая ценность», которая «представляет собой ценность материальных благ для народного хозяйства» в целом, т. е. значение конкретного блага «для общества, в целом, – в некотором роде как решение объективной высшей инстанции». С какой-то точки зрения, наверное, допустимо представить «объективную меновую ценность» как как бы «равнодействующую субъективных оценок, даваемых материальным благам отдельными лицами, однако же анализ условий образования меновой ценности показывает, что фиксированию меновой ценности отнюдь нельзя придавать смысл общественного решения, а в особенности произносимого во имя и с точки зрения всего общества решения по вопросу о том, какое значение имеет данная вещь для человеческого благополучия. Понятие меновой ценности находится в тесной связи с понятием цены, но отнюдь не совпадает с ним. Меновая ценность означает возможность получить в обмен на данную вещь известное количество других материальных благ; цена же означает само это количество материальных благ, получаемое в обмен на данную вещь» (*там же*, с. 162). Эти последние реплики Бем-Баверка, с нашей точки зрения, весьма поучительны и примечательны своей точностью в определениях.

Примечание. «С научным понятием цены не следует связывать никакого иного значения, кроме выражающегося в словах: “То, что в обмен на данную вещь получается, может быть получено или же имеется в виду получить”» (*там же*, с. 164).

При этом нужно отметить: «Хотя понятие меновой силы и не тождественно с понятием цены, однако ж законы той и другой совпадают между собой». Ведь закон цен объясняет нам, как и почему данная вещь оказывается способной приобретать определенную цену. «Закон цен обнимает собою и закон меновой ценности» (*там же*, с. 164–165).

Исходя из данных выше пояснений и определений ценности последовательно выходит, что «эквивалентности между даваемыми и получаемыми в обмен материальными благами не только не должно, но прямо и не может даже быть. Мы не совершаем меновой сделки, когда обмен не приносит нам выгоды, а обмен выгоды нам не приносит, когда вещь, получаемая нами в обмен, имеет в наших глазах совершенно такую же субъективную ценность, что и вещь, отдаваемая нами в обмен» (*там же*, с. 177). В обстоятельствах общественного разделения труда и индивидуального потребления имманентные противоположные оценки одних и тех же материальных благ, естественно, далеко не редкость в хозяйственной жизни. И это принципиально важно для осуществления обмена на практике, т. к. «для хозяина, преследующего свои выгоды, обмен экономически возможен лишь в том случае, когда приобретаемая вещь оценивается им выше вещи, принадлежащей ему самому» (*там же*, с. 178). В реальности на самом деле «нелегко найти двух лиц, которые бы оценивали одну и ту же вещь совершенно одинаково (в субъективном смысле)» (*там же*, с. 184).

Вполне естественно, что «при изолированном обмене между двумя лицами цена устанавливается в пределах между субъективной оценкой товара со стороны покупателя как максимумом и оценкой товара со стороны продавца как минимумом» (*там же*, с. 180). Здесь «прежде всего бросается в глаза сходство между образованием цены и образованием субъективной ценности... всякая рыночная цена представляет собой предельную цену, определяющуюся хозяйственным положением тех пар контрагентов, которые стоят на границе “возможности обмена”» (*там же*, с. 192).

Итак, высота рыночной цены ограничивается и определяется высотой субъективных оценок товара двумя предельными парами, «если бы число этих пар было неопределенно или случайно, тогда оставались бы неопределенными и лица, составляющие предельные пары, и весь закон цен, объясняющий высоту цены хозяйственным положением этих самых лиц, оказался бы висящим в воздухе» (*там же*, с. 192).

Примечание. «Отсюда мы можем сделать очень важный вывод, а именно: далеко не всякое изменение во взаимных отношениях между двумя обменивающимися сторонами, в отношениях между спросом и предложением приводит к изменению в рыночной цене; напротив, не оказывают никакого

влияния на ход рыночных дел все те изменения, которыми не затрагивается положение предельных пар, служащее единственной основой для определения высоты рыночных цен» (там же, с. 197).

Таким образом, становится совершенно очевидным то, что «цена от начала до конца является продуктом субъективных определений ценности» (там же, с. 193–194).

Без сомнения, Бем-Баверк прав, полагая, что «самый простой, самый естественный и, наконец, самый плодотворный взгляд на обмен и цену получается тогда, когда мы рассматриваем образование цены как образование равнодействующей существующих в обществе оценок». Так же верно и его следующее утверждение: «Прежде всего в процессе образования цен действуют настоящие силы – силы, конечно, не физические, а психические» (там же, с. 199). Продолжая, он уместно замечает, что «из всех являющихся на рынок лиц действительно заключают меновую сделку как раз, ... именно те покупатели, которые оценивают покупаемый товар всего выше по отношению к отдаваемым за него деньгам, и те продавцы, которые оценивают продаваемый товар всего ниже по сравнению с получаемой за него денежной суммой. Таким образом, по-видимому, рыночный механизм, управляемый эгоистическими стремлениями участников обмена, стихийно, сам собой, приводит к достижению наибольшей выгоды, какая только может быть получена при господствующих рыночных условиях, а следовательно, и к достижению наибольшей суммы хозяйственной пользы для всего общества. Существует, по-видимому, полная экономическая гармония между индивидуальными интересами участников обмена, вышедших победителями из борьбы со своими соперниками, и общими интересами всего общества» (там же, с. 203). Последнее же утверждение, кажется явно избыточным.

Бем-Баверк указывает «шесть факторов, которыми определяется высота цены:

- 1) число желаний или требований, относящихся к товару;
- 2) абсолютная величина субъективной ценности товара для покупателей;
- 3) абсолютная величина субъективной ценности денег для покупателей;
- 4) количество товара, предназначенное для продажи;

Примечание. «Высота рыночной цены зависит отнюдь не только от числа предлагаемых для продажи и требуемых экземпляров данного товара, но еще и от интенсивности, с какой этот товар предлагается и спрашивается» (там же, с. 223).

- 5) абсолютная величина субъективной ценности товара для продавцов;
- 6) абсолютная величина субъективной ценности денег для продавцов» (там же, с. 207).

Примечание. «Полная истина заключается в том, что интенсивность спроса, кроме ценности товара, зависит еще от ценности вещи, в которой выражается цена в глазах покупателя» (*там же*, с. 227).

Причинная связь между этими факторами представляется им в следующем виде: «Рыночная цена определяется прежде всего меновой ценностью товара для торговца; эта оценка основывается на предполагаемой рыночной цене второго рынка, а последняя в свою очередь, между прочим, на оценках товара покупателями, принадлежащими к району этого второго рынка» (*там же*, с. 214). Но как подчеркивает еще раз Бем-Баверк, «во всех случаях, как бы сложны они ни были, решающую роль играет в последнем счете непосредственная предельная польза товара для покупателей, или господствующие у них в сфере соответствующих нужд отношения между потребностями и средствами их удовлетворения» (*там же*, с. 215).

Примечание. По ходу Бем-Баверк отмечает один немаловажный нюанс: «в факте влияния на количество имеющихся в продаже товаров, следует искать точку приложения, с которой издержки производства начинают оказывать сильное влияние на высоту товарных цен» (*там же*, с. 216). Вместе с этим он активно настаивает на том, что «Рассматривать издержки производства как фактор, от которого зависит интенсивность предложения, или как минимальный предел, до которого может опускаться продажная цена товара, ни в каком случае нельзя. Издержки производства отнюдь не составляют необходимой экономической минимальной границы для цены товара» (*там же*, с. 229).

Бем-Баверк не устает повторять: «Исходным пунктом образования ценности и цены являются субъективные оценки готовых продуктов их потребителями. Субъективными оценками определяется спрос на эти продукты, против которого в качестве предложения выступают прежде всего запасы готовых товаров, имеющиеся у производителей. Точкой пересечения оценок товара со стороны потребителя и производителя, высотой оценки товара предельными парами определяется известным нам путем цена, и притом, разумеется, для каждого рода продуктов отдельно» (*там же*, с. 237–238). Таким образом, «цена производительных материальных благ, или материальных благ, входящих в состав издержек производства, определяется ценой их предельного продукта» (*там же*, с. 240). Вот прежде всего поэтому т. н. «объективную меновую ценность» ни в коем случае нельзя рассматривать как ценность, которую материальные блага представляют с некоей абстрактной «точки зрения народного хозяйства». Понимание и знание всех вышеизложенных положений чрезвычайно важно для нашего дальнейшего адекватного критического исследования позиции Маркса.

§ 3. О БОГАТСТВЕ, ЦЕНЕ И ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ

«Над воротами нашей [эпохи] написаны не слова... “познай Самого себя”. А написано “реализуй Свою ценность”»
(К. Маркс, Ф. Энгельс, т. 3, с. 238).

«Древние – кажется, Эсхин – говорили: надо стремиться добывать себе мирские блага, чтобы помогать друзьям в нужде! Какая глубокая человеческая мудрость заключена в этих словах»
(К. Маркс, т. 30, с. 510).

«...деньги – представитель стоимости всех вещей, людей и общественных отношений» (К. Маркс, Ф. Энгельс, т. 3, с. 410).

Подобно Рикардо Маркс парадоксально считает как бы само собой разумеющимся, что значимость или полезность продукта для человека не находится ни в какой связи с ценой, которую этот человек готов заплатить за него, и что, кроме того, эта полезность не поддается количественному исчислению.

По мнению Маркса, богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. При этом вся «человеческая деятельность = товару. Проявление жизни – жизнедеятельность – является лишь средством; обособленное от этой деятельности существование – целью» (т. 6, с. 579). Правда, в другом месте он говорит как о главном богатстве о «плодах цивилизации – приобретенных производительных силах» (т. 4, с. 144), а Энгельс это утверждение как бы уточняет: «“богатство” состоит из: 1) средств труда и 2) жизненных средств» (т. 22, с. 233).

Примечание. Вдумайтесь насколько глубоко неверно и контрпродуктивно вот это высказывание Маркса: «Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как не на отчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» (т. 4, с. 73–74). Всякий товар выносятся продавцом на рынок не с целью «найти оценку, наиболее соответствующую его истинной стоимости», а с целью продать товар по наиболее возможной высокой цене, по меньшей мере, по цене, которая превысит себестоимость этого товара. На самом деле никого никогда не интересует некая т. н. «истинная стоимость» товара, всех интересует лишь его рыночная цена. При всем этом все равно оста-

ется непонятным, почему Маркс в конечном итоге так недооценил значение рынка для жизнедеятельности любого социума.

В «Капитале» Маркс уверенно начинает с того, что полагает или постулирует: «вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям» (*т. 23, с. 51*). Т. е. у него странным образом как бы получается, что самостоятельно, «в готовом виде», в природе вообще не существует никакого «вещественного богатства». Отсюда он делает, как кажется, уже изначально несколько избыточный вывод: «Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (*т. 23, с. 51*). Здесь нужно отметить немаловажный момент: в этом случае последовательно выходит, что и в будущем коммунистическом обществе «полезный труд» как «вечная естественная необходимость» останется и/или будет обязательно осуществляться.

Далее Маркс все-таки уточняет, что потребительные стоимости или «товарные тела, представляя собой соединение двух элементов – вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, ..., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля – его мать» (*т. 23, с. 51–52*). При этом «Человеческая рабочая сила в текучем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая “предметность”, которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару» (*т. 23, с. 60*). В другом месте он подчеркивает: «Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи... Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость», и даже «Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей

силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы» (т. 23, с. 213–214).

Здесь сразу возникает принципиально важный вопрос: имеет ли право на жизнь иная точка зрения – предполагающая, что ценностью могут являться и сам по себе творческий труд или даже просто новаторская идея, в принципе не предполагающая наличия никакой материальной предметности или вещественности? Ведь в этом случае он вовсе не обязательно должен становиться ценностью «в застывшем состоянии, в предметной форме». Навязчивое материалистическое или натуралистическое стремление буквально по любому выразить ценность чего-либо в какой-то вещной «особой предметности», которая как-то отлична от самого предмета (товара) «и в то же время обща ему и другому товару», совершенно избыточное и ничем неоправданное. Как представляется, это ничем не оправданное стремление сыграло с Марксом весьма злую «шутку».

Примечание. С одной стороны, «неверно, что определяющее является в большей мере сущим (как, например, реальное или существующее), чем определяемое» (Гартман Н. «К основоположению онтологии», с.198). С другой стороны, очевидно, что: «Вещи и все то, что подобно им является субстанциальным, не имеют присутственного преимущества перед контекстами, в которых они находятся» (там же, с.312).

Говоря о том, что «приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь “искусственным приемом для удовлетворения практической потребности”» (т. 23, с. 29), Маркс только лишний раз акцентирует внимание на изначальной собственной материалистической ложной установке – ведь таким образом получается, что «истинная природа вещей» является некоей тоже лишь вещной особой предметностью. Аристотель был, строго говоря, конечно, прав, когда отрицал наличие некоей такой вещной «общей субстанции» во всех ценностях, полагая, что ничего подобного «в действительности не может существовать» (с другой стороны, труд как общее в каждом произведенном товаре, по большому счету, может быть замещен любым другим общим его характеризующим элементом, как точно подметил Бем-Баверк), т. к. все виды труда в принципе несводимы и невыражаемы в одной невероятной форме «как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд». Не существует труда человеческого вообще. Но Маркс говорит, что «Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, – эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка» (т. 23, с. 69), как бы даже не догадываясь о том, что этот «прочный народный предрассудок» не менее ложен, как и представление о фанта-

стическом «равенстве и равнозначности всех видов труда»! Нет никакой объективной ценности и/или стоимости товаров, в которых бы открывалось «отношение равенства». Лишь свободный обмен в силах регулировать как бы величину ценности, находящую свое реальное выражение в рыночной цене. Таким образом, именно рыночные меновые отношения регулируют величину всякой ценности, а не наоборот, как полагал Маркс («не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения» (*т. 23, с. 73*).

Примечание. Многие исследователи учения Маркса, практически сразу заметили, говоря словами Алана Кэрлинга, что описание стоимости в «Капитале», к сожалению, «носит характер, скорее, пояснения, чем доказательства. Дело сводится к тому, чтобы показать, как труд воплощается (в стоимости), а не выяснить, почему это происходит. Это особенно отчетливо проявляется в анализе последовательности форм стоимости».

По извращенному мнению Маркса, «собственная положительная природа» труда, «состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы» (*т. 23, с. 77*). Т. е., наконец, якобы найдено равное – «затрата человеческой рабочей силы». Как представляется, все схоластические трудности теоретизирования Маркса связаны с его ложным представлением о необходимости некоей «всеобщей эквивалентной формы». Более того, из этой надуманной необходимости некоего «эквивалента» он пытается убедить нас в необходимости «всеобщей формы стоимости вообще», извращенно полагая, что именно поэтому «простая товарная форма есть... зародыш денежной формы» (*т. 23, с. 80*). Далее он продолжает убеждать нас поверить и упорно настаивает на том, что «приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд». Правда при этом они оказывается, странным образом, даже «не сознают этого, но они это делают» (*т. 23, с. 84*). По мнению Маркса, классикам политической экономии «и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду» (*т. 23, с. 90*). По Марксу, всякий труд выражается в стоимости, а продолжительность уже абстрактного труда, как его мера – в величине стоимости продукта труда.

Примечание. В третьем томе «Капитала» Маркс, как бы дополняя все ранее уже сказанное, делает важное уточнение: «стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально стоит их производство, а тем рабочим временем, которого стоит их воспроизводство» при этом он полагает, что «это рабочее время постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда» (*т. 25, с. 437*).

Для владельца товара вся реальная ценность товара выражается лишь в том, какую актуальную рыночную цену имеет этот товар. Естественно, что цена является выражением величины или меры ценности, а не трудовой стоимости, а деньги представляют собой лишь очевидную форму цены товаров. Вероятно, поэтому Маркс вынужден признать, что форма цены «может скрывать в себе качественное противоречие», более того, он даже соглашается (с принципиально важным моментом) с тем, что вследствие этого «цена вообще перестает быть выражением стоимости»! Хотя при этом продолжает нелепо настаивать на том, что «деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров». Все-таки Маркс при этом замечает и реальность: «Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости». Но далее, вместо того чтобы наконец сказать о том, что трудовая стоимость является только лишь неким виртуальным или «мнимым, как известные величины в математике», абстрактным понятием, Маркс, напротив, продолжает нести абсурдный бред: «Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, – например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, – может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него» (т. 23, с. 112). Товар, который функционирует в качестве меры цены (*а не стоимости, как полагает Маркс, т. 23, с. 140*), т. е. в качестве средства обращения, есть, без сомнения, деньги. Именно как раз поэтому золото (или серебро) – деньги.

Вполне обоснованно говоря о том, что «Резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые поэтому никогда не переполняют каналов обращения» (т. 23, с. 145), Маркс забывает сказать, что сами по себе резервуары сокровищ не образуются и не наполняются. Эту очень важную социально-экономическую функцию всегда выполняют вполне конкретные люди, обладающие для этого соответствующими специфическими способностями к накопительству, в современном мире таких людей называют капиталистами. В этом контексте, мы, конечно, не можем вполне согласиться с однобоким наивно-поверхностным, да еще и явно идеологически ангажированным утверждением Маркса о том, что «До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми – отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного» (т. 23, с. 119).

В ложном марксовом представлении, «в... непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имела

двойные: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе». Поэтому, согласно этим его нелепым допущениям, товаровладельцы и вступали «в соприкосновение между собой лишь как представители имеющих в наличности взаимных эквивалентов». Но на самом деле нет и в принципе не может быть никаких качественно различных, но при этом все равно каким-то невероятным образом эквивалентных товаров (в силах как бы вполне заместить друг друга). При господстве неизменных эквивалентов торговля была бы в принципе невозможной, ведь отсутствовал бы ее мотив.

Примечание. В другом месте Маркс говорит: «Закон обмена обуславливает равенство лишь для меновых стоимостей обменивающихся друг на друга товаров. Он даже с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей...» (т. 23, с. 598). Энгельс замечает, что «В основе различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит тот именно факт, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле, т. е. что этот эквивалент не является эквивалентом» («*Наброски к критике политической экономии*»).

Каждый из участников, например, натурального обмена, естественно, всегда хочет выиграть и/или удовлетворить лишь собственную потребность. Редко, чтобы обменом в равной степени были удовлетворены обе стороны. Как правило, натуральный обмен – вынужденная мера в силу малой ликвидности этого товара, т. е. товаровладельцы, решаясь на такой обмен, как бы выбирают «между худшим и еще худшим», субъективно ориентируясь прежде всего на предполагаемую ликвидность каждого из этих товаров. Несмотря на указанные глупости с допущением наличия на рынке неких объективных «взаимных эквивалентов», Маркс отмечает очень важный аспект экономической реальности: «Однако с развитием товарного обращения развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих отношений. Один вид товаров требует более длинного, другой – более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя» (т. 23, с. 146). К большому сожалению, Маркс так и не уделил должного внимания длительности того или иного экономического процесса, являющегося одним из фундаментальных оснований процента. Кроме того, как экономическая, так и классовая борьба в социуме, как правило, «протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредито-

ром». Эта брешь в исследовании теории экономики исследовании была блестяще в свое время заполнена Бем-Баверком.

Верно утверждая, что «Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения» (*т. 23, с. 157*), Маркс не хочет говорить о том, что капитал – это непрерывно умножающаяся себя ценность, выражаемая процентом в актуальной рыночной цене.

Примечание. Чуть позже Маркс здесь же, в первом томе «Капитала», высказывает довольно странное, извращенное и ничем не обоснованное натуралистическое представление: «прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже включает в себе вещественные составные части нового капитала» (*т. 23, с. 594*). Как будто для кого-то важна именно предметно-вещественная форма выражения капитала, а не его сама по себе способность приносить прибыль или процент.

Для процента, а значит, и для капитала, не имеет никакого значения, имеет ли трудовая стоимость вообще какое-то место в цене товара или нет, т. к. реальная цена формируется именно в процессе обращения, являясь не предпосылкой оценивания и обращения, а его результатом. Но повторимся: Маркс полагает иначе, по его парадоксальному мнению «Стоимость товаров выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она – предпосылка обращения, а не результат его» (*т. 23, с. 168*). Как это возможно, просто непостижимо, ведь именно контрагенты обмена оценивают товар и определяют его цену, последняя раньше конечной сделки купли-продажи является только лишь предполагаемой величиной. Товары, созданные на производстве, имеют у производителя ориентиром для предполагаемой цены фактическую себестоимость товара (сумму издержек его производства). Конечно, «обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости» (*т. 23, с. 174*), но зато так создается, осознается и оценивается всякая ценность, в т. ч. и совершенно нового товара. В результате именно товарообмена или купли-продажи возникают реальная прибыль или убытки. Нужно здесь снова напомнить и подчеркнуть, что далеко не всякий товар произведен и имеет в своей цене трудовую составляющую.

Но у Маркса, по-видимому, были совсем иного рода трудности и проблемы! Ведь, судя по всему, изначальной задачей его исследования было как-то увязать прибыль с прибавочной стоимостью, которая есть порождение или как бы установленный результат эксплуатации труда. А т. к., во-первых, «из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости», да к тому же еще поэтому и «торговый капитал представляется

невозможным» (*т. 23, с. 174–175*) (в т. ч. поскольку было изначально допущено, что обмениваются только «эквиваленты»), и, во-вторых, сказанное «о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу», ведь «деньги, обмениваемые на большее количество денег, – форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена» (*т. 23, с. 175*). Этот свой ложный и одновременно саморазоблачающий ход мыслей Маркс пытается подтвердить предвзятой довольно обывательски-невежественной позицией древнего Аристотеля, по мнению которого торговля «покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве», а «ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название (“..” – “процент” и “порожденное”). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта – наиболее противна природе» (*т. 23, с. 175*). Маркс настаивает на том, что «В торговом капитале оба крайние пункта, – деньги, бросаемые на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, – связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма $D - T - D'$ сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: $D - D'$ », но на самом деле это – неправда, т. к. в капитале всегда «крайние пункты соединяются» прежде всего таким «посредствующим звеном», как время, выражающее необходимую естественную длительность всякого экономического процесса. Маркс нас обнадеживает обещанием, что в ходе дальнейшего его «исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу является производной формой, а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала» (*т. 23, с. 175*). Но мы-то знаем, что в реальности промышленные капиталисты получают свою прибыль именно только лишь благодаря тому, что они все свои товары продают дороже, чем стоит их производство (или чем сумма издержек их производства). Любопытно, что и Маркс об этом, конечно, знает, просто беспокоит его совсем другое: «Как видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения» (*т. 23, с. 176*). Почему все-таки нас должна интересовать некая виртуальная прибавочная стоимость и ее невидимый процесс происхождения? Ведь, по признанию того же Маркса, все равно «товаропроизводитель не может увеличить стоимость и тем самым пре-

вратить деньги или товар в капитал вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами» (*т. 23, с. 176*).

Тем не менее, вывод Маркс делает здесь парадоксальный: «Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении. Мы получили, таким образом, двойственный результат». После чего он мужественно погружается в схоластику собственной парадигмы: «Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов», т. к. якобы прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом, аргументируя это тем, что если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки. У него это понятно, зачем и почему, «означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимостям. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы» (*т. 23, с. 176–177*). Но для нас представляется совершенно искусственно надуманной как сама т. н. «проблема», так и описанные «условия» этой «проблемы», т. к. образование капитала в производстве объясняется превышением товарных цен от их себестоимости производства, а не от неких ненаблюдаемых «товарных стоимостей». Но и в парадигме Маркса, кстати, цены не просто отклоняются от стоимостей – они от них необходимо отклоняются как раз так или иначе постоянно, а вовсе не случайно. Поэтому теоретическое допущение «в чистом виде явление образования капитала» представляется не вполне оправданным и обоснованным. Таким образом, и условия проблемы избыточно искусственны, и сама проблема, по сути, бессодержательна и бессмысленна. Вряд ли особым смыслом для нас обладает и описание преодоления этой теоретической «проблемы», красиво и убедительно произведенного Марксом. Ключом к ее разрешению явилось «открытие» Марксом специфического товара – «способность к труду, или рабочая сила», который обладает «оригинальным свойством быть источником стоимости», действительное

потребление которого является овеществлением труда, т. е. – созданием стоимости (т. 23, с. 177–178). При этом под рабочей силой (Рс) или способностью к труду он понимает «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (т. 23, с. 178). Этот ход рассуждений заставляет Маркса в конце концов допускать для якобы, так сказать, лишь «упрощения анализа», неоправданное абстрактное предположение о том, что всякий «рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд». Дело в том, что «прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности того же процесса труда» (т. 23, с. 209), а в жизни труд-то всегда разный. Труд ведь вообще в принципе неизмерим и несопоставим корректно!

Примечание. Е. Майбурд указывает на фундаментальный подлог, лежащий в основе теории прибавочной стоимости, в самом ее определении. По его мнению, у Марса здесь стоимость измеряется затратай конкретного, а не абстрактного труда, что недопустимо с точки зрения самой же этой теории стоимости Маркса, с другой стороны, если взять измерителем абстрактный труд, то тогда понятие относительной прибавочной стоимости оказывается ложным («О понятии эксплуатации» 1993 г).

По Марксу, в стоимости необходимых жизненных средств для расширенного воспроизводства рабочей силы и дана стоимость его рабочей силы, таким образом в стоимости рабочей силы работника дана величина его необходимого рабочего времени (в итоге «величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из всего рабочего дня»). Маркс согласен с Петти, что стоимость средней ежедневной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, «чтобы жить, трудиться и размножаться», и с Мальтусом в том, что «цена труда всегда составляетя из цены жизненных средств», а «цена жизненных средств есть в действительности стоимость производства труда».

Примечание. Маркс в другом месте как бы уточняет: «Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны – естественные различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних. Потребление этих различных рабочих сил, обусловленное опять-таки

способом производства, создает крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости взрослого рабочего мужчины» (т. 23, с. 528). Но с этим «уточнением» проявляется целый ряд вопросов, вытекающих из предполагаемой т. н. коммунистической «внерыночной» и/или «объективной» позиции: 1) как именно определить на практике «привычно необходимые жизненные средства среднего рабочего»; 2) «Масса этих жизненных средств» на самом деле никогда не дана, т. к. находится в постоянном процессе обновления и формирования, как и ее собственная трудовая стоимость; 3) как именно определить величину «издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства»; 4) как именно определить величину каждого или среднего «естественного различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних»? По этому поводу Бем-Баверк совершенно точно замечает, что если мы будем измерять «ценность человеческого труда – издержками по содержанию работника, то в таком случае нам никогда не удастся довести объяснение до конца; в самом деле, ведь теперь мы выводим ценность человеческого труда из ценности средств содержания работника – хлеба, мяса и т. п., а так как средства эти сами, в свою очередь, созданы человеческим трудом, то их ценность опять нужно объяснять ценностью труда и т. д. без конца, – мы будем вертеться в заколдованном кругу» («Основы теории ценности хозяйственных благ», с. 144–145).

При том, что для Маркса удивительным образом однозначно «Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день большого числа одновременно занятых рабочих, будучи разделен на число рабочих, является уже сам по себе днем общественного среднего труда» (т. 23, с. 334), он здесь же делает очень важное принципиальное замечание: «Таким образом, предполагается определенный минимум работоспособности, и... капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее, минимум этот отклоняется от среднего уровня несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости.» (т. 23, с. 335). Но как представляется, универсальный «способ измерять» (всякую в т. ч. среднюю общественно-экономическую величину) был уже известен с начала товарно-денежных отношений – это рыночная оценка в ходе конкуренции. Таким образом, социалистическое или коммунистическое отрицание рынка, уничтожая этот необходимый универсальный измеритель в экономике, неизбежно влечет за собой тяжелейшие негативные социально-экономические последствия, которые находят свое выражение и в неминуемых естественных перекосах в оплате труда, и в невозможности эффективно-адекватного планирования и регулирования экономического процесса. Это с очевидностью доказывает, что рабочая сила в рыночных условиях оплачивается не по ее некоей виртуальной абстрактной «средней стоимости», а по ее рыночной цене, которой, собственно, и является реальная зарплата.

Примечание. Во втором томе Маркс как бы дополнительно поясняет: «деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему за потребление рабочей силы, в действительности представляют собой лишь всеобщую форму эквивалента необходимых жизненных средств рабочего, постольку и переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств. Но здесь, при рассмотрении оборота, речь идет о форме. Капиталист покупает не жизненные средства рабочего, а саму его рабочую силу. Переменную часть его капитала образуют не жизненные средства рабочего, а проявляющая себя в действии рабочая сила рабочего. В процессе труда капиталист производительно потребляет саму рабочую силу, а не жизненные средства рабочего. Рабочий сам превращает в жизненные средства те деньги, которые он получил за свою рабочую силу, чтобы потом превратить их обратно в рабочую силу, чтобы поддержать свое существование; совершенно так же, как, например, капиталист превращает в жизненные средства для себя самого некоторую часть прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, который он продал за деньги, – и, несмотря на это, никак нельзя сказать, что покупатель его товара уплачивает ему жизненными средствами. И даже в том случае, если часть заработной платы выплачивается рабочему жизненными средствами, т. е. *in natura*, то теперь это уже вторая сделка. Рабочий продает свою рабочую силу за определенную цену, и при этом стороны договариваются, что часть цены он получит жизненными средствами. Этим изменяется лишь форма уплаты, но не изменится тот факт, что в действительности он продал свою рабочую силу. Это – вторая сделка, совершаемая уже не между рабочим и капиталистом, а между рабочим как покупателем товара и капиталистом как продавцом товара; напротив, в первой сделке рабочий – это продавец товара (своей рабочей силы), а капиталист – покупатель этого товара. Дело обстоит совершенно так же, как если бы капиталист, продав свой товар, например, машину на железодельательный завод, захотел получить за нее другой товар, железо. Следовательно, оборотным капиталом, в противоположность основному капиталу, становятся не сами жизненные средства рабочего и не его рабочая сила, а та часть стоимости производительного капитала, которая затрачивается на рабочую силу и которая благодаря форме своего оборота приобретает этот характер, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала» (*т. 24, с. 186*).

***

Настоящее богатство – это возможность беспрепятственного свободного удовлетворения всех своих настоящих и будущих желаний. Очевидным фундаментальным богатством или его необходимым условием является время жизни (а значит, и здоровье), как собственной, так и жизни своих близких. Вероятно, следует указать как на особое богатство и на внутренний духовный мир на человеческую душу, интеллектуальные способности, да и имеющиеся знания. Наличие марксового «огромного

скопления товаров» – очень сомнительное богатство, уже даже только потому, что не известна адекватность этих товаров спросу. По самой меньшей мере, для выяснения того, что же в этом случае можно считать «богатством» или, точнее, настоящей ценностью (строго говоря, чем-то оцененным или наделенным ценой), следует для начала разобраться «хотя бы» с генезисом и структурой спроса в динамике, после чего не менее важно разобраться с сущностью рыночного механизма и имманентной иерархией во всяком биосоциуме. Не лишним будет обратить внимание на формирование вообще всех ценообразующих факторов. Важно только осознать, что именно реально наблюдаемые рыночные цены можно как-то пытаться трансформировать в ненаблюдаемые стоимости и/или ценности, а не наоборот, как считал Маркс.

В представлении Маркса, «стоимости и цены производства (которые лишь выражают в деньгах издержки производства) не совпадают», даже адекватно описанное ценообразование абсолютно ничего не меняет в определении стоимости, «вообще же в современном обороте, конечно, имеет место образование меновой стоимости», но она не имеет ничего общего с образованием стоимости, а лишь как бы имеет дело с уже «образованными» стоимостями. Кроме того, Маркс при определении стоимости самой рабочей силы исходит «из того, что ее стоимость действительно оплачивается, что фактически не имеет места» (*т. 19, с. 374*).

«Стоимость», по Марксу, проявляется только «в виде меновой стоимости, а так как последняя выступает лишь там, где по меньшей мере некоторая часть продуктов труда, предметов потребления, функционирует в виде “товаров”, что имеет место не с самого начала, а лишь в известный период общественного развития, т. е. на известной ступени исторического развития, то меновая стоимость есть “историческое” понятие». Если продолжать анализировать «дальше меновую стоимость товаров, – ибо последняя существует лишь там, где имеются товары во множественном числе, различные сорта товаров», то найдется «за этой формой проявления “стоимость”». Если еще и далее исследовать стоимость, то будет найдено, «что здесь вещь, “потребительная стоимость”, фигурирует как простое овеществление человеческого труда, как затрата равной человеческой рабочей силы, и потому это содержание представляется как предметный характер вещи, присущий ей самой как вещи, хотя эта предметность не проявляется в ее натуральной форме {что как раз вызывает необходимость в особой форме стоимости}». Следовательно, обнаружится, «что “стоимость” товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в другой форме, во всех других исторических общественных формах, а именно общественный характер труда, поскольку последний существует как затрата обществен-

ной рабочей силы. Если, таким образом “стоимость” товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к “общественной потребительной стоимости”, поскольку она характеризует “потребительную стоимость” товара». Маркс подчеркивает, что мало взять или понять меру величины стоимости, принципиально важно понять «самую субстанцию стоимости». Под т. н. «самой субстанцией стоимости» он понимает, «например, “совместный” характер первобытной общины как совокупного организма связанных между собой рабочих сил и, следовательно, их труда, т. е. затраты этих сил» (т. 19, с. 391–392). Таким образом, получается, что материальной субстанцией стоимости являются затраты рабочих сил, осуществленные во время труда.

Как представляется, действительная сущность богатства находит свое выражение в фундаментальном элементе необходимой рыночной реальности, всякой общественной жизни – капитале, иными словами, в инвестиционном ресурсе. Капитал, с точки зрения экономики, – это оцененные богатства или ресурсы, которые могут быть использованы в производстве товаров или оказании услуг в той или иной коммерческой операции. Естественно, что «экономическое благо необязательно должно быть воплощено в осязаемом предмете» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 73). Таким образом, это – один из основных базовых факторов производства, да и вообще любого хозяйства. При этом, естественно, что и потребитель, и собственник капитала оценивают текущие или имеющиеся блага выше будущих. Процент на капитал возникает из-за отказа от текущего дохода в пользу будущего. Он является как бы необходимой компенсацией снижения сегодняшнего благосостояния у тех, кто откладывает на будущее. По большому счету, величина процента – это текущая рыночная цена времени, которая отражает актуальную ценность времени как одного из самых главных благ.

Примечание. Мизес, говоря о времени, в «Человеческой деятельности» делает важные замечания: «Именно деятельность обеспечивает человека понятием времени и заставляет осознать ход времени» (с. 78). «Человек поставлен в условия уходящего времени. Он появляется на свет, растет, стареет и уходит. Его время ограничено. Он должен его экономить, как экономит другие редкие факторы... Экономия времени носит специфический характер из-за уникальности и необратимости временной последовательности... В этом отношении необходимо подчеркнуть следующее. Экономия времени не зависит от экономии экономических товаров и услуг. Даже в стране изобилия человек будет вынужден экономить время, если он не будет бессмертен и наделен вечной молодостью и несокрушимым здоровьем и силой. Хотя все его аппетиты могут быть удовлетворены незамедлительно без каких-либо затрат труда, он должен будет составлять временной график,

так как существуют несовместимые состояния удовлетворения, которых нельзя достичь одновременно. Для этого человека время также будет редким фактором и зависеть от аспекта раньше и позже» (с. 79).

Величина процента явно зависит от удлинения периодов производства отдельных товаров или услуг, проявляющегося в результате развития подготовительного или дополнительного к нему производства (иными словами, развития, углубления и/или изменения форм разделения и специализации общественного труда). Тем самым в конечном итоге, кажется, получается, что величина процента определяется чистой производительностью капитала, то есть его способностью приносить определенный избыток продукта сверх затрат по его применению, где процент как раз и измеряет дополнительный прирост и служит показателем чистой производительности капитала. Важным аспектом всякого производственного процесса является то, что блага, продукция, товары или просто ценности, созданные трудом, по истечении времени производственного цикла из-за более низкой оценки будущих благ по сравнению с настоящим по величине своей ценности превысят размер выплаченного вознаграждения за труд – зарплаты. Это естественное превышение, называемое прибылью, и выражает по существу процент, имманентный всякому экономическому процессу. Норма процента определяется и регулируется при всяком обмене на рынке (и тем самым отражает конъюнктуру рынка), в т. ч. и в обмене труда (или, точнее, P_c) на предметы потребления. Таким образом, судя по всему, процент и его норма не имеют никакого отношения к наличию или отсутствию самой по себе трудовой стоимости, т. е. к затратам P_c в марксовом понимании (или, иными словами, затратам рабочего времени общественно необходимого среднего абстрактного простого труда).

Маркс в своей работе «Наемный труд и капитал», написанной в конце 1847 года и в 1891 году переизданной в новой редакции, говорит, что «колебания спроса и предложения всякий раз приводят цену товара к уровню издержек производства. Правда действительная цена товара всегда стоит выше или ниже издержек производства; но повышения и понижения взаимно покрываются, так что, в пределах определенного (?) промежутка времени, если рассматривать прилив и отлив в промышленности в их общем итоге, товары обмениваются один на другой в соответствии с издержками производства, а следовательно, их цена определяется издержками производства» (т. 6, с. 438). Здесь же он, как бы углубляя пояснение, делает еще более неадекватное или парадоксальное утверждение: «Определение цены издержками производства равносильно определению цены рабочим временем, необходимым для производства товара, так как издержки производства состоят: 1) из сырья и снашивания орудий труда, т. е. из продуктов промышленности, производство которых

стоило известного количества рабочих дней и которые, стало быть, представляют определенное количество рабочего времени, и 2) из непосредственного труда, мерой которого также является время», хотя ранее, в «Нищете философии», т. е. в начале того же 1847 года, говорилось вполне здраво: «В ходе производства продукт обменивался на все издержки производства, как, например, на сырье, заработную плату рабочих и т. д., словом на такие вещи, которые все являются меновыми стоимостями (*т. е., иными словами, в данном контексте – рыночными ценами – Ю. М.*). Следовательно, продукт представляет в глазах производителя некоторую сумму меновых стоимостей», если говорить точнее, то – себестоимость, т. е. цену-для-себя, которая является суммой именно цен всех издержек, формируемых соотношением спроса и предложения, а не количеством рабочего времени, необходимого для их производства. Продажная цена любого товара обычно включает в себя, кроме с/с, еще и предполагаемую прибыль.

Примечание. Маркс считает, что «Общество выигрывает... не потому, что получает большее количество меновых стоимостей, а потому, что получает больше товаров за ту же стоимость» (*т. 4, с. 122*), но разве, следуя его же логике, не корректнее все-таки было бы сказать «за ту же цену»? Мизес вполне обоснованно говорит: «феномен образования цены, с которым мы сталкиваемся, неразрывно связан с рыночным процессом. Он различает две вещи: а) прямое определение ценности факторов производства, когда всей совокупности комплементарных факторов производства приписывается ценность конечного продукта; б) цены единичных факторов производства, сформировавшиеся на рынке как равнодействующая совместных действий субъектов, делающих самые выгодные предложения о покупке» («*Человеческая деятельность*», с. 255).

Далее Маркс непоследовательно или некорректно, отмечает, что «Колебания заработной платы в общем соответствуют колебаниям товарных цен. Но в пределах этих колебаний цена труда определяется издержками производства, рабочим временем, требующимся для того, чтобы создать этот товар, труд (рабочую силу). Каковы же издержки производства самого труда (самой рабочей силы)? Это – издержки, которые требуются для того, чтобы сохранить рабочего как рабочего и подготовить его как рабочего. Поэтому, чем меньше времени для обучения требует какой-нибудь труд, тем меньше издержки производства рабочего, тем ниже цена его труда, его заработная плата» (*т. 6, с. 439*). «заработная плата всего рабочего класса в пределах своих колебаний выравнивается по этому минимуму» (*т. 6, с. 440*) при этом этот «минимум, определенный в среднем = цене необходимых жизненных средств» (*т. 6, с. 579*). «Сам минимум имеет свое историческое движение и все более и более понижается до абсолютно наименьшего уровня» (*т. 6, с. 588*); «поскольку посто-

янно отыскиваются новые способы кормить рабочих более дешевыми и худшими продуктами питания, то минимум заработной платы постоянно понижается. И если в начале заработная плата заставляла человека трудиться, чтобы прожить, то под конец она заставляет человека жить жизнью автомата. Вся ценность существования рабочего свелась к одной лишь стоимости его как простой производительной силы» (т. 4, с. 415). Ну разве это соответствует действительности в конечном итоге? Осенью 1847 года он же при этом говорил: «Уровень заработной платы, выраженной не в деньгах, а в необходимых для удовлетворения жизненных потребностей рабочего предметах, т. е. реальной, а не номинальной заработной платы, зависит от соотношения между спросом и предложением» (т. 4, с. 198).

Маркс уверен, что «В процессе развития крупной промышленности время все более становится мерой стоимости, а следовательно и мерой заработной платы. В то же время производство товара труд все дешевеет и стоит все меньше рабочего времени по мере развития цивилизации... Таким образом, каждый момент жизни, бытия рабочего все более и более становится объектом торговли» (т. 6, с. 589). «Труд упрощается. Издержки производства сокращаются». «Искусный труд все более и более превращается в простой труд» (т. 6, с. 585). Но при этом Маркс как бы понимает и помнит то, что «Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью» (т. 23, с. 362).

Примечание. По Марксу, рабочие «продают капиталисту за деньги свою рабочую силу» или, грубо говоря, свой труд, капиталист после того как он ее купил (нанял), «потребляет ее, ... в течение условленного срока». Труд или, точнее, P_c – «товар, товар не в большей и не в меньшей степени, чем сахар. Первый измеряет с помощью часов, второй – с помощью весов»; «продукт деятельности рабочего не составляет его цели. Рабочая сила не всегда была товаром». Рабочий «принадлежит не тому или другому капиталисту..., а классу капиталистов в целом» (т. 6, с. 433). В своей работе «Заработная плата», написанной в конце 1847 года, Маркс цитирует или описывает представления различных экономистов, один из которых, Росси, в целом верно указывает на то, что «Заработная плата есть лишь случайная форма современного социального строя. Она не составляет необходимой части капитала. Она не является фактом необходимым для производства. Она может и исчезнуть при другой организации общества», и дело здесь не только в том, как думает Маркс, «если бы рабочие владели достаточным количеством накопленного труда, т. е. достаточным количеством капитала..., то форма заработной платы исчезла бы; т. е., следовательно предполагать и сохранять

капитал без противоположности наемного труда, без которой он не может существовать». Подводя резюме под представлениями Росси, Маркс настаивает на своей позиции: «Заработная плата не является случайной формой буржуазного общества, а буржуазное производство в целом есть преходящая историческая форма производства. Все его отношения – капитал, как и заработная плата, как и земельная рента, и т. д. – являются преходящими и устранимыми на известной стадии развития» (т. 6, с. 599). Пожалуй, только в одном никак нельзя согласиться с этим марксовым выводом, а именно – капитал, не является преходящим и устранимым отношением.

Маркс настаивает на том, что «Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом» и при этом парадоксальным образом соглашается с тем, что «прибыль... единственная цель производства» (т. 23, с. 342). Ведь если капиталист заинтересован прежде всего в извлечении максимальной прибыли, то его лишь в самую последнюю очередь может интересовать именно «возможно большая эксплуатация рабочей силы», а о виртуальной прибавочной стоимости вообще никто никогда не задумывается. В первую очередь речь всегда идет о увеличении сбыта, а уже затем о возможном сокращении производственных издержек в целом.

Что же получается, в конечном итоге, если строго следовать марксовой парадоксальной логике?

1. Реальная или действительная цена товара устанавливается вне зависимости от величины издержек, и, тем не менее, невероятным образом товары обмениваются один на другой в соответствии с издержками производства, а следовательно, их цена, непонятно как, определяется издержками производства.

(Здесь следует сразу обратить внимание на то, что сумма необходимых издержек формирует себестоимость товара или, строго говоря, цену-для-себя, т. к. суммирует именно цены издержек, а не их трудовые стоимости. Кроме того, Маркс почему-то игнорирует тот факт, что цена, как правило, включает в себя кроме *c/c* (т. е. сумму всех издержек) еще и предполагаемую прибыль).

2. Определение цены издержками производства РАВНОСИЛЬНО определению цены рабочим временем, т. к. ВСЕ издержки производства непостижимым образом СТОЯТ известного количества рабочего времени.

(Маркс даже не пытается пояснить то, как именно «количество рабочего времени» превращается в цену, выражаемую в денежных величинах. Как каждая различимая издержка (или каждый необходимый товар для про-

изводства) может СТОИТЬ не денег, а того или иного ОПРЕДЕЛЕННОГО количества ЧАСОВ рабочего времени, общественно необходимого среднего абстрактного простого труда? Ответа, естественно, никакого нет, ведь он в принципе невозможен!).

3) Несмотря на то, что колебания зарплаты в общем соответствует колебаниям всех цен, она определяется количеством необходимого рабочего времени для создания всей P_c .

(Потрясающее по своей нелепости утверждение. Как, каким именно образом можно определить количество именно НЕОБХОДИМОГО рабочего времени для создания P_c , хоть какой-то конкретной P_c , хоть в целом – в экономике?).

Примечание. По логике Маркса, если мы признаем P_c товаром, то плата за этот товар должна определяться его стоимостью, т. е. количеством абстрактного труда, овеществленного в этой P_c . Иными словами, количество необходимого абстрактного рабочего времени, затраченное на производство P_c , определяет величину ее стоимости. Стоимость товаров, как правило, складывается из двух частей. Одна часть стоимости присоединяется трудом, затраченным непосредственно на производство данного товара. Другая часть стоимости переносится на товар с других товаров, затраченных в ходе его производства. Таким образом, стоимость P_c может происходить лишь из этих же двух источников – из труда по производству P_c и из стоимости средств ее производства, жизненных средств рабочего. Если труд рабочего, непосредственно направленный на воспроизводство рабочей силы, не создает новой стоимости, а старая стоимость жизненных средств уничтожается в ходе потребления, вместо того чтобы переноситься на P_c , то в таком случае получается, что P_c вообще не может обладать стоимостью. Маркс, к большому сожалению, почему-то не описал собственного труда рабочих по воспроизводству своей P_c в качестве источника ее стоимости. Он ограничился указанием лишь на то, что стоимость рабочей силы есть стоимость ее жизненных средств; на то, что потребление рабочих сводится к физиологии и вовсе не является трудом («рабочий или скот поглощают достоящуюся им пищу»), ну, и на то, что воспроизводство P_c хоть и является трудом, но все-таки непроизводительным трудом. У Маркса нет прямого ответа на вопрос, создает ли собственный труд рабочих по воспроизводству своей рабочей силы новую стоимость? Остается также не вполне ясным, переносится ли стоимость жизненных средств на P_c в ходе ее воспроизводства, или процесс потребления уничтожает стоимость жизненных средств вместе с их потребительной стоимостью? Получается, что лишь в первом случае P_c обладает стоимостью, которая перенесена со средств ее производства и сама может являться товаром. Напротив, во втором же случае P_c , кажется, никак не может обладать стоимостью, т. к. отрицаются оба возможных ее источника – перенос стоимости со средств производства и добавление стоимости новым трудом. Таким образом, стоимость P_c должна происходить из стоимости жизненных средств, которая переносится на P_c в ходе ее про-

изводства. При этом стоимость этих жизненных средств как бы не расходуется в ходе потребления, но как-то сохраняется в стоимости P_c . Если же сказать, что стоимость жизненных средств исчезает, т. к. они потребляются, то сразу становится необъяснимой и стоимость P_c . Откуда тогда вообще берется стоимость P_c ? С какой-то точки зрения, здесь вполне оправданно допустить, что различие между общей выручкой (или валовым доходом) и «чистой прибылью» существует не только для капиталистов. Значит, и товар рабочего, его P_c , включает в себя постоянную стоимость, перенесенную со средств производства P_c , с жизненных средств. Эта часть, конечно, не может являться «чистой прибылью» рабочего, но лишь вернувшейся к нему постоянной стоимостью его средств производства, его жизненных средств. Различие между чистым доходом («чистой прибылью») рабочего и зарплатой прямо вытекает из переноса стоимости жизненных средств на рабочую силу. В таком случае возникает вопрос об обоснованности понятия «непроизводительный труд». Стоимость, которой в той или иной форме обладает рабочий, не может возрастать без приложения добавочного труда. Пока она существует исключительно в товарной форме как способность рабочего к труду, готовая к продаже, ее стоимость не возрастает, да и не может возрасти. К огромному сожалению, эта предполагаемая постоянная часть стоимости рабочей силы и оборот ее стоимости остаются незамеченными Марксом. Удивительно, но в «Капитале» нет ни слова о воспроизводстве и, тем более, о расширенном воспроизводстве P_c . Не рассматриваются ни оборот, т. е. сохранение стоимости жизненных средств в P_c , ни труд, непосредственно направленный на расширенное воспроизводство рабочей силы. Между тем, если P_c не обладает стоимостью, теряет смысл и самое главное для Маркса и всех коммунистов понятие прибавочной стоимости.

4. При этом зарплата всего рабочего класса в экономике в пределах своих колебаний выравнивается по минимальным затратам рабочего времени, необходимого для воспроизводства P_c , т. е. ее физического сохранения и профессиональной подготовке. Сами эти минимальные затраты рабочего времени имеют свое историческое движение, их необходимость все более и более понижается до абсолютно наименьшего уровня. При этом в пределе этот абсолютно наименьший уровень затрат рабочего времени, определенный в среднем, тождественен цене необходимых жизненных средств.

(Потребности и, значит, спрос очень непостоянны, они не просто растут, они изменяются качественно. Т. е. с изменением технологий, изобретением новых товаров неизбежно изменяется и спрос на те или иные виды P_c . Уже только поэтому говорить о минимальных затратах рабочего времени необходимого для создания такой всегда имеющей место в экономике новой P_c , неуместно и просто некорректно (ведь просто не с чем сравнивать). Измерять стоимость радикально различной P_c (например шахтера, врача, токаря, художника, архитектора, учителя

и т. д.) в часах общественно необходимого среднего абстрактного простого труда более чем абсурдно, уже даже только потому, что любой «простой» труд изменяет свою интенсивность в течение даже часа своей работы, не говоря уже о том, что в действительности не существует качественно тождественного труда).

5. В процессе развития экономики время все более становится мерой стоимости, а следовательно, и мерой заработной платы. Таким образом, каждый момент жизни, бытия каждого рабочего все более и более становится объектом торговли. В то же время производство товара P_c все дешевеет и стоит все меньше рабочего времени по мере развития цивилизации. Искусный труд все более и более превращается в простой труд. Труд упрощается, связанные с ним издержки уменьшаются.

(Трудно сказать, что именно в данном случае подразумевал Маркс, возникает вопрос: что же до развития крупной промышленности было мерой стоимости и заработной платы? При этом, кроме того, сомнительно, что в данном случае Маркс имел в виду действительно трудовую стоимость, а не ценность в виде продажной цены. Утверждение, что у искусного труда все меньше места в экономике по сравнению с простым трудом, очевидно избыточно. Как представляется, напротив, с ростом автоматизации постоянно уменьшается сфера применения простого труда и все более увеличивается сфера применения именно высококвалифицированной, искусной P_c . Поэтому и издержки по применению этого все более сложного труда или редкой P_c , постоянно растут. Таким образом, постоянные структурные сдвиги в спросе на P_c нивелируют конкурентные крайности на рынке труда).

Вне всякого сомнения, все эти парадоксальные утверждения вытекают из в целом принятой Марксом на веру теории трудовой стоимости.

Конечно, «если вообще придавать какой-нибудь смысл понятию стоимости, то неизбежно приходится соглашаться» со многими выводами, последовательно сделанными Марксом. Но Маркс в июле 1862 года настаивает на значительно большем: «если бы в моей книге и вовсе не было главы о “стоимости” (т. 23, стр. 43–156), то анализ реальных отношений, который я даю, все равно содержал бы в себе доказательство и подтверждение действительного отношения стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки». При этом Маркс пытается нас убедить в оправданности понятия стоимости следующим заявлением: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то, что на год, а хотя бы на несколько недель». Далее этот свой аргумент он подкрепляет следующим подобным: «Точно так же известно

всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда», естественно, умалчивая о том, что на самом деле не существует и в принципе не может существовать способа измерения этой «количественно определенной массы» необходимого «общественного совокупного труда».

Для Маркса «Очевидно само собой, что эта необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, – измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь форма, в которой эти законы прокладывают себе путь. А форма, в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, – эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов». Интересно, что в данном случае Маркс почему-то не упоминает о гипотетической возможности ликвидации производительного общественного труда и/или его необходимости, приплетая сюда, на наш взгляд, совершенно неуместно или избыточно «законы природы», которые, кстати, тоже по всей видимости не вечные. Говоря, трудно понять зачем, о пропорциональном распределении труда, Маркс даже не упоминает о фундаментальной важности соответствия предложения постоянно растущему и вновь образуемому спросу, где единственным адекватным регулятором выступает сам рынок, немыслимый без индивидуального обмена, формирующий ценности и цены.

Маркс глубочайшим образом уверен, что «Задача науки состоит именно в том, чтобы раскрыть, как закон стоимости прокладывает себе путь. Следовательно, если бы захотели сразу “объяснить” все явления, кажущиеся противоречащими закону, то пришлось бы дать науку раньше науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости (Д. Рикардо, “О началах политической экономии и налогового обложения”) всевозможные категории, которые еще должны быть выведены, предполагает данными, чтобы доказать их адекватность закону стоимости. С другой стороны, ..., история теории, конечно, доказывает, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным». Нелепость этой его уверенности, как нам кажется, очевидна: вместо того чтобы, изучая эмпирическое явление, выяснять его причины и сущность, Маркс занят обратным – обоснова-

нием умозрительной схоластики, якобы «известной всякому ребенку», навязывая ее наблюдаемой реальности.

Примечание. Продолжая, он приводит здесь же еще более поверхностное, наивное, ничем не обоснованное, еще и неуместное утверждение: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления. Все остальное – вздор». Как раз действительное мышление, насколько бы оно ни было развито и зрело, не в силах быть «одним и тем же» везде и всегда. Оно совершенно очевидно зависит не только от точки зрения, но и от психотипа самого субъекта сознания, т. е. от динамичной эмоции, воли, веры, сомнения и т. д..

Главное очевидное и непреодолимое противоречие всего экономического учения Маркса заключается в том, что либо продукты производства (товары) обмениваются соответственно количеству заложенного в них труда, и тогда никакого выравнивания прибыли на капитал не может быть, либо же выравнивание прибыли на капитал делает невозможным обмен этих товаров по заложенному в них труду.

Маркс правильно полагает, что «действительные, обыденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть непосредственно тождественными», но это вовсе не связано с тем, что «Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем *a priori* не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее». Как будто некое искусственное, насильственное как бы «разумное регулирование» рынка не является столь же опосредующим, как и спонтанность соотношения спроса и предложения. Сколь же избыточно оптимистично и наивно звучит эта уверенность в возможности достаточно адекватной «разумности регулирования». Показательно то, как Маркс даже здесь уповает на некую объективную «разумность», неоправданно или ошибочно отождествляя ее с «естественно необходимым», которое, к тому же, еще и «слепо действует» как некое непонятно почему «среднее».

В представлениях Маркса, «вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее. К чему же тогда вообще наука?» Но ведь это совершенно ложная претензия: речь идет совершенно о другом – о том, что экономические явления, в наблюдаемой реальности осущест-

вляющегося экономического процесса, совершенно не зависят, от якобы «раскрытой внутренней связи вещей», т. е. от закона трудовой стоимости. Адекватный экономист должен придерживаться не видимости, а фактов, которые, без сомнения, указывают на принципиально иную природу ценообразования и обмена, чем трудовая теория стоимости. Наука, собственно, затем и нужна, чтобы интерпретировать, объяснять и прогнозировать реальные события, а не плодить и/или обосновывать умозрительные убедительные, но при этом лишь идеологически целесообразные учения.

У Маркса нередко можно встретить своеобразное манипулирование. Например, он говорит: «Простое денежное обращение не включает в себя принцип самовоспроизводства и потому требует выхода за его пределы. В деньгах, как показывает развитие их определений, заложено требование существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время предполагающей само это обращение, то есть – существования капитала. Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действительного капитала из денег или купеческого капитала, овладевающего производством» (*т. 29, с. 259*). Но, судя по всему, существование денег не имеет никакого отношения к существованию трудовой стоимости, ведь на рынке всегда речь идет о ценности или, даже точнее, лишь о цене того или иного товара, а не о его трудоемкости. На самом деле товарно-денежное обращение, изначально предопределяющееся наличием многообразного спроса и предложения (и лишь затем разделением труда), в свою очередь, предполагает извлечение прибыли, а значит, и дает возможность накопления капитала. Поэтому неудивительно, что в другом месте Маркс признает: «Роль, которую деньги, как таковые, играют в определении процентной ставки и состояния денежного рынка, поразительна и полностью противоречит всем законам политической экономии» (*т. 29, с. 104*). Ведь, говоря о законах политической экономии, Маркс ведет речь прежде всего о пресловутом законе трудовой стоимости.

Примечание. Можно привести и еще одну яркую наглядную некорректность или неаккуратность в выражениях Маркса: «Считают, что товар продается по своей стоимости, если он продается по своей себестоимости, равной цене средств производства, потребленных при производстве этого товара, плюс заработная плата (то есть цена труда, приложенного к средствам производства). Не понимают, что заключенный в товаре неоплаченный труд образует столь же существенный элемент стоимости, как и труд оплаченный, и что этот элемент стоимости принимает теперь форму прибыли и т. д. Вообще не знают, что такое заработная плата» (*т. 31, с. 480*). Здесь следует обратить внимание на то, что зарплата – это именно рыночная цена P_c (но не оплаченная стоимость P_c), а не оплаченный труд в трудовой стоимости – это приба-

вочная стоимость. Себестоимость включает в себя все реальные издержки производства, выраженные в рыночных ценах. Цена включает в себя себестоимость плюс прибыль, которая, естественно, практически никогда не тождественна прибавочной стоимости. Более того, наличие прибыли может быть вообще никак не связано с наличием прибавочной стоимости в цене данного товара. Но у Маркса, несмотря ни на что, «Прибыль для нас прежде всего лишь другое название или другая категория для прибавочной стоимости»,... «это лишь иллюзорная форма проявления прибавочной стоимости» (т. 32, с. 60). Последнее просто умиляет, на самом деле именно прибавочная стоимость является иллюзорной абстрактной формой – в реальности, ее величина вообще ни в коем случае никак не может быть определена.

Удивительно, но Маркс, кажется, не только убеждает нас, но даже и сам верит тому, что «за этим скрывается еще и нечто другое. Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» (т. 32, с. 460–462). На самом деле оказывается, что «ничего не скрывается», а просто ложно или ошибочно понята сама связь вещей.

На первый взгляд, есть несколько очевидных причин ложности ТТС, на которые стоит сразу обратить внимание:

1) она не объясняет и не в силах объяснить главного, к чему призвана: того, как формируются реальная ни себестоимость (цена-для-себя), ни конечная цена товара (даже игнорируя то, что трудозатраты – далеко не единственное и даже не обязательное связующее звено между товарами);

2) она не объясняет, как измеряется и сопоставляется ни сам живой труд, ни в конечном итоге сама по себе эта пресловутая трудовая стоимость товара (чего она В ПРИНЦИПЕ не в силах сделать), а значит, и не позволяет измерять прибавочную стоимость;

3) она не объясняет и не в силах объяснить не только наличие товаров без трудовой составляющей (она их просто как бы игнорирует), но и их ценообразование; указание на возможное межотраслевое перераспределение прибавочной стоимости, упирается в необходимость рынка, т. е. необходимое целесообразно-эффективное межотраслевое перераспределение капитала или прибавочной стоимости из-за отсутствия рациональных объективных критериев вне рынка немислимо; как только упоминаем о необходимости рынка, сразу вместе с этим нужно вспоминать о неизбежности т. н. субъективных «отклонений»;

4) она не поясняет и В ПРИНЦИПЕ не в силах объяснить формирование ни нормы прибыли, ни процента, ни, В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ, самой по себе прибыли – главного мотиватора любого экономического процесса;

5) она не указывает на то, как можно рыночную цену рабочей силы свети к ее так называемой «естественной цене», т. е. ТТС совершенно никак не гарантирует того, что рабочая сила продается / покупается именно по своей трудовой стоимости.

Эпигоны исходят из мнения, что стоимость – это внутренняя скрытая сущность цены, некая необходимая вещь-в-себе, которая проявляется на практике в цене. На этот, казалось бы неубиенный аргумент, нужно ответить просто: сама по себе трудовая стоимость в принципе НЕизмерима или неопределенна! Т. к. в принципе корректно и/или объективно неизмеримы сам труд или использованная Рс. При этом еще оказывается, что «На самом же деле экономическая стоимость – категория, свойственная товарному производству, и исчезнет вместе с ним точно так же, как она не существовала до него. Отношение труда к продукту не выражается в форме стоимости ни до товарного производства, ни после него» (*Энгельс, т. 36, с. 181*). Цена же всегда так или иначе определяется в ходе субъективного процесса оценивания на рынке и выражается в четкой количественной денежной величине, т. к. факторами своего образования имеет совершенно иные – реальные – основания (прежде всего соотношение спроса и предложения), чем надуманная, искусственная, абстрактная, виртуальная или мнимая «трудовая стоимость».

Маркс в начале своего первого тома «Капитала» (*с. 112*) говорит довольно забавные вещи, следуя его утверждениям, как бы исходя из того, что «Величина стоимости товара выражает, таким образом, необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени», сама «возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены», т. к. в условиях рыночной экономики капитализма «правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел». Согласитесь, это весьма парадоксальная формулировка: «слепо действующий закон средних чисел», ну да, ладно – не будем пока будировать эту тему. Далее он делает принципиально важное, но еще более парадоксальное или, точнее, уже совершенно абсурдное заявление: «Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, т. е. величины стоимости с ее собственным денежным выражением, – она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров». Т. е. цена может как совпадать, так и не совпадать с величиной трудовой стоимости этого же товара. Допускается очевидная тавтология – количество величины стоимости не совпадает (не тождественно) с количеством ее же собственного денежного

выражения. Более того, между ними может даже скрываться некое такое «качественное противоречие», благодаря которому цена вообще больше никакого отношения к трудовой стоимости не имеет, хотя, кажется, деньги и есть только лишь некая форма стоимости товаров. Ведь все вещи или предметы называются именно товарами, как только подлежат продаже / покупке. Поэтому совершенно очевидна ложность представления или утверждения, что могут существовать «вещи, которые сами по себе не являются товарами». Товарная форма приобретается не благодаря цене, а, напротив, любая вещь или предмет приобретает свою цену благодаря собственной товарной форме или правильной подачи на рынке в виде товара. Следовательно, вещь может иметь реальную, т. е. рыночную цену только тогда, когда является товаром, выставленным на рынке на продажу. При этом ясно, что не имеет вообще никакого значения, имеет ли этот товар трудовую стоимость или нет. Именно величина трудовой стоимости (а не рыночная цена) здесь величина мнимая, «как известные величины в математике». Необработанный земельный участок, лес на корню, некая идея и т. п. – все это реальные товары, естественно имеющие цену, но не имеющие трудовой стоимости. Допущение того, что такие товары могут неким скрытым мистическим образом все-таки как-то косвенно или опосредованно содержать «в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него», абсолютно избыточно и неоправданно. «Мнимая форма цены» – это очевидный оксюморон! Мнимыми или виртуальными, при том очевидным образом, могут являться как раз только величины трудовых стоимостей. Деньги есть имманентная мера рыночной цены, с какой-то точки зрения, наверное, допустимо сказать, что это – специфическая форма выражения затрат человеческого времени жизни. Но не именно только лишь «рабочего времени», как думал Маркс.

Примечание. Мизес верно замечает: «Невозможность измерения состоит не в недостатке технических методик определения меры. Причина в отсутствии постоянных соотношений. Если бы это было связано лишь с техническими трудностями, по крайней мере приблизительная оценка в некоторых случаях оказалась бы возможной. Но истина заключается в отсутствии постоянных соотношений. Вопреки постоянным заклинаниям невежественных позитивистов экономическая теория не является отсталой наукой из-за того, что не носит количественного характера. Она не является количественной и не производит измерений, так как отсутствуют константы. Статистические цифры, относящиеся к экономическим событиям, это исторические данные. Они говорят нам о том, что произошло в неповторимом историческом случае. Физические события могут быть объяснены на основе нашего знания постоянных взаимосвязей, установленных экспериментально. Исторические события не поддаются подобному истолкованию» («Человеческая деятельность», с. 46).

Разделение труда в общественном масштабе делает обмен обязательным и неизбежным. Обмен же, развиваясь, приводит к превращению товара во всеобщую форму продукта труда, а денег – во всеобщую форму общественной связи. Но поскольку деньги есть якобы не что иное, как самостоятельная форма существования стоимости, то Маркс и приходит к выводу: «в системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал» (*т. 46, с. 199*), т. е. определяет характер перехода от «производства вообще» к понятию капитала. Маркс учит нас, что «Для того, чтобы развить понятие капитала нужно исходить не из труда, а из стоимости и притом – из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения» (*т. 46, с. 207*). «Первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это – товар» (*т. 46, ч. 2, с. 393*). «Само по себе понятие товара – т. е. стоимость товара – исключает труд как процесс; труд, как процесс... есть субстанция и мера стоимости, а не стоимость. Таковой он является лишь в качестве общественного труда... в процессе производства это опосредствование исчезает» (*т. 47, с. 595*).

В другом месте, в «Нищете философии», еще в 1847 году Маркс делает **ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ПОЯСНЯЮЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ** по этому поводу: «Предполагаем ли мы... беря рабочее время как меру стоимости, что рабочие дни эквивалентны и что день одного человека стоит дня другого? Нет». Поэтому «можно измерять стоимость рабочим временем, несмотря на неравенство стоимости различных рабочих дней; но чтобы применять подобную меру нужно иметь сравнительную шкалу стоимости различных рабочих дней; это шкала устанавливается конкуренцией. Стоит ли час вашей работы столько же, сколько час моей работы? Это вопрос, разрешаемый, конкуренцией. Конкуренция... определяет, сколько дней простого труда содержится в одном дне сложного труда. Не предполагает ли это сведение дней сложного труда к дням простого труда, что за меру стоимости принимается именно простой труд? То обстоятельство, что мерой стоимости служит одно лишь количество труда безотносительно к его качеству, предполагает, в свою очередь, что стержнем производственной деятельности сделался простой труд... Поэтому не следует говорить, что рабочий час одного человека стоит рабочего часа другого, но вернее будет сказать, что человек в течение одного часа стоит другого человека в течение тоже одного часа. Время – все, человек – ничто, он, самое большее, только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество одно только решает все: час за час, день за день; ... это уравнение труда не есть дело вечной справедливости..., оно просто-напросто факт современной промышленности. На предприятии, работающем с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого рабочего; рабочие могут различаться только количеством времени, употребляе-

мого ими на работу. Тем не менее, эта количественная разница становится, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, отдаваемое работе, зависит отчасти от причин чисто материального характера, каковы например, физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных причин чисто негативного свойства, каковы, например, терпение, невозмутимость, усидчивость. Наконец, если и имеется качественная разница в труде рабочих, то это, самое большее, – качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собой какой-либо отличительной особенности». При этом не следует смешивать «стоимость товаров, измеряемую стоимостью заключенного в них труда», со стоимостью товаров, «измеряемой стоимостью труда». Это только кажется, что можно сказать: «относительная стоимость какого бы то ни было товара измеряется количеством заключенного в нем труда; или она измеряется количеством труда, за которое можно ее приобрести. Но дело обстоит далеко не так. Стоимость труда так же мало может служить мерой стоимости, как и стоимость всякого другого товара» (т. 4, с. 89–90).

После этого Маркс делает следующее уже буквально ПОТРЯСАЮЩЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕ о том, что если кто-то «признает, что стоимость продуктов определяется рабочим временем, то он должен признать также и это колебательное движение (речь, о колебании спроса и предложения – Ю. М.), которое в обществах, основанных на индивидуальном обмене, одно только и делает из рабочего времени меру стоимости. Никакого вполне установленного “отношения пропорциональности” не существует, а есть только устанавливающее его движение» (т. 4, с. 98).

В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ парадоксальным образом получается, что не будь рынка или индивидуального обмена с естественными колебаниями спроса и предложения, с конкуренцией, в обществе даже и речи не могло бы идти о трудовой стоимости или о рабочем времени как мере стоимости – якобы необходимом для эквивалентного обмена! Но СВОБОДНЫЙ индивидуальный обмен в реальности может быть осуществлен и без наличия какого-либо рынка (или вне его), т. е. выходит, что для осуществления обмена (или купли / продажи) вовсе не обязательно наличие трудовой стоимости в цене товара. Не «труд создает деньги», а разделение труда, необходимо предполагающее обмен. Да и марксово требование т. н. «эквивалентного обмена» отсюда же очевидно ложно. Кроме того, Маркс настаивает еще и на том, что «Очень важно не упускать из виду того обстоятельства, что стоимость вещи определяется не тем временем, в течение которого она была произведена, а минимумом времени, в течение которого она может быть произведена, и этот минимум устанавливается конкуренцией. Вместо “отношений пропорциональности”, мы имеем отношения диспропорциональности» (т. 4, с. 99). Здесь возникает

вопрос: ну вот какое имеет отношение удовлетворение потребностей или спрос к «минимуму рабочего времени» – его ведь интересует лишь цена и качество товара (в т. ч., кстати, и P_c) и, по большому счету, ничего более?

Примечание. По всей видимости, здесь будет уместно напомнить позицию австрийской школы или, точнее, Бем-Баверка: рыночная цена устанавливается между денежными оценками так называемых «предельных пар», т. е. между той суммой, которую готов предложить последний из покупателей, вступивший в сделку, и той суммой, которую, в крайнем случае, готов уплатить первый из исключенных из покупки на стороне покупателей (с одной стороны, «первая пара»); и между той суммой, которой готов довольствоваться последний из продавцов, еще вступивший в сделку, и той, которой, в крайнем случае, довольствовался бы первый из исключенных из сделки продавцов (с другой стороны, «вторая пара»). Важно заметить, что «старый закон спроса и предложения» оказывается в таком случае как бы лишь дополнением к закону предельной полезности.

§ 4. НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ

Эпигоны считают, что фундаментальным открытием Маркса является то, что процесс производства капитала есть нечто двойственное, а именно процесс труда и процесс увеличения стоимости, с другой стороны – процесс создания потребительной стоимости, меновой стоимости и прибавочной стоимости.

Примечание. Маркс довольно лихо пытается объяснить то, как следует определять капитал: «Относительно капитала с самого начала ясно, что он определяется двояко: 1) как фактор производства, 2) как источник дохода, как фактор, определяющий известные формы распределения. Процент и прибыль фигурируют поэтому как таковые также и в производстве, поскольку они представляют собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно, представляют собой моменты производства самого капитала. Процент и прибыль как формы распределения предполагают капитал как фактор производства. Они – способы распределения, которые имеют своей предпосылкой капитал как фактор производства. Они суть также способы воспроизводства капитала» (*т. 12, с. 721*).

По Марксу, капитал – это лишь специфическое «общественное производственное отношение. Это – буржуазное производственное отношение, производственное отношение буржуазного общества» (*т. 6, с. 442*). В своих исследованиях он, как правило, исходит из предположения, что в целом «все общество состоит из промышленных капиталистов и их наемных рабочих» (*т. 25, ч. 2, с. 26*).

Примечание. По мнению Энгельса, «даже отъявленным дуракам становится очевидным, что при нынешнем общественном строе вообще не может быть капитала, “добытого собственным трудом”, и что, напротив, всякий существующий капитал есть не что иное, как присвоенный неоплаченный продукт чужого труда» (т. 17, с. 464). «Существование класса, не владеющего ничем кроме способностей к труду, является необходимой предпосылкой капитала. Только господство накопленного прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал. Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости» (т. 6, с. 443). «Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга, они взаимно порождают друг друга» (т. 6, с. 444), даже более того, «увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса» (т. 6, с. 445). При этом Маркс всегда придерживается мнения, что «если один вид капитала – деньги – имеет право на прибыль, то и другой вид капитала – труд – также имеет на нее право; и труд имеет большее право, ибо труд создает деньги, а не наоборот. Что такое прибыль? Это капитал, остающийся после вычитания всех издержек производства» (т. 9, с. 533–534). Здесь будет уместным привести и замечание, сделанное Энгельсом в 1884 году: «Стоящая перед производством цель – производить товары – не придает орудию производства характера капитала. Товарное производство является одним из предварительных условий существования капитала; но пока производитель продает только свое собственное изделие, он не является капиталистом; он становится им только в тот момент, когда использует свое орудие для эксплуатации наемного труда других людей» (т. 36, с. 167). Возникает вопрос, а разве, следуя логике того же Маркса, не следует ли согласиться с тем, что орудию производства придает характер капитала, его «свойство ПОЗВОЛЯТЬ» на нем производить добавленную стоимость и зарабатывать прибыль? С экономической точки зрения, ведь не важно, что «производитель продает только свое собственное изделие», результат собственного труда или продукт полученный вследствие «эксплуатации наемного труда других людей», главное, чтобы по итогам его продажи полученная прибыль капитализировалась в какой-то из имманентных форм.

В 1866 году Маркс заявляет: «Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, договор между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже с точки зрения общества, в котором собственность на материальные средства существования и труда противостоит живой производительной силе. Социальная сила рабочих заключается только в их численности. Но сила численного превосходства уничтожается их разобщенностью. Разобщенность рабочих создается и продолжает существовать вследствие неизбежной конкуренции между ними самими» (т. 16, с. 200). Но

на самом деле капитал всегда, даже в условиях государственного капитализма, имеет некую локализацию, а рабочие располагающие, естественно, лишь своей рабочей силой, всегда могут вступить в деструктивный сговор против своего работодателя. Если «договор между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях», то значит, пока в экономике общества хоть как-то будет востребован живой труд, ни о какой социальной справедливости и речи быть не может. Если «сила рабочих заключается только в их численности», то, без сомнения, в случае радикального сокращения в обществе численности именно рабочего класса (вследствие, например, его обуржуазивания), его «сила» нивелируется до социально совершенно незначительных размеров.

По парадоксальному признанию самого Маркса, на самом деле в реальности, «мало значит “непосредственное” определение стоимости в буржуазном обществе. Действительно, никакая форма общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем – что возможно лишь при общественной собственности, – а благодаря движению товарных цен» (Маркс, т. 32, с. 9), т. е. спонтанно, бесконтрольно и не организовано. Странным образом, выходит, что рыночные цены, формируемые соотношением субъективного спроса и предложения, вдруг при этом как-то мистическим образом все-таки регулируются еще и каким-то рабочим временем. Маркс явно не осознает и игнорирует необходимость наличия в экономике или в организации производственного процесса адекватного корректного универсального «измерителя» или «оценщика» – покупателя или рынка.

Если даже капитал – это только лишь накопленный «прошлый овеществленный труд», используемый живым трудом, то и в этом случае мы можем с полным на то основанием полагать, что капитал имелся и в добуржуазных производственных отношениях. На самом же деле капитал – это, конечно, не только накопленный непотребленный результат труда (т. е. использования P_c), но и всякая иная накопленная коммерческая прибыль и/или процент, являющиеся необходимым инвестиционным ресурсом для расширенного воспроизводства в любой экономике. В самом широком смысле капитал – это совокупность ценностей, благ, имеющихся как данность и возникших вследствие предыдущей хозяйственной деятельности в социуме. Оправданно выделяют капитал как совокупность именно тех ценностей, которые должны служить не для непосредственного потребления, а для порождения новых благ или ценностей. В узком производственном смысле иногда может быть оправданным представление о капитале (как об именно т. н. производствен-

ном капитале) как о совокупности произведенных обществом средств производства.

«Мы говорим... упраздните капитал – присвоение немногими всех средств производства, – и тогда государство падет само собой... упраздните капитал – это и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства» (*Энгельс, т. 33, с. 328*). Но не будет ли это на самом деле означать уничтожение или упразднение вообще экономики и всякого мыслимого способа производства? Ведь капитал обязателен в любой экономике, даже в той, в которой отсутствует вообще живой труд.

Примечание. Классики уверенно заявляли: «дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (*т. 3, с. 192*). Как это ни удивительно, но Марксом еще в 1853 году рассматривались гипотетические условия, при которых «автоматические машины давали бы... возможность получать ту же сумму чистого дохода, которую сегодня создает население... И в самом деле “национальное богатство”, являющееся здесь лишь грамматическим понятием, в данном случае несколько бы не уменьшилось» (*т. 8, с. 566*). Разве не допустимо в этом контексте под «национальным богатством» подразумевать капитал, ну, или наоборот? Кстати, кроме того, здесь сразу следует заметить, что не всякий наемный труд и не всякое увеличение рабочего класса (или P_c) порождают прибыль, а значит, и капитал. Поэтому далеко не всякий живой труд может иметь право на некую часть прибыли или как-то претендовать на нее. Показательно следующее неоправданное (ощущение, что намеренно) слишком поверхностное рассуждение Маркса, да и Энгельса тоже: «Зарботная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу. Меновая стоимость капитала (*в изд. 1891 года – доля капитала*), прибыль, повышается в той же пропорции, в какой понижается меновая стоимость труда (доля труда), поденная плата, и наоборот. Прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата, и понижается в той же мере, в какой повышается заработная плата» (*т. 6, с. 449*). Разве не корректнее было бы сказать осторожней, – издержки производства в целом (или c/c) и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу, а все остальные частные зависимости неочевидны и небесспорны во всех случаях? Ведь, например, в случае полной автоматизации производства непосредственный, или живой труд (т. е. расходы по оплате цены P_c – заработная плата) будет исключен из перечня необходимых издержек производства (или c/c). Но Маркс, как это ни удивительно, так не думает, он полагает, что «если бы машины уничтожили весь класс наемных рабочих, – какие ужасные времена настали бы для капитала, который без наемного труда перестает быть капиталом!» (*т. 6, с. 457*). Если в ходе реализации результатов хозяйственной деятельности (товаров и услуг, не предусматривающих участие в них наемного труда) на рынке получается прибыль, предполагающая возможность ее накопления с целью капитализации или инвестирования в инновационные проекты, то каким образом

этот капитал вдруг перестал бы «быть капиталом»? Вероятно, наряду с понятиями «производительность труда» и «естественная производительность» вполне оправданно употребление и термина «производительность капитала», порождающего «чистый доход» и/или «чистый процент». Но по поверхностному или ошибочному представлению Маркса – это лишь производительность мертвого или прошлого труда.

Марксисты-эпигоны полагают, что если из анализа формы стоимости исключить то решающее обстоятельство, что и находящийся в относительной форме стоимости товар А, и выступающий в роли эквивалента товар Б – суть продукты человеческого труда, то единственным связующим звеном между ними будет воля обменивающихся. Т. е. они, к большому сожалению, совершенно не обращают свое внимание на достаточно аргументированную критику по этому поводу, например, Бем Баверка: трудозатраты – далеко не единственное и даже не обязательное связующее звено между товарами. Маркс учит нас, что «все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. Производство вообще – это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее... Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них невысказанно никакое производство... Определения, которые действительно для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, – одни и те же, не было забыто существенное различие. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений. Они доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый, объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает “орудие производства”, “накопленный труд”, капиталом» (*Маркс, т. 12, с. 711*). Без сомнения, Маркс здесь имеет в виду живой труд.

Однако, как представляется, принципиально важно выделить и понять как раз совсем другое – тот естественный, имеющий протяженность во времени капиталобразующий процесс, который формирует величину процента без какой-либо трудоемкости и вне зависимости от существу-

ющих социальных отношений. Ведь именно этот процесс относится ко всем эпохам. При этом имеет смысл различать несколько форм процента на капитал.

Маркс только внешне, совершенно необоснованно, хотя и весьма убедительно показывает, что анализ товара должен привести к исследованию труда и производству, причем именно той его конкретной исторической формы, продуктом которой является данный товар, в связи с чем, наверное, стоит обратить внимание на альтернативную позицию ревизиониста Кодзо Уно. Несмотря на то, что Уно признает, что «продукты не всегда являются товарами», он в то же время отрицает исторически преходящий характер системы производства, на котором покоится буржуазная экономика. У Кодзо Уно «Напротив, скорее процесс производства, являющийся субстанциональной основой любого общества, подчиняется капиталу, причем товарный характер экономики становится всеобщим свойством исторически конкретной формы общества». Однако такое производство вообще – это все-таки абстракция, в чем совершенно прав Маркс. При этом, по его мнению, «Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены... для того, чтобы из за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человекство и объект, природа – одни и те же, не были забыты существенные различия» (т. 46, ч. 1, с. 21).

Примечание. Кодзо Уно («Принципы политической экономики») в 1964 году обнаруживает, что труд характеризуется известной двойственностью при любой общественной системе производства, т. е. этой двойственностью изначально обладает «прогресс производства вообще». По мнению Уно, вывод Маркса «часто интерпретировали неверно – будто только труд, производящий товар, обладает этой двойственностью. Напротив, такая двойственность вообще присуща труду в любом обществе ..., хотя эта двойственность труда вообще проявляется в обществе, основанном на товарном производстве специфическим образом». Противоположность между абстрактным и конкретным трудом в изучаемом буржуазном обществе Уно рассматривает как объективную внеисторическую противоположность между количественным и качественными аспектами труда. Таким образом, Уно приходит к внеисторической трактовке важнейших категорий «Капитала». Эпигоны-марксисты считают, что предпринятая Уно реконструкция Маркса, во всяком случае, в отношении к теории стоимости, кажется, порождает больше антиномий, чем разрешает. Например, разве не антиномия – отстаивать, с одной стороны, тезис о специфически историческом характере закона стоимости, связывать его полное развитие с капиталистическим способом производства, а с другой стороны, трактовать внутренние законы капиталистического производства как вечные, внеисторические законы «производства вообще»? Но как представляется, указанное «противоречие» на самом деле – вовсе не антиномия, более

того, его скорее всего в реальности не существует, т. к. и сам закон стоимости ложен.

Как нам представляется, внутренние законы т. н. капиталистического производства определенно являются внеисторическими законами (в известном смысле, любого производства вообще). Можно согласиться с мнением, что если исходить из того, что в основе любой общественной системы лежит неизменное в своих основных чертах «производство вообще», то для правильного понимания экономической структуры античного, феодального, «социалистического» и других способов производства вполне достаточно знания, опять-таки в определенном смысле, законов функционирования производства при капитализме. Говорится «в определенном смысле», т. к. и в самом капитализме можно различить определенные стадии, фазы или этапы развития – от машинного вплоть до информационного производства. В какой-то мере понимание структуры капиталистического общества и его производственных отношений дает вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения любого общества.

Конкуренция, наряду с сотрудничеством, необходимы всякому биосоциуму. Другое дело, какие имманентные формы они могут принимать на каждом этапе его эволюции. Энгельс писал: «Конкуренция есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех. Эта война, война за жизнь, за существование, за все, а следовательно в случае необходимости и война на жизнь и на смерть, протекает не только между различными классами общества, но и между отдельными членами этих классов; один стоит у другого на пути, и поэтому каждый старается оттеснить остальных и занять их место» (*т. 2, с. 311*), к сожалению при этом он ничего не сказал о тех формах сотрудничества, которые возникали в современном ему капиталистическом обществе, из-за такой, по-видимому, избыточной жесткой конкуренции, буквально «по беспределу». Да, в капиталистическом обществе, вполне естественно, что «Рабочие конкурируют между собой, и буржуа конкурируют между собой» (*т. 2, с. 311*). Именно благодаря конкуренции тогдашний труд рабочих обходился буржуазии «гораздо дешевле, чем обошелся бы труд рабов, как высчитал ей в утешение Адам Смит».

Примечание. Здесь же Энгельс продолжает: «Отсюда следует также, что Адам Смит совершенно прав, когда, в другом месте, утверждает следующее: “Спрос на рабочих, как и спрос на всякий другой товар, регулирует производство рабочих, количество производимых людей; спрос ускоряет этот процесс, когда он идет слишком медленно, задерживает его, когда он идет слишком быстро”. Тут происходит совершенно то же, что и со всяким другим товаром: если рабочих не хватает, цена на них, т. е. их заработная плата,

повышается; им живется лучше, множатся браки, повышается рождаемость, больше детей остается в живых, пока не появится на свет достаточное количество рабочих; если рабочих слишком много, цены падают, начинается безработица, нищета, голод и вызванные всем этим болезни, которые устраняют “избыточное население”. И Мальтус, развивший вышеприведенное положение Смита, тоже по-своему прав, когда он утверждает, что всегда имеется “избыточное население”, что на свете всегда слишком много людей; он только неправ, когда утверждает, что на свете больше людей, чем могут прокормить имеющиеся налицо средства к жизни. “Избыточное население” возникает скорее в результате конкуренции рабочих между собой – конкуренции, заставляющей каждого отдельного рабочего работать в день столько, сколько позволяют ему его силы» (*т. 2, с. 316*). Как представляется, мнение, что «всегда имеется “избыточное население”, что на свете всегда слишком много людей», с точки зрения развития экономики, не может быть вполне обоснованно. Что касается утверждения Энгельса о том, что Мальтус был неправ, полагая, что «на свете больше людей, чем могут прокормить имеющиеся налицо средства к жизни», то оно явно неоспорно, т. к., с одной стороны, биосоциум всегда имеет актуальный дефицит в структуре ресурсов, а с другой стороны, есть постоянный неуклонный рост разнообразия потребностей, требований и спроса у людей.

§ 5. ОБ АВАНСИРОВАНИИ ЗАРПЛАТЫ И ОБЪЯСНЕНИИ ПРИБЫЛИ

Маркс считает нелепой попытку «объяснить» прибыль капиталиста тем, что он «будто бы авансирует рабочему деньги раньше, чем превратил в деньги свой товар». По этому поводу он приводит следующие рассуждения.

«Во-первых. Когда я покупаю товар для своего потребления, то для меня никакой “прибыли” не возникает из того обстоятельства, что я являюсь покупателем, а владелец товара – “продавцом”, что мой товар имеет форму денег, а его только еще должен превратиться в деньги. Капиталист оплачивает труд только после того, как потребил его, тогда как другие товары оплачиваются до того, как они потребляются. Это происходит из своеобразной природы покупаемого им товара, который на деле переходит к покупателю полностью только после того, как он потреблен. Деньги выступают здесь как средство платежа. Капиталист всегда присваивает себе товар “труд” раньше, чем оплачивает его. Но то обстоятельство, что он покупает его только с целью получения прибыли от продажи продукта этого труда, отнюдь не может служить причиной того, что он эту при-

быль получает. Это только мотив. И все в таком случае свелось бы лишь к следующему: покупая наемный труд, капиталист-де получает прибыль потому, что он хочет извлечь прибыль из продажи продукта этого труда.

Во-вторых. Но говорят нам, капиталист все же авансирует рабочему в форме денег ту часть продукта, которая приходится на его долю в качестве заработной платы, и таким образом избавляет рабочего от забот, риска и потери времени, которые были бы неизбежны для рабочего, если бы он сам должен был превратить в деньги часть товара, причитающуюся ему в качестве заработной платы. Не должен ли рабочий оплачивать капиталисту эти заботы, риск и потерю времени? Не должен ли, следовательно, рабочий получать меньшую долю продукта, чем та, которая, не будь этого, причиталась бы ему?» (*т. 26, ч. 1, с. 314*).

Выдвинутые Марксом против этих вопросов возражения, просто умиляют: «При такой постановке вопроса сводится на нет все отношение наемного труда и капитала и в корне уничтожается экономическое объяснение прибавочной стоимости». Здесь следует все-таки отметить, что – нет, этим не сводятся на нет отношения наемного работника и его работодателя, но отрицается искусственно привнесенный в них избыточный коммунистический аспект. Так же вовсе и не отрицается допущение гипотетической прибавочной стоимости, но лишь отрицается ее коммунистическое трактование или смысл. Остается только спросить у Маркса, чем он больше озабочен в этих своих исследованиях: научной корректностью или идеологическими смыслами? Далее, разворачивая свои возражения, он, как бы несколько манипулируя, следующим образом, поясняет свою позицию: «Правда, результат процесса состоит в том, что фонд, из которого капиталист оплачивает наемного рабочего, представляет собой в действительности только собственный продукт последнего и что таким образом капиталист и рабочий фактически делят продукт в определенной пропорции между собой. Но этот фактический результат не имеет абсолютно ничего общего со сделкой между капиталом и наемным трудом (сделкой, на которую опирается экономическое обоснование прибавочной стоимости, вытекающее из законов самого товарного обмена). Капиталист покупает не что иное, как временное распоряжение рабочей силой, и платит за это только после того, как рабочая сила действовала, овеществилась в продукте. Как и везде, где деньги выступают в роли средства платежа, так и здесь купля и продажа предшествуют реальному отчуждению денег со стороны покупателя. Но после этой сделки, которая закончилась еще до начала действительного процесса производства, труд принадлежит уже капиталисту. Ему же целиком принадлежит и товар, выходящий как продукт из этого процесса. Капиталист произвел его принадлежащими ему средствами производства и купленным им, а сле-

довательно, и принадлежащим ему – хотя еще и не оплаченным, – трудом. Дело обстоит так, как если бы он совсем не потребил чужого труда для производства товара» (*т. 26, ч. 1, с. 315*). Но нет правды в том, что «фонд, из которого капиталист оплачивает наемного рабочего, представляет собой в действительности только собственный продукт последнего», особенно это очевидно согласно логике самого же Маркса, если этот работник занят непроизводительным трудом. Ничего не меняет и то, если это промышленный рабочий, который занят на сложном производстве длительного цикла, например в судостроении атомных подводных лодок. В этом случае, кажется, ну совершенно абсурдно говорить, о некоем исключительно «только собственном продукте» работника. Без кредитных ресурсов или бюджетного финансирования в течение многих месяцев вообще трудно себе представить производство конечного продукта такого производства. При этом довольно трудно точно предусмотреть не только всю сумму издержек, но, в частности, и фонд оплаты труда работников, занятых на производстве такого судна за весь период его строительства. Высказанная претензия о том, что «капиталист покупает не что иное, как временное распоряжение рабочей силой, и платит за это только после того, как рабочая сила действовала, ошествилась в продукте», просто обескураживает – не хватало, чтобы деньги, как правило взятые в кредит, наперед, без процентов, просто так раздавались работникам, что называется «а тут оказывается еще и работать надо». Конечный (или фактический) и производственный, и коммерческий результат в данном случае, естественно, «не имеет абсолютно ничего общего со сделкой между капиталом и наемным трудом», именно потому, что вытекает «из законов самого товарного обмена» и, вероятно, рынка банковских или финансовых услуг. Отсюда последовательно вытекает вся нелепость схоластического т. н. «обоснования» «прибавочной стоимости», или ТПС.

Не менее ложно и указание Маркса о том, что капиталисту-работодателю уже «целиком принадлежит и товар, выходящий как продукт из этого процесса», который якобы произведен «еще и не оплаченным, – трудом». Дело не обстоит так, как если бы работодатель совсем не потребил чужого труда для производства товара. Но в рассматриваемом случае ясно, что и конечный продукт как товар остается лишь «в проекте», т. е. попросту еще не существует в реальности. Вряд ли может быть оправдано считать этот незаконченный продукт или полуфабрикат полноценным товаром, тем не менее уплаченная зарплата за его изготовление вполне реальна и полноценна. Предположение, как бы по умолчанию, о том, что в трудовом соглашении не предусмотрен аванс по оплате труда рабочим перед началом их работы, – необудительно, т. к. на такого рода крупных предприятиях аванс, как правило (с целью удержания трудового коллек-

тива), напротив предусмотрен. Прибыль, получаемая капиталистом, это, конечно же, не какая-то неизмеримая абстрактная «прибавочная стоимость», которая якобы «проистекает именно из того, что рабочий продал ему как товар не труд, овеществленный в товаре, а самое свою рабочую силу». Прибыль – это нечто другое, как избыток реально полученного дохода от продажи товара над суммой всех издержек по его производству. Дохода, полученного абсолютно независимо от того, применялся ли вообще живой труд для его производства или нет. В данном контексте бредовое или очевидно совершенно ложное заявление Маркса о том, что «Если бы рабочий противостоял ему как товаровладелец в первом смысле, то капиталист не мог бы получить никакой прибыли, не мог бы реализовать никакой прибавочной стоимости, так как согласно закону стоимости обмениваются эквиваленты, обменивается равное количество труда на равное количество труда», с нелепой ссылкой на изначально ничем неоправданные постулаты ТТС и ТПС, просто поражает своим упорством в противостоянии наблюдаемой реальности. Ну как может осуществляться обмен «равного количества труда на равное количество труда», если само это его «количество» в принципе неизмеримо и неопределимо? Далее, ведь у Маркса, как бы последовательно, выходит «еще веселей» в схоластических пируэтах и абстрактных допущениях: «Прибавочная стоимость капиталиста проистекает именно из того, что он покупает у рабочего не товар, а самое его рабочую силу, которая имеет меньшую стоимость, чем ее продукт, или, что то же самое, которая реализуется в большем количестве овеществленного труда, чем реализовано в ней самой», будто бы работодателю нужна сама по себе «рабочая сила». Нет, капиталиста-производственника интересуют именно объем и актуальная цена уже овеществленного труда нанятого работника. Поэтому более корректно следовало бы, по-видимому, сказать, что капиталист стремится купить или оплатить конкретный объем именно овеществленного труда или произведенной тружеником ценности, а работник – продать лишь свою рабочую силу. Заявление Маркса о том, что «фактически, – поскольку процесс непрерывен, – капиталист платит рабочему только из собственного продукта этого последнего, так что рабочий оплачивается только частью своего собственного продукта и, следовательно, авансирование является простой видимостью» (*т. 26, ч. 1, с. 315–316*), без сомнения, ложно. Нужно прежде всего сразу заметить, что далеко не во всех отраслях производства сам по себе производственный процесс непрерывен (к таким отраслям, наверно, можно отнести металлургию и энергетику). Кроме этого, технологическая непрерывность производства вовсе еще не свидетельствует о непрерывности всех платежей или финансовой деятельности данного предприятия. В конечном итоге всякое производ-

ство имеет свое начало, предусматривающее необходимое авансирование капитала, в т. ч. и на предоплату зарплаты. Поэтому, с известной точки зрения, вполне оправданно считать, что «рабочий продал капиталисту свою долю продукта раньше, чем этот продукт был превращен в деньги», т. е. зачастую даже гораздо «раньше, чем продукт получил способность превратиться в деньги», ибо «может случиться, что хотя труд рабочего и получил свою материализацию в каком-нибудь продукте, но изготовлена в данный момент только часть пригодного для продажи товара». Ложное или ничем не оправданное заявление Маркса о том, что «при таком взгляде на вещи капиталист перестает быть собственником продукта», призвано как бы подкрепить его странное и/или извращенное коммунистическое представление о том, что этим самым как-то «устраняется весь тот процесс, посредством которого он безвозмездно присваивал себе чужой труд». При таком взгляде на вещи капиталист никак не может перестать быть собственником того недопродукта, в котором уже воплощен или овеществлен определенный труд рабочего, т. к. он создан по его воле и за его денежные средства, т. е. капитал. Указание Маркса на некий «процесс», посредством которого капиталист якобы как-то безвозмездно присваивал или присваивает себе чужой труд, абсолютно абсурдно, ведь совершенно очевидно, что в условиях свободной рыночной экономики никто на кого-то бесплатно никогда не трудился, не работает и трудиться не будет. В конечном итоге в нормальных рыночных условиях все на рынке противостоят друг другу именно как товаровладельцы, продавцы и покупатели. Вряд ли капиталиста может интересовать рабочая сила работяги сама по себе, даже если он и стремится ее ему продать. Всякого капиталиста-производственного интересует конечный продукт, по самой меньшей мере та часть продукта, в которой уже овеществлен труд нанятого им работника. Таким образом, получается, что рабочий продает своему работодателю все-таки как бы «товар» – собственный уже овеществленный труд. Гипотетическое рассуждение Маркса о том, что «рабочий в таком случае может сказать капиталисту» (и ведь действительно говорит с помощью профсоюзов), не вполне уместно, т. к. давно известно, что «кто платит, тот и музыку заказывает». Рабочий, вне всякого сомнения, в любом случае должен согласиться на получение капиталистом причитающейся ему общей средней нормы прибыли, т. к. это есть оправданная рыночная цена его авансированного капитала. Ясно, что никакого отношения к этой прибыли рабочий не имеет и в принципе иметь не может. Указание Маркса на то, что якобы только труд рабочего «сохранил стоимость» (*т. 26, ч. 1, с. 316*) сырья и материалов, и что они вне процесса производства ничего не стоят, очевидно ложно, т. к. наличествующие избыточные производственные запасы материалов,

полуфабрикатов и сырья сами по себе практически всегда имеют свою цену и могут быть в конце концов просто проданы.

Вообще весь представленный Марксом гипотетический диалог «рабочего с капиталистом» в рамках парадигмы ТТС выглядит довольно искусственно и нелепо, т. к. практически ничего не имеет общего с реальностью. Особенно умиляет невероятное гипотетическое «признание» капиталиста о том, что «2 фунта пряжи, действительно, стоят 2 шилл. Они представляют это именно количество твоего рабочего времени». Ну да ладно, не будем задерживаться на этой глупости и продолжим рассмотрение аргументации от лица «капиталиста»: «Но ведь я должен платить тебе за них еще до того, как я их продал. Может быть, мне совсем не удастся продать их. Это – риск № 1. Во-вторых, возможно, что я их продам ниже их цены. Это – риск № 2. А, в-третьих, как бы там ни было, приходится еще тратить время на их продажу». Как это ни странно, но Маркс здесь не указывает на, кажется, самый главный аргумент со стороны капиталиста – сумму авансированного им капитала, изъятого из оборота или взятого в кредит на определенный предполагаемый промежуток времени.

Примечание. Возвращаясь к предпринимательским рискам капиталиста, Маркс оправдывая позицию рабочих, заявляет: «К тому же, если капиталист стоит перед риском продать товар ниже его стоимости, то он имеет также и шансы продать его выше его стоимости. Если продукт не удается продать, то рабочего выбрасывают на улицу. Если цена продукта долгое время остается ниже рыночной, то заработная плата рабочего падает ниже среднего уровня, и фабрики работают неполное время». Исходя из этого, Маркс делает потрясающий своей неожиданной «логичностью» вывод: оказывается «наибольший риск несет, следовательно, рабочий» (*т. 26, ч. 1, с. 321*).

На это «рабочие» Маркса отвечают капиталисту следующим хамским образом: «ты ведь хочешь купить у нас нашу долю в продукте, 2 фунта, а то, что в них содержится, – это на деле не что иное, как наше собственное овеществленное рабочее время. И вот ты заявляешь, что мы должны продать тебе свой товар ниже его стоимости, чтобы ты в результате этого получил больше стоимости в виде товара, чем имеешь теперь в виде денег» (*т. 26, ч. 1, с. 317*). Просто наглая манипуляция – неужели ее не осознавал Маркс? С какого вдруг перепуга капиталист должен был согласиться с тем, что долей работяг в продукте является вообще вся стоимость продукта или товара, а не их зарплата уже учтенная или предусмотренная в необходимых издержках производства этого товара? Манипуляция с «рабочим временем» создает иллюзию того, что зарплата немислимым образом уплачивается, якобы не за весь труд или не за все израсходованное работниками рабочее время на производство этого

товара. Неоправданное допущение того, что одна единица товара стоит одну денежную единицу, которая всегда содержит столько же рабочего времени, как и одна ед. товара, потрясает своей надуманной фантастичностью. Говоря словами классика, хочется задать ему самому вопрос: ну на чем основываешь ты это представление или требование «эквивалентного обмена в соответствии с их трудовыми стоимостями», очевидным образом противоречащее реально наблюдаемым процессам обмена, осуществляющимся на рынке? Ну, на чем?

Рабочие у Маркса заявляют капиталисту, что он покупал их рабочую силу по ее стоимости, «однако самый наш труд ты купил ниже той стоимости, в которой он находит свое выражение». Но работодатель нанимает рабочих в соответствии с рыночной ценой (выражаемой в согласованной зарплате) их профессии, квалификации и т. п. Ясно (по логике того же Маркса), что об определенной величине некоей как бы объективной трудовой стоимости самой по себе конкретной рабочей силы в принципе не может идти корректной речи. Любопытно, что Маркс согласен с Гоббсом в том, что «Продукт умственного труда – наука – всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести» (*т. 26, ч. 1, с. 355*) и при этом парадоксально указывает на необходимость учета затрат некоего среднего абстрактного простого общественного труда.

Заслуживает еще внимания и следующее интересное заявление Маркса: «Если выводить заработную плату (совершенно извращая действительные отношения) из дисконтирования принадлежащей рабочим части стоимости совокупного продукта – из того, что капиталист оплачивает рабочим эту часть деньгами вперед, – то капиталист должен был бы выдавать им очень краткосрочные векселя, какие он выдает, например, торговцу, промышленяющему хлопком, и т. д. Рабочий получал бы большую часть своего продукта, а капиталист скоро перестал бы быть капиталистом. Из собственника продукта он превратился бы для рабочих просто в банкира» (*т. 26, ч. 1, с. 320–321*). Маркс акцентирует внимание на том, что «Никому не приходит в голову, что фермер, уплачивая ренту деньгами, или промышленный капиталист, уплачивая проценты деньгами, могут удерживать часть причитающихся с них ренты или процента на том только основании, что они, – для того чтобы иметь возможность производить эти платежи, – должны предварительно превратить свой продукт в деньги» (*т. 26, ч. 1, с. 321*). Почему же «не приходит в голову»? Иногда еще и как «приходит». Рента, как и процент, часто не платится вовремя, бывает, и в не полном объеме. Кстати, по идее, это должно нам напомнить, что капитал формируется далеко не только в сфере производства, а

прибыль получается не только вследствие осуществления трудовой деятельности. Капитал имеет различные формы проявления, одной из такой форм может выступать и производительная сила общественного труда в его особых собственных формах. Наличие некоего первоначального капитала (хотя бы орудий труда) является изначальным необходимым условием овеществления труда. Эти вещественные условия труда, персонафицированные в капиталисте, в качестве обособившегося элемента, естественно, необходимо противостоят живому труду. Маркс, интерпретируя это отношение, по-коммунистически его извращает, а фактическое положение дел при рассмотрении денег, обозначает как фетишизм (*т. 26, ч. 1, с. 396*). Говоря о том, что кроме того, еще «силы природы и наука противостоят рабочим как силы капитала», Маркс не забывает подчеркнуть, что «наука и ее применения», – «если их проследить до самого их источника, – представляют собой опять-таки продукты труда, все же они всюду, где они входят в процесс труда, выступают как включенные в состав капитала». При этом Маркс и слова не говорит о том, что наука была бы невозможна без таланта, без творческого прозрения или интуиции. Заявление же о том, что «Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для эксплуатации труда капиталу неизбежно приходится применять эти средства в процессе производства. И таким образом развитие общественных производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое деяние капитала, которое не только совершается помимо воли отдельного рабочего, но и прямо направлено против него» (*т. 26, ч. 1, с. 399*), очевидным образом избыточно и идеологически по-коммунистически ангажировано.

Маркс не менее ангажировано не только коммунистической парадигмой, но теперь уже и ТТС, парадоксально утверждает: «Сам капитал имеет двойственный характер, так как он состоит из товаров.

1. Меновая стоимость (деньги); но это – самовозрастающая стоимость, такая стоимость, которая – благодаря тому, что она есть стоимость, – создает стоимость, возрастает как стоимость, получает приращение. Это возрастание стоимости сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда».

(Итак, «меновая стоимость (деньги)... это – самовозрастающая стоимость», которая, оказывается, в итоге «сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда». Но почему, например, не к обмену, сегодняшнего объема потребления, на большее количество потребления в будущем? Скорее всего, в этом случае, будет более корректным говорить о ценности, о рыночной оценке и цене. Ведь нет никакой прямой взаимосвязанности величины рыночной цены и количеством, хоть овеществленного, хоть живого труда).

«2. Потребительная стоимость. Здесь капитал проявляется со стороны тех определенных отношений, которые присущи ему в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается таким материалом труда и таким средством труда, которым принадлежит просто лишь труд, включенный ими в свой состав: вместе с трудом капитал включил в свой состав также и общественные сочетания труда и ту ступень развития средств труда, которая соответствует этим его общественным сочетаниям» (т. 26, ч. 1, с. 400); «другими словами, определенное количество живого труда становится одной из форм бытия самого капитала, его, так сказать, энтелехией – деятельностью, действительностью, действенностью» (т. 26, ч. 1, с. 402).

(Непонятно, какой смысл говорить о некоей как бы потенциальной, гипотетической или абстрактно-объективной «потребительной стоимости» капитала, выявляемой якобы в процессе труда вместо того, чтобы говорить о реальном рыночном спросе на конкретный капитал в экономике. И если уже говорить именно о значении живого труда в экономическом процессе, то, без всякого сомнения, энтелехией он до сих пор является почти во всяком производстве).

§ 6. О РАБОЧЕМ ВРЕМЕНИ, ТОВАРЕ, ОБМЕНЕ И ДЕНЬГАХ

«Еще одно свойство меры заключается в таком отношении к измеряемым вещам, что измеряемая вещь некоторым образом становится мерой измеряющей вещи» (*Монтанари, «О деньгах»*).

Представляется совершенно ложным изначальное допущение Маркса (высказанное им в «К критике политической экономии» в 1859 году) о том, что «товары совершенно независимо от формы своего естественного существования и от специфической природы тех потребностей, которые они удовлетворяют в качестве потребительных стоимостей, в определенных количествах равны друг другу», т. к. товары всегда имманентно зависят именно от спроса, вне этого ни о каком определенном объективном количественном равенстве друг другу и речи быть не может. Товары не в силах «заместить друг друга при обмене» из-за качественного различия и, конечно, не «выступают как эквиваленты», они разнообразны в соответствии со спросом и не «представляют собой одно и то же единство».

«Потребительные стоимости суть непосредственно жизненные средства. Но в свою очередь сами эти жизненные средства» не суть только лишь исключительно «продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы – овестественный труд». Если и

есть какой-то смысл говорить о всех товарах как о «суть кристаллизации одного и того же единства», то таковым «единством» может выступать лишь некий спрос на них. Ведь «одна унция золота, одна тонна железа, один квартал пшеницы и двадцать аршин шелка», лес на корню, земельный участок в центре мегаполиса, естественный водоем в заповедной зоне и идея сюжета для сценария могут иметь только одинаковые рыночные цены, т. к. они ни в коем случае не «такие эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей стерто», они, конечно, не «представляют одинаковое количество одного и того же труда», тем более, что в реальности не существует и практически не может быть никакого «однородного, лишённого различий, простого труда». Поэтому спрос не безразличен и к специфике различных видов или форм труда. Таким образом, ценности далеко не есть «суть продукты деятельности различных индивидуумов, т. е. результат индивидуально различных видов труда». Абстрактно-всеобщий труд, якобы создающий меновую стоимость, совершенно очевидно не более абстрактен и виртуален, чем и сама вообще трудовая стоимость.

Маркс, естественно, задается вопросом, каково же «количественное бытие самого этого труда», он был уверен, что «Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть рабочее время. Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ему, предполагая данным его качество. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилom этого бытия». Но мы-то, по всей видимости, ни в коем случае не вправе предполагать данным его качество. Ведь качество даже однородного труда, например его интенсивность, естественно неизбежно нестабильна и изменчива на протяжении практически любого временного периода.

Непостижимым образом Маркс полагал, что «рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию». Субстанцию, оказывается, как-то (здесь не поясняется, как именно) «делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей». Неслучайно Маркс не поясняет, как именно эта «субстанция» превращает продукты труда в уже оцененные товары, ведь, как ранее отмечалось, любую вещь в товар может превратить лишь рыночный спрос и/или обмен. Маркс, без сомнения, нас обманывает, когда говорит, что «все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые

количества затраченного, овеществленного рабочего времени. Как меновые стоимости все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».

Для понимания ложности «определения меновой стоимости рабочим временем» необходимо осознать некорректность и/или неприемлемость следующих «основных положений» политэкономических представлений Маркса: 1) «сведение труда к простому, так сказать, бескачественному труду»; 2) «специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость» и, значит, товары, есть необходимый общественный абстрактный средний простой труд; 3) различия «между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости» (*т. 13, с. 16*).

Примечание. Вероятно, до конца не осознавая все возрастающую трудность и, в конечном итоге, принципиальную невозможность корректного измерения и сопоставления затрат труда, Маркс последовательно углубляется в схоластику абстрактно-теоретических построений: «Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, – короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно» (*т. 13, с. 16*). Соглашаясь с тем, что «это сведение представляется абстракцией», он при этом все равно неоправданно настаивает: «однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно», это «реальная абстракция», такая же якобы, как и какое-то предполагаемое «превращение всех органических тел в воздух». «Труд, который измеряется таким образом временем, выступает, в сущности, не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда. Иначе говоря, труд, как он представлен в меновых стоимостях, мог бы быть назван всеобще-человеческим трудом... Эта абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества, это – определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это – простой труд, которому может быть обучен каждый средний индивидуум и который он, в той или другой форме, должен выполнять. Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе». Наряду со всеми вышеизложенными надуманными наукообразными описаниями есть еще и уже совсем избыточное утверждение: «Простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики». После этого Маркс был вынужден задаться вопросом: «Но как быть с сложным трудом, который возвышается над средним уровнем как труд более высокой напряженности, большего удельного веса?» Более идиотского и профанирующего ответа просто невоз-

можно себе представить: «Труд этого рода сводится к сложенному простому труду, простому труду, возведенному в степень, так что, например, один день сложного труда равен трем дням простого труда». При этом Маркс сообщает: «Здесь еще не место рассматривать законы, управляющие этим сведением. Но что такое сведение происходит – очевидно, ибо в качестве меновой стоимости продукт самого сложного труда является в определенной пропорции эквивалентом продукта простого среднего труда и, следовательно, приравнивается к определенному количеству этого простого труда» (т. 13, с. 17). Представляется абсолютно непостижимой та «очевидность», о которой здесь говорит Маркс. Каким образом труд, например живописца или авиаконструктора, врача и металлурга, моряка и скотовода, может быть приравняем к определенному количеству простого труда разнорабочего или грузчика? Очевидно, напротив, совсем другое – гипотетическое предположение о том, что «рабочее время, содержащееся в каком-нибудь товаре, есть время, необходимое для его производства, т. е. рабочее время, нужное для того, чтобы произвести новый экземпляр того же самого товара при данных общих условиях производства» практически всегда избыточно. Таким образом, гипотетическое предположение о том, что «рабочее время, содержащееся в каком-нибудь товаре, есть время, необходимое для его производства, т. е. рабочее время, нужное для того, чтобы произвести новый экземпляр того же самого товара при данных общих условиях производства» практически всегда избыточно. Условия труда, как и сам труд, всегда конкретны, каждый индивидуальный труд может быть как-то сопоставим с другим лишь на рынке труда, будучи оцененным или представленным в его цене (з/те), как и всякий иной товар, исходя из соотношения спроса и предложения. Поэтому допущение о том, что «рабочее время, требующееся кому-либо одному для производства определенного товара, есть необходимое рабочее время, которое затратил бы для производства того же самого товара всякий другой», изначально ложно.

Специфика реальной экономики капитализма в том и заключается, что существует множество товаров даже одного вида, производимых при весьма различных технологиях, а потому и индивидуальные затраты труда весьма неодинаковы, и лишь в обмене (т. е. на рынке) обнаруживается, в какой мере они были общественно необходимы. Поэтому-то и **стоимость не может быть корректно измерена в часах рабочего времени, ибо она должна выражать не индивидуальные, а именно общественно-необходимые затраты труда. Маркс парадоксально или, точнее, тавтологично указывал, что затраты общественно-необходимого труда в обществе, основанном на товарном производстве, могут быть как-то «идеально» как бы «исчислены» лишь косвенно, в процессе оценивания этого товара, то ли через цену, то ли через его стоимость.**

Примечание. «Отдельный товар выступает не только материально как часть совокупного продукта капитала, как кратная часть произведенной им товарной массы. Мы вообще имеем перед собой уже не отдельный самосто-

ятельный товар, не отдельный продукт. Не отдельные товары выступают как результат процесса, а товарная масса, в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость – присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости капитала и произведенной им прибавочной стоимости. Труд, затраченный на отдельный товар, – уже вследствие оценки средним числом, т. е. идеальной оценки, применяемой к той части постоянного капитала, которая входит просто как затрата в стоимость совокупного продукта, как и вообще к сообща потребленным условиям производства, равно как, наконец, вследствие непосредственно общественного труда, который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов – совершенно невозможно исчислить. Этот труд имеет лишь значение как кратная часть совокупного труда, приходящегося на него и оцененного идеально. При определении цены отдельного товара он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал» (*т. 49, с. 9*).

Игнорируя подобные «мелочи», Маркс своими обобщениями пытается и далее удерживать наше внимание в русле собственной интенции описываемого процесса: «Как всеобщее рабочее время оно выражается во всеобщем продукте, всеобщем эквиваленте, в определенном количестве овеществленного рабочего времени; ... оно может быть превращено в любую другую форму потребительной стоимости, в которой оно представляется как продукт любого другого лица. Общественную величину оно представляет собой лишь как такая всеобщая величина... Дело обстоит так, как если бы различные индивидуумы соединили свое рабочее время в одну массу и представили различные количества находящегося в их общем распоряжении рабочего времени в различных потребительных стоимостях. Рабочее время отдельного человека есть, таким образом, в сущности рабочее время, которое требуется обществу для производства определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности» (*т. 13, с. 18–19*).

Маркс буквально поражает, когда говорит следующие вещи: «Относительно труда, поскольку он производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть единственный источник произведенного им, а именно – вещественного богатства. Так как этот труд есть деятельность, направленная на освоение вещественных элементов для той или иной цели, то он нуждается в веществе как предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и веществом природы очень различна, но потребительная стоимость всегда содержит какой-либо природный субстрат. Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существова-

ния, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм. Напротив, труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда» (т. 13, с. 22–23). Возникает вопрос, каким образом меновая стоимость может игнорировать (как бы выносить за скобки) необходимый «природный субстрат», всегда как-то присутствующий в стоимости, помимо рабочего времени?

Никто не оспаривает то, что труд как один из источников вещественного богатства был известен уже законодателю Моисею. Как, вероятно, вряд ли кто-то будет возражать и «таможенному чиновнику Адаму Смиту», экономисту Рикардо и коммунисту Марксу в том, что специфическая трудовая «стоимость товаров определяется пропорцией, в которой они могут быть произведены в течение одинакового рабочего времени» (т. 13, с. 27). Но, вне всякого сомнения, мы не можем согласиться с тем, что рыночный обмен товарами имеет хоть какое-то отношение к количествам затраченного рабочего времени, уже только потому, что обмен осуществляется строго в соответствии только с рыночными ценами товаров. Таким образом, подобно тому, как диалектическая логика может быть оправдана лишь в собственной специфической локальной сфере сугубо диалектических противоречий, так и локальная хозяйственно-экономическая сфера, где хоть как-то может быть оправдана теория трудовой стоимости (ТТС), есть сама по себе сфера труда, т. е. сфера процесса расходования рабочей силы.

Маркс говорит, что товар должен являться потребительной стоимостью для владельцев других товаров или покупателей. «Если этого нет, то труд его владельца был трудом бесполезным, и, стало быть, результат его – не товар» (т. 13, с. 28). «Следовательно, потребительные стоимости товаров становятся потребительными стоимостями, когда они всесторонне меняются местами, переходя из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего отчуждения товаров заключенный в них труд становится полезным трудом» (т. 13, с. 29). Но для нас принципиально важным является другое глубоко верное, хоть, кажется, и банальное, утверждение Маркса: «товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена» (т. 13, с. 29). Очевидно, что таким адекватным условием является именно достаточно свободный рынок.

Примечание. Нельзя пройти мимо вот такого высказывания Маркса: «деньги не являются продуктом сознания или соглашения, а созданы инстинктивно в процессе обмена» (т. 13, с. 36). Оно свидетельствует по меньшей мере об избыточном рационалистичном понимании «сознания»,

странным образом вытесняющем инстинктивные и интуитивные решения из сферы функций сознания. Вообще говоря, не вполне понятно, почему деньги не могут являться именно разумным изобретением и/или плодом соглашения каких-то участников рыночного обмена. Без всякого преувеличения, деньги – величайшее изобретение цивилизации!

В товарном мире предполагается не только и не столько развитое разделение труда, как разнообразие растущего спроса, проявление новых его, в т. ч. неожиданных, направлений, а также наличие на рынке некоего как бы соответствующего ему предложения. Трудно не согласиться с Марксом, когда он говорит: «как таковое разделение труда существует, с точки зрения товаров и в самом процессе обмена, только в своем результате, в обособлении самих товаров. Обмен товаров есть процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных индивидуумов, представляет собой вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений, в которые вступают индивидуумы в этом обмене веществ. Развивающиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и, таким образом, процесс обмена есть вместо с тем процесс образования денег. В целом этот процесс, выступающий в качестве течения различных процессов, есть обращение» (*т. 13, с. 38*). Но это вовсе не значит, что деньги следует понимать как «непосредственную форму существования отчужденного труда». Это ложное понимание вытекает из того же источника, как и ничем не обоснованное положение Маркса о том, что деньги и труд находятся в какой-то таинственной скрытой «внутренней связи». Ведь в реальности деньги – это ничто иное, как суть лишь инструмент, средство или орудие, привнесенное в обмен извне ради технического удобства его повсеместного осуществления (*т. 13, с. 43*)

Примечание. Говоря о Древнем мире, прежде всего о Риме, Маркс обратил внимание на то, что «Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом» (*т. 12, с. 729*). Разве уже это не свидетельство того, что деньги не находятся в необходимой «внутренней связи» с производительным трудом?).

Без всякого сомнения, Аристотель был прав: товары становятся более или менее адекватно соизмеримыми лишь при помощи денег: «Поэтому необходимо, чтобы все было оценено; благодаря этому всегда будет обмен, а следовательно и общество. В самом деле, деньги в качестве меры делают соизмеримыми все предметы и после этого приравнивают их. Ибо не будь обмена, не было бы общества, не будь приравнивания, не было бы

обмена, не будь соизмеримости предметов, не было бы приравнения». Аристотель, в отличие от политэкономов и критикующего их Маркса, не «ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей» (т. 13, с. 53), а оправданно предполагает, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся после их оценки на рынке через посредство денег соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей: «В сущности невозможно, чтобы столь различные предметы были соизмеримы, но для практической надобности это делается» («Никомахова этика»).

Маркс, исходя из своих допущений, извращенно полагает, что «товары вступают в процесс обмена как товары с определенными ценами или в самом процессе обмена выступают в двойственном существовании друг для друга; реально как потребительные стоимости, идеально – в цене – как меновые стоимости» (т. 13, с. 70–71). Но на самом деле, напротив, товары лишь в процессе обмена реально оцениваются и тем самым обретают свои цены, ни о каких объективных стоимостях речь никогда практически речь не ведется, в крайнем случае может упоминаться лишь себестоимость. Указание Маркса на то, что «Деньги выступают, ..., только как средство обмена товаров; но не как средство обмена вообще, а как средство обмена, характеризуемое процессом обращения, т. е. как средство обращения» (т. 13, с. 79), выглядит неким пустым и нелепым словоблудием. Особенно удивляет утверждение классика о том, что «денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения» (т. 13, с. 80). Получается, что кризис как бы немислим в сфере обмена, который не предусматривает процесс обращения, которому имманентны деньги как его средство, т. к. «вместе с деньгами, как всеобщей формой буржуазного труда, дана возможность развития противоречий последнего» (т. 13, с. 81). Итак, исходя из ложной установки, что деньги и труд взаимосвязаны, Маркс делает, по всей видимости, ошибочный вывод о том, что вместе с деньгами нет никакой возможности преодоления или отрицания экономической необходимости наемного труда. Пытаясь пояснить эти трудности, он говорит: «деньги в обеих своих функциях, как мера стоимостей и как средство обращения, подчиняются законам, которые не только противоположны друг другу, но, по-видимому, противоречат противоположному характеру обеих этих функций» (т. 13, с. 103). Но деньги даже теоретически не в силах быть мерой стоимостей, т. к. трудовые стоимости в принципе неопределимы или неизмеримы. На практике деньги всегда лишь мера ценности, т. е. рыночной цены товара, потому они и имманентное средство обращения.

§ 7. О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ, ЦЕНЕ И ПРИБЫЛИ

«Золотой телец сильнее всех остальных тельцов, сидящих на тронах мира» (К. Маркс, т. 27, с. 446).

Маркс в своей работе «Заработная плата, цена и прибыль», написанной в мае-июне 1865 года, стремится предельно кратко или тезисно пояснить структуру своих основополагающих политэкономических представлений. Обратим внимание на некоторые ее аспекты. Прежде всего бросается в глаза то, как Марксом сформулирована принципиальная политэкономическая проблема: «а каким же законом регулируются сами предложение и спрос?» (т. 16, с. 119), которая, к огромному сожалению, так и остается не раскрытой классиками в должной мере.

Примечание. В одном из писем Энгельсу Маркс (т. 32, с. 448) обещал, что конкуренция будет тоже им проанализирована, правда «лишь постольку, поскольку этого потребует разработка остальных тем», хотя, судя по всему, именно с анализа формирования спроса и предложения, рыночной и социальной конкуренции и следовало начинать весь политэкономический анализ.

Как представляется, такая фатальная недооценка рынка вовсе не случайна, Маркса не устраивали его имманентная иррациональность и спонтанность. Ему нужны были т. н. материальные и/или объективные основания ценообразования и эксплуатации. Поэтому он сразу и предлагает посмотреть «на дело с более широкой точки зрения: если вы вообразите, будто предложением и спросом в конечном счете определяется стоимость труда или какого-либо другого товара, вы весьма ошибетесь. Предложение и спрос регулируют только временные колебания рыночных цен. Они могут объяснить, почему рыночная цена товара поднимается выше его стоимости или падает ниже его стоимости, но они никак не могут объяснить самое эту стоимость» (т. 16, с. 120).

Момент некоей как бы манипуляции со стороны Маркса здесь очевиден – ведь нас изначально интересует механизм реального, т. е. рыночного ценообразования, а все остальное, по большому счету, должно быть призвано лишь его объяснить или пояснить.

Примечание. Мизес в целом был прав, когда давал следующие соответствующие определения: «Заработная плата представляет собой цену фактора производства, человеческого труда. Аналогично всем остальным ценам на комплементарные факторы производства в конечном счете она определяется ценами на производимую продукцию, ожидаемыми в момент покупки и продажи труда. Не важно, продает ли непосредственный исполнитель работы свои услуги работодателю, который соединяет их с материальными факторами производства и с услугами других людей, или он сам на свой страх

и риск осуществляет это соединение. В любом случае конечная цена труда одного и того же качества одинакова во всей рыночной системе. Ставки заработной платы всегда равны полному продукту труда. Популярный лозунг о праве рабочего на полный продукт труда был абсурдной формулировкой требования, чтобы потребительские блага распределялись исключительно среди рабочих, и ничего не оставалось предпринимателям и владельцам материальных факторов производства. Ни с какой точки зрения продукты, сделанные человеком, не могут считаться просто продуктами труда. Они представляют собой преследующее определенную цель соединение труда и материальных факторов производства» («Человеческая деятельность», с. 477).

Нет на самом деле никакой нужды плодить избыточные абстрактные или теоретические сущности. Но у Маркса ведь совершенно иные задачи. По ходу своего описания он допускает даже логические ошибки; говоря, что возможно как-то уравновесить спрос и предложение, он исходит из того, что «в тот самый момент, когда эти противоположные силы становятся равными, они взаимно парализуют друг друга и перестают действовать в том или другом направлении. В тот момент, когда между предложением и спросом устанавливается равновесие и потому они перестают действовать», но, вне всякого сомнения, в реальности эти силы не перестают действовать ни на миг, что верно подметил еще Бем-Баверк. Более того, спрос должен всегда несколько опережать предложение, ведь постоянно возникают новые потребности, изменяется и структура спроса. Однако для Маркса важно совсем иное – ему важно постулировать, что «рыночная цена товара совпадает с его действительной стоимостью, с нормальной ценой, вокруг которой колеблются его рыночные цены. Поэтому при исследовании природы этой стоимости нам нет никакого дела до временных воздействий предложения и спроса на рыночные цены. Это относится как к заработной плате, так и к ценам всех других товаров» (т. 16, с. 120). Он не замечает, как смехотворно наивен этот его принципиальный, радикальный постулат. Если рыночная цена – единственная форма ценности, проявляемая в реальности, то «действительная стоимость» или «нормальная цена» – это попросту оксюморон или лишь ложные и избыточные теоретические абстракции.

Примечание. Приведа некорректный пример о сравнении площадей треугольников уже с самими по себе абстрактными объектами, Маркс указывает на необходимость «иметь возможность привести их все к одному, общему им всем выражению, различая их лишь по тем пропорциям, в каких они содержат в себе одну и ту же тождественную меру». Для этого «мы прежде всего должны спросить: какова общая общественная субстанция всех товаров?» Маркс без всяких сомнений, совершенно уверенно утверждает, что «это труд»! Но это ведь очевидно уже изначально ложное утверждение, ведь на рынке всегда присутствует какой-то товар без трудовой составляющей.

Более того, самой значимой «общей общественной субстанцией» вообще всех товаров является спрос или общественный интерес к их приобретению или покупке. Маркс, игнорируя этот фундаментальный аспект, сразу углубляется в тему труда и его разновидностей. Верно подчеркивая, что необходимый общественный труд всегда подчинен разделению труда внутри общества, он поясняет это свое представление так: «Рассматривая товары как стоимости, мы рассматриваем их исключительно как воплощенный, фиксированный или, если хотите, кристаллизованный общественный труд. С этой точки зрения они могут отличаться друг от друга лишь тем, что представляют большее или меньшее количество труда... Однако чем измеряется количество труда? Временем, в течение которого продолжается труд, – часами, днями и так далее. Для того чтобы к труду можно было прилагать эту меру, все виды труда должны быть сведены к среднему, или простому, труду, как их единству... Итак, мы приходим к следующему заключению: товар имеет стоимость потому, что он представляет собой кристаллизацию общественного труда... Соответствующие количества товаров, для производства которых требуется одинаковое рабочее время, равны. Или: стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как количество труда, фиксированное в одном из них, относится к количеству труда, фиксированному в другом». При этом Маркс последовательно подчеркивает, что «вознаграждение за труд и количество труда – совершенно различные вещи» (*т. 16, с. 124–125*), и что он не зря «употребил выражение “общественный труд”, а это выражение “общественный” означает очень многое. Говоря, что стоимость товара определяется количеством труда, вложенного в него, или кристаллизованного в нем, мы имеем в виду количество труда, необходимое для производства товара при данном состоянии общества, при определенных общественно-средних условиях производства, при данном общественно среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда» (*т. 16, с. 127*).

В конечном итоге Маркс все свои соответствующие схоластические рассуждения сводит к нужной ему завершающей абстракции: «Стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их производство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда» (*т. 16, с. 128*).

Примечание. Наверное, здесь имеет смысл привести в дополнение вот это довольно путанное и странное рассуждение Маркса: «Может показаться, что по крайней мере в формуле “труд – заработная плата” выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле “земля – земельная рента”. Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не

имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в качестве заработной платы образует цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще, раз труд нами фиксируется как создатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда» (*т. 25, ч. 2, с. 390*), как будто существует или может существовать некая общественная определенность труда, вне его конкретной формы, как условия производства.

Здесь нельзя не обратить внимание на ложную логику этих представлений Маркса. Он говорит: «товары могут отличаться друг от друга лишь тем, что представляют большее или меньшее количество труда». Но (игнорируя даже то, что на рынке всегда есть товары, цена которых не включает в себя трудовые издержки, т. е. зарплату), вследствие того, что на самом деле мы даже не можем сказать, в каком именно товаре большее, а в каком меньшее количество труда и насколько. Как можно сравнить качественно различный труд? Ясно, что это в принципе невозможно вне рыночного механизма оценки этих товаров и услуг. С другой стороны, нельзя забывать, что и «при одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергать экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации» (*т. 24, с. 399*). Госкомцен и Госплан СССР в своей практической деятельности убедительно доказали сей бесспорный факт. Поэтому вполне естественно, что вознаграждение за труд или цена труда – зарплата, это совершенно иное, чем количество в принципе неопределяемого абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда, да еще и к тому же «при данном состоянии общества, при определенных общественно-средних условиях производства, при данном общественно-среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда».

Поговорив о стоимости, Маркс решил еще добавить «несколько слов о цене, являющейся особой формой, которую принимает стоимость. Цена, взятая сама по себе, есть не что иное, как денежное выражение стоимости» (*т. 16, с. 128*). Заметьте, эта ключевая формулировка очевидным образом противоречит всему тому, что сам он говорит о рыночном ценообразовании. Маркс, скорее всего, это осознает, но все равно настаивает на этом абстрактном определении. Простите, но, что же такое цена «сама по себе», вне рынка, вне соотношения спроса и предложения, вне конкуренции, вне обмена и даже вне ОЦЕНКИ некоего товара? Ее ведь и себестоимостью нельзя назвать. Таким образом, в конечном итоге получается, что одну и ту же абстракцию «трудовую стоимость», измеряемую затратами общественно-необходимого абстрактного рабочего времени,

именуют «ценой, взятой самой по себе», непостижимым и неопи­санным образом вдруг оказавшуюся как-то «измеренной», оцененной или выра­женной в деньгах.

Примечание. Наконец, основоположник задается долгождан­ным вопросом: «Каково же отношение между стоимостью и рыночными ценами, или между естественными ценами и рыночными ценами? Все вы знаете, что рыночная цена всех однородных товаров одинакова, как бы ни были различны усло­вия производства у отдельных производителей». Но тут же снова уходит от ответа по существу – «рыночности» цен, снова говоря или, скорее, бредя о каких-то, в принципе неопределяемых абстракциях – «средних количе­ствах», необходимостях и условиях: «Рыночные цены выражают лишь сред­нее количество общественного труда, необходимое при средних условиях производства для того, чтобы снабдить рынок определенным количеством определенных изделий. Они исчисляются применительно ко всей массе товаров данного рода». Каким-то удивительным интуитивным образом Маркс полагает, что именно «Постольку рыночная цена товара совпадает с его стоимостью». Правда, при этом он все-таки замечает и динамичное положение дел на рынке: «С другой стороны, колебания рыночных цен, то поднимающихся выше стоимости, или естественной цены, то опускающихся ниже нее, зависят от колебаний предложения и спроса. Отклонения рыноч­ных цен от стоимостей наблюдаются постоянно, но, как говорит Адам Смит: “Естественная цена представляет собой как бы центральную цену, к кото­рой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайности могут иногда удерживать их много выше уровня естественной цены, а иногда понижать ниже этого уровня. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему”» (т. 16, с. 130). В этом довольно нелепом утверждении нельзя не заме­тить очевидной странности – если отклонение рыночных цен от стоимостей ПОСТОЯННО, то какой может быть вообще смысл в самом упоминании (еще и не определяемой) стоимости? Ведь внешним эмпирическим образом («выйдя на рынок» и узнав текущие цены, мы никоим образом не в силах узнать величины самих трудовых стоимостей – этого некоего т. н. «устой­чивого центра», к которому якобы «постоянно тяготеют» рыночные цены. Как они могут постоянно тяготеть, если они постоянно отклоняются? Это только один из вопросов, лежащих на поверхности этих рассуждений, но Маркс лишь говорит: «Я не могу сейчас рассмотреть этот вопрос подробно. Достаточно сказать, что если предложение и спрос взаимно уравновешива­ются, то рыночные цены товаров будут соответствовать их естественным ценам, то есть их стоимостям, которые определяются количеством труда, необходимым для производства этих товаров». Но в реальности спрос и предложение никогда не бывают и, естественно, не могут быть уравно­вешены. Маркс грубо ошибается, когда предполагает, что «предложение и спрос должны постоянно стремиться уравновесить друг друга»: если предложение действительно ориентируется на постоянно изменяющийся спрос, то спрос ориентируется прежде всего не на предложение, а на нужду,

потребности и ценности. Более того, если бы равновесие было бы достижимо, то расширенное воспроизводство стало бы нецелесообразным, и экономический коллапс был бы неминуем.

Маркс, не замечая или попросту игнорируя множество очевидных противоречий и нестыковок в своих рассуждениях, упорно настаивает на своем, что «Если... вы проанализируете движение рыночных цен за более продолжительные периоды, ..., то вы найдете, что колебания рыночных цен, их отклонения от стоимостей, их повышения и понижения взаимно нейтрализуют и компенсируют друг друга; так что, если оставить в стороне влияние монополии и некоторые другие модификации, на которых я сейчас останавливаться не могу, все виды товаров продаются в среднем по их стоимостям, по их естественным ценам». Исходя из этого абсолютно ложного и ничем на самом деле не обоснованного постулата, в чем-то даже противоречащего его собственным высказываниям, Маркс как бы делает «глубокий» вывод о том, что «нелепо предполагать, будто прибыль – не в отдельных случаях, а постоянная и обычная прибыль в разных отраслях промышленности – проистекает из накладки на товарные цены, или из того, что товары продаются по ценам, превышающим их стоимость» (*т. 16, с. 130*). Здесь классик как бы по умолчанию манипулирует принятием определенного ряда догм, связанных с теорией трудовой стоимости, т. к. при описании рыночной цены есть смысл говорить о сумме реальных издержек, т. е. себестоимости или цены-для-себя, и возможной накладке (или надбавке) на нее – прибыли, а не о трудовой стоимости, которая здесь абсолютно в любом случае не причем.

Маркс в другом месте все-таки последовательно замечает, что «С самого начала становится ясно, что капиталист может с выгодой продавать товар ниже его стоимости (лишь бы это было выше его издержек производства), а это – основной закон для понимания обусловливаемого конкуренцией выравнивания» (*т. 32, с. 61*).

Примечание. Как это ни удивительно, но Энгельс, глубоко правильно акцентирует внимание на том, что именно рыночная конкурентная среда – это единственно возможный путь достижения адекватной цены для подлежащего обмену товара: «тот, кто в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, хочет установить определение стоимости рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение стоимости путем давления на цены, то есть единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто, – доказывает только, что, по крайней мере в этой области, он усвоил себе обычное для утопистов пренебрежение экономическими законами» (*т. 21, с. 189*). К сожалению, как нам кажется, эта весьма плодотворная мысль не получила должного развития у классиков. Далее он уместно и вполне обоснованно поясняет: «ни при каком мыслимом общественном строе рабочий не может получать для потребления полную

стоимость своего продукта; из произведенного фонда всегда должны будут покрываться расходы на целый ряд экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и на содержание лиц, выполняющих эти функции. – Это верно лишь до тех пор, пока существует современное разделение труда. В обществе с обязательным для всех производительным трудом, – а ведь такое общество также “мыслимо”, – это отпадает. Но осталась бы необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, и поэтому тогда эти рабочие, то есть все члены общества, будут, правда, владеть и пользоваться всем своим продуктом, но каждый в отдельности не будет пользоваться своим “полным трудовым доходом”» (т. 21, с. 191). Здесь архиважно подчеркнуть, что, оказывается, даже по мнению классиков, как бы ни изменялось разделение труда, или даже если бы отпала необходимость в живом труде как таковом вообще – навсегда останется естественная имманентная экономическая «необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления», т. е. иными словами – в капитале.

Следовательно, и это нужно специально подчеркнуть, для того чтобы объяснить общую природу именно прибыли, мы, как раз ни в коем случае не должны исходить из положения, что в среднем товары продаются по своим трудовым стоимостям, и что прибыль получается от продажи товаров по их стоимостям. Мизес совершенно прав – прибыль «нельзя определить без ссылки на ценность. Она феномен оценки ценности и не имеет прямого отношения к физическим и прочим явлениям внешнего мира» («Человеческая деятельность», с. 302).

Примечание. Тем не менее, Маркс даже грозит тем, что если вы не можете объяснить появление прибыли от продажи товаров пропорционально количеству воплощенного в них труда, то тогда «вы вообще не можете ее объяснить. Это кажется парадоксальным и противоречащим повседневному опыту. Но... Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» (т. 16, с. 130–131). Однако это не только парадоксально и очевидным образом неадекватно повседневному опыту, но и противоречит даже логике утверждений самих классиков.

Далее Маркс делает дальнейшие необходимые, но достаточно неожиданные пояснения: «такой вещи, как стоимость труда в обычном смысле этого слова, в действительности не существует», поэтому «то, что продает рабочий, не является непосредственно его трудом, а является его рабочей силой, которую он передает во временное распоряжение капиталиста» (т. 16, с. 131). Возникает вопрос: так рабочий именно продает или все-таки передает в аренду? Внятности, к сожалению, нет. Но последовательно исходя из контекста, вероятнее всего, следует согласиться с тем, что все-таки точнее следует говорить «передает в аренду на определенный срок» (эпигоны обычно против такого толкования).

Примечание. Маркс почему-то был уверен, что «Если бы разрешилось продавать рабочую силу на любой срок, то немедленно восстановилось бы рабство» (*т. 16, с. 132*).

«Итак, что же такое стоимость рабочей силы? Подобно стоимости всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства. Рабочая сила человека существует только в его живой личности. Для того чтобы вырасти и поддерживать свою жизнь, человек должен потреблять определенное количество жизненных средств. Однако человек, подобно машине, изнашивается, и его приходится заменять другим человеком. Кроме того количества жизненных средств, которое необходимо для поддержания существования самого рабочего, он нуждается еще в некотором их количестве для того, чтобы вырастить детей, которые должны его заменить на рынке труда и увековечить род рабочих. Сверх того приходится затратить еще известную сумму стоимости для того, чтобы рабочий смог развить свою рабочую силу и приобрести определенную квалификацию»; «так как издержки производства рабочей силы различного качества различны, то должна быть различной и стоимость рабочей силы, применяемой в разных отраслях производства. Поэтому требование равной заработной платы основано на заблуждении, является неразумным желанием, которому никогда не суждено осуществиться... На основе системы наемного труда стоимость рабочей силы устанавливается так же, как стоимость всякого другого товара, а так как различные виды рабочей силы имеют разные стоимости, то есть требуют для своего производства разных количеств труда, то и на рынке труда они должны оплачиваться по разным ценам. Требовать равного или хотя бы только справедливого вознаграждения на основе системы наемного труда – это то же самое, что требовать свободы на основе системы рабства. Что вы считаете правильным и справедливым, это к вопросу не относится. Вопрос заключается в том, что является необходимым и неизбежным при данной системе производства». «После всего сказанного ясно, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу» (*т. 16, с. 132–133*).

Примечание. Об издержках производства рабочей силы Энгельс следующим образом начинает свое пояснение: «Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходимым для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда» (*т. 22, с. 206*). По мнению Энгельса, «Тогда классическая политическая экономия сделала попытку в другом направлении; она сказала: стоимость товара равна издержкам его производства. Но что такое издержки

производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны были совершить некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, увы, нельзя установить, они исследуют, что представляют собой издержки производства рабочего. А эти издержки установить можно. Они изменяются в зависимости от времени и обстоятельств, но при данном состоянии общества, в данном месте, в данной отрасли производства они являются тоже величиной данной, по крайней мере данной в довольно узких пределах... В условиях этого способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме жизненных средств, – или в той их денежной цене, – которая в среднем необходима для того, чтобы сделать его трудоспособным, сохранить его трудоспособность и, когда он выходит из строя вследствие старости, болезни или смерти, заменить его новым рабочим, то есть чтобы обеспечить сохранение и увеличение в необходимом размере рабочего класса» (*т. 22, с. 207*). Здесь правильно акцентируется внимание на важнейшем постулате – издержки производства рабочего (одного из основных производственных факторов) заключаются в денежной рыночной цене, которая в среднем необходима для обеспечения сохранения и увеличения в необходимом размере рабочего класса (т. е. рабочей силы). В целом с Энгельсом можно согласиться, когда он говорит, что рабочий «продает не труд (который еще только должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при поденной заработной плате) или для выполнения определенной работы (при поштучной заработной плате) свою рабочую силу: он отдает в наем, иначе говоря, продает, свою рабочую силу. Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки ее производства совпадают с издержками производства самого рабочего; то, что экономисты называли издержками производства труда, и представляет собой издержки производства рабочего, а, следовательно, – издержки производства рабочей силы». Но вот с тем, что «таким образом мы можем от издержек производства рабочей силы перейти к стоимости рабочей силы и определить количество общественно необходимого труда, требующееся для производства рабочей силы определенного качества», мы согласиться не можем никак, т. к. сделать это корректно в принципе невозможно!!! Подчеркнем – это для нас важнейший факт! Утверждение Энгельса (*т. 22, с. 209*) о том, что это «сделал Маркс в разделе о купле и продаже рабочей силы» (*в «Капитале», т. I, глава IV, раздел 3, т. е. т. 23, стр. 177–187*) – ложно. Далее он дает довольно нелепое утверждение о том, что «таков экономический строй всего нашего современного общества: рабочий класс является тем единственным классом, который производит все стоимости. Ибо стоимость есть лишь иное выражение труда», как будто в обществе – хоть тогда, хоть сейчас – одни лишь рабочие трудятся, точнее заняты «общественно необходимым трудом, заключенным в определенном товаре» (*Энгельс, т. 22, с. 211*), а все остальные смотрят на них со стороны, абсолютно ничего не делая нужного. Это же очевидная неправда. Здесь же (1891 год) он заявляет: «Такое состояние общества с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно должно быть устра-

нено, и оно может быть устранено. Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором – по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении (?) переходного времени – средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться» (*Энгельс, т. 22, с. 212*). Обосновываются все эти избыточные утверждения довольно странно: «в наше время все средства труда прямо или косвенно – либо по своему устройству, либо вследствие общественного разделения труда – являются общественными средствами труда» (*там же, т. 22, с. 230*). Ведь если это так на самом деле, то возникает вопрос: «а зачем тогда попу гармонь?»

На первый взгляд, вероятно, кому-то может показаться и правдоподобным это марксово описание. Но уже с самого начала возникает вопрос о его корректности или адекватности. Ведь, как уже отмечалось, в принципе невозможно определить НЕОБХОДИМОЕ число часов рабочего времени абстрактного среднего ПРОСТОГО труда, чтобы, например, «произвести» рабочую силу авиаконструктора, содержать его, например, многодетную семью или беспомощных родителей, ну и т. д. Самое большее, о чем может идти речь, и то теоретически – это об издержках производства конкретной рабочей силы, т. е. о ее себестоимости или цене-для-себя. Вопрос действительно заключается в том, что же, «является необходимым и неизбежным при данной системе производства». Ответ очевиден: это рыночный механизм оценки всякого продаваемого товара! После всего сказанного становится ясным, что себестоимость (или цена-для-себя) рабочей силы определяется ценой всех «жизненных средств, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить эту рабочую силу». Рыночная же цена рабочей силы, т. е. реальная зарплата работяги, определяется не чем иным, как соотношением спроса и предложения на эту самую конкретную рабочую силу.

Примечание. Напомним (повторимся, об этом шла речь в пятом параграфе 9 главы), что, по мнению Маркса, «рабочая сила в руках рабочего является товаром, а не капиталом; ею обуславливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; в качестве капитала она функционирует после продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства. Именно рабочая сила выполняет при этом двойную службу: в руках рабочего она служит товаром, который продается по его стоимости; в руках капиталиста, который купил ее, она служит силой, производящей стоимость и потребительную стоимость. Но деньги рабочий получает от капиталиста лишь после того, как он отдал капиталисту

потребление своей рабочей силы лишь после того, как его рабочая сила уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью до того, как он ее оплачивает» (т. 24, с. 428). Без сомнения, Маркс здесь односторонен и неточен: если рабочий получает зарплату после того, как отдал свою рабочую силу за какой-то период труда, то это вовсе еще не значит, что его продукт труда уже готов к реализации и полноценен как товар. Капиталист, как правило, еще не владеет стоимостью продукта несмотря на то, что он ее уже частично оплатил. Поэтому, естественно, рабочий не сам (как полагает Маркс) создает тот платежный фонд, из которого капиталист выплачивает ему зарплату. Заявление же о том, что «Деньги, получаемые рабочим, расходуются им на поддержание своей рабочей силы, следовательно, – если рассматривать класс капиталистов и класс рабочих в их совокупности, – эти деньги расходуются рабочим, чтобы сохранить для капиталиста то орудие, благодаря которому он только и может оставаться капиталистом» (т. 24, с. 428), уже очевидно избыточно. Маркс, к сожалению, ни слова не говорит о необходимости расширенного воспроизводства самой по себе Pc.

Поэтому совершенно ложными представляются и все дальнейшие политэкономические фантазии Маркса: «Стоимость товара определяется общим количеством содержащегося в нем труда. Но часть этого количества труда воплощена в стоимости, за которую был уплачен эквивалент в форме заработной платы, другая же часть его воплощена в стоимости, за которую не было уплачено никакого эквивалента. Часть труда, содержащегося в товаре, представляет собой оплаченный труд, другая часть – неоплаченный. Следовательно, продавая товар по его стоимости, то есть как кристаллизацию всего количества труда, затраченного на товар, капиталист обязательно продаст его с прибылью... То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего он действительно стоит, – это две различные вещи» (т. 16, с. 138).

В реальности капиталист получает какую-то прибыль, конечно, не потому, что он продает свой товар по цене, превышающей его стоимость, как и не «потому, что продает его по его действительной стоимости», а потому, что продает свой товар, по цене, превышающей его себестоимость или общую сумму необходимых издержек. Именно поэтому то, чего стоит товар капиталисту (т. е. его себестоимость), и то, чего он стоит на рынке, т. е. какова его рыночная или реальная цена – это две различные вещи. Здесь принципиально важно заметить, что себестоимость включает в себя издержки, выраженные именно в рыночных ценах этих необходимых элементов (т. е. косвенно естественно содержат в себе имманентные прибыли). Итак, нормальная и средняя прибыль получается от продажи товаров выше их действительной себестоимости, а предполагаемая их трудовая стоимость при этом совершенно ни при чем.

Примечание. Любопытно заявление классика о значении естественных условий для прибавочного труда, а значит, и для прибавочной стоимости: «Естественным базисом прибавочного труда вообще, то есть тем естественным условием, без которого он невозможен, является то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования – в продуктах земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится простое собирательство: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания. (Но животные доставляют в то же время шкуру для защиты от холода в условиях холодного климата; кроме того, пещеры используются под жилье и т. д.)» (т. 25, ч. 2, с. 181–182). Возникает вопрос: а разве наличие необходимо растянутой как-то во времени «естественной производительности» уже само по себе не предполагает процент в оценке ее присутствия, в рыночной цене товара? Хотя Маркс правильно указывал на необходимость «помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, памятники древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться весьма случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения» (т. 25, ч. 2, с. 183). Он, судя по всему, к сожалению, не осознавал тот принципиально важный фундаментальный экономический факт, что «естественная производительность», которая может являться естественным условием или базисом труда прибавочного труда, уже сама по себе, без приложения какого-либо труда, имеет некую ценность для нас, выражаемую в цене соответствующего товара, и уже тем самым предполагает прибыль или процент. Кроме того, он ради оправдания теории прибавочной стоимости изначально в своих исследованиях и интерпретациях игнорировал постоянное присутствие множества таких товаров на рынке.

Поэтому утверждение Маркса о том, что «Рента, процент и промышленная прибыль – это только различные названия разных частей прибавочной стоимости товара или воплощенного в нем неоплаченного труда, и все они в одинаковой мере черпаются из этого источника, и только из него одного» (т. 16, с. 139), без сомнения, так же ложно или избыточно. Это становится очевидным, если представить экономику без живого труда, ведь в такой экономике так же актуальными обязательно останутся необходимые рента, процент и прибыль.

Примечание. Кстати, Маркс считал, что прибыли отдельных или частных лиц, «конечно, увеличивают общую сумму национального богатства» (т. 12, с. 294), а «норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не

оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости... при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости – в одной и той же норме прибыли» (т. 23, с. 533).

Маркс оговаривая то, что «Количество или масса товаров, произведенных в данное рабочее время или с помощью данного количества труда, зависит от производительной силы применяемого труда, а не от его растянутости во времени, или продолжительности» (т. 16, с. 142). Он настаивает именно на том, что «вся история современной промышленности показывает, что капитал, если ему не препятствовать, будет бездушно и беспощадно стремиться к тому, чтобы низвести весь рабочий класс до этого состояния крайней деградации» (т. 16, с. 147), обосновывая это тем, что «При повышении интенсивности труда человек может быть вынужден затрачивать в 1 час столько жизненной силы, сколько он раньше тратил в 2 часа» (т. 16, с. 147). Но здесь Маркс игнорирует тот факт, что работодатель абсолютно не интересуется затраты самой по себе «жизненной силы» работаг, его интересуется, чтобы товар был произведен в кратчайшие сроки при минимальных издержках и продан по максимально возможной цене. При этом для него важно, чтобы процесс производства был расширенно воспроизводим, а значит, капиталист вынужден проявлять заботу о воспроизводимости всех факторов производства и реализации товара, т. к. рабочая сила или рабочий класс являются одним из необходимых факторов производства, то «капитал» ни в коем случае не будет бездумно, нецелесообразно, «бездушно и беспощадно стремиться к тому, чтобы низвести весь рабочий класс до... состояния крайней деградации». Напротив, в связи с развитием технологий и усложнением средств производства «капитал» постоянно вынужден заниматься соответствующим развитием рабочей силы и/или образованием рабочего класса.

Маркс намерено или ненамеренно, но очевидно обманывает или вводит нас в заблуждение, когда говорит: «Рассматривая весь цикл в целом, вы заметите, что одно отклонение рыночной цены компенсируется другим и что в среднем, в пределах всего цикла, рыночные цены товаров регулируются их стоимостями» (т. 16, с. 148). Во-первых, возникает вопрос, о каких обоснованных сроках можно вести речь при определении пределов «всего цикла». (Маркс в другом месте почему-то указывает на уместность рассмотрения производственного цикла в пределах одного года). Во-вторых, мы не в силах заметить, как «одно отклонение рыночной цены компенсируется другим», т. к. изначально даже не в силах корректно определить величину трудовой стоимости каждого из рассматриваемых товаров в определенный период времени, не то, что величину тех или иных временных отклонений. В-третьих, более чем сомнительно,

что существовала и/или даже может существовать абсолютно адекватная точная статистика динамики трудовых стоимостей и рыночных цен во всех отраслях общественного хозяйства в течение выбранного периода. В-четвертых, остается совершенно неясным, каким именно образом трудовые стоимости регулируют рыночные цены (или могут на них влиять), которые формируются соотношением спроса и предложения. Очевидно, что как бы ни выравнились или ни менялись рыночные цены, мы никогда в принципе не можем с уверенностью сказать, что вот именно эта рыночная цена реализует до этого скрытую (или в-себе) некую трудовую стоимость. Речь, конечно, идет о любом товаре, в т. ч., естественно, и о рабочей силе.

Примечание. В дополнение к сказанному Маркс полагает, что «рыночная цена труда, как и всех других товаров, за большой отрезок времени будет соответствовать его стоимости..., которая сводится к стоимости рабочей силы, определяемой стоимостью жизненных средств, необходимых для содержания и воспроизводства этой силы; а эта стоимость жизненных средств в свою очередь определяется количеством труда, необходимым для их производства. Но некоторые особенности отличают стоимость рабочей силы, или стоимость труда, от стоимости всех других товаров. Стоимость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой – исторический или социальный. Низшая граница стоимости рабочей силы определяется физическим элементом... Следовательно, стоимость этих необходимых жизненных средств образует низшую границу стоимости труда. С другой стороны, продолжительность рабочего дня тоже имеет свои крайние, хотя и весьма растяжимые пределы. Ее высший предел дан физической силой рабочего. Если ежедневное истощение жизненных сил рабочего заходит за известные границы, то становится невозможным повторять такое напряжение изо дня в день. Однако, как я сказал, эти пределы весьма растяжимы. При быстрой смене хилых и недолговечных поколений рабочий рынок может быть обеспечен не хуже, чем при ряде следующих друг за другом сильных и долговечных поколений. Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда определяется в каждой стране традиционным уровнем жизни. Этот уровень предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются» (*т. 16, с. 150*). Т. е. даже здесь в конечном итоге мы вынуждены вспоминать о потребностях, а значит, и о спросе, их выражающего. Называется «плыли,плыли, а на берегу...»! Неужели Маркс не видел всю парадоксальность этого своего замечания? Ведь в таком случае уже становится совершенно неуместным говорить о некоей трудовой стоимости рабочей силы, а лишь о ее себестоимости, ну и рыночной цене. Ко всему прочему Маркс здесь еще и добавляет, что оказывается «сама стоимость труда есть величина не постоянная, а переменная, переменная даже при том условии, если стоимость всех других

товаров остается неизменной» (т. 16, с. 151). Ну полный алес! Тогда вообще о каком определении отклонения рыночной цены от трудовой стоимости может идти речь, если и величина этой самой стоимости «не постоянная, а переменная», т. е., получается, в принципе неопределенная? Более того, уже прямо противореча своей же логике, Маркс далее парадоксально заявляет: «Что касается границ, стоимости труда, то их действительное установление всегда зависит от предложения и спроса. Я говорю о спросе на труд со стороны капитала и о предложении труда со стороны рабочих» (т. 16, с. 152), если это, конечно, не ошибка перевода или опечатка, т. к. речь, конечно, идет или должна идти о границах цены труда.

Далее Маркс делает весьма важное заявление: «Однако, что касается прибыли, то не существует никакого закона, который определял бы ее минимум. Мы не можем сказать, каков крайний предел ее понижения. Почему же мы не можем установить этого предела? Потому что, хотя мы можем определить минимум заработной платы, мы не можем определить ее максимум». Так просто, по умолчанию, игнорируя все иные необходимые издержки, Маркс неоправданно акцентирует внимание только лишь на величине зарплаты. Но как представляется, проблема состоит совсем в ином – в игнорировании Марксом величины процента, установившегося в этой экономике, именно она и является «законом», который и определяет минимум прибыли, за который согласиться вести свою деятельность предприниматель! (Эта теоретическая проблема была блестяще разрешена Бем-Баверком в его фундаментальном труде «Капитал и процент» в 1884–89 г.). Т. е. для чистоты теоретического определения т. н. «достаточности минимальной прибыли» Маркс должен был бы для начала хотя бы проигнорировать размер зарплаты так же, как и все остальные издержки.

В другом месте в мае 1865 года Маркс последовательно поясняет: «Итак, если прибыль отличается от прибавочной стоимости сначала лишь формально, то, наоборот, отличие нормы прибыли от нормы прибавочной стоимости сразу же является реальным, ибо в одном случае мы имеем m/v , в другом $m/c + v$, откуда само собой следует, так как m/v больше, чем $m/c + v$, что норма прибыли меньше, чем норма прибавочной стоимости, – если только c не равно нулю»; «различный оборот капитала (зависящий частью от соотношения между оборотной и основной частями капитала, частью от числа оборотов оборотного капитала за год и т. д. и т. д.) изменяет норму прибыли при неизменной норме прибавочной стоимости». Оказывается, при определенном обороте норма прибыли даже «может меняться независимо от изменений нормы прибавочной стоимости и даже ее массы» (Маркс, т. 32, с. 61). Более того, еще «оказывается, что при равной норме прибавочной стоимости, то есть степени эксплуатации труда, – производство стоимости, а потому и производство прибавочной стоимости, а потому и норма прибыли в различных отраслях производ-

ства различны. Но из этих различных норм прибыли конкуренция образует среднюю, или общую норму прибыли».

Примечание. Уже в 1 томе «Капитала» Маркс заявляет: «норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости... при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости – в одной и той же норме прибыли» (т. 23, с. 533) или «норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, в третьей книге этой работы, я, покажу, что при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости – в одной и той же норме прибыли» (т. 23, с. 533). Кстати, эти высказывания, по идее, должны свидетельствовать об отсутствии пресловутого противоречия между 1 и 3 томом «Капитала».

При этом Маркс не забывает настойчиво нам напоминать о том, что якобы «В своем абсолютном выражении эта норма прибыли не может быть ничем иным, как произведенной классом капиталистов прибавочной стоимостью (годовой), взятой в отношении ко всему авансированному общественному капиталу... Конкуренция между массами капитала, вложенными в различные сферы производства и имеющими различное строение, стремится к достижению капиталистического коммунизма, то есть того, чтобы на долю массы капитала, вложенной в данную сферу производства, приходилась соответствующая часть совокупной прибавочной стоимости, пропорционально доле, какую эта масса составляет от совокупного общественного капитала» (т. 32, с. 62). Апогей извращения в описании достигается, кажется, в этом высказывании: «Выравненная таким образом цена, распределяющая общественную прибавочную стоимость между массами капитала пропорционально их величине, есть цена производства товаров, центр, вокруг которого происходит колебание рыночных цен. Те отрасли производства, где существует естественная монополия, исключаются из этого процесса выравнивания даже в том случае, если их норма прибыли выше общественной». Представляющиеся «различными причинами возникновения прибыли», на самом деле это лишь «различные причины выравнивания между различными капиталовложениями» (Маркс, т. 32, с. 63). «Товары – в своей совокупности и в масштабе всего общества – продаются по их стоимости... Все, что купец присваивает сверх..., является либо результатом простого мошенничества, либо спекуляцией на колебаниях товарных цен, либо – у собственно розничных торговцев – это заработная плата, хотя и за паршивый непроизводительный труд, которая уплачивается в форме прибыли» (там же, т. 32, с. 63).

Примечание. Мы ни в коем случае не можем вслед за Марксом сказать, «что, если даны границы рабочего дня, максимум прибыли соответствует физическому минимуму заработной платы, а если дана заработная плата, максимум прибыли соответствует такому удлинению рабочего дня, какое только допускают физические силы рабочего. Таким образом, максимум прибыли находят свои границы в физическом минимуме заработной платы и в физическом максимуме рабочего дня». Его ссылка на то, что «между обеими этими границами максимальной нормы прибыли возможно множество вариаций», не устраняет и не смягчает изначальную ложность позиции классика, которая в конечном итоге находит свое выражение в идиотском идеологически ангажированном утверждении: «Фактический уровень ее устанавливается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом: капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении» (*т. 16, с. 151*).

Маркс верно говорит, что «в ходе развития промышленности спрос на труд не идет в ногу с накоплением капитала. Правда, он возрастает, но в пропорции, постоянно уменьшающейся по сравнению, с ростом всего капитала» (*т. 16, с. 153–154*). Еще большой вопрос, станет ли благом для социума, если спрос на труд когда-то снизится до критического минимума или вовсе исчезнет. Поэтому и однозначный призыв Маркса: «Вместо консервативного девиза: “Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день!”, рабочие должны написать на своем знамени революционный лозунг: “Уничтожение системы наемного труда!”», выглядит довольно сомнительным.

Высказанные Марксом выводы о том, что:

1) общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в целом не отразилось бы на ценах товаров;

2) «Общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы» (*т. 16, с. 154–155*);

3) «Отделение трудящегося от средств труда, будучи однажды осуществлено, в дальнейшем сохраняется и воспроизводится в постоянно расширяющемся масштабе вплоть до тех пор, пока новая и коренная революция в способе производства не уничтожит его и не восстановит первоначально существовавшего единства в новой исторической форме» (*т. 16, с. 132*).

Без сомнения ложны, т. к.:

1) общее повышение уровня заработной платы привело бы не только к понижению общей нормы прибыли, но и в целом отразилось бы на росте

цен, ведь выросла бы покупательная способность населения, а значит, и спрос;

2) общая тенденция капиталистического производства неминуемо ведет к повышению среднего уровня заработной платы, т. к. качественно изменяются и растут потребности населения, а значит; растут требования и спрос на социальные стандарты;

3) отделение основной массы населения от средств производства и капитала, будучи однажды осуществлено, в дальнейшем будет всегда сохраняться и воспроизводиться в постоянно расширяющемся масштабе; на этот процесс, кажется, уже ничто не в силах повлиять, даже когда развитие в способе производства уничтожит саму потребность или спрос на живой труд в экономике социума, ничего в плане необходимого отчуждения / самоотчуждения в обществе ни в коем случае не изменится, и бредовая утопическая идея «восстановления первоначально существовавшего единства в новой исторической форме», вероятнее всего, так и останется лишь навязчивой идеей коммунистической радикально-экстремистской молодежи.

§ 8. О ПРИСВОЕНИИ И СОБСТВЕННОСТИ

«Частная собственность на средства производства представляет собой фундаментальный институт рыночной экономики.

Именно наличие этого института характеризует рыночную экономику как таковую. Собственность означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага»

(Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 519).

В «Экономических рукописях» 1857–1858 годов Маркс говорит: «Вообще:

1) Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например, к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму – отсутствие собственности). История, наоборот, показывает нам общую собственность (например, у индийцев, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, – форму, которая под видом общинной собственности еще долго играет значительную роль. Мы здесь еще вовсе

не касаемся вопроса о том, растет ли богатство лучше при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, – это тавтология. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть противоречие в самом предмете».

Примечание. Все рассуждения о собственности и владении у классиков сводятся всегда лишь к одному утверждению: нужно «вести борьбу за переход средств производства в общее владение». Энгельс настаивает: «индивидуальное владение, которое в качестве общей формы для всех производителей не существовало никогда и нигде и которое с каждым днем все более исключается промышленным прогрессом, либо как общее владение, то есть в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества; что, следовательно, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход средств производства в общее владение» (*т. 22, с. 510*). Классики всегда игнорировали решающее, фундаментальное значение рынка в условиях любой экономики.

(Но для осуществления нормального экономического процесса важно не само по себе присвоение, а важен факт как раз именно отдельного или индивидуального владения или собственности. Так что, по-видимому, здесь нет никакой тавтологии, а вот т. н. «общая собственность» свидетельствует скорее лишь о какой-то не развитой форме коллективного присвоения, чем о факте владения. Говоря о сущности собственности или владения, трудно не признать того, что она возможна и оправдана лишь в ее индивидуальных формах проявления. К тому же наличие частной собственности вовсе не «предполагает в качестве условия противоположную форму – отсутствие собственности». Что касается «вопроса о том, растет ли богатство лучше при той или другой форме собственности», то можно предварительно лишь заметить, что не только присвоение, но именно индивидуальное владение и/или частная собственность являются мощнейшими мотиваторами активности индивидов в социуме. Энгельс был в целом прав, когда подчеркивал, что «безопасное владение своим капиталом... несравненно важнее, чем непосредственная политическая власть» (*т. 12, с. 675*).

«2) Охрана приобретенного и т. д. Если эти тривиальности свести к их действительному содержанию, то они скажут больше, чем знают их проповедники. А именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» (*Маркс, т. 12, с. 713–714*).

(В целом, вероятно, стоит согласиться с этим утверждением Маркса, но мы не вправе проигнорировать его односторонность, т. к. всегда вполне очевидна и обратная зависимость. Кроме того, следует подчеркнуть, что

всегда естественно первична все-таки форма осуществления власти, а не производственная форма).

Примечание. По данному поводу у Мизеса есть уместное поясняющее высказывание: «Частное владение означает, что собственники определяют направление использования факторов производства, тогда как общественное владение означает, что их использование контролирует государство» («Человеческая деятельность», с. 519).

§ 9. ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В «Экономических рукописях 1857–1858 годов Маркс постулирует следующие определения.

1. «Первое поверхностное представление: в процессе производства члены общества приспосаблиют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает пропорцию, в которой каждый индивидуум принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления».

(Маркс в своих политэкономических описаниях часто недостаточно аккуратен. Строго говоря, производитель преобразует продукты природы в соответствии со спросом, а не с потребностями. Как представляется, некорректно вести речь о распределении самого произведенного продукта, т. к. в реальности, произведенный продукт в форме товара поступает на рынок для продажи. В процессе «обмена» осуществляется распределение и перераспределение товаров в соответствии с рыночной конъюнктурой. Купленный товар в конечном итоге становится или должен стать предметом потребления и тем самым удовлетворения некоей потребности и/или спроса).

2. «Производство выступает, таким образом, исходным пунктом, потребление – конечным пунктом, распределение и обмен – серединой,

которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, так как распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен – от индивидуума» (Маркс, т. 12, с. 714–715).

(Да, потребление – это конечный пункт движения товара, но ясно, что не производство, а спрос выступает или должен выступать исходным пунктом всякого коммерческого предприятия и производства, он же и/или рыночная конъюнктура предопределяет и регулирует распределение и обмен).

3. «Производство есть непосредственно также и потребление. Двойное потребление – субъективное и объективное: индивидуум, который развивает свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же, как естественный акт создания потомства представляет собой расходование жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства, которые используются, изнашиваются, а отчасти (как например, при сжигании) вновь распадаются на основные элементы». Но и «Потребление есть непосредственно также и производство» (Маркс, т. 12, с. 716). «Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью» (там же, т. 12, с. 717).

(Здесь, по всей видимости, можно согласиться со всем сказанным. Очевидное сомнение вызывает только последнее высказывание о том, что производство и потребление являются противоположностями, т. к. противоположностью процесса производства является простая сила производства и рабочей силы, а противоположностью потребления является его отсутствие).

4. «Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно» (Маркс, т. 12, с. 718). «Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя» (там же, т. 12, с. 718).

(Но ведь это – неправда! Без производства возможно потребление, но вот без потребления или, точнее говоря, спроса производство не имеет смысла. Таким образом, именно спрос предполагает и потребление, и производство предмета потребления. Производство, конечно, решительным образом влияет на формирование потребителя, но все-таки именно потребитель создает производство).

Любопытны дальнейшие, если не извращенные, то весьма спорные, но характерные для Маркса рассуждения.

5. «Предмет искусства – нечто подобное происходит со всяким другим продуктом – создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета. Производство поэтому создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и побуждение к потреблению. Точно так же потребление порождает способности производителя, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность» (*т. 12, с. 718*). «Индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум. Потребление выступает, таким образом, как момент производства» (*т. 12, с. 720*).

(По нашему мнению, не корректно считать, что сам по себе «предмет искусства» или произведение искусства «создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой». Напротив, скорее публика, имеющая эстетическое чувство и разбирающаяся в искусстве, предполагает создание «предметов искусства». Не производство, а субъект или субъекты посредством производства (даже в случае ненужности живого труда) производит не только предмет для себя, но и себя для предмета и производства. Потребности и спрос в конечном итоге мотивируют инновации и всякое производство. Возникновение нового спроса сингулярно и спонтанно, именно он побуждает инновацию и инвестицию, возбуждает интерес предпринимателя и инвестора к производству. Процесс организации необходимого производства и сбыта точно так же порождает новое понимание существующих обстоятельств, а значит, и развивает нового потребителя, возбуждая в нем направленные на определенные цели потребности. Именно вот таким образом «индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум». Да, с какой-то точки зрения допустимо считать, что потребление (особенно производственное потребление) есть как бы лишь момент производства. Но вероятно, будет все-таки более оправданным сказать, что и любое производство исторично и является лишь неким моментом в процессе постоянно изменяющегося спроса и потребления, имеющегося всегда уже до всякого производства).

6. «Отношения распределения и способы распределения выступают поэтому лишь оборотными сторонами факторов производства». «Структура распределения полностью определяется структурой производства» (*Маркс, т. 12, с. 721*).

(Т. е. с другой приемлемой точки зрения – структурой спроса и потребления, в т. ч. и производственных нужд или потребностей).

7. «Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется дальше отстоящим от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако, прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) что представляет собой дальнейшее определение того же отношения – распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства. Рассматривать производство независимо от этого заключающегося в нем распределения есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства» (*Маркс, т. 12, с. 722–723*).

(Все как бы так, но как сам Маркс верно замечает: «Обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом» (*т. 12, с. 725*). Обмен, да и какой-то рынок уже есть всегда, до какого-либо производства. Товар ведь далеко не обязательно является продуктом производства. Поэтому Маркс явно избыточен в своем утверждении, что в обществе даже «и способ грабежа опять-таки определяется способом производства» (*т. 12, с. 724*). Грабеж имеет место всегда, в т. ч. и до, и после производства тоже.

При этом для Маркса «Торговля представляется чем-то вроде громадной лаборатории обмана, преискурант – дьявольским каталогом несуществующих предметов, свободная конкуренция – свободой отравлять и подвергаться отравлению» (*т. 11, с. 399*). К большому сожалению, Маркс практически всегда игнорирует фундаментальный экономический факт: рынок (который оправданно считать необходимой универсальной экспериментальной социально-экономической лабораторией-измерителем, позволяющей адекватно оценивать и определять объем спроса на каждый имеющийся товар, в т. ч. и на каждый комплементарный и на каждый взаимозаменяемый фактор производства) предполагает нужную конкуренцию или соперничество между всеми членами социума. Таким образом, как бы получается, нет худа без добра).

Маркс глубоко правильно говорит: «То, что на изготовление товара должно быть затрачено лишь общественно необходимое рабочее время, при товарном производстве вообще выступает как внешнее принуждение конкуренции, ибо, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене». Продолжая, он делает очень важное замечание: «Между тем в мануфак-

туре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени становится техническим законом самого процесса производства». Но при этом, к большому сожалению, он игнорирует то, что этот факт выражает не столько проблему мануфактуры, а прежде всего проблему без рыночной экономики или экономики с недоразвитым рынком. Говоря словами Маркса (но возражая ему), без полноценного рынка если не во всех, то в большинстве отраслей производства позитивный экономический результат достигается всегда лишь как-то несовершенно и случайно, т. к. управление вообще и особенно крупным производством не в состоянии точно контролировать все необходимые физические или материальные условия производственного процесса. «Различные операции требуют неодинакового времени и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов». Внутрипроизводственное разделение и специализация труда «не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические пропорции для количественных размеров этих органов, т. е. для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции». Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции каждого конкретного внутри отраслевого процесса труда в отдельности. Но тем не менее, Маркс глубочайшим образом ошибался, когда полагал, что «Раз для определенного производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих каждой из этих отдельных групп» (т. 23, с. 358). На самом деле только рынок в силах хоть как-то регулировать межотраслевые пропорции. И именно поэтому «Можно... установить в качестве общего правила, что чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в общество обратно пропорциональны друг другу» (Маркс, «Ницета философии», т. 4, с. 154).

Примечание. Может быть именно поэтому «Посредник всегда добивается большего, чем стороны, между которыми он посредничает. Христос добился большего, чем Иегова, святой Петр – большего, чем Христос, поп – большего, чем святые» (Маркс, т. 13, с. 476).

«Обмен выступает независимым и индифферентным по отношению к производству» не «только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления», т. к. обмену подлежит всякий

товар, пользующийся спросом, а не только лишь исключительно продукт производства. Вообще всегда есть место коммерческому обмену.

В парадигме марксовых допущений, естественно: «1) не существует обмена без разделения труда, будь последнее первобытным или уже результатом исторического развития, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и организацией производства. Например, обмен между городом и деревней; обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним» (*т. 12, с. 725*). Однако Марксу даже этих утверждений недостаточно, он настаивает еще и на том, что «Определенное производство обуславливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» (*т. 12, с. 725*). Капитал у него – «ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д.» (*т. 12, с. 726*), что, конечно же, очевидная неправда, ведь капитал – это накопленные ценности или совокупность всех средств, которые имеются в наличии, которые могут быть используемы для формирования товара с целью его реализации и получения прибыли. Ясно, что не только к наемному, но и к любому труду (в т. ч., естественно, и к т. н. трудовой стоимости) необходимый процесс накопления не имеет прямого отношения.

Примечание. Во второй части 3 тома «Капитала» Маркс вновь возвращается к теме распределения и производственных отношений. Здесь он, как бы уже повторяясь, постулирует, что «условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер», хотя он, в свою очередь, и отмечает, что «согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще». Со своей стороны, нам следует подчеркнуть, что Маркс в данном случае, как обычно, игнорирует распределение и обмен вне обстоятельств производства. Пожалуй, можно согласиться с Марксом, что «При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы» (*т. 25, ч. 2, с. 450*). Нужно согласиться и с тем, что «Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли и ренты» (*т. 25, ч. 2, с. 451*), даже более того, эта «другая часть» естественно не существовала бы и/или не принимала бы вообще никаких возможных форм.

Маркс, признавая то, что «можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение», подчеркивает: «эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства» (*т. 25, ч. 2, с. 452*).

По Марксу, именно «отношение капитала к наемному труду определяет весь характер» капиталистического способа производства (*т. 25, ч. 2, с. 452*). В его представлении: «характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения», при этом ему странным образом кажется, что «из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства». Не может не удивлять то, что при этом в наблюдаемой реальности это всеобщее «регулирование стоимостью» собственно само по себе не проявляется никак, но все равно почему-то навязчиво предполагается или предусматривается как некий обязательный «внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний», ведь «субъективизация материальных основ производства» характеризует весь капиталистический способ производства (*т. 25, ч. 2, с. 452–453*). Последнее утверждение сразустораживает своей избыточностью, ведь на самом деле «субъективизация материальных основ производства» изначально предполагается разделением труда и рынком. Маркс отмечает две характерные черты, с самого начала отличающие капиталистический способ производства: кроме того, что «он производит свои продукты как товары», это еще обязательно и «производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит главным образом капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость» (*т. 25, ч. 2, с. 453*). Таким образом, Маркс, продолжая удобным для себя образом подмену ключевых понятий, пытается навязать нам свою точку зрения и собственную терминологию. Ведь в реальности капитал достигает собственного расширенного воспроизводства только потому, что порождает прибыль или процент. Если речь вести именно о производственном капитале, то его деятельность направлена на рентабельное производство товарной продукции, которая вследствие реализации

способна принести прибыль. Ни о какой прибавочной стоимости (как, впрочем, и трудовой стоимости) ни на каком из этапов производственного процесса и речи нет.

Примечание. Маркс, как бы несколько манипулируя понятиями, говорит: «Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала» (*т. 25, ч. 2, с. 453*). Ясно, что сумма издержек производства, т. е. себестоимость, практически никакого отношения не имеет к величине трудовой стоимости. Если говорить о самой по себе трудовой составляющей в процессе производства, то, кроме цены рабочей силы, есть смысл говорить о трудоемкости и/или производительности труда на этом конкретном производстве. Тем более, если «определение стоимости вытекает не из наемного труда. При определении стоимости речь идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долей поглощения которого различными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес», т. е. «общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю» (*т. 25, ч. 2, с. 454*).

С другой стороны, пока в производстве будет необходим живой труд, оно, естественно, может осуществляться «только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала». В этом контексте совершенно непонятно, о каком вообще тогда социалистическом способе производства может идти речь.

Примечание. Маркс говорит: «Рассмотрим, однако, сами так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль – капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства» (*т. 25, ч. 2, с. 454*), кажется, все так, но возникает вопрос: а как же тогда может быть возможен обмен в условиях полного отсутствия производства? Что в таком случае выражает это исторически «определенное отношение распределения»? Чуть ниже Маркс вновь делает акцент на том, что «каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает» (*т. 25, ч. 2, с. 456*).

Важно, что Маркс все-таки понимает, что не только необходимый капиталист, но и социум в целом в процессе собственного расширения

ного воспроизводства неизбежно «наталкивается» на «границы, которые встают перед ним в форме страхового и резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства» (*т.* 25, *ч.* 2, *с.* 455). Отсюда последовательно возникает вопрос, почему Маркс решил, что одну из этих естественных или необходимых границ можно все-таки убрать или ликвидировать без каких-либо негативных последствий, а напротив, извлечь из этого лишь некий позитивный результат?

Сейчас можно уже с полной уверенностью сказать, что ликвидация свободного рынка и конкуренции в экономике неминуемо порождает лишь извращенные формы карьеризма, подхалимства и кумовства в схватке за общественные ресурсы. Как это ни парадоксально, но полная ликвидация свободных иррациональных рыночных механизмов – фактически единственного адекватного способа получения информации об общественном спросе и предложении – подрывает всякие рациональные возможности по управлению, планированию и регулированию экономикой. Всякий нормальный экономический процесс (конечно, и распределение, и производство) естественно регулируется при посредстве рыночных цен товаров – конъюнктурой рынка. Но как бы «регулирующие» рыночные цены, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными сферами экономики (в т. ч. и отраслями производства в случае его наличия). Таким образом, прибыль или, точнее, норма прибыли (процент или рентабельность) является главным фактором любого экономического процесса не только сферы обращения, перераспределения ценностей и капиталов, но и «производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства». Необходимая длительность всякого экономического процесса, разница в оценке сегодняшних и будущих ценностей / благ и развитие капитала как самовозрастающей ценности порождают вполне реальный процент, поэтому, естественно, «развивает из себя кредит и кредитные учреждения». Тем не менее, для Маркса «процент и подобные проценту» формы есть только лишь «мнимые формы распределения», но которые парадоксаль-

ным образом при этом не просто «входят в цену», а еще к тому же именно «как определяющие производственные моменты» (т. 25, ч. 2, с. 455). Как могут адекватно функционировать кредитные учреждения в условиях безрыночной экономики – в принципе непостижимо, т. к. непонятно, как может быть в этих обстоятельствах рассчитан адекватный процент. Земельная рента является не только распределительной формой, но и одним из важных мотиваторов бережного или рачительного отношения к естественной или природной ценности.

§ 10. О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ, НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

«Производительным трудом, в смысле капиталистического производства является тот наемный труд, который, будучи обменен на переменную часть капитала (на часть капитала, затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т. е. стоимость своей собственной рабочей силы), но, кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста. Только благодаря этому товары или деньги превращаются в капитал, производятся в качестве капитала. Производительным является только тот наемный труд, который производит капитал» (т. 26, ч. 1, с. 133). Но это вовсе не значит, что весь или всякий капитал основывается только на этой относительной производительности труда. Маркс говорит: «Если бы рабочего дня хватало только на поддержание жизни работника, т. е. только на воспроизводство его рабочей силы, то, абсолютно говоря, труд был бы производителем, так как он воспроизводит бы, т. е. постоянно возмещал бы, потребленные им стоимости (сумма которых равна стоимости его-собственной рабочей силы). Но он не был бы производителем в капиталистическом смысле, так как не производил бы никакой прибавочной стоимости». Таким образом, в абсолютном смысле «производителем тот работник, чья продукция равна его собственному потреблению, и непроизводителем тот, который потребляет больше, чем воспроизводит», в относительном смысле производителем лишь тот работник, труд которого создает добавленную стоимость и предполагает извлечение прибыли (согласно ТТС это труд «который производит прибавочную стоимость»). Этот «вид производительного наемного труда и служит основой существования капитала». В условиях отсутствия необходимого накопления, естественно, никакого капитала не существует, в этих гипотетических обстоятельствах

производительным трудом оправданно должен считаться только тот, который создает «избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им, ... т. е. создает новые стоимости» (т. 26, ч. 1, с. 133–134). Поэтому, вне всякого сомнения, «только труд, производящий капитал, есть производительный труд».

Но в действительности, как известно, «капиталом товары или деньги становятся» далеко не только «благодаря тому, что они непосредственно обмениваются на рабочую силу, и притом обмениваются только для того, чтобы быть возмещенными большим количеством труда, чем содержится в них самих» (т. 26, ч. 1, с. 137), т. к. **капиталистическая экономика не сводится и/или не исчерпывается одной лишь производственной сферой или одним исключительно только производственным капиталом.** Вот это изначальное упущение Маркса ведет если не ко всем, то к подавляющему большинству его политэкономических извращений.

Характерно, что Маркс, последовательно и верно замечая, что «К числу этих производительных работников принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста)» (т. 26, ч. 1, с. 138), игнорирует вообще внепроизводственные сферы извлечения прибыли и накопления капитала.

Примечание. Маркс чуть далее уточняет свою позицию: «Вещественный характер того или другого труда, а следовательно и его продукта, сам по себе не имеет ничего общего с этим различием между производительным и непроизводительным трудом. Например, повара и официанты в ресторане являются производительными работниками, поскольку их труд превращается в капитал для владельца ресторана. Эти же лица являются непроизводительными работниками в качестве домашней прислуги, поскольку я не создаю себе капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Но фактически те же самые лица и в ресторане являются для меня как потребителя, непроизводительными работниками» (т. 26, ч. 1, с. 140). Если с «домашними слугами, попами, правительственными чиновниками, солдатами, музыкантами и т. д.» как бы все понятно, то вопрос о том, «в какой мере это верно в применении к банкирам», остался без ответа. При этом Маркс согласен с А. Смитом: «Один и тот же труд может быть производительным, когда я покупаю его как капиталист, как производитель, для того чтобы применение его принесло мне увеличенную стоимость, и непроизводительным, когда я покупаю его как потребитель, когда я трачу свой доход с целью потребления его (труда) потребительной стоимости, независимо от того, исчезает ли эта потребительная стоимость вместе с прекращением самого функционирования рабочей силы или же она материализуется, фиксируется в какой-нибудь вещи» (т. 26, ч. 1, с. 147).

Нельзя не заметить, что в представлениях Маркса все крутится вокруг степени «материализации» или субстанциональности (для него это,

кажется, одно и то же) вещей, или в материальных воплощениях потребительных стоимостей. Тем не менее, он признает и то, что существует некая «часть услуг, существующих в чистом виде, не принимающих предметной формы, не получающих в виде вещи самостоятельного бытия отдельно от исполнителя этих услуг и не входящих составной частью в стоимость какого-нибудь товара», но при этом способная «возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль... – точно так же, как, с другой стороны, часть того труда, который воплощается в полезных предметах, покупается непосредственно на доход и не подчиняется капиталистическому производству» (*т. 26, ч. 1, с. 149*). Как все это может быть корректно учтено в затратах рабочего времени т. н. общественно-необходимом абстрактном среднем простом труде, просто непостижимо. С другой стороны, возникает вопрос о том, как прибыль, не имеющая своим основанием прибавочную стоимость или ценообразование, которое «не подчиняется капиталистическому производству», может сосуществовать с законом стоимости?

Говоря о том, что «Весь мир “товаров” может быть разделен на две большие части. Во-первых, рабочая сила; во-вторых, товары, отличные от самой рабочей силы», Маркс, конечно, не уточняет, что подобное деление вряд ли может вполне оправданно даже в случае сведения всего экономического процесса только лишь к производственной сфере. Но исходя из этого разделения, он поясняет позицию А. Смита (с которой он в общем-то согласен) следующим образом: «покупка таких услуг, которые дают взамен себя “пригодный для продажи товар и т. д.», а именно самую рабочую силу, в издержки производства или воспроизводства которой эти услуги входят. Впрочем, А. Смит знал, какую ничтожную роль в издержках производства массы рабочих играют издержки на «образование». И при всех обстоятельствах услуги врача принадлежат к побочным издержкам, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми для производства. Их можно отнести к издержкам по ремонту рабочей силы» (*т. 26, ч. 1, с. 149*). Для Маркса «ясно, что труд врача и учителя не создает непосредственно фонда, из которого они оплачиваются, хотя их труд входит в издержки производства того фонда, который вообще создает все стоимости, а именно в издержки производства рабочей силы» (*т. 26, ч. 1, с. 150*). В итоге он заявляет, что «производительным является труд, производящий товар, а непроизводительным – труд, не производящий “никакого товара”» (*т. 26, ч. 1, с. 153*). Ведь закон капиталистического производства требует, «чтобы часть прибавочного, неоплаченного труда, выполняемого рабочим, превращалась в капитал» (*т. 26, ч. 1, с. 152*). Сколько бы Маркс ни иронизировал над тем, что «как бездельники,

так и их паразиты должны... найти свое место в этом лучшем из миров» (т. 26, ч. 1, с. 159), но так оно и есть на самом деле. Поэтому, если с какой-то утрировано производственной точки зрения даже можно сказать, что «Паупер, совершенно так же как и капиталист (рантье), живет на доход страны и не входит в издержки производства продукта» (т. 26, ч. 1, с. 205), то и при этом совершенно очевидно, что без осуществления накопительной общественной функции капиталиста-рантье ни экономика, ни производство, а значит, и доход страны, и паупер не могут существовать.

Маркс, неоднократно характеризуя современное ему буржуазное общество, указывал на то, что большую часть его населения необходимо составляют наемные рабочие. Но у него есть и любопытное как бы футурологическое описание возможного буржуазного общества в будущем: «Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $2/3$ населения, то теперь участвует лишь $1/3$ ... При равномерном распределении все имели бы больше времени – $2/3$ – для непроизводительного труда и досуга. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым. Наше предположение не означает, что население остается застойным. Ибо если возрастают $3/3$, то возрастает и $1/3$, и таким образом по своей массе число людей, занятых производительным трудом, могло бы непрерывно увеличиваться. Но относительно, в пропорции ко всему населению, оно все же было бы на 50 % меньше, чем прежде. Теперь $2/3$ населения состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются)... Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д. Внутри самого производительного класса возрастет число торговых посредников, в особенности же число лиц, занятых в машиностроении, на постройке железных дорог, в горной промышленности; затем – число рабочих, занятых в сельском хозяйстве скотоводством, занятых добыванием химических, минеральных удобрений и т. д. Далее, число земледельцев, производящих сырье для промышленности, возрастет сравнительно с числом тех земледельцев, которые производят предметы питания; а число тех, кто производит корм для скота, увеличится сравнительно с теми, кто производит продовольствие для людей. При возрастании постоянного капитала увеличивается и относительная

масса совокупного труда, занятого его воспроизводством. Тем не менее та часть рабочих, которая непосредственно производит жизненные средства, производит теперь больше продуктов, чем прежде, хотя число этих рабочих уменьшилось. Их труд стал производительнее... Количество сельскохозяйственных рабочих уменьшится по сравнению с количеством промышленных рабочих. Наконец, возрастет количество рабочих, занятых производством предметов роскоши, так как повысившийся доход потребляет теперь большее количество предметов роскоши» (*т. 26, ч. 1, с. 205–207*). В этом описании вызывает возражение небольшое. Например, в любом случае остается практически немислимым «равномерное распределение времени», при котором «все имели бы больше времени для непроизводительного труда и досуга». Далее, при капиталистическом производстве, конечно, далеко не все является и представляется антагонистическим, иначе такой социум просто развалился бы, некая гармония и симбиоз в нем обязательны. Предположение о том, что непроизводительные работники будут плохо оплачиваться, да еще и при том, что их общий образовательный уровень все-таки вырастет, в целом, конечно, ничем неоправданно. Образованность населения будет неизбежно подталкивать рост потребительских запросов в обществе. Кстати, общий уровень материального благосостояния в таком социуме должен будет по любому расти и не в последнюю очередь из-за того, что и расходы на научные исследования и на содержание ученых будут обязательно только расти. Странно то, что в этом описании Маркс относит к производительному классу торговых посредников, в других местах он о них отзывался крайне негативно. Если касаться изменений в структуре занятости производственных работников в будущем обществе, то представления Маркса выглядят несколько наивно, что свидетельствует прежде всего о абсолютно непредсказуемом развитии производительных сил и расширением ассортимента новой товарной продукции. Доля занятого населения в развитых странах сегодня в сельском хозяйстве сократилась до 5 %, а доля занятых в сфере услуг (наименование которых невероятно возросло) выросла чуть ли не до 80 %, таким образом занятыми в промышленности остаются только лишь около 10–15 %. Очень жаль, что Маркс нигде не удосужился рассмотреть даже возможность существования общества, вообще без «необходимого» производительного труда. Вероятно, в т. ч., поэтому настолько ангажированными или извращенными ТТС выглядят его описания богатых стран: «Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население по отношению к совокупному продукту; совершенно так же, как и для отдельного капиталиста тем лучше, чем меньше нужно ему рабочих для того, чтобы произвести ту же самую прибавочную стоимость. Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том

же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда» (т. 26, ч. 1, с. 215).

Как представляется, совершенно бесспорно лишь то, что прибыль создается и в сфере распределения тоже. Более того, строго говоря, она именно в сфере распределения, точнее обмена, только и создается.

Маркс отрицает существование какой-либо связи между «производительным» трудом и «полезным». Хотя совершенно очевидно, что любое сокращение «времени обращения» повышает среднюю норму прибыли (т. 3 гл.16). Как можно сомневаться в полезности т. н. «непродуктивной» функции торговли в экономике с высокой специализацией?

Пропорциональна ли ценность товара величине совокупного труда, затраченного на его производство и распределение, или же эта ценность является только функцией труда, затраченного на изготовление и транспортировку, так что некоторая часть совокупного капитала общества «должна быть отложена в резерв для проведения вторичных операций, которые не являются частью процесса создания ценностей»? (т. 3, гл.17). Как представляется, марксово различие между производительным и непроизводительным трудом имеет или не имеет значение в зависимости от того, принимается или отвергается трудовая теория стоимости. Более того, даже в рамках трудовой теории стоимости оно, как кажется, не представляет никакого особого интереса. Получается, что если быть последовательным марксистом, то окажется даже, что только государственный сектор услуг и экономики непроизводителен. В конечном счете если норма прибыли в стране может быть настолько же увеличена за счет усовершенствований в торгово-посреднической сфере, насколько она так же может быть увеличена техническим прогрессом, в других сферах, например в сельском хозяйстве или промышленности (как это допускает и сам Маркс), то тогда вывод, кажется, очевиден: утверждение, будто работа продавца или машинистки непроизводительна, не соответствует действительности и бессмысленно.

Дальнейшее рассуждение Маркса со всей убедительностью свидетельствуют о том, что он, исходя из принятой им ТТС, постоянно забывает о значении самого по себе «времени» как такового (хотя, говоря в другом месте об оборачиваемости капитала, демонстрирует свое знание этого важнейшего, если не сказать фундаментального аспекта всякого экономического процесса): «С одной стороны, тенденция капитала заключается в том, чтобы сводить к все уменьшающемуся минимуму рабочее время, необходимое для производства товара, а следовательно, также и количество производительного населения по отношению к массе продукта. Но,

с другой стороны, тенденция капиталистического способа производства заключается, наоборот, в том, чтобы накапливать, превращать прибыль в капитал, присваивать возможно большее количество чужого труда. Капиталистический способ производства стремится понижать норму необходимого труда, но при данной норме применять возможно большее количество производительного труда» (т. 26, ч. 1, с. 215–216). На самом деле, с одной стороны, тенденция капитала заключается в том, чтобы сводить ко все уменьшающемуся минимуму весь период времени непосредственного производства, необходимого для производства товара, т. е. к росту производительности труда за счет увеличения опосредованного или, по словам Бем-Баверка, – «окольного», дополнительного или подготовительного производства, а следовательно, также и увеличение общей массы капитала производственной сферы по отношению к массе производимого конечного продукта. С другой стороны, тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы накапливать и превращать прибыль в капитал, т. е. не только расширенно воспроизводить прежнее производство, но путем новых инвестиций и инноваций создавать принципиально новые производства. Товарное или рыночное производство всегда стремится понижать себестоимость или сумму издержек своей продукции, поэтому естественно озабочено в т. ч. и трудоемкостью производственного процесса.

Следует согласиться с Марксом, что межотраслевые диспропорции резко снижают эффективность экономики. Исходя из ТТС, он последовательно говорит, что «Если продукты, пригодные для индивидуального потребления, произведены в пропорциях, соответствующих потребностям, если, следовательно, пропорционально распределены и соответственные массы общественного труда, необходимые для их производства {чего, конечно, никогда в точности не бывает; всегда имеют место отклонения, диспропорции, которые как таковые выравниваются, но так, что постоянное движение выравнивания само предполагает постоянную диспропорцию}» (т. 26, ч. 1, с. 219–220). Если даже предположить, что невероятным образом на потребительском рынке предложение совпало со спросом, то чтобы эта ситуация сохранялась как можно дольше, нужно по меньшей мере, чтобы были предусмотрительно адекватно-пропорционально распределены и массы капиталов (а не только массы общественного труда!) между всеми различными отраслями экономики. Однако это в принципе невозможно, т. к. никто не в силах заранее знать то, как именно и как быстро будет изменяться потребительский спрос и как будет на практике осуществляться всякий конкретный процесс производства и обмена. Таким образом, в любом случае живой экономический процесс предполагает как необходимые диспропорции и отклонения,

так и их выравнивание. Маркс оправданно и последовательно задается вопросом: «Спрашивается, в каких количествах само необходимое рабочее время распределяется по различным сферам производства»? И далее поясняет: «Конкуренция постоянно регулирует это распределение, точно так же, как она постоянно его нарушает. Если в какой-нибудь отрасли затрачено слишком большое количество общественного рабочего времени, то эквивалент может быть уплачен только в таком размере, как если бы было затрачено надлежащее количество. Совокупный продукт – т. е. стоимость совокупного продукта – равняется тогда уже, следовательно, не тому рабочему времени, какое содержится в нем, а тому, какое было бы пропорционально затрачено, если бы совокупный продукт данной сферы находился в надлежащем отношении к продукции других сфер. Но в той мере, в какой цена совокупного продукта данной сферы падает ниже его стоимости, падает и цена каждой отдельной его части» (*т. 26, ч. 1, с. 221*). Здесь классик очевидным образом игнорирует все имеющиеся реальные факторы ценообразования. Ведь на самом деле никого на рынке не интересует, какое «количество общественного рабочего времени» было затрачено на производство данного товара. Кроме того, цена совокупного товара по определению всегда должна быть больше стоимости совокупного продукта производства, уже только потому, что на рынке всегда есть товары, которые не являются продуктами материального производства и те, которые не являются вообще продуктами труда. Иначе получается, что все товары как правило продаются / обмениваются по цене, которая ниже их стоимости, т. к. некоторая часть их стоимости (прибавочной стоимости) входит / перераспределяется в цены товаров не имеющих в себе трудовую составляющую. Поэтому, как представляется, и утверждение Маркса, что «производство и потребление внутренне нераздельны» (*т. 26, ч. 1, с. 277*), оправданным может быть только в сфере производственного потребления.

Исходя из изначальной материалистической установки, Маркс извращенно полагает, что именно «материальное разделение труда является предпосылкой разделения духовного труда», а не напротив. Поэтому у него невероятным образом «из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства» (*т. 26, ч. 1, с. 279*). В дополнение к сказанному он сообщает, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» (*т. 26, ч. 1, с. 280*). О том, что биосоциум, как правило, сам по себе уже предполагает некую внутреннюю собственную иерархию

и структуру, мы уже говорили, а «определенное отношение людей к природе» прежде всего зависит, естественно, от их среды обитания. Искусство по большому счету «враждебно» любому производству, т. к. изначально никогда не ориентированно на рыночный спрос или коммерческий результат. Такое ощущение, что для Маркса существуют только исключительно «антагонизмы в области материального производства», которые якобы и «делают необходимой надстройку из идеологических сословий». О том, что в любом биосоциуме всегда более чем достаточно всяких «антагонизмов» и без материального производства, Маркс как будто даже не догадывается, хотя и парадоксальным образом все-таки признает, что изначально «человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого субъекта производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, значит также и те его функции и виды деятельности, которые он выполняет как созидатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что все человеческие отношения и функции, в какой бы форме и в чем бы они ни проявлялись, влияя на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него» (*т. 26, ч. 1, с. 283*).

Примечание. Маркс считает, что само различие между производительным и непроизводительным трудом «выступает как результат разделения труда и в этом смысле способствует развитию общей производительности труда – в силу того, что разделение труда превращает непроизводительный труд в исключительную функцию одной части работников, а производительный труд – в исключительную функцию другой части» (*т. 26, ч. 1, с. 293*).

Говоря об услугах непроизводительного труда, Маркс подчеркивает, что если бы они даже выполнялись бесплатно, то «они и тогда ни на грош не увеличили бы богатства (материального)» (*т. 26, ч. 1, с. 293*). Таким образом как бы получается, что он все-таки допускал возможность существования богатства и в нематериальной форме. Тем не менее, Маркс продолжает односторонне настаивать на том, что «Государство, церковь и т. п. правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов, и затраты на эти учреждения должны быть сведены к самому необходимому минимуму, так как сами по себе они относятся к побочным издержкам производства, не участвующим непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми» (*т. 26, ч. 1, с. 297*). Такое впечатление, что Маркс даже мысли не допускает о самостоятельном значении этих социальных институтов.

Заслуживает отдельного внимания описание Марксом т. н. «нематериального производства»: «В нематериальном производстве, – даже если оно ведется исключительно для обмена и, следовательно, производит товары, – возможны два случая.

1. Оно имеет своим результатом такие товары, такие потребительные стоимости, которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю, – которые, следовательно, способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, стало быть, могут обращаться в течение этого времени как пригодные для продажи товары; таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном масштабе... То обстоятельство, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, нисколько не меняет существа дела.

2. Производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д. ... Все эти проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания» (*т. 26, ч. 1, с. 420–421*).

Совершенно непонятно, в каком именно смысле здесь считается, что «капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном масштабе», и это при том, что «именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени». Эти продукты производства «способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, стало быть, могут обращаться в течение этого времени как пригодные для продажи товары», но разве сырой материал или сырье на перерабатывающем предприятии в период «времени между производством и потреблением» не могут точно так же обращаться, «как пригодные для продажи товары»? Далее, по второму пункту тоже неясно, ведь такие, без сомнения, значительные и большие сферы общественно-экономической деятельности, как СМИ, культура, образование, здравоохранение, охрана общественного порядка, пенитенциарная служба и т. д., конечно, ни в коем случае не «могут быть оставлены совершенно без внимания». На общем рынке они представлены колоссальными денежными суммами и капиталами, которые, естественно, влияют на образование общей средней нормы прибыли, а значит, и на все ценообразование в экономике.

В коммунистическо-материалистическом представлении Маркса «совокупность всех этих работников, обладающих рабочими силами различной стоимости (хотя вся масса применяемого труда находится примерно на одном и том же уровне), производит такой результат, который, – если рассматривать результат процесса труда, взятого просто как процесс труда, – получает свое выражение в товаре, в каком-нибудь материальном продукте. Все эти работники вместе, в качестве одного производственного коллектива, представляют собой живую машину для производства этих продуктов, – подобно тому как они, если рассматривать весь процесс производства в целом, обменивают свой труд на капитал и воспроизводят деньги капиталиста как капитал, т. е. в качестве самовозрастающей, увеличивающейся стоимости» (*т. 26, ч. 1, с. 421–422*). Марксом, как всегда, к огромному сожалению, даже гипотетически не рассматривается возможный вариант полного отсутствия материально-производственной сферы в экономике, к которой, по его мнению, относится, кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности, еще и «четвертая сфера материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную. Это – транспортная промышленность, все равно, перевозит ли она людей или товары». Таким образом, по логике Маркса выходит, что производственные рабочие, занятые в материальном производстве, «не только непосредственно участвуют в производстве материального богатства, но и обменивают свой труд непосредственно на деньги как на капитал и поэтому не только воспроизводят свою заработную плату, но непосредственно создают еще прибавочную стоимость для капиталиста. Их труд состоит из оплаченного труда плюс неоплаченный, прибавочный труд» (*т. 26, ч. 1, с. 422*), а производственные и непроизводственные работники, занятые в необходимом нематериальном производстве и в необходимых внепроизводственных сферах, лишь опосредованно участвуют как бы в производстве все того же или одного и того же материального богатства, обменивают свой труд на деньги непосредственно только как на средство платежа и лишь опосредованно как на капитал, и поэтому воспроизводят свою зарплату и как бы тоже принимают участие в создании прибавочной стоимости для совокупного капитала, но только опосредованно, т. к., по Марксу, меновая стоимость всего совокупного товара возрастает в размере того количества труда, которое требуется для того, чтобы произвести данное изменение потребительной стоимости товара, – в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны, потреблением постоянного капитала, т. е. суммой прошлого овеществленного труда, входящего в товар, а, с другой стороны, суммой всего необходимого живого труда как бы одного

совокупного общественного производственного коллектива (т. 26, ч. 1, с. 423). Тем не менее, Маркс не устает постоянно повторять и настаивать на том, что «производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость овеществленного труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от нее». Для него или его изначальной коммунистической позиции «различие между производительным трудом и другими видами труда является в высшей степени важным», т. к. оно якобы «выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал».

Итак, в представлении Маркса «производительный труд в системе капиталистического производства» – это исключительно только «такой труд, который производит для того, кто его применяет, прибавочную стоимость, или, иначе, это – труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца – в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала» (т. 26, ч. 1, с. 404). При этом «один и тот же вид труда может быть как производительным, так и непроизводительным» (т. 26, ч. 1, с. 410). Чуть далее Маркс поясняет, что «Характерным для всех видов непроизводительного труда является то, что я могу пользоваться ими, – как это имеет место и при покупке всех остальных товаров с целью потребления, – только в той мере, в какой я эксплуатирую производительных рабочих. Поэтому производительный рабочий меньше всех имеет возможность располагать услугами непроизводительных работников, хотя ему и приходится больше всех платить за навязанные ему услуги (государство, налоги)» (т. 26, ч. 1, с. 415). Нельзя не заметить всю условность и искусственную ограниченность такого различия и, тем более, разграничения, производимого лишь в угоду подтверждения или обоснования схоластичной или ложной ТПС.

§ 11. О РАСШИРЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ, НАКОПЛЕНИИ И ПРОЦЕНТЕ

«Если деньги... “рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке”, то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (К. Маркс, т. 23, с. 770).

«Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом вос-

производства» (Маркс, т. 23, с. 578). Более того, капиталистический способ производства, как вполне обосновано подчеркивает Маркс, необходимо предполагает именно расширенное воспроизводство, ведь «накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль» (т. 23, с. 594). «Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства» (т. 23, с. 578). **Этот процесс превращения (отчуждения / присвоения) предметов и людей в средство или нужный элемент есть та пресловутая естественная эксплуатация в любом биосоциуме.** Следует осознавать, что необходимая «эксплуатация рабочих капиталом осуществляется», в т. ч. и «при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим» (т. 23, с. 564).

«Характерная экономическая роль капиталиста присуща данному лицу лишь потому, что деньги его непрерывно функционируют как капитал» (т. 23, с. 579). Здесь, по-видимому, важно осознать то, что для того чтобы деньги непрерывно функционировали как капитал, необходимо, чтобы кто-то в обществе выполнял необходимую «экономическую роль капиталиста». Но для Маркса важным оказывается несколько иной аспект, он считает: «Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией – в денежной или иной форме – чужого неоплаченного труда» (т. 23, с. 582), при этом забывая добавить и подчеркнуть, что если и имеет смысл говорить о присвоении как бы «чужого неоплаченного труда», то следует упомянуть о нерастраченном, а именно накопленном и/или сэкономленном как бы «труде». Конечно, вести речь о трудовой стоимости здесь некорректно, ведь накопить или сэкономить можно некие конкретно оцененные вещи, т. е. ценности. Правда, с другой стороны, нужно упомянуть и о необходимости стимулирования массового спроса и потребления. Поэтому важно соблюдение оптимальной пропорции между капитализацией и ростом текущего потребления. Исходя из сказанного, вполне оправдан вывод: «Итак, с общественной точки зрения класс рабочих – даже вне непосредственного процесса труда – является такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала» (т. 23, с. 586). Поэтому, с какой-то точки зрения,

капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, производит прибыль, расширенно воспроизводит сам капитал и «капиталиста», на одной стороне, и все необходимые элементы производства – на другой, а не лишь «наемного рабочего» (*т. 23, с. 591*), наличие которого при полной автоматизации производства может быть вообще необязательным или случайным. Не капитал предполагает наемный труд. Его предполагают известные формы производства и, конечно, прежде всего крупное машинное производство. Но вот наемный труд предполагает капитал. В какой-то момент они обуславливают друг друга и даже порождают. Таким моментом, по всей видимости, является обстоятельство становления крупного машинного производства.

Процессы, совершающиеся на рынке, осуществляют не только лишь «обращение отдельных составных частей» или продуктов производства, всех выставленных на продажу предметов потребления, даров природы, капиталов, ценных бумаг, недвижимости и роскоши (т. е. товаров), но прежде всего осуществляют необходимое в условиях нормальной экономики оценивание, сопоставление и измерение всех наличествующих товарных масс и активов. Таким образом, «какое употребление может быть сделано из совокупного годового продукта, это зависит» отнюдь далеко не только «от собственного состава последнего, а от спроса на его структурные элементы и общей конъюнктуры рынка». Рыночное обращение, конечно, не в силах «изменить природы произведенных предметов», но обозначить или выбрать, ранее не ведомые пути их использования, забраковать или отказаться от потребления и/или эксплуатации некоторых из них – может, чем, собственно, постоянно и занимается. В конечном итоге рынок или сфера обращения в силах изменить и меняет структуру производства и даже общества в целом, а значит, оказывает решающее влияние на величину годового производства (*т. 23, с. 593*).

Маркс, говоря о том, что «политическая экономия изображает капитал вообще как “накопленное богатство”», и что для нее вполне обоснованно «весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент», глубоко заблуждаясь, поясняя добавляет: «потому что процент есть просто часть прибавочной стоимости» (ранее нами уже пояснялось, что процент имеет своим источником разницу в ценностях и к самому по себе труду не имеет никакого отношения). При этом Маркс прилагает ряд правильных и уместных цитат: «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» (Мальтус), «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода и употребленного с целью получения прибыли» (Р. Джонс), «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, дающее доход, давно уже стало просто про-

центом на капитал» («*Economist*», 19.07.1851 г.) (т. 23, с. 601). В завершение он вновь напоминает, что капиталисты – это просто владельцы капитала, правда, чуть позже он как бы соглашается с тем, что экономический прогресс общества нуждается в накопительной функции и, значит, в воздержании со стороны капиталистов (т. 23, с. 610).

Кроме того, Маркс вполне обоснованно утверждает, что «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи» (т. 23, с. 728), изначально необходимая «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок» (т. 23, с. 757). Естественно, «Этот прибыльный метод, как и все хорошее в этом мире, имеет свои недостатки» (т. 23, с. 724). Таким образом и выходит, что «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» (т. 23, с. 761). Поэтому быть либеральным или гуманным за счет прошлого всегда чрезвычайно выгодно и удобно.

«Общий итог таков: овладевая двумя первичными создателями богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в виде которых капитал существует» (т. 23, с. 617). Маркс игнорирует, впрочем, как почти всегда, то, что капитал – это далеко не только одни средства производства. Но он говорит о том, что всякое улучшение методов ведения бизнеса, всякий прогресс в области науки создает как бы «новую материю нового капитала без предварительной затраты капитала», а «наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины. Они оказывают влияние также на ту часть первоначального капитала, которая вступила в стадию своего возобновления. В своей новой форме капитал даром присваивает общественный прогресс, совершившийся за спиной его старой формы. Правда, это развитие производительной силы сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов» (т. 23, с. 619).

Маркс верно замечает, что «прошлый труд выступает всегда в одежде капитала» (т. 23, с. 622), но при этом он почему-то игнорирует то, что это означает – капитал неизбежно будет существовать, пока будет существовать «прошлый труд». Таким образом, строго говоря, капитал может существовать и без живого труда. И если сейчас «даже при данной

величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) образуют его эластичные потенции, которые в известных границах расширяют его арену действия независимо от его собственной величины» (т. 23, с. 623), то вполне допустимо, что придет время, и капиталу будет достаточно только наличия плодов прошлого труда, науки и предметов производства, доставляемых самой природой, чтобы реализовать свои «эластичные потенции» и расширить арену своего действия в невиданных ранее масштабах. К счастью, и история это до сих пор убедительно доказывала, «механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает» (т. 23, с. 633).

Маркса возмущает, что «рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук» (т. 23, с. 635). Но увы, такова не только религиозная, но и экономическая действительность, в особенности крупного машинного производства. По большому счету сами капиталисты (как и упомянутые священники) здесь ни при чем, всему виной внутренняя сущность этих феноменов. Ведь благодаря массовой концентрации экономятся значительные средства производства и ускоряется необходимое накопление капитала, «вызваны к жизни такие средства труда, например система машин и т. д., которые уже по своей вещественной природе применимы только совместно, могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки». Конечно, в условия рыночной экономики, т. е. «на почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме» (т. 23, с. 638), на этапе становления крупной машинной промышленности необходимо «переменная составная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной» (т. 23, с. 639). Но, судя по всему, эта тенденция не постоянна, и при структурных изменениях в экономике вполне возможен и обратный процесс. Марксово представление о том, что «пока работник может накапливать для себя самого, – а это он может, пока остается собственником своих средств производства, – до тех пор капиталистическое накопление и капиталистический способ производства невозможны. Отсутствует необходимый для этого класс наемных рабочих» (т. 23, с. 776), может считаться вполне оправданным лишь по

отношению к индустриальному периоду капиталистического развития, т. е. к «крупному машинному производству». Таким образом, не сам по себе «капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. предполагают экспроприацию работника» (*т. 23, с. 784*), а именно концентрированное и/или, тем более, централизованное крупное машинное производство и монопольная государственная собственность.

§ 12. О КОНЦЕНТРАЦИИ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Маркс следующим образом определяет процесс централизации капиталов: «если, с одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов. Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это – концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь капитал сосредоточивается в огромных массах в одних руках потому, что там он исчезает из многих других рук. Это – собственно централизация в отличие от накопления и концентрации» (*т. 23, с. 639–640*). Если крупное машинное производство ведет к неминимумой в конечном итоге централизации капиталов в «одних руках» (что может быть представлено и полной национализацией в государственной монополии), то деиндустриализация и приватизация предполагают, вероятно, и децентрализацию капиталов.

Маркс полагает, что «В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит – эти два наиболее мощных рычага централизации» (*т. 23, с. 640*). Но он при этом почему-то забывает сказать, что с достижением максимальной

централизации «эти два наиболее мощных рычага» не только централизации, но и вообще всякого экономического развития утрачиваются. По мнению Маркса, «Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит при прочих равных условиях от производительности труда, а последняя – от масштаба производства. Поэтому меньшие капиталы побиваются большими» (т. 23, с. 640). В реальности, конечно, не все так просто. Указанная закономерность, к сожалению, безотказно работает лишь в условиях конкурирующих крупносерийных производств.

Примечание. Но для Маркса, по всей видимости, здесь важны несколько иные аспекты, он обращает внимание на то, что «прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала» (т. 23, с. 641). «Ясно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке составных частей общественного капитала». «Усиливая и ускоряя таким путем действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и тем самым относительно уменьшают спрос на труд» (т. 23, с. 642). Таким образом, для Маркса прежде всего важно именно то, что даже будучи как бы искусственно (пусть даже не «гладким способом», а «насильственным путем захвата») достигнутой, централизация должна обязательно «усилить и ускорить» действие накопления, «перевороты в техническом строении капитала» и тем самым неминуемо ускорить общественно-экономический прогресс в целом. Не случайно здесь же он подчеркивает, что «в настоящее время взаимное притяжение отдельных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше» (т. 23, с. 641).

Чуть позже Маркс указывает на то, что «Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт» (т. 23, с. 773), при этом «капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих» (т. 23, с. 726). Почему-то при этом он забывает сказать, что централизация (особенно в обстоятельствах крупного машинного производства), в какой бы форме собственности она ни осуществилась или ни завершалась, в любом случае, естественно, требует отделения капитала и собственности от рабочих. Поэтому

утверждение Маркса о том, что «при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего» (*т. 23, с. 660*), может быть хоть как-то оправданным лишь в условиях именно максимальной централизации капиталов, т. е. в условиях полной монополии государственного капитализма. А вывод о том, что «Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата» (*т. 23, с. 660*), – совершенно избыточен или односторонен. В представлениях классика, в конечном итоге «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (*т. 23, с. 773*). Но разве с ликвидацией частной собственности и/или частных экспроприаторов преодолевается отчужденность рабочих (которыми, по Марксу, становятся все работоспособные члены социума) от централизованных средств производства существующего крупного машинного производства? Очевидно, что – нет!

§ 13. О ГЛАВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ, НЕМИНУЕМОСТИ КРИЗИСОВ КАПИТАЛИЗМА И ФОРМАХ СОБСТВЕННОСТИ

«При капитализме частная собственность суть окончательное оформление самоопределения потребителей»
(*Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 519*).

Именно в «В кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением» (*Энгельс, т. 19, с. 220*), т. е. частным присвоением, это и есть, по мнению классиков, главное противоречие капитализма.

Примечание. «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией» (*Энгельс, т. 19, с. 215*).

При этом был замечен, но, к сожалению, не исследован, как требуется, очень важный аспект проблемы всякой рыночной экономики: «Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Коллизия становится неизбежной, и так

как она не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической» (Энгельс, т. 19, с. 219). Способность рынков к расширению, «определяется совсем иными законами»!!! Здесь нужно подчеркнуть, что проблема состоит далеко не только в недостаточности расширения спроса или рынков сбыта, а прежде всего в почти постоянном изменении его структуры. **Кроме того, утверждение о том, что способность рынков к расширению определяется законами «действующими с гораздо меньшей энергией», явно избыточно. Естественная спонтанность и динамичность в энергии изменения структуры спроса и образования нового спроса – едва ли не самая большая головная боль всякой реальной экономики.**

Ряд следующих избыточных рассуждений и/или указаний свидетельствует о явной изначальной идеологической ангажированности классиков: «Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ, трестов и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими». Намекая на невозможность разумного планирования и регулирования в условиях свободного рынка и частного производителя в условия крупного производства, Энгельс делает явно неоправданный вывод о «ненужности буржуазии» в управлении крупным бизнесом. Он здесь же продолжает: «Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения». Из сказанного явно видно, что Энгельс здесь грубо игнорирует даже главную социально-экономическую функцию капиталиста – собирать и аккумулировать ценности и прибыль, реализовывать их в качестве капитала, выступая необходимым инвестором во всяком процессе жизнедеятельности. Не менее важной функцией капиталиста является также мотивация других членов социума к конкуренции в овладении максимально возможным благосостоянием или попросту богатством. Поэтому при вытеснении капиталистов «в разряд излишнего населения» следует все-таки озаботиться тем, каким образом будут выполняться эти нужные функции без них или вместо них.

Примечание. Далее Энгельс делает правильное немаловажное замечание: «Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил... Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство..., какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околничества социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское» (*т. 19, с. 222*). «Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» (*т. 19, с. 223*). Потрясающее прочтение. Любопытно, как бы реагировали классики на плоды революции 1917 года, если бы дожили до Советской России? Продолжая, Энгельс говорит здесь же, хотя и последовательно, но уже, по-видимому, неоправданно о том, что «Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» (*т. 19, с. 223*). До сих пор практика показывает, что необходимый переворот («перестройка») всякий раз происходит как бы обратно, в сторону разгосударствления, приватизации, либерализации и рынка. И это вовсе не случайно, т. к., исходя из той же марксовской логики, до сих пор (что, скорее всего, в принципе невозможно) непосредственно, само по себе «общество открыто и, не прибегая ни к каким окольным путям», не в силах взять «в свое владение производительные силы». Очевидно, что имеющиеся производительные силы еще не переросли и, судя по всему, вряд ли когда-нибудь перерастут «всякий другой способ управления ими, кроме общественного».

Классики свято верят, что именно при некоем непосредственном владении производительными силами «общественный характер средств производства и продуктов» «будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства. Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей... Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демони-

ческих повелителей в покорных слуг» (Энгельс, *т. 19, с. 223*). Это удивительное по своей наивной оптимистичной утопичности рассуждение исходит из целого ряда невероятных допущений: 1) полная сознательность может уберечь от кризисов; 2) познание, т. е. «поняли их действие, направление и влияние», слепо действующих общественных сил возможно; 3) «слепо действующие общественные силы» могут таким образом превратиться в наших «покорных слуг». Однако и это еще не все, Энгельс уверен, что «Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности» (*т. 19, с. 223–224*). Но как именно будет достигаться соответствие производства «потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности»? Откуда же и каким именно образом будет извлекаться эта постоянно изменяющаяся информация о конкретных потребностях или, точнее, спросе каждого индивидуального потребителя, как актуальном, так и только вновь возникающем? На эти вопросы классики не дают, да и не могут дать внятных ответов, т. к. единственным более или менее адекватным источником такой информации в обществе является только актуальная рыночная конъюнктура.

Энгельс глубоко ошибочно заявляет: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство» (*т. 19, с. 224*). На самом деле, кстати, это убедительно показал и «совок»: превращение средств производства в государственную собственность только лишь гипертрофировано усиливает власть государства в обществе. Пролетариат как был эксплуатируемым производительным классом, отчужденным от власти, так, естественно, и остается, а вот государственный аппарат управления в виду отсутствия буржуазии обособливается в некое номенклатурно-бюрократическое сословие как бы «собственников-распорядителей», кажется, пытающихся выполнять необходимые социально-экономические функции капиталистов и предпринимателей.

«Взятие во владение средств производства от имени общества», – является в то же время далеко не «последним самостоятельным актом его как государства. Повсеместное вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой» все более и более навязчивым и диктаторским, а не «излишним и само собой засыпает» (*т. 19, с. 225*). Более того, «на место управления лицами», как это принято в условиях буржуазной демократии, становится управ-

ление вещами и людьми, тоже как вещами или «винтиками» в производственных процессах. Государство не «отменяется» и ни в коем случае не «отмирает», а напротив, в апогее своего осуществления может достигать формы авторитарного тоталитаризма.

Примечание. Действительно, «в основе деления на классы лежит закон разделения труда». Разделение труда обусловливается естественной имманентной ограниченностью и «недостаточностью производства» и, вероятнее всего, никогда не «будет уничтожено полным развитием современных производительных сил». И если даже мы каким-то образом согласимся с Энгельсом в том, что, «упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития». Но с тем, что уже «эта ступень теперь достигнута» (*т. 19, с. 226*), мы, естественно, никак не можем согласиться! Очевидно, что эта нужная «ступень» до сих пор не достигнута, о каких таких достижениях 140 лет назад могла идти речь – просто уму не постижимо.

У классиков является само разумеющимся, что «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (*Энгельс, т. 19, с. 227*). Маркс, кажется, более осторожно, говорит, что «“социальное государство” заранее так организует производство, чтобы годовое предложение хлеба лишь в совершенно ничтожной степени зависело от колебаний урожая. Объем производства, предложение и потребление рационально регулируются» (*т. 19, с. 376*). Но по всей видимости, отсутствие частной формы собственности на средства производства и государственная монополия на право владения средствами производства не в силах устранить необходимые товарно-денежные отношения в обществе вообще. Говоря о некоем рациональном регулировании объема производства, предложения и потребления, Маркс, к огромному сожалению, ничего не говорит о самом главном – о спросе и потребностях. Таким образом, у него в конечном итоге неизбежно получается лишь извращенное уравнительное казарменное распределение и потребление. **Это так, из-за того, что никакая монополия на владение в сфере производства не может привести к полному господству над необходимо индивидуальным спросом, обменом, а с ними и над присвоением продуктов, которые так или иначе всегда остаются индивидуальными актами. Никакая планомерно-сознательная или разумная организация производства и всей общественной жизни в принципе не может охватить сполна всю необъятную**

беспереывную динамику спонтанного процесса жизнедеятельности биосоциума. Поэтому некая хаотичность, внеплановость, иррациональность и, главное, неразумность, даже внутри контролируемого и планируемого общественного производства, не говоря уже об обмене и спросе, неизбежна в любом случае. Неразумность неминуема уже не только потому, что никогда не будет так, чтобы дураков вообще не было, но и потому, что всякий разумный всегда в чем-то когда-то, да и сам неразумен. То, что «объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей», могут когда-то поступить или иногда как-то «поступают под контроль самих людей», вовсе, конечно, не значит, что «с этого момента люди начнут вполне сознательно» и, тем более, разумно «сами творить свою историю», так, чтобы «приводимые ими в движение общественные причины» имели бы «в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают». Естественно, это практически ни в коем случае не может быть или стать скачком «человечества из царства необходимости в царство свободы» (Энгельс, *т. 19, с. 227–228*).

В 1877 году Маркс был уверен, что «капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную» (*т. 19, с. 120*). Однако национализация, огосударствление, да и обобществление тоже (как бы ни возражал сам Маркс) не «освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала», т. к. весь экономический смысл существования средств производства выражается в их способности быть капиталом, приносящим прибыль. Осуществление общественного производства как бы «по заранее обдуманному плану» лишает его необходимой рыночной свободы, творческого подхода и предпринимательской инициативы. С государственной зарегулированностью всего социально-экономического процесса неизбежен рост политического влияния и значения государства, т. е. непрофессионального номенклатурно-бюрократического аппарата, во всех сферах общественной жизни. Парадоксальным образом падают мотивация и производительность труда, возрастает иррациональность и неэффективность в экономике. Развитие производства не «делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов», оно лишь изменяет их конфигурацию, переформатировав имманентную структуру биосоциума. Люди, ставшие в конечном итоге заложниками этого государственного разумно-планового бытия, становятся вследствие этого не «господами природы» и не «господами самих себя» (Энгельс, *т. 19, с. 229–230*), а напротив, лишь рабами собственной государственности. Место ненасильственного угнетения – подкупа, былого главного рычага буржуазного управления обществом – денег, заняли блат и насильствен-

ный диктат, а главнейшим бесспорным рычагом государственной власти стал страх смерти и/или тюрьмы.

Примечание. Встречается любопытное рассуждение Энгельса об основаниях личной свободы: «Неприкосновенность жилища – эта основа всякой личной свободы – ... постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу... святость жилища была не следствием, а причиной превращения его в частную собственность» (*т. 19, с. 332*). Кроме того, в другом месте он обоснованно замечает: «где, ..., еще не образовалась частная собственность на землю, – там государственная власть появляется в форме деспотизма» (*т. 19, с. 496–497*). Таким образом, если быть последовательным, то получается, что именно неприкосновенность частной собственности (прежде всего на жилье) является основой всякой личной свободы. Тогда не вполне понятно, почему классики так ратовали именно о ликвидации частной собственности – выходит, личная свобода не рассматривалась ими как нечто бесспорно ценное, но такой вывод кажется все-таки очень сомнительным.

Правда, здесь мы обязаны подчеркнуть: Маркс говорил (в 1880 году), что, строго говоря, «производители могут стать свободными, лишь овладев средствами производства; что средства производства могут принадлежать им только в двух формах: 1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом; 2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества» (*т. 19, с. 246*). Таким образом, полное огосударствление средств производства им не рассматривалось как овладение общественными производителями всеми имеющимися средствами производства, а лишь как предполагаемая необходимая историческая предпосылка такому овладению. Поэтому, говоря последовательно, в рамках логики Маркса «совок», скорее всего, оказался как бы преждевременным тупиковым социальным экспериментом, который в своих организационных формах так и не смог выйти из рамок государственного капитализма.

Маркс, по-видимому, верно указывал на для него актуальную тогдашнюю тенденцию в экономике и общественных отношениях: «Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (*т. 19, с. 400*). Но как он чуть далее вполне обоснованно заметил, правда, по несколько иному поводу: «Все зависит от исторической среды, в которой она находится... а priori возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда» (*т. 19, с. 404–405*). Т. е. вполне допустим в зависимости от развития производительных сил и обратный процесс – вытеснение частной собственностью, основанной на личном труде, частной собственности, основанной на наемном труде и/или непосредственной эксплуатации живого чужого труда. В этом контексте представляется

довольно интересным и уместным исторический факт, приведенный Марксом, чуть далее здесь же: «В последние годы Римской империи провинциальные декурионы – не крестьяне, а земельные собственники – бросали свои дома, покидали свои земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства» (*т. 19, с. 408*). Таким образом, в общественно-экономической реальности возможны (с чем невозможно не согласиться) практически любые варианты манипуляции с частной собственностью и личной свободой участников этих конкретных исторических событий.

§ 14. О ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ САМОЙ ПО СЕБЕ ЭКОНОМИКИ

С какой-то точки зрения имеет смысл говорить об истории становления крупной машинной промышленности как о некоем историческом моменте или периоде развития капиталистического способа производства. Но кажется, вполне допустимо взглянуть на этот процесс и несколько по-другому: при каких обстоятельствах и/или в каких общественно-экономических формах возможно не только становление, но и развитие самой по себе «крупной машинной промышленности»? Маркс ошибочно полагал, что с наступлением индустриальной эры крупного машинного производства возникает экономическая необходимость и возможность преодоления самого капитализма. Высказывая положение, что «Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего», он не говорил к сожалению о том, что это вполне естественное и нормальное «обстоятельство», т. к. в этих обстоятельствах рабочий сам представляет собой лишь один из элементов, необходимых условий производства. При этом Маркс, наверное, правильно указывает на то, что «только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность». Строго говоря, именно крупное машинное производство, а не капитализм сам по себе проявляет эту «технически осязаемую реальность». Ведь именно техника как средство труда «противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее».

Примечание. «Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин» (*Маркс, т. 23, с. 434*).

Из сказанного становится ясным, что ни в условиях государственного капитализма, т. е. «реального социализма», ни в любых иных условиях, предполагающих осуществление концентрации крупного машинного производства, рабочий в принципе не в силах преодолеть обстоятельства, диктуемые самой технологической структурой производительных сил, т. е. концентрированным крупным машинным производством.

В условиях полной автоматизации и/или роботизации независимо от того, капиталистическое это общество или нет, в конечном итоге большая часть трудоспособного населения неминуемо должна превратиться «в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала» (*т. 23, с. 441*). В этом случае возникает вопрос о взаимозависимости «увеличения общественного производства» и «воспитания эпохи будущего» или «производства всесторонне развитых людей» (*т. 23, с. 495*). Очевидно, что в условиях концентрации крупной промышленности отделение города от деревни является непреодолимым обстоятельством социального неравенства или несправедливости, уже только потому, что всякое крупное производство сразу требует известной урбанизации или плотности населения.

Примечание. Маркс, без сомнения, был прав, когда подчеркивал: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности» (*т. 23, с. 365*).

Здесь же, по всей видимости, стоит напомнить и то, что существующее в условиях индустриальной экономики необходимое отделение физического труда от умственного, как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и радикальным по мере того, как растет промышленность и богатеет общество. Судя по всему, эти процессы вряд ли так уж обязательно обусловлены именно «капиталистической» формацией. Ведь в организованной кооперативно развитой индустриальной форме даже в рациональных условиях максимально возможной промышленной концентрации государственного капитализма рабочий естественно существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего. В утопических же представлениях Маркса это «естество» крупной машинной промышленности при неких немислимых, фантастических «соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» (*т. 23, с. 501*). У Маркса

каким-то невероятным образом: «В коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе» (т. 23, с. 404).

Но правда, классики отмечают и иной, глубоко важный и специфически позитивный аспект в истории развития человеческой цивилизации: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им веками, освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (т. 4, с. 427). История убедительно свидетельствует о том, что при ущемлении, а тем более, полной ликвидации буржуазии как класса, частного предпринимательского или коммерческого интереса застой и в общественных отношениях, и в развитии производительных сил практически неизбежен. Неминуемы усиление государства, освящение и засилье номенклатурной бюрократии и идеологической догматики во внутренней политике.

§ 15. ОБ ЭКОЛОГИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ КРУПНОГО МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА

«Лишая средств для жизни – жизни всей лишаете» (У. Шекспир).

Маркс обосновано уделяет внимание тому факту, что «Продолжительное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время), а потому и большая продолжительность периодов оборота делают лесоразведение отраслью, невыгодной для частного, а следовательно, и для капиталистического производства, – ведь капиталистическое производство по существу своему явля-

ется частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышленности вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано ими для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину» (*т. 24, с. 275*). Нужно отметить, что сказанное в полной мере относится и к другим видам производства, требующим длительного времени оборота. Поэтому цивилизация (историческое развитие которой изначально обеспечивается существующими империями) априори нуждается в экологическом мышлении и соответствующей государственной политике.

В начале процесса становления крупного машинного производства, вероятно, возникало впечатление, что «на место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки». Маркс казалось, что создаются «материальные предпосылки нового, высшего синтеза – союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм». Но уже тогда классику было заметно, что укрупнение и концентрация производства (именуемое в данном случае Марксом просто «капиталистическое производство»), «постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих» (*т. 23, с. 514*). Здесь Маркс буквально пророчески указывает на разрастание и углубление экологической проблематики в условиях индустриальной экономики. Но возлагая вину на капиталистическую хаотичность и перекосы в развитии, он вместе с тем полагает, что «разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство в то же время вынуждает восстанавливать его систематически в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека» (*т. 23, с. 514*).

Примечание. «В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения» (*т. 23, с. 514*). «Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» (*т. 23, с. 515*).

Нужно не только согласиться с Марксом в том, что он говорил по поводу «расточения жизни и здоровья рабочего» (*т. 25, с. 98*), но и дополнить. В силу необходимо противоречивой, антагонистической природы всякой мыслимой экономики любое, а тем более, расширенное воспроизводство, ускоренная цивилизационная экспансия во вне своего естественного ареала и дальнейшая глобализация всего мирового хозяйства неизбежно приводят к расточению вообще всякой жизни и здоровья не только человеческой популяции, но и всей биосферы планеты в целом. Тем не менее, парадоксальным образом действия, приводящие к ухудшению экологии и условий человеческого существования, нередко причисляются к актуальной экономии в применении денежного и постоянного капитала и, следовательно, к средствам если не повышения, то сохранения нормы прибыли. Существуют, тем не менее, экономические механизмы и как бы обратная мотивации, например «вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отходов» (*т. 25, с. 112*). «От этой экономии на отходах производства путем вторичного использования последних следует отличать экономию за счет сокращения самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство. Экономия на отходах частью обусловлена хорошим качеством применяемых машин» (*т. 25, с. 114*). Но, судя по всему, эти механизмы не в силах сбалансировать использование природных ресурсов и необходимость соблюдения требований экологической безопасности. Цивилизация губит естественный источник самой по себе жизни, а значит, и существование собственного основания.

Примечание. Маркс, вне сомнения, делает явно избыточное и коммунистически ангажированное утопическое заявление: «Всякая мысль о коллективном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, – контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается благим пожеланием или ограничивается имеющими характер исключения коллективными действиями в момент большой непосредственной опасности и беспомощности, – уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга» (*т. 25, с. 133*). Энгельс, дополняя это высказывание Маркса, в очередной раз подчеркивает, что для них обоих «само собой разумеется..., что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле» (*т. 25, с. 134*).

Маркс настаивает на том, что именно капиталистический способ производства, а не сама по себе крупная промышленность, «предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа “ведет человека, как ребенка, на помочах”. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» (*т. 23, с. 522*).

Примечание. Маркс полагает неизбежным, что в условиях капиталистического производства «До известного пункта повышенное изнашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано более высокой оплатой. За пределами этого пункта изнашивание растет в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. Цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами» (*т. 23, с. 536*).

Как это ни парадоксально, на самом деле «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно» (Сениор), и прежде всего со стороны капиталистов. Но речь в современном нам мире идет уже не только о необходимом специфическом воздержании накопителя капитала, когда «Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста» (ерничание Маркса по этому поводу представляется совершенно неуместным) (*т. 23, с. 610*), а о некоем общественном экологическом как бы самовоздержании.

Маркс наивно полагает, что возможно такое разумное регулирование или рационально-плановое развитие техники и централизованной кооперации, «комбинации общественного процесса производства», которое каким-то невероятным образом позволит в то же самое время не подрывать экологию и «источники всякого богатства: землю и рабочего», а напротив, будет способствовать наиболее полному и всестороннему развитию человека на Земле. Важным моментом, якобы свидетельствующем о возможности рационального централизованного регулирования, по Марксу является то, что имеющиеся различия в разделении «рабочего дня на необходимый труд и прибавочный труд в разных странах» и «в одной и той же стране, но в разные периоды или в один и тот же период, но в разных отраслях производства», выражающееся далее в том как бы иррациональном факте, что «действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы», могут быть преодолены или, точнее, как-то оптимально регулируемы. Вместе с этим, вероятно, предполагается как само собой разумеющееся возможность эффективного регулирования или, скорее, установления нужной величины, разницы «между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы», или, точнее говоря, в соответствии с «простой» разницей «между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда». Скорее всего, именно в силу «удивительно научным» образом предполагаемого, якобы возможного рационального измерения и сопоставления величин трудовых стоимостей «в коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе» (*т. 23, с. 404*).

§ 16. О СТОИМОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, ДЛИНЕ РАБОЧЕГО ДНЯ И «ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВАХ»

Маркс в своем описании исходит из того: «1) что товары продаются по их стоимости; 2) что цена рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает ниже ее. При таком предположении относительные величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости определяются тремя обстоятельствами: 1) длиной рабочего дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, – тем, что определенное количество труда затрачивается в течение данного времени; 3) наконец, производительной силой труда, – тем, что в зависимости от степени развития условий производства одно и то же количество труда в течение данного времени может дать большее или меньшее количество продукта» (т. 23, с. 528). Таким образом, товары, не имеющие трудовой стоимости, или товары, стоимостью которых можно пренебречь в силу ее незначительности, а также производительные силы, не использующие рабочую силу, им не рассматриваются. Нужно подчеркнуть: Маркс вводит, исходя из, кажется, оправданного представления о «нормальной интенсивности труда», интересное понятие – «интенсивная величина труда», при этом, к сожалению, как обычно, не указывая, как именно определяется эта величина на практике.

Примечание. Здесь необходимо повториться. Ранее мы уже говорили о том, что Маркс здесь же выше как бы уточняет: «Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны – естественные различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних. Потребление этих различных рабочих сил, обусловленное опять-таки способом производства, создает крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости взрослого рабочего мужчины» (т. 23, с. 528). Маркс предусмотрительно предупреждает, что «оба эти фактора не принимаются в расчет в дальнейшем исследовании». Во втором томе он говорит: «Как и стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства; характерным для этого товара (рабочей силы) является то обстоятельство, что это количество труда уже определено стоимостью необходимых жизненных средств рабочего, т. е. равно труду, необходимому для воспроизводства самих условий

жизни рабочего» (*т. 24, с. 429–430*). «Субстанцией стоимости всегда является только израсходованная рабочая сила, т. е. труд независимо от особенного полезного характера этого труда, а производство стоимости есть не что иное, как процесс этого расходования рабочей силы» (*т. 24, с. 434*).

Правда, с этим «уточнением» проявляется целый ряд затруднений и вопросов, вытекающих из предполагаемой т. н. коммунистической «вне-рыночной» и/или «объективной» позиции: 1) как именно определить на практике «привычно необходимые жизненные средства среднего рабочего»; 2) «масса этих жизненных средств» на самом деле никогда не дана, т. к. находится в постоянном процессе обновления и формирования, как и ее собственная трудовая стоимость; 3) как именно определить величину «издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства»; 4) как именно определить величину каждого или среднего «естественного различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних»; 5) как именно определить количество труда, необходимого для расширенного «воспроизводства самих условий жизни рабочего».

Далее Маркс делает важное заявление: «дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, из расчета нормальной средней продолжительности или нормального периода жизни рабочего и нормального, свойственного человеческой природе превращения жизненной субстанции в движение». При этом он приводит очень интересное высказывание Грова: «Количество труда, затраченного человеком в течение 24 часов, может быть приблизительно определено путем исследования химических изменений, имевших место в его теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы» (*т. 23, с. 536*).

Вот, собственно, оказывается, откуда «ноги растут» этого материалистически-натуралистического представления о некоей скрытой сущности трудовой стоимости, «жизненной субстанции» или материальных «жизненных средствах», выражаемых в рабочей силе и как-то приблизительно определяемой «путем исследования химических изменений, имевших место в... теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы». Но при этом, к огромному сожалению, ни слова не говорится об измерении или определении затрат интеллектуального и, тем более, творческого труда.

Нельзя здесь не обратить внимание и на трижды упомянутую «нормальность» тех или иных «средних», якобы используемых при расчете величин. Очевидно, что **ни о каком адекватном расчете, даже статистической величины любой трудовой стоимости, в т. ч. и рабочей силы, ни в часах рабочего времени, ни в неких иных критериях – физических**

или «химических изменений» – на практике и речи быть не может. Кстати, Маркс, насколько нам известно, так ни разу нигде и не привел конкретный пример осуществления такого расчета.

Примечание. Правда, Маркс довольно уместно и ловко увязывает использование рабочей силы с ускоренным или повышенным «изнашиванием рабочей силы», в связи с экстенсивным или интенсивным увеличением количества затраченного труда: «До известного пункта повышенное изнашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано более высокой оплатой. За пределами этого пункта изнашивание растет в геометрической прогрессии, и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. Цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами» (*т. 23, с. 536*).

Маркс говорил, что «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны, потому что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления. Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения, производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее, его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних. При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» (*т. 23, с. 539*). Более того, Маркс даже гово-

рит: «Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимым, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению бухгалтерского учета сокращаются вместе с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство» (т. 24, с. 153).

По поводу вышесказанного, нужно сделать ряд замечаний.

1. Как раз напротив, устранение рынка делает невозможным адекватное определение «общественно необходимого» труда.

2. При отсутствии рыночного регулятора государственный капитализм (или монополия) вынужден на «всякий случай» выжимать по максимуму из Рс и лишь исходя из негативного опыта «отпускать гайки». Поэтому, конечно, т. н. «необходимый» или, точнее, даже требуемый, фактически несвободный труд расширил бы свои рамки до физиологического упора (первые пятилетки в СССР убедительно это показали).

3. Что же касается «экономии средств производства» и «устранения всякого бесполезного труда», то как это может быть возможным в безрыночной экономике, может быть понятно, вероятно, одним лишь коммунистам. Централизованное управление абсолютно всем в обществе неизбежно ведет к увеличению бюрократически-чиновничьего аппарата, притом на всех уровнях. Более того, огосударствление всех сфер общественной жизни приводит к созданию за государственный счет целой касты или сословия идеологических работников.

4. Потери, связанные с анархией конкурентной борьбы, замещаются колоссальными по объему затратами политически или идеологически ангажированных проектов, тяжким бременем ложащихся на экономику страны.

5. «Равномерное распределение труда между всеми работоспособными членами общества» неминуемо оборачивается уродливой уравниловкой, подрывающей или уничтожающей всякие ростки неидеологической мотивации к общественно-экономической деятельности. В условиях государственного капитализма или реального социализма «посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» – рабочее и свободное общественное время жестко регламентируется, что неизбежно приводит к массовому уклонению от требуемого выполнения своих непосредственных профессиональных обязанностей. В этих условиях, естественно, тунеядство становится уголовно наказуемым.

6. В условиях внерыночного или внеэкономического принуждения, очевидно, что цена P_c и степень ее эксплуатации перестают быть хоть как-то взаимосвязанными и соизмеримыми величинами. Поэтому при государственном капитализме или реальном социализме и речи быть не может о достижении ожидаемой и декларируемой социальной справедливости на практике.

7. Кроме того, что глобальный вполне адекватный всеобщий учет в принципе невозможен, естественно, ни о каком сокращении издержек по ведению бухгалтерского учета вместе с концентрацией и централизацией производства и речи быть не может, т. к. учет и контроль в социалистическом обществе не просто «более необходим», его объемы и сложность колоссально возрастают. В итоге в государстве неизбежно образуются избыточные новые отдельные отрасли общественно-экономической деятельности и занятости.

Порассуждав так и этак об определении стоимости P_c , Маркс, тем не менее, напоминает нам, что «величина стоимости товара определяется не предметной формой труда, а количеством труда, которое необходимо для производства товара. Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. То, что продает последний, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости». «В выражении “стоимость труда” понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это – категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии» (*т. 23, с. 547*). Возникает вопрос, а не являются ли столь же мнимыми вообще стоимости всех товаров, в отличие от их вполне реальных рыночных цен?

В связи с тем, что «заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда», Маркс указывает на то, что «при повременной плате необходимо, ..., различать общую сумму заработной платы – поденной, понедельной и т. д. – и цену труда». При этом он задается вопросом: «Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда?» и предлагает следующий ответ: «Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, например, дневная стоимость рабочей силы

равняется 3 шилл., или стоимости, вновь созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда = 3 шилл./12 = 3 пенсам. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей измерения цены труда» (т. 23, с. 554).

Но откуда нам известна «средняя цена труда» или, например, «дневная стоимость рабочей силы», выраженная как-то в шиллингах? Как именно на практике ее можно определить или рассчитать? Маркс, естественно, не поясняет, а ведь это в данном контексте и является самым главным вопросом.

Классик, продолжая, лишь тавтологически утверждает: «Общий же закон таков: при данном количестве труда в день, в неделю и т. д. размеры подневной или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется или вместе с изменением стоимости рабочей силы, или с отклонением ее цены от стоимости. Если, наоборот, дана цена труда, то подневная или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда» (т. 23, с. 555). При этом Маркс весьма упорно и последовательно настаивает еще и на том, что «изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме изменения цены, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. При равенстве спроса и предложения цена труда есть его цена, определяемая независимо от соотношения спроса и предложения, его естественная цена; таким-то образом и пришли к “естественной” цене труда как предмету, который, собственно, и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, например за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравниваются на некоторой средней, постоянной величине. Эта средняя величина, конечно, должна определяться иначе, чем определяются взаимно компенсирующиеся отклонения от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая “необходимая цена” (физиократы) или “естественная цена” (А. Смит) труда может быть, как и у других товаров, лишь его стоимостью, выраженной в деньгах. Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической

экономии бессознательно был подменен первоначальный вопрос, так как, оперируя издержками производства труда как такового, она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно, то, что она называет стоимостью труда, есть в действительности стоимость рабочей силы, которая существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, создаваемым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет от рыночных цен труда к его мнимой “стоимости”, но и заставляет самую эту стоимость труда, в свою очередь, свести к стоимости рабочей силы» (т. 23, с. 548). «Стоимость рабочей силы определяет, таким образом, стоимость труда, или – в денежном выражении – его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от ее стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости. Так как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости» (т. 23, с. 549).

К содержанию приведенных выше утверждений Маркса на протяжении этой нашей работы мы еще не раз вернемся, здесь лишь коротко заметим следующее. Из соотношения спроса и предложения могут быть извлечены объяснения далеко не только предусматриваемых рыночных отклонений от некоей предполагаемой «постоянной объективной величины». Если даже спрос и предложение вполне покрывают друг друга, то они, конечно, ни в коем случае не перестают действовать. Хотя, естественно, спрос и предложение должны в известном смысле стремиться покрывать друг друга. Это верно при продаже по любой рыночной цене. Но нельзя забывать и игнорировать того, о чем говорит Бем-Баверк: «Помимо фактического, осуществляющегося в обмене спроса и предложения, всегда имеется также еще и “выключенные” спрос и предложение (которые желают, но не хотят или не могут; готовы продать, но только дороже, чем есть цена). То, что спрос и предложение “покрываются”, относится не ко всему спросу и предложению, но только к его достигшей успеха части». Говоря словами Бем-Баверка, задача механики рынка (рынка труда в т. ч.) и является как раз выделение этой осуществляющейся части из совокупного спроса и предложения, а процесс ценообразования является самым существенным средством этого выделения. Невозможно, чтобы было куплено больше P_s , чем продано. Отбор достигается благодаря тому,

что цена автоматически достигает такой высоты, в силу которой лишнее на обеих сторонах исключается. В определении этой высоты цены P_c или зарплаты принимают участие не только достигшие уже успеха, но также и исключенные соискатели вакансий, и уже поэтому неправильно из этого равенства, отчасти спроса и предложения, завершающейся в сделке – трудовом соглашении или контракте, заключать о полном прекращении всякого дальнейшего влияния спроса и предложения вообще. Актуальная рыночная цена P_c (как и любого другого товара) устанавливается или фиксируется в процессе ее продажи или сделки по найму на работу, между денежными оценками так называемых «предельных пар», т. е. между той суммой, которую готов предложить последний из покупателей (работодателей), вступивший в сделку, и той суммой, которую в крайнем случае готов уплатить первый из исключенных из покупки на стороне покупателей-работодателей (с одной стороны, «первая пара»), и между той суммой, которой готов довольствоваться последний из продавцов-работяг – соискателей этих вакансий, еще не вступивший в сделку, и той, которой, в крайнем случае довольствовался бы первый из исключенных из сделки продавцов-работяг (с другой стороны «вторая пара»). Здесь нужно отметить, что эта формула спроса и предложения, вероятно, не содержит в себе исчерпывающего объяснения длительного уровня цен, но путь к нему идет все равно так или иначе через анализ отношений спроса и предложения на рынке труда. Длительный же уровень цен P_c тяготеет не к «стоимости привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего», а, по всей видимости, к отклоняющимся от них «ценам производства», этой изменяющейся и в целом растущей массы жизненных средств, других издержек на развитие нужной специфической P_c , связанных с изменением технологий в производстве и естественными физическими различиями (половыми, возрастными и т. п.); «цен», включающих в себя, кроме того, средства на «амортизацию», резервный фонд и фонд развития (или т. н. собственного расширенного воспроизводства).

Главными силами, которые осуществляют это, являются производственно-технологическая необходимость и конкуренция, которая уравнивает первоначально различные зарплаты одних и тех же специальностей в различных отраслях производства. «Цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние», которая, по Марксу, может быть лишь стоимостью, как бы мы ее ни называли, в реальности является именно мнимой величиной. Маркс, критикуя классическую политическую экономию за то, что она «рассчитывая пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости», «оперируя издержками производства труда как такового, она вращалась

в порочном кругу и не двигалась с места», не замечал того, что и сам, вводя дополнительное, хоть и последовательное, но явно избыточное понятие «стоимость рабочей силы», вращается в собственном порочном кругу в принципе неопределяемых абстрактных средних величин. Маркс не замечал, что ход анализа рыночных цен той или иной P_c никогда не нуждается в ее мнимой «стоимости» и не ведет к ней. Напротив, этот анализ заставляет саму эту предполагаемую мнимую «стоимость P_c » определяться или формироваться в реальности именно ценой собственного «производства». Таким образом, рыночная цена труда, т. е. зарплата, выражает как бы «цену производства» P_c , о т. н. «трудовой стоимости» нет смысла говорить, т. к. это совершенно избыточное «виртуальное», еще к тому же и иррациональное понятие. Само собой понятно, что цена труда всегда должна быть меньше, чем цена вновь созданного этим трудом товара: таково главное экономическое условие эффективной экономики всякого возможного производства.

§ 17. О ТРАДИЦИИ И О СТОИМОСТИ ТРУДА ИЛИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

У Маркса есть более чем сомнительное рассуждение: «коль скоро 12 часов труда не могут измеряться ценностью 12 часов труда, значит, товаром служит не труд, а рабочая сила» (*т. 23, с. 545*). Судя по всему, оно призвано к тому, чтобы уже изначально как-то убедить нас в существовании неоплаченного труда. Маркс утверждает, что именно P_c является товаром, а не трудовая услуга. P_c не арендуется, а именно покупается. Даже в рамках логики самого Маркса это допущения вряд ли может считаться вполне оправданным и последовательным.

Примечание. Трудно не согласиться с Блаугом, который говорил: «Маркс очень гордился тем, что установил различия между трудом и рабочей силой. Но по-видимому, то, что он на самом деле открыл, это Вальрасово различие между потоком используемого труда и запасом трудовых ресурсов. Возникает вопрос, объясняет ли это что-нибудь в отношении природы реальной прибыли? Если рабочие, в самом деле, продают свою рабочую силу, а не свой труд, то выражение “неоплаченный труд” вводит нас в заблуждение, что может быть неоплаченный рабочий труд, но не существует неоплаченной рабочей силы. Маркс оставляет без внимания то очень важное обстоятельство, что конкуренция не имеет механизма, который позволил бы свести рыночную цену рабочей силы к ее так называемой “естественной цене”. Т. е. трудовая теория ценностей совершенно никак не гарантирует того, что рабочая сила продается именно по своей трудовой стоимости».

«Итак, стоимость труда определяется теми жизненными средствами, которые по традиции являются необходимыми в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода. Но почему? В силу какого закона стоимость труда определяется именно таким образом? У Рикардо на этот вопрос нет фактически никакого другого ответа, кроме утверждения, что закон предложения и спроса сводит среднюю цену труда к средствам существования, необходимым (физически или социально необходимым в том или ином определенном обществе) для содержания рабочего. Здесь, в одном из основных пунктов всей своей системы, Рикардо определяет стоимость посредством спроса и предложения, как не без злорадства замечает Сэй», писал Маркс. Указание Маркса, на то «Рикардо должен был бы говорить не о труде, а о рабочей силе», как представляется, ничего по сути не меняет, оно также не в силах преодолеть очевидное противоречие, в т. ч. и несмотря на его хитрую увертку или манипуляцию, что якобы если бы речь шла о Рс, а не о труде, то «тогда и капитал был бы представлен как такие вещные условия труда, которые противостоят рабочему в качестве обособившейся самостоятельной силы, и капитал сразу же предстал бы как определенное общественное отношение» (т. 26, ч. 2, с. 442).

Примечание. Здесь нельзя не привести следующее уместное замечание Мизеса: «Таким образом, определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Но когда Маркс добавляет, что тем не менее для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная, он противоречит сам себе и вводит в заблуждение читателя. То, что он имеет в виду, более не является необходимыми жизненными средствами, а представляет собой вещи, считающиеся необходимыми с традиционной точки зрения, средства, необходимые для поддержания уровня жизни, соответствующего положению рабочих в традиционной социальной иерархии. Такое объяснение означает фактический отказ от какого-либо экономического или каталлактического истолкования процесса определения заработной платы. Ставки заработной платы считаются исходным историческим фактом. Теперь уже они не рассматриваются в качестве рыночного явления, а считаются факторами, возникающими вне взаимодействия рыночных сил. Но даже те, кто считает, что ставки заработной платы, выплачиваемые и получаемые в реальной действительности, навязываются рынку извне в виде заданной величины, все равно не могут обойтись без разработки теории, которая объясняет определение ставок заработной платы в результате оценок и решений потребителей» («Человеческая деятельность», с. 460).

Далее Маркс следующим образом пытается пояснить данное для ТТС неудобное обстоятельство: «если рассматривать ежедневное среднее потребление рабочего – означает, стало быть, следующее: рабочее время,

содержащееся в необходимых жизненных средствах, потребляемых им за день, составляет часть его рабочего дня. Часть дня он работает, чтобы воспроизвести стоимость своих необходимых жизненных средств; товар, произведенный в течение этой части рабочего дня, имеет ту же стоимость, или содержит столько же рабочего времени, сколько содержится в потребляемых рабочим за день необходимых жизненных средствах. От стоимости этих необходимых жизненных средств (следовательно, от общественной производительности труда, а не от производительности той отдельной отрасли производства, в которой он работает) зависит, какая часть его рабочего дня посвящается воспроизводству или производству стоимости его жизненных средств, т. е. их эквивалента» (*т. 26, ч. 2, с. 447*). Кроме того, Маркс, напрямую призывая нас отвлечься от конкуренции, парадоксальным образом или непоследовательно напоминает о естественном плодородии почвы, от которой изначально зависит производительность труда в сфере производства продуктов питания, т. е. самых «необходимых жизненных средств», а значит, зависит и их цена.

Примечание. «Если отвлечься от конкуренции, заработная плата определяется ценой необходимых жизненных средств. А эта цена, в свою очередь, зависит от производительности труда, которая тем выше, чем плодороднее почва». Здесь также стоит напомнить, что «норма прибавочной стоимости (прибыли) определяется относительной высотой заработной платы» (*т. 26, ч. 2, с. 462*).

Говоря о том, что «каждое “усовершенствование” уменьшает цену товаров, жизненных средств», Маркс забывает сказать о том, что вместе с этим неизбежно растут или, точнее, качественно изменяются потребности и спрос трудящихся. Так или иначе т. н. «обычное потребление» постоянно развивается. Таким образом, утверждение о том, что «заработная плата, или «стоимость труда» повышается или падает в обратном отношении к развитию производительной силы труда, поскольку последний производит необходимые жизненные средства, входящие в обычное потребление рабочего класса» и поэтому, якобы, «норма прибавочной стоимости (прибыли) падает или повышается в прямом отношении к развитию производительной силы труда, так как это развитие понижает или повышает заработную плату», в целом представляется избыточным или не вполне корректным (*т. 26, ч. 2, с. 462–463*).

Маркс настаивает: «Норма прибыли (прибавочной стоимости) не может падать без повышения заработной платы и не может повышаться без падения заработной платы» (*т. 26, ч. 2, с. 463*). При этом чуть далее он напоминает, что «норма прибыли не подчиняется непосредственно тем же самым законам, каким подчиняется норма прибавочной стоимости» (*т. 26, ч. 2, с. 471*). Любопытно то, как Маркс описывает причины такого обстоятельства.

1. «Норма прибыли может повышаться или падать вследствие падения или повышения ренты, независимо от каких бы то ни было изменений в стоимости труда». Как представляется, именно поэтому он так много и уделяет внимания ренте, ведь изменения в ее величине, влияющие на норму прибыли, так или иначе влияют на ценообразование в экономике, значит, тем самым и на сумму цен всех товаров, которая и поэтому тоже, как представляется нам, имеет или должна иметь тенденцию к превышению суммы всех имеющихся стоимостей за этот же период.

2. Уже поэтому второе положение Маркса о том, что «абсолютная масса прибыли равняется абсолютной массе прибавочной стоимости», по-видимому, не может быть никак оправданно.

3. «Норма прибыли при данной норме прибавочной стоимости зависит от органического строения капитала». Точнее, следовало бы выразиться несколько иначе, исходя из ТТС, – норма прибыли при данной норме прибавочной стоимости должна как-то зависеть от органического строения капитала, но на практике это предполагаемое обстоятельство естественно никак никогда не проявляется и по определению не может быть проявленным.

4. Поэтому Марксово утверждение «норма прибыли при данной прибавочной стоимости (тем самым предполагается, что дано также и органическое строение капитала на каждые 100 единиц) зависит от стоимостного соотношения различных частей капитала, которые могут различным образом изменяться, частью благодаря экономии силы и т. п. при использовании условий производства, частью в результате таких изменений стоимости, которые могут затронуть какую-либо одну часть капитала, не затрагивая других его частей», скорее всего, также следует признать избыточным.

5. Указание же на то, что «следовало бы еще принять в расчет те различия в строении капитала, которые проистекают из процесса обращения», по всей видимости, стоило бы трактовать как необходимость учета скорости оборачиваемости авансированного капитала, оказывающей основополагающее влияние на норму прибыли (*т. 26, ч. 2, с. 471–472*).

«Ясно, что появление, осуществление, установление общей нормы прибыли делает необходимым» и возможным, не «превращение стоимостей в отличные от них цены издержек» (*т. 26, ч. 2, с. 480*), а формирование цен товаров, отличных от сумм цен соответствующих издержек, или, иными словами, себестоимости их производства. Исходя из данного положения дел, можно задаться вопросом и о принципиальной возможности выделения из имеющихся рыночных цен товаров, ненаблюдаемых или не проявляемых на практике, но якобы их основополагающих – трудовых стоимостей. Поражает какая-то невозмутимая наглость в почти постоян-

ной манипуляции или навязываемой подмене понятий. Маркс говорит: «общая норма прибыли определяется отношением неоплаченного труда к оплаченному и к авансированному капиталу не в той или другой отрасли производства, а во всех отраслях, в которые капитал может быть свободно перенесен» (*т. 26, ч. 2, с. 482*). Но разве хоть кто-нибудь может сказать, как именно соотносится предполагаемо оплаченный и неоплаченный труд, если даже сам по себе труд неизмерим? Как вообще могут быть в каком-то объеме не оплачены Рс или наемный труд в нормальной свободной экономике? Без откровенного криминала или мошенничества это просто немыслимо. Таким образом, на самом деле речь может идти только об избытке суммы продажной цены над суммой фактических издержек. Маркс упорно игнорирует тот очевидный факт, что конкуренция капиталов действительно приводит к тому, что капиталы одинаковой величины получают одинаковые дивиденды, но отнюдь не обязательно одинаковые доли в общественном прибавочном труде. Ведь величина общей прибыли во всей экономике за определенный период на самом деле даже гипотетически никогда не может быть равна некоей предполагаемой прибавочной стоимости или даже прибыли только лишь ее производственной или производительной сферы. Но Марксу подобное рассуждение явно не только неприемлемо, но, кажется, даже и отвратительно.

Описывая работу какого-то анонимного автора, Маркс замечает: «Совершенно верно и то, что “стоимость, или цена, земли”, которая не есть продукт труда, по видимости, непосредственно противоречит понятию стоимости и не может быть непосредственно выведена из него». При этом он делает важное пояснение этой, по его мнению, лишь «видимости»: «Эта фраза имеет тем меньшее значение как возражение против Рикардо, что анонимный автор не выступает против рикардовской теории ренты, где Рикардо как раз объясняет, как на основе капиталистического производства образуется номинальная стоимость земли, и показывает, что она не противоречит определению стоимости. Стоимость земли есть не что иное, как цена, уплачиваемая за капитализированную земельную ренту. Здесь, следовательно, предполагаются гораздо более развитые отношения, чем те, которые на первый взгляд вытекают из простого рассмотрения товара и его стоимости, – подобно тому как фиктивный капитал, являющийся объектом биржевой игры и представляющий собой фактически не что иное, как продажу и покупку известных прав на части ежегодных налогов, не может быть выведен из простого понятия производительного капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 110*). Маркс в очередной раз подчеркивает: «Если за исходный пункт не взять среднюю цену труда, т. е. стоимость труда, то невозможно никакое дальнейшее развитие теории, точно так же, как оно невозможно в том случае, если не исходить из стоимости товаров вообще. Только на этой

основе можно понять действительные явления колебаний цен», т. е. «Под “товаром” здесь следует понимать “род товара”, а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д.» (т. 26, ч. 3, с. 111).

Примечание. Маркс напоминает: «Мы исходим из товара – из этой специфической общественной формы продукта – как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем отдельные продукты и анализируем те определенности формы, которые они имеют как товары, т. е. которые накладывают на них печать товара» (т. 26, ч. 3, с. 111).

Исходя из сказанного Марксом, нам кажется вполне оправданным высказывание анонимного автора о том, что ТТС «превращает стоимость, которая есть нечто относительное, в нечто абсолютное» (т. 26, ч. 3, с. 110).

Примечание. Маркс указывает на то, что при прежних способах производства, т. е. в условиях «докапиталистического производства»: «Превращение продуктов в товары происходит лишь в отдельных случаях, распространяется только на излишки продукции и т. д. или лишь на отдельные сферы производства (продукты обрабатывающей промышленности) и т. д. Продукты не во всем своем объеме входят в процесс как предметы торговли и не всей своей массой выходят из него в качестве предметов торговли. Тем не менее развитие продукта в товар, товарное обращение, а потому и денежное обращение в определенных границах, а значит, и развитая до известной степени торговля – являются предпосылкой, исходным пунктом образования капитала и капиталистического производства. В качестве такой предпосылки мы и рассматриваем товар, исходя из него как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, товаром является продукт, результат капиталистического производства. То, что выступает как элемент капиталистического производства, потом являет себя как его собственный продукт» (т. 26, ч. 3, с. 112).

Здесь же Маркс делает довольно важное пояснение: «Лишь на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта, и чем больше оно развивается, тем в большей мере в процесс капиталистического производства продукты входят как ингредиенты тоже в форме товаров. Товар, как он выходит из капиталистического производства, отличается от того товара, из которого мы исходим как из элемента капиталистического производства. Перед нами уже не отдельный товар, не отдельный продукт. Отдельный товар, отдельный продукт не только реально, в качестве продукта, но и в качестве товара выступает как часть совокупной продукции, часть не только реальная, но и идеальная. Каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 112).

Нужно отметить, что Маркс в данном случае совершенно абстрагируется от наличия на рынке товаров, не являющихся продуктами труда. Но это теперь как бы «легко» объясняется тем, что в его понимании:

«В качестве результата процесса выступает не отдельный товар, а вся масса товаров, в которых воспроизведена стоимость совокупного капитала с добавлением к ней прибавочной стоимости. Стоимость отдельного продукта определяется всей произведенной стоимостью, деленной на число продуктов, и только в качестве такой соответственной части совокупной стоимости отдельный продукт становится товаром. Теперь уже не затраченный на отдельный особый товар труд, который в большинстве случаев совсем нельзя было бы исчислить и который в одном товаре может быть большим по количеству, чем в другом, а совокупный труд, соответственная часть этого совокупного труда, среднее, получающееся от деления совокупной стоимости на число продуктов, определяет стоимость отдельного продукта и конституирует его как товар. Поэтому и для возмещения совокупного капитала с прибавочной стоимостью необходимо, чтобы каждый товар из совокупной массы товаров был продан по своей указанном образом определенной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 112–113). Это, АРХИВАЖНОЕ, великолепное своей схоластической красотой убедительное высказывание Маркса мы не имеем права не прокомментировать.

По логике Маркса получается, что стоимость (или т. н. «естественная цена») отдельного продукта труда определяется всей произведенной стоимостью, деленной на число продуктов, а цена всех товаров без стоимости как-то – прибавочной стоимостью деленной на число таких товаров. Очень любопытно и показательно следующее парадоксальное или, скорее, абсурдное глубокомысленное представление Маркса – оказывается, труд, затраченный на отдельный товар, который «в большинстве случаев совсем нельзя исчислить», можно «теперь» (!) определить, как «среднее, получающееся от деления совокупной стоимости на число продуктов, определяет стоимость отдельного продукта и конституирует его как товар». При этом то, **каким образом на практике может быть определена совокупная стоимость всех продуктов, Маркс, естественно, не поясняет.**

Примечание. Маркс утверждает, что «Стоимость труда, т. е. рабочее время, требующееся рабочему для воспроизводства самого себя, есть величина фиксированная; она фиксирована продажей его рабочей силы капиталисту. Фактически этим... определяется высота или стоимость его заработной платы» (т. 26, ч. 3, с. 92). В другом месте он практически отождествляет «среднюю цену труда» со «стоимостью труда» (т. 26, ч. 3, с. 111). Без сомнения, это вовсе не случайно!

Согласно его прежних пояснений мы, якобы, все-таки в силах определить только лишь совокупную трудовую стоимость самого труда или, точнее, всей P_c за определенный период труда; в понимании Маркса

(как кажется, по совершенно непонятным причинам), она как-то тождественна всей совокупной зарплате производительных рабочих. Как это может быть осуществимо на практике, совершенно непостижимо, ведь по определению самого же Маркса стоимость рабочей силы определяется необходимыми затратами рабочего времени для ее расширенного воспроизводства. Таким образом, выясняется, что сумма фиксированной заработной платы всех рабочих страны, являющаяся рыночной ценой совокупной P_c , Марксом некорректным образом как-то приравнивается к стоимости всего труда, т. е. общественно необходимым затратам всего рабочего времени абстрактного среднего простого труда. Ведь в как бы последовательных рассуждениях Маркса даже: «Когда имеет место сделщина и рабочий оплачивается поштучно, а не по времени, в течение которого рабочая сила отдается в распоряжение капиталиста, то это есть лишь другой способ определять это время. Оно измеряется продуктом, причем определенное количество продукта считается выражением общественно необходимого рабочего времени» (*т. 26, ч. 3, с. 113*).

Маркс исходит из того (считая это как бы само собой разумеющимся), что каждый работодатель стремится использовать труд по самому максимуму. Он сводит это к тому, что в качестве общепринятой единицы рабочего времени берутся человеко-часы с наименьшей интенсивностью. Единственным условием, при котором эта минимальная интенсивность эквивалентна средней интенсивности труда, является условие постоянства затрат – каждое предприятие работает с максимальной производительностью, когда средние и предельные издержки совпадают, а другие издержки всех предприятий в рамках одной отрасли одни и те же. Отсюда следует, что долгосрочная кривая предложения в отрасли горизонтальна, а спрос и полезность на цену в этом случае не влияют. Очевидно, что при этом (не говоря уже о различиях в интенсивности труда) есть еще и проблема различий в специфике качества и квалификации труда. Маркс, трактуя «квалифицированный труд» всего лишь как умноженный простой труд, заявляет, что «производство» квалифицированной P_c включает затраты рабочего времени в форме обучения. Но при этом им игнорируется тот факт, что обучение требует времени, а расходы на обучение должны приносить доход на протяжении всего периода обучения. Различия в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих есть функция величины трудовых затрат, необходимых для производства этих двух видов P_c , а также времени, в течение которого они производятся. Выражаясь иначе, по существу, проблема того, что определяет норму прибыли и/или процента, выявляется вновь как раз в связи с зарплатой. Также не следует забывать и того, что некоторые умения полностью или в значительной мере обусловлены врожденными

способностями. Во всем «Капитале» есть только одна ссылка на выравнивание «чистых преимуществ» на рынке труда, упоминаемое Смитом (гл. 2, раздел 8). Но Маркс полагает, что изучением подобного рода моментов «можно пренебречь, как случайными или несущественными в общем анализе капиталистического производства». Он грубо игнорирует то, что для рабочих не безразличен характер их работы и что профессиональная подготовка имеет отношение к определению средней ставки зарплаты.

Примечание. Наверное, с какой-то точки зрения даже как-то допустимо считать, что при необходимости стандартной единицей труда может быть скорее принятой некая «единица тяжести», чем какие-то якобы объективные «затраты человеческого мозга, нервов и мускулов».

На первый взгляд может даже показаться, что при объяснении относительных цен может быть как-то, с какой-то точки зрения, якобы оправданно предположение об однородности труда и данной структуры зарплаты (к чему, собственно, сводится вся марксова аргументация). Но проблема заключается даже не только в этих его ложных допущениях, а в том, что Маркс толком не объясняет, как определяются сами относительные уровни зарплаты. У него условия равновесия уже как бы всегда достигнуты, и он никак не объясняет, каким образом их удалось достичь или, иначе говоря, точнее, – он нигде не говорит, как именно возможно корректно установить адекватную величину «общественно-необходимого труда».

Сам уже термин «общественная необходимость», как и «средний труд», по умолчанию предполагает наличие рынка, но этот факт, к большому сожалению, Марксом игнорируется.

§ 18. О ПРОДАЖЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЗАРПЛАТЕ

Вообще можно согласиться с Марксом в том, что с какой-то точки зрения «номинальный переход товара к покупателю отличается от реального» (т. 26, ч. 3, с. 114).

Примечание. Об этом он уже говорил в т. 13, с. 124–125.

«Продажа товара – рабочей силы, – юридическая передача потребительной стоимости и ее действительная передача не совпадают здесь по времени. Реализация цены происходит поэтому позже продажи товара. Здесь обнаруживается также, что авансирует не капиталист, а рабочий, – подобно тому, как при сдаче дома внаем авансирует потребительную стоимость не наниматель, а сдающий внаем. Рабочий, правда,

получает плату (или, по крайней мере, может получать плату, если товар не заказан предварительно и т. д.) еще до того, как произведенный им товар продан. Но его товар, его рабочая сила подверглась производственному потреблению, перешла в руки покупателя, капиталиста, до того, как он, рабочий, получил плату. И речь идет не о том, что покупатель товара намерен с ним делать, покупает ли он его для того, чтобы держать его у себя в качестве потребительной стоимости, или же для того, чтобы в свою очередь его продать. Речь идет о прямой сделке между первым покупателем и продавцом» (т. 26, ч. 3, с. 114).

Примечание. Мизес был совершенно прав, когда указывал на то, что «Труд является редким фактором производства. И как таковой он продается и покупается на рынке. Недопустимо говорить о труде и заработной плате вообще, не прибегая к определенным ограничениям. Труд неоднороден, а единой ставки заработной платы не существует. Разные виды труда качественно сильно отличаются друг от друга, и каждый из них оказывает специфические услуги. Каждому дается оценка в качестве комплиментарного фактора для выпуска определенных потребительских товаров и услуг. Между оценками хирурга и грузчика нет прямой связи. Но косвенно каждый сектор рынка труда связан со всеми остальными секторами. Увеличение спроса на хирургические услуги, какое бы оно большое ни было, не заставляет грузчиков рваться в хирургию. Хотя границы между различными секторами рынка труда не являются резкими, существует постоянная тенденция перемещения рабочих из своих отраслей в смежные отрасли, условия которых, как кажется, предлагают лучшие возможности. Таким образом, в конечном счете любое изменение спроса и предложения в одном секторе косвенно оказывает влияние на все остальные сектора. Все профессиональные группы косвенно конкурируют друг с другом. Если большее количество людей посвящает себя медицинской деятельности, то люди отвлекаются от смежных профессий, а последние замещаются притоком людей из других отраслей и т. п.» («Человеческая деятельность», с. 450).

«Капиталист всегда выплачивает заработную плату из готового товара; т. е. из товара, произведенного рабочим вчера, он выплачивает ему завтра его заработную плату; иными словами, в форме заработной платы он фактически дает рабочему лишь чек на получение продукта, подлежащего изготовлению в будущем, или почти готового продукта, производство которого завершается к тому моменту, когда он покупается. Авансирование исчезает как всего лишь видимость, коль скоро мы рассматриваем воспроизводство, т. е. процесс производства в его непрерывности» (Маркс, т. 26, ч. 3, с. 349). Такая ангажированная коммунистическая однобокость уже не может не раздражать.

Маркс полагает правильным отождествлять «производительные силы труда с трудом, производящим капитал, производящим то богатство, которое распоряжается трудом, а не то богатство, которое принадлежит

труду». Его выражение «капитал, или средства для применения труда» в сущности является единственным, где он схватывает действительную природу капитала (т. 26, ч. 3, с. 115). «Заработная плата определяется не той частью совокупной массы продукта, которая может быть потреблена как переменный капитал или может быть превращена в таковой, а той частью этой массы, которая фактически превращается в него» (т. 26, ч. 3, с. 249).

Примечание. Здесь, будет уместно привести следующее верное высказывание Мизеса: «На рынке труда работодатель покупает и получает в обмен на заработную плату определенное действие, которое он оценивает в соответствии с его рыночной ценой. На цену определенного количества конкретного действия не влияют традиции и обычаи, существующие в различных секторах рынка труда. Валовые ставки заработной платы всегда стремятся к точке, в которой они будут равны цене, по которой на рынке можно продать приращение продукции, полученное в результате использования предельного работника, с соответствующими поправками на цены материалов и первоначальный процент на капитал» («Человеческая деятельность», с. 456).

В последней части своего «Капитала» Маркс обращает внимание на высказывание Милля о заработной плате. Милль, как представляется, вполне обоснованно полагает, что «Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты будут произведены и их стоимость будет реализована, нашли более удобным для рабочих выплачивать им их долю авансом. Заработная плата является той формой, которую нашли подходящей для получения ими их доли. После того как та доля продуктов, которая причитается рабочему, полностью им получена в форме заработной платы, продукты эти принадлежат исключительно капиталисту, так как он фактически купил долю рабочего и уплатил ему за нее авансом». Маркс, приведя эту цитату, пишет: «Для Милля в высшей степени характерно, что, подобно тому как деньги являются для него лишь ухищрением, изобретенным ради удобства, так и само капиталистическое отношение, по его мнению, придумано для удобства» (т. 26, ч. 3, с. 86). Марксу, кажется, это крайне не нравится, ведь этим «удобством» уже предполагается как бы им неприемлемое «отделение рабочего от объективных условий труда», которое «является предпосылкой отношения капитала и наемного труда» и «превращения денег (или представляющего деньги товара) в капитал». Маркс считает неоправданным представлять «удобство» в том, что согласно ему «рабочий продает не продукт, не товар, а свою долю в продукте (производство которого им ни в какой мере не определяется и происходит независимо от него), до того как рабочий его произвел, – или, точнее, что доля рабочего в продукте выплачивается капиталистом, превращается в деньги, до того как капиталист продал, сбыв с рук тот продукт, в котором имеет долю рабочий» (т. 26, ч. 3, с. 87). При этом совершенно

непонятно, почему Маркс полагает, что «долю рабочего в продукте» нельзя считать товаром. Ведь это описанное Миллем представление – о конкретной предполагаемой, а главное корректно определяемой доле рабочего в производимом продукте кажется куда более обоснованным или оправданным, чем представление о неопределяемой некоей самой по себе абстрактной P_c как товаре. Таким образом, в понимании Маркса, трудность – «противоположности овеществленного и непосредственного труда», Милль изображает только лишь как «обыкновенную сделку между владельцами овеществленного труда, между товаровладельцами». Тем самым, по убеждению Маркса, трудность в понимании лишь возросла, т. к. «он отнюдь не уменьшил себе трудность, а увеличил ее, ибо своеобразии результата теперь уже нельзя понять из своеобразия того товара, который продает рабочий (и который обладает тем специфическим свойством, что сама его потребительная стоимость есть элемент, образующий меновую стоимость, вследствие чего потребление этого товара создает большую меновую стоимость, чем содержалось в нем самом)» (т. 26, ч. 3, с. 87–88). Здесь Маркс, как бы манипулируя, иными словами пытается нас убедить, что потребительная ценность (т. е. некое свойство товара, пользующееся спросом, выражающаяся в итоге в определенном соотношении спроса и предложения на него или в рыночной цене), каким-то невероятным образом может быть тождественна (и/или даже просто адекватна) специфической потребительной ценности P_c (которая, оказывается, – вдумайтесь – способна вследствие ее потребления создавать большую ценность, чем содержится в ней самой).

Милль абсолютно прав: рабочий – «такой же продавец товаров, как и всякий другой товаровладелец», т. е. как и любой иной член социума или актер рыночной экономики. Но для Маркса ценно или важно совсем иное, его интересует лишь количество «присоединенного труда», как будто им может быть как-то исчерпана абсолютно всякая ценность или благо. Он совершенно необоснованно старается нас убедить в том, что всякая возросшая или даже увеличенная ценность – это именно прибавочная стоимость или прибавочный труд. Повторять сейчас надуманные и нелепые описания Маркса нет никакого смысла (*речь идет о т. 26, ч. 3, с. 88*), их абсурдность подтверждают его как бы итоговые аргументы-вопросы: «Почему же тогда обычный закон стоимости товаров не должен здесь определять эту сделку?», «И как это возможно, чтобы мотивы покупателя модифицировали к тому же еще и закон стоимости?» (т. 26, ч. 3, с. 89). Так и хочется громко ответить: да потому, что он нигде не определяет и никогда не определял никаких сделок. Именно спрос или мотивы покупателя направляют и модифицируют весь экономический процесс, а не ложный закон стоимости. Маркс как будто не слышит в данном

случае то, что ему говорят, и упорно пытается навязать свое мнение. В его представлении у Милля «Рабочий продает труд, овеществленный в продукте, т. е. такой товар, который, как товар, не отличается чем-либо специфическим от любого другого товара». Но рабочий на самом деле продает именно свою как бы долю в цене товара, а не «труд овеществленный в продукте», таким образом речь должна идти не о некоей надуманной трудовой прибавочной стоимости, а именно о прибыли (если угодно, то здесь гораздо уместнее говорить как раз о «прибыли от отчуждения»).

По мнению Маркса, из-за предполагаемого аванса в виде зарплаты последовательно «Милль должен был бы пойти дальше и сказать, что речь идет здесь не о простой сделке купли и продажи товаров. Отношение между рабочим и капиталистом является-де скорее отношением ссужающего деньги или занимающегося учетными операциями капиталиста (денежного капиталиста) к промышленному капиталисту, поскольку здесь дело идет о платеже, о превращении в деньги продукта рабочего, равного его доле в совокупном продукте». Далее Маркс делает довольно важное заявление, которое указывает на то, что он все-таки понимал, хоть и в извращенной концепцией трудовой стоимости форме, все возможное значение процента: «Это было бы недурное объяснение: предположить наличие капитала, приносящего проценты, – особой формы капитала, – чтобы объяснить капитал, производящий прибыль (общую форму капитала); производную форму прибавочной стоимости (уже предполагающую капитал) изобразить как причину возникновения прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 90). На самом деле как раз напротив, прибавочную стоимость следовало бы здесь предположить одной из возможных производных форм прибыли. **Базовой или общей формой капитала по определению является именно та, которая порождает процент и тем самым приносит прибыль, т. е. способна к самовозрастанию.** Заслуживает, без сомнения, самого пристального внимания замечание Маркса о том, что в этом случае и зарплату следует выводить, «наоборот, из нормы процента; при этом опять-таки нельзя было бы на самом деле сказать, чем следует определять норму процента, так как она, согласно рикардianцам и всем другим заслуживающим упоминания экономистам, определяется нормой прибыли» (т. 26, ч. 3, с. 90). Это замечание свидетельствует о том, что Маркс тем не менее был очень далек от понимания и определений процента Бем-Баверком, суть которого, по большому счету, сводится к следующему: **полезность, которую приносит каждая последующая единица данного товара, меньше полезности предыдущей единицы товара (по Ф. Визеру речь идет о принципе «предельной полезности»).** При этом обнаруживается взаимосвязь между данными целями и данными ограниченными средствами (ведь может иметь место ситуация,

когда вещь обладает полезностью, но не обладает ценностью), т. к. для образования ценности необходимо, чтобы с полезностью соединялась редкость – редкость не абсолютная, а лишь относительная, то есть по сравнению с размерами существующей потребности в вещах данного рода. Судя по всему, все экономические проблемы так или иначе фундаментально все-таки как-то связаны с ценностью и/или ценой самого по себе времени.

И значит, ценностью блага обладают в том случае, если их не хватает для удовлетворения соответствующих потребностей, в противном случае материальные блага ценности не имеют, предложение обусловлено не реальными издержками, а издержками отказа от других направлений использования, включая использование самим производителем. Другими словами, **издержки представляют собой не что иное, как необходимую плату за отвлечение ресурсов от других вариантов использования; как цены, предлагаемые за услуги факторов, используемых для его производства другими конкурирующими производителями.**

Дальнейшие рассуждения Маркса просто поражают своей отвратительной коммунистической ангажированностью: «У капиталиста нет ничего, что он мог бы авансировать рабочему, кроме того, что он раньше отнял у рабочего, что было авансировано ему трудом других людей». Т. е. абстрактный общественный «капиталист авансирует рабочему собственный труд рабочего» (т. 26, ч. 3, с. 91).

Примечание. Маркс следующим образом поясняет эту свою коммунистическую позицию: «Фраза о “доле” рабочего в его собственном продукте основана по сути дела на следующем: если рассматривать не отдельную сделку между капиталистом и рабочим, а обмен между ними в общем ходе воспроизводства и обращать внимание на действительное содержание этого процесса, а не на форму его проявления, то на самом деле обнаружится, что то, чем капиталист оплачивает рабочего (а также и та часть капитала, которая противостоит рабочему как постоянный капитал), есть не что иное, как часть продукта самого рабочего, и притом не та часть продукта, которая еще только должна быть превращена в деньги, а та, которая уже продана, уже превращена в деньги, так как заработная плата выплачивается деньгами, а не в натуре. При рабстве и т. д., где нет ложной видимости, порождаемой предварительным превращением в деньги той части продукта, которая затрачивается на заработную плату, ясно видно, что то, что раб получает в качестве платы за работу, в действительности есть не “аванс” со стороны рабовладельца, а лишь часть овеществленного труда раба, притекающая к нему обратно в форме жизненных средств. Так обстоит дело и у капиталиста. Он “авансирует” только по видимости. То, что он авансирует рабочему как заработную плату, или, точнее, то, что он ему оплачивает, – так как работа оплачивается им лишь после того, как она выполнена, – есть часть продукта, произведенного рабочим и уже превращенного в деньги. Часть

продукта рабочего, присвоенного капиталистом, отнятого у рабочего, при-
текает к рабочему в форме заработной платы, – как аванс, если угодно, за
новый продукт» (*т. 26, ч. 3, с. 90–91*). У Маркса здесь все просто именно
потому, любой товар – это лишь продукт труда, а всякий капитал – это лишь
плод накопленного прошлого труда. Говоря словами самого Маркса, это
ложное представление о «авансе» со стороны работяг «совсем недостойно»
его самого, – извращаться и лгать, только чтобы убедить читателя в желае-
мом – это уже слишком ненаучно и низко.

Маркса здесь интересует схоластика того, «каким образом обмен между
накопленным и непосредственным трудом... согласуется с законом стои-
мости, которому он прямо противоречит». Милль вполне резонно задается
вопросом о том, «В какой пропорции продукты делятся между рабочим
и капиталистом, или какая пропорция регулирует уровень заработной
платы?» Маркс даже приводит и его ответ на этот вопрос: «Определение
долей рабочего и капиталиста есть предмет торговой сделки, торга между
ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и
условия торга меняются в зависимости от изменения соотношения между
спросом и предложением» (*т. 26, ч. 3, с. 91*).

Совершенно непонятно из чего исходя, Маркс непоследовательно
вдруг приводит нас к, кажется, уже очевидно ложному «выводу»: «Следовательно, на самом деле рабочий постоянно получает часть сто-
имости своего собственного продукта, часть или долю созданной им
стоимости. Насколько велика или мала его заработная плата, это не
определяется его долей в продукте, а, наоборот, его доля в продукте
определяется величиной его заработной платы. Фактически рабочий
получает долю стоимости продукта. Но та доля, которую он получает,
определяется стоимостью труда, а не наоборот, стоимость труда – долей
в продукте. Стоимость труда, т. е. рабочее время, требующееся рабочему
для воспроизводства самого себя, есть величина фиксированная; она
фиксирована продажей его рабочей силы капиталисту. Фактически этим
фиксируется также и его доля в продукте. Но не наоборот, не так, что
сначала фиксируется его доля в продукте и уже этой долей определяется
высота или стоимость его заработной платы» (*т. 26, ч. 3, с. 92*). Маркс
здесь, как обычно, делает подмену или смешение понятий. На самом деле
рабочий постоянно получает не «часть стоимости своего собственного
продукта», а часть или долю в цене товара, созданного не им одним, а в
производственном процессе как целом. «Насколько велика или мала его
заработная плата», это на практике как раз определяется его договорной
долей в продукте, а не наоборот, «его доля в продукте определяется вели-
чиной его заработной платы». Фактически рабочий получает долю в цене
производимого при его участии продукта. Та доля, которую он получает,
и есть определенная договорная цена труда, т. е. его зарплата. Зарплата,

т. е. цена труда определенной P_c , традиционно требующаяся «рабочему для воспроизводства самого себя», необходимая плата за отвлечение этой P_c от других вариантов ее использования в условиях осуществляющегося процесса производства в целом есть необходимо величина фиксированная. Фактически этим трудовым договором фиксируется также и доля каждого трудящегося в цене продукта. Указание Маркса: «Но не наоборот, не так, что сначала фиксируется его доля в продукте и уже этой долей определяется высота или стоимость его заработной платы», – ложно, т. к. при авансировании капитала в производство предварительно калькулируется предполагаемая себестоимость (сумма необходимых издержек) и цена реализации продукции, именно исходя из нее определяется или фиксируется верхняя допустимая граница величины зарплаты. Таким образом, именно предполагаемой долей в продукции устанавливается или фиксируется верхняя допустимая граница цены привлекаемой P_c для производства этого товара. При этом реальная заработная плата, как и всякая рыночная цена, устанавливается, исходя из конкурентного соотношения спроса и предложения на конкретную P_c . Подчеркнем, что в этом процессе на практике даже и речи нигде не идет о трудовой стоимости ни продукции, ни самой P_c . Такое понимание, конечно же, не понравилось бы Марксу, т. к. для него соотношение спроса и предложения – «бессмысленные слова, если их применять для определения стоимости, так как определение их самих уже предполагает определение стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 93). Маркс, очевидно, буквально загнипнотизирован «законом стоимости».

«Но что тогда “продает” рабочий? – буквально кричит Маркс – Что он предлагает? Свою “долю” в продукте, который еще не существует? Но ведь его доля в будущем продукте как раз и должна еще быть определена конкуренцией между ним и капиталистом, отношением “спроса и предложения”!» (т. 26, ч. 3, с. 93). Это же надо так выкручиваться или раскорячиваться, а ведь специально же сказано было, что авансом зарплата выплачивается, а значит, именно предполагаемая «доля» в предполагаемой цене товара рабочим, по большому счету, и продается. Ведь сам же Маркс и отмечал, что величина зарплаты фиксирована до момента продажи произведенной продукции, поэтому очевиден и риск инвестора, авансирующего свой капитал, – ведь реальная «доля» рабочего (уже естественно выплаченная или почти выплаченная) в рыночной цене теперь проданного товара, как и остальных издержек, может неожиданно оказаться значительно больше ожидаемой.

Непрекращающийся рост разнообразия потребностей, дальнейшее углубление разделения и специализации труда привели к тому, что

качественные различия в работе, необходимой для удовлетворения всех имеющихся и вновь возникающих потребностей, оказываются даже больше, чем разнообразие врожденных способностей человека к выполнению работы. При этом принципиально важно отметить, что «Связь существует не только между различными видами труда и ценами на них, но и между трудом и материальными факторами производства. В определенных пределах труд можно заменить материальными факторами производства и наоборот. Степень использования этого эффекта определяется величиной ставок заработной платы и цен материальных ресурсов. Установление ставок заработной платы, как и цен материальных факторов производства, может осуществляться только на рынке. Нерыночных ставок заработной платы не существует, как не существует нерыночных цен. Поскольку существуют ставки заработной платы, постольку к труду относятся как к любому материальному фактору производства и продают, и покупают на рынке» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 450).

Примечание. Без сомнения, Мизес прав: «ставки заработной платы определяются спросом на труд и материальные факторы производства, с одной стороны, и ожидаемыми будущими ценами на потребительские товары, с другой» («Человеческая деятельность», с. 451).

Схоластические измышления или предположения Маркса по поводу того, что якобы где-то «здесь друг на друга обмениваются неравные количества труда, что меньшее количество накопленного труда обменивается на большее количество непосредственного труда» (т. 26, ч. 3, с. 94), по самой меньшей мере неуместны – они просто не имеют никакого реального экономического смысла.

Маркс полагает, что «предложение рабочих состоит из “труда” и что этот труд они предлагают за “вознаграждение”, т. е. за деньги, за определенную сумму “накопленного труда”» (т. 26, ч. 3, с. 95). Поэтому он задает, с его точки зрения, фундаментальный политэкономический вопрос: «Но каков этот уровень заработной платы, когда спрос и предложение соответствуют друг другу? Это как раз и надлежит объяснить» (т. 26, ч. 3, с. 95). Маркс уверен, что «Тут ничего не объясняет ссылка на то, что уровень заработной платы изменится, когда нарушается указанное равновесие между спросом и предложением» (т. 26, ч. 3, с. 95). Здесь может даже показаться, что и на самом деле есть «какой-то камень преткновения». Его иллюзорная видимость, вероятно, может быть преодолена только благодаря тому, что мы вообще окажемся вне навязываемой нам лжетеории – «закона стоимости», просто отказавшись от ее неадекватной парадигмы.

§ 19. ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ КАПИТАЛИЗМА И КРУПНОЕ
МАШИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Говоря словами Маркса, важно отметить, что «те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства – существование класса наемных рабочих» (*т. 24, с. 43*), – содействуют переходу всего товарного производства в массовое или крупносерийное товарное машинное производство. Трудно не согласиться с Марксом, который говорит: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отдаления друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (*т. 24, с. 43–44*). Конечно, «как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы и средства производства. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных исторически развившихся условиях, подобно тому, как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги – характер денежного капитала» (*т. 24, с. 44–45*). При этом Маркс почему-то не замечает, что отнюдь не какое-то «внутреннее отношение делает» носителя ценности товарным капиталом, а именно внешнее отношение процесса рыночного обращения (*т. 24, с. 47*). Но обнаруживает, что «процесс обращения приводит в движение новые потенции, обуславливающие степень действия капитала, его расширения и сокращения, независимые от величины его стоимости» (*т. 24, с. 48*). Тем не менее, Маркс все равно настаивает на том, что авансированный капитал «реализован как капитал, потому что реализован как стоимость, породившая стоимость» (*т. 24, с. 53*), хотя, без сомнения, корректнее было бы сказать: капитал реализуется как ценность, только если порождает новую ценность или процент. Особенно ярко это демонстрирует денежный капитал в самовозрастающей ценности.

Примечание. Следует специально отдельно подчеркнуть – здесь везде, естественно, ценность подразумевает в конечном итоге реальную рыночную цену и никакого отношения не имеет к трудовой стоимости.

Говоря о различных видах капитала – денежном, товарном, производительном, Маркс акцентирует внимание на том, что они по большому счету обозначают «лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы

одну за другой. Кругооборот капитала совершается нормально лишь до тех пор, пока его различные фазы без задержек переходят одна в другую» (т. 24, с. 60). Без сомнения, у Маркса это так получается прежде всего потому что, для него «Промышленный капитал есть единственный способ существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости, соответственно присвоение прибавочного продукта, но в то же время и ее создание». Но как уже отмечалось ранее, свойство капитала – самовозрастание, выражается в специфической имманентной функции – в порождении процента, а не в создании некоей виртуальной прибавочной стоимости.

Поэтому, строго говоря, капиталистический способ производства обусловлен товарно-денежными капиталами, а промышленный капитал скорее предполагает массовое или серийное производство в крупной машинной промышленности; именно поэтому «существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наемными рабочими». В зависимости от формы организации экономического процесса различные формы капитала как бы «подчиняются» друг другу и «претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций». В отличие от Маркса, полагаем, что именно промышленный капитал «суть лишь достигший самостоятельности вследствие общественного разделения труда» (т. 24, с. 65), многосторонне развитый способ существования различных функционально-производственных форм, которые товарно-денежный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения. Так же иначе трактуем и возможные результаты кругооборота: «В пределах своего собственного кругооборота, который включает и его реальный метаморфоз в процессе производства» (т. 24, с. 66), капитал изменяет в то же время и величину не своей стоимости, а своей рыночной цены. Он возвращается не просто как ранее затраченная денежная величина, а как увеличенная, возросшая денежная величина или цена.

Конечно, как правило, именно «денежный капитал, образует исходный пункт всего процесса и пункт, к которому этот процесс возвращается», очевидно, что конечной целью является «не потребительная стоимость, а меновая стоимость есть самоцель, определяющая движение». Это «с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства, делание денег. Для делания денег процесс производства является лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом». Указание же Маркса на то, что именно «Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время кото-

рой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства» (т. 24, с. 66–67), представляется уже несколько поверхностным и избыточным.

Подводя некий итог своему описанию, Маркс вполне оправданно говорит: «Итак, процесс кругооборота капитала есть единство обращения и производства, включает в себе то и другое» (т. 24, с. 69). При этом он все-таки, наконец, отмечает, что «Вследствие того, что первой фазой является $D - T$, обнаруживается также, что составные части производительного капитала поступают с товарного рынка, равно как и вообще обнаруживается обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей» (т. 24, с. 70). По Марксу, кругооборот производительного капитала означает расширенное воспроизводство, а «собственно обращение является лишь опосредованием воспроизводства» (т. 24, с. 78). «Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения» (т. 24, с. 92).

Если, как верно заметил Маркс, «неправильно, ..., выводить свойства производительного капитала из способа его существования в виде средств производства» (т. 24, с. 94), то, вероятно, не может быть вполне оправданным и представление, что «с возрастанием капитала связано изменение его строения по стоимости» (т. 24, с. 95), но Маркс уверен, что это именно так. При этом он понимает, что «потребление, взятое в целом – и как индивидуальное и как производительное потребление, – входит в кругооборот T' в качестве его условия» (т. 24, с. 108). Как нам представляется, потребление и спрос являются главными рычагами, обеспечивающими кругооборот любого капитала. Естественно, что «в кругооборот капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, – распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой стороны – на фонд воспроизводства» (т. 24, с. 108). Поэтому и «общественный капитал равен сумме индивидуальных капиталов (включая сумму акционерных капиталов и сумму всего государственного капитала)» (т. 24, с. 112).

Говоря, что «Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии... Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое», Маркс вновь подчеркивает, что этот кругооборот свидетельствует о том, что существование стоимости не просто некая абстракция, как может показаться, потому что это само движение промышленного капитала якобы и «есть эта абстракция в действии».

Примечание. Капиталист «продает дороже не потому, что продает свой товар выше его стоимости, а потому, что продает товар такой стоимости,

которая выше суммы стоимостей элементов его производства. Норма, в какой капиталист увеличивает стоимость своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т. е. чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагал, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его цель состоит не в том, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались, а в том, чтобы они по возможности не покрывались, чтобы его предложение превышало его спрос. То, что имеет силу по отношению к отдельному капиталисту, сохраняет свою силу и по отношению к классу капиталистов. Поскольку капиталист олицетворяет только промышленный капитал, постольку предъявляемый им спрос состоит только из спроса на средства производства и рабочую силу» (*т. 24, с. 134*). В данном описании Маркс, вероятно, сам того не замечая, парадоксальным образом вводит рыночное понятие «соотношения спроса и предложения» в, казалось бы, объективное определение трудовой стоимости. Поэтому, как представляется, было бы более корректным в данном случае именовать упомянутую «стоимость» «ценой», т. к., строго говоря, именно прибыль, в которой капиталист увеличивает цену или величину своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т. е., чем больше избыток той товарной или рыночной цены, которую он предлагал, над той товарной или рыночной ценой, на которую он предъявляет спрос.

Иными словами, «капиталистическое производство существует и может продолжать свое существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость возрастает, т. е. пока она как стоимость, ставшая самостоятельной, совершает процесс своего кругооборота» (*т. 24, с. 121*). Для себя отметим, что Маркс здесь всюду, кажется, говорит о стоимости, хотя, например, в данном случае речь явно идет о ценности (т. е. не в смысле ТТС), возможно в данном случае просто не вполне корректен перевод.

Примечание. Маркс глубоко верно отмечает, что «предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не само обогащение, устраняет саму основу капитализма. Но кроме того, такое предположение и технически невозможно. Капиталист не только должен образовать резервный капитал, чтобы обезопасить себя от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятной конъюнктуры для купли и продажи; он должен накапливать капитал, чтобы таким образом расширять производство и внедрять технические достижения в свой производительный организм» (*т. 24, с. 137*). При этом он не говорит, что, с одной стороны, в любом биосоциуме существует целый ряд различных мотивов, не сводящихся только лишь «к личному потреблению», а с другой стороны, без необходимого накопления капитала любой экономический процесс является нонсенсом, иначе говоря, без накопления экономика вообще немислима.

Несколько странным является и то, что, по Марксу, при этом «функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией

крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных» (т. 24, с. 123), и еще указание на то, что «существование рынка как мирового рынка – вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала» (т. 24, с. 126). Объясняется это, кажется, просто: «Подобно тому, как капиталистический способ производства предполагает крупные масштабы производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные масштабы сбыта» (т. 24, с. 127), и вообще, с какой-то точки зрения «характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена» (т. 24, с. 133). Но если необходимый адекватный (в понимании Маркса эквивалентный) обмен и кругооборот капитала обеспечивается именно рыночными механизмами, а «время обращения капитала вообще ограничивает время его производства... пропорционально своей продолжительности» (т. 24, с. 142–143), то разве не очевидно, что рыночный характер способа обмена, в свою очередь, тоже служит основанием соответствующего ему способа производства (в зависимости от уровня развития производительных сил и/или технологий). Разве не «в той мере, в какой труд становится наемным трудом, производитель становится промышленным капиталистом... В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, внутренне присущим самому производству». Говоря словами Маркса, «В действительности капиталистическое производство есть такое товарное производство, которое стало всеобщей формой производства, но оно является таковым – и по мере своего развития становится все более таковым» – лишь в силу рыночной экспансии, когда не только «сам труд оказывается товаром лишь потому, что рабочий продает труд, т. е. продает функцию своей рабочей силы» (т. 24, с. 133), а абсолютно все приобретает форму товара благодаря непрекращающемуся расширению мирового рынка и до сих пор продолжающемуся процессу глобализации.

Капитализм, как нам представляется, несводим к наемному производительному труду (*как по большому счету грубо считает Маркс, т. 24, с. 141*), несводим он даже ко всему возможному (например, полностью автоматизированному или роботизированному) процессу производства в целом. Ведь, строго говоря, само по себе лишь востребованное время кругооборота капитала (всегда как-то отклоняющееся от времени труда, вплоть до полного его отсутствия, неоправданно игнорируемого Марксом) уже есть та самая естественная ценность (время жизни!), которая, «функционируя», так или иначе порождает процент на изначально авансированный капитал или инвестицию.

Обоснованы в целом замечания Маркса о том, что «сам процесс воспроизводства включает в себе и непроизводительные функции. Он

работает так же, как всякий другой, но содержание его труда таково, что он не создает ни стоимости, ни продукта. Он сам относится к непроизводительным издержкам производства» (т. 24, с. 150). Кроме того, «при всех обстоятельствах время, затрачиваемое на куплю и продажу является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим свое превращение стоимостям» (т. 24, с. 151), «поскольку образование запаса представляет собой приостановку обращения, то вызванные этим издержки не прибавляют к товару никакой стоимости», но «без товарного запаса невозможно товарное обращение» (т. 24, с. 165), а «издержки обращения, вытекающие..., из обращения, рассматриваемого в чистом виде, не входят в стоимость товаров» (т. 24, с. 155). Указывают на два имманентных тавтология экономического процесса: первый – что само по себе даже востребованное «время» далеко не всегда порождает процент, и второй – что кругооборот капитала немислим без издержек.

Нужно отметить, что, упоминая о том, что есть «различия в обороте оборотного капитала», которые «возникают в том случае, если одним элементам его приходится дольше оставаться на подготовительной стадии процесса производства (сушка дерева и т. д.), чем другим» (т. 24, с. 211), Маркс, к огромному сожалению, не уделяет должного внимания тому архиважному факту, что т. н. «подготовительная стадия», как в приведенном примере, может вообще не содержать трудозатрат и трудовой стоимости, но при этом все равно порождать новую возросшую цену товара и процент.

Как представляется, несмотря на все марксовы утверждения, товарный и денежный капитал не вполне оправданно превращать или всегда представлять лишь «составными оборотными частями производительного капитала», как, вероятно, нельзя рассматривать во всех случаях производительный капитал лишь как бы выключенную из оборота часть товарно-денежного капитала.

Примечание. Маркс настаивал, что «В действительности же денежный капитал и товарный капитал представляют собой капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный капитал в противоположность основному» (т. 24, с. 188).

По-видимому, А. Смит был все таки ближе к истине, когда говорил, что товарно-денежный капитал и производительный капитал – «не два различных вида, на которые делит свой капитал промышленный капиталист, а различные формы, которые одна и та же авансированная капитальная стоимость последовательно постоянно вновь принимает и сбрасывает, совершая свой жизненный путь» (т. 24, с. 215).

Маркс верно говорит: «новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению

усовершенствованных средств труда. С другой стороны, конкурентная борьба, в особенности во время решающих переворотов в технике, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы – вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению оборудования предприятий в широком общественном масштабе» (*т. 24, с. 191*). Но ничто не говорит о том, что именно в условиях планового управления экономикой будет принуждать производить нужное обновление оборудования. Вероятно, им подразумевается, что в «плане» будет как-то разумно предусмотрено такое обновление. Но если физический износ как-то еще можно вычислить, то моральный – как?

Примечание. Маркс полагает, что перевороты в средствах производства «с развитием капиталистического способа производства... постоянно учащаются. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения вследствие морального износа, наступающего задолго до того, как они физически отживут свое время... Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса». Тем не менее, «если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» (*т. 24, с. 208*).

Нельзя пройти мимо вот этого любопытного высказывания классика: «воспроизводство в расширенном масштабе (которое мы понимаем в данном случае только как производство, ведущееся с большим капиталом) не находится ни в какой связи с абсолютной величиной продукта, что для данной массы товаров оно предполагает только иное размещение или иное функциональное назначение различных элементов данного продукта, следовательно, по величине стоимости оно является сначала только простым воспроизводством. Сначала изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой последующего воспроизводства в расширенном масштабе» (*т. 24, с. 576*). Марксу его материалистическая и диалектическая ангажированность мешает заметить очевидное – сначала всегда возникают интуиция или идея иного назначения имеющихся элементов производства, которые могут явиться причиной изменений материальных предпосылок последующего воспроизводства в расширенном масштабе.

§ 20. ВОСПРОИЗВОДСТВО С ДЛИТЕЛЬНЫМ ОБОРОТОМ КАПИТАЛА И НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА. О КРЕДИТЕ

«...каждый знает, что он вложил, но не знает, что он получит
обратно» (*К. Маркс, т. 24, с. 491*).

Следует подчеркнуть, что Маркс всегда отчетливо различает «время производства» и «рабочее время». «Разница между временем производства и рабочим временем может... возникнуть в весьма различных случаях» (*т. 24, с. 278*). Таким образом, гипотетически, по его логике, вполне допустима возможность существования производства вообще без «рабочего времени» или эксплуатации живого труда.

Примечание. «Особенно отчетливо разница между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве» (*т. 24, с. 271*). «Разница между временем производства и рабочим временем может, как мы видели, возникнуть в весьма различных случаях. Обратный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в собственно процесс труда (производство сапожных колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошел через собственно рабочий процесс (вино, посев); или в общее время производства рабочее время входит с перерывами, отдельными частями (земледелие, лесоводство); большая часть годного к обращению продукта остается в активном процессе производства, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и животноводство); большая или меньшая продолжительность того периода времени, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала и на который, следовательно, большая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу, отчасти обуславливается характером самого процесса производства (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и т. д., – короче говоря, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения» (*т. 24, с. 278*).

Замечает он, кстати, даже и то, что «в тех отраслях, где рабочее время составляет лишь часть времени производства, в различные периоды года оборотный капитал затрачивается весьма неравномерно, между тем как обратный приток его совершается лишь разом, в момент, определяемый естественными условиями» (*т. 24, с. 272–273*). Разве не являются эти естественные обстоятельства одним из фундаментальных ценообразующих факторов, никак не связанных с величиной трудовой стоимости? Выходит, что связанные с этим колебания цен, некие перекосы в ходе деловой жизни являются не аномальными явлениями, а напротив, естественной реакцией рынка на неравномерность оборачиваемости капиталов. Цитируя Кирххофа, Маркс обращает внимание на лесоводство, где

«сила природы действует самостоятельно, и при естественном обновлении не требуется приложения силы человека и капитала. Впрочем, даже и там, где леса обновляются искусственно, затраты сил человека и капитала по сравнению с действием сил природы лишь незначительны»; «процесс производства связан с такими длинными периодами, что он выходит за пределы планов частного хозяйства, в отдельных случаях даже за пределы жизни одного поколения» (т. 24, с. 273–274). Но при этом он, к огромному сожалению, здесь ни слова не говорит, каким именно образом, формируются рыночные цены на этот лес на корню. Не говорит он, естественно, и об определении трудовой стоимости такого товара.

То, что Маркс называет (т. 2, гл.12) «рабочим периодом», соответствует тому, что Бем-Баверк позднее назвал «периодом изготовления» товаров. Поразительным здесь является именно то обстоятельство, что Маркс никак не соотносит различия в сроках службы капитала по отраслям с проблемой ценообразования, вместо этого он отвлекается на рассмотрение достаточно надуманной проблемы периодического «высвобождения денежного капитала». Тем не менее, гл. 16 во 2 томе свидетельствует, что Маркс, конечно, осознавал необходимость учета различия в периодах оборота капитала: «годовая норма прибавочной стоимости только в одном единственном случае совпадает с текущей нормой прибавочной стоимости... а именно, когда авансированный капитал оборачивается только один раз в год».

По Марксу, естественным условием воспроизводства с длительным оборотом капитала при правильном ведении хозяйства является то, что значительная его часть должна постоянно находиться в форме запаса. Этот потенциально производительный капитал «должен авансироваться для производства на сравнительно продолжительное время, хотя он лишь мало-помалу вступает в активный процесс производства», кроме того, необходимо «учитывать необходимость известного запаса на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств» (т. 24, с. 276). Буквально на следующей странице он, повторяясь, поясняет: «необходимо определенное, большее или меньшее количество потенциального производительного капитала, т. е. необходимо определенное количество средств производства, предназначенных для средств производства, которые должны в большей или меньшей массе находиться в запасе и лишь мало-помалу входить в процесс производства. При этом было отмечено также, что в данном предприятии или при капиталистическом производстве определенных размеров величина этого производственного запаса зависит от большей или меньшей трудности его возобновления, от сравнительной близости рынков, на которых производятся закупки, от развития средств транспорта и связи и т. д. Все эти обстоятельства определяют минимум

того капитала, который должен иметься в наличии в форме производственного запаса, и, следовательно, определяют продолжительность того времени, на которое должны авансироваться капиталы, а также размер массы капитала, авансируемой за один раз. Этот размер массы капитала, который, следовательно, оказывает влияние также и на оборот, обуславливается большей или меньшей продолжительностью того времени, в течение которого оборотный капитал закреплен в форме производственного запаса, в качестве лишь потенциального производительного капитала. С другой стороны, поскольку эта его остановка зависит от большей или меньшей возможности быстрого возмещения: от условий рынка и т. д., постольку она сама обуславливается временем обращения, обстоятельствами, относящимися к сфере обращения» (*т. 24, с. 277*). Заметьте: обстоятельствами, которые не относятся к производственной сфере, т. е. не относятся к сфере, которая может быть хотя бы гипотетически как-то определяться трудовой стоимостью. Совершенно очевидно, что **существуют специфические условия самого по себе рынка, которые оказываются решающими ценообразующими факторами вне всякой связи с предполагаемым законом трудовой стоимости**. Маркс оправданно подчеркивает, что «время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения, или циркуляции. Поэтому само собой понятно, что различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота, а следовательно, и продолжительность периода оборота» (*т. 24, с. 280*). Отсюда же с необходимостью уже и вытекает различие в ценах различных товаропроизводителей одной и той же отрасли вне зависимости от длительности рабочего времени у каждого из них, не говоря уже о различиях в разных отраслях производства.

Примечание. Маркс отмечает разновекторные тенденции в ускорении оборота: «Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и связи сокращает время обращения для данного количества товаров, то, напротив, тот же самый прогресс и условия, складывающиеся вместе с развитием средств транспорта и связи, приводят к необходимости работать на все более отдаленные рынки, короче говоря, – на мировой рынок. Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, а потому абсолютно и относительно возрастает также и та часть общественного капитала, которая постоянно на более продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала в пределах времени обращения. В то же время возрастает и та часть общественного богатства, которая, вместо того чтобы непосредственно служить средством производства, затрачивается на средства транспорта и связи, а также на основной и оборотный капитал, требующийся для их эксплуатации» (*т. 24, с. 283–284*). «Разница во времени обращения, – отчасти индивидуальная разница, существующая у различных отдельных капиталов

одной и той же отрасли производства, отчасти разница, существующая для различных отраслей в зависимости от различных сроков платежа в тех случаях, когда не происходит немедленная уплата наличными, – эта разница вытекает из различных сроков платежа при купле и продаже. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этом пункте, важном для кредитного дела» (*т. 24, с. 285*).

Для нас важно, что Маркс видел – «определенная часть стоимости авансированного капитала все время находится в состоянии денежного капитала, следовательно, в форме, относящейся не к сфере производства, а к сфере обращения капитала». Но он акцентировал внимание только лишь на том, что «увеличение продолжительности времени, в течение которого капитал остается связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление обратного притока денег, следовательно, оно задерживает также и превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал» (*т. 24, с. 286*), как будто весь смысл инвестирования – это неперенное превращение имеющегося собственного капитала в производительный капитал. Вообще нельзя не обратить внимание на то, что все критическое исследование Марксом политической экономии сосредоточено прежде всего именно на сфере производства, как будто все остальные сферы экономического процесса посвящены лишь его обслуживанию. Но, согласно его же логике, капитал инвестируется в первую очередь в те сферы социальной жизнедеятельности, которые дают наибольшую норму прибыли или процент. И если в середине XIX века машинно-промышленная сфера была наиболее рентабельна, то туда и направлялся капитал из сельского хозяйства. Но в изменившихся затем обстоятельствах он из крупной промышленности стал постепенно переходить в сферу услуг.

В ходе своего исследования Маркс приходит к вполне обоснованному выводу, что «постоянно упускают из виду именно этот главный момент, – что производство будет совершаться без перерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть в форме товарного или денежного капитала извлечена из собственно производства. Упускать это из виду – значит, вообще не замечать значения и роли денежного капитала» (*т. 24, с. 300*).

Примечание. Энгельс по этому поводу оправданно говорит: «Главное в тексте Маркса – это доказательство того, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна быть налицо в денежной

форме, с другой стороны – еще более значительная часть его должна принимать на время денежную форму» (*т. 24, с. 320*).

Тогда возникает вопрос, а не было бы более корректным полагать, что это именно денежный капитал иногда – в случае необходимости – принимает промышленную форму? Ведь, строго говоря, каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего в виде денежного капитала в сферу производства, из которой в виде товарного капитала – в сферу обращения, что в итоге и является его возвращением к денежной форме. У Маркса это трактуется несколько иначе, «каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего – в виде товарного капитала – в сферу обращения из сферы производства» (*т. 24, с. 331*).

Далее Маркс делает абсолютно удивительное заявление: «Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает и вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только задним числом, в таких случаях могут и должны постоянно происходить крупные нарушения» (*т. 24, с. 354*). Да, чуть ранее, исходя из ложного допущения того, что существуют «равновеликие массы рабочей силы», Маркс, кажется как бы последовательно, уже заявлял, что эта «масса» определяется или вычисляется «путем умножения одной рабочей силы данной цены на число этих сил» (*т. 24, с. 335*), забывая сказать о том, что т. н. «данная цена одной рабочей силы» или каждая зарплата корректно определяется никак иначе, как только исключительно на рынке. Поэтому, без сомнения, далеко не так «просто», как может на первый взгляд кому-то наивно показаться, «наперед» должным образом «рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить» на те или иные отрасли общественного производства. Без рыночных инструментов и «измерителей» общество не в силах получать адекватную информацию, рыночная конъюнктура необходима для корректного экономического калькулирования, бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности.

Примечание. Маркс, замечая, что существуют «материалы природы», которые «в процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту. То же самое относится к общественному комбинированию рабочей силы в процессе производства и к мастерству, накопленному отдельными рабочими» (*т. 24, с. 399*), игнорирует тот факт, что продукт труда или производственный продукт, в создании которого участвуют такие агенты реальных сил природы, в конечном итоге в виде товара поступает на рынок, где естественно необходимо оценивается как нечто целое. Таким образом, эти ничего не стоящие «материалы природы» обязательно тоже как-то оцениваются, в этом случае выражая свое присутствие в товаре и в прибыли, имеющейся в рыночной цене этого товара. То же самое относится и к повышенной зарплате мастеров в своей профессии. Кстати, именно уже потому сумма общественных трудовых стоимостей всех товаров никоим образом не может быть тождественной сумме их всех цен. Поэтому в реальности авансированный капитал – это, естественно, не «данная сумма стоимости» (*т. 24, с. 401*), а признанная на рынке именно ценность, которая в своей свободной, уже оцененной форме состоит из определенной суммы денег.

Можно с уверенностью сказать, что т. н. «общественный разум всегда заявляет о себе только задним числом» независимо от того, о каком обществе вообще идет речь. Крупные нарушения и межотраслевые переколы в любой экономике по большому счету неизбежны. Как представляется, кризисы на денежном рынке выражают аномалии всего кругооборота капитала, в т. ч., естественно, и в самом процессе производства (*т. 24, с. 358*). Следует понимать, что наряду с простым и расширенным воспроизводством всегда сохраняется возможность или риск неполного или недостаточного воспроизводства.

Примечание. Маркс полагает, что «Поскольку сама организация общественного труда, а потому и повышение общественной производительной силы труда требует, чтобы производство велось в крупном масштабе и чтобы отдельные капиталисты авансировали крупные массы денежного капитала... это совершается отчасти посредством централизации капиталов в немногих руках, причем нет никакой необходимости в том, чтобы при этом происходило абсолютное увеличение размера функционирующих капитальных стоимостей, а следовательно, и размера того денежного капитала, в форме которого они авансируются. Величина отдельных капиталов может возрастать посредством их централизации в немногих руках без одновременного возрастания общественной суммы этих капиталов. Это лишь изменение распределения отдельных капиталов» (*т. 24, с. 400*). Вероятно, здесь стоит заметить, что производительный капитал содержит в себе производительные потенции, границы которых не определяются только лишь степенью экстенсивности или интенсивности используемого им живого труда.

Верно говоря о том, что «Если цены элементов производства – средств производства и рабочей силы – даны, то этим определена величина того денежного капитала, который необходим для купли определенного количества этих элементов производства, существующих в виде товаров», Маркс, тут же уточняя, вновь допускает грубую некорректность: «Другими словами, этим определена величина стоимости того капитала, который приходится авансировать. Но размеры, в которых этот капитал действует как фактор образования стоимости и продукта, эластичны и изменчивы» (*т. 24, с. 401*). Ведь цены элементов производства, как и величина авансируемого денежного капитала, который необходим для обеспечения производства, определены рыночной конъюнктурой и никакого отношения к стоимости не имеют.

Маркс делает интересное замечание: «В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется при прочих неизменных условиях материальной природой процесса производства, следовательно, он определяется не специфическим общественным характером этого процесса производства» (*т. 24, с. 401–402*). Но если быть последовательным, то речь ведь следует вести обо всем производственном периоде, а не о только рабочем, тогда выходит, что сам по себе производственно-технический процесс, как правило, не определяется политической конъюнктурой и системой, а также «специфическим общественным характером» сферы распределения и обмена. Длительность производственного цикла определяет степень его зависимости от имеющейся величины денежного капитала и необходимости привлечения заемных средств (кредита и акционирования). «Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, а эти последние, в свою очередь, вызывают нарушения на денежном рынке» (*т. 24, с. 402*).

Примечание. Поэтому, все-таки Маркс, по-видимому, неуместно иронизирует, когда говорит: «Было бы просто тавтологией сказать, что кризисы происходят по причине недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления в форме потребления нищего или потребления “мошенника”» (*т. 24, с. 463–464*).

Интересно то, что Маркс, кажется, осознает, что «при общественном производстве, так же как и при капиталистическом» межотраслевые диспропорции будут неизбежны, т. к. «это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы». Вместе с тем он парадоксальным образом продолжает настаивать, что «при общественном производстве денежный капитал отпадает.

Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения» (*т. 24, с. 402*), очевидно предполагая, что «общество» будет в силах определять необходимые масштабы того или иного производства (в т. ч. и нового), адекватно распределять капитал или необходимые материальные ресурсы, *Pc* и средства производства между различными отраслями и между различными предприятиями внутри каждой отрасли, и непостижимым образом полагая, что некие суррогатные «бумажные удостоверения» не будут совершать обращения и не будут являться теми же самыми деньгами, только с ограниченными или покалеченными функциями. Упоминая о необходимых «общественных запасах», Маркс почему-то не называет их капиталом, что было бы вполне корректным, да и уместным в данном контексте. Ведь он, кажется, согласен даже с тем, что «подлежащий авансированию капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется самой формой этих денег, будь то металлические деньги, кредитные деньги, знаки стоимости и т. д.» (*т. 24, с. 403*). Кроме того, при этом Маркс полагает, что в условиях социализма «колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства» (*т. 24, с. 533–534*). К сожалению, Маркс по сути ничего не говорит о том, как именно практически будет определяться это резервное «большее количество, чем непосредственно необходимо» основного капитала и других материальных средств.

Примечание. У Маркса как-то всегда удивительно «просто» получается, что в условиях социализма чуть ли не «по щучьему велению и по его хотению»: «Стоит только на основе практики заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратить на них внимание, и они будут планомерно использованы как для применения механических вспомогательных средств системы кредита, так и для действительного выуживания тех наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду» (*т. 24, с. 545*).

Подводя далее предварительные итоги, Маркс говорит: «Капиталистическое производство основано на том, что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу как

свой товар, и что в руках капиталиста она функционирует потом только как элемент его производительного капитала. Эта сделка, относящаяся к сфере обращения, т. е. продажа и купля рабочей силы, не только служит введением к процессу производства, но и определяет собой его специфический характер» (т. 24, с. 433). С другой стороны, этот «Вступительный акт, представляющий собой акт обращения, т. е. купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении элементов производства, которое предшествует распределению общественных продуктов и является предпосылкой последнего, а именно: основывается на отделении рабочей силы как товара рабочего от средств производства как собственности не рабочих» (т. 24, с. 434). Но как представляется, альфой и омегой капитализма или капиталистического производства, все-таки является рост самого по себе капитала. Совершенно очевидно: «На базе капиталистического производства отсутствие всякого накопления или воспроизводства в расширенном масштабе является неправдоподобным предположением» (т. 24, с. 445)!

Маркс настаивает на том, что предполагаемое им (лишь в рыночной реальности возможное) отклонение цен от стоимостей «конечно, не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. В этом случае по-прежнему обменивалась бы в общем итоге одна и та же масса продуктов». Но он странным образом забывает при этом о важнейшей форме капитала – денежной, а значит, и о том, что хотя обменивалась в целом та же самая товарная масса, но вот пропорции обмена были и будут, естественно, почти в каждом случае иные.

Примечание. При этом в другом месте Маркс отмечает: «Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно, предположим господство системы наемного труда, то очевидно, что денежный капитал играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал» (т. 24, с. 543).

По Марксу, благодаря кредиту, соответственно, только «возрастает искусственность всего механизма и увеличиваются шансы нарушений его нормального хода» (т. 24, с. 570). Когда Маркс говорит о том, что «многочисленные условия ненормального хода воспроизводства», превращаются «в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие – при стихийном характере этого производства – само является случайностью» (т. 24, с. 563), он забывает сказать о неизбежной необходимости такого т. н. «ненормального хода» и «стихийного характера» в любом экономическом процессе. «Искусственность всего механизма» возникает лишь там, где монополией ликвидируется живое естество свободного рынка, а естественная иерархия всякого биосоциума вырождается в номенклатурную вертикаль авторитарной власти.

Изменения в рентабельности или норме прибыли имеют если не решающее, то колоссальное значение во всяком экономическом процессе. Представление Маркса о том, что «отклонения цен от стоимости» являются якобы некими «нарушениями» предполагаемого им изначального «эквивалентного обмена» и поэтому могут быть поняты, только «если их рассматривать как отклонения от неизменных отношений стоимости» (*т. 24, с. 443*), ложно во всех своих изначальных допущениях.

Вообще, нельзя не обратить внимание на некоторую небрежность во многих марксовых описаниях, частой путанице понятий стоимости и цены (правда, речь в основном идет не о первом томе, отредактированном и изданном самим Марксом), например, в одном месте он говорит: «Рассматриваемый со стороны стоимости этот (переменный – Ю. М.) капитал равен стоимости общественной рабочей силы, примененной в этой отрасли производства, следовательно, он равен сумме заработной платы, выплаченной за эту рабочую силу» (*т. 24, с. 445*). Ну как же так, ведь речь же шла именно о «стоимости», и вдруг она как-то «следовательно» (!?) оказывается равной сумме выплаченной зарплаты, т. е. цене рабочей силы? Говоря о переменном и постоянном капитале, Маркс, как бы непонятно зачем, постоянно употребляет термин «капитальная стоимость» вместо «цена капитала» или «денежная форма капитала», ну, или в крайнем случае «ценность капитала».

Примечание. Ярчайший пример извращенного представления и/или некорректного применения терминологии: «В то время как при определении нормы прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал, независимо от того, много или мало стоимости периодически передают продукту составные части основного капитала, – при определении стоимости каждого периодически производимого товарного капитала основную часть постоянного капитала необходимо учитывать лишь в той мере, в какой она в среднем вследствие износа передает стоимость самому продукту» (*т. 24, с. 594*).

Маркс ну никак не хочет говорить о реальных рыночных величинах, он явно намерено, вместо достаточно точно измеряемой «прибыли», употребляет термин «прибавочная стоимость», которая вообще в принципе не определяема. Он предлагает, например, следующее извращенное описание: «Общий вывод таков: из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания своего собственного товарного обращения, – причем безразлично, происходит ли это за счет постоянной части стоимости товара или за счет существующей в товарах прибавочной стоимости, поскольку она расходуется как доход, – из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение» (*т. 24, с. 452–453*). Ведь невозможно же отрицать тот факт, что авансируемый или инвестируе-

мый денежный капитал изначально никакого отношения к самой по себе трудовой стоимости и прибавочной стоимости не имеет. В другом месте Маркс, правда, признает: «новый денежный капитал может возникнуть не только путем постепенного превращения прибавочной стоимости в деньги. Деньги извлекаются из обращения и накапливаются в форме сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля» (*т. 24, с. 558*), кроме того, «не исключена возможность» и того, что деньги, которые капиталист «держит под замком, прежде чем попасть в обращение, сами были частью другого сокровища» (*т. 24, с. 557*). «Фактически же капиталист накапливает лишь простое сокровище, которое не представляет собой элемента действительного воспроизводства» (*т. 24, с. 557*).

По Марксу, «Действительный же ход дела затемняется обстоятельствами двоякого рода:

1) Появлением в процессе обращения промышленного капитала торгового капитала (первой формой которого всегда являются деньги, потому что купец как таковой не производит никакого «продукта» или «товара») и денежного капитала как предмета манипуляций особой категории капиталистов.

2) Распадением прибавочной стоимости – которая в первую очередь всегда необходимо попадает в руки промышленного капиталиста – на различные категории, представителями которых наряду с промышленным капиталистом являются землевладелец (для земельной ренты), ростовщик (для процента) и т. д., а также еще и правительство со своими чиновниками, рантье и т. д.» (*т. 24, с. 477*).

Но как нам представляется, вполне допустимо, что «действительный ход дела» в истории может быть представлен и несколько иначе: 1) в процессе обращения торгово-денежного капитала обнаруживается возможность инвестирования или авансирования капитала в производственную сферу с целью создания собственными силами хорошо продаваемого или принципиально нового товара для рынка; 2) распадение выручки от продаж, которая в первую очередь всегда необходимо попадает в руки торгового капиталиста или купца, на различные категории, представителями которых наряду с купцами являются производители – промышленные капиталисты, кредиторы или ростовщики – денежные капиталисты или банкиры, землевладельцы и владельцы недвижимостью (рантье), а также государственные институты, управленческий аппарат и т. п.

Фундаментально важным аспектом осуществления рыночной экономики, без сомнения, является кредит. Маркс вполне обоснованно считает, что «кредит и есть тот фактор, который предоставляет капитал всего класса капиталистов в распоряжение каждой сферы производства не в соответствии с суммой собственного капитала капиталистов этой сферы, а

в соответствии с потребностями их производства, – тогда как в конкуренции отдельный капитал выступает самостоятельно по отношению к другому. Этот кредит является как результатом, так и условием капиталистического производства, и это дает нам прекрасный переход от конкуренции капиталов к капиталу как кредиту» (*т. 26, ч. 2, с. 228*). Кредит, судя по всему, помогает или дает возможность выравнивать межотраслевые диспропорции. «Кредит, о котором нам здесь нет необходимости распространяться, делает возможным то, что накопленный капитал применяется не в той именно сфере, где он произведен, а там, где он имеет больше всего шансов увеличить свою стоимость. Однако каждый капиталист предпочтет вкладывать свой накопленный капитал по возможности в своей собственной отрасли. Если он вкладывает свой капитал в других отраслях, то он становится денежным капиталистом и вместо прибыли получает лишь процент; или же ему пришлось бы пуститься в спекуляцию» (*т. 26, ч. 2, с. 536*).

§ 21. О МОТИВАХ

Маркс глубоко верно замечает: «Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, также и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, то этот мотив, т. е. личное потребление, сохраняет свое значение, выступая в сопровождении мотива обогащения и в противоположность ему как таковому. В действительности дело обстоит сложнее, потому что участники дележа добычи, т. е. прибавочной стоимости капиталиста, выступают как потребители, независимые от капиталиста» (*т. 24, с. 464–465*). Здесь, конечно, было бы корректнее говорить о прибыли, а не о «прибавочной стоимости». В другом месте Маркс как бы дополнительно поясняет: «Утверждение, будто накопление совершается за счет потребления, рассматриваемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как оно предполагает, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т. е. накопление» (*т. 24, с. 573*). Маркс считает неадекватным то, что до сих пор главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а именно только лишь на накопление. По его мнению, накопление и распределение необходимо рассматривать в их отношении к производительным силами общества в целом, т. к. они являются взаимозависимыми факторами (*т. 24, с. 363–364*).

Примечание. «На основе капиталистического производства образование сокровища само по себе никогда не является целью; оно является или результатом задержки в обращении, – при которой большее, чем обычно, количество денег принимает форму сокровища, – или результатом накоплений, обусловленных оборотом капитала, или, наконец, сокровище представляет собой лишь образование денежного капитала, – пока что в скрытой форме, – предназначенного функционировать в качестве производительного капитала» (т. 24, с. 392).

Важное уточнение делает Мизес: «Ни один действующий субъект не имеет никакого отношения к равновесию и равновесным ценам; эти понятия чужды реальной жизни и деятельности... К переменам и нововведениям человека побуждает не призрак равновесных цен, а ожидание определенных значений цен на ограниченное количество изделий на дату планируемой продажи. Начиная реализацию определенного проекта, предприниматель имеет в виду только первый шаг преобразований, которые приведут к состоянию равновесия, при условии, что не произойдет никаких других изменений в начальных данных, кроме тех, которые стимулируются его проектом» («Человеческая деятельность», с. 540).

§ 22. О «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЕ»

«...цены относятся не к неизменным физическим свойствам вещей, а к меняющимся ценностям, которые присваивают им действующие субъекты» (Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 414).

Общее отношение товара (блага) к удовлетворению потребностей или, вероятно, точнее, спроса («полезность» в формулировках австрийской школы), называемое нами ценностью, есть определенное количество этого товара, являющееся предполагаемым или уже признанным условием удовлетворения спроса, которое не настало бы при отсутствии этого товара. Наличие ценности устанавливается из соотношения данного «определенного количества» и имеющейся потребности или спроса, таким образом, ценность выражается не только в полезности, но и в относительной редкости этого товара. Менгер, Визер и Бем-Баверк говорят о законе «убывающей предельной полезности» по мере возрастающего удовлетворения потребностей данной категории. «Величина ценности блага зависит от важности данной конкретной потребности или частичной потребности, которая имеет наименьшую важность среди всех потребностей, удовлетворяемых имеющимся количеством блага» (Бем-Баверк). Кроме того, Бем-Баверк замечает, что блага оцениваются

по их «полезности замещения». В конечном итоге «уровень цены определяется и ограничивается уровнем субъективных оценок двух предельных пар», т. е. с одной стороны, оценками последнего покупателя, которому удалось купить, и «наиболее способного к обмену» продавца из тех, кто был исключен из обмена; а с другой – оценками «наименее способного к обмену» продавца из допущенных к обмену и «первого» исключенного покупателя. Оказывается, что «цены, определяемые на рынке в ходе взаимодействия всех субъективных оценок, в равновесии и при свободной конкуренции имеют тенденцию сравняться с единичными издержками» (Й. Шумпетер). Таким образом, закон издержек приобретает свое обоснование и настоящее значение только в понимании того, что именно субъективными оценками определяются и колебания рыночных цен, и издержки производства тоже.

«Кроме цены сырья и машин – короче говоря, постоянного капитала, который капиталисту в каждой особой сфере производства представляется извне данной величиной и который у каждого капиталиста входит в производство с определенной ценой, – капиталист должен при установлении цены своего товара учесть еще две вещи. [Во-первых] он должен прибавить цену заработной платы, которая также представляется ему (в известных пределах) заранее данной. Под “естественной ценой” товара подразумевается не рыночная цена, а средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена. Следовательно, здесь цена заработной платы в общем дана стоимостью рабочей силы. Что же касается [во-вторых] нормы прибыли – “естественной нормы прибыли”, – то она дана стоимостью всей совокупности товаров, которую создает совокупность капиталов, применяемых в неземледельческом производстве. А именно, это – избыток совокупной стоимости всех товаров над стоимостью содержащегося в товарах постоянного капитала и стоимостью заработной платы. Совокупная прибавочная стоимость, создаваемая этим совокупным капиталом, образует абсолютную массу прибыли. Отношение этой абсолютной массы прибыли ко всему авансированному капиталу определяет общую норму прибыли. Таким образом, и эта общая норма прибыли тоже выступает – не только по отношению к отдельному капиталисту, но и по отношению к капиталу в каждой особой сфере производства – как нечто, данное извне. К цене затрат на сырье и т. д., которые содержатся в продукте, и к “естественной цене” заработной платы ему, следовательно, нужно прибавить общую прибыль, скажем – в 10 %, чтобы в результате – как это ему неизбежно представляется – путем сложения конститутивных составных частей, или их соединения, получить “естественную цену” товара. Уплачивается ли при продаже товара его “естественная цена”

или же больше или меньше ее, это зависит от существующего в данный момент уровня рыночной цены. В цену издержек, поскольку она отличается от стоимости, входят лишь заработная плата и прибыль, а рента входит лишь в той мере, в какой она уже вошла в цену затрат на сырье, машины и т. д., следовательно, не как рента с точки зрения капиталиста, которому вообще цена сырья, машин, короче – постоянного капитала, представляется как некое целое, предпосланное заранее. Рента не входит как конститутивная составная часть в цену издержек. Если при особых обстоятельствах сельскохозяйственный продукт продается по своей цене издержек, то никакой ренты не существует. Тогда земельная собственность экономически не существует для капитала; а именно, она не существует в том случае, если продукт того разряда земли, который продает по цене издержек, регулирует [в смысле теории Рикардо] рыночную стоимость продукта данной сферы. Или же (абсолютная) рента существует. В этом случае сельскохозяйственный продукт продается выше своей цены издержек. Он продается по своей стоимости, которая превышает его цену издержек. А в рыночную стоимость продукта рента входит, или, вернее, образует часть ее». «Дифференциальная рента, как и сверхприбыль, никогда не входит в [индивидуальную] цену издержек, так как она всегда есть только избыток рыночной цены издержек (т. е. «рыночная средняя цена» регулирующая рыночные цены товаров в определенной сфере производства – Ю. М.) над индивидуальной ценой издержек» (*Маркс, т. 26, ч. 2, с. 348–349*). Ведь естественно, что «ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют конститутивных частей стоимости», хотя при этом, по заверению Маркса, каким-то невероятным образом вся общая «стоимость может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту, и притом с одинаковым правом на все эти три части, если они все три существуют» (*т. 26, ч. 2, с. 349–350*).

Примечание. «Превращение стоимостей, в цены издержек есть лишь следствие и результат развития капиталистического производства. Первоначально товары продаются (в среднем) по своим стоимостям. Отклонению от этого препятствует в земледелии существование земельной собственности» (*т. 26, ч. 2, с. 365*).

Маркс считал «совершенно верным» то, «Что прибыль является единственным регулятором для капиталистического производства... И поэтому верно, что не существовало бы абсолютной ренты, если бы производство регулировалось исключительно капиталом. Абсолютная рента возникает как раз там, где условия производства дают земельному собственнику власть ставить границы исключительному регулированию производства капиталом» (*т. 26, ч. 2, с. 369*). Т. е. «Если наихудшая земля уплачивает ренту, если, следовательно, рента уплачивается независимо

от различия в естественном плодородии земель и является абсолютной рентой, то эта рента должна равняться “избытку стоимости продукта над затратой капитала и обычной прибылью на капитал”, т. е. избытку стоимости продукта над его ценой издержек» (т. 26, ч. 2, с. 370), а «если рыночная (средняя – Ю. М.) стоимость равна цене издержек, то рента вообще равна нулю» (т. 26, ч. 2, с. 319).

«Итак: меновая стоимость годового продукта труда состоит не только из заработной платы за труд, примененный в производстве этого продукта, но также из прибыли и ренты». По Марксу, в конечном итоге «Получается, стало быть, следующее: меновая стоимость годового продукта труда разлагается на оплаченный труд (заработную плату) и неоплаченный труд (прибыль и ренту)» (т. 26, ч. 2, с. 381). Таким образом, «помимо различия в плодородии земель – рента вообще проистекает из того, что земледельческий капитал приводит в движение большее по отношению к постоянной части капитала количество труда, чем средний капитал в неземледельческом производстве» (т. 26, ч. 2, с. 414–415).

Примечание. Любопытно, что у Маркса могут быть «Прибыль и прибавочная стоимость тождественны лишь постольку, поскольку авансированный капитал тождествен с капиталом, непосредственно затраченным на заработную плату» (т. 26, ч. 2, с. 411). Вообще он последовательно полагает, что «норма прибыли зависит от массы прибавочной стоимости, а отнюдь не от нормы прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 2, с. 415).

При этом в представлении Маркса и всех последовательных поклонников ТТС «капиталистическое использование товара определяется не той пропорцией, в какой в товаре содержится труд, а той пропорцией, в какой товар распоряжается чужим трудом, дает господство над большим количеством чужого труда, чем то количество труда, которое содержится в нем самом» (т. 26, ч. 2, с. 438–439).

Как бы последовательно положение Маркса и о том, что «стоимость товара в одинаковой мере определяется как количеством овеществленного (прошлого) труда, требующегося для его производства, так и количеством живого (теперь затрачиваемого) труда, требующегося для его производства. Другими словами: на те или другие количества труда отнюдь не влияет формальное различие, является ли труд овеществленным или живым, прошлым или настоящим (непосредственным)» (т. 26, ч. 2, с. 441). В особенности это возможно, если заранее допустить существование некоего абстрактного среднего «простого» труда, который якобы может быть «корректно» сопоставим и соизмерим. Но на самом деле бросается в глаза не проблема обмена прошлого и живого труда, а проблема адекватного или в парадигме ТТС эквивалентного обмена товара, не имеющего стоимости, как на прошлый, так и на живой труд.

Разве наличие в действительности такого обмена уже изначально не свидетельствует о неполноте или вообще о ложности т. н. закона стоимости, или ТТС? У Маркса цены товаров, не имеющих собственной стоимости, как бы последовательно возможны только за счет перераспределения общественной прибавочной стоимости и на такие «ненормальные», с точки зрения ТТС, товары и/или непроизводительные отрасли экономики (тому пример всякая абсолютная рента или процент).

§ 23. ОБ ИЗДЕРЖКАХ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЦЕНАХ

«Временной элемент играет определяющую роль в формировании
всех цен на все товары и услуги»

(Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 376)

Как представляется, можно и даже нужно согласиться со следующими определениями Маркса: «Издержками можно называть то, что является авансом, т. е. то, что уплачено капиталистом. Согласно этому словоупотреблению прибыль выступает как избыток над этими издержками. Это относится к отдельным ценам производства. А цены, определяемые авансами, можно тогда называть *Kostenpreise* (издержками производства для капиталиста ($c + v$); в современной терминологии речь идет о себестоимости или о сумме всех необходимых издержек или расходов для производства данного продукта – Ю. М.). Издержками производства можно называть цены, определяемые средней прибылью, т. е. ценой авансированного капитала плюс средняя прибыль, так как эта прибыль есть условие воспроизводства, условие, регулирующее предложение товаров и распределение капиталов по различным сферам. Эти цены суть (внутренние или плановые – Ю. М.) цены производства» (*т.* 26, ч. 3, с. 539).

Примечание. Термин «цена издержек» употребляется Марксом в трех различных смыслах: 1) в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$); 2) в смысле «имманентных издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара; 3) в смысле цены производства ($c + v +$ средняя прибыль).

Но Маркса не устает такое определение, и он продолжает нелепо настаивать, что «действительное количество труда (овещественного и непосредственного), которого стоит производство товара, есть его стоимость. Она образует реальные издержки производства для самого товара. Та цена, которая ей соответствует, есть только стоимость, выраженная в

деньгах» (т. 26, ч. 3, с. 540). Просто непостижимо, как после столь глубокого понимания пусть не всех, но многих реальных рыночных процессов Маркс мог оставаться при мнении, что общее количество овеществленного и непосредственного труда может быть каким-то невероятным образом тождественным и/или образовывать сумму реальных издержек производства, или, точнее, сумму реальных издержек производства (т. е. себестоимость) и средней нормы прибыли, на единицу данного продукта. Здесь следует напомнить или подчеркнуть, что себестоимость является суммой именно цен издержек, которые тоже, в свою очередь, содержат в себе собственные, так сказать, имманентные прибыли. Т. е. себестоимость (с/с) абсолютно ни при каких обстоятельствах не может быть тождественной стоимости. Таким образом, **корректно стоимость в принципе не может быть выражена в деньгах.**

В ложном и избыточно обобщающем утверждении Маркса звучит, казалось бы, банальность: «Если бы не воспроизводилось прибавочной стоимости, то, конечно, вместе с прибавочной стоимостью исчезла бы и та часть ее, которая называется процентом, и та часть, которая называется рентой, и исчезла бы также вместе с тем антиципация этой прибавочной стоимости, или то, что она входит в качестве цен товаров в издержки производства. Наличная стоимость, входящая в производство, тогда вообще не выходила бы из него как капитал, а потому и не могла бы как капитал входить в процесс воспроизводства или отдаваться в ссуду как капитал» (т. 26, ч. 3, с. 541). Однако на самом деле так звучит манипуляция, т. к. гипотетическая «прибавочная стоимость», как и стоимость, создается, кажется, в процессе производства, но непосредственно в товаре ее невозможно измерять ну никак, т. е. она если и образуется, то проявляется лишь при обмене на другие товары (по крайней мере, уже при обмене труда на стоимость рабочей силы). «Избыток не есть надбавка»... «прибавочная стоимость, – а на ней-то и покоится капиталистическое производство, – есть стоимость, не стоившая никакого эквивалента» (т. 26, ч. 3, с. 550). Согласно Марксу, все товары при обмене их на живой труд покупают больше труда, чем содержится в них самих. Это добавочное количество и образует прибавочную стоимость. Здесь, собственно, и прячется дьявол, т. к. обмен в реальности вообще никогда не осуществляется в соответствии со стоимостями или с некими иными т. н. внутренними эквивалентами. Более того, и само по себе производство никогда не осуществляется пропорционально затратам рабочего времени, пусть даже и некоего абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда (ясно, что совершенно ложно и никак не оправданного понятия). Таким образом, **и стоимость, и прибавочная стоимость допустимые, казалось бы, хотя бы как теоретические абстракции, не могут быть оправданы даже в этом виде.**

Таким образом, не «агенты капиталистического производства живут в каком-то заколдованном мире», а сами коммунисты во главе со своими классиками и вождями. Конкуренция предполагает необходимое превращение и углубление внешних взаимоотношений во внутренние, таким образом, именно рынок образует сущность всякого экономического процесса, в т. ч. и производства, а не наоборот. Все, что не охвачено конкуренцией, лишь извращает этот необходимый естественный процесс, осуществляющийся так или иначе в каждом биосоциуме. Таким образом, все теоретически фиксируемые внутренние абстрактные связи в отрыве от наблюдаемого рыночного процесса есть грубое и ничем не оправданное извращение реальности. Ведь именно **на поверхности рыночной стихии и проявляются все возможные его сущность и смысл**. В таком случае предполагаемая теоретиками некая мистическая внутренняя связь или закон являются лишь схоластическим блефом, не имеющего абсолютно ничего общего с наукой. Маркс как будто под неким гипнозом лишь по-своему, но повторяет в своем «Капитале» теоретическую мистификацию Адама Смита. Маркс подчеркнул, что «А. Смит сперва разлагает стоимость на заработную плату, прибыль (процент) и ренту, а потом, наоборот, изображает их как самостоятельные конституирующие элементы товарных цен. В первой концепции у него указана скрытая связь, во второй – ее внешнее проявление» (*т. 26, ч. 3, с. 541*). В конечном итоге с какой-то точки зрения вполне допустимо, что вообще нет никакой внутренней «скрытой связи» в экономике, а все т. н. лишь как бы «внешние проявления» и есть «экспромт» сингулярного образования и спонтанного разрушения всех необходимых сущностей, элементов и связей для осуществления экономического процесса в целом.

«Итак, если прибыль входит определяющим образом в цену производства, то можно сказать, что заработная плата, процент и, до известной степени, рента входят определяющим образом в рыночную цену и, конечно, определяющим образом в цену производства» (*т. 26, ч. 3, с. 543*). С какого перепугу Маркс после этого вполне верного высказывания говорит о том, что «Цена издержек есть не что иное, как стоимость авансированных капиталов плюс произведенная ими прибавочная стоимость, распределенная между отдельными сферами соответственно той доле, которую они составляют в совокупном капитале. Так цена издержек сводится к стоимости, если рассматривать не отдельную сферу, а совокупный капитал. С другой стороны, рыночные цены каждой сферы, в результате конкуренции капиталов различных сфер, постоянно сводятся к цене издержек. Конкуренция капиталистов в каждой отдельной сфере стремится свести рыночную цену товара к его рыночной стоимости. Конкуренция капиталистов различных сфер

сводит рыночные стоимости к общим для всех сфер ценам издержек» (*т. 26, ч. 3, с. 543*) – одному Богу известно. Хотя чуть далее он как бы поясняет генезис этого своего утверждения: «ни у одного товара цена не конституируется ими, так как стоимость товаров не составляется путем сложения этих компонентов как самостоятельных и действующих из собственных источников факторов определенной величины, а, если стоимость дана, она может быть разложена на указанные части в самых различных пропорциях. Дело обстоит не так, что заранее данные факторы – прибыль, заработная плата и рента – путем их сложения или комбинации определяют величину стоимости, а так, что одна и та же стоимостная величина, заранее данная величина стоимости разлагается на заработную плату, прибыль и ренту и в зависимости от различных обстоятельств весьма различным образом распределяется по этим трем категориям» (*т. 26, ч. 3, с. 544*). Таким образом, у Маркса легко выходит, что «Тем, чем стоимость является для действительного экономиста, тем для практического капиталиста является рыночная цена – постоянным первичным или предшествующим всего движения» (*т. 26, ч. 3, с. 545*). Маркс, выворачивая реальность как бы наизнанку, извращает саму сущность предпосылки начала всякого экономического процесса. Известной предпосылкой какой-либо активности является потребность или даже, точнее, сам по себе спрос, как именно он формируется – это фундаментальный социально-экономический вопрос. Маркс практически никакого внимания ему не уделяет, но «всякий конкретный труд может быть представлен как общественный труд, как стоимость», как ценность, только если он востребован или пользуется спросом. Кроме того, потребитель нуждается далеко не только лишь в одном труде или P_c , спросом пользуются и иные товары, всегда имеющиеся на рынке, например такие, как земля, вода или лес, которые вообще никакого отношения не имеют к труду, т. е., по словам Маркса, имеют рыночную цену, не имея никакой стоимости (*т. 26, ч. 3, с. 545*). Маркс очень хитро додумывается до того, чтобы объяснять природу или как бы субстанцию рыночной цены такого товара величиной перераспределенной прибавочной стоимости, созданной в производственной сфере. Правда, при этом он не отвечает на вполне закономерный вопрос о том, как она формируется в условиях отсутствия промышленности.

Строго говоря, в итоге получается, говоря на виртуозно-манипуляционном языке Маркса, что «для того чтобы потребительная стоимость выступала как меновая стоимость, была товаром», она вовсе не обязательно должна «быть продуктом конкретного труда». Следовательно, дело обстоит ни в коем случае не так, что «одна и та же стоимостная величина,

заранее данная величина стоимости разлагается на заработную плату, прибыль и ренту и в зависимости от различных обстоятельств весьма различным образом распределяется по этим трем категориям» в целом по всем отраслям экономики. Таким образом, по самой крайней мере, мы можем лишь допустить, что только исключительно в локальной производственной сфере (скорее всего, речь здесь должна идти даже о каждой отрасли производства отдельно), т. е. в единственной сфере создания самой по себе стоимости как бы заранее данная ее величина может разлагаться на некие элементы внутренней производственной цены. Только при таком допущении может быть как-то мыслимым то, что конкуренция промышленных капиталистов в каждой отдельной отрасли как бы «стремится» свести рыночную цену товара к их внутренней производственной цене или некоей их «рыночной стоимости». Но уже конкуренция капиталистов различных сфер в принципе не в силах сводить или свести «рыночные стоимости к общим для всех сфер ценам издержек», ведь далеко не во всех сферах экономики есть производительный труд, а значит, и стоимость. Так, совокупная цена издержек как раз никоим образом не «сводится к стоимости, если рассматривать не отдельную сферу, а совокупный капитал». Таким образом, даже цена всех издержек (т. е. сумма внутренних производственных цен всех товаров, а не их реальная рыночная цена) ни в коем случае не является и не может являться «стоимостью авансированных капиталов плюс произведенная ими прибавочная стоимость». Ясно, что о распределении этой абстрактной гипотетической величины «между отдельными сферами соответственно той доле, которую они составляют в совокупном капитале» корректно и речи быть не может. С другой стороны, цены издержек, или в данном контексте внутренние производственные цены каждой из производственных отраслей в результате конкуренции капиталов вообще всех сфер экономики (в т. ч., естественно, и внепроизводственных сфер) постоянно сводятся или подтягиваются к актуальным рыночным ценам.

Итак, общая средняя норма прибыли по всей экономике в целом входит как один из основных рыночных ценообразующих факторов и/или элементов реальной цены и во всякую цену производства или во внутреннюю производственную цену, более того, ее величина так или иначе сказывается на величине заработной платы, процента и даже ренты. Маркс об этом же сам неоднократно говорит: «средняя прибыль образует один из элементов цены издержек товара, следовательно – условие предложения товара, условие самого производства товара» (т. 26, ч. 3, с. 503).

Как может сумма цен вообще всех товаров и услуг на рынке, необходимо оцениваемая и выражаемая в денежной форме, иметь еще и какую-то долю в стоимости, которая создается только исключительно в производственной сфере, да еще и сугубо живым производительным трудом, которая тоже выражается в денежной форме? Нонсенс. Ведь реальная цена не есть стоимость товара, и она не является только лишь выражением некоей предполагаемой стоимости в деньгах. Маркс, грубо извращая реальность, лишь навязывает нам некое как бы противоречие в терминах, не замечая всю изначальную иррациональность самого понятия наличия трудовой стоимости у всякого товара. Маркс то ли хитро, то ли вновь извращенно полагает, что «полезность капитала, его потребительная стоимость уже имеется налицо в его форме товара, и без этой полезности он не был бы товаром и не имел бы стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 548). Но в реальности далеко не всякий товар пользуется спросом, более того, иногда товары могут утрачивать свою предполагаемую полезность еще даже до попадания их на рынок. При этом товар утрачивает свою рыночную цену, но не издержки или себестоимость по поводу его производства. Какое отношение это реальное движение может иметь именно к трудовой стоимости этого товара, по логике Маркса? Трудно сказать, ведь затраты рабочего времени общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда по его производству уже все-таки осуществлены. В форме денег капитал абсолютно в любом случае есть выражение именно цены товаров и может быть превращен в товары соответственно собственной цене последних. Если деньги превращаются в товар, в средства труда, в труд и т. д., то они «превращаются» или находят свое выражение именно в их ценах. Нигде в этом процессе не уместно даже само упоминание о некоей их гипотетической трудовой стоимости. Но в извращенном или иррациональном понимании Маркса все эти превращения невероятным образом касаются как раз именно «только формы стоимости. В форме денег капитал имеет ту потребительную стоимость, что он может превращаться в форму любого товара, но товара такой же стоимости». Более того, «В результате этого изменения формы стоимость денег так же не изменяется, как не изменяется стоимость товара, когда он превращается в деньги. Потребительная стоимость тех товаров, в которые я могу превратить деньги, не дает деньгам сверх их стоимости никакой отличной от этой стоимости цены», «в противном случае они не товары, какими они являются только как единство потребительной стоимости и меновой стоимости». Но как же нам быть с тем, что мы точно знаем, что на рынке всегда есть товары, которые вообще не имеют никакой сто-

имости? Однако Марксу как бы не нравится несколько другое, это то, что «эта потребительная стоимость отнюдь не может объяснить то, что товар как меновая стоимость или как цена» якобы имеет еще и «другую, отличную от этой цены цену» (т. 26, ч. 3, с. 548).

§ 24. О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ

Для всех адептов ТТС, в т. ч. и для Маркса, различие между трудом и капиталом есть всего лишь различие между различными формами труда. Милль говорит: «Труд и капитал означают: первый – непосредственный труд, второй – накопленный труд». «Относительно этих двух видов труда следует заметить, что они не всегда оплачиваются по одной, и той же норме». Маркс полагает, что Милль здесь правильно «подходит к существу дела. Так как то, чем оплачивается непосредственный труд, всегда есть накопленный труд, капитал» (т. 26, ч. 3, с. 96). Но как представляется, это утверждение некорректно уже только потому, что капитал не есть только лишь один прошлый или накопленный труд.

Примечание. Маркс приводит пример возможного накопления и учит нас, что «Фермер мог бы, далее, засеять больше земли. Тогда часть пшеницы превратится не в заработную плату, а в постоянный капитал, и т. д. Только при этом накоплении обнаруживается, что все, как доход, так и переменный и постоянный капитал, есть присвоенный чужой труд и что как условия труда, при помощи которых работает рабочий, так и эквивалент, получаемый им за свой труд, это – труд рабочего, полученный капиталистом без эквивалента. Так обстоит дело даже при первоначальном накоплении. Предположим, я сберег 500 ф. ст. из заработной платы... Новый капитал состоит лишь из присвоенного чужого труда» (т. 26, ч. 3, с. 259–260).

Маркс уверен, что «большее количество непосредственного труда обменивается на меньшее количество накопленного труда, и притом “всегда”, ибо в противном случае накопленный труд не обменивался бы на непосредственный труд в качестве “капитала” и не только не приносил бы, ..., достаточно большого дохода, но и вообще не приносил бы никакого дохода» (т. 26, ч. 3, с. 97). При этом он понимает, что данное высказывание, строго говоря, противоречит принятому им же закону стоимости.

Примечание. «Здесь, стало быть, признается, – поскольку Милль, как и Рикардо, рассматривает обмен капитала на труд как прямой обмен накопленного труда на непосредственный труд, – что эти два вида труда обмениваются в неравных пропорциях и при этом обмене закон стоимости, гласящий, что друг на друга обмениваются равные количества труда, терпит крушение» (т. 26, ч. 3, с. 97).

§ 25. О ТОМ, ЧЕГО ТОВАР ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СТОИТ

«Ценность – это отвердевшее рабочее время» (*К. Маркс*).

«Под превращением ценности цены производства вскрывается от непосредственного наблюдения самая основа для определения ценности» (*К. Маркс*).

Вы только вдумайтесь во всю степень абсурдности вот этого утверждения Маркса: «То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой капитала; то, чего товар действительно стоит, – затратой труда. Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства» (*т. 25, с. 30*). Здесь тогда возникает закономерный вопрос о том, для кого «товар действительно стоит», или с какой именно точки зрения определяется это «стоит»? Далее, а если товар вообще не имеет никаких затрат труда или они совершенно незначительны? Вне всякого сомнения, реальным и/или наиболее адекватным выражением всякой ценности является именно рыночная цена. При этом издержки производства, естественно, являются очевидным ценообразующим фактором для всякого продукта производства. Совершенно непонятно, почему или зачем нас должно волновать то, как можно себе представить формирование некоей абстрактной или виртуальной трудовой стоимости товара.

В 3 томе своего «Капитала» Маркс буквально «переобувается в воздухе», заявляя: «мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, – безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стоимости лишь по той причине, что она израсходована и, следовательно, образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израсходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом качестве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Следовательно, прибавочная стоимость происходит как из той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и из той части, которая не входит в издержки производства, словом, – в равной мере из основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал – как средства труда, так и производственные материалы и труд – вещественно служит создателем продукта». Тем не

менее, он, как бы притормаживая, вероятно, вспоминая, что источником прибавочной стоимости у него является все-таки только живой труд, вновь настойчиво подчеркивает: «Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости только часть его. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но зато целиком в образовании прибавочной стоимости». Отметив как бы еще раз свое ложное абстрактное положение, он, завершая свой кульбит, наконец-то становится «с головы на ноги» эмпирической реальности: «Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала. Рассуждения можно было бы еще более сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом: “Капиталист ждет одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала”. Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму прибыли» (*т. 25, с. 43*). Таким образом, выходит, что вся доньше им излагаемая и навязываемая нам теория прибавочной стоимости или ложна, или неполна. Если прибавочная стоимость – плод только исключительно живого труда, то она в принципе не в силах приобрести «превращенную форму прибыли», т. к. это содержательно разные вещи. Если же прибавочная стоимость есть порождение всего авансированного или инвестированного капитала, то тогда она, естественно, уже не является порождением лишь одного живого труда (только в последнем случае она, строго говоря, и может выступать некоей превращенной формой прибыли, может быть – «внерыночной»).

Чуть далее Маркс, вновь упорствуя в своем заблуждении, говорит: «Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике пределы этих промежуточных цен». Но как представляется, здесь Маркс как бы сам противоречит себе: ведь если рыночная цена колеблется около трудовой стоимости товара, то это уже свидетельствует о том, что цены по крайней мере иногда выходят за границы стоимости. Т. е. на практике, по логике самого Маркса, от величины прибавочной стоимости никак не зависит верхний предел рыночной цены данного товара, а если вспомнить, что на рынке всегда полно товаров, не имеющих в принципе трудовой стоимости, то тогда можно с уверенностью говорить и о том, что от величины всей прибавочной стоимости в производстве не зависит величина ни прибыли, ни цена всего товара во

всей экономике. Как представляется, это как бы объясняет: «Основной закон капиталистической конкуренции, ..., регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства» (блестяще описанный Бем-Баверком). Но по совершенно ничем не обоснованному мнению Маркса, этот «непонятый до сих пор политической экономией закон» «основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости» (*т. 25, с. 45*). Нигде «позже», насколько нам известно, он не поясняет этого своего представления.

Далее Маркс продолжает свой ряд парадоксальных утверждений: «Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара есть та покупная цена, которую сам капиталист уплатил для производства товара, следовательно, покупная цена, определяемая самим процессом производства товара». Возникает вопрос: как же так, если именно «покупные цены» на приобретение всех элементов себестоимости или издержек по производству товара выражают актуальную рыночную конъюнктуру, то каким образом вместе с этим они могут определяться самим процессом производства? Станным образом Маркс полагает, что «Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи» (*т. 25, с. 45*). Но на самом деле ведь очевидно, что «реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его» не какой-то там абстрактной «стоимостью», а над реальными издержками его производства, так что выходит, что величина прибыли, получаемая вследствие продажи товара, лишь будто бы выражает собой некую скрытую, изначально заключающуюся в товаре прибавочную стоимость.

Для Маркса принципиально важно не просто лишь то, что «Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил» (*т. 25, с. 49*), а то, что норма прибавочной стоимости и норма прибыли «Это – два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают различные пропорции или отношения одной и той же величины» (*т. 25, с. 50*). Но как нам представляется (даже если как-то и допустить оправданность понятия «норма

прибавочной стоимости»), в реальности норма прибавочной стоимости и норма прибыли – несводимые друг к другу, принципиально различные величины. Эти вещи изначально имеют радикально различный генезис. Удивительно, но Маркс и сам говорит, что «нет никакого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а следовательно, и стоимостью всего капитала (= $c + v$), и прибавочной стоимостью» (т. 25, с. 54) и буквально тут же вновь делает нелепое заявление: «Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала» (т. 25, с. 78).

У Маркса встречается довольно странное высказывание, свидетельствующее об изначально глубоко извращенном представлении: «если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять большую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков» (т. 25, с. 150–151). Ведь если величина прибыли зависит в т. ч. и от «индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков», то кажется уже совершенно невероятным, что при этом та же зависимость к тому же еще и как-то выражает величину прибавочной стоимости по отношению к массе «определенного переменного капитала». Более того, в конечном итоге получается вполне допустимым сказать, что и сама величина прибавочной стоимости тоже зависит не только от затрат рабочей силы, но и от предпринимательских способностей капиталиста. Но в таком случае, по-видимому, весь специфический смысл теории прибавочной стоимости, согласно которой «единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд» (т. 25, с. 162), полностью утрачивается.

Для нас, без сомнения, очень интересно и важно следующее утверждение Маркса: «Если бы капитал, процентное отношение составных частей которого $90c + 10v$, при равной степени эксплуатации труда производил столько же прибавочной стоимости, или прибыли, как и капитал, состоящий из $10c + 90v$, то было бы совершенно очевидно, что прибавочная стоимость, а следовательно и стоимость вообще, должна была бы иметь своим источником не труд, а что-то совершенно другое, и вместе с тем отпала бы всякая рациональная основа политической экономии» (т. 25, с. 162). Насколько нам известно, в рыночной реальности прибыль (или процент) регулируется конъюнктурой, отсюда равная ее величина

на объем авансированного или инвестированного капитала в экономике. Маркс, как бы отвечая на эту претензию и соглашаясь, говорит только то, «Что прибыли неравных капиталов пропорциональны их величинам, означает вообще лишь то, что равновеликие капиталы доставляют равновеликие прибыли, или что нормы прибыли для всех капиталов равны, какова бы ни была их величина и их органическое строение» (*т. 25, с. 163*). Таким образом, если быть последовательным, то следует далее признать, что продолжать говорить о прибавочной стоимости и стоимости вообще в контексте теории трудовой стоимости совершенно нелепо и/или нет никакого смысла. Но считать, что при этом уже сразу отпадает «всякая рациональная основа политической экономии», все-таки явно избыточно или преждевременно – это убедительно продемонстрировала т. н. «австрийская школа».

Далее может показаться, что Маркс даже как бы оправдывается: «Развитые нами соображения покоятся на той основе, которая до сих пор была основой всего нашего исследования, – что товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом, кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние» (*т. 25, с. 167*).

Примечание. «Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведенные стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис капиталистической конкуренции, посредством которой устанавливается средняя прибыль». Здесь же Маркс правильно уточняет: «издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы равновеликие капиталы, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом» (*т. 25, с. 167*).

И вот, наконец, Маркс уже заявляет нечто уж совсем никак не согласующиеся с тем, что он говорил до сих пор (что «товары продаются по их стоимостям»): «Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится

средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, – такие цены суть цены производства. Предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме» (т. 25, с. 171). Таким образом, получается, что на самом деле предпосылкой цен является все-таки не наличие трудовых стоимостей, а существование «какой-то общей нормы прибыли», т. е. определение в конечном итоге должно быть следующим: «цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль» (т. 25, с. 172).

Примечание. Вероятно, все-таки ощущая некий диссонанс в собственных утверждениях, Маркс делает потрясающее заявление: «Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» (т. 25, с. 176). Как комментировать это его итоговое умозаключение, совершенно непонятно.

Удивительно, но Маркс все равно продолжает нелепо упорно настаивать на том, что «цена производства товара может отклоняться от его стоимости», при том что он наверняка уже осознавал, что она неминуемо всегда не только как-то случайно отклоняется, но и даже должна постоянно от нее отклоняться. Ведь не зря же он тут же подчеркивает «не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства». Но тем не менее, Маркс, буквально вытанцовывая, как на горячей сковороде, вновь делает ложное или ничем не оправданное утверждение: «Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости». И тут же, вновь: «Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства» (т. 25, с. 180).

В итоге весь этот свой «выплес» он завершает еще и извращенным манипуляционным кульбитом: «По отношению к совокупному обществу капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно

модифицируется, тем не менее в основе его всегда остается тот факт, что при рассмотрении совокупного общественного капитала издержки производства произведенных им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или, в данном случае, применительно ко всей массе произведенных товаров, издержки производства их оказываются ниже, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость – всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства – сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства» (*т. 25, с. 180*). Или чуть позже он об этом же говорит следующим парадоксальным образом: «средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощенным в данной сфере производства. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом» (*т. 25, с. 188*). Ведь, вне всякого сомнения, произошедшее очевидным образом указывает на совершенно иное: **если средняя прибыль «лишь случайно определяется неоплаченным трудом», то это свидетельствует только о том, что и рыночная цена товаров лишь случайно «определяется заключающимся в них трудом».** Таким образом, в итоге получается, что вести речь о трудовой стоимости товаров вообще нет никакого видимого или практического смысла.

В извращенном или ложном представлении Маркса оказывается: «Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или – при равенстве их величин – на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала» (*т. 25, с. 192*), т. к. совершенно очевидно, что никого на рынке в действительности не интересует абстрактная прибавочная стоимость, всем нужна реальная прибыль, или процент.

Примечание. Наверное, стоит напомнить, что у Маркса изначально в 1 томе исходящего из предположения-аксиомы, что товары обмениваются и/или продаются по их стоимостям: «Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического строения, мы называем органическим строением капитала» (*т. 25, с. 158*) при этом «различное органическое строение капиталов не зави-

вывод: «Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости» (т. 25, с. 189). Очевидная неоправданность этого вывода вытекает уже только из одного того факта, что на рынке всегда есть товары, которые не имеют трудовой стоимости. Т. е. сумма прибыли по экономике по определению в принципе не должна быть равной сумме прибавочной стоимости, даже если допустить действительность ее существования. Точно так же сумма цен всех товаров, продаваемых на рынке, в принципе не должна быть равна сумме их стоимостей, даже если допустить ее реальность и то невероятное, что трудовая стоимость без оценки товара на рынке может быть как-то адекватно или корректно выражена в деньгах. Кстати, исходя из сказанного, сумма всех цен товаров должна быть всегда больше суммы всех стоимостей.

Примечание. Справедливости ради здесь нужно сказать, что Маркс в данном случае все-таки говорил лишь о продуктах производства, которые в его время создавались так или иначе только посредством эксплуатации живого труда.

Принципиально важным и в теоретическом плане одним из основополагающих положений в политэкономическом описании Маркса является его ложное допущение о том, что «капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на заработную плату». (т. 25, с. 216). Т. е. иными словами, выходит, Маркс уверен, что всякая прибыль – это неминуемо обязательно лишь перераспределенная по всей экономике прибавочная стоимость производственной сферы, как бы вовсе не имеющая собственного генезиса. К огромному сожалению, классик даже гипотетически не пытается рассмотреть вариант, при котором в экономике (или даже хотя бы только в производстве) вообще отсутствует производительный живой труд, а ведь совершенно очевидно, что в этом случае прибыль была бы вполне возможна и без наличия какой-либо прибавочной стоимости.

Любопытны следующие характерно извращенные как бы футуристические рассуждения классика (разберем каждое это его высказывание отдельно).

этом прежде всего согласиться и подчеркнуть, что эти «затраты» должны быть практически тождественны авансированному капиталу в любых иных экономических условиях.

Правда, во внерыночной экономике вряд ли стоит рассчитывать на «эквивалент», т. к. именно только рынок в силах сделать сколь-нибудь адекватную, т. е. «эквивалентную» оценку всех «затрат». Далее, не менее удивительным является и утверждение, что рабочие («из двух различных отраслей труда») каким-то невероятным образом создали бы равные количества новой стоимости в течение одного и того же количества рабочего времени. Ведь даже однойцовые близнецы на самом деле, естественно, не в силах это сделать, не говоря уже о том, что речь идет о различных по качеству видах труда. В случае, если речь идет об «абстрактном среднем простом общественно-необходимом труде», ясно, что на практике никто и никогда не в силах определить ни количество, ни качество такого труда. Кроме того, понятно и то, что его величина практически ни в коем случае не может считаться корректной, т. к. это фактически тоже самое, как определить «среднюю температуру по больнице»).

Примечание. Сравните с уже изложенным нами выше в § 28 и в § 22, гл. 9.

5) «Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы их необходимых потребностей, причем результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль, – стоимость, выраженную в продукте, например, десятичасового рабочего дня» (*т. 25, с. 192*).

(Главный вопрос социалистической экономики – каким именно образом эти работники-капиталисты осуществляли бы на практике межотраслевой обмен? Т. е. принципиально важно, каким образом или способом производился бы (и кем именно) расчет зарплаты в каждой из отраслей и на каждом предприятии, нужной (или «нормальной») прибавочной стоимости или прибавочного труда, величины необходимых потребностей? Очевидно и бесспорно одно: добиться того, чтобы рабочие из «различных отраслей труда» получали справедливую, объективную или «равную заработную плату плюс равная прибыль» (т. е. «стоимость, выраженную в продукте, например, десятичасового рабочего дня»), в принципе невозможно!)

6). «Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, соответствовали приблизительно их стоимостям, требуется лишь: 1) чтобы обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или только единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматри-

ная стоимость, которая в нем содержится, а средняя прибыль; 2) что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом от его стоимости, входит как элемент в издержки производства другого товара, так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потребленных на него средств производства независимо от того отклонения, которое для самого этого товара получается вследствие разницы между средней прибылью и прибавочной стоимостью» (т. 25, с. 225–226). И еще: «конкуренция выравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства» (т. 25, с. 227). Т. е. в конечном итоге получается, что именно изменение средней нормы прибыли и цены производства приводит к изменению величины трудовой стоимости, т. к., по мнению самого же Маркса, даже теоретически далеко «не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства». В какой раз возникает вопрос о практическом смысле вообще самой по себе теории трудовой стоимости?

Примечание. Маркс достаточно логично поясняет обнаруженную дилемму: «В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно, что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров» (т. 25, с. 227).

Далее Маркс подчеркивает: «Но чего конкуренция не обнаруживает, так это того, что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их. Зато конкуренция обнаруживает, напротив: 1) средние прибыли, независимые от органического строения капитала в различных сферах производства, следовательно, независимые и от массы живого труда, присваиваемого данным капиталом в данной сфере эксплуатации; 2) повышение и понижение цен производства вследствие изменения заработной платы – явление, на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров; 3) колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной стоимости, а к уклоняющейся от нее, весьма отличной от нее рыночной цене производства». После вышесказанного он вновь достаточно навязчиво указывает, что нам якобы лишь «кажется, что все эти явления противоречат в равной степени и определению стоимости рабочим временем, и природе прибавочной сто-

сит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал» (*т. 25, с. 162*), т. к. именно от наличия и величины переменного капитала, по Марксу, зависит прибавочная стоимость: «При данной норме прибавочной стоимости масса ее, очевидно, зависит от массы переменного капитала». Таким образом, «в различных сферах производства равновеликие капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, неодинаково разделяются на постоянный и переменный элементы, приводят в движение неодинаковое количество живого труда и, следовательно, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, а потому и прибыли, то норма прибыли, которая как раз и есть процентное отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, у них различна» (*т. 25, с. 163*).

Даже если согласиться с Марксом, что «Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно такое же, как строение среднего общественного капитала. Цена производства товаров, производимых в этих сферах, полностью или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах», стоимость ни в коем случае не «составляет математический предел цены производства» (*т. 25, с. 189*), как утверждает классик, т. к. эти цены, по логике самого Маркса, колеблются возле величин стоимости в этих сферах, а значит, вполне допустимо, что они могут быть и выше «стоимости выраженной в деньгах». Кстати, само по себе выражение «стоимость, выраженная в деньгах» уже некорректно в силу своей очевидной абсурдности, т. к. это «выражение» в реальности всегда необходимо именно цена, которая естественно выражает рыночную конъюнктуру или соотношение спроса и предложения на данный товар. Как это не видел Маркс, просто уму не постижимо. Иначе говоря, адекватное или корректное денежное выражение просто немислимо, о чем убедительно свидетельствуют реалии всякой вне рыночной экономики. Там, где цены устанавливаются умозрительно, т. е. неизбежно искусственно волюнтаристским путем, рассчитывать на эффективность хозяйственной деятельности без насильственных механизмов принуждения не приходится, межотраслевые диспропорции и дефицит практически неизбежны.

Далее Маркс утверждает, что «эта средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Следовательно, норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, равная норме прибыли в тех средних сферах производства, где господствует среднее строение капитала». Отсюда он делает весьма странный, ничем собственно не обоснованный

1) «Решающий пункт выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала».

(Более, чем странное утверждение: если указано на факт владения и использования средств производства, т. е. постоянного капитала, то как продукт их использования может быть не продуктом этого капитала?)

2) «Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом независимо от различной стоимости применяемых средств производства потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один товар может быть изготовлен в один час, другой – только в течение целого дня и т. д.»

(Здесь, к сожалению, Маркс не рассматривает случая, где товар изготавливается длительный период времени, например год или два. Каким именно образом были бы организованы адекватный обмен и распределение между рабочими таких предприятий и/или отраслей экономики (например судостроение, строительство железных дорог, туннелей и т. п.)?)

3) «Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причем принимаются в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д.»

(Очевидно, что здесь как раз такие допущения совершенно неуместны. Нужно, напротив, показать и подчеркнуть все возможные и мыслимые качественные различия в труде, которые «принять в расчет» можно на самом деле только лишь на словах. Впрочем, также невозможно сопоставить различную интенсивность труда даже в течение одного рабочего часа специалистов в различных сферах человеческой деятельности).

4) «Тогда двое рабочих [из двух различных отраслей труда] в товарах, составляющих продукт их дневного труда, воспроизвели бы, во-первых, эквивалент своих затрат, т. е. издержек средств производства, потребленных в процессе их труда. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно – стоимость, присоединенную к средствам производства в течение рабочего дня» (*т. 25, с. 192*).

(Странное представление, если уж говорить о том, что работяги в своих товарах воспроизводят «эквивалент своих затрат», то следует при

ваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, приобретаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3), поскольку речь идет о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости или не принуждала их уступать ниже ее» (т. 25, с. 194).

(В этом высказывании Маркс лишь в очередной раз подтверждает всю утопичность своих политэкономических представлений. Здесь сразу оправданно возникает целый ряд не менее важных принципиальных вопросов: Каким образом может быть исключен единичный или случайный обмен, при стремлении удовлетворить каждую возникающую потребность? Каким образом можно добиться того, чтобы товары постоянно производились в соответствии со спросом и/или потребностями? Каким образом, исходя из опыта, до сих пор «приобретаемого при сбыте», который «таким образом возникает как результат длительно существующего обмена», можно определить будущие или вновь возникающие потребности и спрос, их количественный и качественный аспект? Каким образом в условиях всеобщей государственной монополии, максимально возможной концентрации и/или централизации капитала осуществлять весь обмен или торговлю строго в соответствии с трудовыми стоимостями, если они сами по себе в этих условиях в принципе неопределимы? Ведь величина общественно необходимых затрат среднего труда может быть как-то определима, и то исключительно теоретически или абстрактно, только в условиях рыночной экономики. Кроме того, любая монополия предполагает злоупотребление монопольными возможностями хоть в завышении цены, хоть в неадекватном ее занижении).

Исходя из того, что изменения производительности труда приводят к изменению нормы прибыли или рентабельности, в соответствии со своей изначальной установкой Маркс приходит к выводу, что «Всякое изменение цены производства товаров в конечном счете сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара А, может быть уравновешено противоположным изменением товара В, так что общее отношение остается неизменным. Мы видели, что отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того: 1) что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавоч-

имости, состоящей из неоплаченного прибавочного труда». Более того, по его извращенному мнению, ни в рамках схоластических абстракций ТТС и ТПС наводится тень на плетень, а в конкуренции, где все ценное как раз только и проявляется в действительности, оказывается, что «все проявляется в искаженном виде». Вся эта его ангажированная позиция оправдывается им лишь тем утверждением, что «Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, выравнивание различных норм прибыли отдельных сфер производства в общую норму прибыли отнюдь не совершается исключительно путем отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами» (т. 25, с. 228–229).

§ 26. О РОЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРИБЫЛИ В МЕЖОТРАСЛЕВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИБЫЛИ

«Рынок капиталистического общества выполняет также работу, в результате которой капитальные блага распределяются по различным отраслям промышленности»
(Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 537).

Милль полагал, что «Норма прибыли в земледелии регулирует норму других прибылей», по мнению же Маркса, «Это в корне неверно, так как капиталистическое производство начинается в промышленности, а не в земледелии, и овладевает последним лишь постепенно, так что лишь с развитием капиталистического производства земельные прибыли выравниваются с промышленными и только вследствие такого выравнивания начинают оказывать влияние на промышленные прибыли» (т. 26, ч. 3, с. 97). Более того, Маркс считает, что «напротив, ренту абсолютно нельзя было бы объяснить, если бы промышленная прибыль не регулировала земельную» (т. 26, ч. 3, с. 98). Он специально подчеркивает решающую роль или значение промышленной прибыли в межотраслевом регулировании прибыли. Но как представляется, средняя норма прибыли в экономике дана благодаря выравниванию прибылей со всех форм капиталов, а не только лишь с промышленного капитала. Если в исторический период жизни Маркса промышленный капитал и действительно доминировал, то это вовсе не значит, что так было или будет всегда.

Примечание. В представлении Маркса «Средняя норма прибыли дана в промышленности благодаря выравниванию прибылей с капиталов и превращению вследствие этого стоимостей в цены издержек. Эта цена издержек

жек – стоимость авансированного капитала плюс средняя прибыль – образует ту предпосылку, которую земледелие получает от промышленности, так как в земледелии, вследствие собственности на землю, указанное выравнивание не может иметь места. Если затем стоимость земледельческого продукта выше, чем была бы цена издержек, определяемая средней прибылью в промышленности, то избыток этой стоимости над ценой издержек образует абсолютную ренту. Но для того чтобы этот избыток стоимости над ценой издержек можно было измерить, цена издержек должна представлять собой первичное или предшествующее, т. е. она должна быть навязана земледелию промышленностью в качестве закона» (*т. 26, ч. 3, с. 98*).

В этом контексте мы, конечно, не можем согласиться ни с Миллем, ни с Марксом в том, что только лишь исключительно «То, что потребляется производительно, всегда есть капитал. Это – особенно замечательное свойство производительного потребления. Все то, что потребляется производительно, есть капитал, и оно становится капиталом именно благодаря такому потреблению» (Милль)» (*т. 26, ч. 3, с. 99*), иначе нам следовало бы раздвинуть рамки марковского определения производительного капитала.

Просто умиляет следующее заявление Маркса: «Прибыль может быть получена также и путем надувательства благодаря тому, что один приобретает то, что другой теряет. Внутри одной страны потеря и выигрыш выравниваются. Не так обстоит дело во взаимоотношениях между различными странами» (*т. 26, ч. 3, с. 104*). Оно напоминает анекдот времен счастливого брежневского «Застоя»: жалуются Леониду Ильичу, что не могут никак покончить с воровством в стране развитого социализма, на что, немного подумав, генсек ответил вопросом: «А границы у нас надежны?» «Да, на замке!» – доложили ему. «В таком случае, ничего страшного, – ответил мудрый Ильич, – ведь все равно все в стране остается». Нелепое предположение о том, что в одной стране всякая потеря и выигрыш всегда выравниваются, конечно, ничем не может быть оправданно. Что касается международного или межгосударственного обмена, то, по словам Маркса, «даже с точки зрения теории Рикардо... – три рабочих дня одной страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны. Закон стоимости претерпевает здесь существенную модификацию. Или рабочие дни различных стран могут относиться друг к другу так, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому труду. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена» (*т. 26, ч. 3, с. 104–105*). Вот незадача – вновь оказывается, что «всеобщий» закон стоимости на практике претерпевает некую «существенную модификацию».

§ 27. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ТТС И ТПС, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРКСА

«...капиталист оплачивает рабочему весь его рабочий день и тем не менее получает прибыль» (*Д. Милль*).

«Действительная проблема» состоит в «том, каким образом возможно меновую стоимость товара А выразить в потребительной стоимости товара В» (*К. Маркс, т. 26, ч. 3, с. 151*).

Весьма любопытно то, как именно Маркс реагирует на фундаментальную трудность ТТС – несопоставимость и неизмеримость труда. Упомянув возражение или высказывание оппонента о том, что «товарные стоимости нельзя измерять рабочим временем, если рабочее время в одной отрасли не равно рабочему времени в другой отрасли, так что товар, в котором воплощено, например, 12 часов труда инженера, имеет вдвое большую стоимость, чем товар, в котором воплощено 12 часов труда сельского рабочего», Маркс, отвечая, сразу пытается нас убедить в том, что это возражение как бы лишь «сводится к тому, что, например, день простого труда не есть мера стоимости, если имеются другие рабочие дни, которые относятся к дням простого труда как дни сложного труда», а еще Рикардо якобы как-то даже «доказал, что этот факт не препятствует измерению товаров рабочим временем, если дано отношение между простым и сложным трудом». Дальнейшее же уместное замечание Маркса умиляет просто до глубины души: оказывается, при этом Рикардо как-то «правда, упустил изложить, как разбивается и определяется это отношение. Это относится к изложению вопроса о заработной плате и сводится, в конечном счете, к различию стоимости самих рабочих сил, т. е. к различию их издержек производства (которые определяются рабочим временем)» (*т. 26, ч. 3, с. 168*). Естественно, что никакого определенного соотношения между простым и тем или иным сложным трудом в принципе нельзя найти. Иными словами, ни в коем случае затраченное рабочее время не определяет и не может определить отношения между количествами различного по качеству труда. Вне всякого сомнения, это отношение по необходимости всегда остается неопределенным и неопределимым. Неужели Маркс не замечал и не понимал этого?

Кроме того, критикуемый Марксом Бейли правильно указывает на то, что здесь следует обратить внимание и на влияние вообще времени производства на стоимость, ведь если один товар требует для своего производства больше времени, чем другой, то его стоимость, как кажется, должна быть больше, даже если он не требует большего количества капитала и труда. Далее, кроме того, возникает резонный вопрос о возможности обмена товаров в соответствии с их трудовыми стоимостями, если:

1) некая часть товаров произведена без затрат живого труда или просто не имеет трудовой стоимости; 2) некоторые другие товары, произведены при абсолютной или ограниченной монополии; 3) а остальные товары производимы при совершенно свободной конкуренции. Все эти товары, по точному выражению Бейли, не только без разбора обмениваются друг на друга, но и как бы смешиваются друг с другом в процессе производства. Как бы в завершение он совершенно оправданно утверждает, что никакой анализ не в состоянии свести стоимость всего авансированного или инвестируемого капитала к количеству абстрактного рабочего времени. Как это ни удивительно, но Маркс, кажется, соглашается с правильностью этого замечания (*т. 26, ч. 3, с. 169–170*). Отметив, что это замечание Бейли «правильно», Маркс излагает свою позицию по данному ряду вопросов. Он прежде всего подчеркивает, что, оказывается, «монополия нас здесь не касается, так как мы имеем тут дело лишь с двумя категориями: со стоимостью и с ценой издержек». При этом, как это ни парадоксально, он говорит последовательно (с точки зрения ТТС) в целом правильные вещи: «Ясно, что превращение стоимостей в цены издержек оказывает двойное действие. Во-первых, прибыль, начисляемая на авансированный капитал, может быть выше или ниже той прибавочной стоимости, которая содержится в самом товаре, т. е. она может представлять больше или меньше неоплаченного труда, чем содержится в самом товаре. Это относится к переменной части капитала и к ее воспроизведению в товаре. Но помимо этого, точно так же и цена издержек постоянного капитала – или товаров, входящих в качестве сырья, вспомогательных материалов и орудий труда, вообще в качестве условий труда, в стоимость вновь произведенного товара, – может быть выше или ниже их стоимости». В итоге он делает буквально потрясающее признательное заявление: «Таким образом, в стоимость вновь произведенного товара входит такая отклоняющаяся от стоимости часть цены, которая не зависит от количества вновь присоединенного труда, т. е. от количества того труда, благодаря которому эти условия производства, обладающие определенными ценами издержек, превращаются в новый продукт» (*т. 26, ч. 3, с. 170*).

Более того, Маркс еще расширяет и углубляет свои объяснения следующим образом: «Вообще ясно, что то, что относится к различию между ценой издержек и стоимостью товара как такового – товара как результата процесса производства, – относится точно так же и к товару, поскольку он в форме постоянного капитала входит в процесс производства как ингредиент, как предпосылка. Переменный капитал, какова бы ни была связанная с ним разница между стоимостью и ценой издержек товара, возмещается определенным количеством труда, которое образует составную часть стоимости нового товара, безразлично, выражена

ли эта стоимость в его цене без изменения или она выше или ниже ее. Наоборот, эта разница между ценой издержек и стоимостью переносится в стоимость нового товара как уже предпосланный элемент, если речь идет о таком составном элементе стоимости, который входит в цену нового товара независимо от собственного процесса производства этого товара. Таким образом, разница между ценой издержек и стоимостью товара порождается двояким путем: путем разницы между ценой издержек и стоимостью тех товаров, которые образуют предпосылку процесса производства нового товара, и путем разницы между той прибавочной стоимостью, которая действительно присоединена к издержкам производства, и той прибылью, которая начисляется [на авансированный капитал]» (т. 26, ч. 3, с. 170).

В этих высказываниях Маркс, как видим, кажется, вполне определенно соглашается с тем, что обмен в реальности никогда не осуществляется в соответствии с трудовыми стоимостями, т. к. в стоимость вновь произведенного товара, как правило, входит все-таки некая величина («отклоняющаяся от стоимости часть цены»), которая не зависит от количества вновь присоединенного живого труда. Но здесь же, рассуждая далее, Маркс пытается убедить нас в том, что эта видимая сложность или противоречие очень легко объясняется и разрешается, ведь в его допущении «каждый товар, входящий в какой-нибудь другой товар в качестве постоянного капитала, сам выходит из другого процесса производства как результат, как продукт. И таким образом товар выступает попеременно то как предпосылка для производства других товаров, то как результат такого процесса производства, в котором существование других товаров есть предпосылка для его собственного производства. В земледелии (скотоводстве) один и тот же товар выступает то как продукт, то как условие производства» (т. 26, ч. 3, с. 170–171). Иными словами, он как бы намекает нам на то, что все эти «отклоняющиеся от стоимости части цены» – не что иное, как просто иные стоимости, т. е. эти величины выражают собой тоже не что иное, как затраты рабочего времени, пусть и не вновь присоединенного абстрактного труда. Как представляется, именно поэтому у Маркса абсолютно в любом случае «Это имеющее большое значение отклонение цен издержек от стоимостей – которое обусловливается капиталистическим производством – не изменяет того положения, что цены издержек по-прежнему определяются стоимостями» (т. 26, ч. 3, с. 172). В конечном итоге это по большому счету объясняется (исходя из изначально принятой ложной принципиальной позиции ТТС) тем, что «при обмене товаров прибыль реализуется только потому, что при обмене между товаром и трудом не имеет места обмен одинаковых количеств труда. Ибо при обмене одного товара на другой обмениваются

одинаковые количества труда, а когда товар обменивается на самый труд, то обмениваются неодинаковые количества труда, и капиталистическое производство покоится на неравенстве этого обмена» (т. 26, ч. 3, с. 173).

Т. е. две основные трудности ТТС, с точки зрения Маркса, заключающиеся первая, «в обмене между капиталом и трудом согласно с законом стоимости», а вторая «в том, что равновеликие капиталы, каково бы ни было их органическое строение, приносят равные прибыли – или общую норму прибыли», вполне разрешаются в объяснении «того, как стоимости превращаются в цены издержек». Причиной этого является то, что в производственном процессе в постоянном движении находятся «неравные массы непосредственного труда, следовательно, также и неравные массы неоплаченного труда, и, стало быть, не могут присваивать себе в процессе производства равную прибавочную стоимость или равный прибавочный продукт» (т. 26, ч. 3, с. 180).

Очень интересно то, как Маркс описывает и комментирует знаменитый пример Милля – «с выдержкой вина», который самым очевидным образом противоречит закону стоимости: «Случай этот состоял в следующем: некоторые товары задерживаются в процессе производства (например, вино в погребе) без всякой затраты труда на них; это – такой период, в течение которого они подвергаются действию тех или иных естественных процессов природы. (Таков, например, продолжительный перерыв в работе – не указываемый Миллем – в земледелии, а также в кожевенном деле, прежде чем там начинается применение некоторых новых химических средств.) И тем не менее это время учитывается как приносящее прибыль. Время, в течение которого товар не подвергается процессу труда, учитывается как рабочее время. (То же самое бывает вообще там, где имеет место более продолжительный период обращения)» (т. 26, ч. 3, с. 181). Милль по этому поводу замечает: приходится сказать, что как бы уже само по себе «время создает прибыль».

Маркс на это совершенно спокойно отвечает: «Все вышеупомянутые трудности при ближайшем рассмотрении сводятся, в свою очередь, к следующей трудности: Та часть капитала, которая в форме товаров входит в процесс производства как материал или орудие, никогда не присоединяет к продукту большей стоимости, чем та, какую она обладала до этого процесса производства. Это происходит потому, что она имеет стоимость лишь постольку, поскольку она есть воплощенный труд, и содержащийся в ней труд ни в какой мере не изменяется от того, что она входит в процесс производства. Она настолько не зависит от процесса производства, в который входит, и настолько зависит от общественно определенного труда, требующегося для ее собственного производства, что ее собственная стоимость изменяется, если для ее воспроизводства

требуется больше или меньше рабочего времени, чем содержится в ней. Поэтому как стоимость эта часть капитала входит в процесс производства, не изменяясь, и выходит из него тоже без изменений. Поскольку она вообще реально входит в него и изменяется, это есть изменение, претерпеваемое ее потребительной стоимостью, претерпеваемое ею самую как потребительной стоимостью. И все те операции, которым подвергается сырье или которые выполняют орудия труда, суть лишь процессы, которые они продельвают как определенное сырье и как определенные орудия труда (веретено и т. д.), процессы их потребительной стоимости, не имеющие как таковые никакого отношения к их меновой стоимости. Меновая стоимость при этом изменении сохраняется. Вот и все» (*т.* 26, ч. 3, с. 181–182). Как это меновая стоимость, т. е. цена не изменяется? Еще и как изменяется, разве не об этом говорит Милль? Трудовая стоимость молодого вина в процессе его старения или выдержки, кажется, не изменится или должна не изменяться, но вот продажная цена этого вина значительно ведь отклоняется от этой стоимости в большую сторону.

Предпринятая попытка сведения (или, точнее, изложения) этой по сути неразрешимой проблемы в рамках ТТС «к иной трудности» более чем сомнительна, т. к. ангажирована этой же самой ТТС. Как представляется, та часть капитала, которая в форме товаров входит в процесс производства как материал или орудие, может актуально присоединить к продукту большую ценность, тем самым, естественно, и большую цену, чем та, какую она обладала до этого процесса производства. Это может произойти уже только потому, что ее признанная ценность, или денежная цена всегда как-то изменяется во время осуществления процесса производства в зависимости от изменения рыночной конъюнктуры, которая, кстати, никоим образом не зависит от того, изменяется или не изменяется воплощенный или «содержащийся в ней труд» (ведь по определению ее собственная стоимость изменяется исключительно только, «если для ее воспроизводства требуется больше или меньше рабочего времени, чем содержится в ней»). Маркс согласен с тем, что поскольку она вообще реально входит в него, то она соответственно и изменяется. Но это изменение, претерпеваемое ею самую, осуществляется только лишь как потребительной стоимостью. Таким образом, все те операции или естественные процессы, которым подвергается, например, «молодое вино», суть лишь «процессы их потребительной стоимости, не имеющие как таковые никакого отношения к их меновой стоимости». Т. е., иными словами, получается, что меновая стоимость при этом изменении должна как-то сохраняться, но, тем не менее, цена все равно изменяется – «вот и все». По мнению Маркса, пресловутый пример Милля с «вином в погреб» может свидетельствовать только лишь о том, что «та прибавочная сто-

имость, которую капитал реализует в той или иной особой отрасли, не зависит от количества труда, применяемого этим особым капиталом» (т. 26, ч. 3, с. 342), но никак не о том, что капитал может быть источником ценности, независимым от труда.

Маркс иронизирует по поводу представления о том, что «все товары, входящие в процесс производства, увеличивают стоимость не только тем, что сохраняется их собственная стоимость, но и тем, что они создают новую стоимость благодаря тому, что они сами “трудятся”, а не только являются овеществленным трудом. Этим, конечно, устраняется всякая трудность. В сущности, это только перефразирование, переименование сэвских “производительных услуг капитала”, “производительных услуг земли” и т. д.» (т. 26, ч. 3, с. 183). Но сам по существу заданной Миллем проблемы – т. н. «самовозрастания цены вина», как видим, так ничего внятного он сказать и не смог...

Маркс явно одобряет мнение Дестюта де Траси и Рикардо о том, что на самом деле является богатством, приводя вот это как бы их высказывание: «”Так как не подлежит сомнению, что наши физические и духовные способности составляют наше единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей” (человеческих способностей), “труд того или иного рода” (стало быть, труд как реализация человеческих сил), “есть наше единственное первоначальное сокровище, и только благодаря такому применению создаются все те вещи, которые мы называем богатством... Несомненно также, что все эти вещи представляют только труд, создавший их, и что если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, они могут получать их только от ... того труда, от которого они происходят” (Рикардо)». Маркс подчеркивает: «Итак, товары, вообще вещи обладают стоимостями только как выражения человеческого труда – не поскольку они суть нечто сами по себе как вещи, а поскольку они суть воплощения общественного труда» (т. 26, ч. 3, с. 185). При этом он как бы подшучивает над различными представлениями о сущности стоимости, такими как:

1) «стоимость» создается ветром, огнем и т. д.;

2) создают «стоимость только те потребительные стоимости, те вещи, которые могут быть монополизированы. Как будто ветер или пар или вода могут быть применены как двигательные силы без обладания ветряной мельницей, паровой машиной, водяным колесом! Как будто люди, имеющие в своем владении и монополизирующие те вещи, обладание которыми необходимо для применения сил природы, не монополизируют также и этих сил природы!»

В итоге он излагает свою принципиальную позицию: «Я могу иметь сколько угодно воздуха, воды и т. д. Но факторами производства они

являются для меня только в том случае, если я имею те товары, те вещи, при употреблении которых они действуют как факторы производства» (т. 26, ч. 3, с. 186). Нельзя не заметить всей ограниченности этой изначальной позиции Маркса, она ущербна уже только потому, что все имеющиеся в жизни ценности он сводит лишь к «факторам производства» и/или воплощениям общественного труда. Еще более удивляет, даже потрясает его абсолютно ничем не оправданное и нелепое утверждение о том, что «затраченный труд и выданная заработная плата отнюдь не тождественны. Наоборот, затраченный труд равен сумме заработной платы и прибыли». Маркс считает, что иначе смешивают «затраченный труд» и ту часть затраченного труда, «за которую платит капиталист, применяющий этот труд» (т. 26, ч. 3, с. 194). Любой работодатель в условиях свободного рынка, вне всякого сомнения, платит нанятому работнику за весь его труд. Заявление о том, что каким-то образом затраченный труд и выданная зарплата могут быть тождественны или не тождественны друг другу, совершенно абсурдно, т. к. эти понятия корректно не могут быть сопоставимы. Сами по себе затраты труда корректно не измеримы или неопределимы, зарплата – это всегда договорная цена, результат рыночных торгов и/или оценки P_c как товара. Прибыль капиталиста в свободной экономике ни в коем случае не является и даже более того, не может являться неким неоплаченным трудом. Неоплаченный труд – это совершенно ложное представление или понятие ТТС. Правда, Маркс уместно напоминает нам, что «Мы здесь, конечно, всегда исходим из предположения, что цена товара равняется его стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 197) и при этом как бы углубляет свое пояснение: «действительно верно, что капиталист так же получает свою прибыль благодаря неоплаченному прибавочному труду своих собственных рабочих, как он ее может получить и благодаря тому, что он недоплачивает тому капиталисту, который ему доставляет его постоянный капитал; т. е. не уплачивает этому капиталисту части содержащегося в его товаре и не оплаченного этим капиталистом прибавочного труда (который именно поэтому и образует его прибыль). Это всегда сводится к тому, что он оплачивает товар ниже его стоимости. Норма прибыли (т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала) может повышаться как благодаря тому, что то же количество авансированного капитала становится объективно дешевле (в результате роста производительности труда в тех отраслях производства, где производится постоянный капитал), так и благодаря тому, что оно становится субъективно дешевле для покупателя, который оплачивает это количество капитала ниже его стоимости. Для покупателя оно всегда является в этом случае результатом меньшего количества труда» (т. 26, ч. 3, с. 197).

Иронизируя над тавтологией определения, что «повышение и падение нормы прибыли зависит от повышения и падения прибыли», Маркс объясняет свою иронию тем, что «Мы здесь оставляем в стороне ту прибыль, которая уплачивается, например, за время, когда капитал лежит без употребления в период производства, и т. д. Если, скажем, раньше требовалось два дня, чтобы доставить сырой материал, например уголь, от шахты к фабрике, а теперь для этого требуется только один день, то один рабочий день “сэкономлен”» (т. 26, ч. 3, с. 199). Просто никогда не следует забывать и выпускать из виду, что «Вообще, когда мы говорим о прибыли и о норме прибыли, то предполагается, что прибавочная стоимость дана и, следовательно, что все те факторы, которые влияют на прибавочную стоимость, уже оказали свое действие. Все это предполагается в качестве предпосылки» (т. 26, ч. 3, с. 235).

Примечание. Трудно понять Маркса, когда он говорит, что «где стоимость представлена не в деньгах, а в соответственной части самого продукта, эта “прибыль от отчуждения” выступает как абсолютно нелепая и невозможная» (т. 26, ч. 3, с. 206), как будто прибыль не может быть выражена в натуральном виде или не является прибавочным продуктом, который может быть выявлен в реальности лишь при обмене, как раз в процессе отчуждения. Милль, конечно, правильно понимает: «капиталист оплачивает рабочему весь его рабочий день и тем не менее получает прибыль» (т. 26, ч. 3, с. 207), и при этом она не возникает и не может возникнуть, хотя Маркс считает иначе, что нет никаких проблем из-за того, что издержки производства прибыли отличаются от издержек производства прибавочной стоимости, как и из-за того, что прибыль практически всегда отличается от прибавочной стоимости.

Возвращаясь к определению стоимости, Маркс делает важные пояснения своего ее понимания: «стоимость товаров определяется содержащимся в них рабочим временем, безразлично, содержится ли это рабочее время в сырье, в изношенных машинах или в том труде, который рабочий с помощью машин вновь присоединил к сырью. Поэтому если бы произошло постоянное (а не только преходящее) изменение стоимости сырья или машин, входящих в данный товар, – изменение, вызванное изменением производительности труда, производящего это сырье и эти машины, короче, содержащийся в товаре постоянный капитал, – и если бы в результате этого изменения для производства соответствующей составной части товара теперь требовалось большее количество рабочего времени, чем раньше, или же меньшее количество его, то товар в силу этого сам стал бы дороже или дешевле (при неизменной производительности того труда, который превращает сырье в продукт, и при неизменной величине рабочего дня). В результате этого издержки производства рабочей силы, т. е. ее стоимость, повысились бы или понизи-

лись бы». «Для отдельного капиталиста не безразлично, происходит ли повышение производительности труда (а значит, и падение стоимости рабочей силы) в его собственной отрасли производства или в тех отраслях, которые доставляют его предприятию постоянный капитал. Для класса капиталистов – для капитала в целом – это одно и то же» (*т. 26, ч. 3, с. 233*). В дополнение к сказанному Маркс указывает на то, что «Здесь еще можно было бы разобрать, как отношение постоянного капитала к переменному, а потому и норма прибыли, изменяется благодаря особой форме прибавочной стоимости, а именно удлинению рабочего времени за пределы нормального рабочего дня. В результате этого уменьшается относительная стоимость постоянного капитала, а также та пропорциональная часть стоимости, которую постоянный капитал образует в совокупной стоимости продукта» (*т. 26, ч. 3, с. 235*).

Маркс посчитал нужным еще следующим образом дополнить свои пояснения касаясь правильного понимания сущности стоимости (следует заметить, что оно оказалось весьма важным и полезным): «Часто кажется, ..., – будто количество труда является решением ошибочной или ошибочно понятой проблемы “неизменной меры стоимостей”, подобно тому как хлеб, деньги, заработная плата и т. п. раньше рассматривались и выдвигались в качестве такого рода доморощенного средства для решения этой проблемы. Эта ложная видимость получается у Рикардо оттого, что для него решающей задачей является определение величины стоимости. Вот почему он и не понял той специфической формы, в которой труд есть элемент стоимости, и в особенности не понял необходимости того, чтобы отдельный труд был представлен как абстрактно всеобщий и, в этой форме, как общественный труд. Поэтому Рикардо не понял связи образования денег с сущностью стоимости и с определением этой стоимости рабочим временем» (*т. 26, ч. 3, с. 139*).

Вдумайтесь только: оказывается, что решающей задачей ТТС, да и политэкономического учения самого Маркса является вовсе не «определение величины стоимости»? Более того, получается, что, изучив «Капитал», мы тоже так чуть ли как бы и не поняли «той специфической формы, в которой труд есть элемент стоимости, и в особенности не поняли необходимости того, чтобы отдельный труд был представлен как абстрактно всеобщий и в этой форме как общественный труд». Как будто, вся эта «гениальная» схоластическая идея Маркса, не призвана прежде всего, как раз творчески дополняя, обосновать и/или оправдать «определение величины стоимости», а в конечном итоге и саму ТТС или т. н закон стоимости.

Умиляет, то, как Маркс хочет нас убедить в том, что само по себе представление об абстрактном всеобщем общественно-необходимом среднем

простом труде уже объясняет, доказывает и чуть ли не наглядно показывает нам связь «образования денег с сущностью стоимости и с определением этой стоимости рабочим временем». Тем не менее, если величина самой по себе стоимости в действительности корректно не определима, то все дальнейшие измышления и мудреные схоластические построения ТТС и ТПС на самом деле теряют всякий практический смысл.

Продолжая, Маркс, как представляется, делает очень важное пояснение и последовательно необходимое углубление к своему определению прибавочной стоимости, которое, кажется, окончательно превращает ее в принципе неопределимую чистую теоретическую абстракцию: «прибавочная стоимость определяется не только своей собственной нормой, т. е. отношением прибавочного труда к необходимому, или делением рабочего дня между капиталом и трудом, его делением на оплаченное и неоплаченное рабочее время. Масса прибавочной стоимости, т. е. абсолютная величина прибавочной стоимости, определяется также и числом рабочих дней, одновременно эксплуатируемых капиталом. А эта масса рабочего времени, примененного при определенной норме неоплаченного труда, зависит для определенного капитала от того времени, в течение которого продукт задерживается в собственном процессе производства, не требуя труда или того же количества труда, какое требовалось раньше (например, вино в период его выдерживания в погребе, зерно, однажды посеянное в землю, кожи или другие материалы, которые в продолжение известного времени подвергаются действию химических сил, и т. д.), а также от продолжительности времени обращения товара, от продолжительности метаморфоза товара или от величины интервала между его завершением в качестве продукта и его воспроизводством в качестве товара. Сколько рабочих дней одновременно {если дана стоимость заработной платы, а значит, и норма прибавочной стоимости} может быть применено, зависит в общем от величины капитала, затрачиваемого на заработную плату. А только что упомянутые обстоятельства изменяют вообще совокупную массу времени живого труда, которую капитал какой-нибудь определенной величины может применить на протяжении определенного периода, например в пределах одного года. Эти обстоятельства и определяют абсолютное количество рабочего времени, которое может быть применено данным капиталом. Но это ничего не меняет в том, что прибавочная стоимость определяется исключительно своей собственной нормой, помноженной на число одновременно применяемых рабочих дней. Указанные обстоятельства определяют только последний из этих двух факторов – количество применяемого рабочего времени» (*т. 26, ч. 3, с. 236–237*).

Здесь особенно умиляют и вызывают буквально душевный трепет марксовы перлы по поводу того, что: 1) «если дана стоимость заработной

платы», то значит, тем самым уже дана и норма прибавочной стоимости, но, как представляется, еще ведь нужна величина и самой стоимости товара; 2) «совокупную массу времени живого труда... например в пределах одного года»; особенно впечатляет этот термин, если вспомнить о том, что речь идет о рабочем времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда; как на практике может быть вычислена совокупная масса времени живого труда, просто непостижимо; 3) при этом «это ничего не меняет в том, что прибавочная стоимость определяется исключительно своей собственной нормой, помноженной на число одновременно применяемых рабочих дней» – полный схоластический бред, исходящий из догматики ТТС.

Маркс утверждает, что «Если норма прибавочной стоимости дана, то ее величина зависит исключительно от величины авансированного (затраченного на заработную плату) капитала. Средняя заработная плата везде одна и та же» (т. 26, ч. 3, с. 238). Таким образом, получается, что выплаченная или фактическая совокупная заработная плата (цена всей Рс в социуме) всегда обязательно абсолютно тождественна величине трудовой стоимости всей использованной Рс, т. е. затратам абстрактного рабочего времени, необходимого для ее расширенного воспроизводства.

Примечание. При этом парадоксальным образом, по Марксу, «жизненные средства, хотя они и являются условием, предпосылкой существования производителей во время производства, не входят в самый процесс труда; в него не входит ничего, кроме предмета труда, средств труда и самого труда» (т. 26, ч. 3, с. 374).

Маркс далее следующим характерным образом продолжает это свое рассуждение: «Таким образом, если предположить (изначально, абсолютно невероятное и/или невозможное – Ю. М.), что прибавочный труд везде одинаков, а значит, одинаков и весь нормальный рабочий день (неодинаковости выравниваются отчасти тем, что один час сложного труда приравнивается, например, к двум часам простого труда), то величина прибавочной стоимости зависит исключительно от величины авансированного [на заработную плату] капитала», то в конечном итоге, кроме того, что эта абсолютно абстрактная прибавочная стоимость зависит только лишь от суммы затрат на зарплату, еще именно: «Поэтому можно сказать (не менее недопустимое – Ю. М.), что массы прибавочной стоимости относятся друг к другу как величины авансированных (на заработную плату) капиталов. Однако это не может быть сказано о прибыли, так как прибыль представляет собой отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, а в капиталах одинаковой величины их составные части, затрачиваемые на заработную плату, или отношение переменного капитала ко всему капиталу, могут

быть весьма различны и бывают весьма различны» (т. 26, ч. 3, с. 238–239). Нужно заметить, что и последнее высказывание Маркса, скорее всего, тоже не вполне корректно, т. к. цена совокупного авансированного капитала не может быть сводима или как-то сведена к его предполагаемой совокупной трудовой стоимости.

Примечание. Здесь, наверное, будет уместным привести еще и следующее подобное высказывание Маркса: «Если предположить, что продолжительность рабочего дня в различных отраслях производства (поскольку это не компенсируется интенсивностью труда, неприятностью труда и т. д.) одинакова, или, точнее, если предположить, что одинаков прибавочный труд, одинакова норма эксплуатации, – то изменение нормы прибавочной стоимости может произойти лишь в том случае, если заработная плата повышается или падает. Такого рода изменение нормы прибавочной стоимости, соответствующее повышению или падению заработной платы, различным образом влияло бы на цены производства товаров в зависимости от органического строения капитала» (т. 26, ч. 3, с. 344).

Для нас в данном случае вряд ли может иметь большой смысл дальнейшее погружение в схоластику нюансов ТПС Маркса.

Примечание. Утверждение Маркса о том, что «Итак, норма прибыли определяется, во-первых, нормой прибавочной стоимости, или отношением неоплаченного труда к оплаченному; и она изменяется, повышается или падает (поскольку это действие не парализуется движением других определяющих моментов), с изменением нормы прибавочной стоимости. Норма же прибавочной стоимости повышается или падает в прямой зависимости от производительности труда и в обратной зависимости от издержек производства заработной платы, или от количества необходимого труда, т. е. в обратной зависимости от стоимости труда. А во-вторых, норма прибыли определяется отношением переменного капитала ко всему капиталу» (т. 26, ч. 3, с. 239), – в первой своей части он совершенно схоластично исходит из ложных и ничем не оправданных допущений, что не может быть никак обоснованно. «Дело в том, что абсолютная величина прибавочной стоимости при данной норме прибавочной стоимости зависит исключительно от величины переменного капитала, которая при сделанном нами предположении определяется количеством одновременно применяемых рабочих дней, абсолютной величиной применяемого рабочего времени или лишь выражает это количество, эту величину. Норма же прибыли зависит от отношения этой, данной в переменном капитале, абсолютной величины прибавочной стоимости ко всему капиталу, т. е. от отношения переменного капитала ко всему капиталу». «Так как при исчислении нормы прибыли прибавочная стоимость M предполагается данной, а значит, предполагается данным также и v , то все изменения... могут происходить лишь из изменений в величине c , т. е. постоянного капитала» (т. 26, ч. 3, с. 239–240); «каковы бы ни были те причины, которые вызывают это изменение стоимости постоянного капитала, они всегда влияют на норму прибыли. В этом случае та же

масса сырья, машин и т. д. имеет больше или же меньше стоимости, чем прежде, потому что для их производства потребовалось больше или же меньше рабочего времени, чем прежде» (*т. 26, ч. 3, с. 241*). «Но раз уж дана норма прибыли, то масса прибыли зависит от величины применяемых капиталов. Крупный капитал с низкой нормой прибыли доставляет большую прибыль, чем малый капитал с высокой нормой прибыли» (*т. 26, ч. 3, с. 244*).

Нужно осознать, что для Маркса во всей этой его виртуозной интерпретации по большому счету важно одно – ведь хоть природа сама по себе и «производит, если говорить только о потребительной стоимости», тем не менее, ни в коем случае нельзя «смешивать здесь капитал с теми вещественными составными частями, из которых он состоит» и забывать, что единственной производительной силой, создающей стоимость, есть сила труда. Таким образом, производительная сила капитала есть не что иное, как то количество действительной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу. Именно поэтому Маркс полагает, что капитал и следует рассматривать прежде всего как производственное отношение (*т. 26, ч. 3, с. 244*). Конечно, вовсе не случайно Маркс считает уместным здесь нам напомнить, что «рента, ссудный процент, предпринимательская прибыль суть лишь различные формы “процента на капитал”, который в свою очередь сводится к “прибавочному труду рабочего”. Этот прибавочный труд представлен в прибавочном продукте. Капиталист является владельцем прибавочного труда или прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть капитал» (*т. 26, ч. 3, с. 247*).

§ 28. О СТОИМОСТИ И «ЭКВИВАЛЕНТНОМ» ОБМЕНЕ, СПРОСЕ И ПРЕДЛОЖЕНИИ

В извращенном представлении Маркса предложение и спрос «являются лишь дальнейшей формой развития отношения между покупателями и продавцами» (*т. 26, ч. 3, с. 99*). На самом деле, напротив, это как раз отношения между покупателем и продавцом есть лишь продолжение отношения между постоянно изменяющимися потребностями (или спросом) и имеющимся актуальным предложением.

Оказывается, в специфически ангажированном схоластическом представлении Маркса «предложение потребительной стоимости и предложение стоимости, еще только подлежащей реализации, отнюдь не тождественны, так как одну и ту же величину меновой стоимости

могут представлять совершенно различные количества потребительной стоимости» (*т. 26, ч. 3, с. 99*). Здесь нас не может не заинтриговать и сам вопрос о «различных количествах потребительной стоимости»: любопытно, о каких именно адекватных критериях или мерах измерения в данном случае может вообще идти речь? По словам Маркса (четкого ее определения, кажется, он так и не дал), это и «земля», и «воздух», и «естественные дуга», и «дикорастущий лес», и «капитал», и «труд», и «услуга», и «рабочая сила», и «продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям», т. е. это некая полезность, но непременно как бы материализованная в товаре, вне товарного тела она не существует. Неужели он полагал, что она измеряется физическими единицами измерения (тоннами, метрами, литрами и т. п.)? Ведь речь идет не о количествах товарных масс и даже не об их качестве, физических, химических, биологических и т. п. свойствах, а именно о количестве самой потребительной стоимости товара. Очевидно, что любые числовые характеристики не говорят о самом главном – о признанной социальной значимости, о полезности в целом или о ценности данного товара (об этом, помнится, пытался обстоятельно говорить Г. Г. Азгальдов, «Потребительная стоимость и ее измерение», 1971 г.)

Примечание. При этом Маркс последовательно обращает внимание на то, что «нет никакого основания для того, чтобы способность того или другого товара быть проданным по своей стоимости была пропорциональна предлагаемой... массе товара. Для покупателя мой товар существует прежде всего как потребительная стоимость. Покупатель покупает его как потребительную стоимость» (*т. 26, ч. 3, с. 100*).

Далее Маркс поясняет, что со стороны покупателя спрос точно так же может не соответствовать предложению продавца, как не тождественны друг другу предлагаемое продавцом количество той или иной потребительной стоимости и та стоимость, по какой он его предлагает. Однако при этом Маркс непостижимым образом полагает, что «все исследование о спросе и предложении сюда не относится» (*т. 26, ч. 3, с. 101*). Вообще, по странному мнению Маркса, «предложение и спрос... столь же различны, как потребительная стоимость и меновая стоимость».

Конечно, ТТС можно вполне оправданно упрекнуть в том, что она предполагаемую «стоимость из относительного свойства товаров в их отношении друг к другу превращает в нечто абсолютное». Но ее апологету Марксу представляется, что в этом отношении одного из ее основателей – «Рикардо следует упрекнуть только в том, что он не проводит строгого разделения между различными моментами в развитии понятия стоимости, – между меновой стоимостью товара, как она выступает или

проявляется в процессе обмена товаров, и бытием товара как стоимости в отличие от его бытия как вещи, продукта, потребительной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 126). Тем не менее, приводимое Марксом довольно точное критическое замечание анонимного автора просто так не отбросить: «сказать, как это говорит г-н Рикардо, что сравнительные количества труда, которыми произведены два товара, являются причиной того отношения, в котором оба товара обмениваются друг на друга, т. е. причиной меновой стоимости того и другого, – это нечто совсем другое, чем сказать, что меновая стоимость каждого товара означает то количество труда, которое его произвело, взятое вне всякого отношения к другим товарам или к существованию других товаров»; «как будто он полагает, что существует такая вещь, как меновая стоимость, не являющаяся относительной» (т. 26, ч. 3, с. 126). В ответ на эту вполне обоснованную критику Маркс просит нас сразу заметить, что каждый раз товар «обменивается, согласно предположению, по своей стоимости, а потому на эквивалент» (т. 26, ч. 3, с. 127–128). Со своей стороны, мы в ответ должны в первую очередь указать на некорректность этого его изначального допущения: даже если обмен, на минуту представим, действительно как-то осуществляется «по своим» стоимостям (т. е. часам затраченного рабочего времени некоего абстрактного или условного среднего общественно-необходимого простого труда), это никак, естественно, еще не в силах свидетельствовать об именно «эквивалентном» обмене. Ранее нами говорилось, что вообще даже уже сама по себе идея о некоей «эквивалентности» в обмене более чем сомнительна.

Уже отмечалось, что любые числовые характеристики свойств товара не говорят о самом главном – о признанной социальной значимости, эстетической привлекательности, о полезности в целом и/или о ЦЕННОСТИ данного товара. Поэтому указание Маркса на то, что всякий товар «реализует свою стоимость» как-то «в определенном количестве других потребительных стоимостей, на которые он обменивается, как бы ни изменялось количество этих потребительных стоимостей», звучит слишком ангажировано и самоуверенно глупо. Ведь ясно, что далеко не все товары вообще имеют стоимость (это признает и сам Маркс), поэтому, строго говоря, здесь речь должна идти не о трудовой стоимости, а о признанной на рынке ценности. Говоря словами Маркса, «отсюда с очевидностью следует, что то количественное отношение, в котором товары обмениваются друг на друга», кажется, «как потребительные стоимости, есть, правда, выражение их» не стоимости, а признанной ценности, т. е. иначе говоря – рыночной цены, т. к. одно и то же ценовое отношение выражается в совершенно различных количествах потребительных ценностей.

Но Маркс полагает иначе, по его как бы «философскому» или скорее софистическому парадоксальному мнению, «отсюда с очевидностью следует, что то количественное отношение, в котором товары обмениваются друг на друга как потребительные стоимости, есть, правда, выражение их стоимости, их реализованная стоимость, но не сама их стоимость, так как одно и то же стоимостное отношение выражается в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Бытие товара как стоимости не выражено в его собственной потребительной стоимости – в его бытии как потребительной стоимости. Стоимость товара проявляется в его выражении в других потребительных стоимостях, т. е. в том отношении, в каком эти другие потребительные стоимости обмениваются на данный товар».

Примечание. На всякий случай напомним, что под стоимостью товара каким-то невероятным образом Марксом подразумевается в конечном итоге не что иное, как именно затрата рабочего времени абстрактного труда. Маркс задает вопрос: «Если 1 унция золота = 1 тонне железа, т. е. если небольшое количество золота обменивается на большое количество железа, то разве в силу этого стоимость унции золота, выраженная в железе, больше стоимости железа, выраженной в золоте?» (*т. 26, ч. 3, с. 128*). Судя по всему, ему даже в голову не приходит вся степень очевидной некорректности формулировки этого его вопроса. Такое ощущение, что Маркс постоянно, притом чуть ли не намеренно путает понятие признанной ценности и трудовой стоимости.

Приведем и следующие по самой меньшей мере странные рассуждения классика: «То, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них труду, означает, что они равны, что они суть одно и то же, поскольку представляют одно и то же количество труда. Это, следовательно, вместе с тем означает, что каждый товар, рассматриваемый отдельно, есть нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, от его собственного бытия как потребительной стоимости» (*т. 26, ч. 3, с. 128*). Однако даже если представить себе немыслимое, что как-то измеряли и/или определили количество часов рабочего времени общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда по производству каждого вида товаров, то это все равно ни в коем случае не будет значить, что разные по качеству товары (речь не идет о потребительной стоимости!), смогут представлять собой «одно и то же количество труда». Разные по качеству товары и услуги в принципе не могут быть «равны», т. к. они суть не «одно и то же». Таким образом, «каждый товар, рассматриваемый отдельно» именно, как товар до момента обмена есть прежде всего некая предполагаемая ценность (во время обмена – признанная ценность), которая может быть выражена в цене (сначала предполагаемой, затем реальной, или рыночной).

Следующее высказывание Маркса, кажется, еще более запутывает описание: «Стоимость одного и того же товара, не изменяясь, может быть представлена в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей, сообразно с тем, выражаю ли я ее в потребительной стоимости того или другого товара. Это не изменяет стоимости, хотя и изменяет ее выражение. Точно так же и все те различные количества различных потребительных стоимостей, в которых можно выразить стоимость товара А, суть эквиваленты и относятся друг к другу не только как стоимости, но и как равновеликие стоимости, так что, когда эти весьма различные количества потребительных стоимостей замещают друг друга, стоимость остается столь же неизменной, как если бы она не получала выражения в совершенно различных потребительных стоимостях» (*т. 26, ч. 3, с. 128*). Т. е., иными словами, Маркс говорит, что затраты рабочего времени для производства одного и того же товара, не изменяясь, могут быть представлены в бесконечном количестве потребительных стоимостей. Это не изменяет затрат рабочего времени, хотя и изменяет их выражение. Очевидно, что Маркс здесь грубо игнорирует принципиальную несопоставимость и неизмеримость различных видов труда. Поэтому и его вся дальнейшая демагогия о возможности эквивалентного отношения различных товаров друг к другу или их эквивалентного обмена оказывается ничем не обоснованной вообще. Поэтому и представляется совершенно ложной или неоправданной вся основополагающая идея Маркса о том, что «Если товары обмениваются в том отношении, в каком они представляют одинаковые количества рабочего времени, то их бытие как овеществленного рабочего времени, их бытие как воплощенного рабочего времени, есть то, что их объединяет, то, что составляет их тождественный элемент. Как такие продукты труда, товары качественно суть одно и то же и различаются между собой лишь количественно, в зависимости от того, представляют ли они больше или меньше одного и того же, – а именно, рабочего времени. Стоимостями они являются как выражения этого тождественного элемента, а равновеликими стоимостями, эквивалентами они являются постольку, поскольку они представляют одинаковые количества рабочего времени» (*т. 26, ч. 3, с. 128–129*).

Как это ни удивительно, но здесь Маркс все-таки упоминает и некие предполагаемые трудности сопоставления. По материалистическому убеждению Маркса, кажется, что с какой-то оправданной точки зрения, чтобы товары были сравнимы в качестве величин, «они уже должны быть одноименными величинами, качественно тождественными». Но в действительности только однородные товары сравниваются в качестве каких-то величин на рынке. Считать трудозатраты единым началом абсо-

лютно всех товаров или совершенно различных вещей и еще к тому же их имманентной мерой ценности (по неадекватному или неосторожному выражению Маркса – «имманентная мера стоимости») – это, без сомнения, корректно не обоснованная и более чем сомнительная позиция.

Исходя из указанных выше ложных допущений, Маркс полагает, что только поэтому общественно необходимые затраты рабочего времени абстрактного среднего простого труда для производства одного товара могут быть каким-то невероятным образом представлены, выражены «в потребительных стоимостях других товаров как в ее эквивалентах». Но на самом деле это схоластическое утверждение не может быть никак оправданно, т. к. потребительные стоимости различных по качеству товаров как раз прежде всего предполагают обязательно различный по качеству труд. Таким образом, и сам отдельный товар как некая предполагаемая ценность, как бытие этого своего специфического имманентного начала неотличим от самого себя как потребительной стоимости, как оригинальной вещи – совершенно независимо от выражения ее потребительной стоимости в других подобных товарах. Маркс, ангажированный ТТС, считает, конечно, иначе: «сам отдельный товар как стоимость, как бытие этого единого начала, отличен от самого себя как потребительной стоимости, как вещи, – совершенно независимо от выражения его стоимости в других товарах. Как бытие рабочего времени товар есть стоимость вообще, как бытие количественно определенного рабочего времени он есть определенная величина стоимости». Маркс подчеркивает: «Наше “понимание” не имеет ни малейшего отношения к существенным признакам той вещи, о которой мы говорим». Ведь в его материалистически извращенном сознании «разнородные вещи должны рассматриваться как соответственные выражения одного и того же общего им всем единого элемента, элемента, совершенно отличного от их природного существования или внешнего вида» (*т. 26, ч. 3, с. 129*).

Удивительно, но Маркс даже мысли не допускает, что не «разнородные вещи» должны (?) выражать некий «общий им элемент» (меновую стоимость?), а напротив, это призван делать искусственно навязанный им, т. е. условный, абстрактный (адекватный задачам обмена) внешний для них элемент – ценность (которая находит свое выражение уже в конкретной рыночной цене).

Примечание. «Далее, мы еще найдем, что если наше “понимание” имеет какой-либо смысл, то стоимость какого-нибудь товара есть не только нечто такое, что роднит его с другими товарами и отличает его от других товаров, но что она есть такое качество, которым товар отличается от своего собственного существования как вещи, как потребительной стоимости» (*т. 26, ч. 3, с. 129–130*).

Маркс говорит о том, что «как стоимости товары суть общественные величины, – следовательно, нечто абсолютно отличное от их “свойств” как “вещей”». Но как мы знаем, только оцененные на рынке товары именно тем самым и «суть общественные величины». Таким образом, абсолютно отличным от свойств товаров как вещей являются их рыночные цены. В качестве ценностей товары представляют собой имманентные элементы рынка, а не только лишь «отношения людей в их производственной деятельности». Маркс говорит, что стоимость «предполагает обмен», но это ведь неправда. На самом деле это предполагаемая и признанная ценность предполагает обмен. Свободный обмен, осуществляемый в соответствии с рыночными ценами, больше имеет дело уже с деньгами, универсальным средством обмена, чем даже с самими вещами как таковыми. **Строго говоря, наличие трудовой стоимости свидетельствует только лишь о том, что данный товар является продуктом, произведенным живым трудом.** Но у Маркса понятие «стоимости» действительно предполагает и предусматривает очень многое, и «обмен продуктов» в т. ч., конечно, далеко не случайно, т. к. у него и общественное производство предполагает обмен, и обмен – процесс производства.

Примечание. Удивительно и непонятно, как или каким образом возможно, исходя из логики самого же Маркса, чтобы «при обобществленном труде отношения людей в их общественном производстве» были «не представлены как “стоимости” “вещей”». Как бы поясняя, он тут же говорит: «Обмен продуктами как товарами есть определенная форма обмена трудом и зависимости труда каждого человека от труда других, определенный способ общественного труда, или общественного производства» (*т. 26, ч. 3, с. 131*). Иначе говоря, у Маркса получается, что в обстоятельствах социалистического производства обмен продуктами не будет являться рыночным обменом товаров. Кроме того, при этом такой обмен трудом не будет предполагать «зависимости труда каждого человека от труда других», что само по себе не только невероятно, но уже совершенно нелепо или ложно.

По меньшей мере глупо принимать наблюдаемую видимость или реальность за нечто недействительное, но Маркс считает иначе, он не только сам поверил, но и нас пытается всячески убедить в том, что рыночная цена или реальная «меновая стоимость вещей» не определяется их свойствами как вещей. Обосновывает здесь он эту свою идею как бы лишь тем, что «До сих пор еще ни один естествоиспытатель не открыл, благодаря каким природным свойствам нюхательный табак и картины становятся в определенной пропорции “эквивалентами” друг для друга» (*т. 26, ч. 3, с. 131*).

Не желая замечать свойств самих вещей, свойств и способностей конкретных покупателей, основания спроса и причины возникновения

потребностей, возможностей и самих рыночных механизмов оценки, Маркс уверено утверждает, что в стоимости или здесь, точнее, в ценности, следует видеть только «лишь нечто относительное, отношение вещей к общественному труду, к покоящемуся на частном обмене общественному труду, в сфере которого вещи определены не как нечто самостоятельное, а как всего лишь выражения общественного производства» (т. 26, ч. 3, с. 131). Почему при этом ценность ни в коем случае не рассматривается как некий относительный результат столкновения субъективных рыночных мнений, – непостижимо. Более того, Маркс явно извращенно даже считает, что «Товары дают своей меновой стоимости это выражение в деньгах, прежде всего в цене, в которой все они представлены как материализация одного и того же труда, как всего лишь количественно различные выражения одной и той же субстанции» (т. 26, ч. 3, с. 131–132). Каким именно образом это может осуществляться на практике, он, как всегда, не поясняет.

Выраженная в цене, т. е. в деньгах, ценность того или иного товара в конечном итоге свидетельствует только об одном – рыночном или общественном признании действительности этой ценности. Ценность выражает не материальную или вещную субстанцию, а как бы общественное согласие или консенсус по поводу степени полезности или потребительской востребованности каждого данного товара (опять напомним, что есть товары, которые имеют цену, но не имеют стоимости). Естественно предполагаемая ценность, которую пытаются выразить в деньгах – в цене, вначале всегда выступает лишь как бы «идеально», т. е. мысленно и лишь в ходе реализации (продажи) товара на рынке преобразуется уже в реальную рыночную цену.

Примечание. Общественный труд, содержащийся в производственной продукции и услугах, естественно, необходимо в любом случае является отчужденным индивидуальным трудом. В цене этой товарной продукции это может быть выражено, естественно, лишь абстрактно (в терминологии Маркса – «идеально»). Чтобы абсолютно все товары можно было представить в своих ценах как одноименные и сравнимые величины, в марксовом понимании «они уже должны быть тождественны как стоимости». Но если в действительности всегда есть товары, не имеющие стоимости, то, значит, корректно может быть допустимым говорить лишь о том, что они должны быть как бы тождественны как признанные на рынке обществом ценности.

Маркс полагает, что «Для того чтобы два количества различных потребительных стоимостей могли быть приравнены друг к другу как эквиваленты, уже предполагается, что в некоем третьем они равны, качественно одинаковы и являются лишь различными количественными выражениями этого качественно одинакового» (т. 26, ч. 3, с. 136). Почему, например,

этим «третьим» не может являться сам по себе факт консенсуса о признании ценными или чего-то стоящими этих сравниваемых товаров – никак, к огромному сожалению, не поясняется. Это «третье» у Маркса всегда исключительно только трудовая стоимость.

Примечание. Маркс нас учит следующему: «Стоимость одного фунта кофе лишь относительно выражена в чае. Чтобы выразить ее абсолютно – даже в относительной форме, т. е. в ее отношении не к рабочему времени, а к другим товарам, – ее надо было бы выразить в бесконечном ряде уравнений со всеми другими товарами. Это было бы абсолютным выражением [в относительной форме] его относительной стоимости. Абсолютным выражением стоимости было бы ее выражение в рабочем времени, и посредством этого абсолютного выражения она была бы выражена как нечто относительное, но в рамках того абсолютного отношения, в силу которого она есть стоимость» (т. 26, ч. 3, с. 134). Далее Маркс учит и уточняет, что «То или иное количество труда не имеет стоимости, не есть товар, а есть то, что превращает товары в стоимости, то единое в них, в качестве выражения чего они качественно одинаковы и лишь количественно различны. Это – товары как выражение определенных количеств общественного рабочего времени» (т. 26, ч. 3, с. 136). Важным нюансом, на котором он здесь вполне последовательно настаивает, является необходимость того, чтобы товары при этом действительно как-то «могли измеряться содержащимся в них количеством труда, – а мерой количества труда является время, – разнородные виды труда, содержащиеся в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, к среднему труду, к обычному, необученному труду. Только тогда возможно измерять временем, одинаковой мерой, количество содержащегося в них труда. Труд этот должен быть качественно одинаков, чтобы его различия стали лишь количественными различиями, представляли бы лишь разницу в величине. Однако это сведение к простому среднему труду не есть единственное определение качества этого труда, к которому, как к единому началу, сводятся стоимости товаров. То обстоятельство, что количество содержащегося в каком-либо товаре труда есть общественно необходимое для его производства количество, что рабочее время есть, следовательно, необходимое рабочее время, – это – такое определение, которое касается только величины стоимости» (т. 26, ч. 137). Это «есть абстрактно всеобщий труд, который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте. Только посредством своего отчуждения индивидуальный труд действительно выражает себя как свою противоположность. Но товар должен обладать этим всеобщим выражением, прежде чем он отчужден». Более того, Маркс даже полагает, что «Эта необходимость выражения индивидуального труда как всеобщего труда есть необходимость выражения товара в деньгах. Поскольку эти деньги служат мерой и выражением стоимости товара в цене, товар получает это выражение» (т. 26, ч. 3, с. 137–138). Возникает вопрос: а как в таком случае будет выражаться производственная продукция в условиях социалистического производства, где так же, есте-

ственно, сохранится необходимость «выражения индивидуального труда как всеобщего труда», но, по предположению коммунистов, уже якобы где вообще не будет товарно-денежных отношений?

Как представляется, деньги на самом деле служат мерой и выражением не трудовой стоимости товара в цене, а его ценности в целом. Каждый раз, когда товар продан, превращен в деньги, его цена как бы начинает обладать самостоятельным, отличным от его признанной ценности, бытием. Но здесь Маркс почему-то игнорирует тот факт, что на самом деле согласно его же утверждению купля-продажа товаров за деньги никогда на практике не осуществляется в соответствии с их даже гипотетически предполагаемыми трудовыми стоимостями или затратами абстрактного рабочего времени, необходимыми для их производства.

Маркс возражает против «смешения “меры стоимости”, выраженной в деньгах как товаре наряду с другими товарами, с имманентной мерой и субстанцией стоимости» (*т. 26, ч. 3, с. 139*). Но в деньгах выражены всегда только цены и никогда стоимости, таким образом деньги – это мера цены, выражающую ценность товара, определяемую на рынке. Представление о «имманентной мере и/или субстанции трудовой стоимости» всякого товара мы не вправе считать хоть как-то оправданным. Все товары в любом случае никак не «могут быть сведены к труду, как к тому, что в них есть единого» (*т. 26, ч. 3, с. 140*), как в то верят или пытаются верить все адепты ТТС.

«Найденная» Марксом специфическая «абстрактная форма труда» лишь в его гипотетически-теоретических фантазиях или допущениях в силах выявить «себя как единое в товарах», но этого ему оказывается уже достаточным, чтобы «понять деньги». Для Маркса важно, что «превращение товаров в деньги», этот характерный признак всякой рыночной экономики, проникает «глубоко во внутреннюю суть» именно капиталистического производства. Согласно Марксу, чтобы это было возможно, недостаточно только того, что «все товары суть лишь выражения одного и того же единого начала, труда» (ведь труд, как он полагает, «только потому является их мерой, что он есть субстанция товаров как стоимостей»). Кроме того, еще нужно, чтобы при этом было проявлено специфическое различие «между трудом, поскольку он представлен в потребительных стоимостях, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости. Труд как основа стоимости не есть особый труд, не есть труд того или другого особого качества. Правда, последняя форма труда есть лишь взятая в абстрактном виде первая» (*т. 26, ч. 3, с. 140–141*). Иными словами, получается, что Маркс как бы признает, что цена – это абстрактная форма потребительной стоимости или в данном случае, точнее, ценности. Каким образом отсюда может следовать, что деньги уже

обязательно предполагают именно трудовую «стоимость и ее дальнейшее развитие», совершенно непонятно. Тем более, что Маркс сам здесь же замечает: «Если бы “предмет” потреблялся своими производителями как потребительная стоимость, если бы он не был всего лишь средством для присвоения других предметов, не был “товаром”, то, конечно, не могло бы быть и речи о стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 141). Но, вне всякого сомнения, представление о ценности этого продукта или «предмета» потребления все равно имело бы место, т. к. оставался бы в наличии некий потребительский спрос на него.

Маркс, вероятно из-за своей материалистической позиции, уверен и настаивает, что товары должны относиться друг к другу как такие предметы, «из которых каждый имеет стоимость и которые подлежат обмену в меру своей эквивалентности друг другу» (т. 26, ч. 3, с. 142). Он подчеркивает, что «то отношение, в каком они обмениваются, т. е. способность каждого из товаров покупать другие товары, определяется его стоимостью, а не эта стоимость определяется указанной способностью, которая является лишь следствием стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 143). Но как представляется, сами по себе товары никому, в т. ч. и друг другу, ничего не должны. Действительный рынок предполагает, напротив, свободу. Товары все разные, есть те, в издержках которых можно обнаружить затраты рабочего времени, есть те, которые не содержат в себе затрат труда вообще. Уже поэтому говорить о некоей предполагаемой эквивалентности товаров в абстрактных трудозатратах представляется по меньшей мере некорректным. То отношение, в каком они обмениваются, т. е. способность каждого из товаров покупать другие товары, определяется его признанной ценностью или рыночной оценкой, а не эта ценность определяется указанной способностью, которая является лишь следствием оценки этих товаров на рынке. Вряд ли может быть уместно или оправданно говорить о этой как бы мистической «способности вещи» как о чем-то внутренне присущем самой по себе вещи, т. к. это проявляющееся только в отношении к другим вещам свойство скорее является специфическим свойством именно только такого рода отношений. Таким образом, в итоге и получается, что важны не столько «способности самих по себе вещей», сколько способности и свойства акторов рынка.

Маркс далее еще как бы поясняет ход своих мыслей: «Обмен этот не есть такое отношение, в котором они находятся друг к другу как природные вещи. Это также и не то отношение, в каком они находятся, как природные вещи, к человеческим потребностям, ибо не степень их полезности определяет те количества, в каких они обмениваются друг на друга.

В чем же в таком случае их тождество, делающее для них возможным обмен друг на друга в определенной пропорции? В качестве чего они становятся способными к обмену?» Ведь они, по его мнению, «различаются между собой как треугольник и параллелограмм. Чтобы эти различные предметы можно было приравнять друг к другу, каждый из них, независимо от другого, должен выражать одно и то же единое начало» (т. 26, ч. 3, с. 146). Таким образом, непременно надо сказать, «в чем они тождественны» (т. 26, ч. 3, с. 147).

Дальнейшие глубокие схоластические рассуждения Маркса удивляют своей извращенностью радикальной ангажированности. Он считает, что если продукт производится «только как носитель стоимости, так сказать, как чек на определенное количество всех выражений общественного труда, то все продукты вынуждены, как стоимости, придавать себе форму бытия, отличную от их бытия как потребительных стоимостей. И именно это развитие содержащегося в них труда как труда общественного, развитие их стоимости обуславливает образование денег, необходимость того, чтобы товары выражали себя по отношению друг к другу как деньги, т. е. как самостоятельные формы существования меновой стоимости; – а это возможно для них только благодаря тому, что они выделяют один товар из общей массы товаров, все измеряют свои стоимости в потребительной стоимости этого выделенного товара и поэтому превращают содержащийся в этом исключительном товаре труд непосредственно во всеобщий, общественный труд» (т. 26, ч. 3, с. 147). Но если продукт производится как ценность или товар, то он непременно должен быть как-то оценен на рынке, что найдет свое выражение в его рыночной цене, или, говоря иначе, в деньгах. Какое к этому имеет отношение общественный труд – одним только лишь adeptам закона стоимости и может быть известно. Деньги, естественно, выражают собой не что иное, как самостоятельную форму существования ценности или цены. Все измеряют свои ценности в общепризнанной форме ценности – этого выбранного универсального средства обмена. В конечном итоге в обществе возникают привычка и традиция рассматривать ценность товаров не только в их отношении друг к другу, а и как необходимое отношение к некоторому третьему участнику рыночного процесса – деньгам, превращающие цену из чисто количественного отношения, в котором товары обмениваются друг на друга, в нечто, от этого отношения не зависящее.

Марксу, конечно, не понравился бы такой подход, т. к. он приводит к очевидной фикции понятия стоимости. Ему важно как раз иное – убедить нас в том, что каким-то невероятным таинственным или мистическим образом «Вот оно. Стоимость = цене. Между ними нет никакой разницы.

И не существует никакой “внутренней” разницы между денежной ценой и всяким другим выражением цены, хотя в действительности именно денежная цена, а не цена в сукне и т. д., выражает номинальную стоимость, всеобщую стоимость товара».

Примечание. В его ложном схоластическом представлении «хотя товар имеет тысячу различных видов стоимости или тысячу различных цен, столько видов стоимости, сколько существует товаров, все эти тысячи выражений всегда выражают одну и ту же стоимость. Это – лучшее доказательство того, что все эти различные выражения суть эквиваленты, которые не только могут заменять друг друга в выражении, но и заменяют друг друга в самом обмене» (*т. 26, ч. 3, с. 148*). Далее он уточняет: «Одно и то же отношение товара, о цене которого идет речь, выражается в тысяче различных “меновых отношений” ко всем различным товарам, и тем не менее здесь выражается всегда одно и то же отношение. Следовательно, это отношение, остающееся равным себе, отлично от тысячи своих различных выражений, или стоимость отлична от цены, а цены суть лишь выражения стоимости: денежная цена есть ее всеобщее выражение, всякая другая цена – то или иное особое выражение» (*т. 26, ч. 3, с. 149*). Он делает важное замечание: стоимость – все же это не отношение вещей между собой, «она есть лишь выражение в вещах, вещное выражение отношения между людьми, общественного отношения, – отношение людей к их взаимной производственной деятельности» (*т. 26, ч. 3, с. 150*). Повторимся: Маркс полагает, что стоимость труда прежде всего зависит от количества абстрактного труда, употребленного в процессе производства соответствующей рабочей силы: «В чем состоит тот труд, которого стоит производство рабочей силы? Если оставить в стороне труд по образованию рабочей силы, по воспитанию, по ученичеству, – а когда речь идет о неквалифицированном труде, все это почти не идет в счет, – то воспроизводство рабочей силы не стоит никакого другого труда, кроме того труда, который требуется для воспроизводства потребляемых рабочими жизненных средств. Усвоение этих жизненных средств не есть “труд”» (*т. 26, ч. 3, с. 150–151*).

«Действительная проблема» в понимании Маркса состоит в ответе на вопрос о «том, каким образом возможно меновую стоимость товара А выразить в потребительной стоимости товара В» (*т. 26, ч. 3, с. 151*). В другом месте по этому поводу он говорит: «Потребительная стоимость выражает природное отношение между вещами и людьми, фактически – бытие вещей для человека. Меновая стоимость представляет собой значение, привитое к слову Wert (= потребительная стоимость) позднее, в результате общественного развития, создавшего меновую стоимость. Это есть общественное бытие вещи» (*т. 26, ч. 3, с. 307*). Маркс, как обычно, совершенно неоправданно отождествляя (фактически путая) стоимость и цену, говорит, что всякое производство основано на постоянном необходимом сравнении стоимости в один период со

стоимостью в другой период. Эта или подобная неприемлемая подмена понятий, естественно, приводит к грубейшим заблуждениям, первым из которых является недооценка рынка как единственного адекватного средства оценивания необходимых издержек и произведенной товарной продукции, а вторым – неверная трактовка генезиса процента в экономическом процессе.

Например, Маркс говорит, что для правильного понимания стоимости важно понимать различие между выражениями «определять стоимость товаров рабочим временем» и «определять стоимость товаров стоимостью труда». Далее он поясняет: «Даже при предположении, что рабочие в различных отраслях производства работают одинаковое прибавочное рабочее время, отношение оплаченного рабочего времени к затраченному рабочему времени в различных отраслях производства различно, так как различно отношение затраченного непосредственного труда к затраченному накопленному труду» (*т. 26, ч. 3, с. 161*); «если товары продаются по своим стоимостям, то они дают неодинаковые прибыли, так как тогда прибыль равна той прибавочной стоимости, которая содержится в них самих» (*т. 26, ч. 3, с. 162*).

Однако нам дана не трудовая стоимость товара, а его ценность в целом, которая в ходе ее рыночной оценки выражается в цене, т. е. в деньгах. Поэтому мы не то, что «можем удовольствоваться незнанием того, что представляет собой стоимость» товара, мы в принципе даже не в силах знать или определять величину этой стоимости. Если ценности товаров как-то оценены, то значит, они представлены как денежные цены, т. е. они фактически уже сравнены. Но Маркс игнорирует эту наблюдаемую реальность и говорит о лишь «своих проблемах» как апологета ТТС: «для того чтобы представить стоимости как цены, стоимость товаров должна быть предварительно представлена как деньги. Деньги суть лишь та форма, в которой стоимость товаров выступает в процессе обращения» (*т. 26, ч. 3, с. 165*). Просто невероятное словоблудие тавтологии! Как или каким образом на практике что-то вне рыночной оценки может адекватно быть выражено в деньгах? Как деньги могут быть формой проявления стоимости в обращении, если они исторически имели место до появления самой трудовой стоимости, предполагающей именно капиталистическое, т. е. товарное производство в обстоятельствах свободного рынка?

Функционирование денег в качестве средства платежа, не нуждается и/или не предполагает никаких стоимостных отношений, в т. ч. и между товарами различных периодов. Весь наблюдаемый процесс обращения есть постоянное сравнение не стоимостей, а именно реальных или рыночных цен товаров в различные периоды.

Примечание. Маркс, зачем-то вспоминая о философии, говорит: «В действительности существует очень значительное различие между “мерой стоимости” (в смысле денег) и “причиной стоимости”. “Причина” стоимости превращает потребительные стоимости в стоимость. Внешняя мера стоимости уже предполагает существование стоимости. Золото, например, может служить мерой стоимости хлопка только при том условии, что золото и хлопок, как стоимость, обладают отличным от них обоих единым началом. “Причина” стоимости есть субстанция стоимости, а потому и имманентная мера стоимости» (*т. 26, ч. 3, с. 166*). Последнее, кажется, все-таки указывает на то, что для Маркса «причина стоимости» – это «субстанция стоимости», которая и есть ее «имманентная мера» или «величина стоимости». Таким образом, в конечном итоге выходит, что все эти термины тождественны лишь затратам рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда. Это получается и есть исчерпывающее определение как бы «магической» и «мистической» сущности трудовой стоимости.

Все обстоятельства, которые опосредствованно или непосредственно оказывают определяющее воздействие на конкретный выбор людей при обмене товаров, должны рассматриваться как причины определенной оценки или денежной цены, уже как бы предполагаемой ценности каждого из товаров. Это в действительности означает не что иное, как следующее: причиной цены товара, или мерой обмена между двумя товарами являются те обстоятельства, которые побуждают продавца или же покупателя и продавца считать нечто ценностью каждого конкретного товара. Нет никакого смысла говорить даже о самой возможности познания всех «обстоятельств», которые определяют цену товара. Конечно, они «ни в какой мере не познаны в результате того, что их квалифицируют как такие обстоятельства, которые воздействуют на “сознание” обменивающихся и которые в качестве таких обстоятельств присутствуют также и в сознании (а может быть, и не присутствуют или же присутствуют в виде искаженного представления) обменивающихся» (*т. 26, ч. 3, с. 166*). Вероятнее всего, они в силу необходимой имманентной спонтанности и эмоциональности всякого человеческого выбора в принципе не могут быть исчерпывающе познаны.

Маркс из-за своей материалистической позиции и ангажированности ТТС нелепо настаивает на том, что «Те же самые (не зависящие от сознания, хотя и воздействующие на него) обстоятельства, которые заставляют производителей продавать свои продукты как товары, – обстоятельства, отличающие одну форму общественного производства от другой, – придают их продуктам (также и для их сознания) не зависящую от потребительной стоимости меновую стоимость». Как представляется, иными словами, Маркс здесь как бы говорит, что рыночная цена

не зависит от спроса и потребностей потребителя. Вполне естественно, что «Сознание» производителей этих продуктов может совсем не знать, чем в действительности определяется стоимость их товаров, или что делает их продукты стоимостями, – для него, для сознания, это может и не существовать». Но не потому, что «Производители продуктов поставлены в такие условия, которые определяют их сознание без того, чтобы они обязательно это знали» (т. 26, ч. 3, с. 166), а потому, что гипотетически предполагаемая «трудовая стоимость» в рыночной реальности вообще не имеет и не может иметь никакого отношения к адекватному ценообразованию. Производителя интересует величина необходимых издержек его производства, т. е. их сумма цен (себестоимость), знание стоимости для них, если бы даже и было оно возможно, абсолютно не имеет никакого практического смысла. Дело в том, что в действительности люди употребляют «деньги как деньги», хорошо зная именно то, «что такое деньги» в реальности, а не в различных надуманных «теориях», т. к. «то, что представляют себе покупатель и продавец в акте обмена» в любом случае – это не трудовая стоимость или некая «субстанция стоимости», а конкретная денежная цена, каждого из обмениваемых товаров. Экономические реалии отражаются в сознании людей достаточно адекватно, иначе бы экономический процесс того же расширенного воспроизводства попросту не был бы осуществим. Таким образом, без сферы изучения «сознания» любое политэкономическое исследование обреченно на неоправданную ограниченность и схоластичную искаженность.

Примечательно, что Маркс, соглашаясь с тем, что «Рыночная цена определяется различными обстоятельствами, которые выражаются в соотношении между спросом и предложением и, как таковые, воздействуют на «сознание» людей, вступающих на рынке в торговую сделку», отмечает, что «При превращении товарных стоимостей в цены издержек учитываются «различные обстоятельства», которые воздействуют на сознание как «основания для компенсации» или представляются ему таковыми. Однако все эти основания для компенсации воздействуют на сознание капиталиста только как капиталиста и проистекают из самой природы капиталистического производства, а не из субъективного понимания покупателя и продавца. В головах покупателя и продавца они, наоборот, существуют как сами собой разумеющиеся «вечные истины». Т. е. для Маркса здесь принципиально важно вновь подчеркнуть свою извращенную материалистическую позицию, что «все основания... проистекают из самой природы капиталистического производства, а не из субъективного понимания покупателя и продавца» (т. 26, ч. 3, с. 167). Тем самым он сразу радикально ограничивает и искажает горизонты своих исследований.

§ 29. О ВЛИЯНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОСТОЯННОМ КАПИТАЛЕ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

У Маркса, как правило, при рассмотрении прибыли прибавочная стоимость предполагается уже всегда данной, кроме того, оставляется в стороне и увеличение интенсивности труда, особенно увеличение «естественной производительности».

По Марксу, всякий прибавочный продукт как бы должен являться потребительной стоимостью. Но при этом странным или непостижимым нам образом Маркс учит нас, что «Хотя всякая прибавочная стоимость представлена в каком-нибудь прибавочном продукте, прибавочный продукт сам по себе, напротив, не представляет прибавочной стоимости. {Допустим, что продукт вообще не содержит прибавочной стоимости, например, когда крестьянин владеет своими собственными орудиями (и, кроме того, своей собственной землей) и работает лишь ровно столько времени, сколько работает любой наемный рабочий для возмещения своей заработной платы, – скажем, 6 часов. Если бы год был урожайным, то крестьянин произвел бы вдвое больше продукта, но стоимость всего его продукта осталась бы прежней. В этом случае не было бы прибавочной стоимости, хотя имелся бы прибавочный продукт}» (*т. 26, ч. 3, с. 383*). В нашем же понимании (согласно логике самого Маркса), если бы крестьянин работал «лишь ровно столько времени, сколько работает любой наемный рабочий для возмещения своей заработной платы», то он получил бы только лишь исключительно необходимый продукт, избыток продукта урожайного года следует считать в этом случае земельной рентой или некоей сверхприбылью. Таким образом, никакого ни прибавочного продукта, ни тождественной ему прибавочной стоимости он при таких затратах рабочего времени не получил бы.

Маркс говорит, что «Так же и для капиталистического сознания. Иначе говоря: прибыль – это избыток стоимости продукта, полученного за определенное время, над стоимостью потребленного капитала. Или: избыток стоимости продукта над издержками производства продукта» (*т. 26, ч. 3, с. 384*). Но для капиталиста прибыль – это избыток цены продукта, полученного за определенное время, над ценой потребленного капитала или избыток рыночной цены продукта над себестоимостью, т. е. ценой всех необходимых издержек производства этого продукта. Если «масса продуктов или масса потребительных стоимостей как таковая вообще не определяет ни стоимости, ни прибавочной стоимости, ни прибыли» (*т. 26, ч. 3, с. 386*), то зато эта масса потребительных стоимостей или ценностей предопределяет спрос и предложение, таким образом и рыночные цены

этих товарных масс, а значит, в конечном итоге и возможность получения прибыли в ходе их реализации.

Маркс, кроме того, оправданно напоминает нам, что «избыток продукта создается не избытком примененного капитала над потребленным, а тем изменением, которое происходит в этой части потребленного капитала (при предположении, что речь идет не о тех отраслях производства, где, как в земледелии, масса продукта не зависит или может не зависеть от массы затраченного капитала и где производительность труда отчасти зависит от не поддающихся контролю природных условий)» (т. 26, ч. 3, с. 386). Для Маркса всегда прежде всего важно, что «капиталистическое производство... покоится, наоборот, на том, что часть труда присваивается без обмена» (т. 26, ч. 3, с. 390). В этом ложном постулате, в его понимании, скрыта, собственно, вся сущность данного способа производства.

Очевидно, что «Все, что увеличивает авансы, не увеличивая соответственно прибавочной стоимости, уменьшает норму прибыли, даже если прибавочная стоимость остается прежней; все, что уменьшает авансы, оказывает противоположное действие. Следовательно, поскольку величина основного капитала по отношению к оборотному капиталу – или различный оборот капитала – влияет на величину авансов, постольку она влияет на норму прибыли, даже если это никак не затрагивает прибавочную стоимость. Норма прибыли есть не просто прибавочная стоимость, исчисляемая на авансированный капитал, а масса прибавочной стоимости, реализованной в течение данного периода, т. е. в определенный отрезок времени обращения. Следовательно, поскольку различие основного и оборотного капитала влияет на массу прибавочной стоимости, реализуемой определенным капиталом в течение данного периода, постольку оно влияет на норму прибыли. Сюда входят два момента: различие в величине авансов (по отношению к реализованной прибавочной стоимости) и, во-вторых, различие в продолжительности того времени, на которое нужно производить эти авансы, прежде чем они возвратятся с той или иной прибавочной стоимостью» (т. 26, ч. 3, с. 404–405).

Отсюда напрашиваются следующие выводы. Главной прерогативой коммерческой деятельности является все-таки не поглощение чужого труда, а, во-первых, величина инвестируемого или авансируемого капитала и, во-вторых, скорость или период оборачиваемости этого капитала. Поэтому так важно то, что оказывает влияние «на время воспроизводства, или, точнее, на число циклов воспроизводства, совершающихся в определенный промежуток времени». Маркс дает убедительные пояснения о том, что здесь «существенное влияние оказывают два обстоятельства.

1. Более продолжительное нахождение продукта в сфере собственно производства.

«Во-первых, возможно, что один продукт для своего производства требует больше времени, чем другой, будь то более продолжительный отрезок одного года, или целый год, или больше чем один год. (Последнее, например, в строительстве, в скотоводстве и в производстве некоторых предметов роскоши)... Продукт может поступить в обращение, т. е. быть проданным, брошенным на рынок, только тогда, когда он готов» (т. 26, ч. 3, с. 405).

«Во-вторых, возможно, что после того как процесс труда закончился, продукт должен еще оставаться в сфере производства, чтобы подвергнуться воздействию естественных процессов, не требующих никакого труда или требующих относительно лишь совсем незначительного труда, – например, вино в погребе. И только по истечении этого срока капитал может быть воспроизведен. Очевидно, что здесь, каково бы ни было соотношение переменного и постоянного капитала, получается то же самое, как если бы было затрачено больше постоянного и меньше переменного капитала. Меньшую величину составляет прибавочный труд, как и вообще труд, применяемый здесь в течение определенного периода. Если норма прибыли одинакова, то это объясняется ее выравниванием, а не произведенной в данной сфере прибавочной стоимостью. Чтобы поддерживать процесс воспроизводства – непрерывность производства, – необходимо предварительно авансировать больше капитала. И опять-таки по этой причине здесь уменьшается отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу» (т. 26, ч. 3, с. 406–407).

«В-третьих, возможны перерывы в процессе труда во время нахождения продукта в процессе производства, как это происходит, например, в земледелии, а также в таких процессах, как дубление кож и т. д., где химические процессы создают перерыв в процессе труда, прежде чем продукт может перейти из одной фазы производства в следующую, более высокую. Если в такого рода случаях благодаря открытиям в области химии сокращается продолжительность этого перерыва, то производительность труда повышается, прибавочная стоимость увеличивается, а овеществленный труд авансируется процессу производства на более короткое время. Во всех тех случаях, где происходят перерывы в процессе труда, прибавочная стоимость меньше, авансированный капитал больше.

2. То же самое имеет место и тогда, когда тот или иной оборотный капитал вследствие отдаленности рынка оборачивается медленнее, чем оборотный капитал в среднем. Также и в этом случае авансированный капитал больше, прибавочная стоимость меньше, и меньше то отношение, в котором она находится к авансированному капиталу... В последнем случае капитал дольше задерживается в сфере обращения, в вышеуказанных случаях – в сфере производства» (т. 26, ч3, с. 407).

В этих хорошо описанных Марксом обстоятельствах ясно видна вся ложность ТТС и ТПС; чтобы подчеркнуть всю их сомнительность, нужно, кажется, лишь обратить внимание на влияние задержки капитала (прежде всего в сфере обращения) на величину общей нормы прибыли, и при этом, как бы параллельно в то же время, оценить степень влияния на нее затрат абстрактного рабочего времени в некоей сфере производства. Подчеркнем, что в понимании Маркса необходимое присвоение прибавочного труда в условиях капиталистических отношений всегда, притом обязательно опосредуется обменом в сфере обращения. Как в таких обстоятельствах может осуществляться обмен в соответствии с затратами рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда? Уму непостижимо.

Маркс необходимо считает иллюзией то, что «капитал существует с начала мира» (*т. 26, ч. 3, с. 414*), т. к. в его понимании капитал без прибавочной стоимости немислим. Тем не менее, он парадоксально признает: «в торговом капитале, ..., норма прибыли действительно определяется средним числом оборотов независимо от строения этого капитала, который, впрочем, состоит главным образом из оборотного капитала. Ибо прибыль торгового капитала определяется общей нормой прибыли» (*т. 26, ч. 3, с. 410*). Т. е. как раз то, что выступает чуть ли не основным контраргументом для его ТТС и ТПС, он считает как бы обоснованием для отрицания очевидного – того, что «капитал существует с начала мира». Маркс полагает существование капитала чуть ли не тождественным существованию капиталистического способа производства (*т. 26, ч. 3, с. 436*).

При этом, вероятно, считая, что данное его представление нуждается в пояснении, он отмечает два важных момента:

«Во-первых. Известное накопление богатства имеет место на всех ступенях экономического развития, а именно отчасти в виде расширения масштаба производства, отчасти в виде образования сокровищ и т. д. Пока в обществе преобладают “заработная плата” (т. е., по Марксу, в т. ч. собственный прибавочный труд или собственный прибавочный продукт – Ю. М.) и рента, т. е.,... – при таком состоянии общества “заработная плата” и рента являются также и главными источниками накопления. (Прибыль здесь сводится к прибыли купцов и т. д.). Лишь тогда, когда капиталистическое производство стало господствующим, ..., – лишь с этого момента прибыль становится главным источником капитала, накопления, того богатства, которое сберегается из дохода и употребляется с целью получения прибыли. Это вместе с тем предполагает (что подразумевается само собой, поскольку речь идет о господстве капиталистического способа производства), что “имел место значительный рост сил национального производства”» (*т. 26, ч. 3, с. 436–437*).

Любопытно, что в другом месте Маркс учил (да и Энгельс это тоже отмечал в «Дополнениях к Капиталу»), что именно купеческая прибыль и/или торгово-денежный капитал исторически стал первоисточником производственного капитала. Иначе говоря, прибыль (прежде всего, купеческая) и накопление капитала всегда играли в экономике если не решающую (в силу недоразвитости транспортной инфраструктуры и рынков), то значительную роль. Далее Маркс хотя и ангажировано (но исторически как бы оправданно, в смысле тогдашнего роста доминирования производственного капитала), зато последовательно продолжает: «Функция накопления, естественно, всегда переходит к тем, кто 1) присваивает себе прибавочную стоимость, и 2) среди тех, кто присваивает себе прибавочную стоимость, в особенности к тому, кто в то же время является агентом в самом производстве». В этом контексте интересен вопрос, к кому перейдет функция накопления, когда живой труд перестанет быть общественно необходимым и/или будет исключен из производственной сферы?

Второй момент, на который Маркс обращает внимание, просто умиляет: «Во-вторых. Раз в руки капиталистов правдами и неправдами перешло столько накопленного богатства, что они могут завладеть производством, то основную массу существующего капитала – по истечении известного времени, – можно считать возникшей исключительно из прибыли (дохода), т. е. из капитализированной прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 3, 437). Как будто и на самом деле капиталисты лишь завладевают чьим-то уже существующим производством, а не организуют или не создают новое производство; вне всякого сомнения, почти весь первоначальный капитал возник из торгово-денежной прибыли, никакого отношения вообще не имеющей к прибавочной стоимости, которой и по определению даже еще не существовало. По логике самого Маркса, лишь с доминированием производственного капитала становится допустимым представление, что основная часть существующего капитала является капитализированной прибавочной стоимостью.

По Марксу, для того чтобы труд развивался как общественный труд и повышалась производительная сила общественного труда, было необходимо, чтобы «первоначальное единство между работником и условиями труда» было преодолено разъединением и даже противоположностью труда и собственности («под последней следует понимать собственность на условия производства» – т. 26, ч. 3, с. 439). Говоря о том, что «самой крайней формой этого разрыва» является форма капитала, Маркс не поясняет, о какой именно форме капитала у него идет речь, скорее всего полагая, что концентрированное централизованное крупное машинное производство и есть эта самая «крайняя форма», при которой производительные силы

общественного труда якобы достигают самого мощного развития. Не объясняя целесообразность предполагаемого восстановления, Маркс указывает на то, что «Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания предрепают рабочий класс и все общество» (*т. 26, ч.3, с. 439*).

Как это ни удивительно в данном контексте, но Маркс (интерпретируя Джонса) совершенно верно и последовательно говорит и вполне здравые и уместные вещи: «Подобно тому как часть прибыли даже в том случае, когда промышленный капиталист применяет свой собственный капитал, считается процентом только потому, что этот вид дохода имеет отдельную форму существования, так на основе капиталистического способа производства, даже и тогда, когда работник владеет своими средствами производства и не нанимает никакого другого работника, эти средства производства рассматриваются как капитал, а та часть собственного труда работника, которую он реализует сверх того, что образует обычную заработную плату, выступает как прибыль, обязанная своим существованием его капиталу. Сам работник при этом оказывается разложенным на различные экономические типы. В качестве своего собственного рабочего он получает свою заработную плату, а в качестве капиталиста – свою прибыль» (*т. 26, ч. 3, с. 439–440*).

Коммунист Маркс, в отличие от своих оппонентов (в данном случае Джонса), уверен, что когда-нибудь в будущем неминуемо возникнет такой порядок вещей, при котором работники и капиталисты будут тождественны (*т. 26, ч. 3, с. 445*). Но в таком случае возникает вопрос, почему эту форму разделения труда и общественного производства, где имеются и процент, и прибыль, и капитал, и зарплата, нам не следует продолжать называть капиталистической? Или, с другой стороны, разве все эти имманентные элементы капитализма не будут присущи социалистическому способу производства? Кстати, Маркс здесь, к сожалению, ничего не говорит о том, как именно на практике могут быть осуществлены разделение и/или специализация труда самого этого работника на «рабочего» и «капиталиста». Кажется, «реальный социализм» указал единственно возможный путь такой специализации труда – всеобщий обязательный труд полуподневольных или подневольных эксплуатируемых государством работяг и сословие партийной номенклатуры управленцев, осуществляющих накопление государственного капитала. Судя по всему, и здесь, т. е. в случае «реального социализма» или государственного капитализма, «продукт рабочего выступает, во-первых, как чужой доход, во-вторых, как “сбережения” из дохода для покупки труда с целью получения прибыли, т. е. он выступает в качестве капитала»

(т. 26, ч. 3, с. 441). Функцию накопления общественного капитала осуществляет монопольный собственник – государство в лице необходимой партийной номенклатуры.

Продолжая, Маркс приводит «два основных факта», которые характеризуют капиталистическое производство.

«Во-первых, концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают выступать в качестве непосредственной собственности отдельного работника, а выступают как силы общественного производства, хотя вначале еще только в качестве собственности неработающих капиталистов. Последние являются в буржуазном обществе их опекунами и пользуются всеми плодами этого опекунства.

Во-вторых, организация самого труда как труда общественного посредством кооперации, разделения труда и соединения труда с результатами господства общества над силами природы. И тем, и другим путем капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще только в антагонистических формах» (т. 26, ч. 3, с. 442)

Как представляется, приведенные Марксом характеристики полностью подтверждают наше мнение о капиталистической сущности «реального социализма». Правда, в социалистических условиях «опекунами» работяг выступают уже партийные вожди и гос. чиновники, а не буржуа.

Примечание. «Различие между работниками, живущими за счет капитала, и работниками, живущими за счет дохода, относится к форме труда. В этом состоит все различие между капиталистическим и некапиталистическим способами производства. Напротив, если понятие производительных и непроизводительных работников брать в более узком смысле, то производительным трудом будет всякий такой труд, который входит в производство товара (производство охватывает здесь все акты, через которые должен пройти товар от первичного производителя до потребителя), каким бы ни был этот труд – физическим или нефизическим (научным), – а непроизводительным трудом будет такой труд, который не входит в производство товара и целью которого производство товара не является. Это различие нельзя упускать из виду, и то обстоятельство, что все другие виды деятельности в свою очередь воздействуют на материальное производство, и наоборот, абсолютно ничего не меняет в необходимости такого различения» (т. 26, ч. 3, с. 449).

Маркс говорит, что «Своим анализом политическая экономия разбивает те кажущиеся самостоятельными по отношению друг к другу формы, в которых выступает богатство». Судя по всему, принципиально важным для него является то, что в ходе этого анализа: «1) исчезает самостоятельная вещественная форма богатства, и оно просто выступает скорее как деятельность людей. Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством. Призрак товарного мира рассеивается,

и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда. Всякое вещественно прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда, кристаллизация процесса производства, мерой которого является время – мера самого движения».

(Здесь нельзя не отметить всю ложность этой изначальной установки. **«Социальным богатством», по-видимому, является все то, что таковым признано в каждый данный момент, а не только лишь сугубо «результаты человеческой деятельности».** Поэтому прозрачной ценностью есть как раз все то, что как-то не оценено или не является элементом товарного мира, т. е. невыражаемо в рыночной цене. Всякое, казалось бы, «вещественно прочное богатство», созданное трудом, не менее эфемерно, чем и представления о некоей его непреходящей ценности. Поэтому и наиболее ценным общепризнанным социальным богатством «является время – мера самого движения», каждой жизни или процесса расширенного воспроизводства, вообще всей общественной жизни, в целом).

«2) Те многообразные формы, в которых различные составные части богатства притекают к различным частям общества, утрачивают свою кажущуюся самостоятельность. Процент – это лишь часть прибыли, рента – только добавочная прибыль. Поэтому и процент, и рента растворяются в прибыли, а сама прибыль сводится к прибавочной стоимости, т. е. к неоплаченному труду. Но стоимость товара сама сводится лишь к рабочему времени»... «одну из форм присвоения этой прибавочной стоимости – земельную собственность (ренту) – она отрицает как бесполезную, коль скоро ее получают частные лица [а не государство]... Антагонизм, таким образом, сводится к антагонизму между капиталистом и наемным рабочим»... «Но с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются историческими, приходит конец заблуждению, рассматривающему буржуазный способ производства как естественный закон производства, и открывается перспектива нового общества, новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход» (т. 26, ч. 3, с. 446). «Очень хорошо», по мнению Маркса, классическая политическая экономия (в лице Джонса) говорит, оказывается, даже о том основополагающем материалистическом постулате т. н. «исторического материализма» («открытие» которого обычно приписывается самому Марксу), и о том, «как с изменением материальных производительных сил изменяются экономические отношения, а вместе с ними – социальное, моральное и политическое состояние народов» (т. 26, ч. 3, с. 447).

(Установка на то, что всякая прибыль сводится или сводима к прибавочной стоимости, которая, напомним, может быть получена лишь исключительно в производственной сфере экономики и именно только в результате якобы неоплаченных затрат рабочего времени абстрактного производительного труда, ни в коем случае не может быть приемлемой. Ни рента, ни процент по большому счету, естественно, не имеют вообще никакого отношения к гипотетически предполагаемой абсолютно абстрактной прибавочной стоимости. **Антагонизм капитализма не сводится «к антагонизму между капиталистом и наемным рабочим» (исторически являющимся на самом деле лишь имманентным антагонизмом крупного машинного производства) и/или не исчерпывается им, т. к. имманентным противоречием и/или дилеммой капитализма прежде всего является проблема необходимости отложенного потребления, т. е. между потреблением и необходимым накоплением, ценность которого находит свое выражение в проценте.** Из признания исторически ограниченным того или иного способа производства вовсе еще не следует, что может быть, например, когда-нибудь как-то преодолена дилемма между актуальным потреблением и необходимостью накопления капитала и т. п. **Т. е. существуют «естественные» законы экономики (и производства в т. ч.), которые неизменны в своей идеальной сущности, но при этом необходимо выражаются в периодически изменяющихся неких исторических формах.** По поводу пресловутой изначальной материалистической установки нами достаточно сказано в иных местах этой книги, здесь лишь коротко заметим, что в любом случае не одним только «изменением материальных производительных сил» определяется развитие биосоциума в целом).

В связи со сказанным интересно, как Маркс интерпретирует указание Джонса о том, что «увеличение “вспомогательного капитала” за определенные пределы зависит от роста знаний. Джонс говорит, что для роста “вспомогательного капитала” необходимы: 1) средства для сбережения добавочного капитала, 2) желание сберечь его, 3) какое-нибудь изобретение, дающее возможность в такой степени увеличить производительную силу труда, чтобы можно было воспроизводить добавочный капитал и производить на него прибыль. Что здесь необходимо в первую очередь, это – наличие прибавочного продукта, либо в его натуральной форме, либо превращенного в деньги» (т. 26, ч. 3, с. 458). Здесь же Маркс, как бы несколько повторяясь, излагает собственную позицию относительно данного вопроса: «Превращение части прибавочного продукта в “вспомогательный капитал” может происходить двояким способом: [во-первых,] путем увеличения существующего “вспомогательного капитала”, его воспроизводства в расширенном масштабе; [во-вторых,] путем открытия

новых потребительных стоимостей или путем нового применения старых потребительных стоимостей, а также путем изобретения новых машин или двигателей, в результате чего создаются новые виды “вспомогательного капитала”. Расширение знаний, конечно, является здесь одним из условий увеличения “вспомогательного капитала”, или, что одно и то же, одним из условий превращения прибавочного продукта или прибавочных денег (важное значение при этом имеет внешняя торговля) в добавочный “вспомогательный капитал”... Этот пункт насчет расширения знаний важен» (*т. 26, ч. 3, с. 458–459*). Здесь обращает на себя внимание тот факт, что Маркс игнорирует фундаментально важный аспект, на который указывал Джонс, – наличие самого по себе «желания сберечь» капитал. Марксу, скорее всего, он не нравился своей субъективностью и свидетельством о значении специфических необходимых индивидуальных качеств у капиталиста. Кроме того, Маркс здесь не отмечает и другой не менее важный аспект – увеличение величины «вспомогательного капитала» так или иначе ведет к увеличению длительности подготовительных или т. н. «окольных путей» экономического процесса, что естественным образом сразу влияет на образование процента.

По ходу Маркс, правда, делает другие дельные, но банальные замечания: «Накопление вовсе не обязательно должно непосредственно приводить в движение новый труд, оно может ограничиваться тем, что старому труду дается новое направление» (*т. 26, ч. 3, с. 459*). Кроме того, напоминает нам, что «” подвижность капитала и труда” вообще является реальной предпосылкой для образования общей нормы прибыли» (*т. 26, ч. 3, с. 462*). Указание же на то, что «С развитием капиталистического производства связано отделение науки от труда и в то же время – применение науки, как таковой, к материальному производству» (*т. 26, ч. 3, с. 462*), вряд ли может быть вполне оправданным, т. к. явно подразумевается именно развитие крупного машинного производства, т. е. исторически ограничено. Говоря о представлении, в котором предполагается, «во-первых, что источником накопления отнюдь не обязательно должна быть прибыль; во-вторых, что накопление “вспомогательного капитала” зависит от прогресса знаний» (*т. 26, ч. 3, с. 464*), Маркс почему-то не углубляется в этот очень важный аспект жизни всякого развитого биосоциума.

К общественному капиталу, без сомнения, следует относить весь накопленный культурно-научный опыт и/или багаж знаний. Кроме того, что этот интеллектуальный капитал постоянно как бы самовозрастает, а в экономической сфере оценивается, как и всякий товар, он вдобавок чуть ли не единственный «объективный» показатель уровня развития любой цивилизации, т. е. выражающий степень цивилизованности каждого общества. Карл Поппер верно это заметил.

Интересно, как Маркс комментирует ряд вполне обоснованных «обстоятельств, определяющих склонность к накоплению» у Джонса, состоящий из пяти пунктов:

- «1. Различия в темпераментах и склонностях народов;
2. Различия в распределении доходов нации между различными классами населения;
3. Различная степень развития гарантий надежного пользования сбереженным капиталом;
4. Различная степень возможности прибыльно и надежно вкладывать последовательные сбережения;
5. Различия в возможностях для различных слоев населения улучшать свое положение путем сбережений».

Странным и невероятным образом у Маркса, все эти пять причин сводятся, по существу, только лишь к тому трюизму, что «накопление зависит от той ступени развития капиталистического способа производства, которая достигнута той или иной определенной нацией» (*т. 26, ч. 3, с. 466*). Комментирует он их, тоже не особо заморачиваясь: «Возьмем прежде всего пункт 2. Там, где капиталистическое производство развито, главным источником накопления служит прибыль, т. е. капиталисты сосредоточивают в своих руках большую часть национального дохода, и даже часть земельных собственников стремится капитализировать свой доход.

Пункт 3. Юридические и полицейские гарантии возрастают по мере того, как капиталисты получают в свои руки управление государством.

Пункт 4. С развитием капитала растут и умножаются, с одной стороны, сферы производства, а с другой стороны, развивается организация кредита, позволяющая ссудодателям (банкирам) сосредоточивать в своих руках каждый сбереженный грош.

Пункт 5. При капиталистическом производстве улучшение положения человека в обществе зависит только от денег, и каждый может вообразить, что он когда-нибудь станет Ротшильдом.

Остается пункт 1. Не все народы имеют одинаковые данные для капиталистического производства. Некоторые самобытные народы, как например турки, не имеют для этого ни темперамента, ни склонности. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем средний уровень темпераментов и склонностей у самых различных народов. Капиталистическое производство, подобно христианству, по самому существу своему космополитично. Поэтому-то христианство и является специфической религией капитала. И тут и там имеет значение только человек. Сам по себе один человек стоит не больше и не меньше, чем дру-

гой. Для христианства все зависит от того, имеет ли человек веру, а для капитала – имеет ли он кредит. Кроме того, у первого сюда еще присоединяется, конечно, божественное предопределение, а у второго – случай, имеет ли человек деньги с самого рождения или нет» (т. 26, ч. 3, с. 467).

Со своей стороны, мы не можем не высказать своего мнения по поводу всего сейчас вышеизложенного.

Итак, по пункту 1. Более всего нас может впечатлить здесь у Маркса его признание того, что «Не все народы имеют одинаковые данные для капиталистического производства. Некоторые самобытные народы, ..., не имеют для этого ни темперамента, ни склонности», правда он считает, что это лишь «исключения». Его представление о том, что с развитием капиталистического производства создается некий «средний уровень буржуазного общества и вместе с тем средний уровень темпераментов и склонностей у самых различных народов», поражает своей натуралистичной наивностью и нелепостью. Что является критерием для определения «среднего уровня буржуазного общества» даже в условиях современной нам глобализации всех процессов и рынков? Что именно такое «средний уровень темпераментов» и, тем более, каков критерий определения этих уровней? О каких именно склонностях «у самых различных народов» идет здесь речь? И это – далеко не все вопросы, которые очевидным образом указывают на всю абсурдность этих представлений Маркса. Капиталистическое производство, конечно, «космополитично», с тем, что христианство тоже «космополитично», наверное, можно согласиться. Но что именно «поэтому-то христианство и является специфической религией капитала», уже, кажется, не бесспорно. «И тут и там имеет значение только человек. Сам по себе один человек стоит не больше и не меньше, чем другой. Для христианства все зависит от того, имеет ли человек веру, а для капитала – имеет ли он кредит. Кроме того, у первого сюда еще присоединяется, конечно, божественное предопределение, а у второго – случай, имеет ли человек деньги с самого рождения или нет». Как у первого, имеет значение «божественное предопределение», так и у второго решающую роль в судьбе играют врожденные специфические способности и призвание. Да, и тут, и там имеет значение только человек, но здесь у каждого человека (если угодно, у его Рс или способности к предпринимательству и накопительству) есть своя реальная рыночная цена. По большому счету, имеют как бы свою рыночную цену и целые народы со своими уникальными культурами, специфическими способностями, склонностями и темпераментами.

По пункту 2. Нельзя не согласиться с тем, что различия в распределении доходов нации между различными классами населения имеют колоссальное социально-экономическое значение. Но каким образом это

относится к обстоятельствам, определяющим «склонность к накоплению», не совсем понятно. Ведь это скорее относится к обстоятельствам, определяющим саму возможность накопления.

По пункту 3. Тоже относится и к «различной степени развития гарантий надежного пользования сбереженным капиталом» в разных государствах или политико-правовых системах. Нужно заметить, что надежность правовых гарантий вовсе не обязательно возрастает с приходом к власти капиталистов. Маркс недооценивал качества как самих по себе государственных, так и гражданских институтов по управлению социумом.

По пункту 4. «Различная степень возможности прибыльно и надежно вкладывать последовательные сбережения» на ограниченной географической территории, в той или иной природно-климатической зоне, очевидным образом негативно сказывается на склонности проживающего там народа к накоплению. Напротив, склонность этого народа к потребительскому кредиту может позитивно сказаться на развитии банковско-финансовой сферы и, значит, косвенно на ее накопительных возможностях.

По пункту 5. При капитализме улучшение положения человека в обществе зависит не исключительно от денег и даже не только от его индивидуальных способностей, но часто и от принадлежности к тому или иному социальному классу, слою, сословию или к той социальной среде, которая может дать дополнительные возможности или шансы к осуществлению социальной карьеры или роста (т. е. привилегированный доступ к «социальному лифту»). Надежда на прорыв обычно порождает желание целесообразного сбережения и накопления ресурсов для его осуществления.

§ 30. О НАКОПЛЕНИИ

В понимании Маркса накопление может быть постоянным, непрерывным процессом только при условии абсолютного возрастания населения («хотя относительно, по сравнению с применяемым капиталом, население и уменьшается»). «Увеличение населения выступает в качестве основы для накопления как постоянного процесса. Но это предполагает такую среднюю заработную плату, которая делает возможным непрерывное возрастание рабочего населения, а не только воспроизводство его». Т. е. получается, Маркс тем самым как бы признает необходимость постоянного роста потребления и благосостояния трудящихся в условиях и самой капиталистической системы. Кроме того, он согласен и с тем, что

«производство в ходе развития не только удешевляется, но и становится более многообразным» (т. 26, ч. 2, с. 599). Правда, он уточняет, что «Для экстренных случаев капиталистическое производство обеспечивает себя уже тем, что оно часть рабочего населения заставляет работать чрезмерно, а другую держит в запасе, в качестве резервной армии, на положении нищих или полунищих» (т. 26, ч. 2, с. 531). По большому счету, уже «Часть стоимости продукта, возмещающая износ основного капитала, представляет собой фонд накопления, который может быть использован тем, кто его применяет, для вложения в дело нового основного капитала (или же оборотного капитала)» (т. 26, ч. 2, с. 534).

Примечание. Важным нюансом, по Марксу, является то, что «такого фонда накопления не существует на тех ступенях производства и у тех наций, где нет большого основного капитала» (т. 26, ч. 2, с. 534).

Маркс в конечном итоге приходит к важному выводу, что «для того чтобы имело место накопление, во всех, по-видимому, сферах необходимо постоянное добавочное производство» (т. 26, ч. 2, с. 540). При этом он отмечает: «При воспроизводстве, совершенно так же как и при накоплении капитала, дело не только в том, чтобы возместить ту же самую массу потребительных стоимостей, из которых состоит капитал, в ее прежнем масштабе или в расширенном (при накоплении), но и в том, чтобы возместить стоимость авансированного капитала с обычной нормой прибыли (с обычной прибавочной стоимостью)» (т. 26, ч. 2, с. 549).

Примечание. По мнению Маркса, «недурно выглядит та концепция», которая отвлекается от основы капитализма (стремления к получению прибыли и накоплению капитала) и «изображает его как производство, имеющее целью обеспечить непосредственное потребление производителей» (т. 26, ч. 2, с. 550), – прямо таки пророчество о пресловутом «обществе потребления».

Чуть далее Маркс еще раз подчеркивает: «Цель капиталистического производства – это прежде всего не “приобретение других продуктов”, а присвоение стоимости, денег, абстрактного богатства» (т. 26, ч. 2, с. 560).

Маркс полагает, что длительность периода обращения капитала «совпадает с тем периодом, в течение которого рыночные цены выравниваются в цены издержек» (согласно избыточной производственной парадигме Маркса – «пока капитал не вернется к себе [в сферу производства]»). Хотя исторически, сам Маркс это отмечает, производственный капитал вторичен (т. 26, ч. 2, с. 550). Как нам представляется, собственной имманентной сферой капитала все-таки является финансовый или, точнее, товарно-денежный капитал, потому как «совершенно ясно, что от исходного пункта – первоначально данного капитала – до его возвращения к себе по окончании одного из таких периодов должны происходить крупные катастрофы и должны накапливаться и развиваться элементы

кризиса... Сравнивание стоимости товаров в один период со стоимостью тех же самых товаров в более поздний период, ..., составляет... основной принцип процесса обращения капитала» (т. 26, ч. 2, с. 551). На самом деле следует, конечно, сказать несколько иначе: сравнивание цены товаров в один период с ценой тех же самых товаров в более поздний период составляет важнейший принцип определения величины процента, обеспечивающего экономическую эффективность процесса обращения капитала.

Напоминая зачем-то то, что гипотетически им предполагаемая прибавочная стоимость зависит не только от нормы прибавочной стоимости, но и от количества одновременно занятых рабочих, а значит, и от величины переменного капитала, Маркс указывает на то, что «Накопление, со своей стороны, определяется – непосредственно – не нормой прибавочной стоимости, а отношением прибавочной стоимости ко всей массе авансированного капитала, т. е. нормой прибыли; и не столько еще нормой прибыли, сколько общей массой прибыли, которая, как мы видели, для совокупного капитала общества тождественна с общей массой прибавочной стоимости, для отдельных же капиталов, применяемых в различных отраслях, может весьма значительно отличаться от произведенной ими массы прибавочной стоимости. Если рассматривать накопление капитала в целом, то прибыль равна прибавочной стоимости, а норма прибыли равна прибавочной стоимости, деленной на капитал, или, точнее, прибавочной стоимости, исчисленной на каждые 100 единиц капитала. Если норма прибыли (в процентах) дана, то общая масса прибыли зависит от величины авансированного капитала; стало быть, от этого зависит и накопление, поскольку оно определяется прибылью. Если сумма капитала дана, то общая масса прибыли зависит от высоты нормы прибыли. Поэтому небольшой капитал при высокой норме прибыли может давать большую массу прибыли, чем больший капитал при низкой норме прибыли» (т. 26, ч. 2, с. 602–603).

С нашей стороны здесь будет уместно напомнить, что величина прибавочной стоимости неопределима не только в каждом частном случае, но, естественно и в целом во всем общественном производстве. Поэтому постоянное напоминание о существовании некоей абстрактной прибавочной стоимости выглядит по меньшей мере избыточно навязчивым. Ведь, как говорит и сам Маркс, для нас очевидно, что «чистым доходом в действительности является избыток продукта (или его стоимости) над той его частью, которая возмещает авансированный капитал – как постоянный, так и переменный. Следовательно, чистый доход состоит просто-напросто из прибыли и ренты, причем эта последняя сама представляет собой, в свою очередь, всего лишь часть прибыли, выделенную из прибыли и достоящуюся классу, отличному от класса капиталистов» (т. 26, ч. 2, с. 607).

При этом здесь же Маркс продолжает как бы будировать свою излюбленную тему производства: «Непосредственной целью капиталистического производства является не производство товара, а производство прибавочной стоимости или прибыли (в ее развитой форме); не продукт, а прибавочный продукт. Самый труд с этой точки зрения производителен лишь постольку, поскольку он создает для капитала прибыль или прибавочный продукт. Если рабочий этого не создает, труд его непроизводителен. Следовательно, масса применяемого производительного труда представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей – или пропорционально ей – возрастает масса прибавочного труда. Лишь постольку оказывается необходимым то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Если труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть прекращен» (*т. 26, ч. 2, с. 607–608*).

Нужно отметить, что Маркса как бы вообще не интересует то, что является «непосредственной целью» капиталистической экономики в целом, а не только лишь ее производственной сферы. Но как раз именно только это позволяет заметить, что весь общественный капитал не сводим лишь к одному производственному капиталу, весь общественно полезный труд несводим к производственному труду, вся товарная масса – к произведенной в производственной сфере продукции, а вся общественная прибыль, естественно, несводима к сумме прибавочной стоимости, полученной по определению только на производстве.

§ 31. О РАЗРУШЕНИИ КАПИТАЛА И О КРИЗИСАХ

Когда Маркс говорит о кризисах и разрушении капитала, то речь у него идет, как всегда, прежде всего о производственной сфере и/или процессе труда. Поэтому он настаивает на том, что «Когда речь идет о разрушении капитала, производимом кризисами, то следует различать две вещи. Поскольку происходят затруднения в процессе воспроизводства, и сокращается, а местами и совсем останавливается процесс труда, уничтожению подвергается действительный капитал. Машины, которые не употребляются, – не капитал. Труд, который не эксплуатируется, есть потерянное производство. Сырье, которое лежит неиспользованным, – не капитал. Здания (а также вновь сооружаемые машины), которые либо оказываются неиспользованными, либо остаются незаконченными, товары, гниющие на складе, – все это представляет собой разрушение капитала. Все это выражает не что иное, как задержку в процессе воспроизводства,

выражает то, что наличествующие условия производства фактически не действуют как условия производства, не вводятся в действие как таковые. При этом их потребительная стоимость и их меновая стоимость идут прахом. А во-вторых, разрушение капитала, производимое кризисами, означает обесценение масс стоимостей, которое в дальнейшем служит препятствием к тому, чтобы они возобновили в том же масштабе процесс своего воспроизводства в качестве капитала. Это – разрушительное падение товарных цен. При этом потребительные стоимости не разрушаются. То, что теряет один, выигрывает другой. Действующие в качестве капиталов массы стоимостей не могут в тех же руках возобновлять себя как капитал. Старые капиталисты терпят банкротства» (*т. 26, ч. 2, с. 551*).

Данное положение Маркс поясняет следующим образом: «Кризис обнаруживает, стало быть, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства кажущихся безразличными по отношению друг к другу моментов не было бы и кризиса» (*т. 26, ч. 2, с. 556*). Прежде всего речь, конечно, идет о том, что «обмен продукта на продукт распадается на два акта, не зависящие один от другого и разделенные во времени и пространстве» (*т. 26, ч. 2, с. 560*). Естественно и то, что «Если отношение между спросом и предложением понимать в более широком и более конкретном смысле, то сюда войдет отношение между производством и потреблением. Здесь опять-таки следовало бы не упускать из виду существующее в скрытом состоянии и как раз в кризисе насильственно прорывающееся наружу единство обоих этих моментов в его отношении к тоже существующему и даже характерному для буржуазного производства разделению и противоположности их» (*т. 26, ч. 2, с. 561*). Но как представляется, принципиально важным в этом контексте является то, что вообще все имманентные элементы экономики осуществляются именно в процессе, в любом случае необходимо «разделенные во времени и пространстве». Коммунистически ангажированное указание Маркса на то, что «При тех общественных условиях, когда люди производят для самих себя, действительно не бывает кризисов, но нет также и капиталистического производства» (*т. 26, ч. 2, с. 559*), попросту ложно. Тот или иной кризис, т. е. какой-то кризис вообще, так или иначе неизбежен.

Так же, по всей видимости, ложно или избыточно предположение классика о том, что «Избыток товаров всегда относителен, т. е. это есть избыток товаров при данных ценах» (*т. 26, ч. 2, с. 562*). Ведь вполне может оказаться, что предлагаемые конкретные товары на рынке даже даром уже никому не нужны в силу своего «морального устаревания», резкого изменения моды и т. п. совершенно непрогнозируемых и/или спонтанных причин. В этом смысле могут осуществляться и частичное, и всеобщее

перепроизводство, и противостоять они могут друг другу по совершенно различным причинам.

Примечание. Для Маркса особенно важен т. н. периодический кризис, связанный с именно относительным перепроизводством: «Избыток товаров всегда относителен, т. е. это есть избыток товаров при данных ценах. Те цены, по которым в этом случае поглощаются товары, разорительны для производителя или купца. Во-вторых: для того чтобы кризис (стало быть, также и перепроизводство) был всеобщим, достаточно, чтобы он охватил ведущие предметы торговли» (*т. 26, ч. 2, с. 562*). Дело в том, что, по мнению Маркса, «Перепроизводство связано только с платежеспособными потребностями. Речь идет не об абсолютном перепроизводстве – не о перепроизводстве самом по себе, взятом по отношению к абсолютной потребности или желанию обладать товарами. В этом смысле не существует ни частичного, ни всеобщего перепроизводства, и они вовсе не противопоставляются друг другу» (*т. 26, ч. 2, с. 563*). «Возможность кризиса заключается здесь исключительно в отделении друг от друга продажи и покупки» (*т. 26, ч. 2, с. 565*).

Трудно не согласиться с Марксом, который, обобщая, заявляет: «Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи. Кризис в его второй форме связан с функцией денег как средства платежа. Здесь деньги в два различных, отделенных друг от друга момента времени фигурируют в двух различных функциях. Обе эти формы еще совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой» (*т. 26, ч. 2, с. 567*). Продолжая, Маркс все-таки расширяет горизонт проблематики: «Такое взаимное сращение и переплетение процессов воспроизводства или обращения различных капиталов является, с одной стороны, необходимым вследствие разделения труда, а с другой стороны – случайным, и уже в силу этого расширяется определение содержания кризиса» (*т. 26, ч. 2, с. 568*). Но при этом он вновь напоминает нам о как бы вредоносности неминуемых «случайностей» в воспроизводственном процессе, связанных с необходимым углублением разделения труда и его расширением, как будто могут существовать обстоятельства, позволяющие не допустить эти «случайности». Далее Маркс вполне оправданно говорит: «Не может быть кризиса без того, чтобы покупка и продажа не оторвались друг от друга и не вступили в противоречие, или без того, чтобы не проявились те противоречия, которые содержатся в деньгах как средстве платежа, стало быть, без того, чтобы кризис не выступил вместе с тем в своей простой форме – в форме противоречия покупки и продажи и в форме противоречия денег как средства платежа. Но это все же лишь формы, общие возможности кризисов, а потому и формы, абстрактные формы действительного кризиса». Но тут же он вновь делает ложное, явно идеологически ангажированное заявление: «Простое денежное обращение и даже обращение денег как

средства платежа, – и то и другое возникает задолго до капиталистического производства, не порождая кризисов, – возможны и действительны без кризисов. Стало быть, одними этими формами нельзя объяснить, почему они оборачиваются своей критической стороной, почему содержащееся в них потенциальное противоречие проявляется реально как таковое» (т. 26, ч. 2, с. 569).

Ни о каком бескризисном денежном обращении даже чисто теоретически и речи быть не может. Стало быть, одними этими формами уже можно если не объяснить, то по крайней мере показать, почему они неизбежно так или иначе оборачиваются своей критической или негативной стороной, и «содержащееся в них потенциальное противоречие проявляется реально как таковое». И вследствие этого, кстати, тоже в т. ч. «Резвившиеся в товарном обращении и далее в денежном обращении противоречия – а значит, и возможности кризиса – сами собою воспроизводятся в капитале, так как развитое товарное и денежное обращение имеет место в действительности только на основе капитала».

Здесь нельзя не подчеркнуть принципиально важный экономический аспект, на который обратил внимание Маркс – товарно-денежное обращение «имеет место в действительности только на основе капитала». Напомним, что в нашем понимании капитал не является накопленной прибавочной стоимостью, т. е. плодом исключительно только прибавочного труда.

Маркс учит тому, что кризис развивается в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита. При этом он заявляет, что «в самом процессе производства это не может проявиться, так как в нем еще не идет речь о реализации не только воспроизведенной стоимости, но и прибавочной стоимости. Обнаружиться это может впервые лишь в процессе обращения, который сам по себе является в то же время и процессом воспроизводства» (т. 26, ч. 2, с. 570). Но т. к. «совокупный процесс обращения или совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения» («Общая возможность кризисов дана в самом процессе метаморфоза капитала и притом вдвойне»), то, значит, уже здесь заложена потенциальная возможность кризиса. Более того, возможность кризиса не есть лишь одна негативная потенция, которую следует любой ценой избегать, т. к. «Кризис есть насильственное восстановление единства моментов, ставших самостоятельными, и насильственное превращение в нечто самостоятельное таких моментов, которые по существу составляют нечто единое» (т. 26, ч. 2, с. 571), т. е. кризис – это как бы некое радикальное разрешение казалось бы уже неразрешимых проблем по закупке продаж и по затруднению обратной покупки «элементов производительного капитала».

Примечание. Маркс делает хоть и несколько парадоксальное, но как бы уместное замечание: «Рабочие «всегда должны быть перепроизводителями, должны производить сверх своих [платежеспособных] потребностей, чтобы иметь возможность быть потребителями или покупателями в пределах этих своих потребностей» (т. 26, ч. 2, с. 578). Правда, это высказывание, по всей видимости, требует уточнения – в реальности всякий производитель и/или всякая отрасль производства из-за разделения и специализации труда должна производить как бы «сверх своих платежеспособных потребностей, чтобы иметь возможность быть» потребителем или покупателем «в пределах этих своих потребностей». Поэтому и «во всем этом анализе само собой разумеется следующее: нельзя отрицать, что в отдельных отраслях может быть произведено слишком много и потому в других отраслях – слишком мало, что, следовательно, частичные кризисы могут проистекать из диспропорциональности производства (пропорциональность же производства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала» (т. 26, ч. 2, с. 579). Здесь нам важно подчеркнуть, что диспропорцию в распределении неадаптируемых факторов между различными отраслями производства, неизбежно возникающую в результате ошибочных вложений, сделанных в период бума (т. е. не там, где в них была действительно настоятельная потребность), «можно исправить только путем накопления нового капитала и его применения в тех отраслях, где потребность в нем наиболее настоятельна. Процесс этот медленный. Пока он идет, производственные мощности некоторых заводов, для которых не хватает комплементарных факторов производства, невозможно использовать полностью» (Мизес, «Человеческая деятельность» с. 436).

Кажется, что «В самой сущности капиталистического производства заложено, стало быть, производство без учета границ рынка» (т. 26, ч. 2, с. 580). Но в условиях необходимого нормального рынка именно спрос определяет границы производства, а значит, и прибыль в производстве. Вообще-то, возникновение кризисов так или иначе связано прежде всего с падением нормы прибыли (кстати, в т. ч. и у Милля). Во внерыночных обстоятельствах монополистического или государственного капитализма пределом производства не является даже его убыточность, не говоря уже о прибыли или какой-либо потребности. Т. н. плановое производство ограничено лишь самим планом или соответствующей директивой.

Примечание. Маркс уточняет, что «Пределом для производства служит прибыль капиталистов, а отнюдь не потребности производителей. Но пере-производство продуктов и перепроизводство товаров – две совершенно различные вещи» (т. 26, ч. 2, с. 586). Как будто в условиях социализма пределом производства смогут стать потребности самих по себе рабочих.

Маркс полагает, что «Буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу,

которая обнаруживается в кризисах и – среди всего прочего – в перепроизводстве, этом основном явлении кризисов» (т. 26, ч. 2, с. 586). Тем не менее, как представляется, не сам по себе капитализм и не имманентные ему кризисы на самом деле ограничивают свободу развития производительных сил, а скорее попытка всеобщего т. н. разумного научно-рационального планирования и управления их развитием. Возможности государственно-монополистической рациональной централизованной организации именно массового производства, со многих точек зрения, конечно, выше, частного бизнеса. Но никакое планирование и учет не в силах оценить реальный спрос как у производственного (по отраслям, в т. ч. и новым), так и массового потребителя (в т. ч. и по абсолютно новым потребительским товарам), грубые и глубокие перекосы в централизованной государственной экономике абсолютно неизбежны. Мизес был, конечно, прав, что «так как появление новой информации постоянно направляет события к новой цели, условия равномерно функционирующей экономики никогда не реализуются» («Человеческая деятельность», с. 439). Таким образом, неизбежными становятся не только и не столько перепроизводство, но и жесткий дефицит. В итоге искусственного как бы ограничения госпланом спроса возникает ограниченный ассортимент в производстве потребительских товаров, имеющий постоянную тенденцию к самоограничению предметами первой необходимости, кажется подавляющемуся хоть какому-то планированию и учету.

Примечание. Маркс настаивает, что «именно безудержное развитие производительных сил и пристокающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, – вот что составляет основу современного репероизводства» (т. 26, ч. 2, с. 587).

С какой-то гипотетической абстрактной точки зрения Маркс оправданно полагает, что «не было бы перепроизводства, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу, если бы капитал был распределен между всеми сферами производства в такой пропорции, что производство одного предмета включало бы потребление другого и, стало быть, свое собственное потребление. Не было бы перепроизводства, если бы перепроизводства не было. Но так как при существующих в тот или иной момент условиях капиталистическое производство может дать себе волю для безудержного развития лишь в некоторых отдельных сферах, то всякое капиталистическое производство было бы вообще невозможно, если бы оно должно было развиваться во всех сферах одновременно и равномерно. Так как в указанных отдельных сферах перепроизводство имеет место абсолютно, то относительно оно имеет место также и в тех сфе-

рах, где [абсолютного] перепроизводства нет» (*т. 26, ч. 2, с. 591*). Не менее обоснованы, кажется, и его дальнейшие рассуждения: «Итак, такого рода объяснение перепроизводства на одной стороне недопроизводством на другой, означает лишь следующее: если бы производство было пропорциональным, перепроизводства не было бы. То же самое, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу. То же самое, если бы все сферы обладали одинаковыми возможностями капиталистического производства и его расширения – такими, как разделение труда, машины, вывоз на отдаленные рынки, массовое производство и т. д., – если бы все страны, торгующие друг с другом, обладали одинаковой способностью производства, и притом производство этих стран было бы различным и взаимно дополняющим» (*т. 26, ч. 2, с. 591–592*).

Конечный вывод, исходя из этих рассуждений, кажется, так же очевиден: ни о какой совершенной пропорциональности, да еще и в динамике экономического развития в принципе и речи быть не может. Если бы пропорциональность производства была бы каким-то невероятным образом даже достигнута, то это, без сомнения, свидетельствовало бы только лишь о полном застое и утрате самих возможностей не только к развитию, но и к росту. Почему, мечтая о планово-централизованной социалистической экономике, Маркс даже не заикается об этой очевидной для него как диалектика опасности, совершенно непонятно...

Примечание. В «Смысловой структуре повседневного мира» А. Шютц высказывает глубоко верное замечание: «Шумпетер утверждал, что капиталистическая экономика развивается с помощью непрерывного разрушения старых отношений. Для Хайека волшебство рынка не в том, что он создает систему общего равновесия, а в том, что он координирует несовместимые планы огромного количества людей в мире рассредоточенных знаний».

§ 32. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Говоря о функции конкуренции в экономике, Маркс утверждает: «Что осуществляет конкуренция прежде всего в одной сфере производства, так это – установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, которая выравнивает нормы прибыли различных отраслей» (*т. 25, с. 197*). При этом он забывает указать на самое главное: конкуренция и рыночная оценка соотношений спроса и предложений на товары и/или услуги

различных отраслей экономики более или менее адекватно регулируют необходимые межотраслевые пропорции, что в не силах выполнить ни одно внерыночное командное планово-рациональное управление. Для Маркса настолько второстепенной, незначительной и/или легко решаемой кажется проблема соответствия спроса и предложения, что он даже говорит «общественная потребность, т. е. то, что регулирует принцип спроса, обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением, а следовательно, в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.)» (т. 25, с. 198). Но даже этой высказанной коммунистической глупости ему кажется мало, и он продолжает свой бред: «таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение» (т. 25, с. 199). Таким образом, получается, Маркс был наивно уверен, что с устранением классов в обществе будет в целом снята и проблема соотношения спроса и предложения в экономике.

Правильно отмечая, что «не существует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно, между объемом, который производство этого продукта занимает во всем производстве, с одной стороны, и, с другой стороны, между тем объемом, в котором общество стремится удовлетворить потребность при помощи данного определенного продукта» (т. 25, с. 204–205), Маркс, вместо того чтобы подчеркнуть в этом отношении оправданную необходимость именно «случайной связи», говорит как бы о прямо противоположном: «Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета» (т. 25, с. 205). При этом, к огромному сожалению, Маркс не поясняет ни того, как именно общество будет определять количество этого необходимого общественного рабочего времени, ни того, как конкретно оно будет определять размеры этой общественной потребности в каждый требуемый момент хозяйственной деятельности.

Примечание. При этом Маркс все-таки видит, что «Пределы, в которых представленная на рынке потребность в товарах – спрос – количественно

отклоняется от действительной общественной потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я имею в виду разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных, соответственно жизненных условиях покупателей» (*т. 25, с. 207*).

Желаемый или предполагаемый Марксом и вслед за ним всеми коммунистами «Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, – не из отклонений выводить самый закон» (*т. 25, с. 205*). На самом деле это совершенно ложное представление, т. к. «обмен или продажа товаров по их стоимости» в принципе невозможен и/или неосуществимы в реальности. Искусственный абстрактный или схоластический закон трудовой стоимости никакого отношения к происходящим процессам в экономике не имеет. Говорить о некоем отклонении цены от стоимости некорректно в любом случае, т. е. если мы даже допустим существование трудовой стоимости, то уместнее говорить об отклонении стоимости от рыночных цен, т. к. норма прибыли или процент определяемы, исходя из известных рыночных цен и издержек производства, а величина прибавочной стоимости на практике неопределяема никаким из мыслимых или возможных способов. Ведь, исходя из логики даже самого Маркса, обмен (или купля/продажа) в реальности отнюдь не осуществляется в соответствии со стоимостью товара.

Действительные внутренние рыночные законы капиталистической экономики так или иначе основаны на взаимодействии спроса и предложения и в конечном итоге должны быть объяснены из форм этого взаимодействия. Маркс придерживается категорически противоположного мнения, обосновывая его ложными или ошибочными аргументами: «Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно... Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не

покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, – ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, – что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия» (*т. 25, с. 207–208*).

Однако, вопреки утверждению Маркса, очевидно, что законы эти продолжают действовать, пока живы потребители и поставщики, они не перестают действовать, даже если предположить невероятное – что они взаимно покрываются. В дополнение к приведенному выше перлу Маркс приводит следующее то ли диалектическое, то ли тавтологическое высказывание: «путаница – определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами – осложняется еще тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок – производство» (*т. 25, с. 212*)

В этом контексте любопытно еще и следующее утверждение Маркса: «Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают друг для друга; необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом» (*т. 25, с. 213*). Исходя из него возникает вопрос: каким же образом может быть ликвидировано само существование различных классов в обществе, если предполагающее их наличие взаимодействие спроса и предложения имманентно вообще всякому биосоциуму? Коммунисты такие вопросы просто не замечают.

§ 33. О ВИДИМОСТИ, СОЗДАВАЕМОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Пытаясь начать разговор о «видимости» в экономическом процессе, Маркс решил описать то, что мы видим или нам изначально дано. Начинает он с того, что ему, вероятно, кажется наиболее очевидным: «мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество труда» (*т. 25, ч. 2, с. 426*).

Не говоря уже о том, что он ведет речь явно лишь о сфере производства, мы, конечно, не можем согласиться с тем, что «стоимости» вообще как-то соответствуют или должны соответствовать «массе продуктов». Исходя из этих допущений, Маркс делает дальнейшие для его концепции немаловажные выводы о неизменности в распределении «границ самой стоимости».

Примечание. Маркс полагает, что если «оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, следовательно, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода – на заработную плату, прибыль и ренту, соответствующие величины стоимости которых, то есть те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными специфическими выведенными выше законами». Вместе с этим Маркс парадоксальным образом говорит: «Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, прибыль и рента образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, – если оставить в стороне постоянную составную часть, – стоимость товара; иными словами, неверно было бы утверждение, что они образуют слагаемые составные части товарной стоимости или цены производства» (*т. 25, ч. 2, с. 423*) «Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь применяемого труда, – обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, нисколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы, этой данной величины стоимости» (*т. 25, ч. 2, с. 428–429*).

Согласно изначально принятого им допущения вся или всякая стоимость продуктов производства (или, что практически то же самое для Маркса, товаров), определяется «количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, – дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны». Странным образом Маркс полагает, что именно «заработная плата образует базис такого их ограничения». Ведь она, по его мнению, «с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для сохранения и воспроизводства своей рабочей силы, – дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих

товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и тем самым той частью труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств». Маркс полагает даже здесь уместным вновь повторить свою глупость: «Если, например, средняя стоимость его жизненных средств за день равняется 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день», упуская из виду очевидный факт, что каждый миг труда работника, естественно, может чего-то вообще стоить только в том случае, если выполнен весь необходимый объем работы в целом. Это косвенно подтверждается и самим Марксом, когда он указывает на необходимость прибавочного труда даже в условиях бесклассового общества. Кроме того, в условиях без рыночной экономики представляется невероятной сама возможность адекватного всеобщего учета и статистического определения конкретной величины, именно средней трудовой стоимости жизненных средств за один день.

Правильно говоря о том, что «Действительная стоимость... рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она бывает различна в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второй природой», Маркс здесь почему-то забывает сказать и о еще одном архиважном аспекте – действительная стоимость рабочего часа разнорабочего несопоставима со стоимостью рабочего часа токаря или стоимостью рабочего часа архитектора. Представление о том, что мы как-то интуитивно можем корректно хотя бы примерно сравнить затраты труда сталевара, учителя и врача или художника, без сомнения, абсолютно ложно.

Верно, конечно, что «в каждой стране и в каждый данный период», как бы есть некая «регулирующая средняя заработная плата», но при этом, конечно, нельзя утверждать, что она «является данной величиной», ведь очевидно, что она может быть только лишь расчетной величиной, при этом, исходя, заметьте, именно из сложившихся актуальных рыночных обстоятельств. Поэтому, говоря о том, что «таким образом, стоимость всех остальных доходов получает границу», Маркс очевидным образом нас обманывает: нет никаких объективных «данных стоимостных границ» труда, уже даже только потому, что труд в принципе неизмерим и несопоставим.

Маркс говорит, что граница стоимости всех доходов «всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает со средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу

труда, приведенную в движение совокупным общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, то есть количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего дня – та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собой прибавочную стоимость, – находит свою границу в физически возможном максимуме рабочего дня, то есть в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы» (*т. 25, ч. 2, с. 429–430*).

Но если стоимость все-таки соотносится с массой данного или произведенного продукта, то, значит, и границы стоимости этого продукта должны как-то зависеть от общей производительности труда (в т. ч. и естественной производительности используемых в данном случае природных ресурсов), а не только от количества потраченного абстрактного рабочего времени. Таким образом, уже возникает некоторое сомнение в том, что прибавочная часть стоимости «находит свою границу в физически возможном максимуме рабочего дня, то есть в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы», а не в той реально возросшей массе прибавочного продукта, которая достигается, как правило, не за счет самого по себе увеличения рабочего времени и/или интенсивности труда, но за счет общего развития производительных сил в данный момент, прежде всего усовершенствования технологий. Поэтому Маркс, осуществляя исследование о распределении всей существующей стоимости, вновь произведенной в течение года в обществе, может смело брать «рабочий день» как величину устоявшуюся и постоянную вне зависимости «от своего физически возможного максимума» без какого-либо ущерба для себя. Тем не менее, Маркс уверенно и убедительно утверждает: «Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом, дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд воплощается» (*т. 25, ч. 2, с. 430*). Но даже если мы здесь согласимся с иррациональным или скорее с абсурдным утверждением Маркса о том, что часть рабочего дня каким-то невероятным образом остается неоплаченной, то мы все равно остаемся просто не в силах

корректно определить ни величину оплаченного рабочего времени, ни величину прибавочного рабочего времени (ведь не нужно забывать, что зарплата – это все-таки рыночная цена, а не стоимость рабочей силы, но Маркс этот факт, к сожалению, неоправданно игнорирует, и у него выходит как бы все очевидным образом «просто» – изначально «дано»). Таким образом, нам, конечно, не «дана», да и не может быть в принципе никаким образом «данной» т. н. «абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость». Исходя из этого, совершенно нелепым и ложным является утверждение Маркса, что прибыль, «рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, заключенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу, авансированному на производство» (*т. 25, ч. 2, с. 430*). На самом деле нам не может быть известна ни совокупная стоимость всех товаров, ни, тем более, совокупная прибавочная стоимость. Поэтому распределение или, точнее, выравнивание общественной прибыли соответственно общей средней норме прибыли между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает не «отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства», а сами по себе «действительно регулирующие средние рыночные цены» товаров, которые в конечном итоге и формируют себестоимость производства данной продукции. Таким образом, механизм реального рыночного ценообразования полностью игнорирует предполагаемое ТТС определение цен стоимостями.

Маркс последовательным образом настаивает на том, что даже «превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, – распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть данные о ценах за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравниваются» (*т. 25, ч. 2, с. 431*). Да, мы действительно

здесь буквально «поражены», но несколько иным – откуда Марксу могут быть известны эти т. н. «относительно узкие пределы отклонений», если неизвестны величины самой по себе трудовой стоимости конкретных товаров? Не менее нас удивляет и ничем не оправданное утверждение о том, что рыночные колебания всегда «взаимно уничтожаются».

Примечание. Наверное, будет уместным здесь привести развернутые пояснения Маркса: «Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, то есть ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех отклонениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости сельскохозяйственных продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости над прибылью, приходящейся на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Наконец, если бы выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монополия цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монополия цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число необходимых предметов потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему по-прежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монополия цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (то есть из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим благодаря данному количеству труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монополия цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и поддавались бы точному учету» (т. 25, ч. 2, с. 431–432).

Точно так же совершенно непонятно, каким образом могут быть адекватно «твердо определены» и поддаваться «точному учету» границы, «в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен» в безрыночной экономике? Ведь, как уже отмечалось, «распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы», на самом деле не «находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью», как это изначально допускает Маркс. Что касается выравнивания норм прибыли, деления прибыли на процент, ренту и предпринимательский доход, то пределы их образует средняя норма прибыли. Именно в ее границах это деление должно произойти и только может произойти. Ее величина и/или определенная пропорция, в которой происходит деление, определяется исключительно отношениями конкуренции. Именно рыночные цены определяют или регулируют средние цены, а не наоборот, т. е. влияние конкуренции здесь является решающим, потому что как бы один и тот же фактор производства – капитал – должен распределить достоящуюся на его долю прибыль между различными видами или отраслями этого самого фактора производства. Как представляется, здесь нет определенной объективной закономерной границы для определения и распределения средней прибыли, что не может не ставить под сомнение существование «границ последней как части товарной стоимости» (т. 25, ч. 2, с. 432–433).

Более того, не только оправданно, но и целесообразно рассматривать заработную плату, прибыль и ренту как конституирующие элементы, из соединения или суммы которых возникает цена товара, регулируемая в дальнейшем рынком. Таким образом, не «товарная стоимость – по вычете из нее постоянной части стоимости» есть некое данное «первоначальное единство», которое распадается на указанные три части (или иные необходимые элементы), а наоборот, цена каждой из этих трех частей определяется самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых или, точнее, автономных величин получается первоначальная или регулируемая цена произведенного продукта. В действительности нет и не может быть никакой заранее уже данной величины стоимости товара, т. к. нет еще никакого самого по себе товара, его ведь еще только предстоит произвести. На самом деле мы можем лишь предполагать и планировать, какая стоимость продукта сложится в процессе его производства. Ориентировочную величину стоимости продукта можно как-то пытаться «определить» на практике именно путем сложения предполагаемой стоимости заработной платы, прибыли и ренты, таким образом «совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости» (т. 25, ч. 2, с. 433), а не наоборот.

Прежде всего ясно, что заработная плата, прибыль и рента конституируют цену всех товаров, и это в равной степени относится как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Почему Маркс считал, что это представление обязательно игнорирует наличие постоянного капитала, не вполне понятно (зато понятно, почему это деление так важно для ТТС). С другой стороны, Маркс совершенно обоснованно указывает на то, что «здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены...» Правда, он тут же заявляет нечто совершенно ложное и неприемлемое: что это «представление цены в том смысле, что владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги – не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, они опять-таки предполагают стоимость» (т. 25, ч. 2, с. 433–434). Ведь дело далеко не только в том, что владельцам «уплачивается известная сумма денег», самое главное – это то, что осуществляется оценка нужной «рабочей силы, капитала и земли». Поэтому деньги предполагают не столько стоимость, а будучи критерием измерения, осуществление необходимой адекватной оценки тех или иных ценностей. Маркс на это возражает тем, что золото и серебро «сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой». Но в данном контексте для нас важно другое: ценой или стоимостью самих по себе денег как специфического товара не только вполне допустимо, но даже уместно пренебречь, особенно если речь идет о бумажных деньгах. Итак, ценность заработной платы, прибыли и ренты без всякой тавтологии выражается в некотором количестве обусловленных или общепринятых денежных знаков. Поэтому и исходить мы должны не из труда, а из рыночного механизма оценки ценностей, опирающегося прежде всего на соотношение спроса и предложения.

Для Маркса «спрос на труд равносителен предложению капитала», но, по всей видимости, это все-таки несколько разные вещи. Самым простым проявлением капитала Маркс обоснованно полагает деньги и товары. Но далее он говорит, что «деньги лишь форма товара», хотя, строго говоря, деньги являются всеобщей ценностью, т. е. формой богатства или сокровища, которые вовсе не обязательно имеют собственную стоимость.

Исходя из того, что заработная плата в производственной сфере «рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров», а «цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит» (что, строго говоря, не вполне верно, т. к. деньги – это прежде всего средство обмена, таким образом цена капитала – это сумма цен товаров, в которых он выражен, плюс сумма накопленных денежных средств, предназначенных

для инвестиций), Маркс делает весьма извращенное и/или странное тавтологическое заявление: «Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена, в первую очередь, регулируется ценой труда, и цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, выплачиваемый рабочему в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы» (т. 25, ч. 2, с. 434–435). Лишь немного поразмыслив, мы находим причину этого извращения действительности. Дело заключается в изначально избыточном принятом допущении, что вся коммерческая деятельность сводится только лишь к производственной сфере. Но даже в рамках этого допущения неоправданно говорить, что спрос капитала на труд равно предложению всего капитала, а предложение капитала равно не сумме имеющихся в распоряжении свободных накопленных денежных средств, а именно сумме товаров, причем еще и данной цены, которая к тому же еще «в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты». Производственный капитал, кроме средств производства, скорее всего, включает в себя некие оцененные природные силы, как и определенную сумму необходимых денежных средств. Говоря о влиянии конкуренции на цену рабочей силы, т. е. зарплату, Маркс просто уходит от этой проблемы своим ничем не оправданным допущением того, что если «спрос и предложение труда взаимно покрываются», то они прекращают оказывать какое-либо влияния на формирование рыночной цены. Тем более, что он как раз хочет «найти» нечто нереальное, некую «естественную цену заработной платы, то есть не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее» (т. 25, ч. 2, с. 435).

Маркс не осознает, а может, и не хочет осознавать, что даже если пытаться как-то определить не адекватную рыночную цену рабочей силы, а предполагаемо минимальную «необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего», то мы и в этом случае в конечном итоге все равно будем вынуждены обратиться именно к реальному рыночному механизму образования цен, но только теперь уже этих необходимых жизненных средств, т. к., естественно, и «эти жизненные средства представляют собой товары, имеющие цену». Но Маркс вместо

этого вновь лишь несет тавтологическую чушь: «цена труда определяется ценой необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценой труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценой жизненных средств, определяется ценой труда. Цена труда определяет самое себя». Продолжая, он, слегка манипулируя, подводит нас к следующему нужному для него как бы последовательному выводу: «Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем» (*т. 25, ч. 2, с. 435*).

Не разобравшись до конца или должным образом, как устанавливается или определяется необходимая цена труда в реальности, Маркс, продолжая, извращенно трактует осуществляющиеся экономические процессы. Но при этом он, правда, все-таки задается и вполне оправданными вопросами: «Как же обстоит дело со средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами?» (*т. 25, ч. 2, с. 435*). К огромному сожалению, Маркс в связи с этим не акцентирует внимание на продолжительности периода времени процесса производства или хозяйственной операции, хотя специфический ресурс «капитал» участвует в процессе производства во времени (как и во всяком экономическом процессе). Именно поэтому в зависимости от размера капитала и продолжительности производственно-хозяйственного процесса или коммерческой операции возникает или складывается больший или меньший процент на капитал. Поэтому, естественно, поддерживая Маркса в том, что «конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства», мы вряд ли можем в полной мере согласиться с его утверждением, что «Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, что производители в пределах одной и той же сферы производства будут продавать свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства – по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой» (*т. 25, ч. 2, с. 435–436*), т. к. в первую очередь уже в ходе конкуренции между самими по себе капиталами и сроками окупаемости различных инвестиционных проектов складываются процент или средняя норма прибыли в экономике. Поэтому по меньшей мере абсурдным выглядит желание

Маркса «узнать» как раз ту «норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, со своей стороны, регулирует конкуренцию», тем более, что предположение Маркса о том, что «при равновесии сил конкурирующих между собой капиталистов» (которое может быть лишь кратковременным и случайным) ликвидируются сами эти всегда качественно различные силы и/или предопределяющие рыночные обстоятельства в целом, без сомнения, ложно.

Конечно, как бы мы ни объясняли происхождение нормы прибыли и прибыль, но определяется ее величина на практике не иначе как величиной надбавки к себестоимости или сумме издержек. Следует только подчеркнуть, что заработная плата здесь лишь одна из издержек, которая ни в коем случае не определяет всю сумму себестоимости и уж, тем более, всю цену произведенного товара.

В извращенном представлении Маркса является фантазией то, что «прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, то есть возникают из продажи», т. е. обращение якобы «не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано» (*т. 25, ч. 2, с. 437*). Но мы-то ведь знаем, что только именно в сфере обращения или обмена (т. е. на соответствующем рынке) осуществляется адекватная оценка реальной ценности всех товаров, в т. ч. земельных участков, объектов недвижимости и капиталов. Никакой экономический процесс (даже сугубо производственный) в принципе не может быть адекватно понят вне сферы рыночного обмена и/или обращения, как бы он даже слабо ни был развит. Поэтому все допущения, исходящие из игнорирования рыночных механизмов, уже изначально совершенно неприемлемы. Этого Маркс, судя по всему, просто не хотел понимать.

Все политэкономические рассуждения Маркса, с одной стороны, исходят, а, с другой стороны, сводятся «к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы – ценой необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту» (*т. 25, ч. 2, с. 438*). Он упорно игнорирует тот факт, что для осуществления процесса производства необходимы различные его факторы. Более того, Маркс даже извращает экономический смысл собственности, ведь не «Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответствующих собственников и потому превращаются для них в доходы», а специфическая способность этих элементов в определенных обстоятельствах приносить доход или предполагать получение дохода. Вот как раз эта их «способность» и предполагает или порождает право собственности на них.

Трудовая стоимость может возникнуть исключительно только потому, что могут быть объединены и реализованы все необходимые факторы даже не просто для ее производства, а именно расширенного воспроизводства. Действительно составные части, на которые распадается стоимость, функционируют как необходимая предпосылка ее самой. Правда, Маркс признает, что «определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самой стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности» (*т. 25, ч. 2, с. 439*). Но он не добавляет: это происходит потому, что цены даже произведенных в промышленности товаров в реальности регулируются практически независимо от труда и величины созданной последней стоимости. Напротив, Маркс, погружаясь в изначально ложные или некорректные допущения, такие, например, как «распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции» (*т. 25, ч. 2, с. 441*), буквально навязывает нам собственные схоластические представления.

Совершенно точно описывая реальный производственный процесс, Маркс, тем не менее, говорит о том, что таким он лишь представляется «отдельному капиталисту»: «издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цене производства всегда выступают в качестве такой величины» (*т. 25, ч. 2, с. 441*). Далее Маркс, отталкиваясь от ТТС, приводит собственную трактовку происходящего. Но как представляется, вполне допустимо и оправданно совсем иное описание этого его же словами.

Издержки производства равны не стоимости, а цене постоянного капитала, авансированных средств производства плюс цена материалов и, наконец, плюс еще не некая иррациональная стоимость P_c , а реальная рыночная цена труда (т. е. заработная плата), которая, естественно, является в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина как бы данная, т. к. цена P_c , как и всякого другого товара, определяется в соответствии с актуальной рыночной конъюнктурой. Что же касается той части цены товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается тем, что капиталист авансирует рабочему в форме заработной платы как бы его долю в произведенном им продукте. Естественно, рабочий производит в т. ч. и эквивалент, соответствующий его зарплате, т. е. в известной части цены произведенной им продукции содержится и цена его P_c .

Величина заработной платы устанавливается или обуславливается договором, естественно, раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент в предполагаемой цене продукции. Как элемент цены, вели-

чина которого дана раньше, чем произведен сам товар, и как составная часть издержек производства заработная плата представляется частью всей цены товара, которая поэтому может быть отделена как бы в самостоятельную форму. Исходя из этого, зарплата и может рассматриваться фактором, образующим цену. «Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, – и не только в том смысле, что она определяет собой перелив капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период» (т. 25, ч. 2, с. 442).

Средняя прибыль является обычно уже заранее данной величиной и действительно как бы не зависит от цены и прибыли, создаваемой в каждой данной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль, естественно, не является и не может являться результатом расщепления цены, а наоборот, является величиной, независимой от цены и себестоимости товарного продукта, заранее данной для всякого экономического процесса (в т. ч. и для производственного процесса) и определяющей саму среднюю цену товаров, т. е. одним из главных факторов, образующих цену (более подробно об этом «О дополнениях к «Капиталу» Энгельса). При этом прибыль вследствие распада ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной форме предпосылкой образования цены каждого из товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противопоставляется функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный производству товаров и их цен. Как бы ни колебалась величина процента, она, тем не менее, в каждый момент и для каждого вида коммерческой деятельности, в т. ч. и производства, есть величина данная, которая входит в состав издержек производства производимых им товаров. «Таковую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, а для других предпринимателей – в форме платы за аренду производственной площади» (т. 25, ч. 2, с. 443). Поскольку эти части, на которые распадается полученный совокупный доход, являются элементами издержек производства, то естественно, что они образуют одну из частей товарной цены. Сей факт, как представляется, действительно не может подлежать никакому сомнению.

Пока продолжает существовать производство, основанием которого является живой труд, одна часть цены вновь произведенного продукта будет постоянно превращаться в заработную плату, другая – в общую или валовую прибыль (процент и предпринимательский доход), третья – в ренту. В целом, естественно, «эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом отдельном случае относительные величины» (т. 25, ч. 2, с. 443).

Опыт и наблюдение показывают, что реальные рыночные цены не имеют никакого отношения к определению трудовой стоимости, а гипотетически предполагаемая стоимость – к величине рыночной цены. Маркс верно замечает, что «рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние величины заработной платы, прибыли и ренты, как величины постоянные и, следовательно, в конечном счете господствующие над рыночными ценами» (т. 25, ч. 2, с. 444).

Для расширенного воспроизводства и/или для нормального развития экономики совершенно безразлично, реализуются ли при продаже т. н. стоимость и прибавочная стоимость, якобы заключающаяся в товаре, если только при данной рыночной цене извлекается обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для каждого предпринимателя величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ограничивающими, а потому созидающими, определяющими элементами товарной цены, т. е. «цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регулируемыми факторами» (т. 25, ч. 2, с. 446). При этом важно отметить, что именно конкуренцией так или иначе регулируются абсолютно все цены, т. е. не только потребительских товаров, но и всех ценообразующих факторов (в т. ч. труда, капитала и земли). Опыт свидетельствует, что продукт, производимый в одной отрасли или на одном предприятии, может входить или «входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят как постоянная часть капитала в его продукт» (т. 25, ч. 2, с. 444). Поэтому неверно полагать, как Маркс, что «цены производства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства» (т. 25, ч. 2, с. 444–445), скорее все наоборот, ведь избыток над издержками производства является не результатом, а именно предпосылкой рыночной цены товаров. Без сомнения, прибыль в конечном итоге «определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем отдельных случаев – средней прибылью, которая опять-таки регули-

руется той же самой конкуренцией, но только за более продолжительный период» (*т. 25, ч. 2, с. 447*).

Интересно, что когда Маркс говорит о некоем «независимом работнике» (у него речь идет о «мелком крестьянине», но, как представляется, вполне допустимо здесь также может идти речь и о работнике свободной ассоциации социалистического общества), который «работает на самого себя и продает свой собственный продукт», он здраво указывает на то, что «Если предположить, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются всеобщим общественным базисом, то такое допущение будет правильным постольку, поскольку независимый производитель благодаря не своему труду, а своей собственности на средства производства, – уже целиком принявшие здесь форму капитала, – обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый избыток над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он – собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена – и до известной степени не без основания – под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства» (*т. 25, ч. 2, с. 447–448*).

Иными словами, поскольку «независимый работник» производит свой продукт в качестве товара, он, естественно, зависит от цены последнего, масса добавленной стоимости, которой он может воспользоваться, зависит не от ее иррациональной неопределяемой вне обмена некоей предполагаемой объективной «собственной величины», а от общей нормы прибыли. Маркс по не вполне понятным причинам считает «подобного рода форму производства не соответствующей капиталистическому способу производства», но при этом согласен и с тем, что она «может быть подведена – и до известной степени не без основания – под капиталистические формы дохода». Как представляется, следует все-таки признать, что капиталистические отношения являются не только «естественными отношениями всякого способа производства», но и вообще всякой формы экономической деятельности или хозяйствования. Маркс почему-то полагает, что в условиях капитализма невозможно свести заработ-

ную плату к ее желаемой и предполагаемой «общей основе», т. е. к той части продукта, которая входит в потребление рабочего, и таким образом «расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается имеющейся производительной силой общества» и которое, с другой стороны, требуется для исторически наиболее полного развития человеческой индивидуальности; далее свести прибыль и накопление капитала «к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью», и, наконец, обеспечить ту трудовую занятость и/или то количество живого труда, которое «работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов». По его мнению, экономические формы, носящие «специфически капиталистический характер», неспособны допустить подобного положения дел, поэтому в случае реализации этих отношений «останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» (*т. 25, ч. 2, с. 448*).

Это марксово словоблудие просто не может не умилять, ведь, вне всякого сомнения, эти «лишь... основы, общие всем общественным способам производства» и есть та самая необходимо имманентная капиталистическая сущность всякого экономического процесса. Главная отличительная черта капитализма все-таки даже не эксплуатация живого наемного труда, как полагал Маркс, а наличие в экономике процента или самого по себе процесса накопления капитала. Поэтому и «впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства» (*т. 25, ч. 2, с. 448*).

§ 34. О ЗАКОНЕ Понижения НОРМЫ Прибыли

Исходя из несколько извращенного представления о производительности труда и ТПС, Маркс последовательно приходит к формулированию т. н. «закона о понижении нормы прибыли». Он утверждает, что «Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли суть лишь особые формы, в которых получает свое капиталистическое выражение возрастающая производительность труда» (*т. 25,*

с. 263). Но норма прибыли в данном контексте непосредственно никак не связана с самим по себе трудом, для ее величины важна именно производительность за единицу времени, т. е. она связана с ростом величины произведенной валовой товарной продукции и с объемом ее продаж. Схоластическое рассуждение классика о том, в каких случаях норма прибыли может быть равной норме прибавочной стоимости, в реальности не имеют никакого смысла вообще. Оно разве что свидетельствует о всей глубине ошибочности представлений Маркса, ведь говоря о том, что «Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы $c = 0$, т. е. если бы весь капитал расходовался на заработную плату» (*т. 25, с. 264*), он даже не пытается рассмотреть иной вариант, когда весь капитал расходовался бы только на само производство, т. е. если бы не было ни труда, ни каких-либо затрат по оплате труда – норма прибыли была бы, а прибавочной стоимости вообще не было бы. Вот в таком случае, любопытно, каким образом все-таки вела бы себя норма прибыли: понизилась бы она до нуля или нет или, напротив, повышалась? Ведь Маркс упрямо настаивает на том, что «Норма прибыли понижается не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом» (*т. 25, с. 269*).

Примечание. Маркс поясняет: «Стоимость товара в той мере, в какой она зависит от машин, определяется входящим в товар износом этих машин; она определяется, стало быть, стоимостью машин лишь постольку, поскольку стоимость машин сама входит в процесс образования стоимости, т. е. поскольку стоимость машин потребляется в процессе труда. Напротив, прибыль определяется (оставляя в стороне сырье) стоимостью всех машин, входящих в процесс труда, независимо от потребления этой стоимости. Поэтому «прибыль должна падать в соответствии с тем, как уменьшается совокупное количество [живого] труда по отношению к той части капитала, которая затрачивается на машины. [Однако] она падает не в точно такой же пропорции, потому что увеличивается прибавочный труд» (*т. 26, ч. 3, с. 380*). «Тенденция нормы прибыли к понижению вместе с прогрессом общества. Она вытекает уже из того, что было сказано в книге I об изменении в строении капитала по мере развития общественной производительной силы» (*т. 23, стр. 626–724*). Это – один из величайших триумфов над камнем преткновения всей прежней политической экономии» (*т. 32, с. 63*). «Норма прибыли падает – хотя норма прибавочной стоимости при этом остается неизменной или повышается – по той причине, что переменный капитал по мере развития производительных сил труда уменьшается [по отношению к постоянному капиталу]. Таким образом, норма прибыли падает не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. Она падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он больше эксплуатируется, в результате ли

того, что возрастает абсолютное прибавочное время, или же – когда этому противодействует государство – в результате того, что из самой сущности капиталистического производства проистекает падение относительной стоимости труда и, следовательно, увеличение относительного прибавочного времени» (т. 26, ч. 2, с. 485–486). «Действительная причина [уменьшения чистого продукта по отношению к валовому продукту] состоит в том, что при прогрессирующем состоянии общества переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу» (т. 26, ч. 2, с. 516).

Блауг верно отметил, что ошибка Маркса прежде всего коренится в допущении того, что изменение цен происходит пропорционально изменению трудовых стоимостей. Связь между прибылью и прибавочной стоимостью ни в коем случае не может быть прямой, особенно если ее наблюдать во времени. Отношение трудозатрат в человеко-часах прямого и косвенного труда, необходимых для изготовления средств производства и предметов роскоши, потребляемых капиталистами, к трудозатратам, необходимым для производства жизненных средств для рабочих, может оставаться неизменным, в то время как соотношение денежной прибыли к денежной зарплате изменяется значительно в ответ на колебания в структуре потребления капиталистов и рабочих и, следовательно, в ответ на колебания цен потребительских и непотребительских товаров. Относительные цены лишь приблизительно могут быть пропорциональны относительным трудозатратам, т. е. отношению постоянного капитала к переменному ни в коем случае не идентично соотношению «совокупная прибыль – суммарная зарплата».

Существует ли предел роста нормы прибавочной стоимости? И, в свою очередь, может ли прибыль в расчете на одного работающего возрастать беспредельно? Величина трудовой стоимости будет возрастать, если производительность в отраслях, выпускающих жизненные средства, растет быстрее по сравнению с другими отраслями; напротив, эта величина будет уменьшаться, если рост производительности будет происходить только в отраслях, которые выпускают машины и предметы роскоши. Возможно ли, что движение стоимости жизненных средств запаздывает по сравнению с падением трудовой стоимости совокупного продукта? Маркс считает, что 24-часовой предел рабочего дня не позволяет повышать прибавочную стоимость сверх определенной величины, но он здесь забывает, что стоимость неизменна только при постоянной производительности труда. По мере роста производительности труда, по логике самого же Маркса, ничто не может остановить рост прибавочной стоимости в его стремлении к бесконечности.

По существу, проблема Маркса была такова: тенденции действительной системы цен вывести из ненаблюдаемых тенденций в произвольной собственной системе трудовых стоимостей. Даже если принять предло-

женные обоснования Маркса, выяснится, что его т. н. закон о падении нормы прибыли находится под воздействием огромного количества противоречивых факторов, которые совершенно невозможно систематизировать, руководствуясь только лишь его ТТС.

Примечание. У Маркса есть интересная мысль о том, что «Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества» (*т. 25, с. 268*). Поэтому получается, что рынок должен не только постоянно углубляться, но и «должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, становятся все более неподдающимися контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства». Но это, конечно, вовсе не значит, что «чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (*т. 25, с. 268*), ведь развиваются не только производительные силы, но и потребительские запросы в обществе и рыночный спрос.

Т. к. из ТПС вытекает, что капиталовложение не является функцией нормы прибыли на капитал, одной из труднейших проблем для апологетов учения Маркса является вопрос, чем именно определяется готовность или решение вкладывать средства. Ведь капиталисты сберегают, инвестируют, в т. ч. даже и из просто соображений престижа и социального статуса, своего рода стремления «держаться на равных, например, с Рокфеллерами» и других иногда вовсе иррациональных оснований. Спрос на инвестиции будет поддерживаться, а капитал использоваться на полную мощность до тех пор, пока вложенные средства будут приносить хотя бы минимальную прибыль. Кейнс правильно замечает: «Более низкие ставки столь же хорошо послужат достижению поставленной цели, как только участники игры к ним привыкнут». Маркс же полагает, будто спрос на инвестиции и предложения предпринимательских сбережений фактически менее эластичны в долгосрочном плане, чем в краткосрочном.

Примечание. Маркс говорит: «В ходе развития цивилизации процент имеет постоянную тенденцию к понижению, рента же постоянно стремится к повышению. Процент падает в силу изобилия капиталов, рента повышается вследствие внесенных в производство усовершенствований, результатом которых являются все лучшие и лучшие способы использования земли» (*т. 4, с. 175*). «Процент на капиталы, вложенные в землю, обыкновенно ниже процентов на капиталы, помещенные в промышленные предприятия и в торговлю». «Пока землей не пользуются как средством производства, она не представляет собой капитала» (*т. 4, с. 176*).

Как представляется, ничто не в состоянии свести ставку процента к нулю, за исключением разве что полного перенасыщения рынка капиталом, такого положения дел, при котором реальные доходы настолько высоки, что отказ от текущего потребления становится уже бесполезным и избыточным. По-видимому, как это сегодня кажется, этого не сможет достичь и даже совершенный фантастический завтрашний социализм.

Примечание. Здесь нельзя не отметить любопытнейший факт, наблюдаемый в современном мире. Это кажется абсолютно невероятным и немыслимым, но, тем не менее, в последние годы наблюдается нулевой и даже отрицательный процент по депозитам в Швейцарии и в других странах Западной Европы.

Глубоко верное и плодотворное рассуждение о том, что «Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало делом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли – это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» (*т. 25, с. 284*), к сожалению, Марксом не было последовательно продолжено, хотя он все-таки, кажется, осознавал, что инновационный процесс как таковой представляет ответную реакцию на давление со стороны рынка. Без всякого сомнения, эти экономические аспекты так же очень важны в условиях любой мыслимой экономики, в т. ч. и в предполагаемой коммунистами т. н. социалистической экономике. Т. е., если бы капиталообразование в условиях централизованного планового управления стало бы делом исключительно капитала единой государственной монополии, для которой ни масса прибыли, ни норма прибыли, уже не являются главной движущей силой производства, то вообще угас бы всякий предпринимательский огонь. Предпринимательская инициатива имеет принципиально важное значение для развития «всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала». Но в условиях, когда «производится только то и постольку, что и поскольку» было запланировано заранее в едином государственном централизованном органе управления, о каком предпринимательстве и новаторстве, о каких инновациях и модернизациях в действительности может вообще идти речь? Марксу, вероятно, это все кажется мелочью, ведь «при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы», а обычного для рыночного капитализма противоречия «между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми

условиями, при которых она реализуется» (т. 25, с. 268) уже якобы и не было бы.

«Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил. Периодическое обесценение наличного капитала, – это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, – нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства» (т. 25, с. 273–274). Говоря эти в общем или в целом верные вещи, Маркс забывает сказать о том, что кризисы настолько же необходимы, насколько они и имеют в конечном итоге позитивный исход для прогресса всего экономического процесса в целом.

§ 35. О ПРЕДЕЛАХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Наивно исторически обусловленное представление о том, что «вообще труд капиталиста обратно пропорционален величине его капитала, т. е. той степени, в какой он является капиталистом. Именно это отделение условий труда от производителей образует понятие капитала, оно начинается вместе с первоначальным накоплением, происходит затем как постоянный процесс при накоплении и концентрации капитала и здесь, наконец, выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции» (т. 25, с. 270). Все, конечно, так, но принципиально важным для образования капитала является все-таки сама по себе объективная возможность процента, а также наличие чьей-то индивидуальной способности к накоплению и/или воли к осуществлению накопления сокровищ в действительности.

Настоящим пределом любой экономической деятельности, в т. ч., естественно, и любого производства, является возможность осущест-

вления хозяйственной деятельности в рамках экономической целесообразности. Самовозрастание ценности капитала является «исходным и конечным пунктом, мотивом и целью» всякой экономической деятельности. Поэтому вполне естественно то, что «производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей» (т. 25, с. 274). Маркс, конечно, думал иначе – он парадоксальным образом считал, что средства производства должны быть каким-то немислимым образом только лишь техническими приспособлениями или «просто средствами» без того, чтобы при этом выступать плодом предшествующего необходимого накопления. Границы исследуемого классиком как бы специфического капиталистического производства (под которым Маркс в конечном итоге всегда узко подразумевал лишь концентрированное «крупное машинное производство»), конечно, не являются границами производства вообще, а поэтому не являются границами и для самого по себе капиталистического способа производства как такового. Предел любого способа ведения хозяйства или экономической деятельности в конечном итоге определяется исторически или актуально приемлемой высотой нормы прибыли. Универсальность капиталистического способа хозяйствования выражается в постоянном стремлении преодолеть свои естественные исторические пределы, модифицируя, модернизируя и перестраивая свои же имманентные формы.

Примечание. Вероятно, исходя из того, что весь смысл производства сводится Марксом к созданию добавленной стоимости (хотя самого этого термина у Маркса, кажется, вообще нет), он, говоря о производительности труда, как бы вспоминая, намеренно акцентирует внимание на том, что «Стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается» (т. 25, с. 286). Странная, извращенная позиция. Как представляется, всякое повышение производительности (в т. ч. и труда) выражается не чем иным, как количественным и/или качественным увеличением или улучшением произведенного товара (в ценовом выражении) за единицу времени. Но, по-видимому, вполне оправдано или допустимо и то мнение, что «уменьшение общего количества труда, входящего в товар, ..., должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства» (т. 25, с. 287). Маркс был просто уверен, что именно «В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы

этим масштабом». Для него важно то, что раз для капиталиста этот аспект не столь уж интересен, то, значит, он и «нисколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину... Таким образом, для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на оплачиваемой части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда». Это, по мнению Маркса, в свою очередь означает, оказывается, даже то, что «При этом капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание – безудержное, измеряемое в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в приведенном случае, препятствует развитию производительности труда. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более изживает себя» (т. 25, с. 287). Не является ли это мнение явно избыточным и очевидно изначально коммунистически ангажированным?

Очень интересно и плодотворно следующее рассуждение классика: «Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, в известный момент оно вступает в коллизию с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства – избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство» (т. 25, с. 289).

Здесь прежде всего обращает на себя внимание то, что классик даже не допускает мысли о том, что «абсолютное число рабочих» непосредственным образом не связано с производством «в более короткое время», т. к. производство может осуществляться и при полном отсутствии рабочих на нем. Т. е. развитие производительных сил может радикально уменьшить абсолютное число производственных или производительных рабочих (к чему, собственно, все и идет) в обществе, но это вовсе не обязательно значит, что возникнет фантастическая возможность осуществлять все производство в значительно более «короткое время». Кроме того, следует заметить, что полная автоматизация или роботизация всего производства никоим образом не ликвидирует сам капитализм ни

в плане общественно-экономической необходимости накопления капитала, ни в плане мотивации коммерческой деятельности – извлечение прибыли или процента, ни даже в плане существования необходимого социального неравенства. Поэтому в этом не «обнаруживается специфическая граница капиталистического производства», а скорее, напротив, обнаруживается то, что оно является самой универсальной или даже «абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства». Конечно, в ходе любого развития возникают неизбежные коллизии, которые могут проявляться в кризисах, но пока эти кризисы с успехом преодолеваются, говорить, что этот способ развития уже исчерпан, неуместно. Предел капиталистического производства – не избыточное время рабочих, а отсутствие прибыли или процента. «Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом» или, напротив, составляющее его социальную проблему действительно не интересует само по себе капиталистическое производство, поэтому заботой о занятости в социуме должно заниматься государство и/или соответствующие институты гражданского общества.

Маркс, конечно, верно замечает, что «Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителем и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли» (*т. 25, с. 290*), но при этом он, к сожалению, ничего не говорит о том, что пока какой-либо «новый метод» не в силах увеличить норму прибыли данного производства, то и целесообразность его внедрения не может считаться экономически вполне оправданной.

Правильно говоря о значении купеческого капитала во всяком экономическом процессе, Маркс, к сожалению, не поясняет того, что или кто именно в условиях социалистической экономики в силах заменить его нужные специфические функции, ведь он не только сокращает время обращения, тем самым повышая норму прибыли, но и, что особенно важно, «содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами», способствует развитию в необходимом объеме адекватной транспортно-логистической инфраструктуры и тем самым накоплению совокупного капитала (*т. 25, с. 307*). Кроме того, «купеческий капитал участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя и не участвует в производстве этой прибавочной стоимости» (*т. 25, с. 314*).

Примечание. Маркс, делая свои схоластические утверждения, что «купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости» (*т. 25, с. 307*), замечает, что «цена производства, или та цена, по которой продает промышленный капиталист как таковой, ниже, чем действительная цена

производства товара; или, если рассматривать всю совокупность товаров, то цены, по которым продает их класс промышленных капиталистов, ниже их стоимостей» (т. 25, с. 313). «Подобно тому, как промышленный капитал только потому реализует прибыль, что она как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только потому реализует ее, что не вся прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталом в цене товара. Таким образом, цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее» (т. 25, с. 314). Как представляется, все эти ложные утверждения никоим образом не могут быть обоснованы на практике уже даже только потому, что каждый производитель также волен устанавливать цену на свою продукцию как выше, так и ниже ее стоимости. Кроме того, как теперь нам стало известно, величина прибавочной стоимости, как и стоимости в принципе, неопределима.

Совершенно так же, как промышленный капитал не «получает прибыль благодаря тому, что он продает заключающийся и реализованный в товарах труд», за который он якобы не заплатил никакого эквивалента, так и торговый капитал получает ее не «благодаря тому, что он оплачивает промышленному капиталу не весь неоплаченный труд, заключающийся в товаре», т. к., с одной стороны, никто не в силах определить величину самого неоплаченного труда промышленным капиталом, а с другой стороны, далеко не во всякой цене товара имеется «капитал, затраченный на его производство», который «функционирует как соответственная часть всего промышленного капитала» (т. 25, с. 321–322).

Примечание. Удивительное в своей нелепой извращенности рассуждение Маркса, поясняющее генезис торгового капитала, гласит: «Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости» (т. 25, с. 322). Удивительно не только то, что Маркс как-то необъяснимо приходит к выводу о самом наличии неоплаченного труда в торговле, но и о том, что этот торговый труд при этом еще каким-то совершенно невысказанным и невероятно-чудесным образом создает какое-то участие в фактически чуждой прибавочной стоимости. Согласно ложной, но виртуозно-магической схоластике Маркса некий «неоплаченный труд торговых наемных рабочих» приносит прибыль торговому капиталу «не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд». Ложное или ошибочное мнение классика о том, что «Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть квалифицированный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по сравнению с заработной платой сред-

него труда» (т. 25, с. 329), вообще не выдерживает никакой критики, ведь очевидно, что число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли, оказывающее, по мнению самого Маркса, «прямое влияние на торговые цены товаров», а значит, и на величину прибыли торгового капитала, только лишь самым косвенным и/или незначительным образом зависит от труда (тем более от некоего «неоплаченного труда») торговых наемных работников. «Высота торговой накладки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов или к скорости оборота купеческого капитала в различных отраслях торговли» (т. 25, с. 342).

Маркс определяет границы продажной цены в сфере торговли следующим образом: «Две границы существуют для его продажной цены: с одной стороны, цена производства товара, над которой он не властен; с другой стороны, средняя норма прибыли, которая совершенно так же находится вне его власти» (т. 25, с. 337).

Существование и развитие купеческого или торгово-денежного капитала является не просто одним из исторических условий для развития капиталистического способа производства, а само по себе уже и есть история развития форм капитализма. Торговля не только предполагает концентрацию денежного имущества, но в конечном итоге и производство пользующихся спросом товаров, а значит, в каком-то смысле определяет и актуальные горизонты развития всякого производства или всей производственной сферы в целом. Речь идет прежде всего, конечно, о производстве не для удовлетворения своих личных потребностей, а на рынок. Таким образом, вполне естественно, что «все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары». Однако, как, вероятно, обоснованно полагает Маркс, «его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой». Ведь для развития производства в социуме ключевое значение имеет развитие прикладных наук и технологий. В этом плане Карл Поппер был, без сомнения, прав. Тем не менее, как представляется, Маркс несколько избыточен в своем утверждении о том, что при капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования низводится до как бы второстепенной роли. Да, в условиях концентрированного крупного машинного производства купеческий капитал, кажется, «функционирует уже только как агент производительного капитала», а «выравнивание прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню» (т. 25, с. 359). Как бы то ни было, но любая форма движения или применения капитала является лишь неким

специфическим «моментом применения капитала вообще», а «капиталом вообще» (повторимся) корректнее считать все-таки товарно-денежный капитал, чем производственный капитал. Поэтому, если «на пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью», а «в современном обществе наоборот» (*т. 25, с. 363*), то вполне возможно, что в следующий исторический период господствовать будет если не вновь товарный капитал или денежный капитал, то, например, капитал сферы услуг.

В ложном представлении Маркса торговля, выражающая собой только «лишь существующий спрос», не ограничивает массовое производство, а его ограничивает «величина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда» (*т. 25, с. 369*). Но на самом деле именно существующий спрос предопределяет или должен предопределять в целом весь нормальный экономический процесс в любых исторических обстоятельствах. Недопонимание и недооценка фундаментального значения рынка и торговой деятельности в любой экономике крайне негативно сказалось на политэкономических выводах Маркса и его адептов-последователей.

§ 36. О КАПИТАЛЕ КАК ТОВАРЕ

«...здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идет речь, есть капитал» (*К. Маркс, т. 25, с. 389*).

Маркс извращенно полагает, что в сфере денежного капитала все проявляющиеся отношения иррациональны, т. к. «то, что здесь уплачивается, есть процент, а не цена товара. Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости, тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости. Процент как цена капитала – выражение с самого начала совершенно иррациональное» (*т. 25, с. 389*). Но как представляется, как раз именно процент является самой реальной адекватной рыночной ценой всякого капитала, что в конечном итоге и является одним из главных ценообразующих факторов во всякой нормальной рыночной экономике.

Маркс, пытаясь как-то пояснить свою нелепую позицию и увязать наличие процента с трудовой стоимостью, говорит следующее: «Здесь товар имеет двоякую стоимость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег». При этом он формулирует совершенно не тот вопрос, который следует: «Каким же образом сумма стоимости может иметь цену, кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена – это стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительной стоимости. Цена, качественно отличная от стоимости, – это абсурдное противоречие» (*т. 25, с. 389*). Короче, вершина извращенного бреда...

Вопрос как раз, напротив, нужно задать совсем другой: каким же образом средний процент, необходимо выражающийся во всех реальных рыночных ценах, может иметь некую трудовую стоимость хоть выраженную в собственной денежной форме, хоть нет? Каким образом в данном контексте рыночная цена капитала или процент, ведь «продукт капитала есть прибыль» (*т. 25, с. 390*), может отличаться от стоимости не качественно, а только количественно, касаясь якобы лишь величины стоимости? К тому же Маркс согласен с тем, что «разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно конкуренцией, совершенно так же, как ими регулируются рыночные цены товаров» (*т. 25, с. 392*). Правда, он при этом фанатично повторяет опять свою нелепую мантру о том, что «если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства». С одной стороны, как уже не раз отмечалось, спрос и предложение никогда на практике не покрываются, а с другой стороны, даже если они в каком-то смысле в какой-то момент и покрывают друг друга, то это вовсе не значит, что конкуренция из-за когда-нибудь прекращает свое действие. В реальности воздействие ни спроса, ни предложения никогда, естественно, не прекращаются. Спрос и предложение имманентны любому живому общественному, тем более, экономическому процессу. Конкуренция предполагается именно внутренними имманентными законами рыночной экономики. Представление о возможности неких адекватных «внутренних законах капиталистического производства» вне рыночной конкуренции и/или вне соотношения спроса и предложения совершенно абсурдно, это попросту нонсенс. Классик свое абстрактное допущение о том, что «за известные более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства», приводит

как доказанный или очевидный аргумент, что, конечно, ни в коем случае не может быть приемлемым или оправданным.

Маркс, кажется, не осознавал, что, строго говоря, имманентными законами самого по себе производства могут только как-то экономиться или регулироваться его необходимые издержки (т. е. себестоимость), а конечная цена товара в любом случае определяется рыночной конъюнктурой. То же происходит и с зарплатой, которая, естественно, даже в принципе никогда не может совпадать с величиной стоимости реальной рабочей силы. Именно необходимо так же, а не «иначе» «обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под естественной нормой процента понимают, напротив, именно норму, устанавливаемую свободной конкуренцией. «Естественных» границ нормы процента не существует» (*т. 25, ч. 1, с. 391*). Конкуренция, да и соотношение спроса и предложения, конечно, определяются сами по себе, своими имманентными закономерностями, а не некими абстрактными независимыми от них «внутренними законами капиталистического производства», что у Маркса практически тождественно «концентрированному крупному машинному производству». Поэтому «во всяком случае» и «среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента» (*т. 25, ч. 1, с. 395*).

Примечание. «Потребительная стоимость ссужаемых денег – это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль» (*т. 25, с. 387*).

Любопытны следующие заявления. Маркс полагает, что из-за роста класса рантье, стремящихся ссужать капитал, и развития системы кредита «существует тенденция к понижению ставки процента совершенно независимо от колебаний нормы прибыли» (*т. 25, с. 396*). Более того, «Средняя норма процента, господствующая в данной стране, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных ставок, не может быть определена никаким законом. В этой области не существует никакой естественной нормы процента в том смысле, в каком экономисты говорят об естественной норме прибыли и естественной норме заработной платы» (*т. 25, с. 397*). Здесь «вдруг» для Маркса со всей очевидностью наконец выясняется, что «равенство спроса и предложения – причем средняя норма прибыли предполагается данной – здесь вовсе ничего не значит!» Но к огромному сожалению, при этом он так и не осознал, что это «равенство» по большому счету во всех случаях рассматриваемой рыночной реальности «ничего не значит». Не может не умилять то, как он пола-

гает оправданным и практически правильным всегда стараться прежде всего «прибегать к этой формуле», т. к. она якобы «служит формулой для нахождения основного правила, независимого от конкуренции и, напротив, определяющего ее (формулой для нахождения регулирующих пределов или предельных величин); она служит формулой для тех, кто захвачен практикой конкуренции, ее проявлениями и возникающими отсюда представлениями; формулой, которая помогает прийти хотя бы опять-таки к поверхностному представлению о проявляющейся в конкуренции внутренней связи экономических отношений. Это – способ для того, чтобы от изменений, сопровождающих конкуренцию, прийти к пределам этих изменений. Но он неприложим к средней ставке процента. Нет решительно никакого основания, почему средние условия конкуренции, равновесие между ссужающими и заемщиками должны были бы давать для ссужающего ставку процента в 3 %, 4 %, 5 % и т. д. на его капитал или же определенную часть, 20 % или 50 % валовой прибыли. В тех случаях, когда здесь решающую роль играет конкуренция как таковая, определение само по себе является случайным, чисто эмпирическим». По ложному и крайне извращенному мнению Маркса «надо быть педантом или фантазером, чтобы пытаться представить эту случайность как нечто необходимое» (т. 25, с. 398). Классики никогда не были в силах выйти за рамки гегелевского представления о случайности.

Однако для нас здесь важно несколько иное: Маркс согласен с тем, что относительно определения нормы процента говорит некий Рамсей, что она «зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от той пропорции, в какой эта последняя распадается на проценты и предпринимательскую прибыль. Эта пропорция зависит от конкуренции между ссужающими и заемщиками капитала; эта конкуренция находится под влиянием предполагаемой нормы валовой прибыли, однако регулируется не только ею. Конкуренция потому не регулируется исключительно предполагаемой нормой валовой прибыли, что, с одной стороны, многие берут займы, не имея в виду производительного применения, а с другой стороны, та доля всего национального капитала, которая отдается займам, изменяется с богатством страны независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли» (т. 25, ч. 1, с. 397).

Примечание. Маркс говорит: «Чтобы найти среднюю норму процента, необходимо 1) высчитать среднюю ставку процента по ее изменениям во время крупных промышленных циклов и 2) высчитать ставку процента в таких областях вложения, где капитал ссужается на сравнительно продолжительное время» (т. 25, ч. 1, с. 397). Фундаментально важным является то, что «цена денег, обозначаемая словом “процент”, обладает большим постоянством и равномерностью, чем цена всякого другого предмета» (Дж. Стюарт).

Таким образом, вне всякого сомнения, здесь становится совершенно очевидным, что в процессе ценообразования и извлечения прибыли в реальной рыночной экономике далеко не всегда или не во всех случаях даже теоретически или гипотетически может принимать участие величина трудовой стоимости и прибавочной стоимости (т. е. некие объективные «внутренние», непроявляемые или скрытные связи экономических отношений). **Все мы всегда так или иначе живем в кредит. Вся наша жизнь в некотором смысле – кредит, даже когда мы и платим по всем счетам как бы сразу. В конечном итоге, когда бы мы ни заканчивали свою жизнь, мы всегда неизбежно остаемся в каком-то как бы неоплатном долгу перед кем-то или чем-то. Вероятно, именно отсюда такое фундаментальное значение имеет средняя ставка процента.**

Тем не менее, вновь как бы напоминая о своей схоластически-абстрактной стоимости товара, Маркс все равно настаивает: «Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости» (*т. 25, с. 400*). При этом он согласен и с наблюдаемой реальностью: «процент есть только часть средней прибыли» (*т. 25, с. 399*), а «общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней ставке процента, хотя последняя не представляет собой чистого или достаточно надежного выражения первой» (*т. 25, с. 400*). И, более того, еще к тому же «относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере в средней ставки процента» (*т. 25, с. 401*). Ясно, что ни общая норма прибыли, ни, тем более, средняя ставка процента не имеют и не могут иметь никакого отношения к некоей как бы независимой, объективной величине прибавочной стоимости. Скорее напротив, именно гипотетически предполагаемая величина прибавочной стоимости может быть как-то выведена как раз, только исходя из уже данной или известной величины общей средней нормы прибыли.

Примечание. Маркс уточняет: «общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к выравниванию отдельных норм прибыли» (*т. 25, с. 401*), но при этом несколько позже парадоксально поясняет: «различные нормы прибыли могут выравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний» (*т. 25, с. 405*). В данном случае принципиально важным для нас является ключевое слово в этом высказывании – «постоянных» колебаний, т. е. не неких случайных отклонений, как иногда говорит сам Маркс, а именно необходимо постоянных колебаний или отклонений. Но при постоянных отклонениях и колебаниях говорить о том, что цена есть денежное выражение стоимости, совершенно некорректно и просто нелепо.

В извращенном представлении Маркса, несмотря ни на что, «качественно процент есть прибавочная стоимость», которую капитал хотя

и «приносит сам по себе», но ведь он при этом все равно не «остается вне процесса воспроизводства». Количественно же процент, по мнению Маркса, – это часть прибыли, которая его образует. Маркс, конечно, ошибался: это вовсе не иллюзия – эта «часть прибыли» и качественно, и количественно действительно «связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом» (*т. 25, с. 414*), и норма этой части общей прибыли вовсе никак не связана с некоей прибавочной стоимостью (получаемой, по Марксу, исключительно только в сфере производства). Норма процента, или ставка процента как раз очевидным образом проявляет это реальное экономическое отношение, и именно потому, что «приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале». «Функционирующий капитал», по Марксу, это обязательно так или иначе именно «овеществленный труд в его всеобщей общественной форме, – стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства», но это ведь явно избыточное или ошибочное допущение, сводящее все имеющиеся разнообразные формы капитала только к производственному капиталу. Говоря же о том, что «Приносящий проценты капитал – это капитал как собственность в противоположность капиталу как функции» (*т. 25, с. 417*), Маркс лишь повторяется: частная собственность есть та «самостоятельная сила», которая является не только «средством присвоения неоплаченного труда», но и его результатом. Но в условиях, например, государственного капитализма или «реального социализма», т. е. отсутствия частной собственности, разве исчезает или может исчезнуть капитал, приносящий проценты?

Изначально извращенная или ложная позиция как бы вынуждает Маркса делать (исходя даже из собственной логики) ничем не оправданный вывод: «тождество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала». Ведь даже если мы и согласимся с тем, что «качественная граница» прибавочного труда и прибавочной стоимости «определяется продолжительностью всего рабочего дня, данным уровнем развития производительных сил и численностью населения, которая ограничивает число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно», то из этого вовсе еще не следует, что тем самым ставится «качественная граница» всему процессу накопления капитала. Накопление капитала несводимо к результатам только производственного процесса или деятельности лишь в сфере производственного капитала. Указание же на то, что прибавочная стоимость может якобы как-то рассматриваться «в иррациональной форме процента» (*т. 25, ч. 1, с. 438*), просто обескураживает своей абсурдностью. Исходя из

самой ТПС и того, что Маркс говорит о генезисе ставки процента, это в принципе невозможно. Это просто немыслимо! В реальности существующий предел накоплению капитала всегда исключительно только количественный. Ведь «Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определенную цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента» (т. 25, с. 432). Правда и здесь Маркс умудряется тавтологически упомянуть «стоимость», но на самом деле, конечно, самовозрастает ценность, которая оценивается и потому имеет определенную цену, которая может быть выражена и выражается конкретной ставкой процента.

Для Маркса по-коммунистически важно несколько иное, для него «сохранение, а следовательно и воспроизводство стоимости продуктов прошлого труда есть только результат их контакта с живым трудом; и, во-вторых, что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, – определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе» (т. 25, с. 439). Но в гипотетических условиях без классового социализма прошлый труд, вне всякого сомнения, никуда не денется, а живой труд, если останется, будет также опираться на его накопленные результаты. Более того, живой труд будет неизбежно организовываться (иными словами, «подчиняться»), исходя из сохраненного капитала. Конечно, в эпоху крупного машинного производства (т. е. в индустриальную эпоху развития капитализма) в производственной сфере «сохранение, а следовательно и воспроизводство стоимости продуктов прошлого труда есть только результат их контакта с живым трудом», но уже в обстоятельствах полной автоматизации или роботизации производства какая-либо обусловленность воспроизводства живым трудом заканчивается. Таким образом, противоречие между прошлым и живым трудом будет воспроизводиться до тех пор, пока само по себе производство будет нуждаться в живом труде.

Маркс приходит к весьма важному и верному выводу: «Образование кредита необходимо для того, чтобы опосредствовать выравнивание нормы прибыли или процесс этого выравнивания, на чем покоится все капиталистическое производство» (т. 25, с. 478). Но при этом он, к сожалению, забывает подчеркнуть то, что тем самым, процесс рыночного ценообразования окончательно покидает горизонт теоретической досягаемости со стороны теории трудовой стоимости. Ведь ставка процента – один из фундаментальных ценообразующих факторов в любой экономике. Практически всегда до начала всякого процесса производства и образования производственного капитала исторически уже «существовал капи-

тал приносящий проценты и была налицо традиционная общая ставка процента», как уже существовал и мировой рынок, который «оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли» (т. 25, ч. 1, с. 403).

Исходя из вышесказанного, возникает большой и невероятно трудный вопрос об определении ставки процента в социалистической безрыночной экономике, что, в свою очередь, влечет за собой вопрос об адекватном ценообразовании в таких условиях. То, что конкуренция может быть заменена государственной монополией, и с успехом осуществлена всеобщая экспроприация (о которой бредил Ф. Э. – т. 25, ч. 1, с. 481), еще никак не указывает на то, что эти меры в силах создать иные действенные экономические механизмы регулирования. Установление всеобщей государственной монополии и повсеместного государственного вмешательства неизбежно воспроизводит новую финансово-партийную «аристократию», новую разновидность паразитов в образе прожектеров, партийных номенклатурщиков и чисто номинальных директоров; оно постоянно воспроизводит целую систему мошенничества, очковтирательства, показухи, коррупции, халатности и обмана в области управления, планирования, учета и отчетности. Именно так выглядит так или иначе дефицитное производство без контроля со стороны частной собственности (ср. т. 25, ч. 1, с. 481–482).

Маркс даже с некоторым пафосом заявляет: «Экспроприация – исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом» (т. 25, ч. 1, с. 483). Но по всей видимости, эта необходимая экспроприация, о которой идет речь в данном случае, ее цели и средства подразумевают не что иное, как именно крупное машинное производство. Развитием только лишь форм общественного производства не исчерпывается развитие капитализма или всей капиталистической экономики. Т. н. «ассоциированные производители» не в силах фактически присвоить средства производства, как и весь общественный продукт, т. к. превратить их в «общественную собственность» можно только формально-юридически, но не реально. **Ни о каком «преодолении противоречия между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного» в реальности и речи быть не может, это необходи-**

мое фундаментальное экономическое противоречие. В ходе развития цивилизации оно лишь меняет свои формы. Утопическое утверждение Маркса о том, что в пределах кооперативных фабрик самих рабочих «уничтожается противоположность между капиталом и трудом», хотя в данном случае «рабочие как ассоциация» и «являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда» (*т. 25, ч. 1, с. 483*), свидетельствует о всей глубине наивности его представлений. И не потому, что они неизбежно «воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы», а потому, что не могут, не в силах работяги управлять самими собой должным для успешного бизнеса образом.

§ 37. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И О ДЕНЬГАХ КАК О КАПИТАЛЕ

Весьма важное уточнение Маркса относительно определения прибавочной стоимости: «Абсолютная и относительная прибавочная стоимость имеют то общее между собой, что обе они предполагают известную степень развития производительной силы труда. Если бы у человека (у каждого человека) всего его рабочего дня (всего рабочего времени, которым он располагает) было достаточно только на прокормление его самого (или, в лучшем случае, еще и его семьи), то отпали бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная стоимость. Эта предпосылка известной степени развития производительной силы труда основывается на естественном плодородии природных источников богатства – земли и воды, – которое в различных странах и т. д. различно... Основой абсолютной прибавочной стоимости – т. е. реальным условием ее существования – является естественное плодородие земли, природы, тогда как относительная прибавочная стоимость основывается на развитии общественных производительных сил» (*т. 26, ч. 3, с. 468*).

Иными словами, выходит, что реальным изначальным необходимым условием существования вообще прибавочной стоимости (т. е. абсолютной прибавочной стоимости) есть вполне определенная данная естественная производительность имеющихся внешних природных ресурсов. Относительная прибавочная стоимость появляется лишь при достижении уже некоего определенного уровня развития самих общественных производительных сил. В конечном итоге, это, по всей видимости, должно означать, что и сама трудовая стоимость – это не только исключительно

затраты рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда (или абстрактной рабочей силы), но и еще плюс к этому затраты (освоение, поглощение, присвоение) неких внешних природных сил, используемых в этом процессе труда. Любопытно, как при понимании или осознании этих внутренних скрытых обстоятельств можно избежать якобы фетишизации «естественной производительности» или источников дохода в виде «неких внешних природных сил», когда в наблюдаемой рыночной реальности «земля становится источником земельной ренты, капитал – источником прибыли, а труд – источником заработной платы». Маркс парадоксально-извращенно полагает капитал, приносящий реальные проценты (у Маркса – «бесмысленное резюме» движения денег), не настоящей ценностью, а лишь «наиболее завершенным фетишем» (т. 26, ч. 3, с. 471). Заявление о том, что «здоровому человеческому рассудку остается ясным одно, а именно – что труд сам создает свою заработную плату» (т. 26, ч. 3, с. 472) является очевидной ложью или откровенным враньем. Труд на самом деле лишь один из производственных факторов, создающих товарную продукцию, а заработная плата – только лишь его цена, входящая в себестоимость этого продукта. В любом случае некорректно объяснять происхождение прибыли «из вещи» (т. 26, ч. 3, с. 475), как того всегда хочет Маркс, т. к. порождается она именно в сфере обращения и/или обмена, т. е. из специфических общественных отношений, если угодно – в процессе того или иного необходимого отчуждения / присвоения вещи, а не сугубо в процессе ее материального производства. Правда, в представлении Маркса именно вследствие единства (и/или опосредования) процесса производства и процесса обращения в определенный период времени капитал приносит определенную прибыль. Капитал в форме, которая приносит только процент, выглядит не опосредованным процессом производства и обращения, а к тому же «из-за единообразной прибыли всех капиталов – общей нормы прибыли – капитал уже очень затемняется, становится чем-то темным и мистическим», «и в этой форме он уже не несет на себе никаких следов своего происхождения. Превращение общественного отношения в отношении вещи (денег, товара) к себе самой здесь завершено». Из абсолютно ничем неоправданного, ангажированного ТТС предположения о том, что в деньгах обязательно каким-то невероятным образом представлена «определенная сумма стоимости», т. к. они якобы являются «превращенной формой товара», а не универсальным средством обмена, Маркс пытается навязать нам (хоть и верный сам по себе банальный постулат экономической теории) непоследовательный вывод о том, что именно только поэтому «сами деньги могут продаваться как капитал, как товар особого рода, или что капитал можно покупать в форме товара или денег»

(*т. 26, ч. 3, с. 475*). В данном случае раздражает, что Маркс игнорирует факт того, что деньги, согласно его же утверждениям, существовали исторически гораздо раньше появления прибавочной стоимости, т. е. (согласно Марксу) значит, и капитала тоже. На самом деле капитал если продается, то всегда, как источник прибыли или процента вне зависимости от того, существует ли гипотетическая абстрактная прибавочная стоимость или нет в действительности.

Примечание. Маркс как настоящий мистификатор, манипулируя в описании собственной терминологией, пытается убедить нас в как бы реальности «невидимого»: «Капитал может продаваться как источник прибыли. Посредством денег и т. д. я даю другому человеку возможность присваивать себе прибавочную стоимость. Естественно, поэтому, что я получаю часть этой прибавочной стоимости. Подобно тому, как земля имеет стоимость в силу того, что она дает мне возможность перехватывать часть прибавочной стоимости, и я поэтому оплачиваю в земле лишь эту перехватываемую при ее помощи прибавочную стоимость, – так и в капитале я оплачиваю создаваемую при его помощи прибавочную стоимость... Деньги или товары продаются в этом случае не как деньги или товары, а как возведенные во вторую степень, как капитал, как самовозрастающие деньги или товарные стоимости. Они не только увеличивают себя, но и сохраняют себя в совокупном процессе производства. Поэтому они остаются капиталом для продавца, возвращаются к нему обратно... Подобно земле, деньги сдаются в аренду как такая создающая стоимость вещь, которая сохраняется в этом процессе созидания стоимости, постоянно все снова и снова возвращается, а поэтому и может быть возвращена первоначальному продавцу. Только благодаря возвращению к первоначальному продавцу деньги являются капиталом. Не будь этого возвращения денег, он продавал бы их как товар, или покупал бы на них как на деньги» (*т. 26, ч. 3, с. 476*). Все сказанное здесь Марксом можно вполне корректно изложить и без терминологии ТТС, ниже мы попробуем это сделать. На самом деле посредством денег и т. д. другому человеку кредитором дается возможность зарабатывать себе не абстрактную прибавочную стоимость, а именно прибыль. Естественно, поэтому кредитор получает часть этой прибыли. Подобно тому, как земля имеет не стоимость, а ценность и, следовательно, цену в силу того, что она дает возможность зарабатывать некую прибыль, когда арендатор выплачивает ренту из своей прибыли, так и в денежном капитале заемщик оплачивает кредитору часть создаваемой при его помощи прибыли – процент. Деньги или товары продаются в этом случае не как деньги или товары, а как возведенные во вторую степень, как капитал, как самовозрастающие деньги или товарные ценности. Они не только увеличивают себя, но и сохраняют себя в совокупном экономическом процессе (это вовсе не обязательно должно быть производство). Поэтому они остаются капиталом для продавца, возвращаются к нему обратно. Подобно земле, деньги сдаются в аренду как такая создающая прибыль «вещь», которая сохраняется в этом процессе созидания товара. Здесь весь результат капиталистического процесса производства и обраще-

ния выступает как некое присущее самой этой ценности (кстати, вовсе не обязательно «вещи») свойство; «и от владельца денег, т. е. товара в той его форме, которая всегда способна к обмену, зависит, израсходуется ли он их в качестве денег или отдаст займы в качестве капитала» (т. 26, ч. 3, с. 476).

Первоначальный капитал, увеличивающийся в ходе экономического процесса, всегда остается в руках того же капиталиста. Изменяются только те формы, в каких он владеет им: владеет ли он им в форме денег, в форме товара или в форме самого экономического процесса, в т. ч., например, и в форме некоего производства (т. 26, ч. 3, с. 477). Капитал ссужается как самовозрастающая ценность (а не абстрактная стоимость!), выражаемая в рыночной цене «как товар, но такой товар, который именно этим своим свойством отличается от товара как такового, а потому и обладает особой формой отчуждения. Исходным пунктом капитала является товаровладелец, владелец денег, одним словом – капиталист» (т. 26, ч. 3, с. 478). Заметьте: не производственник, а капиталист – денежной сферы капитала. В этом последнем высказывании Маркс наконец-то как бы признает очевидное: не труд является исходным пунктом всякого экономического процесса, а капитал в целом, точнее, даже его собственник, имеющий волю стать инвестором. Хотя в пределах данного контекста, строго говоря, исходным пунктом всегда является наличие определенного спроса или потребности.

Маркс учит нас, что «Уже в прибыли как таковой прибавочная стоимость – а потому и ее, прибыли, действительный источник – затемнена и мистифицирована: 1) тем, что рассматриваемая формально прибыль есть прибавочная стоимость, исчисляемая на весь авансированный капитал, так что каждая часть капитала, как основного, так и оборотного, затраченная на сырье, машины или труд, приносит одинаковую прибыль»; 2) тем, что «теперь вследствие установления общей нормы прибыли всякий капитал в 500 или в 100, в какой бы сфере он ни был занят, каково бы ни было в нем соотношение переменного и постоянного капитала, каким бы различным ни было время его оборота и т. д., приносит в один и тот же период времени такую же среднюю прибыль... как и всякий другой капитал, действующий при совершенно иных органических условиях. Тем, следовательно, что прибыль отдельных капиталов, рассматриваемых порознь, и прибавочная стоимость, созданная ими самими в их собственных сферах производства, становятся реально различными величинами. Во втором пункте, впрочем, получает лишь дальнейшее развитие то, что заключалось уже в первом» (т. 26, ч. 3, с. 479–480). Здесь ключевые слова манипуляции – «теперь» и «становятся», на самом деле ни «ранее», ни «тогда», а всегда рынок необходимо устанавливает общую норму прибыли. Изначально реальная прибыль в любом случае уже даже

по своему собственному определению отличается от предполагаемой гипотетически абстрактной прибавочной стоимости. Маркс, соглашаясь с тем, что «процент непосредственно предполагает не прибавочную стоимость, а прибыль», настаивает на том, что процент – не что иное, как всего лишь часть прибыли. Якобы именно поэтому «в проценте прибавочную стоимость еще гораздо труднее узнать, чем в прибыли, так как он имеет непосредственное отношение к прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку последняя выступает в форме прибыли» (т. 26, ч. 3, с. 480). Таким образом, получается, что «Процент... превращает товары или деньги, взятые сами по себе, в самовозрастающую стоимость» (т. 26, ч. 3, с. 481).

Примечание. Маркс здесь напоминает один из своих постулатов: «Конечно, условия труда являются капиталом лишь постольку, поскольку они по отношению к рабочему функционируют как его не-собственность, а потому как чужая собственность» (т. 26, ч. 3, с. 481). Но ясно, что условия труда в случае их целесообразного или коммерческого использования в экономическом смысле являются капиталом совершенно независимо от того, кому они принадлежат.

Маркс говорит о «видимости» у профанов того, что «голая собственность на деньги или на товар, отделенная от процесса капиталистического производства, выступает как капитал» (т. 26, ч. 3, с. 481–482). Но здесь он не говорит о том, что «деньги или товар» являются капиталом не только в сфере производства, но и в сфере торговли и услуг. Вовсе как раз не сама по себе «голая собственность», которая скорее является просто сокровищем (по его же логике), выступает как капитал. Свидетельством того, что она является капиталом, есть ее сугубо коммерческое использование (но вовсе не обязательно именно производственное, как постоянно говорит Маркс). Деньги, которые выступают как капитал, естественно, являются как бы самовозрастающей, самосохраняющейся и увеличивающейся ценностью. Создавать иные ценности, приносить проценты является не «их имманентным свойством», а лишь потенциальной способностью, реализуемой в форме денежного капитала. «И именно как такую приносящую проценты вещь продает свои деньги промышленному капиталисту ссудодатель» (т. 26, ч. 3, с. 482).

Маркс постоянно пытается навязать нам здесь некое извращенное или нелепое искусственное представление, а затем героически и убедительно его опровергнуть: «в качестве капитала деньги ежедневно приносят прибавочную стоимость совершенно так же, как это делает наемный труд». На самом деле и речи быть не может о том, чтобы деньги приносили некую абстрактную прибавочную стоимость (даже если и согласиться или допустить, что ее как-то приносит наемный труд). Деньги могут при-

носить только имманентную для сферы денежного капитала прибыль, т. е., иными словами, процент. Функции денежного капитала, строго говоря, не входят в сферу деятельности производственного капитала, но из этого, конечно, никак не следует, что они свойственны самой по себе «голой собственности на капитал, собственности на деньги и товары» и якобы «потому капиталу в собственном смысле слова» (т. 26, ч. 3, с. 482). Деньги становятся капиталом, только если выполняются экономически необходимые специфические кредитные функции. Именно поэтому, с точки зрения денежного капитала, торговая, транспортная, туристическая или «промышленная прибыль выступает здесь как всего лишь надбавка к проценту, которую ссудополучатель зарабатывает себе путем производительного применения полученного в ссуду капитала», т. е. вовсе не обязательно только «путем эксплуатации рабочих при помощи этого капитала», как постоянно настаивает Маркс. Кстати, вполне оправданно, об этом можно сказать и несколько иначе: благодаря прежде всего приложению именно собственного предпринимательского таланта, организаторских способностей и усилий буржуа или капиталиста (которые ни в коем случае нельзя отождествлять с наемным трудом) осуществляется функционирование всех отраслей экономики (в т. ч., естественно, и производственных). Предприниматель-капиталист на самом деле является основным и/или основополагающим актором или агентом всякого экономического процесса. Марксово сопоставление и сравнение его «как работника» с якобы «ленивым, бездеятельным ссудодателем, выполняющего функции собственника в отрыве от процесса производства и вне этого процесса» (т. 26, ч3, с. 482–483) нельзя признать корректным, т. к. деятельность банкира-ссудодателя или кредитора-ростовщика не менее трудоемка и общественно важна, требует своего специфического таланта и специальных знаний.

Итак, процент выступает поэтому как такой доход, соиздание которого свойственно вообще в целом капиталу. Естественно, что, в этой форме как бы отсутствует всякое опосредствование. Марксу кажется, что тем самым выражен не реальный процесс движения денежного капитала, а лишь выявлена его иллюзорная видимость и «завершен фетишистский облик капитала, равно как завершено и представление о капитале-фетише». В ложном представлении Маркса «Этот облик с необходимостью возникает только лишь в результате того, что юридическая собственность на капитал отделяется от экономической собственности на него», т. е. он удивительным и невероятным образом отождествляет «потенциальный капитал» с «собственником этого капитала». Маркс полагает, что «В Д – Д' мы имеем иррациональную форму капитала, извращение и овеществление производственного отношения в наивысшей степени», при

этом почему-то не обращает внимания на наличие примитивного потребительского кредита, которое никакого отношения по большому счету вообще не имеет к производству. При этом, говоря о том, что «Общей норме прибыли соответствует, естественно, общая норма процента, или общая процентная ставка» (т. 26, ч. 3, с. 483), он обоснованно заявляет следующее: «для полного выяснения этой формы проявления капитала важно отметить то, что общая норма прибыли в гораздо меньшей степени выступает как осязательный твердый факт, чем норма процента, или процентная ставка. Правда, процентная ставка постоянно колеблется. Сегодня (на денежном рынке для промышленного капиталиста, а только об этом идет у нас речь) она составляет 2, завтра 3, послезавтра 5 %. Но эта ставка равна 2, 3, 5 % для всех ссудодателей» (т. 26, ч. 3, с. 483–484). Нельзя не заметить здесь важного ограничительного замечания Маркса о том, что о процентах на денежном рынке, но только именно лишь для промышленного капиталиста, у него и идет речь (!). Ну какой в этом извращении действительности может быть смысл?

Маркс делает целый ряд весьма важных пояснений: «На протяжении некоторого ряда лет норма прибыли в определенных сферах стоит на более высоком уровне, на протяжении следующего ряда лет – на более низком. Средняя прибыль получится как среднее при соединении вместе этих периодов или ряда подобных эволюций. Но в силу этого она никогда не выступает как нечто непосредственно данное, а только как средний результат противоречивых колебаний. Иначе обстоит дело с процентной ставкой. В своей всеобщности она – ежедневно фиксируемый факт, такой факт, который для промышленного капиталиста служит в его операциях даже предпосылкой и одной из статей при калькуляциях. Общая норма прибыли существует на деле лишь как идеальное среднее число, поскольку она служит для оценки действительных прибылей; она существует лишь как среднее число, как абстракция, поскольку она фиксируется как нечто само по себе готовое, определенное, данное; в реальной же действительности она существует лишь в форме тенденции, определяющей движение выравнивания действительных различных норм прибыли, будь то отдельных капиталов в одной и той же сфере или различных капиталов в различных сферах производства» (т. 26, ч. 3, с. 484).

По поводу этого высказывания Маркса можно сделать следующие замечания. Процентная ставка, которая есть ежедневно фиксируемый факт, служит в коммерческих или хозяйственных операциях для всех форм капитала и/или для всех отраслей экономики (в т. ч., естественно, и в производственной сфере), являясь как бы имманентной предпосылкой ценообразования и одной из статей при калькуляциях себестоимости и предполагаемой цены. Общая норма прибыли существует на деле

лишь как расчетное (но, конечно, не «идеальное») среднее число, именно поскольку она служит для оценки действительных прибылей; она существует лишь как среднее число, но не как гипотетическая абстракция (подобно, например, норме прибавочной стоимости или самой прибавочной стоимости), а как реальная величина, именно «поскольку она фиксируется как нечто само по себе готовое, определенное, данное».

Далее Маркс, продолжая, говорит: «ясно одно: колебания нормы прибыли, – совершенно оставляя в стороне те особые преимущества, какими пользуются отдельные капиталисты в пределах одной и той же сферы производства, – зависят внутри каждой сферы от уровня рыночных цен в каждый данный момент и от их колебаний вокруг цен издержек. Различие норм прибыли в различных сферах может быть установлено только посредством сравнения рыночных цен в различных сферах – т. е. рыночных цен различных товаров – с ценами издержек этих товаров. Падения нормы прибыли в какой-нибудь отдельной сфере ниже идеального среднего уровня достаточно, если оно удерживается более или менее продолжительное время для того, чтобы отвлечь капитал от этой сферы или исключить для нее приток нового капитала в среднем размере. Ибо распределение капитала по отдельным сферам производства выравнивается не столько путем перераспределения уже вложенного капитала, сколько путем притока нового, добавочного капитала. Наличие, наоборот, сверхприбыли в отдельных сферах можно установить [также] лишь посредством сравнения рыночных цен с ценами издержек. Как только различие так или иначе обнаруживается, начинается отлив капиталов от одних сфер производства и приток их к другим. Помимо того, что это – такой акт выравнивания, который требует времени, сама средняя прибыль в каждой отдельной сфере выступает лишь в виде некоторой средней величины из тех норм прибыли, которые реализуются в течение, например, 7-летнего цикла и т. д., в зависимости от природы данного капитала. Следовательно, простых колебаний вверх и вниз, если они не превышают средней меры, не принимают чрезвычайной формы, недостаточно для того, чтобы вызвать перемещение капитала, тем более что тут для перемещения капитала возникают еще те трудности, которые вытекают из особенностей основного капитала. Кратковременные конъюнктуры могут действовать лишь в ограниченной мере и притом больше в отношении притока или отлива добавочного капитала, чем в отношении перераспределения уже вложенного в различные сферы капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 485*). Здесь важно отметить, что Маркс совершенно верно указывает, что «колебания нормы прибыли... – зависят внутри каждой сферы от уровня рыночных цен в каждый данный момент и от их колебаний вокруг цен издержек», а «Различия норм прибыли в различных сферах

может быть установлено только посредством сравнения рыночных цен в различных сферах – т. е. рыночных цен различных товаров – с ценами издержек этих товаров».

Подчеркнем, что при этом в этом своем изложении он и слова не говорит о том, что уровень рыночных или реальных цен колеблется вокруг неких абстрактных гипотетических трудовых стоимостей. Чтобы нам ни говорили, но цена издержек или сумма цен издержек, т. е. себестоимость товарной продукции и услуг, ни в коем случае не тождественна величине ее трудовой стоимости. Более того, Маркс учит нас здесь даже тому, что «Мы видим, что все это в целом есть очень сложное движение, причем здесь играют роль, с одной стороны, рыночные цены в каждой отдельной сфере, сравнительные цены издержек различных товаров, состояние спроса и предложения в пределах каждой сферы, а с другой стороны, конкуренция капиталистов различных сфер; кроме того, более быстрое или более медленное выравнивание зависит здесь от особенностей органического строения капиталов (например, больше основного или оборотного капитала) и от особенностей природы их товаров, смотря по тому, насколько легче природа их как потребительных стоимостей допускает более быстрое снятие их с рынка, уменьшение или увеличение их предложения, соответственно состоянию рыночных цен» (*т. 26, ч. 3, с. 486*). По ходу заметим, что, исходя из этого его высказывания, становится совершенно непонятно, как в таких обстоятельствах может даже гипотетически предполагаться обмен в соответствии с трудовыми стоимостями.

Маркс, продолжая, учит, что «Совершенно иначе обстоит дело с денежным капиталом. На денежном рынке противостоят друг другу только две категории: покупатели и продавцы, спрос и предложение. На одной стороне класс капиталистов, берущих займы, на другой – класс капиталистов, дающих займы... Здесь прекращается конкуренция отдельных сфер». Денежный капитал (капитал на денежном рынке) распределяется между различными сферами экономики соответственно потребностям в коммерческо-хозяйственной деятельности (в т. ч., естественно, и производства) каждой отдельной отрасли. К этому, по мнению Маркса, присоединяется еще то, что с развитием крупной промышленности или, точнее, крупного концентрированного бизнеса денежный капитал все в большей мере на рынке представлен «банкирами, которые его концентрируют, организуют и подчиняют своему контролю совсем иначе, чем реальное производство» или иные сферы коммерческой деятельности (*т. 26, ч. 3, с. 486*). Т. е. «сам капитал здесь предлагается как особого рода товар – деньги. Поэтому фиксация его цены является, как и у всех других товаров, фиксацией его рыночной цены. Поэтому норма процента всегда выступает как

общая норма процента, как определенное количество денег за определенное количество денег. Напротив, норма прибыли даже внутри одной и той же сферы может быть различна при одинаковых рыночных ценах товаров (в зависимости от тех условий, при которых отдельные капиталы производят один и тот же товар; ибо особая норма прибыли зависит не от рыночной цены товара, а от разности между рыночной ценой и издержками производства), и выравнивается она внутри различных сфер только в процессе, посредством постоянных колебаний. Одним словом: только в денежном капитале, в ссужаемом денежном капитале капитал стал товаром, свойство которого самовозрастать имеет фиксированную цену, отмечаемую в существующем в каждый данный момент проценте»; «другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, являются в свою очередь производными от этой формы и предполагают ее» (*т. 26, ч. 3, с. 487*).

Как это ни удивительно, но Маркс, противореча самому себе, вдруг говорит о том, что денежный капитал, оказывается, тоже как-то создает прибавочную стоимость (правда, только в форме денег). Он недвусмысленно утверждает, что «та прибавочная стоимость, которую создает денежный капитал, те возросшие деньги, в которые он превращается или которыми он является, выступают в виде определенной нормы, масштабом которой служит величина самой денежной суммы» (*т. 26, ч. 3, с. 488*). Как этот процесс может быть связан с затратами рабочего времени абстрактного труда, совершенно непостижимо – опосредствующих, при этом не проявляемых гипотетических звеньев должно быть просто немально. Денежный капитал, по логике Маркса, должен создавать или, точнее, порождать процент, т. е. собственную специфическую форму прибыли (в наблюдаемой реальности, кстати, именно это он и осуществляет). Этот процент или прибыль денежного капитала должны, по логике Маркса, представлять собой некую перераспределенную часть прибавочной стоимости, созданной в производственной сфере экономики абстрактным прибавочным производительным трудом.

Примечание. Чуть ниже он уже вполне последовательно высказывается по этому поводу: «Итак, процент есть не что иное, как часть прибыли (которая, со своей стороны, сама есть не что иное, как прибавочная стоимость, неоплаченный труд), выплачиваемая промышленным капиталистом собственнику того чужого капитала, с помощью которого он исключительно или частично «работает». Процент есть та часть прибыли – прибавочной стоимости, – которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием. Это отделение процента от прибыли отнюдь не касается его происхождения, а касается только способа его выплаты или присвоения. Вместо того чтобы быть присвоенной самим промышленным капиталистом, – хотя он есть то лицо, в руках которого

непосредственно находится вся прибавочная стоимость, как бы она ни распределялась между ним и другими лицами под названием ренты, промышленной прибыли и процента, – эта часть прибыли вычитается им из его собственного дохода и выплачивается собственнику капитала» (т. 26, ч. 3, с. 493). Об этом говорится так безапелляционно, как будто без промышленности или производственной сферы экономика вообще невозможна или невозможен процент.

Но Маркс здесь об этом почему-то ни слова не говорит, он лишь отмечает, что таким образом «форма капитала становится все более отчужденной и все менее связанной с его внутренней сущностью. Мы исходили из денег как превращенной формы товара. Мы приходим к деньгам как превращенной форме капитала. Совершенно аналогичным образом наше исследование явило нам товар как предпосылку и как результат процесса производства капитала» (т. 26, ч. 3, с. 488). Утверждение о том, что именно товар является предпосылкой и результатом процесса создания или накопления (почему производства – непонятно?) капитала, все-таки кажется сомнительным.

Примечание. Маркс соглашаясь с тем, что «торговая и процентная формы» капитала старше его производственной формы, тем не менее, всегда настаивает на своем исторически явно ограниченном представлении – именно «промышленный капитал... является основной формой капиталистических отношений, господствующих в буржуазном обществе, так что все другие формы являются лишь производными от этой основной формы или вторичными по отношению к ней, – производными, как это имеет место для капитала, приносящего проценты; вторичными, т. е. в смысле капитала в некоторой особой функции (относящейся к процессу его обращения), как это имеет место для торгового капитала. Поэтому промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы и превратить их в свои собственные производные или особые функции. Эти более старые формы он застает в эпоху своего образования и возникновения. Он застает их как предпосылки, но не как им самим установленные предпосылки, не как формы своего собственного жизненного процесса. Совершенно аналогичным образом он первоначально застает товар, но не как свой собственный продукт, и денежное обращение, но не как момент своего собственного воспроизводства. Когда капиталистическое производство развилось уже во всех своих формах и сделалось господствующим способом производства, капитал, приносящий проценты, оказывается подчиненным промышленному капиталу, а торговый капитал – лишь вытекающей из процесса обращения формой самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы капитал, приносящий проценты, и торговый капитал должны быть сначала сломлены и подчинены промышленному капиталу» (т. 26, ч. 3, с. 490). По извращенному мнению Маркса, «Кредитная система есть его собственное создание, она сама является формой промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и развивается дальше вместе

с крупной промышленностью». «Что касается торгового капитала, то он в различных формах становится подчиненным промышленному капиталу, или, что то же самое, становится функцией последнего, промышленным капиталом в некоторой особой функции» (т. 26, ч. 3, с. 491). Последнее кажется уже полным перебором или, говоря словами того же Маркса, откровенным промышленным фетишизмом.

В действительности, несмотря на временное (во времена концентрированного крупного машинного производства, т. е. в индустриальный период развития экономики) доминирование промышленного капитала, ни денежный, ни торговый капитал никогда не лишались своей собственной «твердо определенной формы», которую они так или иначе всегда имели по отношению к производству. Всякий промышленник в любом случае – купец, но далеко не всякий купец – промышленник. Ведь «Промышленный капиталист имеет перед собой мировой рынок; поэтому он сравнивает и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночной ценой не только в своей стране, но и на всем мировом рынке. Он производит всегда с учетом рыночных цен мирового рынка» (т. 26, ч. 3, с. 492). Это необходимое сравнение обязательно производится всеми участниками или акторами рынка. Тем самым постоянно обеспечивается господство рынка над всеми экономическими процессами, в т. ч., конечно, и над деятельностью производительного капитала. Этот факт Маркс как бы не замечает.

§ 38. О ЦЕНЕ ДЕНЕГ

«... в рыночной экономике действуют факторы, о которых теории, игнорирующие движущую силу денег, ничего не могут сказать»
(Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 442).

В реальности, естественно, «рыночная цена денег – таково название приносящего проценты капитала как денежного капитала – определяется на денежном рынке, подобно рыночной цене всякого другого товара, конкуренцией покупателей и продавцов, спросом и предложением». Представление Маркса о том, что «Эта борьба между денежными и промышленными капиталистами есть только борьба за распределение прибыли, за ту долю, которая должна достаться каждой из обеих сторон при дележе», явно отягощено ТПС, т. к. **каждая сфера деятельности различных капиталов порождает свою собственную имманентную прибыль, а не «перехватывает» чужую, произведенную исключительно только в промышленности.** Но у Маркса непостижимым образом даже само

по себе соотношение спроса и предложения, как и каждый из его двух полюсов, в свою очередь, тоже есть лишь некий «результат процесса производства» («или, выражаясь обыденным языком, [определяется] состоянием дел в каждый данный момент тем положением, в котором в каждый данный момент находятся процесс воспроизводства и его элементы»).

Маркс вписывает в процесс воспроизводства абсолютно все, даже неосознаваемую сферу человеческого сознания. Только его изначальная материалистическая установка могла его довести до того извращения, что производство не есть результат соотношения спроса и предложения, а напротив.

Тем не менее, Маркс парадоксальным образом признает, что «по форме и по внешнему проявлению эта борьба определяет цену капитала (процент) еще до того, как капитал входит в воспроизводство. И притом это определение имеет место вне собственно процесса производства и регулируется не зависящими от этого процесса обстоятельствами, – более того, это определение цены выступает как одно из тех условий, в рамках которых должен происходить процесс производства» (т. 26, ч. 3, с. 535). Но при этом он одновременно пытается убедить нас в том, что именно поэтому нам лишь «кажется, что эта борьба не только фиксирует титул собственности на определенную часть будущей прибыли, но что она заставляяет самую эту часть – не выходить в качестве результата из процесса производства, а, наоборот, входить в него в качестве предпосылки, в качестве цены капитала, совершенно так же как цена товара или заработная плата входит в него как предпосылка, хотя она на самом деле постоянно – в процессе воспроизводства – из него выходит» (т. 26, ч. 3, с. 535). Может быть, как говорит Маркс, и «нет ничего мистического в том, что стоимость товара разлагается отчасти на стоимость содержащихся в нем товаров, отчасти на стоимость труда, т. е. на оплаченный труд, отчасти на неоплаченный..., т. е. что непосредственный присваиватель и “производитель” этой совокупной прибавочной стоимости вынужден отдавать части ее – одну собственнику земли, другую собственнику капитала, – так что та третья часть совокупной прибавочной стоимости, которую он оставляет для себя, остается у него под названием промышленной прибыли, отличающим ее от процента и ренты, а также от самой прибавочной стоимости и самой прибыли. Разложение прибавочной стоимости, т. е. определенной части стоимости товаров, на эти особые рубрики, или категории весьма понятно и никоим образом не противоречит закону самой стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 537), если, конечно, изначальное согласиться с тем, что стоимость, в смысле ТТС, существует в действительности как таковая.

Но речь даже не об этой мистике, а прежде всего о той мистической пропорции, в которой осуществляется гипотетическое распределение

или перераспределение совокупной прибавочной стоимости между собственниками земли, денежного капитала и промышленного капитала. Удивительно, но Маркс как бы не замечает того, что вот это разложение (или его порядок) т. н. прибавочной стоимости никоим образом не регулируется законом стоимости, но само как раз решающим образом оказывает влияние на все ценообразование. Он говорит: «средняя прибыль входит определяющим образом в цены производства товаров» и буквально навязывает нам свой ничем, по сути, не оправданный вывод: «следовательно, уже здесь прибавочная стоимость выступает не как результат, а как условие; ... как конституирующая часть его цены». Ведь «средняя прибыль, как и сама цена производства является определяющей скорее» реально, чем «идеально и выступает вместе с тем как избыток над авансами и как цена, отличная от издержек производства в собственном смысле». Примечательно, что, говоря о том, что «Получается ли средняя прибыль или не получается, получается ли прибыли больше, чем средняя, или меньше, чем средняя, при существующей рыночной цене, т. е. при непосредственном результате процесса, – этим определяется то, в каком количестве наличные капиталы притекают в ту или иную сферу производства или, наоборот, изымаются из нее, а также то, в каких пропорциях вновь накопленные капиталы устремляются в те или иные сферы, и, наконец, то, в какой степени те или иные сферы выступают на денежном рынке в качестве покупателей. Напротив, в проценте и ренте части прибавочной стоимости выступают отдельно в совершенно фиксированной форме как предпосылка отдельной цены производства и антиципированы в форме авансов» (т. 26, ч. 3, с. 539), Маркс ни слова не сказал о влиянии на этот процесс самой по себе его длительности и потребительского спроса.

§ 39. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НОРМЫ ПРОЦЕНТА

«... в мире не существует такой вещи, как естественная норма процента» (К. Маркс).

Маркс полагает, что «ставка процента в капиталистических странах определяется по преимуществу обстоятельствами, не имеющими ничего общего с прибылью» (т. 3, гл. 13). Он делает потрясающее своей тавтологичностью и словоблудием определение: «Если дана норма прибыли, то относительная высота нормы процента зависит от той пропорции,

в какой прибыль делится на процент и промышленную прибыль; если дана пропорция этого деления, то абсолютная высота нормы процента (т. е. отношение процента к капиталу) зависит от нормы прибыли. Как определяется эта пропорция деления, здесь не место исследовать. Это относится к рассмотрению реального движения капитала, т. е. реального движения капиталов, между тем как здесь мы имеем дело с общими формами капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 493*). Здесь вызывает особенный восторг его допущение: «если дана пропорция» деления прибыли «на процент и промышленную прибыль»! При этом, насколько нам известно, как именно определяется эта пропорция, ни здесь, ни где-либо в ином месте Марксом не поясняется. Замечание же Маркса о том, что, оказывается, он вообще не рассматривает «реального движения капитала», а лишь некие общие гипотетические абстрактные или схоластические формы капитала, убивает уже просто наповал. Сразу возникает вопрос: зачем тогда с таким упорством утверждать, что именно реальный, а не некий лишь гипотетически теоретически допускаемый обмен товаров в целом осуществляется в соответствии с их трудовыми стоимостями?

В ходе своей фетишизации промышленного капитала Маркс доходит даже до того извращенного утверждения, что образование денежного капитала «есть необходимый продукт развития самого промышленного капитала», а деньги – это как бы лишь сумма трудовой стоимости или ее специфическая форма, но которая «всегда способна к превращению в условия производства». Оказывается, как нас учит Маркс, «При обмене на труд деньги не только сохраняют свою стоимость, но увеличивают ее, порождают прибавочную стоимость. Стоимость денег или товаров как капитала определяется не той стоимостью, которую они имеют как деньги или товары, а тем количеством прибавочной стоимости, которое они «производят» для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль» (*т. 26, ч. 3, с. 493*).

Примечание. Уместно и следующее пояснение позиции классика: «Рента тоже есть только название для одной части прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен выплачивать другому лицу, совершенно так же как процент есть другая часть прибавочной стоимости, которую он, правда, инкассирует (как и ренту) сам, но должен выплачивать третьему лицу». «Земельная собственности есть средство перехватить часть произведенной промышленным капиталом прибавочной стоимости. Наоборот, данный займы капитал есть средство – в той мере, в какой капиталист работает при помощи взятого займы капитала, – произвести целиком самую прибавочную стоимость» (*т. 26, ч3, с. 494*). Заметьте: вновь у Маркса речь не о прибыли, а именно о прибавочной стоимости. Он считает, что упразднение земельной собственности, т. е. ее превращение в государственную собственность, при которой ренту платят только государству,

является «сокровенным стремлением капитала», т. к. путем ее выплаты государству он как класс якобы «присваивает ее себе для покрытия своих государственных расходов, т. е. присваивает себе окольным путем то, чего он непосредственно не может удерживать в своих руках». Здесь нельзя не отметить извращенного и коммунистически ангажированного понимания значения в жизни социума функций государства.

Маркс, без сомнения, абсолютно прав, когда говорит, что «Упразднение же процента и приносящего проценты капитала есть упразднение самого капитала и капиталистического производства». Но вот дальнейшее его пояснение уже не бесспорно: «Дело обстоит не так, что существуют два различных капитала – приносящий проценты и приносящий прибыль, – а так, что один и тот же капитал, функционирующий в процессе производства как капитал, приносит прибыль, распределяющуюся между двумя различными капиталистами: капиталистом, стоящим вне процесса производства и, в качестве собственника, представляющим капитал в-себе {существенным условием последнего является, однако, то, что он представлен частным собственником; без этого он не становится капиталом, противостоящим наемному труду}, и капиталистом, представляющим функционирующий капитал, капитал, находящийся в процессе производства» (*т. 26, ч. 3, с. 495*).

Здесь прежде всего обращает на себя внимание то, что, по ложному мнению Маркса, существенным условием капитала-в-себе (т. е. внепроизводственного капитала) является «то, что он представлен частным собственником»; без этого он якобы «не становится капиталом, противостоящим наемному труду». В экономике государственного капитализма или реального социализма, т. е. в условиях отсутствия частной собственности, тоже необходимо всегда присутствует не только «наемный труд», но и естественно внепроизводственный капитал. Правда, большой вопрос, как в безрыночных условиях может быть сформирован адекватный процент и как может быть корректно распределена или перераспределена прибыль производственного капитала между всеми отраслями экономики. Судя по всему, этот вопрос в данных обстоятельствах в принципе не разрешим.

Иногда просто удивляет извращенная глубина и спекулятивная виртуозность анализа Маркса. Например, он полагает «реальным моментом» совершенно ничем не оправданное схоластическое или ложное представление о том, что «Деньги (как выражение стоимости товара вообще) только потому присваивают себе в процессе производства прибавочную стоимость, как бы она ни называлась и на какие бы части она ни распадалась, что уже до процесса производства они предполагаются как капитал. В процессе производства они сохраняются, производятся и воспроизво-

дятся как капитал, и притом в постоянно увеличивающемся масштабе. Но когда капиталистический способ производства уже существует, когда производство совершается на его основе... – в этих условиях уже до процесса производства деньги существуют как капитал в-себе... Если бы деньги не входили в процесс как капитал, то они и не выходили бы из него как капитал, т. е. как деньги, приносящие прибыль, как самовозрастающая стоимость, как стоимость, создающая прибавочную стоимость» (т. 26, ч. 3, с. 497–498).

На самом деле, без сомнения, «деньги и товары являются в-себе скрытым капиталом, капиталом в возможности», вне всякой зависимости от того, существует ли вообще производство или производственная сфера в данной экономике или нет. Деньги, стало быть, изначально по своему же определению, не «являются чистым выражением стоимости товаров и условий труда», хотя в-себе и являются как капитал предпосылкой вообще всякой коммерческой или даже просто хозяйственно-экономической деятельности, в т. ч., естественно, и производственной. Таким образом, они являются чистым выражением ценности всякого товара, а значит, тем самым и средством их обмена. Поэтому рассматриваемые сами по себе деньги вовсе не обязательно представляют собой власть над чужим трудом, хотя и дают их владельцу как бы право на приобретение или использование чужого труда. Вот почему процент ни в коем случае не выступает (он даже никак и не может выступить) в реальности «как прибавочная стоимость, порожденная капиталом как капиталом, голый собственностью на капитал», т. к. процент прежде всего выражает собой естественную необходимую длительность всякого экономического процесса вне зависимости от какой-либо собственности на этот капитал и его отношения к производительному труду.

Примечание. Маркс полагает, что процент выступает «как такая прибавочная стоимость, которую капитал потому извлекает из процесса производства, что входит в него как капитал, которая, следовательно, причитается капиталу как таковому, независимо от процесса производства, – хотя на деле она появляется лишь в процессе производства, – и которую он поэтому как капитал уже содержит в себе в скрытом виде» (т. 26, ч. 3, с. 499). Чуть далее он поясняет: «Процент выражает часть прибавочной стоимости, всего лишь выделенную под особым названием долю прибыли – ту долю, которая достается простому собственнику капитала, перехватывается им» (т. 26, ч. 3, с. 517). При этом «капитал, приносящий проценты, как историческая форма появляется до промышленного капитала и продолжает существовать наряду с ним в своей старой форме и только в ходе развития промышленного капитала ставится этим капиталом в подчинение капиталистическому производству как особая форма самого промышленного капитала» (т. 26, ч. 3, с. 518). Таким образом, непосредственно процент «выражает лишь

отношение между капиталистами, а отнюдь не отношение между капиталом и трудом» (*т. 26, ч. 3, с. 519*). Заметьте: не отношение между сегодняшним и завтрашним доходом.

Как это ни странно, хоть, правда, и последовательно, но у Маркса в промышленности не прибавочная стоимость выступает как некая предполагаемая как бы фундаментальная часть прибыли (так, по-видимому, должно быть, ведь прибыль – это фактическая или реально проявленная величина превышения дохода над всеми издержками), а напротив, прибыль является некоей частью как бы перераспределенной каким-то невероятным мистическим образом непроявляемой общей общественной прибавочной стоимости. К этому парадоксальному (кажется, просто даже немислимому выводу), вероятнее всего, его подталкивает неудержимое стремление объяснить процент, только лишь именно как причитающуюся денежному капиталу некоторую долю в прибавочной стоимости, получаемой в результате процесса производства. Кроме того, своего объяснения ведь требует ценообразование всех товаров и услуг в обществе, не имеющих собственной трудовой стоимости. Однако в таком случае становится непонятной даже сама по себе возможность эквивалентного обмена в соответствии с затратами рабочего времени общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда. При этом он еще к тому же, скорее всего, не видя в том никакого противоречия, заявляет, что «цена капитала, т. е. одного лишь титула собственности на капитал, отмечается в норме процента на денежном рынке, подобно тому как на рынке отмечается рыночная, цена всякого другого товара». Каким образом рыночная цена денежного капитала, отмечаемая в норме процента, может выражать собой некую гипотетическую часть прибавочной стоимости в промышленности, особенно когда, например, даже и промышленности, самой по себе нет? Непостижимо!

Примечание. Маркс отмечает здесь еще и другое обстоятельство: «Для промышленного капиталиста, занявшего деньги, процент входит в издержки, причем издержки берутся здесь в том смысле, что они означают авансированную им стоимость», но на самом деле весь авансированный им капитал, всегда необходимо выражен в собственной рыночной цене. Естественно, «если промышленник работает с помощью взятого взаймы капитала, то в его издержки входит процент» (*т. 26, ч. 3, с. 501*). По Марксу, «Это значит, что капитал не простое количество: он не простой товар, а товар, возведенный в степень, не простая величина, а отношение величин» (*т. 26, ч. 3, с. 502*).

Не может не умилять то, как Маркс учит нас и/или напоминает нам о том, что иррациональность состоит в том, что «нечто, не являющееся продуктом труда» (например, земля) должно обладать и обладает реальной ценой. Ведь цена товара в его ложном понимании – это всегда якобы

только лишь «выраженная в деньгах стоимость». Как это может быть в определяющих обстоятельствах соотношения спроса и предложения, даже представляемым, – совершенно непонятно. Ведь он сам неоднократно прямо указывал на то, что в реальности товар никогда не продается в соответствии со своей трудовой стоимостью. При этом всем он все равно настаивает на том, что всякий товар, даже тот, который и не является продуктом труда вовсе (именно потому что имеет свою рыночную цену), должен каким-то невероятным мистическим образом по любому как бы иметь стоимость, т. е., значит, должен «рассматриваться как овеществленный общественный труд» (*т. 26, ч. 3, с. 503*), пусть и только лишь перераспределенный как-то. Как столь глубокий аналитик, как Маркс, не видел всю как раз трудную иррациональность и даже абсурдность, этого своего собственного утверждения, одному Богу известно. Поэтому не менее потрясающе и дальнейшее его высказывание: «со стороны внешней формы мы имеем здесь, как и у всякого товара, двоякое выражение: выражение товара как потребительной стоимости и как меновой стоимости, и меновая стоимость выражается идеально как цена, как нечто такое, чем товар как потребительная стоимость абсолютно не является» (*т. 26, ч. 3, с. 503*). Вместо того чтобы говорить о том, что как раз цена выражает в реальности, так сказать, идеальную (в нашем понимании – мыслимую, предполагаемую или уже общепринятую) ценность товара, он говорит о том, что некая непроявленная субстанция – стоимость – как-то непостижимо тем не менее реальна и только лишь для нас «выражается идеально как цена». Любопытно, что довольно неожиданно трактуя процент и ренту как две формы прибавочной стоимости, Маркс иррационально говорит даже о том, что различные формы прибавочной стоимости выступают не «только как формы распределения. Они в такой же мере – формы производства» (*т. 26, ч. 3, с. 503*). Ну как это можно назвать иначе, чем производственным фетишизмом?

Тем не менее, Маркс вполне оправданно считает, что чуть ли не вся его «Трудность заключается здесь только в выяснении того, каким образом это присвоение труда без эквивалента вытекает из закона обмена товаров, – из того, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, – каким образом прежде всего оно этому закону не противоречит». Иными словами, он все-таки видит, что реальный обмен товаров осуществляется далеко не всегда, или, точнее, как правило, не в соответствии с содержащимся в них рабочим временем, тем не менее задача, по его мнению, состоит именно в том, чтобы хотя бы в конечном итоге, но как-то вывести этот реальный рыночный как бы неэквивалентный обмен из т. н. закона стоимости о якобы эквивалентном обмене «затратами рабочего времени абстрактного труда».

Маркс пеняет на то, что всему виной процесс обращения, который, якобы стирает или «затушевывает существующую в действительности связь», хотя как раз именно только в реальном процессе обращения проявляется и определяется вся сущность действительного экономического процесса. Ведь даже производство, необходимо являющееся элементом обращения, но не обязательным для него самого по себе, вполне обоснованно можно считать тоже некоей формой коммуникации. Тут же Маркс делает вообще обескураживающее своей абсурдностью заявление: оказывается, даже «масса прибавочной стоимости определяется здесь также и временем обращения капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 505*), а не только затратами прибавочного рабочего времени абстрактного труда. Маркс явно противоречит сам себе, ведь, строго говоря, согласно его же логике временем обращения, да и еще к тому же вообще всего капитала определяется именно масса прибыли, но ни в коем случае не масса прибавочной стоимости. Чуть ниже он тут же говорит: «Прибыль эта находится в отношении к определенному отрезку обращения капитала, отличному от рабочего времени». Скорость обращения вообще всего авансированного капитала – явно не одно и то же, что и затраты прибавочного рабочего времени абстрактного сугубо живого труда.

Далее Маркс, продолжая, кажется, лишь углубляет или усугубляет нелепость своего высказывания. Он изначально начинает с сложного допущения, что готовый капитал как целое выступает «как выражение процесса воспроизводства, – как определенная сумма стоимости», но на самом-то деле в реальности всякий капитал выражается и может быть адекватно выражен только лишь в своей рыночной цене, которая может вообще не иметь никакого отношения к стоимости (как, например, целина). Естественно, всякий капитал «в определенный промежуток времени, в определенный отрезок обращения производит определенную прибыль», правда, это вовсе не значит, что он обязательно «производит» именно прибавочную стоимость. Невероятное заявление Маркса о том, что процесс производства и процесс обращения существуют «как такие моменты, которые в одинаковой мере определяют прибавочную стоимость» (*т. 26, ч. 3, с. 505*), более чем явно непоследовательно. Ведь до этого Маркс везде настаивал, что прибавочная стоимость создается исключительно только производительным живым трудом в процессе сугубо материального производства. Впрочем, здесь уместно вспомнить, что Маркс иногда даже говорил о том, что обращение – лишь некий имманентный элемент производственного процесса, игнорируя собственное же указание на существование различных форм капитала в экономике. При всем этом, у Маркса, даже изначально, т. е. тогда, когда масса прибыли еще якобы «количественно тождественна с массой прибавочной стоимости, произведенной отдельным капиталом, норма при-

были с самого начала отлична от нормы прибавочной стоимости». Более того: «При данной норме прибавочной стоимости норма прибыли может повышаться или падать; норма прибыли может даже изменяться в направлении, противоположном изменениям нормы прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 506). И, тем не менее, несмотря на все эти откровения, вместо того чтобы вполне оправданно признать самостоятельное или независимое существование реальной прибыли от гипотетической прибавочной стоимости, он вновь совершенно абсурдно настаивает на том, что всякая прибыль, есть ничто иное, как именно прибавочная стоимость, которая как бы сама приняв эту форму прибыли – «не дает возможности непосредственно распознать ее тождество с прибавочной стоимостью, с прибавочным трудом, но и кажется непосредственно противоречащей этому тождеству» (т. 26, ч. 3, с. 506).

Постоянно до этого извращая реальный ход событий, всячески сводя весь экономический процесс к некоему мистическому процессу превращения стоимости и прибавочной стоимости в свои нужные, предусмотренные формы проявления в реальности, Маркс наконец, заявляет, что прибыль отдельного капитала, оказывается, выражается не только в отличии нормы прибыли от нормы прибавочной стоимости, но и «по субстанции, т. е. здесь количественно», отличается от самой прибавочной стоимости, которую произвел отдельный капитал в своей особой сфере производства. «Если рассматривать отдельный капитал, а также совокупный капитал какой-нибудь особой сферы, то прибыль... на самом деле отлична от прибавочной стоимости. Капиталы одинаковой величины приносят одинаковые прибыли, или прибыль пропорциональна величине капиталов». Правда, Маркс и здесь повторяет свою мантру – говорит, что «прибыль определяется стоимостью авансированного капитала». Хотя в реальности прибыль, естественно, определяется только именно ценой авансированного капитала. Но Марксу только лишь как бы «непосредственно бросается в глаза то, что равновеликие капиталы, приводящие в движение весьма различные количества труда... и создающие весьма различные количества прибавочной стоимости, приносят прибыль одинаковой величины». Кроме того: «В результате превращения стоимостей в цены издержек кажется уничтоженной даже сама основа – определение стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем» (т. 26, ч. 3, с. 506).

Несмотря на все сказанное, Маркс, вероятно из-за своей изначальной материалистической установки, не в силах отказаться от этой фикции. Ему все равно мерещится, что «форма прибыли прячет свое внутреннее ядро» (т. 26, ч. 3, с. 507). В извращенном представлении Маркса невероятным образом реальные вещи и процессы оказываются фикциями, а как раз лишь абстрактные, напротив, – действительно существующими.

Маркс считает совершенно ясной гипотетически предполагаемую ТТС и ТПС – внутреннюю схоластику всякого экономического процесса, изначально неоправданно допуская, что в целом он по любому как-то сводим к различным элементам материального производства. Он полагает, «что, как только прибавочная стоимость распадается на различные особые части, относимые к разным, лишь вещественно различным элементам производства – к природе, к продуктам труда, к труду, – как только она вообще получает особые, безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга формы, регулируемые различными законами, ее общее всем этим формам единое начало – т. е. сама прибавочная стоимость, – а потому и природа этого общего единого начала становятся все более и более нераспознаваемыми и не показывают себя в явлении, а должны быть еще только открыты как некая сокровенная тайна» (т. 26, ч. 3, с. 509).

Т. е. Маркс не нашел здесь ничего лучшего и более оправданного, как отнести вместе с трудом и его продуктами труда еще и всю природу в придачу только лишь к «вещественно различным элементам производства». Но и этого мало: сама по себе прибавочная стоимость у него имеет совершенно «безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга», да еще к тому же, оказывается, и «регулируемые различными законами» формы. Таким образом, «каждая из этих частей сводится к некоторому особому элементу как к своей мере и своему особому источнику». Несмотря на это, он настаивает, что прибавочная стоимость как-то все-таки остается общим всем этим формам «единым началом», поэтому «природа этого общего единого начала» не проявляется и «нераспознаваема». При этом Маркс делает просто потрясающие своей парадоксальностью высказывание. Ему, оказывается, хорошо известно то фундаментальное для экономики реальное «обстоятельство, что процент может быть простой передачей имущества и не обязательно должен выражать действительную прибавочную стоимость. Так, он не выражает действительную прибавочную стоимость в том случае, когда деньги даются займы «расточителю», т. е. для потребления. Но то же самое может иметь место и в том случае, когда деньги берутся займы для того, чтобы произвести платеж. В обоих случаях деньги отдаются в ссуду как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся капиталом благодаря одному лишь акту отдачи в ссуду. Во втором случае, при учете векселей или при ссуде под товары, которые в данный момент не могут быть проданы, деньги, получаемые для производства платежа, могут относиться к процессу обращения капитала, к необходимому превращению товарного капитала в денежный капитал». Реально существующий процент, который ни в коем случае не выражает собой прибавочную стоимость, казалось бы, буквально ярким очевидным образом сразу свидетельствует, о возможности независимого

от производственной сферы существования не только самого процента, а и товарно-денежного капитала, и ренты, и прибыли. Но Маркс специально оговаривается или уточняет: «Поскольку ускорение этого процесса превращения, – как вообще при кредите, согласно его общей природе, – ускоряет воспроизводство, а значит, и производство прибавочной стоимости, постольку одолженные деньги являются капиталом» (т. 26, ч. 3, с. 510–511). Заметьте: у него опять неммыслимым образом производят не прибыль, а именно прибавочную стоимость.

На самом деле согласно его же логике ускоренный процесс воспроизводства через увеличение скорости оборота капитала, без сомнения, приводит к увеличению массы прибыли, но не массы прибавочной стоимости, увеличение которой, строго говоря, зависит только лишь от увеличения прибавочного рабочего времени. При неизменной продолжительности рабочего дня его увеличение, конечно, возможно еще и за счет сокращения необходимого рабочего времени. Вероятно, вот это предполагаемое как бы возможное сокращение необходимого времени, вследствие увеличения оборачиваемости капитала (т. е. повышения производительности труда, но именно только в отраслях, производящих средства существования рабочего) и является основанием для Маркса для столь небесспорного заявления.

Продолжая, Маркс наконец-то, тут же как бы проговариваясь утверждает долгожданные, принципиально важные для нас вещи: «Поскольку же они (эти кредитные деньги – Ю. М.) служат лишь для уплаты долгов, не ускоряя процесса воспроизводства и, может быть, даже делая его невозможным или суживая его масштаб, они – лишь средство платежа, лишь деньги для заемщика, а для заимодавца – капитал, на самом деле не зависящий от процесса капитала. В этом случае процент, как и “прибыль от отчуждения” является фактом, не зависящим от капиталистического производства как такового – от созидания прибавочной стоимости».

ИТАК, В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ КАРЛ МАРКС ПРИЗНАЕТ, что «процент, как и “прибыль от отчуждения” является фактом, не зависящим от капиталистического производства как такового – от созидания прибавочной стоимости», т. е. в реальной экономике есть и процент, и прибыль, и рента, и капитал, которые никакого отношения не имеют ни к производству, ни к прибавочной стоимости! Это сногшибательное признание – потрясающе!

ВНИМАНИЕ! Здесь необходимо сразу отметить, очень важное следствие, которое исходит из выше сказанного. В реальной экономике на рынке всегда присутствуют товары и услуги, в цене которых есть прибыль, но нет собственной прибавочной стоимости. В экономическом процессе принимают участия капиталы, которые вообще никакого

отношения к прибавочной стоимости не имеют, и есть ценообразующие факторы, которые никакого отношения не имеют к трудовой стоимости или затратам рабочего времени абстрактного труда. Т. е. все расчетные средние величины по экономике в целом (процент, общая средняя норма прибыли, сумма всех цен, сумма цен всех издержек, т. е. себестоимость, весь авансированный капитал и т. д.), неминуемо включают в себя величины никак не связанные со стоимостью и прибавочной стоимостью.

Таким образом, утверждение о том, что сумма всех цен в экономике равна сумме всех стоимостей, заведомо ложно – сумма всех цен, всегда обязательно больше суммы всех стоимостей. В конечном итоге совершенно очевидно и то, что и сам т. н. закон стоимости ложен, т. к. реальный обмен товарами никогда не осуществляется в таких количествах, чтобы соблюдалось равенство количества рабочего времени общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда для их производства (или воспроизводства).

По мнению же Маркса, «стоимость вообще есть не что иное, как труд, воплощенный в товаре», но она проявляется лишь при обмене на иные товары. Таким образом, согласно Марксу, стоимость создается в производстве, но ее размер проявляется при обмене, тем самым он взаимно связывает сферу производства и обращения в непрерывные циклы капитала (воспроизводства), ведь изначально именно стоимость делает физически различные товары сопоставимыми, сравнимыми. Из всего вышесказанного, становится ясной вся ограниченность и глубокая ошибочность всех политэкономических представлений Маркса.

Важно, что Маркс согласен еще и с тем, что в самой «природе капиталистического производства заложено, что деньги (или товары) могут быть капиталом и продаваться как капитал вне процесса производства» (*т. 26, ч. 3, с. 511*). Уже фундаментально важно и следующее прозрение Маркса: «формы капитала, приносящего проценты, встречаются поэтому во всех таких формах общества, в которых имеется обращение товаров и денег, независимо оттого, господствует ли в них рабский труд, крепостной труд или свободный труд» (*т. 26, ч. 3, с. 511–512*). Здесь вполне уместным и оправданным было бы добавить, что капитал необходимо будет встречаться и в тех обществах, где даже вовсе будет отсутствовать необходимый производительный труд. Именно исходя из этого, полагаем, что вообще «капиталистическая» форма экономики есть универсальная необходимая форма экономики, все т. н. «формации» или разнообразные «способы производства» – лишь необходимые ее ограниченные исторические проявления.

После этих всех выводов и как бы подведенных итогов высказывание Маркса о том, что «капитал доказывает на деле свою способность при-

носить проценты только посредством перехода в процесс производства» (т. 26, ч. 3, с. 512), звучит уже даже не как нелепость, а как сарказм. Ведь в реальности «Процент прямо и определенно выступает как плод капитала, отделенный от самого капиталистического процесса, не зависящий от него и находящийся вне его» (т. 26, ч. 3, с. 514). Здесь, вероятно, нужно напомнить, что под предпринимательской прибылью Маркс подразумевает промышленную или торговую прибыль, лишь «смотря по тому, делается ли ударение на процесс производства или на процесс обращения» (т. 26, ч. 3, с. 514). Более того, Маркс признает даже то, что «Действительная прибыль капиталиста в значительной своей части представляет собой “прибыль от отчуждения”» (т. 26, ч. 3, с. 523).

Примечание. В дополнение к сказанному уместно привести и следующее высказывание Маркса: «На деле деньги превращаются в капитал не вследствие того, что они обмениваются на вещественные условия производства товара и что эти условия производства – материал труда, средства труда, труд – в процессе труда приходят в состояние брожения, действуют друг на друга, соединяются друг с другом, вступают в некоторый химический процесс и осаждают товар как кристалл этого процесса. Если бы дело заключалось только в этом, то у нас никогда не получилось бы капитала, никогда не получилось бы прибавочной стоимости. Эта абстрактная форма процесса труда обща всем способам производства, какова бы ни была их общественная форма, их историческая определенность» (т. 26, ч. 3, с. 515).

Поэтому явно избыточным представляется указание Маркса на то, что экономический процесс якобы «становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если 1) товарное производство, производство продукта как товара есть всеобщая форма производства; 2) если товар (деньги) обменивается на рабочую силу (т. е. фактически на труд) как товар, если, следовательно, труд есть наемный труд; 3) но это последнее имеет место только в том случае, если объективные условия, т. е. (рассматривая весь процесс производства в целом) сами продукты, противостоят труду как самостоятельные силы, как не его собственность, как чужая собственность и таким образом по форме – как капитал».

Маркс специально подчеркивает, что «капиталистический процесс производства не есть процесс производства вообще» (т. 26, ч. 3, с. 515). Но как уже не раз говорилось, во-первых, товарно-денежный обмен или оборот уже сам по себе, до и/или вне какого-либо производства, а значит, и «производительного» труда предполагает не только процесс отчуждения / присвоения ценностей, но и накопления капитала. Во-вторых, условия для осуществления процесса производства, предусматривающего живой труд, необходимо предполагают не только разделение и специализацию труда, но и его отчуждение от средств труда и продуктов труда.

В-третьих, деньги, как-то обменивающиеся на Рс, вовсе не обязательно свидетельствуют о том, что труд есть свободный наемный труд, тому доказательством является Совок. И последнее, Маркс упустил в своем описании самый главный имманентный признак капитализма – рынок. Оправдывает его лишь то, что государственный капитализм или «реальный социализм» в целом осуществляется в безрыночной или монополистической экономике.

§ 40. О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ (ФИКТИВНОМ) КАПИТАЛЕ

Маркс в «Капитале» отмечает, что «теперь промышленный и торговый капиталисты диктуют условия денежному капиталисту» (*т. 25, ч. 2, с. 38–39*), вероятно, такое положение должно было продолжиться (и на самом деле продолжалось) до некоего первоначального предела возможностей экстенсивного расширения мирового рынка для концентрированной крупной машинной промышленности (*т. 25, ч. 2, с. 45*). Но как известно, уже на исходе индустриальной эпохи условия начали диктовать крупные банковские структуры, финансово-промышленные группы и/или транснациональные корпорации, другими словами, денежные капиталисты.

Примечание. Кажется тривиальным, но, тем не менее, в данном контексте остается важным замечание Энгельса: «Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В условиях капиталистического производства они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства» (*т. 25, ч. 2, с. 121*). Таким образом, выходит, что в реальности общественное богатство реализуется только посредством денег в процессе обмена, какой бы фикцией это кому-то и не казалось.

В материалистически извращенном представлении Маркса действительным капиталом можно считать только производственный («производительный») и торговый капитал (*т. 25, ч. 2, с. 44*), денежный капитал в его понимании – это некая фикция, т. к. представляет собой не стоимость, а лишь право на получение дохода. Маркс правильно указывает:

«на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, основательно упрочив свое положение, удаляются от сферы воспроизводства», но связывает это лишь с тем, что «Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссудного денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (в его относительном размере), с другой стороны, оно выражает собой лишь размеры превращения промышленных капиталистов в чисто денежных капиталистов» (*т. 25, ч. 2, с. 51*), игнорируя возможный обратный процесс – превращение чисто денежных капиталистов в промышленных. Тем не менее, Маркс отмечает, что денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста свою собственность, «за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь» (*т. 25, ч. 2, с. 52–53*).

Примечание. «При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средняя ставка процента для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, – не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент» (*т. 25, ч. 1, с. 401*).

Может показаться, что ставка процента определяется нормой прибыли, но в реальности сама «Ставка процента может быть затронута лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал» (*т. 25, ч. 2, с. 59*). Поэтому трудно или, точнее, вообще невозможно установить хоть какую-то связь величины трудовой стоимости и ставки процента. Маркс, исходя из того, что основой товарного производства составляет то, что деньги как некая самостоятельная форма ценности противостоят товару, буквально манипулируя, навязывает свое схоластическое представление об их зависимости от как бы объективной величины меновой стоимости, которая якобы «должна получить самостоятельную форму в деньгах».

Примечание. У Маркса деньги – «самостоятельная форма стоимости противостоящие товару», по его мнению, «это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром по преимуществу в противоположность всем другим товарам» (*т. 25, ч. 2, с. 61*).

Нельзя пройти мимо любопытного рассуждения Маркса о том, что «основа [кредитных денег] дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (конечно, не их мнимое обесценение) раштало бы все существующие отношения». Но как представляется, основа кредита находится уже в сфере обмена, предполагающего определенную отсрочку платежа. Т. е. «кредит опосредствует и тем самым повышает

скорость обращения» (*т. 25, ч. 2, с. 67*). По большому счету, ценность денег обеспечивается всей совокупностью товарной массы, представленной на рынке. Естественно, вследствие самостоятельного или как бы автономного существования денежной формы «неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением». Ни о какой стоимости товаров, которая как-то кем-то якобы «приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах» (*т. 25, ч. 2, с. 62*), говорить вообще нет никакой надобности. Естественно: «Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие ставку процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, ..., то процент должен был бы одновременно быть и низким и высоким в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт)» (*т. 25, ч. 2, с. 63*).

Таким образом, очевидно, что денежный капитал имеет свой специфический рынок, конъюнктура которого и определяет текущую ставку процента. Тем не менее, вряд ли может быть вполне оправданным марксово положение, согласно которого «цены товаров и процентная ставка не зависят друг от друга» (*т. 25, ч. 2, с. 77*), ведь ясно – если ставка процента высока, то и цена товаров, продаваемых в рассрочку платежа, будет выше, чем оплачиваемых сразу. Далее, из того, что «низкие денежные цены товаров и низкая процентная ставка не обязательно совпадают», еще не следует, что «движение ставки процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого» (*т. 25, ч. 2, с. 136*) во всех возможных случаях. Впрочем, для нас здесь важно прежде всего то, что рыночные цены практически ни в коем случае не отражают и/или не выражают величины трудовых стоимостей.

По мнению Маркса, «богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения». При этом вполне естественно, что развитие кредитной системы пытается игнорировать все искусственные барьеры или «границы богатства и его движения, – но все снова и снова наталкивается на эту границу. Во время кризиса возникает требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото» (*т. 25, ч. 2, с. 121–122*).

Маркс вполне оправданно иронизирует, когда говорит о значении веры или доверия в экономических отношениях. Ведь действительно, по большому счету в бизнесе «лишь вера дает спасение. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производ-

ства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала» (т. 25, ч. 2, с. 141) принципиально важны не только для общей позитивной устойчивости, но и для динамичного развития любой рыночной экономики.

Маркс несколько парадоксально полагает, что «Капитал, приносящий проценты, или – как мы можем назвать его по его старинной форме – ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях» (т. 25, ч. 2, с. 142), тем самым он как бы косвенно согласен с тем, что с какой-то точки зрения вполне оправданно считать все эти «различные общественно-экономических формации», в которых главным имманентным элементом является капитал, лишь различными проявлениями самого по себе развивающегося капитализма. Деньги лишь потому как бы «неизбежно приводят к образованию сокровищ», что почти всегда находится некий конкретный «собиратель сокровищ», но об этом Маркс умалчивает. Правда, он отмечает, что этот «профессиональный собиратель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика» (т. 25, ч. 2, с. 142). Таким образом, по всей видимости, деньги почти сразу «приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты» (т. 25, ч. 2, с. 143). Поэтому, скорее всего, сами по себе товарно-денежные отношения уже свидетельствуют о наличии некоего капитализма в экономике общества. Ведь именно функция денег «как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал».

Примечание. Маркс согласен с тем, что изначально «Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства». Ведь чего хочет «расточительное и развращающее богатство», чего хотят практически все участники экономического процесса, так «это денег как денег, денег как средства, на которое все можно купить» (т. 25, ч. 2, с. 147). Развитие кредитного дела совершается не «как реакция против ростовщичества» (т. 25, ч. 2, с. 149), а лишь как необходимое развитие форм его услуг в соответствии с образовавшимся спросом и условиями нового быстро растущего машинного производства. Маркс полагает, что «человеку без средств предоставляют кредит», только «как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заемного капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту». Маркс делает очень важное замечание: «при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно», более того,

он даже согласен с тем, что «человек без средств, но обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела», в определенных условиях способен «превратиться в капиталиста». Это обстоятельство, по мнению Маркса (и с ним здесь трудно не согласиться), «укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества» (*т. 25, ч. 2, с. 150*). Почему при этом Маркс не осознавал фундаментального значения рынка для работы нужных социальных лифтов в обществе, совершенно непонятно.

Судя по всему, Маркс и представить себе не мог того колоссального экономического значения, которое со временем будет иметь сугубо потребительский кредит.

По странному и даже парадоксальному мнению Маркса, если «средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла» (*т. 25, ч. 2, с. 157*). При этом ведь становится совершенно непонятным, каким может быть экономический смысл у самих средств производства, если они не становятся капиталом, т. е. не приносят прибыль, необходимую для осуществления расширенного воспроизводства. Что это вообще за абсурдная экономика, в которой ни кредит, ни прибыль «не имеет уже никакого смысла»? Разве при социализме никогда не придется долго дожидаться «возвращения кораблей»?

§ 41. О РЕНТЕ

Весьма странным и даже извращенным представляется следующее высказывание Маркса о возникновении земельной ренты: «Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых сельскохозяйственные продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту» (*т. 25, ч. 2, с. 189*). Ведь в пределе, по логике самого Маркса, «сельскохозяйственные продукты» могут вовсе не иметь стоимости, но все равно быть при этом товарами, таким образом вместе с условиями реализации их рыночных цен развивается и «сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю» этих возникающих «без ее содействия» ценностей, все растущая доля прибыли превращается в земельную ренту.

Исходя из своей позиции, Маркс, манипулируя, говорит, что рента «всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства». В целом здесь он, конечно, прав, но в данном случае, наверное, корректнее было бы рассматривать формирование величины ренты сутобо в сфере обращения, т. е. вообще вне производственной сферы.

Маркс говорит, что «сила природы – не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда», но ведь, исходя из имеющихся механизмов рыночного ценообразования, можно с уверенностью сказать, что любая «сила природы», реализуемая в форме товара по рыночной цене, уже является источником, т. н. коммерческой, или естественной прибыли. С этой точки зрения, кажутся абсурдными рассуждения классика о бессмысленности понятия собственности по отношению ко всем «силам природы», т. к. по отношению к ним оно как раз и более всего экономически оправданно. Ведь именно право собственности, каким-то образом их формально-юридически ограничивая, тем самым и определяет их нужную товарную форму.

Не менее нелепым выглядит неустанное навязчивое, уже почти патологическое стремление Маркса каким-то образом привязать цены товаров, которые не имеют стоимости, к сфере производства.

Примечание. Для Маркса странным образом «очевидно прежде всего что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин» (*т. 25, ч. 2, с. 198*).

Видимо осознавая всю тщетность подобных попыток (ведь совершенно очевидно, что водопад может иметь рыночную цену вообще безо всяких перспектив его использования в сфере производства, например при его эксплуатации в сфере туризма), он, чуть ли не заговариваясь, несет уже полную чушь: «Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там тем самым и нечего представлять в деньгах» (*т. 25, ч. 2, с. 198–199*). Разве не очевидно то, что этот «нормальный» бред не имеет ничего общего с постоянно происходящим в реальности: стоимости практически не

имеют никакого отношения к тому, что представлено в деньгах – к цене или ценности того или иного товара. Но для Маркса «эта цена водопада вообще является иррациональным выражением скрывающегося за ним реального экономического отношения», ведь «цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента» и тогда она уже – о несчастье – «выступает как цена самой силы природы» (*т. 25, ч. 2, с. 198–199*). Уже лишь поэтому, следуя логике самого же Маркса, выходит, что общая норма прибыли не определяется одной лишь прибавочной стоимостью, а рыночная цена практически ни в коем случае не совпадает со стоимостью.

У Маркса есть несколько странное терминологическое замечание: «Когда мы говорим о дифференциальной ренте, то следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов» (*т. 25, ч. 2, с. 212*). В нашем понимании здесь было бы все-таки оправданным упомянуть «рыночную цену», а не некий оксюморон – «рыночная стоимость». Кстати, это, как нам кажется, может косвенно еще указывать и на то, что сумма цен всех товаров как раз, напротив, должна превышать величину их гипотетически предполагаемой стоимости. Маркс вследствие необходимости перераспределения общей стоимости или прибавочной стоимости на товарные группы, которые не имеют собственной стоимости, конечно, считал иначе. Парадоксальным образом у него совокупная стоимость продуктов производства, конечно, должна была превышать сумму всех их цен, т. е. товаров, произведенных на рынок именно в производственной сфере. В таком случае становится как бы возможным, что совокупная стоимость всей товарной массы, произведенной в обществе, тождественна сумме цен всех товаров и услуг (в т. ч. и внепроизводственной, и бюджетной сферы), представленных в определенный период на рынке в обществе. Правда, тогда становится явно невозможным и даже немислимым эквивалентный обмен товаров в соответствии с затратами рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда.

Маркс полагал, что «образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли и дает при этом пропорционально своей величине прежний продукт» (*т. 25, ч. 2, с. 237*). Но по логике Маркса, новые добавочные прибыли могут ведь образоваться и просто из-за появления на рынке новых товаров, цена которых вообще не содержит в себе стоимости. К сожалению, классик это положение игнорирует. Вообще нужно отметить, что различие в высоте ренты может быть связано не только с различием естественного плодородия различных по качеству земель, не с количеством затраченного труда, а исключительно с различным способом затрат самого по себе капитала (*т. 25, ч. 2, с. 247*).

Маркс уверен: «Обязана ли... производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама стоит труда, следовательно, капитала, она в той или иной мере увеличивает цену производства, тогда как природа этого не делает» (т. 25, ч. 2, с. 305). К сожалению, здесь, он, как обычно, грубо и неоправданно игнорирует участие в экономическом процессе (в т. ч. и в производственной сфере) капитала, имеющего рыночную цену, но не имеющего трудовой стоимости. Т. е. если используемая на производстве «сила природы» как-то оценена, то она так или иначе должна увеличить цену производства.

Примечание. Говоря об элементах природы, входящих в производство, Маркс тоже игнорирует внешнее косвенное влияние на цену хотя бы через общую норму прибыли, неминуемо выражающую наличие на рынке естественного или природного капитала: «Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоят, – эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, то есть как даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно вообще всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если со временем потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, то есть если придется производить дополнительный продукт без помощи этой естественной силы или при содействии человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства» (т. 25, ч. 2, с. 303).

Маркс утверждает, что «цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей». Более того, он считает, что «цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью» (т. 25, ч. 2, с. 317). Маркс говорит, что «Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар» (т. 25, ч. 2, с. 318), но, кроме того, еще «возникает средняя прибыль и

цена производства товаров, характерным элементом которой является средняя прибыль». Правильно обращая внимание на то, что посредством рыночной конкуренции допускаются «только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства», Маркс странным образом при этом говорит о том, что «добавочные прибыли» якобы как-то «получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства». Хотя, без сомнения, т. н. «добавочные прибыли» получаются не только и из различий в пределах каждой сферы производства, но и из различий между различными отраслями или сферами хозяйственной деятельности, которые, следовательно, обязательно затрагивают величину общей средней нормы прибыли, а значит, и общие цены производства, складывающиеся в различных сферах. Это очевидным образом указывает на то, что наличие общей нормы прибыли в экономике даже теоретически не предусматривает «превращение стоимостей в цены производства», а скорее, напротив, допускает хоть какую-то возможность абстрактно-теоретического выявления в цене произведенного товара величины его гипотетически предполагаемой трудовой стоимости (*т. 25, ч. 2, с. 320–321*).

Примечание. Напомним: по мнению Маркса, сам факт права собственности, т. е. «самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен быть налицо до того, как становится возможной его продажа, и как одна продажа, так и целый ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, – так это производственные отношения», являющиеся материальным источником «титула и всех основывавшихся на нем сделок». Но как представляется, до какого-либо производства или производственных отношений уже существовала собственность, в т. ч. и частная собственность, некое право и титул. Титул и право возникли скорее благодаря традиции, т. е. как раз было регулярное или постоянное повторение неких ритуалов и/или передвижений в социальной иерархии, актов купли-продажи и т. п. Если когда-то «частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека» (*т. 25, ч. 2, с. 337*), то это ни в коем случае не значит, что смысл частной собственности, как и ценность необходимых титулов «владения», будет утрачена вовсе повсеместно и навсегда.

О глубине ложного или извращенного понимания Марксом сущности экономического процента и ренты свидетельствует его попытка объяснить «всю трудность анализа ренты». Он исходит из, по его мнению, необходимости объяснить свойственную сфере земледельческого производства избыточную прибавочную стоимость или «избыток этого чистого

продукта над чистым продуктом других отраслей производства». Хотя при этом он парадоксальным образом и согласен с тем, что «сама средняя прибыль, есть продукт... предполагающий, ..., очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и – как это имеет место при капиталистическом способе производства – в качестве регулятора производства вообще». Исходя из изначально им принятой, так сказать, «производственной» парадигмы, Маркс и здесь очевидным образом игнорирует факт проявления средней прибыли даже в условиях отсутствия какого-либо производства или незначительного его значения или влияния в становлении рынка. Впервые средняя прибыль появилась в качестве масштаба и в качестве регулятора, естественно, еще в сфере обращения. Именно только в силу достаточно высокой или привлекательной нормы прибыли в сфере производства уже всегда существующий торгово-денежный капитал может быть мотивирован к инвестированию в сферу производства.

Как представляется, убеждение Маркса о том, что «где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью» (*т. 25, ч. 2, с. 345*), ложно именно потому, что в действительности всякий избыток над средней прибылью никакого отношения к гипотетической прибавочной стоимости не имеет, даже если и допустить как-то то, что она может иметь какое-то специфическое место в самой сфере производства. Т. е. скорее всего все-таки корректнее вести речь о пропорциональной доле всякого индивидуального капитала именно в прибыли, порожденной всем общественным капиталом. Наверное, здесь стоит подчеркнуть, что порождение новой ценности, да и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, прежде всего действительно покоится на плодородии самой земли и возможностях естественных сил природы и лишь затем уже «на производительности земледельческого труда». При этом трудно, конечно, не согласиться и с тем, что «производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность работника, составляет базис всякого общества» (*т. 25, ч. 2, с. 348*). Более того, нужно согласиться и с тем, что из развивающихся отношений производства, которое в определенный период своего развития начинает доминировать среди имеющихся форм капитала, вырастают вся структура экономического строя и вместе с тем его специфическая политическая структура.

Примечание. Маркс полагает, что «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно

соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» (*т. 25, ч. 2, с. 354*).

Если государство является монопольным или «верховным собственником земли» («сконцентрированной в национальном масштабе»), то «в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». Эта специфическая вполне «социалистическая» экономическая форма, в которой не просто так же продолжает необходимо выкачиваться из непосредственных производителей «неоплаченный прибавочный труд», но неминуемо в гораздо большей степени, т. к. государственная монополия на средства производства и на землю, в конечном итоге ведет к тоталитаризму и к диктату господства и порабощения не только в производстве, но и в самом обществе, что, конечно, оказывает и на общество, и на его экономику колоссальное негативное «определяющее обратное воздействие» (*т. 25, ч. 2, с. 354*).

У Маркса есть красивое и вместе с тем глубокое высказывание: «возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного» (*т. 25, ч. 2, с. 355*). Но на самом деле он не замечает того факта, что ренту создает скорее оценка «возможности», чем сама по себе возможность. Именно общепризнанная рыночная оценка создает то т. н. как бы «принуждение, превращающее возможность в действительность». Процесс рыночной оценки определяет как бы величину и действительность наличия субъективных и объективных естественных условий. Эта естественно интуитивная и в конечном итоге субъективная оценка и есть то таинственное первоначало – ценность, которая лежит в основаниях и в результатах всякого экономического процесса.

Примечание. Маркс осознавал, что возможность экономического развития всегда находится «в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств», более того, он акцентирует внимание даже на том, что эта возможность зависит «от врожденных расовых черт характера и т. д.» (*т. 25, ч. 2, с. 357*). С какой-то точки зрения здесь, вероятно, можно даже заметить как бы переключку с идей Л. Гумилева о пассионарности в этногенезе.

Говоря о том, что с развитием экономики «претерпевает превращение и природа ренты», Маркс учит, что теперь уже земледельческий или сельскохозяйственный бизнес отдает в качестве ренты земельному

собственнику якобы именно «избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, благодаря своему капиталу, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих». Но в то же время, как это ни парадоксально, конкретная величина ренты, т. е. то, «много или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем как предел той средней прибыли, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства» (т. 25, ч. 2, с. 364).

Таким образом, в конечном итоге становится совершенно непонятным, с какой стати Маркс здесь вообще упоминал о некоей гипотетической «прибавочной стоимости», ведь она, согласно его же высказываниям, практически никакого отношения не имеет к величине ренты. Кроме того, Маркс игнорирует, что рента, получаемая земельным собственником и практически являющаяся процентом на капитал (т. е. цены этого земельного участка), и получается вовсе не обязательно именно «от действительного приложения капитала к этому участку земли», ведь он может использоваться и просто как некое, например, складское место. Вообще, трудно в целом не согласиться с Марксом, который уверен, что «Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных ценных бумаг, есть в действительности капитал лишь в себе, как всякая сумма стоимости (?) на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Что уплачивается за землю, как и за государственные ценные бумаги, как и за другой покупаемый товар, – это известная сумма денег. Она капитал в себе, потому что она может быть превращена в капитал». Но не совсем понятно, почему он считает, что «от того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет» (т. 25, ч. 2, с. 374). Ведь, как представляется, всякий капитал-в-себе, т. е. сокровище, превращается в капитал-для-нас, т. е. в реальный, или действительный капитал, как только он начинает приносить нам реальный процент.

Примечание. Нельзя пройти мимо, реплик классика о том, что есть отрасли, которые при подъеме промышленности дают «на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии» (т. 25, ч. 2, с. 366), или что в действительности есть пару случаев, когда цена земли «может принимать участие в определении цены земледельческого продукта» (т. 25, ч. 2, с. 375). Исходя из этого, возникает вопрос, каким же тогда образом сумма цен всех товаров может быть (УЖЕ?!) «примерно равной» сумме всех их стоимостей? Ведь, если быть последовательным, то сумма цен всех товаров, выходит, должна быть как бы всегда несколько больше суммы стоимостей всех товаров, представленных на рынке.

§ 42. О РЕНТЕ И КОНКУРЕНЦИИ КАПИТАЛОВ

«...только воздействующие друг на друга капиталы имеют силу осуществлять имманентные законы капитала»
(К. Маркс, т. 26, ч. 2, с. 96).

Маркс, внятно поясняя, говорит или напоминает нам о том, «что получается в результате конкуренции капиталов?» – «Капиталы равной величины приносят равные прибыли». Но при этом «совершенно ошибочно утверждать, будто капиталы в различных сферах производят соответственно их величине одинаковую прибавочную стоимость (здесь мы совершенно отвлекаемся от того обстоятельства, заставляет ли один капиталист работать дольше, чем другой; мы предполагаем здесь для всех сфер одинаковый абсолютный рабочий день; различие абсолютных рабочих дней отчасти уравнено в рабочих днях различной продолжительности посредством интенсивности труда и т. д., отчасти эти различия выражаются лишь в произвольных сверхприбылях, исключениях и т. п.)», т. к., и Маркс на этом здесь специально настаивает, «При равной величине капиталов – и при указанном только что предположении – масса прибавочной стоимости, производимая этими капиталами, различна, во-первых, в зависимости от соотношения их органических составных частей, т. е. переменного и постоянного капитала; во-вторых, в зависимости от времени их обращения, поскольку это время определяется соотношением между основным и оборотным капиталом и различными периодами воспроизводства различных видов основного капитала; в-третьих, в зависимости от продолжительности периода производства в собственном смысле слова, в отличие от продолжительности самого рабочего времени, что опять-таки обуславливает существенное различие в соотношении периодов производства и обращения. (Первое из указанных соотношений, а именно соотношение между постоянным и переменным капиталом, само может проистекать из весьма различных причин. Например, оно может быть только формальным – в том случае, когда обрабатываемый в одной сфере производства сырой материал является более дорогим, чем обрабатываемый в другой сфере производства, – или же это соотношение может проистекать из различной производительности труда и т. д.)» (т. 26, ч. 2, с. 19–20). «Итак, если бы товары продавались по их стоимостям, или если бы средние цены товаров были равны их стоимостям, то норма прибыли должна была бы быть совершенно различной в различных сферах производства; ... может, конечно, иметь место и совпадение средней цены и стоимости товара. Это происходит тогда, когда произведенная в самой (этой – Ю. М.) сфере... прибавочная стоимость равна средней прибыли, когда, следовательно, в этой сфере

различные части капитала стоят друг к другу в таком отношении, в каком они находятся, когда совокупная сумма капиталов, весь капитал класса капиталистов, берется как единая величина, на которую и исчисляется совокупная прибавочная стоимость, независимо от того, в какой сфере совокупного капитала она была произведена. В этом совокупном капитале выравниваются периоды оборота и т. д.; весь этот капитал исчисляется, например, как оборачивающийся в течение одного года и т. д. Тогда в самом деле оказалось бы, что любая доля этого совокупного капитала участвует в совокупной прибавочной стоимости пропорционально своей величине, получает соответственную часть прибавочной стоимости. И так как каждый единичный капитал приходилось бы рассматривать как пайщика в этом совокупном капитале, то отсюда следовало бы, что, во-первых, норма прибыли у этого единичного капитала такая же, как у всякого другого капитала, что равные по величине капиталы приносят равные прибыли, и, во-вторых, что масса прибыли – как это само собой вытекает отсюда – зависит от величины капитала, от того количества паев в этом совокупном капитале, которым владеет капиталист. Конкуренция капиталов стремится обращаться с каждым капиталом как с частью совокупного капитала и соответственно этому регулировать его участие в прибавочной стоимости, а значит, регулировать и прибыль. В большей или меньшей степени это удается сделать конкуренции путем производимых ею выравниваний. (Здесь не подлежат исследованию те причины, в силу которых в отдельных сферах конкуренция наталкивается на особые препятствия.) Это означает, попросту говоря, не что иное, как то, что капиталисты стремятся (а это стремление и есть конкуренция) распределять между собою все то количество неоплаченного труда, которое выжимается ими из рабочего класса, – или продукты этого количества труда, – не соответственно тому, сколько прибавочного труда непосредственно производит каждый особый капитал, а соответственно, во-первых, тому, какую часть совокупного капитала составляет этот особый капитал, и, во-вторых, соответственно тому общему количеству прибавочного труда, которое производит весь капитал, взятый в целом. Капиталисты, как собратья-враги, делят между собой добычу – присвоенный чужой труд, так что каждый из них присваивает себе в среднем такую же долю неоплаченного труда, какую присваивает и всякий другой капиталист» (*т. 26, ч. 2, с. 20–21*).

Примечание. «Если о ренте с хлебных полей и о ренте с рудников можно сказать, что она не удорожает стоимости продукта (а удорожает лишь его рыночную цену), являясь скорее выражением его стоимости (избытком стоимости продукта над его ценой производства), то, напротив, не подлежит никакому сомнению, что рента со скота, рента с домов и т. д. есть

не следствие, а причина возрастания стоимости этих продуктов». Вообще «Удешевление сырья, вспомогательных материалов и т. д. сдерживает рост стоимости этой части капитала, но не устраняет его. Оно до известной степени парализует падение нормы прибыли» (т. 26, ч. 3, с. 381).

По мнению Маркса, на практике «Это выравнивание осуществляется конкуренцией путем регулирования средних цен. Но сами эти средние цены оказываются выше или ниже стоимости товара – настолько именно, что данный товар приносит не более высокую норму прибыли, чем любой другой товар. Ошибочным, следовательно, является утверждение, будто конкуренция капиталов устанавливает общую норму прибыли посредством сведения цен товаров к их стоимостям. Напротив, **конкуренция устанавливает общую норму прибыли как раз тем путем, что превращает стоимости товаров в средние цены, в которых часть прибавочной стоимости одного товара перенесена на другой товар, и т. д.** Стоимость товара равна количеству содержащегося в нем труда, оплаченного и неоплаченного. Средняя цена товара равна количеству содержащегося в нем оплаченного труда (овеществленного или живого) плюс некоторая средняя доля неоплаченного труда, не зависящая от того, содержалась ли она в самом этом товаре в таком же размере или нет, иными словами – содержалось ли в стоимости данного товара неоплаченного труда больше или меньше» (т. 26, ч. 2, с. 21–22).

После этого целого ряда как бы последовательных уместных пояснений и поучений Маркс делает здесь же, как представляется, несколько парадоксальное признание: «Правда, относительная прибавочная стоимость может зависеть от естественного плодородия почвы, однако это никоим образом не могло бы иметь своим следствием более высокую цену продуктов земли. Скорее наоборот» (т. 26, ч. 2, с. 23). Ведь (и Маркс специально акцентирует на этом наше внимание) «Товары обмениваются по своим стоимостям только в виде исключения. Их средние цены, определяются иначе» (т. 26, ч. 2, с. 24).

Примечание. Маркс поясняет здесь свою позицию следующим образом: «Если исходить из правильного принципа, что стоимость товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем (и что стоимость вообще есть не что иное, как овеществленное общественное рабочее время), то напрашивается тот вывод, что средняя цена товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем. Этот вывод был бы верен, если бы было доказано, что средняя цена равна стоимости. Но я доказываю как раз обратное: именно потому, что стоимость товаров определяется рабочим временем, средняя цена товаров (исключая тот единственный случай, когда, так сказать, индивидуальная норма прибыли в какой-нибудь отдельной сфере производства, т. е. прибыль, определяемая прибавочной стоимостью, произведенной в самой этой сфере производства, равна сред-

ней норме прибыли совокупного капитала) никогда не может быть равна их стоимости, хотя это определение средней цены является лишь производным от стоимости, определяемой рабочим временем» (*т. 26, ч. 2, с. 27*).

Согласно Марксу из этого вытекает прежде всего «то обстоятельство, что товар приносит, кроме прибыли, еще и земельную ренту, вовсе не доказывает, что этот товар продан выше своей имманентной стоимости». Но при всех обстоятельствах цена, по которой продается товар, приносящий ренту, такова, что «он приносит прибыль большую, чем средняя, определяемая общей нормой прибыли на капитал» (*т. 26, ч. 2, с. 28*).

Примечание. По Марксу, исторически рента выступала «как всеобщая форма прибавочного труда, труда, выполняемого безвозмездно» (*т. 26, ч. 3, с. 415*), сейчас же «Относительная величина ренты зависит уже только от распределения прибавочной стоимости между капиталистом и земельным собственником, а не от самого извлечения этого прибавочного труда». Теперь «капиталист становится тем, кто непосредственно присваивает прибавочный труд». «Капиталистический способ производства начинается в промышленности и подчиняет себе земледелие лишь позднее» (*т. 26, ч. 3, с. 417*). Вообще масса ренты, по Марксу, может увеличиваться по нескольким причинам: 1) «если увеличивается применяемый в земледелии капитал, хотя цены на хлеб и т. д. не повышаются и вообще не происходит никакого другого изменения. Ясно, что в этом случае повышается также цена земли» (*т. 26, ч. 3, с. 418*); 2) «монопольная цена, когда имеется абсолютная рента (проистекающая не из различия в плодородии различных сортов почвы)»; 3) либо дифференциальная рента проистекающая именно из различия в плодородии различных сортов почвы (*т. 26, ч. 3, с. 419*). По Блаугу, теория ренты Карла Маркса – это сама «простота» (*т. 3, глава 37–43*). Он следующим образом поясняет позицию Маркса: «1. Имеется “дифференциальная рента”, вытекающая из различий плодородности и местоположения земельных участков различной категории. 2. Может иметь место “абсолютная рента” – в силу того обстоятельства, что сельское хозяйство имеет дело с капиталом, органическое строение которого ниже общественной средней величины. В результате ценность сельхозпродукции превышает ее цену производства. В нормальном случае поток капиталов привел бы к понижению норм прибыли в сельском хозяйстве до среднего показателя, но так как существует частная собственность на землю, землевладелец имеет возможность повесить на арендатора дополнительный рентный платеж, эквивалентный сверхприбыли, получаемой в земледелии. По мнению Блауга, Маркс тщательно избегает утверждений, что органическое строение капитала в сельском хозяйстве действительно ниже среднего показателя – это, говорит, «вопрос, который может решить только статистика» (*т. 3, гл. 45*). Если же это не так, тогда абсолютная рента отпадает, и вся рента остается дифференциальной. Блауг считает, что марксова теория абсолютной ренты не имеет никакой силы вне рамок его теории прибавочной стоимости и вытекающей отсюда необходимости превращения стоимости в цену. Следует отметить лишь один вытекающий из нее любопытный и странный вывод, будто абсолютная

рента должна быть отрицательной, если аграрный сектор характеризуется большей капиталоемкостью по сравнению с остальными отраслями экономики, как это было в самом деле в США и Великобритании после 1930 года. С точки зрения Блауга, Маркс в данном аспекте не понял теории Рикардо, согласно которой должны существовать возделываемые земли, за которые рента не взимается. Иными словами, Маркс не понимал и/или не брал в расчет, что существует предельный уровень интенсивного, как и экстенсивного земледелия, по крайней мере в каждый определенный хозяйственный цикл, а это уже серьезное упущение.

Наконец, Маркс возвращается к тому, что у него изначально «как раз предположено, что в цене товара, приносящего ренту, “реализуется содержащаяся в нем прибавочная стоимость”». Т. е., в этом случае речь идет именно о товарах, «у которых их имманентная прибавочная стоимость превышает прибавочную стоимость, реализованную в их средней цене». Имманентная товарам этих особых сфер производства прибавочная стоимость, выступающая в форме прибыли, в соответствии с результатами конкуренции капиталов понижается до уровня общей нормы прибыли так же образует здесь прибыль на затраченный капитал.

Однако (Маркс наконец делает ожидаемое принципиально важное определение) «в цене рассматриваемых нами исключительных товаров реализован также и избыток имманентной им прибавочной стоимости над этой прибылью, но достается этот избыток не владельцу капитала, а другому собственнику, а именно – собственнику земли, природного фактора, рудника и т. д.» (*т. 26, ч. 2, с. 28–29*). Маркс, вероятно стараясь выглядеть объективным, задается вопросом: «Или, быть может, цена этих товаров взвинчивается настолько, что она дает больше, чем среднюю норму прибыли? Это происходит, например, при монопольных (в собственном смысле слова) ценах». Такое допущение кажется Марксу изначально неприемлемым, т. к. оно «уже предполагало бы как раз то, что требуется объяснить, а именно, что в некоторой особой сфере производства цена товара неизбежно должна давать больше, чем общую норму прибыли, больше, чем среднюю прибыль, и что для этого товар неизбежно должен продаваться выше его стоимости. Предполагалось бы, следовательно, что сельскохозяйственные продукты не подчиняются действию общих законов товарной стоимости и капиталистического производства. И все это предполагалось бы потому, что особое существование ренты рядом с прибылью на первый взгляд создает такую видимость. Стало быть, указанное допущение нелепо» (*т. 26, ч. 2, с. 29*). Поэтому, исходя из ТПС и/или в рамках парадигмы ТТС и ТПС, Марксу, конечно, «не остается ничего другого как предположить, что в этой особой сфере производства существуют особые условия, такие влияния, в силу которых цены товаров реализуют [всю] имманентную им прибавочную стоимость», – в

отличие от тех «товаров, которые в своей цене реализуют лишь столько из содержащейся в них прибавочной стоимости, сколько им оставляет общая норма прибыли. В рассматриваемой же особой сфере производства средние цены товаров не падают ниже их прибавочной стоимости – настолько именно ниже, чтобы они давали лишь общую норму прибыли, или чтобы их средняя прибыль была не больше, чем во всех других сферах приложения капитала» (т. 26, ч. 2, с. 29).

По мнению Маркса, этим самым предположением или допущением данная «проблема уже весьма упростилась. Речь идет уже не о том, чтобы объяснить, как это происходит, что цена определенного товара дает, кроме прибыли, еще и ренту, – стало быть, по видимости нарушает общий закон стоимости и путем поднятия цены данного товара выше его имманентной прибавочной стоимости приносит на капитал данной величины больше, чем приходится соответственно общей норме прибыли. Напротив, дело идет об объяснении того, как это происходит, что в процессе выравнивания цен товаров и приведения их к средним ценам этот товар не должен отдавать другим товарам из своей имманентной прибавочной стоимости столько, чтобы у него оставалась лишь средняя прибыль; каким образом получается, что этот товар реализует также еще и ту часть своей собственной прибавочной стоимости, которая образует избыток над средней прибылью». Маркс, кажется, уверен и пытается нас убедить в том, что «Сформулированная таким образом проблема сама собой приводит к своему собственному разрешению» (т. 26, ч. 2, с. 30).

При этом он допускает, хотя и совершенно верное, но весьма противоречивое в этом его собственном контексте высказывание: «само по себе развитие особой земельной ренты не имеет абсолютно ничего общего с производительностью сельскохозяйственного труда, так как отсутствие или отпадение ренты может быть связано и с повышающейся, и с остающейся неизменной, и с понижающейся нормой прибыли», ведь в этом случае сложно или трудно понятно, как может рента, даже косвенно, быть связанной с прибавочной стоимостью. В рамках принятой им парадигмы т. н. закона стоимости Маркс полагает, что «Вопрос здесь не в том, почему в земледелии и т. д. захватывается избыток прибавочной стоимости над средней прибылью; наоборот, следует скорее задать такой вопрос: в силу каких причин здесь должно было бы иметь место противоположное явление?» Поэтому он не забывает повторить, что «Прибавочная стоимость есть не что иное, как неоплаченный труд; средняя прибыль, или нормальная прибыль, есть не что иное, как то количество неоплаченного труда, которое, согласно предположению, реализуется каждым капиталом данной величины». Тогда и выходит у него, будто как бы само собой понятно, что «Избыток прибавочной стоимости над средней прибылью

означает, следовательно, что в товаре (в его цене или в той части его цены, которая состоит из прибавочной стоимости) содержится большее количество неоплаченного труда, чем то, которое образует среднюю прибыль и которое, стало быть, в средней цене товаров составляет избыток цены товара над издержками его производства» (т. 26, ч. 2, с. 33).

Примечание. Здесь же, так сказать по ходу, Маркс допускает и следующее также ангажированное и ничем не оправданное, как бы глубоко поясняющее высказывание: «Издержки производства выражают в каждом отдельном товаре авансированный капитал, а избыток над этими издержками производства выражает тот неоплаченный труд, которым распоряжается авансированный капитал; стало быть, отношение этого избытка цены к издержкам производства выражает ту норму, соответственно которой капитал данной величины, применяемый в процессе производства товаров, распоряжается неоплаченным трудом, независимо от того, равен ли этой норме или же не равен ей содержащийся в товаре данной особой сферы производства неоплаченный труд» (т. 26, ч. 2, с. 34).

Подводя промежуточные итоги своих рассуждений по поводу сущности ренты, Маркс, поясняя свою позицию, довольно убедительно говорит: «Итак, согласно развиваемой нами теории, частная собственность на объекты природы, каковы земля, вода, рудники и т. д., собственность на эти условия производства, на то или иное данное природой условие производства – не является тем источником, откуда происходит стоимость, ибо стоимость равна лишь овеществленному рабочему времени; не является эта собственность также и тем источником, откуда происходит избыточная прибавочная стоимость, т. е. избыток неоплаченного труда над тем неоплаченным трудом, который содержится в прибыли. Но эта собственность есть источник дохода. Она есть титул, средство, дающее собственнику этого условия производства возможность присваивать себе в той сфере производства, куда предмет его собственности входит как условие производства, ту часть выжатого капиталистом неоплаченного труда, которая в противном случае была бы брошена, как избыток над обычной прибылью, в общую кассу капитала. Эта собственность служит средством к тому, чтобы поставить преграду вышеуказанному процессу, происходящему в остальных сферах капиталистического производства, и удержать произведенную в этой особой сфере производства прибавочную стоимость в пределах этой же сферы, так что прибавочная стоимость делится теперь между капиталистом и земельным собственником. Этим путем земельная собственность становится ассигновкой на неоплаченный труд, на даровой труд, такой же ассигновкой, какой является и капитал. И подобно тому как в капитале овеществленный труд рабочего выступает как господствующая над рабочим сила, точно

также в земельной собственности то обстоятельство, что она дает своему собственнику возможность отнимать у капиталиста часть неоплаченного труда, принимает такой вид, будто земельная собственность есть источник стоимости» (*т. 26, ч. 1, с. 36*).

Маркс вслед за Рикардо считал, что «такие силы природы, как воздух, свет, электричество, пар, вода являются даровыми, а земля – вследствие ее ограниченности – не является даровой» (*т. 26, ч. 2, с. 37*).

Примечание. Маркс говорит, что с дополнительным использованием сил природы, которые «можно отчасти иметь даром» и/или капиталисту «ничего не стоят» возрастает или может возрасти «производительность труда, а тем самым и относительная прибавочная стоимость. Это значит: количество неоплаченного труда, присваиваемое капиталистом в течение одного рабочего дня, возросло благодаря пару. Таким образом, различие между производительной силой пара и производительной силой земли заключается только в том, что первая приносит неоплаченный труд капиталисту, а вторая – земельному собственнику, отнимая неоплаченный труд рабочего не [непосредственно] у этого последнего, а у капиталиста. Отсюда мечтания капиталиста об «отмене собственности» на этот элемент природы. В (этом – Ю. М.) рикардовском подходе к вопросу верно лишь следующее: при капиталистическом способе производства капиталист – не только необходимый, но и господствующий агент производства. Напротив, земельный собственник при этом способе производства совершенно излишен. Все, что требуется для капиталистического способа производства, это – то, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу как не принадлежащее ему условие производства, и эта цель достигается полностью тогда, когда земля становится государственной собственностью, и земельную ренту получает, стало быть, государство. Земельный собственник, исполнявший в древнем и в средневековом мире столь существенные функции в производстве, является в промышленном мире бесполезным наростом» (*т. 26, ч. 2, с. 38–39*).

Если бы землю «можно было иметь в любом количестве так же, как и другие элементы и силы природы, то производство, по Рикардо, было бы гораздо производительнее» (*т. 26, ч. 2, с. 38*); «если бы земля, как элемент природы, находилась в свободном распоряжении всех и каждого, то отсутствовал бы один из главных элементов для образования капитала. Одно из самых существенных условий производства и – если не считать самого человека и его труд – единственно первичное условие производства не могло бы подвергаться отчуждению и присвоению и, следовательно, не могло бы противостоять рабочему как чужая собственность и в результате этого превращать его в наемного рабочего. Производительность труда... в капиталистическом смысле, “производство” чужого неоплаченного труда было бы, следовательно, невозможно. Тем самым пришел бы конец капиталистическому производству вообще» (*т. 26, ч. 2, с. 38*).

Таким образом, с какой-то ожидаемой точки зрения, можно прийти к выводу, что одним из главных источников ренты является редкость и/или ограниченность «сил природы», неких природных ресурсов, произведений искусства, ноу-хау, объектов недвижимости и т. п., и т. д., необходимо выражаемых в частной собственности.

Примечание. Не лишним будет ознакомиться с мнением Мизеса: «Дифференциальная рента представляет собой всеобщий феномен и не ограничивается определением цен на землю. Изошренное различие между рентой и квазирентой ложно. Земля и оказываемые ею услуги трактуются точно так же, как и остальные факторы производства и их услуги. Работа с помощью более хороших инструментов приносит ренту по сравнению с отдачей от использования менее подходящих инструментов вследствие того, что снабжение более пригодным инструментарием недостаточно. Более способные и более усердные рабочие зарабатывают ренту по сравнению с заработной платой, получаемой менее квалифицированными и менее энергичными конкурентами» («Человеческая деятельность», с. 482).

Именно поэтому такую значительную и фактически незаменимую роль играет частная собственность в капиталистическом хозяйстве – она выступает как бы естественным ограничителем процесса конкуренции капиталов (в каком-то смысле она является специфической формой естественной монополии), т. е. выравнивания прибыли в соответствии с общей средней нормой прибыли. Ведь общая норма прибыли означает не что иное, как выравнивание всех различий, абстрагирование от органических составных частей капитала. Поэтому не что иное, как частная собственность, но именно в этих достаточно специфических сферах оказывается как бы внешней или формальной причиной специфической формы прибыли – ренты. Здесь, вероятно, имеет смысл напомнить, что в предпринятом описании мы не обнаруживаем даже «тени» необходимости некоей абстрактной «прибавочной стоимости». Но Марксу важна связь ренты именно с прибавочной стоимостью, а не с прибылью.

Маркс как некое заклинание и здесь постоянно повторяет и подчеркивает: «товары обмениваются не по их стоимостям, а по отличающимся от этих стоимостей средним ценам, причем это вытекает из определения стоимости товаров “рабочим временем”, из этого закона, противоречащего по видимости данному явлению» (*т. 26, ч. 2, с. 52*), т. к. якобы «Стоимости товаров должны уже видоизмениться, превратиться в средние цены или же находиться в непрерывном процессе такого видоизменения, чтобы могла установиться норма прибыли (общая). В этой общей норме выравниваются те особые нормы прибыли, которые в каждой сфере производства определяются отношением прибавочной стоимости к авансированному капиталу» (*т. 26, ч. 2, с. 56*). Т. е. «совокуп-

ная прибавочная стоимость должна быть распределена между ними не пропорционально тому, сколько производится прибавочной стоимости в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально величине авансированных капиталов».

В завершение этой, местами, следует признать, весьма глубокой схоластики, вытекающей из ТПС, Маркс хотя и последовательно, но совершенно извращенно заявляет, что «действие конкуренции состоит в выравнивании прибылей, т. е. в сведении стоимостей товаров к средним ценам» (т. 26, ч. 2, с. 65). При этом совершенно точно определяя среднюю или рыночную цену товара, он ни слова уже не говорит о величине его стоимости: «Средняя цена товара равна его издержкам производства (авансированному в нем капиталу, будь то в форме заработной платы, сырого материала, машин или чего-нибудь иного) плюс средняя прибыль» (т. 26, ч. 2, с. 68).

Обращает на себя внимание довольно странное следующее указание Маркса: «Норму земельной ренты следует прежде всего исчислять на капитал, исчислять, стало быть, как избыток цены товара над издержками его производства и над той частью цены, которая образует прибыль» (т. 26, ч. 2, с. 69). Как будто рента невозможна вне или без производственного процесса.

Так сказать, логика производственного фетишизма и материализма Маркса явно довлеет над всем его учением. Вовсе не случайно у него можно встретить вот такие высказывания: «Потребительная стоимость машин, а не их стоимость, – вот что увеличивает производительность земледельческого труда, как и всякого другого труда. Кроме того, можно было бы точно так же сказать, что производительность промышленного труда обусловлена прежде всего наличием сырья и его свойствами. Но здесь опять-таки потребительная стоимость сырья, а не его стоимость является условием производства для промышленности. Стоимость представляет собой скорее отрицательную сторону» (т. 26, ч. 2, с. 80–81). Ведь потребительная стоимость у Маркса – это «полезность вещи», которая «не висит в воздухе». «Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего», поэтому это непременно некое именно «товарное тело», всегда имеющее свою количественную определенность. «Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости» (т. 23). Вещь (в т. ч. и товар) «может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не

опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.). С другой стороны, «вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром». Произведенная вещь или продукт «не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости» (т. 23, с. 30). Но позвольте, а имеет ли в таком случае свою потребительную стоимость предпринимательская или технологическая идея или просто определенная информация, ну и т. п.? Указанные вещи, вне сомнения, могут выступать даже условием производства и, более того, обуславливать саму производительность промышленности. Ценность этих бестелесных товаров, выраженная в их цене, должна скорее всего как-то влиять на величину какой-то специфической ренты.

Примечание. Маркс допускает довольно парадоксальное утверждение: «Стоимостное отношение двух товаров показывает, что один из них производится с большей затратой рабочего времени, чем другой; нельзя, однако, на этом основании утверждать, что одна отрасль производства “производительнее” другой. Это было бы верно только при том условии, если бы рабочее время затрачивалось в обоих случаях на производство одних и тех же потребительных стоимостей» (т. 26, ч. 2, с. 86). Выходит, что эквивалентность или сопоставимость в соответствии с затратами рабочего времени могут быть корректными исключительно только при сравнении одного и того же продукта труда на различных производствах одной и той же отрасли, т. е. каждый вид товара имеет собственную неповторимую потребительную стоимость. Ну и как это может быть согласованным с ТТС? Совершенно непонятно!

Маркс полагает, что «норма прибыли отнюдь не определяется одной лишь нормой прибавочной стоимости». В свою очередь, и норма прибавочной стоимости зависит не только от количества примененного труда, но также и от производительности труда в целом. Таким образом, как кажется, он довольно сильно размывает или затирает связь этих определений с законом стоимости.

Примечание. Прибавочная стоимость – как абсолютная, так и относительная – невозможна, если труд не настолько по крайней мере производителен, чтобы от рабочего дня после вычета того времени, которое необходимо для собственного воспроизводства рабочего, оставалось еще прибавочное рабочее время. Но раз наличие прибавочного рабочего времени предположено, то – при данном минимуме производительности – норма прибавочной стоимости изменяется вместе с изменением продолжительности прибавочного рабочего времени. На самом деле норма прибыли зависит от отношения не прибавочной стоимости, а именно прибыли к совокупному авансированному капиталу. Норма прибыли определяется не только ценой рабочей силы, т. е. фондом оплаты труда, но и ценой сырья (если таковое

применяется в данной отрасли промышленности) и ценой машин нужной эффективности (т. 26, ч. 2, с. 86–87). Если «Вообще же норма прибыли может возрастать невзирая на то, что производительность труда остается постоянной, или может падать невзирая на то, что производительность труда возрастает, и притом возрастает в каждой сфере» (т. 26, ч. 2, с. 88), то разве уже из этого не следует, что норма прибыли практически никак не связана с ТТС и ТПС?

В процессе рыночного ценообразования, по-видимому, имеет свое собственное специфическое или особое при этом, судя по всему, даже основополагающее значение тот факт, что «различия земельных рент (добавочных прибылей) более или менее фиксируются» (кстати, этим земледелие сразу отличается от промышленности).

Примечание. Маркс поясняет: «Что касается различия земельных рент, то при одинаковом вложении капитала на равно-великих участках земли оно объясняется различием в естественном плодородии» (т. 26, ч. 2, с. 96). Однако Маркс полагает, что в данном случае не потребительная стоимость этой почвы или земельного участка, не его ценность, а именно «конкуренция, капиталистическое производство является причиной того, что средние условия производства определяют рыночную цену и таким образом поднимают ту цену продукта, которая стоит ниже этого среднего уровня, выше цены данного продукта и даже выше его стоимости; это, стало быть, не закон природы, а общественный закон» (т. 26, ч. 2, с. 98). В силу того что «только воздействующие друг на друга капиталы имеют силу осуществлять имманентные законы капитала. Постольку правы те, кто выводит земельную ренту из монополии;... монополия собственности на землю дает возможность земельному собственнику выжимать у капиталиста ту часть прибавочного труда, которая могла бы образовать постоянную добавочную прибыль... действие монополии состоит здесь в том, чтобы удерживать стоимость товара на таком уровне, который выше его средней цены, – в том, чтобы делать возможной продажу товара не выше его стоимости, а именно по его стоимости» (т. 26, ч. 2, с. 96).

Предполагается, что «нет необходимости ни в том, чтобы с самой худшей земли уплачивалась земельная рента, ни в том, чтобы с такой земли никакой ренты не уплачивалось. Равным образом возможно и то, что там, где не получается никакой земельной ренты, а получается только обычная прибыль, или даже там, где отсутствует и эта последняя, – все же уплачивается аренда, т. е. земельный собственник получает земельную ренту, хотя с экономической точки зрения никакой земельной ренты здесь нет» (т. 26, ч. 2, с. 98). Разве уже это очевидным образом не свидетельствует о том, что ни трудовая стоимость, ни ее величина вообще никакого значения не имеют в реальном рыночном процессе, в т. ч. в формировании величины средней ренты или средней арендной платы? Большая производительность какого-то данного капитала по сравнению

с другими капиталами той же сферы производства, конечно, предусматривает добавочную прибыль, но это и по Марксу тоже ведь вовсе не обязательно предполагает «избыток стоимости над средней ценой».

Примечание. Скорее всего, следует согласиться с предположением Маркса о том, что «С отменой собственности на землю и при сохранении капиталистического производства эта добавочная прибыль, проистекающая из разницы в плодородии, не исчезла бы. Если бы государство присвоило себе собственность на землю, а капиталистическое производство продолжало бы существовать, то рента... уплачивалась бы государству, но сама рента сохранилась бы». При этом Маркс еще все-таки избыточно полагает, что «Если бы собственность на землю превратилась в народную собственность, то перестал бы существовать вообще базис капиталистического производства, та основа, на которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу» (*т. 26, ч. 2, с. 108*).

С какой-то точки зрения может показаться, что для того чтобы сохранить не только категорию стоимости, но и определение субстанции стоимости общественным трудом, требуется отрицание абсолютной земельной ренты.

Примечание. Маркс полагает, что в произведенном продукте всегда «материализуется одно и то же рабочее время» по качеству, таким образом «субстанцию» понятия стоимости «составляет общественное рабочее время... стало быть, различие в стоимости может быть только количественным и... это количественное различие может быть равно лишь различию в количестве затраченного общественного рабочего времени» (*т. 26, ч. 2, с. 137*). Странно, но один из моих оппонентов – Скляренко Борис Васильевич ну никак ни мог осознать этот фундаментальный догмат в позиции Маркса.

Однако, по мнению Маркса, «Если... известно, что средние цены и стоимости не тождественны, что средняя цена товара может быть равна его стоимости, но может быть также больше или меньше ее, то вопрос отпадает, отпадает сама проблема, а вместе с тем отпадают и те гипотезы, которые выдвигаются для ее разрешения» (*т. 26, ч. 2, с. 138–139*), т. к., в извращенном ТТС понимании Маркса «Абсолютная рента есть избыток стоимости над средней ценой сырого продукта. Дифференциальная рента есть избыток рыночной цены продукта, произведенного на более плодородной почве, над стоимостью собственного продукта этой более плодородной почвы» (*т. 26, ч. 2, с. 152*). Очевидно, что Маркс совершенно искусственно и/или неоправданно насильно притягивает к объяснению или определению ренты абстрактную и совершенно чуждую ей трудовую стоимость.

Маркс, кажется, оправданно считает, что «Овеществленный труд и живой труд – это те два фактора, на противопоставлении которых покоится капиталистическое производство» (*т. 26, ч. 2, с. 162*). Но не менее,

если не более оправданной, очевидно, является и та точка зрения, когда в **противопоставлении накопления и потребления усматривается самое фундаментальное основание капитализма вообще.**

Маркс абсолютно уверен, что «там, где ничего нет, нечего и выравнять» (*т. 26, ч. 2, с. 203*). Поэтому «Средняя прибыль, а следовательно также и цены издержек были бы чем-то только воображаемым и лишенным опоры, если бы мы не взяли определения стоимости в качестве основы». Ведь весь конечный смысл этого определения по Марксу в овеществленном производительном труде, в материальной форме его конечного результата. Маркс последовательно, исходя из изначальных неоправданных допущений, настаивает на нелепом или ложном постулате ТПС о том, что «Выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях производства ничего не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно изменяет только распределение ее по различным отраслям производства. Но определение самой этой прибавочной стоимости проистекает только из определения стоимости рабочим временем. Без этого определения средняя прибыль представляет собой среднее из ничего, чистую фантазию. И она тогда могла бы составлять одинаково как 1000 %, так и 10 %» (*т. 26, ч. 2, с. 205*). Последнее высказывание не может не умилять, особенно если учесть то, что на рынке на самом деле всегда есть товары, цены которых вообще никакого отношения не имеют ни к трудовым стоимостям, ни к затратам рабочего времени.

Примечание. Маркс считает, что «В конкуренции надо различать двойное движение выравнивания. Капиталы внутри одной и той же сферы производства выравнивают цены товаров, произведенных внутри этой сферы, в одну и ту же рыночную цену, как бы ни относились [индивидуальные] стоимости этих товаров к этой рыночной цене. Средняя рыночная цена должна была бы равняться [рыночной] стоимости товара, если бы не происходило выравнивания между различными сферами производства. Между этими различными сферами конкуренция выравнивает [рыночные] стоимости в средние цены, поскольку воздействие капиталов друг на друга не тормозится, не нарушается третьей силой – земельной собственностью и т. д.» (*т. 26, ч. 2, с. 132–133*).

Тем не менее, Маркс не устает повторять: «общая норма прибыли является ведь вообще не чем иным, как выравниванием различных количеств прибавочной стоимости, содержащихся в различных товарах, произведенных равновеликими капиталами» (*т. 26, ч. 2, с. 214*). В действии же конкуренции он отмечает два аспекта: 1) продукты одной и той же сферы продаются по одной и той же рыночной цене, таким образом этот вид конкуренции, «принудительным образом вызывает различные нормы прибыли, т. е. отклонения от общей нормы прибыли»;

2) норма прибыли должна быть одна и та же для всякой затраты капитала, или конкуренция создает общую норму прибыли «для капиталов, поскольку они вложены в различные сферы производства», «может быть создана только посредством цен, отличающихся от стоимостей» (т. 26, ч. 2, с. 224). При этом он как бы великодушно допускает: «Возможно, что норма прибавочной стоимости не выравнивается в различных сферах производства (например, вследствие неодинаковой продолжительности рабочего времени). Выравнивание нормы прибавочной стоимости потому не является необходимым, что выравниваются сами прибавочные стоимости» (т. 26, ч. 2, с. 224). Но исходя из сказанного, очевидным образом выходит, что в данном рыночном процессе никакого значения ни величина трудовой стоимости, ни величина прибавочной стоимости, ни ее норма вообще не имеют.

Примечание. «Конкуренция заставляет рыночные цены в различных отраслях производства вращаться не вокруг стоимости товаров, а вокруг их цены издержек, т. е. вокруг содержащихся в товарах издержек плюс общая норма прибыли» (т. 26, ч. 2, с. 230). Здесь же Маркс подчеркивает, что т. к. рыночные цены соответствуют ценам издержек, то они постоянно обязательно как-то отклоняются от предполагаемых стоимостей товаров. Принципиально важным является то, что не что иное, как именно «одна лишь средняя, норма прибыли (при данной заработной плате) устанавливает цены издержек» (т. 26, ч. 2, с. 240).

Под дифференциальной рентой Маркс понимает «разницу в размерах ренты – большую или меньшую ренту, возникающую из-за различия в плодородии различных разрядов почвы». При этом он полагает, нужно иметь в виду, что «местоположение (относительно лучшее) действует так же, как естественное плодородие» (т. 26, ч. 3, с. 104). Более того, по мнению Маркса, даже «если налицо одинаковое плодородие, то дифференциальная рента может возникнуть из различной величины вложенного капитала... Эта дифференциальная рента соответствует просто тем сверхприбылям, которые извлекает при данной рыночной цене» (т. 26, ч. 2, с. 260). Здесь Маркс все-таки задается вопросом о том, «существует ли абсолютная рента, т. е. такая рента, которая проистекает из того, что капитал вложен в земледелие, а не в промышленность, и которая совершенно не зависит от дифференциальной ренты, или добавочных прибылей, доставляемых капиталом, вложенным в лучшую землю?» (т. 26, ч. 2, с. 261). Маркс, кажется, вслед за Рикардо отрицает такую возможность, как бы поясняя это тем, что «Этим была бы разрушена вся основа политической экономии. Следовательно, правильно заключает Рикардо, нет никаких абсолютных рент. Возможна только дифференциальная рента» (т. 26, ч. 2, с. 262). Нас, конечно, не может не удивлять такое «обоснование».

Ни Рикардо, ни Маркс, по-видимому, даже мысли не допускали, что все их т. н. «основы» политической экономии могут быть совершенно ложны.

Вне сомнения «существование абсолютной земельной ренты не только предполагает собственность на землю, но это и есть предположенная земельная собственность». Образование абсолютной земельной ренты объясняется «как раз тем сопротивлением, которое земельная собственность в земледелии оказывает капиталистическому выравниванию стоимостей товаров в средние цены. Если мы устраняем это действие земельной собственности, это сопротивление, специфическое сопротивление, на которое конкуренция капиталов наталкивается в этой сфере приложения, то мы, конечно, устраняем самую предпосылку существования земельной ренты» (т. 26, ч. 2, с. 327–328).

Примечание. По мнению Маркса, «вся соль вопроса состоит в следующем: если бы земля по отношению к капиталу существовала так, как всякий элемент природы, то капитал в области сельского хозяйства действовал бы совершенно также, как и во всякой другой отрасли производства. Тогда не было бы никакой земельной собственности и никакой ренты. Самое большее могли бы существовать, если одна часть земли плодороднее другой, сверхприбыли, как в промышленности. В земледелии они фиксируются в виде дифференциальной ренты благодаря той природной основе, которой для них являются различия в степени плодородия почвы. Наоборот, если земля: 1) ограничена, 2) захвачена в собственность; если капитал встречается, в виде условия своего возникновения, собственность на землю... капиталистическое производство само создает для себя эти условия... – то тогда земля уже с самого начала не представляет собою элементарно доступного капиталу поприща деятельности. Поэтому существует земельная рента независимо от дифференциальной ренты» (т. 26, ч. 2, с. 338).

Невозможно не согласиться с Марксом в том, что «Если бы земля представляла собой неограниченный элемент не только по отношению к капиталу и к населению, но и фактически, т. е. была бы “неограниченна”, как воздух и вода, была бы “в наличности в неограниченном количестве”, то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле несколько исключать присвоения земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и “общественной” и государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду одинакового качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента. Самое большее, платили бы ренту владельцу такой земли, которая “отличается особенно выгодным местоположением”» (т. 26, ч. 2, с. 337). Здесь нужно особо отметить и подчеркнуть: **в случае неограниченности какого-либо наличного ресурса (в т. ч. и земли) исключается вообще всякий смысл и право на его собственность.**

§ 43. О ГЛАВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ ПО ПОДМЕНЕ ПОНЯТИЙ В ПОЯСНЕНИЯХ МАРКСА К ТТС И ТПС

«...непосредственный труд представляет лишь авансированное в заработной плате количество труда» (К. Маркс).

В заключительной части «Капитала» то ли сам Маркс, то ли Каутский разместили многочисленные материалы по ТТС и ТПС, которые еще более поясняют сущность позиции Маркса относительно этой проблематики.

Маркс там делает довольно парадоксальное заявление, он говорит, что «Если рассматривать использование стоимости денег или товара в качестве капитала, т. е. рассматривать не их стоимость, а капиталистическое использование их стоимости». При этом совершенно непонятно, чем именно отличается рассмотрение самой по себе их стоимости от капиталистического использования этой их стоимости? Еще больше удивляет, что при таком рассмотрении Марксу каким-то чудесным образом становится абсолютно ясным, что «прибавочная стоимость есть не что иное, как избыток того труда, которым распоряжается капитал – товар или деньги, – над количеством труда, содержащимся в самом этом товаре, не что иное, как неоплаченный труд». Далее, интерпретируя позицию Мальтуса, он объясняет это следующим блестящим углубляющим образом: «Кроме содержащегося в самом товаре количества труда (которое равно сумме труда, заключенного в содержащихся в товаре элементах производства, плюс присоединенный к последним непосредственный труд), товар покупает еще и избыток труда, который в товаре не содержался. Этот избыток образует прибавочную стоимость; от его величины зависит степень увеличения стоимости капитала. И это избыточное количество живого труда, на который обменивается товар, составляет источник прибыли». Отсюда, таким образом, якобы с очевидностью и получается, что «Прибыль (точнее – прибавочная стоимость) возникает не из овеществленного труда, который якобы обменивается на свой эквивалент – на равное количество живого труда, а из той части живого труда, которая в этом обмене присваивается без уплаты за нее эквивалента, из неоплаченного труда, присваиваемого капиталом в этом мнимом обмене» (т. 26, ч. 3, с. 7). Тем не менее, с другой стороны, «если рассматривать лишь фактическое содержание и результат процесса, то увеличение стоимости, прибыль, превращение денег или товара в капитал получаются не оттого, что товары обмениваются соответственно закону стоимости, т. е. пропорционально тому рабочему времени, которого они стоят, а скорее наоборот, оттого, что товары или деньги (овеществленный труд) обмениваются на большее количество живого труда, чем то, которое в них содержится

или на них затрачено» (т. 26, ч. 3, с. 7–8). И «товар производится только для того, чтобы реализовать прибыль» (т. 26, ч. 3, с. 10). Здесь нельзя не признать всего величия и глубины этого убедительного пояснения Маркса.

Здесь Маркс лишний раз нам как бы напоминает, что у него все априори «танцует» от его ложной аксиомы измеримости и сопоставимости труда или, точнее, от измеримости количества рабочего времени общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда: «стоимость труда (так как она измеряется стоимостью рабочей силы, а не выполненным ею трудом), стоимость определенного количества труда содержит меньше труда, чем она покупает; что поэтому стоимость того товара, в котором представлен купленный труд, весьма отлична от стоимости тех товаров, на которые данное количество труда было куплено, или которые распоряжаются этим трудом» (т. 26, ч. 3, с. 18).

Маркс не устает повторять и настаивать: «Вообще надо иметь в виду, что мера стоимостей (в смысле денег) никогда не бывает тем, что делает товары соизмеримыми друг с другом, – см. первую часть моего сочинения: “Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени делает золото деньгами” (Мальтус)» (т. 26, ч. 3, с. 32). Ну, а что именно делает соизмеримыми затраты рабочего времени? Как вообще может быть возможным корректное измерение и сопоставление различных по качеству видов труда? На эти вопросы ни кто-либо до Маркса, ни сам Маркс удовлетворительно не отвечали.

Из ложного изначального допущения вытекает не менее ложное утверждение, хотя и оно тоже претендует на некое глубокомыслие: «Как стоимости, товары представляют собой нечто единое, они – всего лишь выражения одной и той же единой субстанции – общественного труда. Мера стоимости (деньги) уже предполагает их как стоимости и относится лишь к выражению и величине этой стоимости. Мера стоимости товаров всегда относится к превращению стоимостей в цены, она уже предполагает стоимость» (т. 26, ч. 3, с. 33). На самом же деле, как представляется, деньги есть рыночная мера ценности, выражаемая в цене. Рыночная цена, которая определяется прежде всего соотношением спроса и предложения, имеющая даже к необходимым издержкам производства весьма косвенное отношение, естественно, никак даже не предполагает существование некоей трудовой стоимости.

Исходя из постулатов ТТС и ТПС, Маркс, интерпретируя Торренса, касается довольно интересного нюанса. Как обычно несколько манипулируя, когда он вместо того чтобы говорить о актуальной рыночной цене основного капитала и сырья (или инвестируемого авансируемого капитала), ведет речь о некоем количестве (вдумайтесь только, ведь име-

ется в виду некое количество рабочих часов общественно-необходимого среднего абстрактного простого труда) якобы как-то «накопленного» труда, содержащегося в них. Упомянув «третью часть авансированного “накопленного труда”», он говорит о том, что «в этом случае присоединенный к сырью и т. д. “непосредственный труд” представляет в товаре, в продукте, ровно столько накопленного труда, сколько его содержалось в заработной плате». Далее Маркс делает совершенно простой и, кажется, убедительно последовательный вывод: если же непосредственный или живой труд представляет в товаре «большее количество труда, то товар содержит больше накопленного труда, чем авансированный капитал». Тогда, кажется, уже только слепой не заметит, что «прибыль проистекает как раз из избытка накопленного труда, содержащегося в товаре, над накопленным трудом, содержащимся в авансированном капитале». Просто-напросто в этом случае непосредственный труд «существует теперь в товаре тоже как накопленный, а не как непосредственный труд. Непосредственным он является в процессе производства, накопленным – в продукте». Конечно, Маркс и здесь не забывает успокоить своих читателей, что и в этом случае «стоимость товара по-прежнему определяется содержащимся в нем количеством труда».

Маркс учит нас, что если же «непосредственный труд представляет лишь авансированное в заработной плате количество труда», то он «есть лишь эквивалент этого количества». И ВОТ ЗДЕСЬ, как нам представляется, и происходит **ГЛАВНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ ПО ПОДМЕНЕ ПОНЯТИЙ**. На первый поверхностный взгляд может даже показаться, что Маркс правильно говорит, но, во-первых, говорить здесь о некоем количественном эквиваленте совершенно неуместно и/или неоправданно, а во-вторых, именно весь непосредственный труд, заключенный в товаре, уже всегда необходимо сполна как-то оценен именно зарплатой. Дальнейший **последовательный ход ложных рассуждений Маркса вытекает именно из здесь изначально навязываемого нам ложного искусственного представления об обязательном присутствии в товаре некоторого количества неоплаченного труда**.

В реальности, естественно, и речи быть не может о неоплаченном труде. Поэтому и само представление об обязательной именно трудовой стоимости всякого товара – избыточно или ложно. Можно, конечно, допустить, что некоторая часть продуктов произведена рабским или криминальным путем, так вот только исключительно именно в этом случае может быть как-то оправданной и ТПС.

Маркс совершенно верно замечает, что в этом случае (отсутствия в цене товара неоплаченного труда) реальная прибыль получается «Не из самого процесса производства (так что он, этот избыток, лишь реализо-

вался бы в обмене, или в процессе обращения), а из обмена, из процесса обращения». Но этот факт Маркса явно не устраивает, он его обзывает «грубым меркантилистским представлением о “прибыли от отчуждения”» (т. 26, ч. 3, с. 73), как бы забывая о том, что прибыль зарабатывается далеко не только в сфере производства (правда, это им поясняется тем, что прибыль в этих отраслях экономики является лишь перераспределенной частью прибавочной стоимости, полученной в сфере материального производства).

В ходе своих критических описаний Маркс приводит любопытную идею Мальтуса о понимании стоимости. При том, что Мальтус, как и Рикардо, утверждает, что цена товара определяется издержками производства, и включает прибыль в издержки производства, «стоимость он определяет совершенно иначе – не количеством труда, содержащимся в товаре, а тем количеством труда, которым товар может распоряжаться» (т. 26, ч. 3, с. 76). Стоит отметить, что в нашем понимании эта идея не менее ошибочна, т. к. исходит из ложного самого по себе представления о некоем «количестве труда». С другой стороны, кажется, что звучит она все-таки более корректно, в том смысле, что с какой-то точки зрения именно товар (или владелец товара) распоряжается или может распоряжаться неким соответствующим ему количеством труда, а не сам по себе труд или его некое абстрактное количество определяет ценность и/или цену всякого товара. Маркс, естественно, игнорирует то, что здесь издержки производства равны затратам капиталиста, т. е. равны именно цене авансированного капитала, а не его гипотетической трудовой стоимости или якобы «тому количеству труда, которое содержится в авансированных для процесса производства товарах» (т. 26, ч. 3, с. 77). Именно поэтому и оправданно говорить о цене для производителя в противоположность цене для покупателя.

Далее Маркс подчеркивает: «Издержки производства в их первом определении – это цена, которой капиталист оплачивает изготовление товара в процессе производства, следовательно, то, чего ему, капиталисту, стоит товар. Но то, чего производство товара стоит капиталисту, и то, чего стоит само это производство товара, – это две совершенно различные вещи». Но поясняет он это совершенно неприемлемым способом, который, конечно же, ангажирован ТТС и ТПС: «Труд (овеществленный и непосредственный), который капиталист оплачивает при производстве товара, и труд, который необходим, чтобы произвести товар, совершенно различны по своей величине». Это пояснение очевидным образом сразу вводит нас в заблуждение. Ведь, как выше нами пояснялось, труд, который оплачивается работодателем в процессе производства и есть, без

сомнения, именно тот самый труд, который необходим, чтобы произвести этот товар. Разность между авансированной ценной издержек и полученной ценой продукции (товара) (а не «авансированной и полученной стоимостью», как объясняет Маркс), т. е. именно «между покупной ценой товара для капиталиста и продажной ценой товара» и образует прибыль. Как бы «уточняющее» указание Маркса на то, что это верно «если товар продается по его стоимости», просто обескураживает своей избыточной нелепостью. Ведь как он сам неоднократно говорил, товар на самом деле практически никогда не «продается по его стоимости».

Примечание. Чуть ниже Маркс делает следующие уместные важные пояснения: «в каждой отдельной отрасли или в каждом отдельном производстве капиталист продает товар, представляющий собой продукт особой отрасли или особого производства или особой сферы производства, отнюдь не по той стоимости, которая содержится в самом этом товаре, что, следовательно, масса прибыли, получаемой этим капиталистом, не тождественна с массой прибавочной стоимости, прибавочного труда или неоплаченного труда, овеществленного в продаваемых им товарах. Напротив, он может в среднем реализовать в своем товаре лишь столько прибавочной стоимости, сколько ее приходится на долю этого товара как продукта определенной части общественного капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 78*).

Далее он объясняет ход своих рассуждений довольно просто: «вместе с прибавочной стоимостью исчез бы источник прибыли», как будто если бы прибавочной стоимости вообще не существовало, то и этого различия «между покупной ценой товара для капиталиста и продажной ценой товара» тоже никогда бы не существовало. Но это же очевидно ложное утверждение, ведь даже в рамках логики самого Маркса торговая прибыль уже существовала, когда исторически о прибавочной стоимости, как и о производстве, еще не могло быть и речи. Верно, конечно, что «если бы этого различия не существовало, то деньги или товар никогда не превращались бы в капитал», но это различие вовсе никак не свидетельствует о том, что его источником является именно прибавочная стоимость или чей-то неоплаченный прибавочный труд. Без всякого сомнения, вместе с прибавочной стоимостью не исчез бы всякий возможный источник прибыли.

Таким образом, реальные издержки самого производства товара состоят не из стоимости, а именно из рыночной цены потребленного в процессе его производства капитала, т. е. не только (и/или необязательно) «из того количества овеществленного труда, которое входит в товар, плюс то количество непосредственного труда, которое затрачено на производство товара». Предположение о том, что общая величина общественной прибавочной стоимости тождественна величине всей

общественной прибыли, так же как сумма всех стоимостей тождественна сумме всех цен товаров на рынке, явно ошибочно и, естественно, ничем не оправданно в реальности.

Примечание. Тем не менее, Маркс продолжает уверенно полагать: «Ясно, что как бы эта цена издержек отдельного товара ни отклонялась от его стоимости, она определяется стоимостью совокупного продукта общественного капитала. Отдельные капиталы, благодаря выравниванию их прибылей, относятся друг к другу как определенные доли совокупного общественного капитала, и в качестве таких определенных долей они получают дивиденды из общего фонда прибавочной стоимости (прибавочного продукта), или прибавочного труда, или неоплаченного труда. Это ничего не меняет в стоимости товара, ничего не меняет в том, что независимо от того, равна ли цена издержек этого товара его стоимости или она больше или же меньше этой последней» (*т. 26, ч. 3, с. 78–79*).

Отсюда исходит ложное утверждение о том, что «Общая сумма потребленного в товаре труда – “овеществленного” и “непосредственного” – образует издержки самого производства товара. Товар может быть создан только посредством производственного потребления этого количества овеществленного и непосредственного труда». Здесь же Маркс парадоксальным образом указывает или напоминает о важности «технологических условий реального процесса труда в данном уровне развития производительной силы труда». При этом он, похоже, все-таки осознает то, что если только «живой труд, затраченный на товар, и живой труд, оплаченный капиталистом», – это не «различные вещи» (*т. 26, ч. 3, с. 77*), как он полагает, то тогда вся цепь его рассуждений повисает в воздухе.

Маркс, определяя цену издержек, вновь как бы злоупотребляет пресловутым термином «стоимость»: «когда речь идет об издержках производства в собственном смысле (экономическом, капиталистическом), то это есть стоимость авансированного капитала плюс стоимость средней прибыли» (*т. 26, ч. 3, с. 77*). Ведь даже если мы неоправданно как-то согласимся с выражением «стоимость авансированного капитала», то уже с термином «стоимость средней прибыли» согласиться мы по определению не в силах, т. к. стоимость предполагает прибавочную стоимость, а средняя прибыль предполагает рыночную цену.

Наконец Маркс приводит свой «железобетонный» материалистический аргумент (по всей видимости, он полагал его практически неопровержимым): товар «никогда не может быть произведен без того, чтобы не была произведена его стоимость, т. е. без затраты на него всего количества необходимого для его производства овеществленного и непосредственного труда. Это количество труда, не только оплаченного, но и

неоплаченного, должно быть затрачено на товар» (*т. 26, ч. 3, с. 79*). Иными словами, Маркс напоминает нам банальную истину, что «без труда не выловишь и рыбку из пруда», т. е. без труда просто немислимо создание или производство продукта, реализуемого в товаре. Тем не менее, на это утверждение-аргумент можно и нужно возразить следующим образом: 1) для производства всякого товара, кроме «овеществленного и непосредственного труда», требуется немало других ценностей и не только бесплатных; иными словами, в состав необходимых издержек производства могут входить элементы, не включающие в свою цену затраты вообще какого-либо труда; 2) мыслима и вполне допустима такая высочайшая степень автоматизации или роботизации производства, когда товар может быть произведен не только без участия непосредственного живого труда, но даже и без прошлого, уже овеществленного человеческого труда. Таким образом, в конечном итоге мы приходим к последовательному выводу, что по самой крайней мере при всем своем громадном ценообразующем значении затраты необходимого «овеществленного и непосредственного труда» не являются единственным ценообразующим фактором.

Примечание. Поэтому у нас (если, конечно, исходить из ТТС) как бы не вызывает в целом возражений следующее утверждение Маркса: «Ясно далее, что, каково бы ни было отношение между стоимостью товара и его ценой издержек, последняя всегда будет изменяться, повышаться или понижаться, в зависимости от изменения стоимости, т. е. в зависимости от изменения количества труда, необходимого для производства товара» (*т. 26, ч. 3, с. 79*).

Заметьте: Маркс, говоря о том, что некая «часть прибыли всегда должна представлять прибавочную стоимость, неоплаченный труд, овеществленный в самом этом товаре» по умолчанию тем самым как бы соглашается с тем видимым фактом, что иная часть прибыли всегда должна не иметь ничего общего ни с прибавочной стоимостью, ни с каким-то «неоплаченным трудом». Явно избыточное и совершенно ничем не оправданное предположение Маркса о том, что «в каждом товаре содержится больше затраченного на него труда, чем оплачено капиталистом, приведшим в движение этот труд» (*т. 26, ч. 3, с. 79*), при встрече с реальностью в конце концов неминуемо приводит к катастрофе всю его концепцию.

Примечание. Маркс последовательно и довольно хитроумно поясняет проявление этого скрытого обстоятельства следующим образом: «Некоторая часть прибыли может состоять из труда, не затраченного на тот товар, который доставляет определенная отрасль промышленности или который получается в данной сфере производства; но тогда имеется какой-нибудь другой товар, получаемый в какой-нибудь другой сфере производства, цена издержек которого падает ниже его стоимости, или в цене издержек которого

учтено и оплачено меньшее количество неоплаченного труда, чем то, какое в нем содержится» (*т. 26, ч. 3, с. 79*). Какова гарантия осуществления такого замещения в каждом из реальных случаев, абсолютно непонятно. Еще более непонятно, каков именно период осуществления такого замещения можно считать вполне удовлетворительным.

Поэтому Маркс постоянно парадоксально настаивает, «что, хотя цены издержек большинства товаров должны отклоняться от их стоимостей, т. е. хотя их “издержки производства” должны отклоняться от совокупного количества содержащегося в них труда, тем не менее эти издержки производства и эти цены издержек не только определяются стоимостями товаров и соответствуют закону стоимости (а не противоречат ему), но, более того, лишь на основе стоимости и ее закона может быть понято само существование издержек производства и цен издержек, тогда как без этой предпосылки оно становится бессмысленной нелепостью» (*т. 26, ч. 3, с. 79–80*).

Некритическое принятие труда как чуть ли не единственной предпосылки создания продукта вынуждает Маркса необоснованно полагать «бессмысленной нелепостью» наличие вообще каких-либо цен в производственной реальности вне представлений об их трудовой стоимости. Более того, Маркс самоуверенно полагает, что из-за непонимания, якобы существующего «опосредствования между законом стоимости и законом цены издержек», правда, не проявляемого фактически, оказывается и «прибегают к фикции», которая все-таки, тем не менее, является практически фактической, о том, «что капитал, а не труд определяет стоимость товаров, или, точнее, что стоимости вообще не существует» (*т. 26, ч. 3, с. 80*). Просто удивительно, что это рассуждение Маркса не различается им именно как очевидно избыточная «бессмысленная нелепость».

При этом Маркс согласен с А. Смитом, который включает именно прибыль, а не прибавочную стоимость в «естественную цену» товара или, в его определении, «цену издержек», которая равна стоимости (в нашем понимании корректнее, конечно, сказать «цене») «авансированного капитала плюс средняя прибыль». В этом смысле и «процент на авансированный капитал» выступает «как статья издержек производства». Но эта средняя прибыль у Маркса устанавливается сугубо именно в результате конкурентной борьбы: «В конкуренции каждый, естественно, стремится получить больше, чем средняя прибыль, что возможно только в том случае, если другой получает меньше, чем средняя прибыль» (*т. 26, ч. 3, с. 80*). Ведь «вообще прибыль является непосредственной целью капиталистического производства. А в проценте (особенно при полученном взаймы капитале) это выступает и как фактическая предпосылка его, капиталиста, производственной деятельности» (*т. 26, ч. 3, с. 80*).

Маркс исходит из того исторического положения, что «форма распределения есть лишь форма производства под другим углом зрения» и есть та отличительная черта и специфическая ограниченность, которая «входит в само производство, как охватывающая его и господствующая над ним определенность». Но при этом как бы несколько парадоксально он утверждает, что якобы имеющееся «противоречие между производством ради производства и таким распределением, которое тем самым, именно в силу этого [т. е. в силу того, что производство ведется ради производства, а не ради производителей-рабочих] исключает абсолютное развитие производительности» (*т. 26, ч. 3, с. 81*).

Маркс говорит, что «даже если мы рассматриваем не капиталы в различных отраслях, а каждый капитал в отдельности, – поскольку он не состоит исключительно из переменного капитала, не является капиталом, затраченным лишь на заработную плату, – норма прибыли и норма прибавочной стоимости различны, и, следовательно, прибыль должна представлять собой некоторую далее развитую, специфически модифицированную форму прибавочной стоимости». Но при этом почему-то он ни слова не говорит о том, что если рассматривать каждый капитал в отдельности во всех сферах экономики, в т. ч. и непродуцированной сфере, то ни о какой норме прибавочной стоимости по определению и речи быть не может. Таким образом, напротив, скорее прибавочная стоимость должна представлять собой некую специфически развитую / недоразвитую форму прибыли. Именно потому и «различие между прибавочной стоимостью и прибылью» может быть замечено «лишь постольку, поскольку речь идет о равной прибыли – средней норме прибыли – для капиталов в различных сферах производства и с различным соотношением в них основного и оборотного капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 83*), т. е. сугубо в производственной сфере.

Маркс как бы соглашается с мнением Милля о том, что «время как таковое» (следовательно, не рабочее время, а просто время) ничего не производит, а значит, не производит и «стоимости», и, судя по всему, сильно возмущен тем, что «при рассмотрении средней нормы прибыли и цены издержек выдвигаются такие точки зрения, которые совершенно чужды определению стоимости и являются совершенно внешними по отношению к нему, – например, та точка зрения, что если капиталу какого-нибудь капиталиста приходится проделывать более продолжительные обороты, так как капитал этот, как это имеет место, например, с вином, вынужден дольше оставаться в процессе производства (или, в других случаях, дольше оставаться в процессе обращения), то капиталист должен быть компенсирован за то время, в течение которого он не

может увеличивать стоимость своего капитала. Но как может то время, в течение которого не происходит увеличения стоимости, создавать стоимость?» (т. 26, ч. 3, с. 83–84).

Указывая на то, что само по себе «время есть лишь абстрактный термин», и оно – только пустое слово или звук, Маркс вновь высказывает как апологет закона стоимости довольно плодотворные и принципиально важные для нас постулаты: «В действительности при определении оснований для компенсации капиталов в различных сферах производства дело идет не о производстве прибавочной стоимости, а о ее распределении между различными категориями капиталистов. Поэтому здесь приобретают значение такие точки зрения, которые не имеют абсолютно никакого отношения к определению стоимости как таковой. При этом основанием для компенсации служит все, что заставляет капитал в какой-нибудь особой сфере производства отказываться от тех условий, при которых он в других сферах мог бы произвести большую прибавочную стоимость. Так, например, когда применяется больше основного капитала и меньше оборотного; когда постоянный капитал применяется больше, чем переменного; когда капитал вынужден дольше оставаться в процессе обращения; когда, наконец, он вынужден дольше оставаться в процессе производства, не подвергаясь процессу труда, что имеет место там, где процесс производства по своей технологической природе требует перерывов, чтобы создаваемый продукт подвергался действию естественных сил природы (например, вино в погребе). Во всех этих случаях... имеет место компенсация. Из прибавочной стоимости, произведенной в других сферах, некоторая часть переносится на эти капиталы, находящиеся в менее благоприятных условиях для непосредственной эксплуатации труда, соответственно только лишь их величине (это выравнивание, при котором каждый отдельный капитал выступает лишь как определенная часть общественного капитала, осуществляется конкуренцией). Явление это оказывается весьма простым, раз понятие отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылей в общую норму прибыли. Но если хотят понять его, без какого бы то ни было опосредствования, прямо из закона стоимости, т. е. если хотят объяснить прибыль, получаемую отдельным капиталом в отдельной отрасли, из той прибавочной стоимости (или неоплаченного труда), которая содержится в произведенных этим капиталом товарах (а значит, и вообще из труда, овеществленного непосредственно в самих этих товарах), то это представляет собой проблему, еще гораздо более неразрешимую, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически. Это просто попытка представить существующим то, чего нет... Поэтому решение вопроса по существу здесь невозможно, а

возможно только софистическое устранение трудности на словах, т. е. только схоластика» (т. 26, ч. 3, с. 84–85).

Однако, как представляется, **проблема состоит не только в механизме «определения оснований для компенсации капиталов», но как раз и в механизме, ее осуществляющем.** Особенно умиляют марксовы рассуждения о том, что для того «чтобы создаваемый продукт подвергался действию естественных сил природы (например, вино в погребе)», необходима компенсация. В понимании Маркса компенсация осуществляется за счет переноса «некоторой части» из прибавочной стоимости, произведенной в других сферах, на эти капиталы. **Но вопрос-то на самом деле состоит несколько в ином – в том, о какой именно «некоторой части» должна идти речь в каждом конкретном случае? Как именно определяется или должна определяться ее величина? В представлении Маркса это компенсационное выравнивание осуществляется конкуренцией, таким образом происходит и «выравнивание прибылей в общую норму прибыли». Но к огромному сожалению, он ничего не говорит о том, как именно эта компенсация (ну, пусть дотация) должна осуществляться, например, в условиях государственного капитализма или реального социализма.**

Примечание. Таким образом, указание Маркса на то, что «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному» (т. 26, ч. 3, с. 85), кажется вполне применимым к нему самому.

Маркс утверждает, что «товар таит в себе противоположность потребительной и меновой стоимости. Эта противоположность развивается дальше, проявляется, реализуется как раздвоение товара на товар и деньги. Это его раздвоение выступает как процесс в метаморфозе товара, где продажа и покупка представляют собой различные моменты одного процесса, но каждый акт этого процесса вместе с тем заключает в себе свою противоположность» (т. 26, ч. 3, с. 86). Возникает вопрос, в чем именно усматривает Маркс сущность этого противоречия? В нашем понимании он ее находит как бы «глубже» – в противоречии между пресловутой трудовой стоимостью и спросом вместо очевидного соотношения предложения и спроса. Это свое извращенное представление он как бы последовательно развивает в некое надуманное «раздвоение товара на товар и деньги», где процесс обмена представляется им как некий абстрактный метаморфоз самого продукта (товара), а не процесс удовлетворения спроса за счет имеющегося предложения.

§ 44. О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ, КОМПЛЕМЕНТАРНЫХ ЦЕННОСТЯХ, ЧИСТОМ ДОХОДЕ И ПРОЦЕНТЕ

«Там, где ничего нет, нечего и выравнивать»
(К. Маркс, т. 26, ч. 2, с. 203).

«Человек же, обретая знание... вынужден вести свою жизнь окольными путями через искусственно созданные вещи»
(Х. Плеснер «Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию», с.269).

«...взгляд на доход с капитала окрашивает наше видение практически всех других проблем» (Й. Шумпетер).

Во 2 части 4 тома «Капитала» со всей очевидностью вылезает на поверхность изначальная ложная материалистическая установка Маркса – «там, где ничего нет, нечего и выравнивать». Кажется, он уже как бы даже готов согласиться с некоей ограниченностью или даже неудовлетворительностью ТТС, но сама мысль отказа от вещественности или материальности ценности или стоимости как таковой ему явно претит. Марксу буквально любой ценой нужно именно «твердое» объективное основание политэкономии – некая как бы «телесная» субстанция ценности или стоимости. Все его размышления в этом контексте теперь посвящены поиску нужной ему и предполагаемой им внутренней взаимосвязи прибавочной стоимости, ренты и рыночной конкуренции.

Складывается такое ощущение, что для этого Маркс даже как бы по умолчанию старается хитро смягчить некоторые свои формулировки. Например, говоря о возрастании прибавочной стоимости, он указывает на то, что оно «обуславливается возрастающей производительностью труда», а не просто «поскольку оно проистекает из удлинения самого рабочего дня» в какой-либо из возможных форм (например, интенсификации самого по себе труда), т. к. теперь, оказывается, «всякая абсолютная прибавочная стоимость, разумеется, в известном смысле относительна», да и вообще «труд должен быть достаточно производителен для того, чтобы рабочему не приходилось затрачивать все свое время на поддержание своей собственной жизни». Т. е. наличие необходимых средств и обстоятельств труда должно как бы уже изначально обеспечить возможность достаточной производительности труда (ведь, вероятно, не только «масса прибавочной стоимости определяется... временем обращения капитала» (т. 26, ч. 3, с. 505), но и масса вообще всей стоимости). В таком случае у нас возникает вопрос о всегда как бы имеющемся соотношении «естественной производительности» и производительности самого по себе человеческого труда или рабочей силы, не только в каждом конкрет-

ном, но и в целом общественном производственном процессе, создающем стоимость и прибавочную стоимость. Этого нюанса Маркс, кажется, вообще нигде не касается.

Кстати, Марксом здесь делается еще и следующее напоминание: «Прибавочная стоимость может быть повышена без удлинения рабочего времени и без увеличения производительной силы труда, а именно – путем понижения заработной платы ниже ее традиционного уровня» (т. 26, ч. 2, с. 7), кроме того, он акцентирует еще внимание и на том, что «в промышленности избыточная прибавочная стоимость получается благодаря более дешевому производству продуктов, а в земледелии – благодаря более дорогому производству» (т. 26, ч. 2, с. 8).

Примечание. Маркс поясняет: «Итак, даже если мы признаем, что различие в плодородии почвы объясняется не сама земельная рента, а только различие земельных рент, то остается в силе тот закон, что, в то время как в промышленности сверхприбыль получается, как правило, от удешевления продукта, в земледелии относительная величина ренты возникает не только в результате относительного вздорожания (поднятия цены продукта плодородной земли выше его стоимости), но и в результате того, что дешевый продукт продается по издержкам производства более дорогого продукта. Но это, как я уже показал (Прудон), – только закон конкуренции, проистекающий не из “земли”, а из самого “капиталистического производства”» (т. 26, ч. 2, с. 8–9). Пардон, но как в таком случае может быть вполне функционален закон стоимости? Кроме того, Маркс отмечает, что т. к. «средняя заработная плата определяется не относительной, а абсолютной стоимостью продуктов, входящих в нее», то тогда, если норма прибавочной стоимости «повысилась не в такой степени, в какой повысилась производительная сила обрабатывающей промышленности», то и «причиной этому» должна являться якобы «относительно меньшая производительность земледелия (а не почвы). И это не подлежит никакому сомнению». Ведь якобы «уменьшение необходимого рабочего времени является незначительным в сравнении с прогрессом промышленности» (т. 26, ч. 2, с. 10). Вот такая «логика» навязывается нам Марксом.

К большому сожалению, Маркс не различает два абсолютно различных аспекта: проблему капитала как средства производства и проблему капитала как источника чистого дохода. Однако в реальности капитал приносит чистый доход не только потому, что является незаменимым для производства или является самим по себе средством производства.

Всем известно, что производство есть преобразование вещества природы с целью создания предметов, удовлетворяющих имеющиеся общественные потребности или даже, точнее, платежеспособный спрос. Для более эффективного его осуществления обычно производственный процесс рационально организовывается таким образом, чтобы в подготови-

тельный период, т. е. вначале были произведены средства производства или орудия труда (по Бем-Баверку – «непотребляемые блага»), с помощью которых конечный продукт потребления может быть произведен более эффективно, т. е., чтобы при тех же затратах производственных факторов произвести больший общий результат. По Бем-Баверку, это означает, что, как правило, «производство идет по окольным путям». С ним трудно в этом не согласиться, капиталистическое производство – это действительно практически всегда как бы «окольное» производство. Таким образом, производственный капитал это не что иное, как совокупность промежуточных продуктов (средств труда и полуфабрикатов), производимых и/или используемых на всех этапах или стадиях окольного метода производства.

По мнению Бем-Баверка, с которым в целом здесь можно согласиться, ни частная собственность на средства производства или на капитал в целом, ни система наемного труда, ни производство на рынок не имеют отношения к самой по себе сущности капиталистического процесса. Ведь – и это нужно особо подчеркнуть – чистый доход порождается, по большому счету, в любой экономике, в т. ч. и в социалистической, и в государственно-капиталистической. Поэтому почти всякий производственный процесс является «капиталистическим» в большей или меньшей степени. Важнейшим аспектом «окольного» или реального производства является то, что хотя оно и дает в конечном счете больший продукт (чем не опосредованное или непосредственное производство), но требует неминуемо и большего времени. Несмотря на то, что проблема длительности производственного периода в разных отраслях, может быть притом вполне оправданно представлена в совершенно разных формах, на самом деле только разделение и комбинация времени и возрастания дохода делает возможным адекватное понимание роли времени в производстве (фактически – «двойную» его роль). Чистый доход, согласно Бем-Баверку (и трудно с ним в этом не согласиться), есть результат влияния на образование ценности, с одной стороны, возрастающей технической производительности окольных методов производства, а с другой стороны, откладывания их результатов на будущее.

Примечание. По Бем-Баверку, дальнейшее увеличение производственного периода вызывает и дальнейшее, но уже сокращающееся увеличение конечного продукта.

Важным нюансом в производственном процессе является то, что, сберегая потребительские блага, мы сберегаем и средства производства и таким образом тоже как бы «производим» капитальные блага. Кстати, здесь уместно заметить: средства производства являются комплементарными благами или ценностями, такими, которые дают удовлетворение

только в сочетании с другими. Кроме того, ценность средств производства нельзя определить непосредственно, их ценность может быть выведена только из ценности тех потребительских благ, которые они порождают.

Примечание. Для объяснения того, как может быть выделен производительный вклад, придумывается закон «предельной производительности» («теория вменения» у Визера) – основной принцип объяснения природы и величины дохода различных экономических групп, где закон издержек представляет собой как бы специфический случай закона предельной полезности.

Именно под давлением субъективных оценок средства производства направляются в различные области применения. Йозеф Шумпетер глубоко верно отмечает, что «взгляд на доход с капитала окрашивает наше видение практически всех других проблем, оказывает воздействие на все направления экономических дискуссий и более широкие области исследования общества». Исходя из того, что настоящие блага ценятся выше, чем те же самые блага, удовлетворяющие те же потребности той же интенсивности, но доступные в некоторый будущий период, вполне оправданно можно сделать фундаментальный вывод о том, что все отдельные факторы, определяющие норму отдачи капитала, действуют через общего посредника – разницу в ценности между настоящими и будущими благами. Процент прежде всего – это ценовое выражение именно этой разницы ценностей.

В самом начале этой главы мы уже говорили, что влияние фактора времени на субъективные оценки порождает реальную экономическую силу, оказывающую влияние практически на все процессы в экономике. Всякое удовлетворение спроса предполагает учет будущего, вся экономическая деятельность находится под определяющим влиянием потребностей и спроса, которые будут ощутимы только лишь в будущем, но как-то представимы или проектируемы уже сегодня. Будущие идеи, блага, товары и услуги являются самыми важными объектами рыночных оценок. Эти оценки могут быть как-то поняты с помощью того же принципа «предельной полезности», при этом будущее планируемое удовлетворение всегда как-то скорректировано определенным коэффициентом, отражающим вероятность ожидаемой полезности (т. н. «премия за риск»).

Бем-Баверк объясняет то, что сегодняшние блага обладают большей ценностью, чем будущие блага такого же вида и количества, так: 1) существует надежда на большее удовлетворение потребностей в будущем, по крайней мере ценность настоящих благ ожидаемо равна ценности будущих; 2) обычно недооцениваются будущие потребности; 3) «времяемкие» окольные методы производства в реальности более эффективны, они дают прирост не только количества, но и ценности товарной продукции. Таким образом, третья причина является как бы объективной.

Производственный капитал, естественно, устремляется прежде всего в те отрасли, которые обещают наибольшую «предельную полезность». Это справедливо и для выбора между результатами, которые будут получены в разные моменты в будущем (разница между оценкой блага настоящего и будущего у Бем-Баверка составляет, т. н. «ажю»). Так возникает рынок обмена настоящих ценностей на будущие – так возникает норма процента, выражающая собой это «ажю». Ведь ценностные соотношения почти всегда порождают некое соответствующее ценовое выражение. Таким образом, капиталист выступает как бы «продавцом настоящих благ»; здесь следует заметить, что как бы ни был велик его капитал, он всегда ограничен.

Ценность («чистый доход») в производственной сфере начинает прирастать, как только настоящие средства производства или производственный капитал попадают в руки предпринимателя, и «начинается процесс их созревания до потребления. Это прирастание ценности и является основой чистой прибыли на капитал предпринимателя» (Шумпетер). Очень важным аспектом в этом процессе является то, что **если бы не было процента, то бесконечное удлинение производственного периода приносило бы прибыль. Процент выполняет как бы «роль тормоза или управляющего, который не дает людям превышать экономически приемлемую длительность производственного периода и обеспечивает удовлетворение нынешних потребностей»** (Шумпетер). **Важно осознать, что норма процента является чисто экономической категорией, а не исторической или правовой.** Понимал ли это Маркс?

Интересно, что блага или капитальные ценности, которые можно использовать неоднократно, можно представить как набор услуг. Отдельные услуги удовлетворяют потребности и непосредственно оцениваются, в таком случае ценность этого капитала, кажется, – не более чем сумма ценностей или цен его услуг. Таким образом, получается, что в любой момент времени ценность капитала может быть представлена как сумма ценностей или, точнее, цен тех его «услуг», которые еще им не оказаны. Ясно, что оценка будущих благ происходит посредством приведения их к ценности к настоящему моменту. Отсюда последовательно объясняется формирование рыночной цены, той или иной капитализации таких товаров, которые оказывают длительный поток услуг, например земли, обладающих при этом как бы конечной ценностью. Отсюда же становится понятной сущность абсолютной ренты как чистого дохода, которая так и не была понята или принята Марксом. Здесь нужно вновь подчеркнуть, что ценность того или иного блага (товара) как таковая, естественно, практически никакого отношения не имеет к стоимости в ее марксовом понимании.

Вне сомнения, в данном случае теория Бем-Баверка значительно превосходит как по объяснительной силе, так и по глубине теорию Рикардо, которая в целом хоть и критически, но была принята Марксом. **Феномен процента проникает во все оценки, поэтому поистине фундаментален, универсален и вездесущ.**

Примечание. «Ценность настоящих и будущих благ не сможет выровняться даже в социалистической экономике. Ценностный феномен, являющийся основой нормы процента, не может отсутствовать при социализме и требует внимания центрального планирующего органа» (Шумпетер).

Неким оправданием позиции Маркса можно считать то, что чистый доход на капитал – все-таки не просто доход параллельный зарплате и/или земельной ренте, а в определенном смысле противостоит им. Но несмотря на то, что сам Маркс был буквально заклятым «производственным»-фетишистом, он оказался очень далек от полного понимания значения длительности производственного периода в двояком аспекте Бем-Баверка: аспекте производительности и аспекте течения времени, в котором объективное количественное соотношение и субъективные силы комбинируются в специфическом симбиозе и образуют гармоническое целое.

Примечание. По Бем-Баверку, ставка процента должна быть равна норме дополнительной отдачи от последнего удлинения производственного периода, возможного при определенных условиях.

45. О «ТРИЕДИНОЙ ФОРМУЛЕ» ДОХОДОВ И АНАЛИЗЕ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

«...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»
(К. Маркс, т. 25, ч. 2, с. 384).

«...сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины – как конечная цель производства»
(К. Маркс, т. 25, ч. 2, с. 399).

Сорок восьмая и сорок девятая глава 3 тома «Капитала», как бы возвращаясь к уже изложенному ранее, еще раз позволяет обратить внимание на генезис политэкономических заблуждений Маркса. При ближайшем рассмотрении содержания этих глав мы находим, что Маркс осознанно, но совершенно неоправданно изначально сводит весь спектр возможной экономической деятельности или активности в социуме сугубо только к

производственной деятельности. Более того, он почти отождествляет непрерывно возобновляющуюся жизнедеятельность социума, цивилизационную экспансию с экономическим процессом расширенного воспроизводства. Маркс уверен, что и объяснять весь экономический, а затем и политический процесс следует именно исходя из объяснения самого по себе производственного процесса. К сожалению, он, кажется, даже не сомневался в самой принципиальной возможности такого адекватного описания. Поэтому для него капитал – это лишь «общественная форма одного из факторов исторически сложившегося общественного процесса производства», а не обязательная общественная форма одного из фундаментальных факторов любого экономического процесса. Если производственный процесс у Маркса подразумевает всегда общественно необходимый труд, то вполне последовательно отсюда и из высказанного выше допущения вытекает, что капитал – это именно только лишь форма накопленной прибавочной стоимости, ведь «стоимость – это труд».

Для Маркса вообще не интересны ценности вне трудовой стоимости. Поэтому у него даже «Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо другому, кроме как к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт» (*т. 25, ч. 2, с. 381*). Поэтому ни земля, ни силы природы, ни другие дары природы, естественно, не могут создать его пресловутой прибавочной стоимости вне зависимости от того, сколько бы они сами по себе при этом в действительности ни порождали различных ценностей.

Примечание. Маркс, описывая т. н. «триединую» формулу («капитал – прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля – земельная рента, труд – заработная плата»), которая якобы «охватывает все тайны общественного процесса производства», уточняет ее следующим образом: «капитал – процент, земля – земельная рента, труд – заработная плата» (*т. 25, ч. 2, с. 381*).

Для Маркса принципиально важно, что земля и труд (по его мнению, необходимые «два элемента реального процесса труда», поэтому являющиеся «общими для всех способов производства», «для всякого процесса производства»), имеют свою имманентную вещественную форму. Напомним: для него и капитал в его «действительной» форме – это не более чем только средства производства, а значит, он тоже имеет свою некую вещественную форму. Таким образом, «все тайны общественного процесса производства» у него обязательно как-то покоятся или должны покоиться на объективной твердой вещественной телесной форме.

Маркс как бы последовательно говорит уже ожидаемое: «Все три вида доходов, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, есть три

части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные денежные части, части цены» (т. 25, ч. 2, с. 382). Ясно, что утверждение о том, что «все три вида доходов» – это «три части стоимости продукта», совершенно ничем не обоснованно, при том, что с известной точки зрения, вообще и допустимо считать их частями цены. Маркс уверен, что «в формуле «капитал – процент» отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле» (т. 25, ч. 2, с. 384). Но очень сомнительно, что без опосредования оценкой на рынке формула «капитал-процент» может вообще иметь какой-то смысл.

В который раз повторяя свою мантру о том, что якобы если оставить «в стороне случайные колебания распределения», то прибавочная стоимость или прибавочный продукт распределяется между капиталистами «как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале», Маркс по умолчанию вновь навязывает нам свою искусственную «производственную доктрину». Даже если мы невероятным образом оставим как-то в стороне постоянные т. н. «случайные колебания распределения» и ценообразования, то распределяться ведь будет все равно именно реальная прибыль, а не абстрактная прибавочная стоимость. Тем не менее, Маркс извращенно полагает, что здесь неопределяемая в принципе именно «прибавочная стоимость» выступает как средняя прибыль, достоящаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, делится на предпринимательский доход и процент и которая в форме этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам».

Примечание. Маркс в другом месте по этому поводу замечает: «Определенная пропорция, в которой происходит деление, здесь носит случайный характер, то есть определяется исключительно отношениями конкуренции» (т. 25, ч. 2, с. 432). Мизес, как бы в дополнение, вполне оправданно указывает, что «Превышение валовой выручки над расходами, которое классические экономисты называли прибылью, включает в себя цену собственного труда предпринимателя, использованного в процессе производства, процент на инвестированный капитал и, наконец, собственно предпринимательскую прибыль» («Человеческая деятельность», с. 406).

Правда, он все-таки признает, что «Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности» (т. 25, ч. 2, с. 387). Но, как представляется, речь должна идти не о «присвоении и распределении» прибавочной стоимости, величина которой никоим образом никогда не может быть нам известна, а как раз об общей средней прибыли, равной предпринимательскому доходу плюс процент, в

т. ч., конечно, и ренты (деление на которые «определяется исключительно отношениями конкуренции»). Следовательно, прибыль на весь капитал (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента может (в случае наличия производственного капитала) включать в себя в качестве (гипотетически предполагаемой) особую производственную составную часть – прибавочную стоимость, которая может иметь лишь самое косвенное и опосредованное отношение к формированию общей прибыли.

Очевидно, что, так сказать, теоретически сложенные вместе все прибавочные стоимости в общественном производстве, ни в коем случае не в силах образовать сумму общей прибыли на капитал и земельную ренту, как почему-то думал Маркс. Если земельная собственность и «не имеет никакого отношения к действительному процессу производства», то она имеет огромное значение во всем экономическом процессе и тем самым выступает одним из существеннейших внешних условий самого производства (*т. 25, ч. 2, с. 388*).

Маркс полагает, что не может иссякнуть источник воспроизводства совокупного богатства, т. к. три части ежегодно производимого совокупного продукта выступают как «плоды многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев», хотя, конечно, очевидно, что и многолетние деревья не только болеют, но и умирают. Марксова доктрина гласит, что эти «три дерева» – «образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще». Но по всей видимости, в реальности происходит несколько иное, уже только потому, что доходы перераспределяются не производственным капиталом или не в производственной сфере, а в сфере обращения или попросту на рынке, на котором представлена далеко не только продукция производства (т. е. не только товары, имеющие стоимость). Таким образом, строго говоря, как бы поправляя Маркса, следует сказать, что каждому капиталисту или собственнику – его капитал (банкиру – его деньги, купцу – его товар, производственнику – его средства производства, землевладельцу – его земля и рабочему – его рабочая сила) представляются «различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы». И они «действительно являются таковыми», но не «в том смысле, что капитал для капиталиста – постоянно действующий насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника – постоянно действующий магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд – постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся

средство для того, чтобы в форме заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта – необходимые жизненные средства». Поэтому не вполне корректно полагать, что всякий «капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда» и благодаря чудесному превращению (этой части стоимости в форму прибыли), она делается доходом капиталиста (*т. 25, ч. 2, с. 388–389*). Ведь это допущение может быть хоть как-то оправдано только лишь по отношению к производственному капиталу.

Строго говоря, распределение вовсе не предполагает обязательного наличия какой-то вещественной субстанции. Конвенциональное признание чего-либо ценностью почти автоматически вносит его в состав совокупного общественного богатства или ценностей (некоей частью которого является и годовой произведенный продукт, который, кстати, в свою очередь, тоже необязательно тождественен «овеществленному общественному труду»), которое уже в форме товара подлежит оценке и «распределению».

В описании причин возникновения дифференциальной ренты Маркс, кажется, достигает вершины в своих извращениях. Соглашаясь с тем, что «Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из почвы как таковой», он вдруг тут же абсурдно заявляет, что она «покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных категорий земли», а не напротив, индивидуальные стоимости или, точнее, индивидуальные цены (т. е. фактически себестоимости) продуктов различных категорий земли выражают различие в плодородии земель. С другой стороны, он провозглашает вдобавок и еще большую нелепость: «поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия» (*т. 25, ч. 2, с. 390*). Ведь, без всякого сомнения, «осуществляющийся при посредстве конкуренции закон» имеет как раз самое непосредственное отношение и к самой земле, и «к различным степеням ее плодородия», иначе, чем или о чем конкурировали бы на рынке земли ее собственники?

Маркс признает, что «какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения». При этом он все равно парадоксальным образом настаивает на

том, что хотя они, заключаясь в товаре, и «реализуются в обращении, но не возникают из него». Наряду с этим удивительным образом он приводит совершенно уместные и адекватные аргументы в пользу того, что их величины могут быть хоть как-то определены только в обращении. **Действительно, с одной стороны, прибыль при отчуждении, которая зависит от «тысячи рыночных конъюнктур» и иных случайных факторов, а с другой стороны, «здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения».** По Марксу, это время обращения функционирует лишь «только как отрицательная граница образования стоимости и прибавочной стоимости», но и именно из-за этого «получается такая внешняя видимость, будто оно – столь же положительная причина их образования, как сам труд, и будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда» (*т. 25, ч. 2, с. 395*). На самом деле, конечно, никакой даже речи не может идти о стоимости или прибавочной стоимости в соответствии с их аутентичными определениями, исходя из сферы обращения, в виду их чисто производственного происхождения.

Без всякого сомнения, реальной положительной причиной образования прибыли является далеко не один только труд. Более того, даже время обращения вместе с рабочим временем не исчерпывают всех возможных причин возникновения рыночной прибыли. Ведь, как верно замечает Маркс, «в действительности эта сфера есть сфера конкуренции», правда, он считает, что «внутренний закон» стоимости как-то регулирует ее все равно (*т. 25, ч. 2, с. 395–396*). Историческое развитие экономики свидетельствует об отдельных периодах доминирования различных капиталов и/или сфер деятельности в едином экономическом процессе. Если в условиях концентрации крупного машинного производства проявляется некое «единство непосредственного процесса производства и процесса обращения», которое уже само порождает различные новые автономные формы, то это вовсе не значит, что этот симбиоз постоянен, а допускаемая как-то ТТС имеет или может иметь универсальное или всеобщее значение.

Маркс говорит, «как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства», но на самом деле ничего мы такого не «видели» и в принципе не могли увидеть, т. к. в действительности процессом обращения и процессом производства определяется или может определяться исключительно только прибыль или убыток. Поэтому, если вообще и допустимо как-то говорить о прибавочной стоимости, то только как о некоей специфической производственной форме или части общей прибыли. Именно поэтому «Норма прибыли регулируется собственными законами, кото-

рые допускают и даже обуславливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости». Все это не «скрывает истинную природу прибавочной стоимости» и «действительный механизм капитала», а напротив, как раз убедительно указывает на реальный экономический процесс, который осуществляется в действительности – превращения средней прибыли в прибыль, а средних рыночных цен – в цены производства и себестоимость.

Сложный процесс выравнивания капиталов свидетельствует о практически полной независимости средних цен всех товаров, представленных на рынке, от гипотетических стоимостей произведенных товаров, а также о независимости средних прибылей в различных сферах коммерческой деятельности от действительной эксплуатации живого труда в производственной сфере. Маркс по этому поводу говорит: «Здесь вторгается сложный общественный процесс – процесс выравнивания капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих» (*т. 25, ч. 2, с. 396*). Как это может быть и ни удивительно, но действительно «процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника» (*т. 25, ч. 2, с. 397*). Поэтому по самой меньшей мере очень удивляет, когда Маркс, говоря о своем исследовании, заявляет, что «действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и потому, что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе» (*т. 25, ч. 2, с. 399*).

Примечание. Маркс пафосно и избыточно утверждает, что «Великая заслуга классической политической экономии заключается в том... что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются воедино в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду» (*т. 25, ч. 2, с. 398*).

В своем исследовании Маркс, конечно, неслучайно сосредотачивается именно на анализе производственного процесса. Во-первых, по не вполне понятным причинам он совершенно не сомневался в теории

трудовой стоимости, а во-вторых, в тот период развития экономики или капитализма – доминирования крупного машинного производства Маркс, скорее всего, просто был не в силах увидеть преходящий его исторический характер. Ну и в-третьих, в любом ином варианте анализа экономического процесса размывалось бы изначально главное для Маркса – это фундаментальная роль эксплуатации рабочего класса в экономике и в жизни общества в целом. Наверное, следует признать, что в анализе абстрактного идеализированного самого по себе производства (в частности, крупного машинного производства), называемого Марксом не вполне оправданно капиталистическим, многие пазлы и понятия классиком складываются как бы непротиворечиво. Ведь действительно, можно попробовать, забыв о рыночной реальности, «отвлечься от различия между ценой производства и стоимостью», тем более, если еще при этом рассматривать лишь именно «стоимость совокупного годового продукта труда», т. е. продукта совокупного, правда, не общественного, как полагает Маркс, а все-таки сугубо производственного капитала. Но конечно, недопустимо в этом случае считать, что вообще всякая внепроизводственная прибыль, предпринимательский доход, процент или рента «есть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров», или что все формы капитала (ростовщический, банковский или денежный, купеческий или товарный) есть некие специфические формы лишь одного-единственного действительного капитала – производственного или промышленного.

Впрочем, наверное, можно попробовать представить, что существует лишь один производственный капитал и прибавочная стоимость, и никакой внепроизводственной прибыли, процента и ренты вообще не существует. В таком случае, вполне естественно, что «величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться», а т. н. «средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости». В контексте сказанного Маркс неожиданно делает потрясающее заявление: «Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответствующего товара» (*т. 25, ч. 2, с. 400*). Уму непостижимо, каким таким образом в этой идеализированной абстракции возможно, чтобы какая-то часть стоимости не получала своего «выражения в цене соответствующего товара», если в этом случае даже само употребление термина «цена» кажется очевидно неуместным. Ведь ясно, что в рассматриваемых гипотетических обстоятельствах стоимость – это совершенно то же самое, что и цена (они должны быть абсолютно тождественны, ведь нет же никакого

рынка). Маркс так пояснил это свое в данном случае хотя и добросовестное, но явно неуместное предположение, нарушающее его же «чистоту анализа»: «Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что (при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, – изменении, вытекающем из постоянного изменения производительной силы труда, – часть товаров всегда производится при ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости» (*т. 25, ч. 2, с. 401*).

Примечание. Более чем абсурдными здесь выглядят и его дальнейшие рассуждения. Он эту, так сказать, «шероховатость» (произведенную в постоянных «ненормальных условиях») в собственном описании пытается сгладить или разрешить следующим пояснением: «Но во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем продукте, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в ту часть стоимости, которая потребляется как доход. А, во-вторых, эти отклонения цены от стоимости в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней» (*т. 25, ч. 2, с. 400*). «Во всяком случае, прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость» (*т. 25, ч. 2, с. 401*).

С одной стороны, если даже в этих совершенно искусственных абстрактно-идеализированных обстоятельствах признается неизбежность отклонений продажных цен от стоимостей, то, значит, обмен никогда, вообще ни при каких обстоятельствах не осуществляется в соответствии с трудовой стоимостью, а значит, и реальная прибыль никогда не тождественна предполагаемой прибавочной стоимости (таким образом, в итоге получается, что величина ни трудовой стоимости, ни прибавочной стоимости в принципе неопределима). С другой стороны, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть меньше всей предполагаемой прибавочной стоимости, напротив, она, как правило, должна быть выше последней, т. к. в реальности прибавочная стоимость – это как раз в лучшем случае лишь некая часть распределяемой или перераспределяемой прибыли.

Примечание. У Маркса здесь «Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения» (*т. 25, ч. 2,*

с. 401). Т. е. в извращенном определении Маркса суммой средней прибыли плюс земельная рента невероятным образом является сумма всей прибавочной стоимости.

Указывая на то, что в первом томе или до сих пор, «прибавочная стоимость еще не была раскрыта в ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента» (*т. 25, ч. 2, с. 404–405*), Маркс ни слова не говорит о том, что в ходе его исследования вдруг оказывается, что это и невозможно сделать адекватно вне анализа процессов рыночного ценообразования и выравнивания капиталов, который при этом в конечном итоге последовательно и приводит или, точнее, должен привести к обратному выводу об изначальной ложности или ограниченности всей ТТС. Поэтому у него, естественно, и «затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом» (*т. 25, ч. 2, с. 410*), т. е. вместе со сферой обращения. Ведь Маркс пытается из ложной внутренней изначальной им принятой на веру установки (ТТС) объяснить все реальные рыночные явления, вместо того чтобы, напротив, внимательно и непредвзято с начала исследовать эти наблюдаемые эмпирические факты и, исходя уже из них, пытаться как-то описать некий предполагаемый экономический процесс как бы в-себе. Это хорошо видно по таким извращенным высказываниям: «Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три являются формами дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, то есть неоплаченный труд, а в заработной плате – оплаченный труд» (*т. 25, ч. 2, с. 408*). Ведь на самом деле в наблюдаемой свободной рыночной реальности не существует и не может существовать неоплаченного труда, поэтому и само упоминание о труде в данном контексте совершенно неуместно. Все три могут быть вполне корректно представлены просто формами дохода на капитал, в т. ч. и зарплата, если рабочую силу труженика тоже представить в виде естественного или природного его личного капитала. Поэтому, по-видимому, главное затруднение Маркса заключается в искусственном навязывании анализируемому процессу воспроизводства и отношениям его различных составных частей со стороны их вещественного характера гипотетически предполагаемых отношений их трудовых стоимостей, а не их реальных рыночных цен (*т. 25, ч. 2, с. 413*).

Для Маркса все нипочем – у него «так же мало изменяется закон стоимости» даже вследствие того обстоятельства, что в реальности осуществляется выравнивание прибыли, которое оказывает существенное и даже определяющее влияние на величину средних цен товаров, никаким образом не обусловлено ТТС. Он извращенно полагает, что это лишь некое «отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на величину при-

соединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены». Только теперь как бы непонятно, зачем здесь вообще тогда говорить о «выравнивании прибыли», если изменяется лишь величина присоединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, а совокупная стоимость товаров является или остается единственным действительным источником различных составных частей цены (т. 25, ч. 2, с. 415)?

Примечание. Маркс, рассуждая, иногда делает довольно странные выводы. Он полагает, что если нет произведенных средств производства, то нет и «постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться *in natura* из продукта в размере, определяемом его стоимостью» и здесь как бы трудно ему возразить. Но классик здесь, к сожалению, не говорит о том, что если нет произведенных средств производства, то, как правило, есть не произведенные, а естественные средства производства, которые тоже, конечно, являются постоянным капиталом. Актуальная рыночная цена такого постоянного капитала (или хотя бы первоначальная его цена) необходимо входит в конечную цену продукта и при воспроизводстве в том же масштабе должна поэтапно возмещаться из продажной цены этого товара. С другой стороны, можно согласиться и с тем, что здесь возможны порожденные самой природой средства производства, которые просто присваивались, и поэтому не требуют возмещения затрат по их приобретению. То обстоятельство, что всякий новый производственный капитал в исторических условиях его доминирования (т. е. в условиях крупного машинного производства) происходит, кажется, только из производственной прибыли, ведет к ложному представлению, что и вообще всякий капитал является плодом или результатом только труда, точнее, даже прибавочного труда, будто всякий товар или даже вообще всякая ценность имеет свою трудовую стоимость (т. 25, ч. 2, с. 417). По мнению Маркса, «прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую». Тем не менее, он, как это и не странно, согласен, что «не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, – а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, – совершенно безразлично для овеществления труда, для самой стоимости» (т. 25, ч. 2, с. 420).

Для нас архиважным и плодотворным является указание Маркса на то, что именно только вследствие того, что стоимость товара оплачена (т. е. товар куплен), предполагаемая прибавочная стоимость и становится прибавочной стоимостью. Таким образом, получается, что все-таки вне обмена нет никакой пресловутой прибавочной стоимости как таковой. Вот и получается, что «недоразумение выражается в различных формах».

Маркс, кажется, всячески уходит от того факта, что прибыль даже в производственной сфере есть именно избыток над себестоимостью

товара (т. е. суммой необходимых издержек по его производству), а не прибавочная стоимость, которая по определению должна быть тождественна величине предполагаемого прибавочного труда. Он, как какое-то заклинание, пытаясь как бы самого себя убедить, повторяет: общественная прибыль в целом – это вообще производственная совокупная прибавочная стоимость, а всякая товарная ценность – это не что иное, как трудовая стоимость или «лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда» (т. 25, ч. 2, с. 420). Удивляет, что при этом Маркс полагает ложной абстракцию, которая рассматривает «нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм, работающий только для удовлетворения национальных потребностей». Эта странность, как и подобные, объясняется удивительно просто – по мнению Маркса, рассматривать нацию как целостный организм может быть оправданным только лишь «по уничтожении капиталистического способа производства».

Принципиально важным для нас здесь является его указание на то, что «при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия, становятся важнее, чем когда бы то ни было» (т. 25, ч. 2, с. 421). Сразу нужно заметить очевидное: что «определение стоимости» в условиях рыночного капиталистического способа производства никого никогда вообще не интересует, т. к. всех интересуют, естественно, только издержки, продажная цена товара и конечная чистая прибыль. Ну, а вот в условиях без рыночной экономики социализма определение величины трудовой стоимости становится, вне всякого сомнения, буквально неподъемной сверхзадачей. В силу, как уже ранее неоднократно отмечалось, принципиальной невозможности корректно определить или измерять величину трудовой стоимости, становится невозможным не только адекватный бухгалтерский учет, но и соответственно анализ хозяйственной деятельности. Естественно, ни о каком рациональном вполне разумном управлении, планировании и регулировании – рабочего времени и распределения общественного труда между различными группами производства (в т. ч. еще и совершенно новым производством) из единого центра даже гипотетически и речи быть не может. Вдобавок нужно еще напомнить о необходимости планирования, помимо фонда потребления, фондов накопления и страхования, а значит, и расширения процесса воспроизводства по каждой из отрасли общественного хозяйства, в т. ч. и организации совершенно новых отраслей производства. Маркс, понимая эту необходимость (т. 25, ч. 2, с. 416), к огромному сожалению, ни слова не

говорит о том, как именно это может быть адекватно осуществимо на практике.

Таким образом, подводя итог сейчас изложенному (если мы, конечно, все-таки примем за исходную ложную ТТС), последовательно получается, что: 1) способ производства, в основании которого лежит сугубо только производство стоимости или живой труд, может быть адекватно эффективным лишь в условиях рыночной экономики; 2) способ производства, из основания которого вообще будет исключен живой труд, будет в любом случае направлен на производство прибыли и накопление капитала.

Примечание. Вся суть нужных Марксу политэкономических выводов изложена им довольно ясно: «Мы видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, – эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» (т. 25, ч. 2, с. 385).

Не может не умилять то, что Маркс, полагая, что вообще «труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать», считал, что он только лишь «при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д.» имеет «антагонистическую форму», а в обстоятельствах некоего гипотетического бесклассового общества антагонизм будет просто невозможен – по определению.

Примечание. Вообще, по мысли Маркса, в любом случае: «Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением» (т. 25, ч. 2, с. 386).

Осознавая важность форм социального принуждения, Маркс, тем не менее, указывает лишь на выгоду тех способов и таких условий, «которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы». По его мнению, капиталистические обстоятельства «выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д.». На будущей ступени, в его представлении, «отпа-

дают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой» и, главное, возникнет «возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня» (*т. 25, ч. 2, с. 386*). Но как же это может быть возможным на практике, он, к большому сожалению, как всегда, не поясняет.

Ясно, что «на будущей ступени», если даже отпадут прежние формы принуждения и монополизации общественного развития, то обязательно возникнут новые необходимые механизмы. Безусловно, важнейшим аспектом общественной жизни является радикальное «ограничение времени, посвященного материальному труду». Вполне вероятно, что со временем производительные силы достигнут такого уровня развития, что производственно-технологическая необходимость живого труда будет вообще исключена с экономической повестки дня. Но это вовсе еще не указывает на саму возможность преодоления всех неизбежных антагонизмов и противоречий в обществе.

Трудно не согласиться с пафосом Маркса, когда он говорит, что «действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависят не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» (*т. 25, ч. 2, с. 386–387*). При этом нам не менее трудно даже представить себе такое «царство свободы», где вовсе нет диктата «нужды», где нет необходимости в «жертве», требуемой как внешней, так и внутренней целесообразностью, пусть даже это «царство» и находится или «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».

Любопытно то, что Маркс рассказывает далее: «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства». Судя по всему, классики еще не осознали, что чтобы человек мог как-то «сохранять и воспроизводить свою жизнь», он должен не бороться с природой, а всячески, напротив, ее оберегать.

Указывая на то, что «С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения», Маркс высказывает и свои наивные футуристические представления: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие» (т. 25, ч. 2, с. 387). Как мы уже разобрались, идея или мечта о вполне рациональном регулировании и общем контроле человеческого обмена веществ с природой в принципе утопична и несбыточна, а общество, в котором самоцелью является только лишь свободное развитие человеческих сил, т. е. «истинное царство свободы», нуждается в принципиально ином – невероятном базисе или, точнее, оно вообще должно быть свободно от какого-либо базиса или обусловленности, имманентной царству необходимости.

§ 46. О КАПИТАЛЕ КАК РУКОВОДИТЕЛЕ ТРУДА И О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ЕГО ТРУД

«Капитал в процессе производства выступает как руководитель труда, командир его и в этом смысле играет деятельную роль в самом процессе труда» (К. Маркс, т. 26, ч. 3, с. 521).

Любопытны рассуждения Маркса по поводу необходимости в обществе труда жрецов или священников и капиталистов: «Если человек свое отношение к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям представил себе на религиозный лад в виде каких-то самостоятельно существующих сил, так что эти представления приобрели над ним господство, то он нуждается в жрецах и их труде. Но с исчезновением религиозной формы сознания и связанных с ней отношений в общественный процесс производства перестает входить и этот труд жреца. Вместе с жрецом исчезает и труд жреца, а вместе с капиталистом аналогичным

образом исчезает тот труд, который он выполняет как капиталист или который он поручает выполнять другому лицу» (*т. 26, ч. 3, с. 521*).

Сразу обращает на себя внимание ложное представление об историчности религиозной формы сознания, на самом деле жрецы могут не беспокоиться – работой они точно будут обеспечены до скончания жизни людей в мире сем. Что касается капиталиста, то в той или иной форме как раз его функции по накоплению капитала и его труд по управлению им останутся необходимыми в условиях любого экономического уклада. Идиотское требование Маркса о том, что получаемая / присваиваемая капиталистом промышленная прибыль «на деле должна быть сведена к заработной плате за надзор или за руководство трудом», т. к., по его мнению, «есть такой труд, который, конечно, входит в стоимость продукта так же, как и труд наемного рабочего» (*т. 26, ч. 3, с. 521*), свидетельствует о полном непонимании фундаментальной важности мотивации (наряду со спросом) в функционировании реальной экономики.

Дальнейшие рассуждения и высказывания Маркса лишь подтверждают это: «Рабочий при лучшей оплате работает интенсивнее. Напротив, труд капиталиста есть вполне определенная материя: он качественно и количественно определяется тем количеством труда, которым капиталист должен руководить, а не платой за это количество труда. Капиталист так же не может интенсифицировать свой труд, как рабочий не может переработать больше хлопка, чем он находит на фабрике» (*т. 26, ч. 3, с. 522*). На самом деле как правило при лучшей оплате работяга не начинает работать интенсивней. Труд же капиталиста, конечно, не определяется лишь тем количеством труда, которым он должен руководить. Как раз капиталист может гораздо в большей степени интенсифицировать свой труд, расширив горизонты деятельности своего предприятия, чем простой работяга, выполняющий определенную однообразную элементарную задачу на каком-то станке. Поэтому социалисты грубо ошибались, когда полагали, что «труд по управлению и по надзору теперь можно так же покупать на рынке и его можно сравнительно столь же дешево произвести, а потому и купить, как и всякую другую рабочую силу. Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по управлению, совершенно отделенный от владения капиталом (безразлично, своим или чужим), предлагается в избытке. Сделалось совершенно необязательным, чтобы этот труд по управлению выполнялся капиталистами» (*т. 26, ч. 3, с. 522*).

Как управленческому искусству так просто любого не научишь, так, тем более, не научишь и быть кого-то хозяином. Людей, способных быть ответственными лидерами и рачительными хозяевами, в любом биосоциуме единицы, по статистике, кажется, не более 7 %.

Маркс полагает, что капиталист в качестве функционера производства стал уже излишен для рабочих, что якобы убедительно доказывают «устроенные самими рабочими кооперативные фабрики». Более того, он считает, что «в той мере, в какой труд капиталиста не является тем, что вытекает из процесса [производства] как капиталистического процесса и, следовательно, само собою исчезает вместе с исчезновением капитала, в той мере, в какой он не является названием для функции эксплуатации чужого труда, т. е. в той мере, в какой он вытекает из общественной формы труда (кооперации, разделения труда и т. д.), он совершенно так же не зависит от капитала, как не зависит от него и сама эта общественная форма труда после того, как она сбросила с себя капиталистическую оболочку» (*т. 26, ч. 3, с. 523*).

В последнем высказывании сразу видно различие в нашем и марксовом понимании капитала. Для него это специфическое отношение между прошлым и живым трудом, производящее прибавочную стоимость. В нашем же понимании капитал – это отношение между акторами рынка, которое порождает прибыль, процент или ренту. Но в данном случае для нас важно несколько другое – это то, что в рамках указанного собственного представления о сущности капитала Маркс утопично-наивно считает, что возможна некая «общественная форма труда» вне основополагающей обусловленности капиталом уже даже при существующих формах разделения труда. Маркс даже прямо заявляет или «утверждает», что нам следует представить невероятное – уже как-то существующими «развившиеся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой их капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия их моментов» (*т. 26, ч. 3, с. 523*), более того, реально существующий порядок он считает извращением того, как это якобы должно быть, исходя из его представлений. Маркс полагает, что тот факт, что «цены товаров определяют заработную плату, процент, прибыль и ренту, и наоборот, цены труда, процента, прибыли и ренты определяют цены товаров, – есть только выражение того кругового движения, в котором всеобщие законы противоречиво реализуются в действительном движении и на поверхности явлений» (*т. 26, ч. 3, с. 536*), без сомнения, речь здесь у него идет о якобы «всеобщем» т. н. законе стоимости и о законе прибавочной стоимости.

Поясняя то, как он видит трудовую деятельность капиталиста, Маркс говорит: «Действительная прибыль капиталиста в значительной своей части представляет собой “прибыль от отчуждения”, и для “индивидуального труда” капиталиста открывается особенно широкий простор на том поприще, где дело идет не о созидании прибавочной стоимости, а о распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов между

его индивидуальными членами на путях торговли. Здесь это нас не касается. Известные виды прибыли – например, прибыль, основанная на спекуляции, – получаются только на этом поприще. Их рассмотрение здесь, следовательно, совершенно исключается» (*т. 26, ч. 3, с. 523*). Маркс здесь чуть ли не прямо говорит, что его интересуют лишь те экономические процессы, которые хоть как-то свидетельствуют о прибавочном труде и/или прибавочной стоимости. Вероятно, именно поэтому он достаточно легко игнорирует проблемные сферы в труднопонимаемых процессах ценообразования.

Для Маркса неприемлемо то представление, при котором «получается, что, с одной стороны, цена товаров определяет заработную плату, ренту и процент, а, с другой стороны, цена процента, ренты и заработной платы определяет цену товаров». Он уверен, что это наблюдаемое «противоречие, или порочный круг, действительного движения цен» есть на самом деле лишь противоречие в теории, его описывающей. Маркс как бы открывает нам ход своей мысли, приведший его к этому выводу, когда отмечает: «Процентная ставка, правда, колеблется, но она колеблется только так, как колеблется рыночная цена всякого другого товара – в зависимости от соотношения между спросом и предложением. Это совершенно так же не уничтожает процент как нечто имманентное капиталу, как колебания товарных цен не уничтожают цены как присущие товарам определения» (*т. 26, ч. 3, с. 524*). Иными словами, Маркс здесь утверждает, что колебания цен вторичны, а некое независимое от этих колебаний само по себе ценообразование первично. В извращенном понимании Маркса «в капитале, приносящем проценты, капитал выступает» почему-то именно «как самостоятельный источник стоимости или прибавочной стоимости», а не непосредственно прибыли или вообще ценности, «которыми он обладает как деньги или как товар». К тому же еще обязательно для того, «чтобы реализовать это свое свойство, он должен входить в процесс производства, но это необходимо также и для земли и труда» (*т. 26, ч. 3, с. 525*), что, конечно же, является уже откровенной ложью или избыточным требованием.

Примечание. Заметим: поскольку капитал в реальности, конечно, не является стоимостью, или его стоимость не определяется предполагаемо только содержащимся в нем трудом (при том совершенно независимо от того, входит ли он в экономический процесс или еще нет), и поскольку он входит в экономический процесс не обязательно только как вещь, а как и непосредственная ликвидная ценность – деньги, то он как бы и порождает / предлагает собственную цену – процент (*т. 26, ч. 3, с. 533*). Поэтому с какой-то точки зрения вполне оправданно считать, что процент – это вознаграждение за производительное применение сбережений, а прибыль в собственном смысле этого слова является вознаграждением за деятельность по надзору во время этого их производительного применения.

Маркс явно недооценивает всю ложность или неоправданность всякого стремления «понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления». При этом, по его мнению, чуть ли не основным «недостатком и ошибкой классической политической экономии является то, что она основную форму капитала, производство, направленное на присвоение чужого труда, трактует не как историческую форму, а как естественную форму общественного производства» (т. 26, ч. 3, с. 526). Здесь нужно заметить, что исторически преходящим, безусловно, является лишь то, что производство выступает основной формой капитала, и то, что общественное производство основывается на отчуждении / присвоении живого труда. Но пока труд определяет развитие экономики или ее расширенное воспроизводство, вероятно, всегда будет оставаться в силе то обстоятельство, что по отношению к денежному капиталисту капиталист-производитель является лишь как бы работником, хотя и эксплуататором чужого труда. С другой стороны, ничего нет «комичного» (т. 26, ч. 3, с. 533) в том, что организация и эксплуатация труда рабочих стоит капиталисту немалого труда, а как известно, всякий труд должен быть как-то оплачен. Естественно, что в условиях государственного капитализма или «реального социализма» необходимые функции и труд каждого из «капиталистов» выполняют соответствующие бюрократы-чиновники.

§ 47. О КЛАССЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И УПРАВЛЕНИИ В ОБЩЕСТВЕ

Маркс не отрицает, что «Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса... Это – производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства». При этом он замечает и следующее: «Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами» (т. 25, с. 422).

Разве какое-нибудь государство в силах избежать этих противоположностей? Мы можем здесь лишь подчеркнуть, словами Маркса, «чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора»

(т. 25, с. 422), что наглядным образом выразилось практически во всех странах т. н. «социализма». Но в наивно-утопическом представлении Маркса «В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является – по отношению к ним представителем капитала» (т. 25, с. 426). Он не осознает, что громадным риском злоупотребления и падения эффективности управления является именно то, что «остается лишь служащий, а капиталист как лицо» якобы «излишнее исчезает из процесса производства» (т. 25, с. 427). Очевидно, суть проблемы не может измениться, если даже «предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными» (т. 25, с. 479).

Примечание. Маркс считал, что собственность ассоциированных производителей и есть непосредственная общественная собственность, а функции ассоциированных производителей, соответственно, выражают необходимые производственно-общественные функции (т. 25, с. 480).

Энгельс полагал, что «всякому ясно: какие бы изменения ни происходили в высших, непродводящих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество» (т. 19, с. 296). Более того, даже уже в 1881 году он был еще почему-то уверен, что рабочий класс «во всяком случае хуже», чем капитал, «наверное управлять не сможет» (т. 19, с. 295).

Конечно, способность к управлению дана далеко не каждому человеку, и лидерские качества не зависят от классовой принадлежности, а являются индивидуальными врожденными задатками. Но несмотря на то, что управление – это искусство, это еще и специфическая наука, требующая профессионализма в соответствующей управляемой сфере. «Кухарка» при всех ее возможных талантах все-таки не в силах адекватно управлять государством. Даже самые лучшие и сообразительные из рабочих, конечно, не справятся должным образом с управлением предприятием, особенно с крупным или высокотехнологическим производством.

Но Энгельс подводит нас к иному выводу: «Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о “хозяйском глазе” и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе “хозяйский глаз” на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом

могут делать и делают» (*т. 19, с. 299*). Как представляется, в понимании Маркса, «по мере того как растут размеры средств производства... растет необходимость контроля над их целесообразным применением», новая централизованная разумно-плановая кооперация, организованное рациональное управление и регулирование экономикой и в целом обществом, вне всякого сомнения, создаст новую производительную силу, которая по самой своей сущности есть не только «массовая сила», порождаемая «сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства», но и именно уже наконец – разумная «массовая сила». В этом случае масштаб кооперации или новой производительной силы будет зависеть прежде всего от величины совокупного общественного капитала. «И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу». Все это, по глубочайшему убеждению классиков, обязательно приведет к невиданному никогда ранее «сокращению рабочего времени, необходимого для изготовления совокупного продукта», к принципиальному ограничению пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, в результате чего произойдет радикальное сокращение непроизводительных издержек производства, а значит, и значительное увеличение свободного и/или готового к перераспределению общественного продукта, т. е. национального богатства (*т. 23, с. 337–343*).

Социализм – это в марксовом идеале скорее всего некая разумная и эффективная государственная кооперация как бы свободных ассоциированных кооперативов. Т. е. общественная и/или кооперативная собственность + государственный капитал + государственная кооперация, т. е. централизованное разумно-плановое регулирование и управление = социалистическая экономика.

Однако, как представляется, здесь классиками упускается из виду ряд важных моментов: 1) тот факт, что «сегодняшнее» экономическое развитие ведет к концентрации, вовсе не свидетельствует о том, что «завтрашнее» развитие не поведет в обратную сторону – деконцентрации и децентрализации; 2) какими бы крупными ни были отдельные предприятия, нет большей удачи для каждого из них, чем достойный руководитель; 3) без сомнения, еще большей удачей для такого предприятия, если талантливым руководителем является сам его хозяин, «хозяйский глаз» – это то, в чем нуждается всякий профессиональный коллектив; 4) никогда никакие рабочие или профессиональные наемные служащие компании – управленцы не будут так мотивированны к успеху своего предприятия, как сам его хозяин.

Примечание. С другой стороны, мы не имеем права сбрасывать со счетов и вот такую вполне оправданную точку зрения: «Что же касается директоров и держателей акций, то и те, и другие знают, что чем менее первые вмешиваются в управление, а последние – в наблюдение, тем лучше для предпри-

ятия. Слабое и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятия. Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять» (Энгельс, т. 19, с. 297–298).

Практика «совка», или государственного капитализма доказала, что в принципе процесс производства все-таки «возможен без посредства деятельности частных капиталистов, направленной на образование и приращение капитала». Но она с очевидностью показала и неприемлемую, буквально неподъемную цену этого процесса.

Примечание. Маркс, исходя из принятых им допущений и постулатов, последовательно указывает на то, что «товарное производство в известный момент своего развития неизбежно становится “капиталистическим” товарным производством и что, согласно господствующему в нем закону стоимости, “прибавочная стоимость” причитается капиталисту, а не рабочему» (т. 19, с. 398). Таким образом, получается, что в условиях «совка», по логике Маркса, «капиталистом», которому «законно» причиталась прибавочная стоимость, являлось государство в лице партийно-номенклатурного бюрократического аппарата управления. Кстати, совершенно непонятно, как в таких обстоятельствах может исчезнуть даже политическая борьба за власть, а «правительственные функции превращаются в простые административные функции» (т. 18, с. 45).

§ 48. О КАЧЕСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ ДЛЯ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Исходя из принятой им парадигмы т. н. закона стоимости, Маркс, продолжая рассуждать, говорит, что «То обстоятельство, что прибавочная стоимость тождественна с прибавочным трудом, устанавливает качественную границу для накопления капитала, которая определяется продолжительностью всего рабочего дня (тем временем, в течение которого рабочая сила может действовать в пределах 24 часов), наличествующей в данный момент ступенью развития производительных сил и численностью народонаселения, лимитирующей число рабочих, могущих подвергаться эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочную стоимость рассматривать в лишенной понятия форме процента, т. е. как такое отношение, в котором

капитал увеличивает себя посредством некоего мистического фокуса, то граница для накопления капитала оказывается всего лишь количественной, и абсолютно нельзя понять, почему капитал каждое утро все снова и снова не присоединяет к себе проценты в качестве нового капитала, создавая тем самым бесконечную прогрессию процентов на проценты» (*т. 26, ч. 3, с. 248*). Интересно, что у Маркса опять «качественная граница» определяется прежде всего «количеством» часов рабочего времени и «количеством» работников, упоминает он, правда, и актуальную ступень развития производительных сил, но при этом, к большому сожалению, совсем забыв о «естественной производительности».

Примечание. Любопытно замечание Маркса: «Если рост населения зависит от производительности труда, то производительность труда зависит от роста населения. Здесь имеет место взаимодействие. Но выражаясь капиталистически, это означает, что жизненные средства рабочего населения зависят от производительности капитала» (*т. 26, ч. 3, с. 252*).

Странно, что делая достаточно важное замечание о том, что «только внешняя торговля, развитие рынка в мировой рынок, развивает деньги в мировые деньги и абстрактный труд в общественный труд. Абстрактное богатство, стоимость, деньги – следовательно, абстрактный труд – развиваются в той мере, в какой конкретный труд превращается в охватывающую мировой рынок совокупность различных видов труда. Капиталистическое производство покоится на стоимости, или на развитии содержащегося в продукте труда как труда общественного. Но это [возможно] лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Таким образом, внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства» (*т. 26, ч. 3, с. 262*), Маркс не говорит, о том, что **естественной границей для накопления капитала выступает в конечном итоге объем имеющегося рынка, в пределе – объем или емкость мирового рынка**, тем самым вновь как бы «ставя телегу впереди лошади». Немаловажным нюансом, с которым мы не можем не согласиться, является и то, что «внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства», а это значит, что замкнутая лишь на некий внутренний локальный рынок экономика обречена на вырождение. Возникает закономерный вопрос о неких, кажется, пока трудно понимаемых, естественных пределах экстенсивной глобализации, проявление которых, вероятнее всего, не за горами. Некую позитивную надежду вселяет все-таки то, что, как Маркс верно замечает, «Величина рынка имеет двойкий смысл: во-первых, количество потребителей, их число; а во-вторых, также и количество обособившихся друг от друга занятий. Увеличение последнего количества возможно и без увеличения первого» (*т. 26, ч. 3, с. 278*).

§ 49. ОБ ЭКОНОМИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАШИН И СИЛ ПРИРОДЫ

«...машины всегда прибавляют к имеющейся стоимости свою собственную стоимость» (*т. 26, ч. 2, с. 615*).

Маркс, конечно, верно полагает, что «Постоянная цель капиталистического производства состоит в том, чтобы при минимуме авансированного капитала производить максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта». Стремление капитала «производить данный продукт с возможно меньшими затратами сил и средств» является естественной необходимой «экономической тенденцией капитала», которая «учит человечество экономно расходовать свои силы и достигать производственной цели с наименьшей затратой средств» (*т. 26, ч. 2, с. 608*). Поэтому естественно то, что и «сами рабочие при таком понимании представляются тем, чем они и являются в капиталистическом производстве, – простыми средствами производства, а не самоцелью и не целью производства» (*т. 26, ч. 2, с. 608*). Почему или с какой стати трудящиеся должны являться самоцелью или целью самого по себе необходимо всегда как-то отчужденного производства, Марксом, к сожалению, не поясняется. Ведь так или иначе в выигрыше от такого производства и/или «от введения машин оказывается публика», в т. ч. и сами рабочие.

Конечно, «применяться с выгодой машина может только в том случае, если она {по крайней мере, та часть ее, которая ежегодно входит вместе с процентами в продукт, т. е. в его стоимость} является продуктом значительно меньшего количества занятых в течение года рабочих, чем то количество рабочих, которое она заменяет» (*т. 26, ч. 2, с. 612*). Вообще в той мере, в какой естествознание позволяет заменять труд человека силами природы, ничего не стоящими ни капиталисту, ни обществу в целом, оно «абсолютно удешевляет товары». Поэтому избыточное население, или перенаселение может изображаться «здесь как результат самого процесса обогащения и обуславливающего его развития производительной силы» (*т. 26, ч. 2, с. 627*).

Примечание. Маркс верно замечает: «изобретение машин и использование сил природы высвобождают капитал и людей (рабочих) и создают вместе с высвободившимся капиталом высвободившиеся руки... а это приводит к тому, что создаются новые сферы производства или же происходит расширение старых сфер производства, увеличение в них масштаба производства» (*т. 26, ч. 2, с. 614*). «Машины постоянно создают относительное перенаселение, резервную армию рабочих, что весьма увеличивает власть капитала» (*т. 26, ч. 2, с. 615*).

Маркс, забывая сказать о том, что «силы природы, как таковые, ничего не стоят» (*т. 26, ч. 2, с. 613*), но как-то оцененные могут являться ценностью

и/или стать товаром, все-таки замечает, что «Силы природы, действительно, ничего не прибавляют к стоимости, если нет налицо таких обстоятельств, при которых они дают возможность для создания ренты. Но машины всегда прибавляют к имеющейся стоимости свою собственную стоимость» (т. 26, ч. 2, с. 615). Безусловно, что «Цель капиталистического производства состоит в том, чтобы с помощью данной массы богатства получать возможно больше прибавочного продукта или прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 2, с. 627–628). Но в целях корректности стоило бы все-таки указать и на то, что **капиталистическую экономику в целом интересует не сам по себе прибавочный продукт и даже не только прибыль, а сохранение и рост ценности имеющегося капитала, его накопление и/или увеличение богатства.**

Маркс указывает на то, что «фонд, из которого получают свой доход рабочие» не уменьшается абсолютно – «Он уменьшается лишь относительно, в сравнении с совокупным продуктом, производимым ими». При этом он, конечно, не говорит, что, это скорее всего свидетельствует о том, что доход рабочих в целом растет (т. 26, ч. 2, с. 628). По всей видимости, со временем так или иначе всякий «труд становится избыточным потому, что спрос на него уменьшается, а спрос уменьшается вследствие развития производительной силы труда» (т. 26, ч. 2, с. 631). Здесь архиважно отметить, что Маркс, кажется, все-таки осознавал, что до сих пор или только лишь «на данной ступени развития производительных сил – с увеличением массы применяемого труда растет и масса прибавочной стоимости и прибавочного продукта». Иными словами, он, по-видимому, допускал историчность применяемости самого по себе производительного труда в экономике социума. Ведь, судя по всему, в конечном итоге сам по себе производительный рабочий «подлежит удалению из производства» (т. 26, ч. 2, с. 636).

Примечание. Маркс полагает, что «Масса рабочего населения и степень производительности труда определяют как воспроизводство капитала, так и воспроизводство населения» (т. 26, ч. 2, с. 600). У него даже сама «Способность населения к размножению уменьшается вместе с уменьшением производительной силы труда» (т. 26, ч. 2, с. 601).

С другой стороны, Маркс наивным образом полагает, что «В, так сказать, физических условиях производства нет ничего такого, что вынуждало бы к тому или другому способу реализации дохода. Если бы рабочие господствовали, если бы они имели возможность производить для самих себя, то они очень скоро и без больших усилий подтянули бы капитал (употребляя выражение вульгарных экономистов) до уровня своих потребностей. Огромная разница заключается в том, противостоят ли наличные средства производства рабочим как капитал, так что они лишь поскольку могут применяться рабочими, поскольку это необхо-

димо в интересах увеличения прибавочной стоимости и прибавочного продукта для их нанимателей, применяют ли эти средства производства их, рабочих, – или же рабочие, в качестве субъектов, применяют средства производства как объект, чтобы производить богатство для самих себя. Разумеется, при этом предполагается, что капиталистическое производство уже вообще развило производительные силы труда до той необходимой высоты, на которой может наступить эта революция» (т. 26, ч. 2, с. 643–644). Это непостижимое игнорирование буквально очевидной необходимости отчуждения в любом производственном процессе, особенно в том, который нуждается в применении живого труда, не поддается рациональному пояснению. При этом не стоит забывать, что даже в условиях очень развитых производительных сил труда доля общественного прибавочного продукта, которая могла бы быть без проблем направлена на непосредственное потребление (исходя из существующей традиционной нормы прибыли), на самом деле не так уж и велика. На практике увеличить потребление трудящихся, кажется, можно было бы без негативных последствий, не более лишь чем на 10–15 %.

§ 50. О НЕОБХОДИМОЙ ИЕРАРХИИ В БИОСОЦИУМЕ И О ЗНАЧЕНИИ В НЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА

Маркс как бы согласен с позицией Милля, напоминающего в данном случае Мальтуса: «Необходимо, чтобы рабочая масса не была господином своего времени, а была рабом своих потребностей, – дабы человеческие (общественные) способности могли свободно развиваться в тех классах, для которых этот рабочий класс служит лишь фундаментом. Рабочий класс представляет отсутствие развития, – дабы другие классы могли представлять человеческое развитие. Это действительно та противоположность, в которой развивается буржуазное общество и развивалось всякое прежнее общество, противоположность, провозглашенная как необходимый закон, т. е. это есть существующее положение вещей, провозглашенное как абсолютно разумное» (т. 26, ч. 3, с. 96). Таким образом, становится непонятным, как именно этот же рабочий класс может определять дальнейшее уже совершенно разумное социалистическое развитие общества. Рассуждая об этом, уместно не забывать и то, что это – та самая «рабочая сила, которая сама представляет собой некоторый продукт» (т. 26, ч. 3, с. 110) уже существующих общественных отношений и в целом исторических обстоятельств.

51. О НЕОБХОДИМОСТИ ВСЕОБЩЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА

«Это очень правильно, что... труд, а не оплаченный труд, не заработная плата, выступает как элемент стоимости» (К. Маркс, *т. 26, ч. 3, с. 348*).

В представлении Маркса в случае, если бы «капитал перестал существовать» (т. е. никому «продукт не давал бы больше права на чужой прибавочный труд»), ближайшим следствием этого должно стать отпадение «противоположности между работающими чрезмерно и бездельниками» (т. е. в таком обществе «работать должны все»). Это в утопическом понимании Маркса, если еще «к тому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом», должно привести и/или обязательно приведет к тому, что «общество за 6 часов будет производить необходимое количество продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство – такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время – это простор для развития способностей и т. д. Известно, что сами политико-экономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для других, для другой части общества, а тем самым – и для общества наемных рабочих [в целом]» (*т. 26, ч. 3, с. 264*). «Или же это может иметь и такой смысл: Рабочие теперь работают 6 часов сверх того, что (теперь) требуется для их собственного воспроизводства... Если капитал перестанет существовать, то они будут работать уже только 6 часов, и бездельники должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы свободное время, время для своего развития» (*т. 26, ч. 3, с. 264–265*).

Маркс, к большому сожалению, забывает здесь, что «время – это простор для развития способностей и т. д.» только для тех, у кого они имеются, и тех, кто стремится их развивать. Во всех иных случаях это почти безальтернативная возможность для всесторонней деградации. Поэтому прежде всего следовало бы озаботиться хотя бы тем, как это отразится на ментальном, да и физическом здоровье всех членов социума. Кроме того, если материальное богатство для всех будет низведено до уровня рабочих, то тем самым будет утрачена и всякая мотивация к профессиональной карьере и вообще труду. Тем не менее, «пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно мень-

шая часть общества» (*т. 26, ч. 3, с. 265*), несмотря на всю «буржуазность» такого подхода, без сомнения, всегда или по крайней мере исторически оправданно.

По Марксу, «истинное богатство» – это время, которым можно вполне свободно располагать, и пользование тем, что создано в рабочее время других. По его мнению (и это важно подчеркнуть), «Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. Но свободное время, время, которым можно располагать, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, – как угодно». Кроме того, «Само собой разумеется, что само рабочее время – тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, – вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит как действительно социальный труд и, наконец, как базис для свободного времени совершенно другой, более свободный характер, и что рабочее время такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота» (*т. 26, ч. 3, с. 265–266*).

Ничто так не обескураживает в футурологии Маркса, как его парадоксальное представление о том, что рабочее время, оставаясь как бы единственным источником добавленной стоимости (или богатства) и естественной мерой издержек при этом, каким-то невероятным образом не будет предполагать экономическую и бухгалтерскую необходимость существования меновой стоимости, т. е. рыночной цены. Ведь «разделение труда внутри общества предполагает прежде всего другого такое обособление друг от друга различных видов труда, что их продукты по необходимости противостоят друг другу как товары и проходят через обмен, продельвают метаморфоз товаров, относятся друг к другу как товары» (*т. 26, ч. 3, с. 278–279*). В конечном итоге общественное разделение труда дифференцирует весь необходимо имеющийся рынок и увеличивает «производство и народонаселение, высвобождая капитал и труд, создает новые потребности и новые способы их удовлетворения» (*т. 26, ч. 3, с. 279*). «С точки зрения вещественного элемента, накопление означает здесь не что иное, как следующее: разделение труда делает необходимой концентрацию в отдельных пунктах тех жизненных средств и средств труда, которые раньше были рассыпаны и раздроблены». При этом здесь предполагается не просто абсолютное увеличение, а прежде

всего концентрация, где «имеет место конгломерация рабочих и концентрация сырья, орудий и жизненных средств» (т. 26, ч. 3, с. 280). Эти условия труда в любом случае необходимо противостоят всем трудящимся как капитал, т. е. «указанные жизненные средства и средства труда, или, что то же самое, распоряжение ими посредством денег», независимо от того, в чьих именно руках они находятся: отдельных частных владельцев – класса капиталистов или государственных чиновников-бюрократов, в лице которых выступает государство как единый централизованный «разумный» капиталист.

В этом контексте прибавочный труд или прибавочную стоимость следует тоже рассматривать не только в их абсолютной форме «в форме удлинения рабочего времени за пределы того времени, которое необходимо для воспроизводства самого рабочего», но и «в форме сокращения необходимого труда посредством развития производительных сил труда» (т. 26, ч. 3, с. 266). Необходимым базисом капиталистического производства, как и экономическим базисом вообще любого производства, является «развитие производительных сил – как единственное средство для действительного увеличения богатства» (т. 26, ч. 3, с. 267). Таким образом, абсолютное сокращение или полная ликвидация необходимого живого общественного труда посредством развития производительных сил общества тем самым еще не устраняет ни самого по себе капиталистического производства, ни необходимый экономический базис любого общества, ни источник увеличения общественного богатства. Поэтому коммунистический лозунг Маркса «Капитал есть околпачивание рабочего – и больше ничего. Труд есть все» (т. 26, ч. 3, с. 269) без сомнения абсолютно ложен!

Не менее ложно представление Маркса и о том, что «О производительности капитала можно говорить лишь постольку, поскольку капитал рассматривается как выражение определенного общественного отношения производства. А когда капитал рассматривается таким образом, то сейчас же обнаруживается исторически преходящий характер этого отношения, всеобщее познание которого несовместимо с его дальнейшим существованием и которое само создает средства для своего уничтожения» (т. 26, ч. 3, с. 274). Ошибочность этой позиции Маркса вытекает из неоправданного сведения им всех форм капитала лишь к его производственной сфере. Маркс уверен, что капитал «не создает иной стоимости, кроме той, какую он получил раньше и получает постоянно от труда, так как содержащаяся в каком-либо продукте стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его воспроизводства, т. е. тем, что собой представляет продукт как результат живого, теперешнего, а не прошлого труда. И производительность труда, ..., проявляет свой рост как раз в

постоянном обесценении продукта прошлого труда» (т. 26, ч. 3, с. 274–275). Маркс в другом месте, поясняя, настаивает: «“Продукты” превращаются в капитал: вещественно, поскольку они функционируют в процессе труда в качестве условий труда, условий производства – предмета труда и средств труда, – по форме, поскольку не только их стоимость сохраняется в продукте, но и сами они становятся средством всасывания труда и прибавочного труда, т. е. поскольку они фактически функционируют в качестве поглотителей труда. С другой стороны, присвоенная до процесса производства рабочая сила в самом процессе производства превращается непосредственно в капитал, превращаясь в условия труда и в прибавочную стоимость: овеществление рабочей силы в продукте сохраняет постоянный капитал, возмещает переменный капитал и присоединяет прибавочную стоимость» (т. 26, ч. 3, с. 392). Но строго говоря, корректно речь ведь должна здесь идти не о создании какой-то гипотетической стоимости, а о порождении или о возникновении реальной или признанной ценности, выражающейся в соответствующей рыночной цене. Дело здесь вовсе не «в смешении, той определенной специфической формы, в которой эти вещи являются капиталом, с их свойствами как вещей и как простых моментов всякого процесса труда» и как раз не лишь о «капитале как применителе труда» (т. 26, ч. 3, с. 274–275). Поэтому, несмотря на то, что может быть с какой-то точки зрения как-то и допустимо указание Маркса на то, что «поскольку капитал выступает в действительном процессе производства, он на деле есть всего лишь название для самого труда, иное наименование для труда» (т. 26, ч. 3, с. 277), оно совершенно неприемлемо во внепроизводственных обстоятельствах или в иных сферах экономики, а значит, и в экономике в целом.

Накопление капитала есть не только условие для разделения труда, означающее увеличение количества и/или концентрацию инвестиционных ресурсов, «жизненных средств и средств труда», но и условие осуществления расширенного общественного воспроизводства. Осуществление накопления капиталистом на практике является его необходимой специфической экономической функцией. Ложное коммунистическое представление о том, что «если бы условия труда принадлежали ассоциированным рабочим и если бы последние относились к ним как к тому, чем эти условия труда являются в природе, т. е. как к своим собственным продуктам и предметным элементам своей собственной деятельности» (т. 26, ч. 3, с. 283), на самом деле нереализуемо на практике именно потому, что **условия труда на самом деле не являются и даже, более того, не должны ни являться собственными продуктами рабочих, ни им принадлежать.** Не случайно первоначальное накопление, как говорит сам Маркс, есть не что иное, как необходимое для развития

производства и в целом рыночной экономики «отделение условий труда в качестве самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим». Поэтому и «не обладание деньгами делает капиталиста капиталистом» (т. 26, ч. 3, с. 281), а указание на то, что «притязание капиталиста не имеет ничего общего с этим процессом как таковым» (т. 26, ч. 3, с. 284) совершенно не оправданно, сколько бы это коммунистических протестов не вызывало. Маркс считает, конечно, иначе.

Примечание. Маркс уверен, что в условиях концентрации капитала «производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство. Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда. Капиталисты в качестве функционеров указанного процесса, который вместе с тем ускоряет это общественное (ассоциированное) производство, а тем самым и развитие производительных сил, становятся в той же мере излишними, в какой они по уполномочию общества загибают себе доходы и превозносятся как собственники этого общественного богатства и командиры общественного труда» (т. 26, ч. 3, с. 327).

Необходимые для «разделения труда» предварительные концентрация и накопление иначе как раз, чем как накопление капитала, осуществляться не могут. Из того, что они необходимы, «следует необходимость того, чтобы теми условиями, которые вчерашний труд создал для труда сегодняшнего», кто-то конкретный постоянно распоряжался, такого актора именуют капиталистом. Даже если накопление капитала означает не что иное, как исключительно только накопление труда, а это, кажется, не требует того, что оно должно быть накоплением именно чужого труда, то оно всегда нуждается и/или предполагает наличие капиталиста, непосредственно осуществляющего само по себе необходимое накопление (т. 26, ч. 3, с. 285). Маркс явно недооценивает громадную роль и значение буквально каждого капиталиста в развитии экономики. Живой труд должен быть всегда капиталом как-то организован и управляем (тем самым взаимоотношение труда и условий труда оказывается не «перевернутыми», как считает Маркс), т. к. именно исходя из всех обстоятельств или всех факторов производства как целого, должно осуществляться применение Рс, а не напротив.

Изначальное неоправданное основополагающее допущение Маркса о том, что «товар является продуктом предшествовавшего труда лишь постольку, поскольку он выступает вместе с тем и как продукт одно-временного, живого труда. В этом смысле все вещественное богатство, фиксируемое капиталистическим воззрением, оказывается лишь быстро исчезающим моментом в потоке совокупного производства, включающего в себя и процесс обращения» (т. 26, ч. 3, с. 290), естественно, извращает всю картину, изображающую реальный экономический процесс в социуме. Представление Маркса о том, что без живого труда «непод-

вижное самостоятельное бытие этого “мира благ”, “мира вещей” есть лишь видимость» (*т. 26, ч. 3, с. 292*), ошибочно или некорректно не только потому, что экономический процесс в любом случае предполагает движение, но и потому, что это движение осуществляемого во времени даже и без живого труда – не одна лишь некая обманчивая «видимость», а настоящая реальность этого как бы самостоятельного «мира благ и вещей». В силу того, что у Маркса товар почти всегда выступает как продукт живого труда, последовательно выходит, что «Процесс воспроизводства, являясь единством обращения и производства, включает потребление, которое само есть момент обращения. Потребление само есть момент и условие процесса воспроизводства» (*т. 26, ч. 3, с. 293*), т. е. это не воспроизводство момента обращения или, точнее, оборота капитала, что кажется более корректным, а как-то наоборот. Этим самым по умолчанию как бы уходит на второй план один из главных ценообразующих факторов – время или, иначе говоря, оборачиваемость капитала. Тем не менее, несмотря на принятую им позицию, деньги у Маркса «могут быть простым знаком стоимости», иными словами, они «лишь выражают в руках каждого человека реализованную им цену» или только некое «формальное бытие» (*т. 26, ч. 3, с. 301*). Конечно, всякий исходный пункт как бы должен являться «результатом определенного хода развития», поэтому и «накопление является здесь ассимиляцией, постоянным сохранением и вместе с тем преобразованием уже воспринятого, осуществленного». Таким образом, кажется оправданным то, что отправным пунктом является «имеющаяся в каждый данный момент ступень развития производительной силы труда» (*т. 26, ч. 3, с. 305*), хотя, без сомнения, первоисточником всякого действительно нового движения есть лишь сингулярное проявление некоей новой идеи и воли.

§ 52. ОБ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЕ НОРМАЛЬНОГО РАБОЧЕГО ДНЯ

Маркс полагает, что удлинение рабочего времени сверх нормального рабочего дня (что в его понимании тождественно увеличению нормы прибавочной стоимости или нормы эксплуатации) «имеет свои физические и – с определенного момента – свои общественные границы» (*т. 26, ч. 3, с. 311*). Этот марксов постулат, на первый взгляд, кажется банальным, но не все так просто. Далее Маркс учит, что «Физически невозможно, чтобы прибавочное рабочее время, например, двух человек, которые

заменяют 20 рабочих, было равно, благодаря какому бы то ни было увеличению абсолютного или относительного прибавочного рабочего времени, прибавочному рабочему времени 20 человек. Даже если эти 20 человек выполняют ежедневно только два часа прибавочного труда, они доставляют 40 часов прибавочного труда, тогда как все время жизни двух человек за один день составляет только 48 часов» (*т. 26, ч. 3, с. 311*).

Если согласиться здесь с Марксом, то тогда, кажется, придется отказаться от его фундаментального дополнения к ТТС, которое учит нас тому, что стоимость следует определять затратами рабочего времени, абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда. Ведь, исходя из него, кажется, вполне допустимо или возможно, что «прибавочное рабочее время, например, двух человек, которые заменяют 20 рабочих, было равно» или было даже больше, благодаря какому-то увеличению (развитию производительной силы труда), естественно, относительного прибавочного времени, прибавочного рабочего времени 20 человек, т. е. относительное или условное прибавочное рабочее время этих двух человек в неких новых модернизированных технологических обстоятельствах (несмотря на то, что все время их жизни за один день естественно составляет только лишь 48 часов), может составлять не только 40 или «все» 48 часов, но и даже более прибавочного труда именно тех 20 человек, которых они заменяют. Иными словами, один час рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда этих двух рабочих может быть нетождественным одному часу рабочего времени абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда 20 рабочих, которых они заменяют. Ведь «развитие производительной силы неравномерно». С другой стороны, нельзя не согласиться и с тем, что в каждый актуальный момент производственного процесса «физически невозможно работать сверх определенного количества рабочего времени или увеличивать интенсивность труда сверх определенной степени интенсивности» (*т. 26, ч. 3, с. 321*). Ранее мы уже говорили: с какой-то точки зрения допустимо считать, что стандартной единицей труда является единица тягости, а не некие якобы объективные «затраты человеческого мозга, нервов и мускулов».

Таким образом, при предположении неизменяющейся нормы эксплуатации (и еще, по-видимому, обмена по стоимостям) норма прибыли у Маркса определяется «числом занятых рабочих, абсолютной массой применяемых рабочих» (*т. 26, ч. 3, с. 310*). При этом ниже он поясняет: «Прибавочная стоимость (т. е. ее величина, масса, ее совокупная сумма) определяется нормой прибавочной стоимости, помноженной на число занятых рабочих» (*т. 26, ч. 3, с. 362*). Здесь же Маркс напоминает, что «прибавочный труд может быть относительно увеличен посредством сокра-

щения необходимого рабочего времени и удешевления – соответственно развитию производительной силы труда – жизненных средств, входящих в потребление рабочего» (т. 26, ч. 3, с. 311).

Примечание. В представлении Маркса «Для того чтобы с накоплением капитала норма прибыли оставалась без изменения, она должна была бы в действительности возрастать. Если бы капитал все время доставлял 10 % прибавочного труда, то один и тот же рабочий должен был бы при накоплении процентов на проценты и при проистекающем отсюда увеличении применяемого капитала давать втрое, вчетверо, впятеро больше – в той прогрессии, в какой нарастают сложные проценты, – а это абсурд. Та масса капитала, которую рабочий приводит в движение и стоимость которой он сохраняет и воспроизводит своим трудом, совершенно отлична от той стоимости, которую он дополнительно присоединяет, т. е. от прибавочной стоимости» (т. 26, ч. 3, с. 312). «Прибыль падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что по сравнению с применяемым капиталом применяется вообще меньше труда» (т. 26, ч. 3, с. 313).

§ 53. ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО

Маркс буквально настаивает: «Общий результат таков: с прогрессом общества, т. е. с развитием капитала (стало быть, с развитием национального богатства) это развитие богатства оказывает все меньшее и меньшее влияние на положение рабочего, в конечном итоге, положение рабочего относительно ухудшается в той же пропорции, в какой возрастает общественное богатство, т. е. происходит накопление капитала, или, что то же самое, в той же пропорции, в какой увеличивается масштаб воспроизводства» (т. 26, ч. 3, с. 346).

Но в реальности-то происходит совершенно иное. Поэтому трудно возразить Мизесу, который как бы на это утверждение Маркса отвечает следующим образом: «В капиталистическом обществе существует тенденция постоянного увеличения инвестированного капитала на душу населения. Темпы накопления капитала превышают темпы роста населения. Следовательно, предельная производительность труда, реальные ставки заработной платы и уровень жизни наемных работников непрерывно растут. Однако повышение благосостояния не выступает проявлением действия неизбежного закона человеческой эволюции. Эта тенденция является следствием взаимодействия сил, которые могут действовать свободно только в условиях капитализма. Очень может быть, учитывая направление нынешней экономической политики, что проеда-

ние капитала и недостаточное снижение численности населения могут повернуть этот процесс вспять. Тогда человек снова может узнать, что такое голод, а соотношение наличных капитальных благ и численности населения может стать настолько неблагоприятным, что часть работников будут зарабатывать меньше, чем необходимо для простого поддержания их жизни. Всего лишь приближение к такому состоянию неминуемо приведет к непримиримым разногласиям, конфликтам, ожесточенность которых вызовет полный распад общественных связей. Общественное разделение труда невозможно сохранить, если часть его участников обречены зарабатывать меньше, чем необходимо для простого выживания» («Человеческая деятельность», с. 459).

Маркс утверждает, что в «превращении прибавочной стоимости в капитал обнаруживается, что сам прибавочный труд принимает форму капитала и что неоплаченный труд рабочего противостоит рабочему как совокупность объективных условий труда». Но если бы условия труда принадлежали самому рабочему, то он, «тоже должен был бы возмещать их из валового продукта, чтобы продолжать воспроизводство в том же самом масштабе или расширять его (а последнее тоже необходимо в связи с естественным ростом населения). Но это возмещение капитала затрагивает рабочего в трояком отношении.

1. Увековечение условий труда как чужой по отношению к рабочему собственности, как капитала, ведет к увековечению его положения как наемного рабочего, а потому увековечивает и его удел – часть своего рабочего времени постоянно работать даром в пользу постороннего лица.

2. Расширение этих условий производства, *alias* накопление капитала, увеличивает количество и численность тех классов, которые живут на прибавочный труд рабочего. Накопление капитала ухудшает положение рабочего относительно, увеличивая относительное богатство капиталиста и его партнеров; оно, далее, ухудшает положение рабочего тем, что увеличивает (посредством разделения труда и т. д.) количество относительного прибавочного труда рабочего и уменьшает ту долю валового продукта, которая сводится к заработной плате.

3. Наконец, так как условия труда нагромождаются против отдельного рабочего во все более гигантских скоплениях, все в большей степени выступая как социальные силы, то для рабочего отпадает возможность самому овладеть ими, как это иногда бывало при мелком производстве» (т. 26, ч. 3, с. 364).

Здесь трудно чему-либо возразить, вот только нужно заметить, что все сказанное точно так же верно по отношению к предполагаемым социалистическим производственным отношениям или необходимым условиям социалистической экономики.

Говоря о том, что в каком-то смысле эксплуатация труда тоже «стоит труда», Маркс указывает на то, что «Рассмотрение всего этого относится к исследованию конкуренции капиталов. Это исследование имеет дело вообще с борьбой между капиталистами и с их усилиями урвать себе возможно большее количество прибавочного труда, и оно касается только распределения прибавочного труда между различными отдельными капиталистами, но не затрагивает ни его происхождения, ни его общих размеров»... Это «побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми» (*т. 26, ч. 3, с. 367*). С нашей точки зрения, т. н. побочные издержки, связанные с трудом по эксплуатации труда, «не участвующие непосредственно в процессе производства», будут, без сомнения, оставаться необходимыми и при социалистических условиях хозяйствования. Утверждение Маркса о том, что «Если бы завтра эта фраза апологетов [о том, что предпринимательская прибыль есть плата за надзор] была всерьез осуществлена на деле и прибыль капиталистического предпринимателя была бы ограничена заработной платой за управление и руководство, то послезавтра наступил бы конец капиталистическому производству, присвоению чужого прибавочного труда и превращению этого прибавочного труда в капитал» (*т. 26, ч. 3, с. 368*), глубоко ошибочно. Ограничение доходов управленцев, особенно в коммерческой сфере, лишь зарплатой обязательно ведет к коррупции и/или злоупотреблениям. Эффективное «присвоение чужого труда» может осуществляться и самим государством, правда, полноценной предпринимательской деятельностью оно не в силах заниматься. Что же касается имманентного необходимого накопления капитала, то оно не прекратится никогда, даже если будет ликвидирован живой труд вообще.

Примечание. Тем не менее, трудно не согласиться с Марксом в том, что «в то время как прибыль (как предпринимательская прибыль, так и валовая прибыль [включающая процент]) пропорциональна величине затрачиваемого капитала, доля, идущая на оплату труда по надзору, обратно пропорциональна величине капитала, – она ничтожно мала у большого капитала и подавляюще велика у маленького капитала, т. е. там, где капиталистическое производство существует лишь номинально» (*т. 26, ч. 3, с. 368*). Если капиталист в своей деятельности не использует наемного труда, т. е. является лишь номинальным капиталистом, «То, что здесь выступает как прибыль, есть лишь избыток над обычной заработной платой, который получается как раз благодаря присвоению [этим мелким собственником] своего собственного прибавочного труда. Однако эта форма свойственна только тем сферам, которыми капиталистический способ производства реально еще не овладел» (*т. 26, ч. 3, с. 369*).

Блауг верно замечает, что, как правило, статистические и исторические данные использовались в «Капитале» не для подтверждения теоретических выводов, а для того, чтобы представить наглядную и убедительную картинку «ужасного» капиталистического общества. Более того, Маркс

никогда не стеснялся признать, что приводимые им данные имеют выборочный характер, т. е. они имеют целью скорее лишь проиллюстрировать выдвигаемый тезис, чем его обосновать. Но при этом – что следует особо отметить – этот его стиль оказывает сильнейшее воздействие на любого читателя. Создается совершенно предопределенное впечатление, будто описываемые обстоятельства – неизбежный продукт именно капитализма, а виновны в этом «проклятые капиталисты».

Однако уже рассуждения о рабочем дне приводят к вопросу, какие выводы допустимы в каждом отдельном случае из представленного материала. Ведь явно было абсурдным поверить, будто обстоятельства, описанные в исторических главах, отражают именно преступную беспредельную эксплуатацию, а не низкую производительность на душу трудоспособного населения в ранний период XIX века. Очевидно, что уровень жизни рабочего класса во время промышленной революции невозможно было бы поднять сколько-нибудь значительно даже путем уравнительного распределения доходов. Более того, даже если бы сейчас (т. е. начало XXI века) в таких развитых странах, как Великобритания или США, конфисковали весь доход с недвижимости и всю прибыль, все дивиденды и процентный доход и передали их рабочему классу, как представляется, зарплата и оклады увеличились бы не более, чем на 20–25 %, предполагая при этом, что объем выпускаемой продукции останется прежним.

Т. н. марксова доктрина абсолютного обнищания вовсе не означает и не влечет за собой с необходимостью падение реальной зарплаты. Но Маркс утверждает, что «реальная зарплата никогда не растет пропорционально увеличению производительной силы труда». При этом все его наглядные иллюстрации этого так называемого абсолютного всеобщего закона никак не доказывают, что этот закон действует. Вероятно, чувствуя, что обоснование ненадежно, он, как бы впрочем, говорит: «подобно всем другим законам в своем осуществлении он модифицируется под воздействием многочисленных обстоятельств, анализ которых сюда не относится».

Примечание. Маркс говорит: «Рост производительных сил вообще имеет своим следствием:

- а) что положение рабочего по сравнению с положением капиталиста относительно ухудшается и ценность наслаждений относительна. Ведь сами наслаждения суть не что иное, как социальные наслаждения, отношения, соотношения;
- в) рабочий становится все более односторонней производительной силой, которая производит в возможно меньшее время как можно больше. Искусный труд все более и более превращается в простой труд;
- е) заработная плата становится все более и более зависимой от мирового рынка, а положение рабочих все более неустойчивым;

d) в производительном капитале доля, приходящаяся на машины и на сырье, возрастает гораздо быстрее, чем доля, идущая на *approvisionnement* (поставку) рабочих. Увеличение производительного капитала, следовательно, не сопровождается соответствующим увеличением спроса на труд» (т. 6, с. 585).

Энгельс в своей работе «Англия в 1845 и 1885 годах» ставит правильные вопросы и достаточно откровенно на них отвечает: «Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельского населения (сельскохозяйственных рабочих), которое также все более и более вытеснялось теперь машинами. Длительное улучшение мы находим только в положении двух «привилегированных» категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие... Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года... Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики и их подручные, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они – хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным... Но что касается широкой массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности ее существования в настоящее время так же велика, как была всегда, если только не больше» (т. 21, с. 202). Вы только послушайте, кто тогда составлял «аристократию в рабочем классе»! Таким образом, выходит, что т. н. «широкой массой рабочих» являлись просто разнорабочие, подсобники, грузчики, чернорабочие и т. п. В таком случае нас вряд ли должна удивлять степень их нищеты и необеспеченности существования, тем более, в тогдашних описываемых Энгельсом условиях еще очень низкой производительности труда. В 1891 году Энгельс наконец приходит к выводу, что утверждать в абсолютной форме, что «Численность и нищета пролетариев все больше возрастают», нельзя, т. к. «это неверно». Но при этом он не может обойтись без того, чтобы не сказать идеологической чуши: «Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. Но что определенно возрастает, это необеспеченность существования» (т. 22, с. 233).

Прискорбно низкий уровень материального благосостояния большей части рабочего класса в лучшую пору промышленной революции

объясняется скорее родовыми муками индустриализации, чем именно только капиталистическими методами организации производства. По-видимому, подобным же образом в какой-то мере можно говорить и об отчуждении рабочих при капитализме, а именно – трагичное и депрессивное ощущение обособленности, самоотчужденности, бессилия и безысходности связано, несомненно, с необходимой иерархической структурой труда, а не только лишь с частной собственностью на средства производства. При этом Маркс, обвиняя капитализм во всех возможных грехах, к большому сожалению, никак не освещает вопрос о том, сможет ли будущий социализм в самом деле избежать всех этих бед и проблем.

Самым важным социальным эффектом развития современного капитализма неожиданно для коммунистов или адептов учения Маркса явилась депролетаризация всех слоев общества. Оказалось, что капитализм в конечном итоге «поднимает уровень жизни широких масс работников ручного труда на такую высоту, что они превращаются в буржуа и начинают мыслить и поступать как состоятельные бюргеры. Стремясь сохранить достигнутый уровень жизни для себя и для своих детей, они занимаются контролем рождаемости. По мере распространения и развития капитализма контроль рождаемости становится всеобщей практикой. Таким образом, переходу к капитализму сопутствуют два явления: снижение и рождаемости, и смертности. Средняя продолжительность жизни становится больше» (Мизес, *«Человеческая деятельность»*, с. 508).

§ 54. МАРКС КАК ЭКОНОМИСТ

Трудно не согласиться с Марком Блаугом, который в своей работе «Экономическая теория марксизма» говорил о Марксе как экономисте и его учении примерно следующее.

В своем несомненном умении доводить свою экономическую аргументацию до ее логического завершения, в виртуозной способности делать ее максимально убедительной Маркс, кажется, был непревзойденным. Но правда, чтобы быть значительным ученым-экономистом, надо иметь нечто большее, чем только способность делать красивыми и удивительно убедительными отвлеченные дедуктивные выводы. Маркс обладал еще, конечно, и другими характерными позитивными качествами исследователя. Он явно не был лишен «чувства взаимосвязи между различными аспектами экономической деятельности, сознание постоянного взаимодействия между исторически обусловленными институтами и

воплощенными в них структурами характеристиками определенной экономической системы, а также склонности к эмпирическим обобщениям, основанным на близком наблюдении экономической жизни».

Блауг прав: «Маркс нередко допускал логические ошибки, искажал факты, делал необоснованные выводы из исторических данных и едва ли не умышленно закрывал глаза на слабые места в своем исследовании. Как представляется, все это объясняется тем, что он поставил перед собой неразрешимую задачу и результаты своих исследований подгонял под уже нужный, свой результат». Теория прибавочной ценности Маркса явно несостоятельна в действительности и лишь в самом лучшем случае имеет какое-то локальное, крайне обусловленное значение. Естественно, нет ничего такого, что может нас убедить или заставило бы нас поверить, будто любой рабочий с одной и той же квалификацией создает одинаковую сумму прибавочной стоимости независимо от того, с каким оборудованием он работает или какого рода продукцию он производит, работает ли он в нормальных для труда условиях или только до рабочего места добирается полдня, ну и т. п. Вполне очевидно, что «Даже, если все рабочие получают одинаковую зарплату, они не производят товаров и услуг в одинаковом денежном выражении. Если мы допустим, что названные различия в денежной оценке товаров, некоторым образом отражают различия в прямых и косвенных затратах труда на производство этих продуктов, и что аналогичное правило применяется для денежной оценки жизненных средств, то при этом все еще нет никаких оснований поверить в то, что рабочий в отрасли, выпускающей зубочистки, работает такое же количество часов в день для того, чтобы получить эквивалент своей зарплаты, что и рабочий в сталелитейной отрасли. А если мы отказываемся от предположения относительно одинаковой нормы прибавочной стоимости по всем сферам занятости, все “здание”, возведенное Марксом, рухнет до самого своего основания!»

Вполне обоснованно Блауг заявляет: «Уловка, которая делает марксистскую критику политической экономии интригующей и привлекательной, если ее воспринимать не критически, заключается в “двухэтажном” доказательстве. Если “первый этаж” его конструкции – видимый мир цен, зарплаты и нормы прибыли, и есть “подвальный этаж” этой конструкции – ненаблюдаемый мир трудовой стоимости и прибавочной стоимости. Дело не только в том, наблюдаем ли этот мир, а в том, что экономические агенты “первого этажа” ничего не знают о мире в “подвале”». Здесь, по-видимому, уместно вспомнить завет Оккама – «сущности не следует умножать без необходимости».

Если мы отказываемся от совершенно произвольного предположения об одинаковой норме прибавочной стоимости, приходящейся

на одного рабочего, что тогда на самом деле остается от марксистской политической экономии? Все, что остается (и здесь трудно не согласится с мнением Блауга), – это образ или представление экономики как панорамы величественных движущих сил, относящихся к долговременной эволюции экономических систем. «Именно это, и еще тьма бессвязных, но, тем не менее, замечательных примеров и метафор проникновения в природу технического прогресса, экономических циклов и феномена безработицы». Кстати, здесь нужно напомнить, что классики подчеркивали первичность своих экономических постулатов по сравнению со своими иными изысканиями в области философии, истории, социологии, политологии и т. п. Таким образом, если марксова критика политической экономии не вполне обоснована или ложна, то рухнет так или иначе и все его учение!

Любопытный факт: после 1865 г., т. е. в последние 18 лет своей жизни, Маркс уже не возвращался к своей работе над 3 томом «Капитала». Трудно однозначно с уверенностью сказать, хотел ли он после издания своего первого тома «Капитала» издать его продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда все-таки своим преемникам, уже как бы не неся за это личной ответственности.

§ 55. О ДОПОЛНЕНИЯХ К «КАПИТАЛУ» ЭНГЕЛЬСА

Энгельсом в мае-июне 1895 г. были написаны «ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ “КАПИТАЛА”», где он сказал, что при издании «Капитала» «моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст» (*т. 25, ч. 2, с. 461*). Тем не менее, Энгельс решил все-таки «сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым» (*т. 25, ч. 2, с. 462*).

Первым таким пунктом, по мнению Энгельса, является следующее: «В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнять два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции». При обсуждении этого пункта Энгельс сразу же оговаривается: «Не будем пока касаться

утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении г-на Лориа, что «ценность есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже само понятие совокупной ценности товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.». Приводя свои контраргументы, Энгельс исходит из нелепого и ничем не обоснованного допущения Маркса о том, что «при нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются» (*т. 25, ч. 2, с. 464*). Поэтому повторять их сейчас нам нет никакого смысла.

Далее Энгельс говорит о Зомбарте, который «исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость – не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в конечном счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; по поводу такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком обще, ему можно придать более определенную, более точную формулировку; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона» (*т. 25, ч. 2, с. 468–469*).

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что Энгельс (довольно неожиданно) не отвергает с порога довольно взвешенную и осторожную позицию Зомбарта, а лишь указывает на то, что это «понимание» якобы не исчерпывает «всего значения закона стоимости», хотя, по всей видимости, оно скорее вообще отвергает реальное или эмпирическое значение закона стоимости или ТТС. Нам же для себя здесь следует отметить, что период, когда «общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия» и/или дана «в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями», исторически ограничен. Доминирующая роль физического труда в экономике, по всей видимости,

достигла своего максимума с концентрацией крупного машинного производства. Развитием этого производства она, судя по всему, и ограничена.

Энгельс так же отмечает «превосходную статью» Конрада Шмидта о III томе «Капитала». По его мнению, «В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор даже не ставился экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает, скажем, 10 % или 15 %, а не 50 % или 100 %? С тех пор, как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого проистекает прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собой». Но Энгельсу, конечно, не нравится то, что «Шмидт прямо объявляет закон стоимости в рамках капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой». Он указывает на то, что это понимание «совершенно неверно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой» (*т. 25, ч. 2, с. 469*).

При этом Энгельс делает весьма двусмысленное заявление, что как Зомбарт, так и Шмидт «не обращают должного внимания на то, что здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей» (*т. 25, ч. 2, с. 469*). По его мнению, «Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в “Капитале”» (*т. 25, ч. 1, с. 192*): «Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или – при равенстве их величин – на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости» (*т. 25, ч. 2, с. 470*).

Итак, действительно, если товары обмениваются как продукты капиталов, а не как продукты труда, то каков же тогда изначальный или фундаментальный смысл ТТС или закона стоимости? С другой стороны, не абсурдно ли в этих обстоятельствах вообще вспоминать и вести какую-то речь об абстрактной «прибавочной стоимости», если товары обмениваются не в соответствии с их трудовой стоимостью? Ведь капиталы на самом деле претендуют на равное участие в совокупной массе именно прибыли, а не в неопределимой прибавочной стоимости.

Вслед за уже указанными неоправданными изначальными допущениями Энгельс прибегает еще к одному, вероятно самому основному у Маркса, – об измеримости и сопоставимости различных видов труда.

Ложность этого допущения сводит на нет все политэкономические рассуждения, гипотетические предположения и абстрактные построения всех апологетов политэкономического учения Маркса. Итак, уже сразу изначально: «Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собой». Бог даже с тем, что рабочие как бы «владеют средствами производства», но допущение, что они работают «в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью», искусственно, ложно и/или совершенно неадекватно действительности. Особенно умиляет «одинаковая интенсивность», например, электрика, токаря фрезеровщика и шахтера. Очевидно, что интенсивность труда рабочих разных специальностей, возраста и квалификации в течение одинакового времени в принципе несопоставима.

Таким образом, в принципе нет и не может быть таких условий, при которых «двое рабочих присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости». Допущение того, что продукт каждого из них может «иметь различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства», в данном случае лишь вносит дополнительную сложность. Следовательно, и вывод о том, что «двое рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной ими “постоянной” части стоимости, получили бы равные по величине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, – что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, – было бы у обоих различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством» (*т. 25, ч. 2, с. 470*), совершенно ложен, нелеп и ничем не оправдан, т. к. в реальности «двое рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной ими “постоянной” части стоимости» практически в любом случае, неминуемо получили бы разные по величине стоимости. Таким образом, и пресловутый лозунг «каждому по труду» вне оценки затрат труда на рынке в принципе адекватно практически невыполним. Понятно, что это высказывание – удар прямо в сердце всякого коммуниста, но ничего не поделаешь, такова суровая реальность.

Справедливость всегда исторически обусловлена. Классики, конечно, «догадывались» об этом, поэтому и оговаривают, что обмен товаров и объективно может осуществляться все-таки лишь «приблизительно по их стоимостям». Таким образом, и указание на то, что обмен товаров по их стоимостям требует «гораздо более низкой ступени, чем обмен по

ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития», или на то, что «стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как предшествующее цен производства» (т. 25, ч. 2, с. 470), в конечном итоге оказывается совершенно ничем не оправдано.

Вообще, классики считали, что «развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины» (т. 25, ч. 2, с. 471). Энгельс дает вполне развернутое пояснение генезиса их представления об обмене товаров в соответствие с их трудоемкостью или трудовой стоимостью.

Примечание. Классики исходят из того, что первоначально «семья или семейная группа в основном ведет натуральное хозяйство». Поэтому «То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же, как и портной или сапожник... Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд – и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подводящим мерилom у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно nonsensical. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (заметим хорошенько: в формулировке Маркса! – Ю. М.) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой – она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными. То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников» (т. 25, ч. 2, с. 471–472).

Исходя из данного пояснения, получается следующее.

1. В средневековье или в тот исторический период, когда всем «было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов», получаемых в обмен, лишь и становится возможным обмен в соответствии с трудоемкостью или трудозатратами, необходимыми для изготовления товара. При этом вывод о том, что «рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подводящим мериллом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немислимо», кажется уже несколько избыточным.

2. Кажется как бы вполне возможным и допустимым то, что для всего периода именно «крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда». Но разве даже это косвенно уже не указывает на возможность обмена не в соответствии с подразумеваемыми трудозатратами вне крестьянского натурального хозяйства или оседлого земледелия, например, среди кочевников или охотников?

3. Поэтому положение о том, что «С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (заметим хорошенько: в формулировке Маркса! – Ю. М.) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой – она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными», кажется абсурдным или ложным. В самом деле, сам факт проникновения денег в процесс обмена необходимо разрушает натуральное хозяйство и увеличивает значение и роль рыночных механизмов в экономике, суть которых заключается в оценке соотношения спроса и предложения, практически никак не зависящего от трудоемкости или трудовой стоимости представленных на обмен товаров. Таким образом, напротив, неизбежно должна проявляться тенденция к нарушению даже предполагаемого «соответствия с законом стоимости», вмешательство же «ростовщического капитала и фискальной системы» как бы уже закрывают саму возможность такого даже примерного «соответствия» в принципе. Периоды, в которые цены в среднем могли даже как-то и приближаться к предполагаемой гипотетической стоимости, должны были становиться все более короткими и случайными.

В конечном итоге с утратой возможности «довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени» и т. д. должна была неизбежно исчезать сама возможность обмена в «соответствии с законом стоимости».

Указание на то, что в ранние исторические периоды обмен по количеству затраченного труда, определяемого «хотя бы косвенно и относительно», и продуктов, «требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным объемом продукции, например для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать», осуществлялся «очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей», не может не умилять своей наивностью. Дело в том, что этот т. н. «длительный процесс приближения... ощупью», есть не что иное, как уже рыночный процесс, регулируемый соотношением спроса и предложения и субъективными оценками обмениваемых товаров. При этом, естественно, всегда есть «необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки», правда, она не во всех случаях удовлетворяется. По мнению Энгельса, неизменяющийся характер производства большинства предметов на протяжении столетий делал возможным и облегчал задачу осуществления обмена в соответствии со стоимостью.

Примечание. Более того, он полагал: «Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров достигла фиксации, относительно необычной и бесспорно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное, были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или другой народ, – например русские и восточные народы, – тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта» (*т. 25, ч. 2, с. 473*).

Исходя из определения стоимости рабочим временем, классики полагают, что с развитием производительных сил развиваются и «многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости», «стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых только труд и является создателем стоимости». Продолжая, Энгельс говорит, что «эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к метал-

лическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилom стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости» (т. 25, ч. 2, с. 474).

Это, как кажется, довольно парадоксальное высказывание удивляет буквально уже с первых слов. Ведь «из природы товарного производства» вытекает прежде всего то, что оно ориентируется на рынок или спрос, а в результате товарно-денежного обращения «определение стоимости рабочим временем» утрачивает вообще всякое возможное свое значение, т. к. деньгами изначально выражаются именно цены товаров, а не гипотетические абстрактные стоимости. Постоянно растущее разнообразие товаров, невозможность даже примерно определить их трудоемкость, а также узнать или представить объективную стоимость или цену самих драг. металлов в виде денег как продуктов необходимо приводит к тому, что деньги изначально служили представителем абсолютной ценности, а не стоимости.

Еще более удивляет и даже обескураживает следующее утверждение Энгельса, которое явно противоречит всему выше им же сказанному: «Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, – поскольку вообще имеют силу экономические законы, – для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до

XV столетия нашего летосчисления» (т. 25, ч. 2, с. 474–475), т. к. если даже и допустимо согласиться с каким-то значением закона стоимости или с обменом согласно сравнения необходимых затрат, то только для локальных специфических сфер обмена, ограниченных исторических периодов и между сугубо традиционными натуральными хозяйствами. Чем большее значение приобретают товарно-денежные отношения, тем меньше остается возможности для такого обмена на практике.

Энгельс отмечает возрастающее значение купца с «превращением простого товарного производства в капиталистическое товарное производство». Первоначально «купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и все его современники». Энгельс поясняет, что во времена, когда «В деревне господствовала выросшая на основе первобытного коммунизма община-марка... По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами... То же относится к горной промышленности, где каждый пай гарантировал также равное участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю». Здесь нужно подчеркнуть, что так же, как и традиционные натуральные хозяйства, поначалу «они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен!» (т. 25, ч. 2, с. 475–476).

Принципиально важным, согласно логике Энгельса, является то, что здесь мы якобы «впервые сталкиваемся с прибылью и нормой прибыли. А именно – стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. Каждый венецианец в странах Леванта, каждый ганзеец в северных странах платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его “нации”. Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распреде-

ление прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и пользование правами в марке, пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая. Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма» (*т. 25, ч. 2, с. 477*). При этом отмечается, что «эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока», т. к. прибыль в связи с большими и трудно предсказуемыми рисками в то время в торговом деле «должна была включать высокую страховую премию». «Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли» (*т. 25, ч. 2, с. 477*). «Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли... имела силу лишь в пределах данных товариществ... и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта... Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем – при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации... Далее должно было последовать постепенное выравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями... Последовавшее затем внезапное расширение рынков сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не вызвали на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли... Но теперь уже... богатства накапливались в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что вскоре отдельные купцы могли тратить на торговые операции столько же средств, сколько раньше расходовало целое общество... торговые товарищества уступали место торговой деятельности отдельного купца, и вместе с тем выравнивание норм прибыли все больше и больше становилось исключительно делом конкуренции» (*т. 25, ч. 2, с. 477–479*).

Энгельс подчеркивает и то, что «до сих пор имелся только торговый и ростовщический капитал, поскольку промышленный капитал еще не

получил развития. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке» (т. 25, ч. 2, с. 479). Но исходя из выше всех здесь уже приведенных пояснений самого Энгельса, по его же логике в соответствии с ТТС не имеет никакого значения, кому именно принадлежат средства производства, главное, чтобы был прибавочный труд. Ясно, что если есть прибавочный труд, то будет и прибавочный продукт или прибавочная стоимость. Экономическое значение или смысл капитала не меняется и не может меняться в зависимости от того, кому именно он принадлежит.

По логике ТТС дань, уплачиваемая феодалу в натуральном виде и в нормальных условиях, должна представлять собой не что иное, как часть прибавочного продукта крестьянина. Тем не менее, такое понимание почему-то совершенно неприемлемо в рамках марксовой парадигмы. Поэтому, по мнению Энгельса, «торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов» (т. 25, ч. 2, с. 479).

Примечание. Энгельс говорит: «Только в конце этого периода... иностранная конкуренция и затруднения со сбытом могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу во внешней и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно иными нормами прибыли... Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал» (т. 25, ч. 2, с. 479). Это, кажется, в некоторой степени поясняет ход мысли Энгельса по данному поводу – в его представлении товары обычно всегда обменивались согласно их стоимости, но в последующем из-за возможности продавать их ниже стоимости как бы впервые возникает отклонение величины рыночной цены от трудовой стоимости. Интересно заметить, что отклонение рыночной цены от стоимости у него впервые происходит именно в меньшую сторону, как и нужно для ТПС.

«Начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности» (т. 25, ч. 2, с. 479). Любопытно, что инициатором его формирования выступили именно купцы, они же

фактически и стали первыми промышленниками-капиталистами: «В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, – короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого раздатчика» (т. 25, ч. 2, с. 479–480). Именно здесь, по мнению Энгельса, возникают «первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости». Оставляя в стороне горные промыслы из-за «их замкнутого монополично-корпоративного характера», Энгельс говорит о судоходстве – «очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д.». Таким образом, он невольно сам свидетельствует о том, что, например, в стране, в которой имеется или осуществляется судоходство, но нет никакого производства несмотря на то, что нет никакой прибавочной стоимости, все равно есть прибыль от услуг судоходства.

Интересно и то, что Энгельс согласен с тем, что «Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для данной местности, сведена к приблизительно средней норме». Т. е. до, так сказать, появления прибавочной стоимости и/или независимо от ее наличия в экономике средняя норма прибыли уже, оказывается, была и выполняла свою регулирующую роль. Более того, он даже задается правильным вопросом: «Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика?» и отвечает на него совершенно верно: «Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене». Но вот уже следующее его утверждение далеко не так бесспорно: по мнению Энгельса, вместо того чтобы, как обычно, покупать готовую продукцию, «Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярную работу, он мог вместе с тем настолько понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли».

Разве корректно в данном случае говорить о понижении зарплаты, если в этом производстве – на давальческом сырье – средства производства принадлежат работягам? Фактически речь может идти лишь о понижении цены производства за счет снижения издержек (цены на сырье и посреднических издержек), с другой стороны, просто о увеличении получаемой им до сих пор именно торговой прибыли за счет снижения закупочных цен. Ведь впервые были вынесены «на рынок товары, произведенные непосредственно за счет капиталиста, создав этим конкуренцию

товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника». Вероятное применение купцом своего добавочного капитала в производстве, по существу, здесь ничего не меняет, а лишь лишний раз подтверждает, что в величине получаемой им прибыли предполагаемая прибавочная стоимость как минимум не имеет определяющего значения.

Возникновение мануфактуры было действительно дальнейшим шагом к доминированию промышленного капитала, но по существу продолжало решать по-прежнему ту же самую задачу – «производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников» и «продавать дешевле своих конкурентов, пока новый метод производства не станет всеобщим и снова произойдет выравнивание прибылей» (т. 25, ч. 2, с. 482). Энгельс, конечно, прав в конечном итоге: «Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую» (т. 25, ч. 2, с. 482).

Здесь же, продолжая, Энгельс довольно ловко и лихо делает вывод о том, что «вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства». Ведь, строго говоря, исходя из всего того, чему он сам выше учил, допустимо лишь то, что исключительно только в локальной производственной сфере могла производиться продукция, цена которой была условно близка ее трудовой стоимости. Процесс же обмена в целом как осуществлялся согласно рыночным ценам до машинного производства, так и продолжался далее. Указание на «то, обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень» (т. 25, ч. 2, с. 482), к сожалению, ничего не добавляет к пониманию генезиса общей средней нормы прибыли и не показывает прибавочную стоимость как ее первопричину.

В конечном итоге согласно логике самого Энгельса получается, что «капиталистический производитель» как бы в любом случае изначально мог рассчитывать на получение обычной для его местности нормы прибыли, «которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникла из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то

есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли» (*т. 25, ч. 2, с. 483*). Это заявление Энгельса ну уже просто «наповал валит» – ведь совершенно очевидно, что если норма прибыли «первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости», то еще меньше она его может иметь в дальнейшем, с углублением разделения и специализации труда, с дальнейшим развитием рынков, международной торговли и всеобщей конкуренции. Наконец, какое отношение прибавочная стоимость может иметь к общей средней прибыли в условиях развитого фондового рынка или работы биржи? Сам Энгельс еще в свою бытность отметил, что уже аж с 1865 года «наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение – как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства» (*т. 25, ч. 2, с. 484*). Отсюда, как он верно отмечает, и тенденция превращения не только промышленности, но и предприятий всех отраслей хозяйствования (банков, торговли, сельского хозяйства, транспорта) в акционерные общества. Даже колонизация и «приложение капитала за границей – все в акциях».

§ 56. «КАПИТАЛ» МАРКСА И СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ КАПИТАЛИЗМА

«Надеюсь теперь, через несколько месяцев, закончить его, наконец, и нанести буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится» (*К. Маркс, т. 31, с. 354*).

Маркс утверждает: «Процесс производства есть не только процесс производства потребительных стоимостей (вещей) и товаров, но и процесс производства и воспроизводства общественных отношений, производительных отношений, при которых воспроизводятся потребительные стоимости (эти вещи) и товары» (*т. 48 с. 115*). Говоря же о причинах возможного экономического упадка и/или роста в современном для него мире, Маркс указывает на то, что «Общим законом, обуславливающим эти изменения – как упадок, так и рост, – является тот самый закон, который распространяется на современную промышленность во всех ее отраслях, а именно, закон концентрации» (*т. 12, с. 194*). В другом месте он как бы дополняет сказанное: «Почти каждый торговый кризис в наше

время связан с нарушением надлежащей пропорции между свободным и закрепленным капиталом» (*т. 12, с. 34*). При этом Маркс почему-то не упоминает обратное влияние идей и отношений в социуме на сам процесс производства.

Эпигоны-марксисты настаивают на том, что в «Капитале» были раскрыты некоторые исторические тенденции капиталистического способа производства: всеобщий закон капиталистического накопления, закон тенденции нормы прибыли к понижению, процесс отделения капитала собственности от капитала функции и т. д. Маркс же видел решение методологической проблемы совмещения в политэкономии аспектов функционирования и развития капиталистического способа производства, в том:

1) что все ее категории суть категории специфические и исторические, т. е. соответствующие капиталу, развивающемуся на своей собственной основе;

2) что исследование процессов накопления и расширенного воспроизводства выявляет активные исторические тенденции развития буржуазного общества, устанавливает присущий только ему «экономический закон движения».

Примечание. С точки зрения некоторых апологетов марксового учения, только Кейнс и Шумпетер предложили собственный вариант решение этой проблемы и то лишь в середине XX века.

Проблема теоретического осмысления перерастания одной стадии капитализма в другую привела одного из японских ревизионистов – Кодзо Уно к своеобразному представлению о предмете теории т. н. «чисто капиталистического общества» и теории «стадий». По мнению адептов-марксистов, эта проблема имеет важное теоретическое и политическое значение.

1. Не отменяют ли вновь возникшие или возникающие закономерности, до неузнаваемости изменившие облик буржуазного общества за последние 100–150 лет, фундаментальных законов, открытых Марксом? Если ответ отрицательный, то тогда получается, что на нынешней стадии развития капитализма именно прибавочная стоимость, производимая всем капиталом, независимо от его размеров и сферы приложения, а вовсе не сверхприбыли в военных отраслях или неэквивалентный обмен является первоосновой развития капиталистического общества, а значит, современный капитализм, не поступаясь своими главнейшими приоритетами, в состоянии освободиться от милитаризма, он может экономической системой может обойтись без неокOLONIALИЗМА и без неэквивалентного обмена с третьим миром, чреватого непредсказуемыми последствиями.

2. Без выяснения этой проблемы не может успешно решиться вопрос и о соотношении общекommунистических начал, принципов и стадийных особенностей развивающегося социализма.

При этом они «мужественно» признают, что до последнего момента ответов на эти вопросы у них нет.

Примечание. Кодзо Уно выдвинул тезис о том, что Маркс фактически не осознал адекватно значения сделанного им. По его мнению, во времена Маркса генеральная тенденция развития общества заключалась в «приближении капитализма к его чистому виду». Поэтому автор «Капитала» не мог не считать, что стадия свободной конкуренции является высшим и последним этапом капиталистической общественной формации, а потому якобы и не видел необходимости в разграничении «теории чисто капиталистического общества» и «теории либеральной стадии». После того как Ленин ввел понятие «стадии» (империализм), и возникла, полагает Уно, необходимость в том, чтобы очистить теорию капитализма вообще, изложенную в «Капитале», от наслоений конкретного исторического порядка. Т. е. доктрина Уно требует отделения чистой теории (теории чисто капиталистического общества) от теории стадий (определения стадийных черт собственно капиталистического развития).

У Кодзо Уно «чистый капитализм», естественно, всего лишь теоретическая абстракция. Уно совершенно верно замечает, что категории «Капитала» различаются по степени конкретности, с какой они описывают внутреннюю структуру капиталистического способа производства. В этом смысле наиболее абстрактные, т. е. «бедные» в содержательном отношении категории, более стабильны, менее подвижны, чем категории более конкретные, они обладают меньшей изменчивостью на всем протяжении истории. Но можно ли на этом основании разложить категории и законы, сформулированные в «Капитале», на два независимых ряда: теорию чисто капиталистического общества и теорию капитализма в свободной конкуренции, с тем, чтобы сохранив первый ряд, отбросить второй, поставив на его место, например, теорию империалистической стадии? И не противоречил ли бы такой подход верному тезису Кодзо Уно о саморазвитии, самодвижении самого-по-себе предмета – капиталистического способа производства, как источника теоретического знания его законов?

Адепты-марксисты на первый из сформулированных вопросов дают отрицательный ответ, тогда как на второй – положительный. Т. к. наиболее абстрактные категории имеют конкретное историческое наполнение лишь при определенных общественных условиях. Ведь Маркс подчеркивал и всегда исходил из того, что имеет дело не с отдельными изолированными категориями, а с односторонними моментами системы экономических отношений: «мы исходим из товара как наиболее общей

категории буржуазного производства. Такой всеобщей категорией он становится лишь в результате изменений, которому под воздействием капитала подвергается сам способ производства» (т. 47, с. 324). Т. е. он исследовал не товар как таковой, а товар как элементарную форму богатства именно буржуазного общества, не процесс труда вообще, а процесс труда как лишь момент процесса созидания стоимости и прибавочной стоимости, не земельную ренту саму по себе, а именно капиталистическую земельную ренту. Руководствуясь тем, что «как в действительности, так и в голове субъекта – здесь у нас современное буржуазное общество – есть нечто данное, и что категории выражают поэтому форму наличного бытия, определение существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта» (т. 46, ч. 1, с. 43).

Примечание. Ср. с позицией Гегеля по этому поводу.

Таким образом, получается, что, произвольно разделив систему категорий капитала, мы можем в ученических целях ее препарировать, но одновременно при этом лишим ее всякой жизни. Человеческое общество, в том числе и буржуазное, – живой организм, и его физиологию нельзя вполне постичь, действуя только лишь методом расчленения или ампутации.

Кодзо Уно вольно или невольно подменяет предмет исследования Маркса неким капитализмом вообще. Но капитализм вообще – это умозрительная конструкция, которая существует только лишь в мышлении, но не на практике в реальности. Уно, дополняя свою теорию «чистого капитализма» двумя другими разделами: теорией стадий (где, как он полагает, должны быть выяснены особенности «меркантилистской», «либеральной» и «империалистической» стадий развития капитализма) и эмпирическим анализом конкретных экономических ситуаций, стремится перекинуть мостик к действительности. Внешне в этой триаде выглядит все стройно и органично, однако, по мнению апологетов учения Маркса, в действительности органичной связи между отдельными ее звеньями не получается. Не получается, т. к. исходным пунктом выступает абстрактно-общее – «капитализм вообще» – понятие, лишенное реального самостоятельного существования.

Примечание. Здесь, по-видимому, следует обратить внимание на близость этой концепции чисто капиталистического общества в методологическом плане учению Макса Вебера об «идеальных типах».

По-видимому, найти внутренний именно необходимый переход от чистой теории к характеристике той или иной стадии при очерченном выше понимании предмета теории «чисто капиталистического общества» корректно все-таки невозможно. Сэкинэ по этому поводу правильно

пишет: «стадии развития капитализма не могут быть вполне объяснены на основе одной только диалектики капитала».

Примечание. По мнению эпигонов-марксистов, невозможность, да и отказ от проверки своей теории практикой оказывается одним из самых уязвимых мест концепции Уно. Любопытно, что они при этом по той же самой причине не хотят видеть или не видят множества уязвимостей всей теории Маркса.

Далее Сэкинэ поясняет, что движение товарной экономики в направлении ее становления эффективной целостностью «само по себе не определяет технологических особенностей организации экономической жизни, которые и формируют исторические стадии капитализма. “Неспособность” твердо придерживаться логики чисто капиталистического общества ставит пределы экономической теории. Стадиальные характеристики капиталистического развития, иными словами, не следует прямо выводить из логических категорий экономической теории; эти характеристики образуют некий “тип”, который является посредствующим звеном между экономической теорией и историческими случаями капитализма». Но так ли это?

Без сомнения, Сэкинэ, конечно, прав, и притом по совершенно принципиальным основаниям. Научные открытия, новые изобретения и технологии оказывают колоссальное влияние на способ производства, при этом они практически никак не зависят и не выводятся из логических, в том числе и т. н. диалектических категорий экономической теории. Эпигоны же, естественно, не согласны с его позицией, ведь Маркс именно благодаря исследованию внутренней диалектики капитала или, точнее, капиталистического способа производства, якобы сумел показать обратное тому, что утверждает Сэкинэ. А именно, апологеты учения Маркса убеждены и/или верят, что в ходе исследования производства относительной прибавочной стоимости Маркс якобы доказал, что тот или иной технологический способ производства есть по существу метод производства относительной прибавочной стоимости (т. к. утверждение последнего диктуется прежде всего потребностями самовозрастания капитала). Эта обратная зависимость развития производительных сил предметно проанализирована Марксом применительно к современному ему состоянию способа производства в связи только лишь с рассмотрением формального и реального подчинения труда капиталу.

Очевидно, что Маркс при всей его любви и вере в науку все-таки недооценивал самостоятельное и сингулярное влияние науки и технологий на способ производства. Эта его недооценка, конечно, обусловлена достаточно примитивным уровнем развития тогдашних производительных сил. Совершенно ясно, что тот или иной технологический способ произ-

водства вовсе не диктуется прежде всего именно только потребностями самовозрастания капитала. Потребности самовозрастания капитала, конечно, предполагают прогресс технологий и способа производства, но фактическое появление и становление новой технологии (или нового способа производства, основывающегося на новых технологиях) напрямую зависит от развития прежде всего науки и роста вообще человеческого знания (таким образом, Карл Поппер совершенно прав, когда так определяет исторический прогресс). Научные знания, несмотря на всю свою кажущуюся системность и преемственность, характеризуются очевидной творческой интуицией и/или сингулярностью рождения «нового». Тем не менее, и здесь важно это отметить, Маркс и его соратник еще в 1850 году не только осознавали, но и настаивали на том, что точно так же, как был уничтожен рабовладельческий труд, когда-то «будет уничтожен и наемный труд... раз он не только перестанет быть необходимой формой для производства, но даже превратится в его оковы» (*т. 7, с. 458*).

Как это ни удивительно, но Марксом еще в 1853 году рассматривались гипотетические условия, при которых «автоматические машины давали бы... возможность получать ту же сумму чистого дохода, которую сегодня создает население. И в самом деле “национальное богатство”, являющееся здесь лишь грамматическим понятием, в данном случае нисколько бы не уменьшилось» (*т. 8, с. 566*). Таким образом, выходит, что вовсе не всякий технологический способ производства обязательно является или должен быть по существу методом производства относительной прибавочной стоимости. В конце концов, Маркс был уверен, что «производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. развитие богатства человеческой природы как самоцель» (*т. 26, ч. 2, с. 123*).

Глава 10.

КРИТИКА ЗАКОНА СТОИМОСТИ МАРКСА БЕМ-БАВЕРКОМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Материалы по критике учения Маркса прежде всего включают в себя критику ТТС и ТПС Бем-Баверком. В последующих 11 и 12 главах дополнительно будет уделено внимание работам Блауга и Мегилла, а также позиции современных адептов и/или апологетов Маркса. Эти дополнительные материалы в основном представлены интерпретирующими конспектами и иногда даже компиляциями отдельных мест из работ указанных критически мыслящих авторов.

Нужно с самого начала обратить внимание на то, что Бем-Баверк, умышленно или нет, в своей работе как бы манипулирует словами «стоимость» и «ценность». К сожалению, не владея немецким языком, невозможно хоть как-то осмыслить эту терминологическую путаницу в его трудах. В нашем понимании в советских изданиях работ Маркса и Энгельса совершенно оправданно употребляется термин «стоимость», который вполне уместно отличает марксову терминологию от иной классической политэкономии, т. к. «стоимость» у Маркса – это, конечно, почти ни в коем случае не «ценность», например, в понимании того же Бем-Баверка. К огромному сожалению, эта терминологическая путаница иногда приводит к весьма серьезным затруднениям в анализе и трактовке его критики позиции Маркса. Вполне вероятно, что наша довольно вольная интерпретация «Критики учения Маркса» Бем-Баверком со многих точек зрения будет признана далекой от аутентичной. Но в данном контексте нас лишь в последнюю очередь интересует точность ее описания. Главной целью нашей работы является аргументированная критика прежде всего учения самого Маркса. Следует заранее сразу оговориться: в подавляющем большинстве случаев невозможно не поддержать критику учения Маркса Бем-Баверком. Поэтому, несмотря на то, что мы выше уже, вероятно, касались всех или почти всех основных аспектов возможной критики учения Маркса, счи-

таем уместным здесь как бы повторяясь, вернуться к их рассмотрению, только уже как бы под углом зрения Бем-Баверка. На всякий случай еще нужно заметить, что Бем-Баверк, к огромному сожалению, не был знаком с 4 томом «Капитала», по крайней мере на момент публикации своей работы «К завершению марксистской системы» (1896 г.), а 4 том был впервые опубликован в 1905–1910 годах Карлом Каутским.

§ 1. ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ МАРКСА И САМЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ХОДА ЕГО МЫСЛЕЙ

«...научным следует признавать лишь то, что есть, а не исходить из того, что должно быть или что хотелось бы»
(Х. Гадамер, «Истина и метод», с. 586).

По мнению Бем-Баверка, учение Маркса уже в самых своих основах отличается множеством логических противоречий всякого рода, а неадекватность его изначальных допущений и догматических утверждений наблюдаемой реальности просто очевидна. Диалектическая аргументация Маркса (следует заметить, естественно, как и Гегеля), как мы уже обнаружили, отнюдь не обладает повсеместно безусловно бесспорной силой и ясностью.

Примечание. Скорее всего, сам диалектический метод может быть как-то приемлем и/или корректен вообще лишь в рамках только самой гегелевской системы.

Бем-Баверк «зрит в корень», когда говорит, что основаниями марксовой т. н. «научной» системы является его понятие стоимости и его закон стоимости. Совершенно очевидно, что невозможно вполне адекватно исследовать учение Маркса в целом, не разобравшись с его трактовкой закона стоимости, или ТТС.

Заметим, что, судя по всему, Мегилл был не прав, когда говорил, что «можно даже предположить, что в очень долгосрочной перспективе марксова теория трудовой стоимости вполне может оказаться верной». ТТС Маркса если и верна, то имеет только некое очень локальное, ограниченное значение (или точнее – она может быть верна только в очень специальных узких условиях). По мнению Бем-Баверка, она не может носить всеобщий характер, по крайней мере уже только из-за того, что ограничивает свою сферу ценностей лишь товарами, имеющими трудовую составляющую. Хотя, как нам кажется, она скорее неоправданно растягивает значение сферы, представленной товарами, имеющими трудовую составляющую или стоимость (т. е. производственную сферу) на всю экономику или на абсолютно все товары и услуги.

Примечание. С другой стороны, наверное, допустимо предположить, как говорили Мегилл и некоторые современные поклонники Маркса, что отдельные элементы футурологического проекта Маркса вполне возможно будут действительно когда-то реализованы на практике. Когда в результате роботизации и автоматизации, создания сверхмощного искусственного интеллекта, удастся наконец отказаться от необходимости живого труда человека. Когда будут преодолены основные формы разделения человеческого труда как основополагающего фактора функционирования экономики. Когда, возможно, будут открыты возможности использования «неограниченных» энергетических источников, синтезирование дефицитных или ограниченных естественных ресурсов. Когда в силу радикального увеличения продолжительности человеческой жизни будет достигнуто некое разумное ограничение «желаний» человека. И т. д., и т. п. Возможно, когда-нибудь, в некие иные времена, будут действительно осуществлены задачи некоего достаточно разумного планирования и управления производством и обществом, необходимые для его почти «бескризисного» прогрессивного развития.

В начале своей работы Бем-Баверк описывает и анализирует вкратце самые существенные черты хода мыслей Маркса для полноты изложения собственной позиции. В свою очередь, мы будем вынуждены (нередко повторяясь) проследовать за ними.

Далее приведем основные очевидно неверные или ложные утверждения Маркса.

Примечание. Все последующие цитаты без ссылки даны по работе Бем-Баверка «Критика теории Маркса».

1. «Товар – продукт труда, произведенный для продажи (или шире – обмена), а не для собственного потребления».

(Таким образом, область своего исследования Маркс с самого начала самым радикальным образом искусственно ограничивает лишь товарами, которые являются продуктами труда и при этом произведены именно для рынка, т. е. далеко не все хозяйственные блага представлены на рынке).

2. «Между вещами, имеющими одинаковую меновую стоимость, не существует никакой разницы».

(Если бы это было так, то в обмене не было бы никакой надобности).

3. «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они продукты труда».

(Явно искусственное допущение, с таким же успехом мы можем оставить и любое другое иное «одно свойство»).

4. «Мы отвлеклись также от тех его материальных его частей и форм, которые делают его потребительной стоимостью... Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем... Вместе с полезным характером продуктов труда исчезает и полезный характер представленных в нем работ, исчезают... определенные формы этих работ; последние не различаются более между собой, а сводятся все к равному человеческому

труду, и абстрактно – человеческому труду». В итоге «ничего не осталось, кроме... простого сгустка, лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи выражают теперь лишь то, что в их производстве... накоплен человеческий труд... они – суть стоимости».

(Таким образом, понятие стоимости не тождественно с меновой стоимостью, оно представляет собой, по Бем-Баверку, как бы отвлеченный дистиллят из меновой стоимости).

5. Т. к. субстанцией стоимости является «в ней овеществленный, или материализованный абстрактно человеческий труд» («Капитал», т. 1), то вполне последовательно, что величина стоимости всех благ измеряется количеством содержащихся в них труда или соответственно именно общественно-необходимого рабочего времени (т. е. «рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»). Только количество общественно-необходимого труда или нужное для производства какой-нибудь потребительной стоимости общественно-необходимое рабочее время определяет величину ее стоимости. «Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Следовательно, товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости». «Как стоимости, все товары – суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».

(Таким образом, закон стоимости означает, что товары обмениваются между собой в отношении заключающегося в них абстрактного общественно-необходимого среднего простого труда).

6. Правда, в отдельных случаях в зависимости от мгновенных колебаний спроса и предложения появляются цены, которые отклоняются вверх или вниз от стоимости, однако «эти постоянные колебания рыночных цен компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как к своей внутренней норме». В течение долгого периода все же «общественно-необходимое рабочее время насильственно проявляется, как регулирующий закон природы». Маркс говорит об этом законе как о «рациональном». В случае, когда товары обмениваются по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, их следует рассматривать как «случайные» по отношению к общему правилу, а само отклонение – как иррациональное нарушение «закона обмена товаров».

(Как нам кажется, Маркс в зависимости от контекста рассматривает отклонение цен от стоимостей иногда «как случайные», нарушающие

требования закона стоимости, а иногда и «как необходимые» для возможности осуществления обмена абсолютно всех товаров, в т. ч. и тех, которые не имеют собственной стоимости).

§ 2. О ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

На основе теории стоимости (ТТС) Маркс воздвигает затем вторую часть своей системы – свое знаменитое учение о «прибавочной стоимости» (ТПС).

1. Здесь Маркс прежде всего со свойственным ему способом диалектического исключения удобно для себя ограничивает условия проблемы. В результате проблема предстает в таком виде: «владелец денег должен купить товары по их стоимости, продать по их стоимости и все-таки извлечь, в конце концов из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Таковы условия проблемы». Решение проблемы Маркс находит в том, что имеется товар, потребительная стоимость которого обладает своеобразным свойством – быть источником меновой стоимости. Этим товаром является способность к труду, или рабочая сила (Pc). Этот товар продается на рынке при наличии двух условий:

- а) рабочий лично свободен;
- б) рабочий лишен «всех предметов, необходимых для практического применения рабочей силы».

Примечание. На наш взгляд, по логике Маркса, существуют следующие специфические аспекты товара Pc:

1) собственником Pc и носителем является лично свободный работник; работодатель не может использовать товар «рабочая сила» (Pc) именно таким своевольным образом, каким он считает для себя более удобным или предпочтительным, т. е. работодатель скорее всё-таки выступает арендатором Pc, а не ее покупателем, т. к. собственник Pc остается прежним – это работяга, кроме того, в ходе использования Pc не утрачивается сразу, она может частично восстанавливаться, и интенсивность ее расходования непостоянна; важная специфическая особенность Pc как товара состоит именно в том, что, в отличие от потребительных свойств других товаров, Pc в своей трудовой функции имеет свойство менять интенсивность, скорость своего расходования;

2) Pc – это личный (человеческий) фактор производства, при этом труд – это лишь один из факторов, а работник – одна из производительных сил; у Маркса работяга – главная производительная сила;

3) способность и воля самого работяги предлагать собственную «рабочую силу» трудовому рынку за определенную з/ту или доход; если на рынке труда

он не востребован и/или не продал свою способность к труду, как собственнику P_c ему нет никакой пользы от этой своей собственности-способности;

4) в отличие от всех видов товаров, P_c проявляется в т. н. полезности этого товара уже после его купли, когда начинает использоваться результат его деятельности в хозяйственной или коммерческой деятельности;

5) товар P_c , процесс потребления которого одновременно является процессом созидания ценности или стоимости; в марксовом понимании потребление P_c есть процесс наемного труда, создающего стоимость;

6) по мнению Маркса, P_c – это такой товар, потребительная стоимость которого имеет свойство быть источником стоимости / ценности, причем большей, чем он обладает сам; потребляя этот товар в процессе производства, капиталист якобы присваивает созданный наемным рабочим излишек стоимости над стоимостью его P_c .

2. Стоимость товара P_c , как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для его воспроизводства. Прибавочная стоимость не образовалась бы, если бы капиталист заставлял рабочего работать ежедневно столько часов, сколько овеществлено в P_c и которые он должен был оплатить при ее покупке. Таким образом, в продукте, который производится в течение этого дня, овеществляется больше рабочих часов, чем работодатель должен был оплатить, он имеет поэтому стоимость большую, чем уплаченная заработная плата. Эта разница и есть «прибавочная стоимость», которая достается капиталисту. «Всякая прибавочная стоимость по своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени» (*«Капитал», т. 1, с. 554*).

(Необходимо заметить, что величина прибавочной стоимости может быть выражена и через различные иные величины).

Примечание. В 1867 году в переписке с Марксом Энгельс сделал ему весьма уместное замечание: «О возникновении прибавочной стоимости еще следующее: фабрикант и с ним вместе вульгарный экономист немедленно возразят тебе: если капиталист платит рабочему за его двенадцатичасовой рабочий день цену только шести часов, то отсюда не может возникнуть никакой прибавочной стоимости, ибо тогда каждый рабочий час фабричного рабочего считается равным лишь получасу работы – в соответствии с тем, как он оплачивается, – и входит в стоимость продукта труда лишь как стоимость получасовой работы. Затем в виде примера последует обычная калькуляционная формула: столько-то на сырье, столько-то на амортизацию, столько-то на заработную плату (действительно затраченную на каждую единицу действительного часового продукта) и т. п. Хотя и страшно поверхностна эта аргументация, хоть и отождествляет она меновую стоимость с ценой, а стоимость труда – с заработной платой, хоть и абсурдна ее предпосылка, что из рабочего часа, оплачиваемого только как полчаса, в стоимость входит лишь полчаса, все-таки я удивляюсь, что ты не принял это во внимание, ибо такое возражение будет тебе наверняка немедленно

сделано, и было бы лучше заранее его устранить» (т. 31, с. 264).

Маркс ответил на это в целом верное и уместное замечание следующим непотребно высокомерным образом: «Что касается упомянутого тобой неизбежного возражения филистера и вульгарного экономиста (которые, конечно, забывают, что если они принимают в расчет оплаченный труд под названием заработной платы, то они неоплаченный труд принимают в расчет под названием прибыли и т. д.), то, выражаясь научно, это сводится к вопросу: как стоимость товара превращается в его цену производства, в которой 1) весь труд представляется оплаченным в форме заработной платы; 2) прибавочный же труд, или прибавочная стоимость под названием процента, прибыли и т. д. принимает форму надбавки к издержкам производства (равным цене постоянной части капитала + заработная плата). Ответ на этот вопрос предполагает:

I. Что показано превращение, скажем, дневной стоимости рабочей силы в заработную плату или цену дневного труда. Это сделано в главе V этого тома (т. 23, стр. 545–552), первый том.

II. Что показано превращение прибавочной стоимости в прибыль, прибыли в среднюю прибыль и т. д. Это предполагает предварительное изображение процесса обращения капитала, так как при этом играет роль оборот капитала и т. д. Поэтому данная проблема может быть изложена лишь в третьей книге (том II содержит вторую и третью книги). Здесь обнаружится, на чем основывается характер представлений филистера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще нужна была бы тогда наука? Если бы я захотел предупредить все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод исследования. Наоборот, этот метод имеет то преимущество, что он ставит этим господам на каждом шагу ловушки и тем вынуждает их преждевременно обнаружить свою непроходимую глупость. Впрочем, непосредственно за § 3: “Норма прибавочной стоимости”, – последним, который находится в твоих руках, – следует параграф “Рабочий день” (борьба за ограничение продолжительности рабочего времени), содержание которого воочию показывает, насколько г-ну буржуа практически ясны источник и субстанция его прибыли. Это видно также из случая с Сениором – из уверения буржуа, что вся его прибыль и процент происходят от последнего неоплаченного рабочего часа» (т. 23, с. 235–240, 242–246; т. 31, с. 265–266). Складывается такое впечатление, что Маркс вообще не расслышал вопрос своего друга.

3. На самом деле новая прибавочная стоимость создается собственно только живым трудом, в то время как стоимость использованных средств производства только сохраняется, проявляясь в измененном виде в стоимости продуктов, однако она никакой прибавочной стоимости создать не может.

Примечание. «Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства

труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости», вследствие чего Маркс называет ее «постоянным капиталом». «Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того – излишек», как раз эту прибавочную стоимость. Поэтому Маркс называет ее «переменной частью капитала» или «переменным капиталом».

§ 3. О НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И О НОРМЕ ПРИБЫЛИ (ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ 1 И 3 ТОМОМ «КАПИТАЛА»)

«Почти невероятно, как человек, совершивший такие громадные открытия, такую полную и законченную научную революцию, мог в течение 20 лет оставлять их при себе. Ибо рукопись, над которой я работаю, была написана либо раньше первого тома, либо одновременно с ним; и существенная часть ее содержалась уже в старой рукописи 1860–62 годов. Дело в том, что сначала его связывала сложность II книги (он написал ее в последнюю очередь и после 1870 г. Занимался только ей одной), кроме того, конечно, издавать свои три книги он должен был в последовательном порядке» (Ф. Энгельс, *т. 36, с. 247*).

«...помни старое правило: за современным этапом движения и борьбы не забывай о будущем движении. А будущее принадлежит нам. Третий том “Капитала” прикончит всех этих молодцов одним ударом» (Ф. Энгельс, *т. 36, с. 268*).

«Однако переход от первого тома к третьему представляет в научном плане непреодолимые трудности (речь идет о современном понимании науки)» (Р. Арон, *«Мнимый марксизм», с. 277*).

То отношение, в котором прибавочная стоимость находится к авансированному переменному капиталу и в котором выражается это «увеличение его стоимости», Маркс называет «нормой прибавочной стоимости». Или то отношение, в котором прибавочное рабочее время относится к необходимому или неоплаченный труд к оплаченному, и является «точным выражением степени эксплуатации труда». Совершенно отлична от нее норма прибыли, когда сравнивается присваиваемая прибавочная стоимость с общей величиной используемого капитала. Норма прибыли будет тем выше, чем больше переменная и чем меньше постоянная часть капитала. Последняя, т. е. постоянная часть капитала, не способствует возникновению прибавочной стоимости, однако она увеличивает тот

базис, по которому прибавочная стоимость, определяющаяся исключительно переменной частью капитала, вычисляется как прибыль.

Изложенное выше, по мнению Бем-Баверка, приводит к исключительно интересному и важному выводу: «органический состав» капиталов в силу технических оснований по необходимости различен в различных сферах производства. Все эти моменты различий обуславливают для различных отраслей производства различное отношение между вложенным в средства производства постоянным капиталом и затраченным на покупку труда переменным капиталом. По смыслу всего изложенного выше при одинаковой норме прибавочной стоимости каждая отрасль производства должна поэтому показать нам иную отличную норму прибыли, если товары действительно обмениваются «по своим стоимостям» или в отношении овеществленного в них труда, как это Маркс постоянно предполагал до сих пор, т. е. до 3 тома своего «Капитала»

Таким образом, по Бем-Баверку, первоначальная позиция Маркса требует, чтобы капиталы равной величины, но неодинакового органического состава доставляли различную прибыль. Наблюдаемые же процессы в реальности явнее ясного показывают нам, что в нем господствует закон, согласно которому капиталы одинаковой величины независимо от каких-либо различий их органического состава дают равную прибыль.

Все вышеизложенное было Марксом сказано в начале, в 1 томе «Капитала», далее же, теперь уже в 3 томе, он говорит совсем иные вещи: «В различных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли»; «даже при равной норме прибавочной стоимости, только по отношению к капиталам одинакового органического состава, – предполагая равенство периодов оборота, справедлив тот закон (в общей тенденции), что прибыли относятся между собой, как величины капиталов, и следовательно равные капиталы в равные промежутки времени дают равные прибыли. Развитые нами соображения покоятся на базисе... – что товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности... в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать без разрушения всей системы капиталистического производства. Итак, по-видимому, теория стоимости несогласуемая с действительным процессом, несогласуемая с фактическими явлениями производства, и потому, в данном случае приходится отказать от надежды понять эти последние» («Капитал», т. 3).

Как же пытается сам Маркс разрешить это видимое им противоречие? Теперь он, по мнению Бем-Баверка, попросту игнорирует свое изначальное допущение, из которого до сих пор всегда исходил, что товары продаются по своим стоимостям.

Нужно здесь заметить, что у Маркса обязательно «в том же самом отношении, в каком одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости. И только продажа их за такие цены, делает возможным то явление, что норма прибыли во всех подразделениях... одинакова и равна... несмотря на различный органический состав капиталов». **Все это по Марксу есть не только лишь его гипотетическое допущение**, но и сразу настоящая действительность, движущей силой которой является конкуренция. «Прибыль, падающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каков бы ни был его органический состав, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс причитающаяся на его долю, в зависимости от условий его оборота, часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый для производства товара (не только действительно потребленный на его производство), есть его цена производства». И фактическое меновое отношение отдельных товаров определяется уже не стоимостью, но их ценой производства, «стоимости превращаются в цены производства» («*Капитал*», т. 3).

Лишь в виде исключения и случайно стоимость и цена производства совпадают у тех товаров, которые производятся при помощи капитала, органический состав которого случайно является тождественным среднему составу совокупного общественного капитала. Во всех прочих случаях стоимость и цена производства необходимо и принципиально расходятся. Это означает, что товары, произведенные с помощью капитала, содержащего больший процент постоянного капитала, необходимо и постоянно будут продаваться выше их стоимости, товары же, произведенные с помощью капитала, в котором больше переменного капитала, – ниже их стоимости.

В итоге получается, что капиталисты «реализуют не ту прибавочную стоимость и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при производстве этих товаров; они получают лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, сколько на каждую соответственную часть всего капитала общества приходится из всей прибавочной стоимости или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых». «Для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии».

Таким образом, по Марксу, совокупная прибыль и совокупная прибавочная стоимость предполагаемым ему нужным (но, к сожалению, никак не обоснованным) образом являются и на самом деле тождественными величинами. Средняя прибыль не может быть чем-либо иным, «как

только всей массой прибавочной стоимости, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов, пропорционально их величине».

Т. е. получается, что прибыль, которую извлекает отдельный капиталист, отнюдь не происходит исключительно от занятого у него самого труда, но часто в своей большей части, а иногда и целиком, как, например, у торгового капитала, проистекает от тех рабочих, с которыми соответствующий капиталист не находится ни в каких отношениях. Далее Маркс рассматривает вопрос о том, как «происходит это уравнение прибыли в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом». (Более того, он считает возможным утверждать, что «вполне соответствует обстоятельствам рассматривать стоимость товаров не только как теоретическое, но и как исторически предшествующее по отношению к ценам производства»). Очень ясно и сжато он следующим образом высказывается о движущих силах этого процесса уравнения и о способе их действия: «Если товары продаются по их стоимостям, то... возникают очень различные нормы прибыли... Капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции – словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль и БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ стоимости превращаются в цены производства».

Но и в этом невозможно не согласиться с Бем-Баверком: «Или продукты, если рассматривать длинный период, обмениваются соответственно количеству овеществленного в них труда... и тогда выравнивание прибыли на капитал невозможно; или же имеет место выравнивание прибыли НА КАПИТАЛ, и тогда невозможно то, что продукты продолжают обмениваться по количеству овеществленного в них труда». Отдельные товары фактически обмениваются НЕ в отношении заключенного в них труда, но в таком от этого отклоняющемся отношении, которое вытекает из уравнения прибылей НА КАПИТАЛ. Равная средняя норма прибыли может образоваться только в том случае и потому ФАКТИЧЕСКИ, что мнимый закон стоимости не действует. По крайней мере, теперь можно с уверенностью утверждать, что ТТС, совершенно очевидно, не имеет всеобщего значения, т. к. получается, что равные нормы прибыли при неравном органическом строении капиталов возможны только тогда, если отдельные товары обмениваются друг на друга непропорционально определяемой трудом стоимости.

Маркс утверждает в 1 томе «Капитала», что приравнивание двух товаров в обмене означает, что в них существует что-то «общее одной и той же величины» (что уже само по себе нелепо или ложно), к чему каждый из обоих товаров «должен быть сведен». Товары, в которых овеществлено одинаковое количество (что совершенно немислимо, т. к. сам труд в принципе неизмерим) труда, должны постоянно и принципиально обмениваться друг на друга. А в 3 томе Маркс уже заявляет, что отдельные товары, и не случайно и преходяще, а необходимо и постоянно обмениваются и должны обмениваться в совершенно ином отношении, чем отношение овеществленного в них труда.

В 1 томе «Капитала» говорится: «товары, правда, могут продаваться по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но это отклонение является нарушением закона обмена товаров». В 3 томе законом обмена товаров является уже то, что товары продаются по ценам производства, которые принципиально отличаются от их стоимостей. Удивительно, но сам Маркс, кажется, не видит или не хочет видеть в этом никакого противоречия. Он, кажется, как бы оправдывается тем, что отдельные товары хотя и обмениваются то выше, то ниже своих стоимостей, но эти отступления взаимно компенсируются или уничтожаются, так что для всех обмениваемых товаров в совокупности (как и ему нужно) сумма уплаченных цен все же равна сумме их стоимостей (и вновь это утверждение абсолютно им никак не обосновывается и не доказывается). И, таким образом, получается, что для совокупности всех отраслей производства, как бы несомненно, все равно верен закон стоимости, правда, уже лишь как только «господствующая тенденция».

По Марксу, сумма цен в целом тождественна сумме стоимостей. Здесь, правда (нами уже говорилось об этом), сразу возникает вопрос: в какой именно момент экономического процесса происходит, так сказать, стопроцентная компенсация и уравниваются суммы цен товаров и их трудовой стоимости? Или они в целом вообще всегда равны? Как представляется, это совершенно невозможно и/или немислимо – скорее, сумма цен всех товаров и услуг должна, как правило, всегда быть выше суммы всех стоимостей национального продукта производства. Ведь рыночную цену имеют все блага или продукты, представленные на рынке, но далеко не все цены определяются затратами или только затратами труда. Однако по логике Маркса сумма стоимостей всей продукции в производственной сфере всегда обязательно выше цен на эту произведенную товарную массу, т. к. (только вдумайтесь в это «обоснование»!) излишек стоимости должен быть в ценообразующих целях перераспределен между всеми имеющимися товарами и услугами в экономике, которые участвуют

в обмене, но не имеют собственных стоимостей. Таким образом, у Маркса как бы и получается, что сумма всей стоимости в экономике тождественна сумме всех цен в ней. Даже более того, по его логике (как нам кажется) получается, что иной ценности, кроме перераспределенной по всей экономике произведенной в производственной сфере стоимости, вовсе никакой не существует. Путаницу же и неясности порождают якобы лишь деньги и терминологическая невнятность. Таким образом, становится очевидным, что фундаментальным недостатком теоретических представлений Маркса является отсутствие у него ясного понимания механизмов и законов формирования средней нормы прибыли или чистого процента в экономике.

Примечание. Описание превращения трудовых стоимостей в нормальные цены дается в 9 главе 3 тома, но только к готовому продукту. Маркс, кажется, осознавал необходимость подробно рассмотреть превращение стоимостей производственного сырья, но так и не взялся за этот труд. **Превращение проводится Марксом на основании явно избыточного допущения о том, что «сумма прибылей различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, а сумма цен производства совокупного общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости» (Глава 10).** Без такого допущения, считает Маркс, «политическая экономия оказалась бы без всякой доказательной базы». С точки же зрения Бем-Баверка, однако, именно это допущение подрывает какое-либо рациональное начало всякой возможной теории. И здесь с Бем-Баверком невозможно не согласиться. Маркс был убежден, что без этого допущения или постулата мы будем вынуждены вернуться обратно, к Адаму Смиту, для которого цены определяются путем «прибавления более или менее произвольно взятой величины прибыли к действительной ценности товаров». Но тот же Бем-Баверк достаточно убедительно показал, что величина прибыли далеко не произвольна. В 10 главе 3 тома Маркс говорит то, что «цены фактически регулируются исключительно законом стоимости». Правда, в развитии капиталистической экономике это справедливо лишь только для «капитала среднего органического строения» (гл. 9). И, тем не менее, Маркс осыпает насмешками высказывание Мальтуса о том, что «великий принцип спроса и предложения призван определить в действии не только рыночную цену, но и то, что Адам Смит называет естественной ценой». Ибо, утверждает Маркс (при этом совершенно ошибочно), если спрос и предложение сбалансированы, они перестают иметь какое-либо значение.

Бем-Баверк прав – Маркс действительно не приводит ни одного довода, который заставил бы нас поверить, что норма прибавочной стоимости в самом деле одинакова для всех отраслей. Его идеи о том, будто мобильность P_c из одной отрасли в другую создает подобную норму, является, конечно, заблуждением: мобильность рабочих создает единую ставку вознаграждения за труд, однако она выравнивает норму прибыли

на одного рабочего не более, чем выработку на одного человека между отраслями. Если эта мобильность не выравнивает общую выработку на одного человека по отраслям, то и единая норма зарплаты, а также одинаковый рабочий день не смогут выровнять норму прибыли на одного рабочего от одной отрасли к другой. **Соотношения «капитал – труд», реально наблюдаемые в разных отраслях промышленности, являются, в сущности, функциями относительных цен на производственные факторы.**

Если прибавочная стоимость пропорциональна употребляемому переменному капиталу, то почему более механизированный производственный процесс приносит ту же самую норму прибыли на совокупный инвестированный капитал, что и менее механизированный процесс? Процентное отношение прибыли к капиталу имеет тенденцию к выравниванию независимо от технологического оборудования, в которое инвестирован капитал. Отсюда должно следовать, что прибавочная стоимость есть функция не только величины переменного капитала, и в этом случае товары обмениваются явно не с общим количеством труда, овеществленного в процессе их производства. Это и есть так называемое «большое противоречие».

Бем-Баверк вполне обоснованно вновь задает принципиальный вопрос: в чем вообще заключается задача закона стоимости? Ведь она заключается как раз в объяснении наблюдаемого в действительности менового отношения благ, точно также определяет эту задачу и сам Маркс – о меновом отношении может, очевидно, идти речь только при обмене различных отдельных товаров друг на друга. Если же рассматривать все товары в совокупности и сложить их цены, то неизбежно и преднамеренно приходится отвлекаться от заключающегося в этой совокупности соотношения. Условные внутренние различия цен компенсируются ведь в совокупности.

Дело для Бем-Баверка представляется теперь так (и нам трудно с ним в этом не согласиться): Маркс сохраняет свой закон стоимости «в полной чистоте только для всего национального продукта как такового, то есть для той области, для которой этот вопрос совершенно не может быть поставлен как бессодержательный». **Таким образом, закон стоимости опровергается фактами, а в том единственном применении, в котором он якобы не опровергается, он совершенно не представляет собой ответа на поставленный вопрос.**

Вместе с тем Бем-Баверк еще уместно отмечает, что в любом случае аргумент тождества между суммой всех цен и суммой всех стоимостей никак не может служить пробным камнем верности предполагаемого

закона, что блага обмениваются в отношении к овеществленному в них труду. Ведь действительно, при помощи этого приема можно было бы доказать и любой другой закон, например, что блага всегда обмениваются по масштабу их удельного веса.

Примечание. Следует отметить, что Маркс нашел свое так называемое «решение» этого противоречия еще до 1867 года, ведь черновик 3 тома был закончен в 1865 году – за 2 года до опубликования 1 тома. Уже в письме к Энгельсу в 1862 г. Маркс дал набросок этого «решения».

§ 4. О НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНА ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ

По Бем-Баверку, сами факты говорят, что меновая ценность (цена) находится в прямой зависимости от количества труда, которого стоило их производство, только у одной, при том незначительной части благ. Представление, что те случаи, в которых действительность согласна с трудовым принципом, составляет громадное большинство, те же случаи, которые противоречат этому закону, составляют лишь относительно незначительное исключение, совершенно ошибочно! «Исключения» из сферы действия закона трудовой стоимости составляют как раз такое значительное большинство, что они почти ничего не оставляют для т. н. «правил».

Бем-Баверк все «исключения», которые, как показывает опыт, нарушают в хозяйственном мире закон трудовой стоимости, группирует следующим образом.

1. «Редкие блага», которые из-за фактического или юридического препятствия совершенно не могут быть воспроизводимы или могут быть воспроизводимы лишь в ограниченном количестве. Если к этой же категории относятся также вся земля, затем многочисленные блага, при производстве которых имели место патенты на изобретения, авторское право или секреты промышленности, то объем этих «исключений» уже отнюдь не будет незначительным.

2. Все блага, которые производятся не простым, а квалифицированным трудом. Маркс, к сожалению, смотрит на квалифицированный труд лишь как на кратное простого труда. Но в самом деле ведь никто не станет утверждать, что 12 часов труда скульптора действительно представляют собой 60 часов простого труда каменотеса, и если продукт 1 дня труда имеет такую же ценность, как и всякое другое благо, являющееся продуктом 5 дней труда, то это составляет исключение из постулируе-

мого правила. Это исключение составляет значительную часть меновых благ. Сюда относятся почти все блага, т. к. в производстве всякого блага принимает участие хотя бы маленькая доля квалифицированного (или интеллектуального, творческого) труда, труда изобретателя, управленца, заготовщика и т. п., который и поднимает его ценность / цену выше того уровня, который соответствовал бы количеству одного какого-то только условного «простого» труда.

3. Множество благ, которые производятся неестественно низкооплачиваемым трудом. Т. е. сущность этого исключения аналогична предыдущему – нередко бывает, что зарплата за определенный труд может быть в течение продолжительного времени быть ниже минимума, необходимого для существования. В этом случае ценность этого 3-х дневного труда может даже быть ниже ценности 2-х дневного простого труда.

4. Даже те блага, меновая ценность / цена которых в общем соответствует количеству затраченного на них труда, не всегда обнаруживают это соответствие, напротив, благодаря колебаниям предложения и спроса меновая ценность / цена то поднимается выше, то падает ниже того уровня, который должен был бы соответствовать количеству труда, овеществленного в благах. При этом нельзя, конечно, отрицать того, что эти рыночные «ненормальности» подтверждают собой, что эти меновые ценности / цены регулируются иными определяющими мотивами, а не количеством затраченного труда.

5. Помимо этих временных колебаний, меновая ценность / цена благ постоянно значительно отклоняется от уровня, устанавливаемого количеством овеществленного труда, т. к. из двух благ, производство которых стоит одинаковое количество общественного среднего труда, имеет высшую меновую ценность то, для производства которого требуется больше «предварительного» труда. Хорошо известно и не может отрицаться то, что столетний дуб представляет собой большую ценность / цену, чем та, которая соответствует минуте труда, необходимого для его посева.

Резюмируем: мнимому «закону» о том, что ценность / цена благ определяется количеством овеществленного в них общественно-необходимого труда, значительная часть благ совершенно не подчиняется, остальные же подчиняются не всегда, а если и подчиняются, то никогда в точности – это данные опыта, с которыми надо считаться в любом случае. Выходит, что затраты труда являются обстоятельством, оказывающим даже сильное влияние на меновую ценность / цену многих благ, но не в качестве окончательной причины, а в качестве лишь частичной и промежуточной.

Примечание. С какой-то точки зрения, вероятно, может быть интересным и важным более точно исследовать влияние труда на ценность благ, а резуль-

таты этого выразить в форме адекватных эмпирических законов. Но ясно, что в любом случае это будут лишь частичные, локального значения законы, которые не затрагивают общей сущности ценностей и ценообразования.

Нельзя не согласиться с Бем-Баверком и в том, что в самом деле трудно постичь, как столь эрудированные и масштабно мыслящие люди могли постулировать учение, которого они просто не могли обосновать ни природой самой вещи, потому что она абсолютно не указывает ни на какую необходимую зависимость между ценностью и трудом, ни фактами, которые, напротив, показывают, что ценность в большинстве случаев не соответствует затраченному труду, ни авторитетами, потому что они никогда не постулировали этого положения столь категорично и решительно в той всеобщей значимости, которая им приписывается.

Социалисты и коммунисты упрямо игнорируют все исключения, чтобы быть в состоянии объявить принятый ими в общем-то на веру закон трудовой стоимости всеобщим. И все это только ради выдвижения сугобо практических политических требований – может ли это быть каким-либо образом оправданным?

§ 5. АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ» ЗАКОНА СТОИМОСТИ

«Опровержение теории стоимости – единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все, сделанные Марксом с железной логикой, выводы». «Ныне всякий, кто еще хочет бороться с социализмом, должен будет справиться с Марксом; и если ему это удастся, то у него, разумеется, уже не будет необходимости упоминать о “младших богах”» (Ф. Энгельс, т. 16, с. 381).

Теория средней нормы прибыли и цен производства, по всей видимости, никак не совместима с ТТС. При этом все равно Маркс нигде не упускает случая повторять, что несмотря на непосредственное подчинение меновых отношений ценам производства, отклоняющимся от стоимости, все это, однако, движется в рамках закона стоимости, и что «в последней инстанции» по крайней мере этот закон управляет ценами.

Бем-Баверк отмечает у Маркса четыре его аргумента в пользу полного или частичного действия закона стоимости.

1. Хотя отдельные товары и продаются между собой выше или ниже своей стоимости, однако эти противоположные отклонения взаимно погашаются, и таким образом, в обществе – если рассматривать совокуп-

ность всех отраслей производства – сумма цен производства произведенных товаров остается все же равной их сумме стоимости.

(Отметим, что у Маркса речь, кажется, все-таки идет о совокупности цен всех товаров и услуг в экономике общества в целом, а не только производства).

2. Закон стоимости управляет движением цен: уменьшение или увеличение количества труда, необходимого для производства, заставляет цены производства повышаться или понижаться.

3. Закон стоимости с абсолютным и неуменьшенным авторитетом управляет обменом товаров на известных «первобытных стадиях», на которых еще не совершилось превращение стоимостей в цены производства.

4. В развитой экономике закон стоимости «регулирует, по меньшей мере косвенно» и «в конечном счете» цены производства, т. к. вся стоимость товаров, определяющаяся по закону стоимости, регулирует всю прибавочную стоимость, а эта последняя – высоту средней прибыли, следовательно, и общую норму прибыли.

Кажется, что эти аргументы очень логичны, но на самом деле они совершенно не соответствуют действительности. Единственное, с чем можно согласиться, это что увеличение зарплаты (имеющееся в виду во втором аргументе) или ее уменьшение могут в какой-то мере влиять на цену, ведь затраты на труд или зарплату являются одним из факторов, влияющих на нее (Маркс указывает, что рост номинальной зарплаты не затрагивает цену товаров, изготовленных при средней технической оснащенности, но вызывает изменение других цен в обратной пропорции к уровню механизации).

Вряд ли вполне оправданно к вышеперечисленным аргументам можно добавить мысль Маркса о том, что «вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая средних постоянных колебаний, которая никогда не может быть точно установлена». Ведь, естественно, всякий «всеобщий» закон в конце концов имеет лишь локальное значение, но речь здесь совершенно о других – о конкретных обстоятельствах и законах.

Все это вслед за Бем-Баверком, без сомнения, следует считать совершенно неверным. В чем вообще задача закона стоимости? Очевидно, ни в чем ином, как в объяснении наблюдаемых в реальности эксплуатации и меновых отношений благ. Далее проведем краткий анализ всех четырех аргументов.

Первый аргумент. Маркс утверждает, что «если рассматривать все отрасли производства как одно целое, сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей» («Капитал», т. 3). Т. е. «уклоне-

ние от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются». Совершенно непонятно, на основании чего Маркс пришел к таким нелепым выводам? Исходя из чего он вообще решил, что это его т. н. «взаимное уничтожение» происходит всегда абсолютно точно?

Примечание. Конечно же, не случайно, анализируя это марксово решение, Борткевич пришел к выводу (это «решение» необходимо «исправить»), что сумма цен производства превышает сумму стоимостей, а совокупная прибавочная стоимость не равна совокупной прибыли. Ведь товары продаются по рыночным ценам, а не по стоимости. В свою очередь, английский экономист Френсис Сэттон (используя аппарат линейной алгебры) выяснил, что лишь при введении дополнительных допущений и при том в высшей степени ограничительных (например, оказалось это возможно, если органическое строение капиталов в производстве предметов роскоши равно среднеобщественному) или при изменении порядка расчетов (введение некоей поэтапности) выполняются эти фундаментальные марксовы равенства.

Важно понимать, что при отклонении цен производства от стоимости речь идет не о колебаниях, а о необходимых и постоянных расхождениях (колебания происходят только около этих различных уровней именно цен). Товары с одинаковой затратой труда, но при различном составе капитала постоянно и необходимо обладают разными ценами.

Второй аргумент. Конечно, все согласны в том, что труд является одним из условий, определяющих цену. Но своим законом стоимости Маркс утверждает, что затраченный труд является тем единственным обстоятельством, которое управляет меновыми отношениями товаров (отвлекаясь от случайных временных колебаний спроса и предложения). Но ведь известно, что цена должна изменяться и тогда, когда, например, затрата труда остается неизменной, но вследствие сокращения производственного процесса и тому подобных обстоятельств органический состав капитала изменяется. Таким образом, совершенно определенно цены поднимаются и падают там, где при прочих равных условиях увеличивается или уменьшается продолжительность затрат капитала.

Следует заметить, что подобно тому, как при помощи последнего положения нельзя доказать, что продолжительность затраты капитала является единственным условием, управляющим меновыми отношениями, также нельзя на том основании, что изменение в количестве затраченного труда оставляет свой след в движении цен, видеть подтверждение предлагаемого закона, что только один труд управляет меновыми отношениями.

Третий аргумент. Суть этого аргумента сводится к следующему: «нормы прибыли первоначально очень различны», их уравнение в общую норму прибыли «есть результат, и не может быть исходным пунктом».

Т. е. существуют какие-то «первобытные состояния, в которых еще не совершилось превращение стоимостей в цены производства», приводящие к уравнению норм прибыли и в которых поэтому господствует целиком закон стоимости. Таким образом, получается определена сфера, которая якобы вполне подчинена действию господства закона стоимости. Так каким же способом происходит уравнение прибылей в общую норму прибыли? По Марксу, это связано с двумя предпосылками:

- 1) вообще уже господствует капиталистический способ производства;
- 2) конкуренция проявляет свою нивелирующую деятельность.

По Марксу, это значит, что закон стоимости абсолютно главенствует там, где отсутствуют или эти обе предпосылки, или хотя бы любая одна из них. Итак, представим: нет капиталистического способа производства, и к тому же работнику принадлежат средства производства (кажется, это допущение уже нечисто), сами рабочие владеют средствами производства и обменивают свои товары между собой. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых каждым из них (в различных отраслях), была бы различна из-за технологических особенностей. Кроме того, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась различная масса этих последних для данной массы труда, т. к. один товар может быть изготовлен в один час, другой – только в течение целого дня, и т. д. Допустим, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, принимая в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда двое рабочих в товарах, составляющих продукт их дневного труда, возместили бы все свои затраты, издержки на потребленные ими средства производства (последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда), они создали бы равное количество новой стоимости, а именно рабочий день, присоединенный ими к средствам производства. (При этом созданная стоимость включала бы их зарплату плюс прибавочную стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределами, необходимыми для удовлетворения необходимых потребностей. Конечно, эти результаты прибавочного труда принадлежали бы самим этим рабочим). Оба рабочих получают равную зарплату плюс равную прибыль, в то же время и стоимость, выраженную в продукте за определенное время. Но стоимости их товаров были бы различны, нормы прибыли будут также очень различны. При этом важно заметить: их прибавочные стоимости за одинаковое рабочее время были бы одинаковы, или, точнее, оба товара заключают в себе стоимость продукта одного рабочего дня (оба эти товара за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов содержат в себе равную стоимость). При этом предположении различие в нормах прибыли было бы

безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

В этих марксовых рассуждениях не содержится ни тени доказательства, ни хотя бы попытки доказать то, что все это при изложенных предпосылках должно было именно так и происходить. Однако на самом деле против правдоподобности этой гипотезы имеются серьезные соображения внутреннего и внешнего порядка. Эта гипотеза предполагает, что производителям безразлично время (а это, по-видимому, самый значительный и фундаментальный фактор ценообразования и вообще экономики), когда они получают вознаграждения за свою деятельность. С хозяйственной и с психологической точек зрения, это абсолютно невозможно.

Важно не упустить из внимания, что один из работников Маркса (в указанном выше примере) представляет ту отрасль производства, которая требует (предполагает технически) дорогих предварительных средств производства и сырья. Можно предположить, что производство предварительных средств производства требует несколько лет, а переработка их в готовые продукты требует еще одного года. Напротив, другой работник нуждается в относительно небольшом количестве предварительных средств производства и может выполнить как все подготовительные работы, так и работы по изготовлению готовой продукции в течение лишь одного месяца. Существенно то, что гипотеза Маркса предполагает, что цены товаров этих рабочих устанавливаются точно в отношении количества затраченного на них труда, так что продукты труда обеих рабочих продаются ровно за столько, сколько затрачено времени на их производство (несколько лет, потраченных на производство одного товара одного работника, обмениваются на такое же количество лет, потраченных так же, но на производство соответствующего множества товаров второго работника). Отсюда следует, что в трудоемкой отрасли производства рабочий удовлетворяется той же самой суммой с ее уплатой, но отсроченной на несколько лет. Рабочий же другой отрасли получает причитающееся практически без отсрочки платежа. Эта временная отсрочка получения зарплаты не играет в марксовой гипотезе никакой роли, и в особенности она не в состоянии каким-либо образом влиять на конкуренцию.

Маркс признает, что особенные обстоятельства, которые присущи различным отраслям (особенная интенсивность, напряженность, неприятность, вредность труда) в результате игры конкуренции компенсируются высотой зарплаты. Но разве долговременная отсрочка вознаграждения за труд не должна быть также обстоятельством, требующим компенсации?

Далее, Маркс не предполагает, да и не может предполагать, что каждый из рабочих владеет таким количеством средств производства, сколько нужно в отрасли, которая технически предусматривает наличие большого количества средств производства. Ясно поэтому, что различные отрасли производства не в равной степени доступны всем производителям. Разве это обстоятельство не должно оказать влияние в том отношении, что предложение в последних отраслях производства испытывает известное ограничение, в результате чего цены их продуктов превысят соответственный уровень тех отраслей производства, которые ведутся без одиозного побочного условия ожидания и которые доступны гораздо более широкому кругу конкурентов? Маркс в связи с этим отмечает, что измерение цен исключительно по количеству труда ведет к несоразмерности в другом направлении: прибавочная стоимость, отнесенная к затраченным средствам производства, представляет не равные нормы прибыли. Естественно, здесь возникает вопрос: почему же это различие не может стереться в результате конкуренции? На этот вопрос Маркс отвечает, что существенным является то, что за одинаковое рабочее время «за вычетом стоимости авансированных постоянных элементов, получает одинаковые стоимости», и, исходя из этого, различие в нормах прибыли было бы для них «безразличным обстоятельством». Но если, согласно гипотезе, рабочие должны в некапиталистическом обществе получать прибавочную стоимость как прибыль, то тогда совсем не безразлично, по какому масштабу должна измеряться и распределяться эта прибыль. В любом случае, просто безразличным это для участников не является (в крайнем случае стоит вопрос о распределении прибыли в соответствии с количеством выполненной работы или с количеством затраченных средств производства).

Еще более фундаментальным вопросом является время получения этими рабочими оплаты за свой труд. Согласно гипотезе, они в качестве платы за одинаковое рабочее время получают одинаковые стоимости и прибавочные стоимости, однако они получают их в различное время: один – тотчас после выполнения работы, другой же должен ждать вознаграждения годами. Какому рабочему это было бы безразлично?

Гипотеза Маркса неправдоподобна не только с внутренней стороны, она противоречит и действительным фактам. Правда, у нас вообще нет никакого непосредственного опыта, т. к. нигде не может быть наблюдаемо в чистом виде такое состояние, где совсем не встречалась бы работа за плату и где каждый производитель являлся бы независимым собственником своих средств производства. Примерно подобные состояния встречаются у крестьян и ремесленников. Проверка фактов, проведен-

ная Бем-Баверком, показывает, что там, где, по мысли Маркса, должно было бы наблюдаться чистое господство закона стоимости, нельзя найти никакого следа того хода событий, о котором говорит Маркс. Другими словами, должны были бы оказаться следы того факта, что до уравнения норм прибылей отрасли производства с относительно большим постоянным капиталом приносили и приносят меньший процент прибыли, отрасли же производства с меньшим постоянным капиталом – больший. Подобных следов фактически нигде нельзя встретить ни в историческом прошлом, ни в настоящее время.

Примечание. «Нигде и никогда развитие не совершалось и не совершается указанным путем... а между тем – это должно было иметь место, по меньшей мере, во всякой вновь возникающей отрасли промышленности. Если бы указанное воззрение было бы верно, то: ... капитализм, прежде всего, охватывал бы сферы, в которых преобладал живой труд, т. е. сферы с капиталом ниже среднего строения... и только постепенно переходил в другие сферы по мере того, как с ростом производства цены в тех первых сферах падали... Между тем, капиталистическое производство исторически начинает развиваться отчасти именно в отраслях производства последнего рода: горное производство, и т.д. Капитал не имел бы никакого повода для перехода из сферы обращения, где он себя чувствовал очень хорошо в сферу производства, если бы не рассчитывал на “обычную прибыль”, которая – как это необходимо думать – существовала в виде коммерческой прибыли до всякого капиталистического производства». «Подобно тому, как предположение эмпирической связи норм прибыли с нормой прибавочной стоимости неверно исторически, т. е. для начала капитализма, точно также и еще больше это неверно для эпохи развитого капиталистического способа производства»; «установление цен на продукты и начисления (и реализация) прибыли происходит исключительно на основе затраты капитала». «Неравенство (норм прибыли), без сомнения, происходит не от органического строения капитала, но от каких-либо причин, вытекающих из конкуренции» (В. Зомбард).

Итак, закон стоимости, который в экономике, всецело подчиненной конкуренции, должен уступить свое господство, на которое он претендует, ценам производства (т. е. стоимость выразить в них), этот закон также и в первобытных эпохах никогда не имел и не мог иметь реального полного господства. Применение же закона стоимости к сумме стоимостей всех товаров и товарных цен, а не к их индивидуальным меновым отношениям оказалось не только логической бессмыслицей, но и небылицей. Движение цен в действительности не подчиняется претендующему на это закону стоимости, и столь же мало он проявляет свое господство в первобытных эпохах. Но не имеет ли закон стоимости, который нигде не обнаруживает своего реального, непосредственного значения, некое косвенное своего рода верховное владычество?

Четвертый аргумент. В сущности, он состоит в том, что цены производства, управляющие действительным ценообразованием, со своей стороны находятся под влиянием (закона стоимости, и последний, таким образом, посредством цен производства управляет действительными меновыми отношениями. Стоимости у Маркса «стоят позади цен производства» и «определяют их в последней инстанции», а цены производства представляют собой только «превращение стоимости» или «превращение формы стоимости». «Средняя прибыль, определяющая цены производства, неизбежно должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которая приходится на данный капитал, как соответствующую часть всего общественного капитала... Так как вся стоимость товаров регулирует всю прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует – как общий закон или как закон, управляющий колебаниями – высоту средней прибыли, следовательно, общую норму прибыли, то закон стоимости регулирует цены производства» («Капитал», т. 3).

Рассмотрим внимательно этот ход мыслей Маркса. Себестоимость соответствует не стоимости, но сумме затрат, которую производители израсходовали на заработную плату и вещественные и вспомогательные средства, плюс средняя прибыль на эти затраты. Таким образом, средняя прибыль является во всяком случае определяющим основанием цены производства соответствующего товара. Сумма уплаченной зарплаты есть произведение количества затраченного труда на высоту ставки зарплаты. «Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда». Маркс неоднократно, с величайшей настойчивостью отрицает всякое влияние высоты зарплаты на стоимость товара: «при всех обстоятельствах повышения и понижения зарплаты, никогда не может оказать влияние на стоимость товаров» («Капитал», т. 3). **Очевидно, что из двух слагаемых факторов «затраты на зарплату» – только одно слагаемое, количество затраченного труда гармонирует с законом стоимости, в то время как в лице второго слагаемого – высоты заработной платы – в определение цены производства привходит (вносится) чуждое закону стоимости основание.** Повышение зарплаты при неизменившемся количестве труда произвело чувствительное изменение в первоначально равных ценах (не стоимости) производства и меновых отношениях. Бем-Баверк подчеркивает, что изменение цены не может быть объяснено одним лишь изменением прибыли. Действие зарплаты не исчерпывается только ее влиянием на уровень прибыли, напротив, она оказывает также самостоятельное прямое влияние на формирование цены.

§ 6. О ВЛИЯНИИ ЗАКОНА СТОИМОСТИ НА ЦЕНУ

Ход мыслей Маркса о влиянии закона стоимости на цену Бем-Баверк интерпретирует следующим образом. Закон стоимости определяет совокупную стоимость всех товаров, произведенных в обществе, общая стоимость товаров определяет содержащуюся в них совокупную прибавочную стоимость, последняя управляет (указанный здесь переход от прибавочной стоимости к прибыли ложен или совершенно темен и неочевиден!), будучи распределена на совокупный общественный капитал, средней нормой прибыли, средняя же норма прибыли, отнесенная к капиталу, занятому в производстве отдельного товара, дает конкретную среднюю прибыль, которая, наконец, и входит элементом в цену производства соответствующего товара. Таким образом, закон стоимости регулирует цену производства.

Бем-Баверк комментирует это так.

1. Прежде всего, Маркс вообще не утверждает о наличии связи между средней прибылью, входящей в состав цены производства, и стоимостью, воплощенной согласно закону стоимости в определенных отдельных товарах. Напротив, он говорит о том, что количество прибавочной стоимости, которое входит в цену производства отдельного товара, не зависит и даже принципиально отлично от «прибавочной стоимости, действительно произведенной в отдельной сфере производства». **Он считает характеризующей функцией закона стоимости определение совокупной стоимости всех товаров, взятых вместе. Но в таком применении закон стоимости просто бессодержателен! Не имеет никакого смысла применять понятие и закон стоимости к целому, которое как таковое никогда не может вступить в меновые отношения благ естественно (без ограничений), что не существует ни масштаба, ни определяющего основания для обмена этого целого, в действительности никогда не имеющего места, а потому оно и не может дать никакого содержания «закону стоимости».** По мнению Бем-Баверка, закон стоимости в общем не оказывает никакого реального влияния на химерическую «совокупную стоимость всех товаров, взятых вместе». Правда, не вполне понятно, на основании чего или из чего делается им такой вывод, если стоимость в принципе – не определяемая корректно величина.

2. Допустим, что совокупная стоимость товаров является действительно реальной величиной, и при этом определяемой законом стоимости: согласно Марксу, эта совокупная стоимость как-то управляет совокупной прибавочной стоимостью. Правильно ли это?

Примечание. Прибавочная стоимость получается из разницы между совокупной стоимостью национального продукта и стоимостью P_c , уплачиваемой рабочим (Бем-Баверк в данном случае, нам кажется, не точен, говоря здесь о зарплате, т. к. зарплата – это ведь не стоимость, а лишь цена P_c . Однако сам Маркс тоже иногда парадоксальным образом отождествляет совокупную реальную зарплату то ли только в производстве, то ли в экономике в целом, со стоимостью P_c). Таким образом, не только одна сама по себе вся совокупная стоимость, но и часть ее, выплаченная рабочим, управляют величиной прибавочной стоимости. В этом месте Бем-Баверк замечает, что оплаченная часть стоимости – это и есть зарплата, величина которой сама по себе чужда (!) закону стоимости. Далее он обосновано задает вопрос: но, может быть, это основание (зарплата) подчиняется марксовому закону стоимости? Однако вообще по ощущениям Бем-Баверк, к большому сожалению, нередко путает понятия Маркса о ценности, стоимости, себестоимости и цене.

В 1 томе «Капитала» утверждается, что «стоимость рабочей силы – подобно любому другому товару, определяется рабочим временем, необходимым для производства и воспроизводства этого специфического товара». «Стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца». Правда, в 3 томе Маркс уже обращает внимание на то, что необходимые средства существования рабочих могут продаваться (на самом деле, как правило, продаются) по ценам производства, которые всегда отклоняются от необходимого рабочего времени. В этом случае, говорит Маркс, также и переменная часть капитала может отклоняться от своей стоимости. Другими словами: также и зарплата может продолжительно отклоняться от того уровня, который соответствовал бы количеству труда, воплощенному в необходимых средствах существования, т. е. соответствовал бы строгому требованию закона стоимости. Значит, делает вывод Бем-Баверк (и с ним трудно здесь не согласиться), **при определении совокупной прибавочной стоимости принимает уже участие по меньшей мере одно определяющее основание, принципиально чуждое закону стоимости.**

3. Определяемый таким любопытным (кажется, даже парадоксальным) образом фактор – совокупная прибавочная стоимость – «управляет», по Марксу, средней нормой прибыли. Но опять-таки, совокупная прибавочная стоимость является только одним определяющим основанием (с этим утверждением тоже трудно не согласиться), между тем как в качестве второго определяющего основания, по Бем-Баверку, совершенно независимого и от совокупной прибавочной стоимости, и от закона стоимости, выступает величина капитала (например, накопленного чистого процента), существующего в обществе (по Марксу, прошлой накоплен-

ной прибавочной стоимости). Согласно Бем-Баверку таким образом в цепь влияющих факторов входит совершенно чуждое закону стоимости определяющее основание!

4. Верно, что средняя норма прибыли управляет величиной конкретной средней прибыли, получающейся при производстве определенного товара, но опять-таки – с тем же ограничением. Именно сумма средней прибыли, которая получается при определенном товаре, есть произведение двух факторов: величины затраченного капитала и средней нормы прибыли. Величина же капитала определяется снова двумя факторами: количеством труда, подлежащего оплате, и высотой зарплаты, подлежащей выплате, естественно, чуждой закону стоимости.

5. Средняя прибыль должна управлять ценой производства товара. Это правильно, но с поправкой, что средняя прибыль является наряду с затратами на зарплату только одним из факторов, определяющих цену; в затратах же на зарплату выступает в качестве определяющего фактора элемент, чуждый марксовому закону стоимости.

Итак, утверждение Маркса сводилось к следующему: цены производства управляются «в последней инстанции» тем принципом, что количество труда есть единственное обстоятельство, которое лежит в основе меновых отношений товаров. Бем-Баверк же, в свою очередь, показывает, что цена производства прежде всего складывается из двух слагаемых:

- 1) затрат на зарплату, являющихся результатом двух факторов – количества труда и высоты зарплаты;
- 2) суммы средней прибыли.

В результате получается, что закон стоимости принимает соответствующее весьма незначительное участие (по крайней мере – ограниченное) в определении средней прибыли, и даже цены производства. Таким образом, количество абстрактного труда, которое согласно марксовому закону стоимости должно было бы целиком и безраздельно управлять меновыми отношениями товаров, фактически является лишь одним из оснований, наряду с другими, определяющими цену производства.

Эти фундаментальные политэкономические определения, с которыми просто невозможно не согласиться, Бем-Баверк дополняет следующим как бы поясняющим замечанием: «совокупная стоимость» (наверное, точнее будет – «совокупная ценность») к овеществленному труду никакого отношения не имеет. «Но так как в последующих звеньях появляется также такой фактор, как расход на зарплату, при определении которого количество труда, подлежащего оплате, однако, участвует как элемент, то среди оснований, косвенно определяющих среднюю прибыль, количество труда все-таки находит себе место».

Факты очевидным образом показывают, что не одно лишь количество труда или однородные с ним факторы определяют меновые отношения. В своем 3 томе «Капитала» Маркс развивает теорию цен производства, которая фактически признает влияние еще и других определяющих оснований. К сожалению, он не анализирует, как следует, эти другие определяющие основания. Каково влияние величины общественного капитала на норму прибыли, об изменении цен в зависимости от изменения органического состава капитала или от изменения высоты зарплаты он в этой связи умалчивает. Но ведь уклонение от признания противоречия ни в коей мере не означает устранения самого противоречия!

Бем-Баверк прав: Маркс попросту предлагает верить, что меновая стоимость товаров (а его анализ, к сожалению, направлен в принципе только на нее, а не на потребительную стоимость) находит свое основание и меру в количествах труда, овеществленных в товарах. Казалось бы, Марксу для доказательства надо было прежде всего апеллировать к опыту, т. е. чисто эмпирически исследовать свое допущение. Но этого Маркс как раз и не делает. Хотя из того же 3 тома «Капитала» следует, что ему хорошо известно, как обстоит дело с эмпирическими фактами. Он знает, что цены товаров устанавливаются не в отношении овеществленного в них количества труда, но в соответствии с совокупной величиной издержек производства, включающих в себя еще и другие элементы.

Все-таки можно было бы для доказательства своих положений исследовать те мотивы, которые управляют людьми, с одной стороны, при заключении меновых сделок и при установлении меновых цен, а с другой стороны, – те мотивы, которые руководят ими при их совместной деятельности в производстве. И уже из характера этих мотивов, нужно было бы попытаться вывести заключение о наиболее типичных способах действия людей. Причем, может быть, стала бы ясна их взаимная связь между ценами, которые постоянно запрашиваются и даются, с количеством труда, необходимого для производства товаров. Очевидно, что только посредством раскрытия этого промежуточного психологического звена можно пытаться прийти к какому-то пониманию связей между меновыми стоимостями и количествами труда.

Примечание. Любопытный факт: насколько нам известно, за исследование проблем по этой тематике получил Нобелевскую премию американский экономист Ричард Талер лишь аж в 2017 году.

Бем-Баверк совершенно правильно ставит вопрос о наличии действительно глубокого и основательного анализа во всей системе Маркса. Ведь Маркс, кажется, всегда предпочитает путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена – в данном случае им был выбран действительно очень странный способ доказательства.

Очевидно, что где господствует равенство и полное равновесие, там не может произойти никакой перемены в существующем до сих пор состоянии покоя. Существующее марксово представление об «эквивалентности» обмениваемых стоимостей попросту несостоятельно. А то, как Маркс отцеживает труд, как искомое «общее», представляется одним из самых уязвимых мест в его теории. По мнению Бем-Баверка, к этому своему выводу он приходит исключительно отрицательным путем, исходя из того, что все остальные свойства не являются этим искомым, одно же из них должно им быть, но вместо того чтобы подвергнуть намеченное характерное свойство положительной проверке, Маркс заранее кладет в сито только те обмениваемые вещи, которые обладают как раз тем свойством, которое он хочет в конце концов отсеять в качестве общего свойства, а все вещи иного рода он оставляет в стороне. А именно – пределы своих поисков в субстанции меновой стоимости он заранее ограничивает товарами, причем это понятие он употребляет, не определяя его точно, во всяком случае в более узком смысле, чем понятие «благо» и в противоположность дарам природы ограничивает его продуктами труда. В самом деле: если обмен предполагает наличие чего-то «общего равной величины», то это общее нужно искать, и оно должно быть найдено для всех видов благ, вступающих в обмен не только у продуктов труда, но и у даров природы (которыми являются земля, лес на корню, сила воды, залежи угля, каменоломни, нефтяные поля, минеральные воды, золотые россыпи и прежде всего, как мы думаем, время и т. п.). Исключение даров природы вообще невозможно оправдать никак, т. к. некоторые дары природы, например земля, являются важнейшими объектами имущества и обращения, и нельзя, конечно, при этом утверждать, будто меновые стоимости даров природы всегда устанавливаются только совершенно случайно и произвольно. С одной стороны, и у продуктов труда бывают случайные цены, а с другой – цены даров природы обнаруживают часто самую ясную связь с твердыми «опорными точками» или определяющими условиями. Например, покупная цена участков земли представляет собой кратное поземельной ренты, полученное исходя из уровня обычного для данной страны процента.

Если бы Маркс не ограничил свои исследования лишь продуктами труда, а искал бы общее и в дарах природы, обладающих меновой стоимостью или, точнее, ценой, то было бы очевидно, что труд не мог бы быть этим общим. Лишь благодаря изначальному искусственному ограничению круга вещей труд стал вообще одним «общим» для этого узкого круга свойств, но наряду с ним, без сомнения, может и должна идти речь и о других общих свойствах.

В меновых отношениях могут, конечно, отвлекаться от специальной формы, в которой может выступать потребительная стоимость товаров, т. е. от того, служит ли товар для пропитания, жилища, одежды и т. д., но никак не от потребительной ценности вообще. Но Маркс считает, что «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда» («Капитал», т. 1). При этом совершенно непонятно, почему только одно свойство? Не остается ли у благ (обладающих ценностью) других общих свойств, таких как, например, редкость по отношению к потребностям (дефицит)? Или то, что они являются объектами собственности? Или то, что они представляют собой «продукты природы»? Ведь «товарные тела представляют собой сочетание двух элементов – вещества природы и труда». Или не является ли у меновых стоимостей общим также то свойство, что они являются причиной издержек для их производителей? Бем-Баверк прав – у Маркса нет положительного обоснования того, что у товаров лишь одно общее свойство, то, что они – продукты труда, а отрицательное обоснование подходит в той же самой мере ко всем другим им не замеченным или не отмеченным свойствам.

§ 7. АБСТРАКТНЫЙ ТРУД И РАЗЛИЧИЯ В ТРУДЕ

У Маркса вся стоимость и даже ценность сводятся к одинаковому человеческому труду, «к абстрактно-человеческому труду». Т. е. Маркс по тем же причинам, по которым исключает потребительную стоимость, исключает и качественные различия в труде. Но и труд, и потребительная стоимость имеют как количественную, так и качественную сторону. Подобно тому, как потребительная стоимость представляет собой качественные различия, точно так же качественно различен и труд, как труд столяра, врача, шахтера или учителя. И подобно тому (если это сравнение вообще корректно) как можно количественно сравнивать различного рода работы, подобно этому и в той же мере потребительные стоимости различного рода могут быть сравниваемы по величине потребительной стоимости. Как бы повторяясь, Бем-Баверк правильно замечает, что если бы Маркс случайно перепутал порядок исследования, то он смог бы путем того самого умозаключения, при помощи которого он исключал потребительную стоимость, исключить труд, а стоимость представить, как «застывшую потребительную стоимость».

Здесь считаем чрезвычайно важным отметить, что именно **принципиальная несопоставимость и несоизмеримость различного по качеству труда** (металлурга и балерины или учителя) **является** (по меткому выражению Александра Ципко) **«ахиллесовой пятой» всего марксистского учения, да и вообще марксизма.**

Маркс говорит в 3 томе «Капитала», что стоимость и цены тяготеют к уровню издержек, которые включают, кроме труда, еще и среднюю прибыль на капитал. Бем-Баверк же отмечает, что еще Рикардо утверждал, что **наряду с живым трудом и прошлым трудом определяющее влияние на ценность благ оказывает не только величина, но также и продолжительность его вложения.**

Факт в действительности состоит в том, что продукт одного дня или одного часа квалифицированного труда имеет большую стоимость, чем продукт одного дня или одного часа простого труда! По Марксу, общим должно быть содержание одинакового количества труда, а именно – простого труда. Но в продукте, например, композитора или архитектора вообще не овеществлен никакой «простой труд», не говоря уже о простом труде в таком же количестве, как в продукте каменотеса или шахтера (при этом необходимо заметить, что, в свою очередь, простой труд, например каменщика, тоже содержит элементы «сложного» или интеллектуального труда, что есть еще довольно трудный вопрос о соотношении сложного и простого даже в самом т. н. простом труде, например грузчика). Выходит, в реальности оба продукта овеществляют различные виды труда и в различном количестве, и это является полной противоположностью тому, что утверждает Маркс, а именно, что они являются овеществлением труда одного и того же рода и в одинаковом количестве! Если согласится с тем, что говорит Маркс, то возникает вопрос: каким образом и на основании каких факторов должен быть определен масштаб этого марксового эмпирически происходящего сведения? Оказывается, что масштаб сведения у Маркса определяется не чем иным, как самими фактическими меновыми отношениями. Определение происходит не априори из какого-либо свойства, внутренне присущего сложным видам труда, а из результата действительных меновых отношений. Тем самым образован явный порочный круг в объяснении, ведь предметом объяснения являются именно меновые отношения товаров. Почему продукты различных видов труда обмениваются именно в том или ином отношении? Маркс как бы отвечает просто: они обмениваются так потому, что они так обмениваются в действительности!

Замечание Маркса о том, что необходимо принимать в расчет также и тот труд, который был затрачен для усвоения той или иной квалифи-

кации, ничего не добавляет к разъяснению существующей проблемы, т. к. очевидно, что из этой добавки труда **только тогда можно было вывести различия между сложным и простым трудом, если бы добавочное количество труда по обучению соответствовало количественным различиям сложного и простого труда. Никто не станет утверждать, что такое или приблизительно такое соотношение имеет место в действительности (кроме того, следует не упускать из внимания еще и тот немаловажный факт, что стоимость самого по себе обучения тоже необходимо включает в себя некую прибавочную стоимость).**

Трудно не согласиться с Бем-Баверком в том, что «с помощью точно такого же рода аргументации можно было бы, собственно говоря, выставить и утверждать то положение, что принцип и масштаб меновой стоимости заключается в вещественном содержании товара, что товары обмениваются в отношении овеществленного в них количества вещества». Таким образом, получается, что «при образовании стоимости дело идет о содержании общего среднего вещества. Последнее функционирует в качестве единицы меры», короче, в итоге – полнейший материалистический бред.

§ 8. ОТКЛОНЕНИЕ ЦЕН

Маркс абстрагируется не просто от случайных колебаний, но также и от «отклонений» прочих, продолжительных и типичных, существование которых образует прямо-таки интегральную часть самой нормы, требующей обязательного объяснения. Вообще Марксом часто игнорируется как раз то, что должно быть прежде всего и объяснено. Целью его ТПС является не что иное, как выдержанное в его духе объяснение прибыли на капитал. Но прибыль на капитал как раз и коренится в постоянных отклонениях товарных цен от суммы их производственных или хозяйственных издержек. Поэтому Бем-Баверк правильно говорит: если игнорируются эти «отклонения», то тем самым игнорируется как раз то самое, что должно быть объяснено.

Конечно, можно согласиться с мнением Бем-Баверка, что Маркс лишь в 3 томе «Капитала» обращается к фактам действительной жизни и наконец признает, что наряду с рабочим временем координирующим основанием, определяющим меновое отношение товаров, является также и вложение капитала, что товары – и притом постоянно и необходимо – в

действительной жизни обмениваются не в отношении овеществленного в них рабочего времени, но частью выше, частью ниже этого соотношения в зависимости от того, приходится ли на вложенный капитал меньшая или большая сумма средней прибыли. В этой же главе Маркс выводит свою систему теории цен производства (находящуюся в целом в соответствии с фактическим положением дел), которая приводит к еще одному важному пункту его теории – конкуренции. Как представляется, «конкуренция» является своего рода собирательным названием для всех тех ментальных побуждений и мотивов, которыми стороны, выступающие на рынке, руководствуются в своих поступках, и которые таким образом оказывают влияние на образование цен. Нельзя не согласиться с утверждением Бем-Баверка о том, что, в сущности, те, кто для объяснения ценообразования обращаются к конкуренции, обращаются к игре и действию всех психических мотивов и побуждений, которыми руководствовались на рынке все стороны. Маркс, наверное в силу своей склонности к рациональной «разумности», старается, где только и как только это возможно затушевать эмоционально-спонтанный их в целом характер, да и вообще степень влияния конкуренции.

То самое влияние, которое вообще оказывает затраченное количество труда на длительный уровень цен на благо, проявляется исключительно только (!) посредством игры спроса и предложения или же посредством конкуренции. В отдельных случаях обмена или при монополии могут образоваться такие цены, которые вообще не имеют никакого отношения к овеществленному рабочему времени (независимо также и от притязаний вложенного капитала). Маркс отмечает эти факты в двух словах, как нечто, что понятно само по себе. Показательно и достаточно парадоксально, что в качестве условий того, чтобы его закон стоимости вообще мог проявить свое действие, Маркс в 3 томе своего «Капитала» вдруг требует оживленной двусторонней конкуренции, и еще к тому же достаточно продолжительной для того, чтобы приспособить производство к обнаружившемуся на опыте сбыту или же к потребностям покупателей.

Из совершенно ложного посыла, что «если предложение и спрос покрывают друг друга, то они перестают действовать», Маркс делает вывод, что из отношений спроса и предложения могут быть поэтому объяснены лишь «отклонения от рыночной стоимости», которые вызываются перевесом одной силы над другой, но отнюдь не высота самой стоимости. Естественно, спрос и предложение должны в известном смысле покрывать друг друга, но, с другой стороны, не менее оправ-

данно представление о том, что они вообще никогда не могут полностью покрывать друг друга. Это верно не только при продаже по некоей «нормальной рыночной стоимости», но и при любой, а также и отклоняющейся от нее «ненормальной» рыночной цене. Бем-Баверк очень уместно указывает на то, что помимо фактического, осуществляющегося в обмене спроса и предложения, всегда имеется также еще и «выключенные» спрос и предложение (которые желают, но не хотят или не могут; готовы продать, но только дороже, чем по имеющейся цене). То, что спрос и предложение «покрываются», относится не ко всему спросу и предложению, но только к его достигшей успеха части. Кстати, задачей механики рынка и является как раз выделение этой осуществляющейся части из совокупного спроса и предложения, а процесс ценообразования является самым существенным средством этого выделения. Невозможно, чтобы было куплено больше товаров, чем продано. Отбор достигается благодаря тому, что цена автоматически достигает такой высоты, в силу которой лишнее на обеих сторонах исключается. В определении этой высоты цены принимают участие не только достигшие уже успеха, но также и исключенные соискатели, и уже поэтому неправильно из этого равенства, отчасти спроса и предложения, завершающегося в сделке, заключать о полном прекращении всякого влияния спроса и предложения вообще. Совершенно ложным и наивным является предположение, что две силы, находящиеся в равновесии, как раз поэтому и «перестают действовать». Это равновесие не может быть объяснено, как думает Маркс, только «как-нибудь иначе, а не действием обеих сил», напротив, оно только и может быть действием этих сил, находящихся в равновесии.

Бем-Баверк уместно отмечает (мы специально повторяемся), что более точный анализ показывает, что цена должна устанавливаться между денежными оценками так называемых «предельных пар», т. е. между той суммой, которую готов предложить последний из покупателей, вступивший в сделку, и той суммой, которую в крайнем случае готов уплатить первый из исключенных из покупки на стороне покупателей (с одной стороны, «первая пара»), и между той суммой, которой готов довольствоваться последний из продавцов, еще вступивший в сделку, и той, которой в крайнем случае довольствовался бы первый из исключенных из сделки продавцов (с другой стороны, «вторая пара»).

Примечание. Здесь необходимо подчеркнуть, что ссылка на формулу спроса и предложения не содержит в себе полное и достаточное объяснение длительного уровня цен, но путь к нему идет, тем не менее, через анализ

отношений спроса и предложения. Как представляется, Бем-Баверк использует термин «предельная полезность» для обозначения и дифференциального коэффициента и произведения этого коэффициента на величину приращения. Кажется, из-за этого у Бем-Баверка все-таки нет исчерпывающего определения формальных характеристик функции полезности, которая у него как бы лишь некая дискретная шкала полезности.

Почему же длительный уровень цен товаров тяготеет не к количествам овеществленного труда, но к отклоняющимся от них «ценам производства»? Той силой, которая осуществляет это, Маркс считает конкуренцию. Конкуренция, по его убеждению, уравнивает первоначально различные нормы прибыли в различных отраслях производства в зависимости от различного органического состава капитала в одну общую среднюю норму прибыли, и в связи с этим цены, взятые за продолжительный срок, должны тяготеть к ценам производства, приносящим одинаковую среднюю прибыль.

Но в этом случае Бем-Баверк совершенно правильно и точно замечает, что **«Если же мы зададимся вопросом, где же в современном обществе, согласно его (Маркса, «Капитал», т. 3) собственным словам, следует искать ту область, где действует его закон стоимости, то наши поиски ни к чему не приведут: или отсутствует всякая конкуренция, и тогда товары обмениваются вообще не по их стоимости, или же конкуренция проявляет свое действие; тогда они уже обмениваются не по своим стоимостям, а по ценам производства»** (*«Критика теории Маркса»*, с. 110).

Если бы Маркс дал понятию «конкуренция» научное содержание путем тщательного хозяйственно-психологического анализа «движущих сил», проявляющих свое действие под собирательным названием «конкуренция» (а в таком более глубоком исследовании или разъяснении, нуждается почти каждое слово его 10-й главы 3 тома «Капитала»), то тогда он был бы вынужден шаг за шагом идти к построению совершенно иной по своему содержанию системы. В этом своем утверждении Бем-Баверк, без сомнения, абсолютно прав. По его мнению, «в этом и заключается альфа и омега всех марксовых (политэкономических!) заблуждений, противоречий и неясностей. Его система не находится ни в какой основательной тесной связи с фактами. Не путем здоровой эмпирии, не путем основательного хозяйственно-психологического анализа Маркс вывел из фактов основы своей системы, он строит ее на такой непрочной основе, как натянутая диалектика... Система организована в одном направлении, факты тянут в другом направлении, то тут, то там сталкиваясь с нею» (*там же с.112*).

§ 9. КРИТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСА
В. ЗОМБАРТОМ

Интересные прочтение и интерпретация тестов Маркса обнаруживается Бем-Баверком у Вернера Зомбарта. Зомбарт считает, что закон стоимости Маркса ложен лишь в том случае, если выдвигается притязание, что он соответствует эмпирической действительности. С его точки зрения, стоимость имеет только «одно пристанище – мышление экономиста-теоретика». Марксова «стоимость представляет собой не эмпирический, а мысленный факт», то есть данная стоимость не существует в действительном мире явлений. Бем-Баверк считает такое истолкование Маркса несовместимым ни с буквой, ни с духом учения Маркса. Чтобы «напасть на след» стоимости, Маркс исходит из менового отношения товаров. «Но из какого: из действительно ли менового отношения или воображаемого?» – спрашивает Бем-Баверк. На самом деле Маркс ссылается самым определенным образом (да иначе это и быть не могло) на явления действительного хозяйственного мира. Когда заявляется, что в двух вещах, приравненных в обмене, заключено одинаковое количество труда, и что эти вещи должны быть связаны с равным количеством труда, то становится ясно, что это происходит не просто в мысли, но как бы в действительной жизни. Представьте только: вся эта аргументация Маркса была бы совершенно невозможна, если бы он наряду с этим положением для действительных меновых отношений он вздумал бы выдвинуть учение о том, что принципиально обмениваются продукты неравных количеств труда (кстати, как раз Маркс не выдвинул эту мысль, и в этом суть расхождений его теории с фактами). В итоге его выводы должны были выглядеть совсем иначе. Он должен был бы или заявить, что т. н. приравнивание в обмене не является действительным приравниванием, что оно не дает оснований для заключения о наличии в обмениваемых вещах чего-то «общего, одинаковой величины», или же он должен был бы заключить, что этим искомым общим одинаковой величины труд не является и им быть не может. Но правда, тогда невозможно было бы продолжать делать те выводы, какие он делал.

Всем этим рассуждениям и выводам Бем-Баверка просто невозможно вообще никак возражать! Только, кажется, следует добавить: некорректно заявлять, что не только продукты одинакового количества труда «эквивалентны», но и вообще какие-либо товары могут быть вполне «эквивалентны» в оценках как со стороны продавца, так и со стороны покупателя. Ведь в противном случае сделка по обмену попросту теряла бы всякий коммерческий смысл.

Если Маркс не приписывал своему закону стоимости какого-либо действительного значение, тогда, по мнению Бем-Баверка, нельзя вообще установить, в каком же смысле этот закон мог бы иметь какое-либо существенное значение. Получается, что практически и теоретически он – ноль.

Правда, с какой-то точки зрения, наверное, может быть оправдано мнение Зомбарта о том, что понятие стоимости может являться «вспомогательным средством нашего мышления, которым мы пользуемся для того, чтобы понять явления хозяйственной жизни». Ведь иногда же мы оцениваем трудоемкость того или иного процесса. Кажется, невозможно оспаривать утверждение, что овеществленный труд «экономически объективно наиважнейший факт». Ему не следует придавать только того значения, будто бы другие факты, имеющие значение наряду с трудом, столь мало значат, что ввиду их ничтожности с ними можно или совсем или почти совсем не считаться. Например, весьма важно и то, поддерживается ли труд накопленным заранее запасом благ, – момент, который, конечно, целиком не сводится к одному лишь труду. Для меновых отношений многих благ, как, например, старых дубов, угольных копий или земельных участков, труд, конечно, совершенно не является объективно важнейшим обстоятельством. И если даже последнее и можно сказать относительно «главной» массы товаров, то все же стоит подчеркнуть, что эту роль наряду с трудом играют также и другие решающие факторы. Если же труд является не единственным важным, а одним из наиболее важных факторов, хотя бы даже самым сильным среди них, тогда просто и неверно, и не позволительно «представление стоимости», относящееся к меновой стоимости, обосновывать исключительно трудом. **Очевидно, что представление о стоимости или здесь, точнее, ценности, основанной исключительно на труде, не адекватно предпосылке, что среди многих имеющих значение факторов труд является только наиболее значительным.**

Не только продукты труда, но и простые продукты природы в обмене приводятся в количественное соотношение, и поэтому они практически как-то соизмеримы как между собой, так и с продуктами труда. Продукты труда, в свою очередь, естественно, обмениваются не только исключительно в отношении овеществленного в них труда. Без сомнения, Бем-Баверк прав, настаивая на том, что общий знаменатель в обмене следует искать в совершенно другом направлении, чем это делал Маркс.

Глава 11.

МАРКСИСТЫ О ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ КАРЛА МАРКСА

«То, с чем мы согласны, оставляет нас спокойными, несогласие побуждает наш мозг работать продуктивно» (*И. Гете*).

«Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» (*К. Маркс, т. 16, с. 131*).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Свежая мысль... Если вы хотите, чтобы мысль была свежей, ее надо брать тепленькую» (*Л. Жуков*).

Некоторое время мы сомневались, нужно ли включать в эту работу главу об отношении «современных» сторонников Маркса к его ТТС и ТПС, ведь действительно, чтобы мысль была интересной, желательно, чтобы она была как бы «свежей» или актуальной, а описываемые взгляды т. н. «современников» охватывают более чем полувековой период. Однако в некоторых отдельных случаях точка зрения апологетов Маркса оказывается столь критически продуктивной, что мы просто не имеем права ее проигнорировать.

Примечание. Эпигоны-марксисты задаются довольно странным вопросом: «Рассматривает ли теория Маркса общественные производственные отношения сугубо с точки зрения (или с позиции) рабочего класса? Но можно ли считать оправданной вообще такую постановку вопроса? Здесь кажется уместным процитировать самого Маркса: «мелкий буржуа в развитом обществе в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой – экономистом, т. е. он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа» (*т. 27, с. 411–412*). Может ли быть хоть как-то оправданной классовая позиция в каком-либо научном исследовании? В конце концов, дано ли экономическое обоснование т. н. «научного социализма» в учении самого Маркса? Со всей ответственностью мы можем и должны заявить, что

нет! Очевидно, что более чем сомнительно даже само употребление определения «научный» по отношению к понятию «социализм». Эпигоны же, формулируя эти свои идеологически ангажированные вопросы, достойных ответов на них до сих пор не предлагают.

Было бы удивительно, если бы некоторые сторонники марксистской теории (в частности, и т. н. «аналитические марксисты») не пришли все-таки, наконец, к выводу, что пора отказаться от «талмудистской защиты» каждого слова у Маркса. И, дескать, нужно разработать такую интерпретацию, которая будет соответствовать исторической реальности, а затем уже соотнести ее с теорией, разработанной основоположником (заметим на всякий случай – аж 150 лет тому назад), прежде всего с его «Капиталом». При этом, с другой стороны, адепты не готовы признать или с очень большим трудом признают, что, как правило, как раз именно ученые, не считавшие себя марксистами, давали больше для понимания самого наследия Маркса, чем подавляющее большинство марксистов-апологетов. Правда, эти адепты / фанаты и апологеты в целом никогда и не выходили за рамки простого популяризирующего (к тому же очень часто неудачного) воспроизведения т. н. основополагающих принципов или, проще говоря, догм. В итоге у адептов / апологетов как-то ловко получалось, да и чудесным образом иногда получается до сих пор, что зачастую у Маркса они не только ищут, но даже и находят «ответы» там, где он лишь ставил вопросы. Тем не менее, судя по всему, сегодняшние или «постсоциалистические» поклонники Маркса ставят перед собой задачу преодолеть некие упрощенные представления о содержании и значении его учения.

Примечание. Маркс писал Энгельсу незадолго до выхода в свет первого немецкого издания 1 тома «Капитала» (1867): «Самое лучшее в моей книге:

1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов);

2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм: прибыли, процента, земельной ренты и т.д.».

В целом современные марксисты все-таки признают, что в известной мере до сих пор остаются проблемой вопросы по поводу теоретического значения и практических выводов ТТС и ТПС. В какой мере ТПС дала объяснение сущности капиталистической эксплуатации? И более того, позволила ли действительно обосновать необходимость и неизбежность революционного ниспровержения капиталистического способа производства?

Апологеты-марксисты выделяют три основные линии в критике ТТС, которые, на их взгляд, необходимо как-то аргументировано преодолеть:

1) отрицание ТТС, как и всякой вообще «научной», «объективной» теории стоимости или ценности, т. к. она противоречит повседневному опыту;

2) «проблема трансформации» – стремление примирить ТТС с теорией предельной полезности, т. н. «синтетическое прочтение» Э. Бернштейна и других;

3) попытка исправить (обновить, дополнить) ТТС Маркса в духе Рикардо-Сраффы.

Центральный пункт (по мнению марксистов) второго направления указанной критики – тезис о невозможности эмпирического доказательства реальности трудовой стоимости. Поскольку «осязаемой» стоимость становится, согласно Марксу, лишь в образе своей превращенной формы – цены, критиками третируется стоимость как фикция или как избыточный окольный путь в решении вопросов ценообразования. Поэтому апологеты полагают, что основная проблематика вертится вокруг двух вопросов:

1) о внутренней мере стоимости (и цены);

2) о конкретных факторах, влияющих на величину стоимости (соответственно цены) товара.

Среди современных апологетов в 1988 году высказывалось мнение (А. Чепуренко), что критики Маркса подменяют вопрос о том, что лежит в основе цены и стоимости, вопросом о том, как на практике осуществляется ценообразование. Таким образом, якобы осуществляется неоправданный перенос центра тяжести с исследования отношений производства на выяснение важного, но, по их убеждению, имеющего подчиненный характер круга проблем, связанного с функционированием отношений обмена и распределения. В этом мнении, судя по всему, находит свое отражение одно из самых слабых и проблемных положений учения самого Маркса – недооценка им роли рынка в экономике и в жизни общества в целом. Ведь именно рынок определяет развитие той или иной сферы производства или даже вообще всей сферы жизнедеятельности человеческого общества. Кроме того, не менее важно наконец осознать, что весь экономический процесс в обществе несводим к одной лишь производственной сфере. Необходимо подчеркнуть, что в современной экономике уже вряд ли можно оправданно продолжать считать, что производственная сфера доминирует в экономике в целом.

Современные адепты Маркса, напротив, исходя из постулатов «Капитала», продолжают упорствовать, что (именно из-за переоценки сферы распределения и недооценки роли сферы производства) критика Маркса на передний план прежде всего выдвигает только количественный аспект «проблемы трансформации» (т. е. превращение стоимости

в цену производства). Мы, конечно, не можем считать такую трактовку всей имеющейся критики ТТС вполне корректной и, тем более, исчерпывающей.

§ 1. «ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ» ГЛАЗАМИ ОРТОДОКСАЛЬНОГО АДЕПТА МАРКСА

«...стоимость есть идеальное, заключенное в самой вещи – товаре, и потому материальна, а не природна» (В. Межуев).

Стоимость согласно ТТС Маркса определяется количеством овеществленного в товаре общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда. Но (и адепты с этим согласны) в реальной действительности равновеликие капиталы применяют весьма различные количества живого труда, хотя получают – во всяком случае, стремятся получить – равную прибыль. Равенство прибылей на равновеликие капиталы, применяющие различное количество живого труда, и представляет собой содержание закона средней прибыли.

Средняя прибыль, получаемая на индивидуальный капитал, отклоняется и, по-видимому, не находится ни в какой связи с величиной производимой данным капиталом прибавочной стоимости. Соответственно, и цена каждого отдельно взятого товара бывает далека от его стоимости. Поэтому, по мнению апологетов, получается, **что доказательством истинности ТТС может быть в таком случае только исчерпывающее объяснение средней прибыли на основе закона стоимости.** Иначе, как отмечал в 3 томе «Капитала» сам Маркс, «кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому, приходится вообще отказаться от идеи понять эти последние» (т. 25, ч. 1, с. 167).

Энгельс, имея в виду механизм превращения стоимостей в цены производства, писал, что «это чрезвычайно интересный вопрос, о котором сам Маркс говорит не много... Здесь... предстоит еще некоторая работа, которую сам Маркс в этом первом наброске (а третий том “Капитала” действительно был черновиком, а не завершенным целым) не довел до конца» (т. 39, с. 352). Исходя именно из этого утверждения, эпигоны-адепты пытаются везде нащупать направление поиска ответа на этот вопрос, в т. ч. и в первую очередь в предыстории «Капитала», в том, как развивались взгляды самого Маркса на соотношение цены и производства прибавочной стоимости и средней прибыли.

Марксисты подчеркивают, что в 1857–1858 гг. Маркс впервые установил важнейшее отнюдь не количественное, а именно качественное различие между прибавочной стоимостью и прибылью. Прибыль для Маркса – это превращенная (и даже иррациональная) форма рациональной прибавочной стоимости; форма, действительный источник происхождения которой скрыт. Маркс считал, что он «опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде» (*т. 29, с. 212*). Таким образом, по мнению критиков Маркса, им создается ложное, но убедительное представление, что якобы на основе именно этого установленного различия становится возможным правильное понимание и количественного их различия. Маркс считает, что до него постоянно смешивали прибавочную стоимость с прибылью и сводили вопрос о природе прибыли к вопросу о количественных пропорциях распределения уже произведенной прибыли (*т. 46, ч. 2, с. 49–92, с. 267–268*).

Рассматривая вопрос о величине прибыли как вторичный и производный от вопроса об ее источнике, Маркс подчеркивает, что «совокупная прибавочная стоимость, как и совокупная прибыль, которая представляет собой прибавочную стоимость, лишь иным образом исчисляемую, никогда не могут при этой операции (обмена) ни возрасти, ни уменьшиться; изменяется здесь не сама прибавочная стоимость, а лишь ее распределение между различными капиталами». Выходит, что Маркс решительно уже в 1857–1858 гг. подчеркивал роль качественного аспекта – аспекта перехода сущности (прибавочной стоимости) в явление (средней прибыли) и указал на его приоритет над количественным аспектом (ср. с некорректным толкованием Бем-Баверка). Из этого апологетами делается вывод, что эти два аспекта «проблемы трансформации» не только не идентичны, но и не равноценны по существу. Если первый аспект говорит о существовании явления, то второй скорее имеет своей целью иллюстрацию этого существа. Таким образом, марксисты пытаются «определить» своих оппонентов-критиков как сторонников рассмотрения лишь количественного аспекта «проблемы трансформации» и тем самым сразу же как бы и обозначить ошибочный характер их анализа.

Примечание. Между прочим, это весьма характерный мерзкий и хамский способ ведения дискуссии у марксистов или у коммунистов – сразу «определить», т. е. навесить некий негативный «ярлык» на оппонента и громить его затем как уже совершенно как бы ясную, отвратительную и несомненную «мишень» для критики или даже, скорее, осуждения.

Здесь нельзя не заметить очень важный момент: Маркс не обращает никакого внимания или отвлекается от того фундаментально важного факта, что в состав прибыли входят элементы или части, которые не происходят из прибавочной стоимости, т. е. в наблюдаемой реальности, как

правило, прибыль не имеет своим источником только исключительно прибавочную стоимость (что как раз и указывает на их принципиальное качественное различие). Таким образом он сам прежде всего как раз, напротив, и уходит от принципиального качественного различия между прибавочной стоимостью и прибылью (которое обнаруживается указанным образом, исходя из его собственной же логики), совершенно необходимого для дальнейшего адекватного исследования.

В 1861–1863 гг. Маркс дал первый набросок о собственном видении соотношения, в том числе и количественного, между стоимостью и ценой производства.

1. Он как бы установил общие границы, в пределах которых может колебаться прибыль. В частности, он показал даже, что «товары могут продаваться ниже своей стоимости, но с прибылью» (*т. 48, с. 257*). Без понимания этого обстоятельства, писал Маркс, «было бы совершенно невозможно объяснить... основное явление..., а именно, общую норму прибыли, или тот способ, каким капиталисты делят между собой всю произведенную капиталом прибавочную стоимость» (*т. 48, с. 258–259*).

2. Маркс показал, что решение проблемы общей, или средней нормы прибыли предполагает понимание того, что «о средней норме прибыли речь может идти только в том случае, если в различных отраслях производства капитала нормы прибыли являются различными, а не одними и теми же... прежде всего в природе общей или всеобщей нормы прибыли заложено то, что она является средней прибылью, средней из весьма различных норм прибыли» (*т. 48, с. 270–271*). Иными словами, среднюю прибыль нельзя (или, наверное, невозможно) «постулировать», ее еще необходимо вывести. И тогда получается, что кроме как из наличия неодинаковых отраслевых норм прибыли ее и вывести уже неоткуда (сравните с возможностями «теории процента» Бем-Баверка). В этом только, собственно, и усматривается им основная трудность. Нужно отметить и подчеркнуть, что эта трудность оказалась, к огромному сожалению, неразрешимой ни для него, ни для его поклонников.

Тогда же была в общем виде намечена логика перехода от стоимости и прибавочной стоимости к цене и общей (средней) норме прибыли. По Марксу, сначала необходимо рассмотреть превращение прибавочной стоимости в прибыль, а уже на этой основе – превращение прибыли в среднюю прибыль. Причем эпигоны уместно обращают наше внимание на то, что у Маркса «прибыль в качестве первого превращения прибавочной стоимости – и норма прибыли в этом первом превращении – выражает прибавочную стоимость в ее отношении к отдельному капиталу», тогда как наблюдаемая в реальности, т. е. «эмпирическая или средняя прибыль выражает отношение общей суммы прибавочной стоимости,

реализованной всем классом капиталистов, к совокупному капиталу, или капиталу, примененному всем классом капиталистов» (т. 48, с. 278). Это последнее превращение, и, получается, только оно «изменяет абсолютную величину прибыли, а стало быть, и прибавочной стоимости, выступающей в форме прибыли» (т. 48, с. 274). Адепты отмечают, что здесь пока не вполне выяснен механизм превращения стоимостей в цены производства, как и само существо данного процесса. И, вероятно, не случайно отсутствуют пока такие понятия, как рыночная стоимость, рыночная цена и цена производства: определено только понятие издержек производства, говорится об отличии «действительных цен товаров – даже нормальных цен товаров (под «нормальными» ценами, наверное, имеются в виду цены производства – Ю. М.) – от их стоимостей» (т. 48, с. 279). Совершенно непонятно, исходя из каких именно эмпирических данных, Маркс утверждает здесь этот свой якобы «эмпирический факт» – ясно, что это чисто логическое допущение. Это допущение не соответствует действительности или, в крайнем случае, как раз никак не может быть подтверждено на опыте, т. е. эмпирически.

Важным моментом экономического учения Маркса является то, что стоимость определяется не индивидуальным, а именно общественно-необходимым (при данных условиях) рабочим временем.

Примечание. Марио Когой делает интересное замечание о том, что далеко не всякий труд, затраченный на производство товаров, является общественно-необходимым. С этим трудно не согласиться, но такой подход, кажется, вводит ряд дополнительных факторов, которые, однако, будут внешними для ТТС Маркса. Вероятно, существует абстрактная возможность построения различных альтернативных моделей, при этом несмотря на то, что они могут указывать на локальность значения ТТС, они тем не менее не обязательно могут быть доказательствами ее ошибочности.

Но специфика реальной экономики капитализма в том и заключается, что существует множество товаров даже одного вида, производимых при весьма различных технологиях, а потому и индивидуальные затраты труда весьма неодинаковы, и лишь в обмене (т. е. на рынке) обнаруживается, в какой мере они были общественно-необходимы. Поэтому-то и **стоимость не может быть корректно измерена в часах рабочего времени, ибо она должна выражать не индивидуальные, а именно общественно-необходимые затраты труда. Маркс парадоксально или, точнее, тавтологично указывал, что затраты общественно-необходимого труда в обществе, основанном на товарном производстве, могут быть как-то «идеально» как бы «исчислены» лишь косвенно, в процессе оценивания этого товара, то ли через цену, то ли через его стоимость.**

Примечание. «Отдельный товар выступает не только материально как часть совокупного продукта капитала, как кратная часть произведенной им товарной массы. Мы вообще имеем перед собой уже не отдельный самостоятельный товар, не отдельный продукт. Не отдельные товары выступают как результат процесса, а товарная масса, в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость – присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости капитала и произведенной им прибавочной стоимости. Труд, затраченный на отдельный товар, – уже вследствие оценки средним числом, т. е. идеальной оценки, применяемой к той части постоянного капитала, которая входит просто как затрата в стоимость совокупного продукта, как и вообще к сообща потребленным условиям или факторам производства, равно как, наконец, вследствие непосредственно общественного труда, который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов, – совершенно невозможно исчислить. Этот труд имеет лишь значение как кратная часть совокупного труда, приходящегося на него и оцененного идеально. При определении цены отдельного товара он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал» (*Маркс, т. 49, с. 9*).

При этом, по Марксу, внутриотраслевая конкуренция (в своем первом действии) «выравнивает... различные индивидуальные стоимости в одинаковую, равную лишенную различий рыночную стоимость тем... путем, что она допускает различия между индивидуальными прибылями... и их отклонения от средней нормы прибыли данной сферы» (*т. 26, ч. 2, с. 222–223*). Но, с другой стороны, «норма прибыли должна быть одна и та же для всякой затраты капитала. Своим вторым действием (которое, впрочем, и осуществляется иначе; это – конкуренция капиталистов в различных сферах, перебрасывающая капитал из одной сферы в другую, тогда, как указанная выше конкуренция... имеет место между капиталами одной и той же сферы) конкуренция создает цену издержек, т. е. одну и ту же норму прибыли в различных сферах производства, хотя эта тождественная норма прибыли противоречит неравенству стоимостей и, следовательно, может быть создана только посредством цен, отличающихся от стоимостей» (*т. 26, ч. 2, с. 223–224*). Итак, в представлении Маркса, в ходе межотраслевой конкуренции рыночные стоимости превращаются в цены издержек (или цены производства), действительно отличные от стоимостей соответствующих товаров. Однако, как ни странно, эти выводы вовсе не означают какого-либо отказа от ТТС.

Примечание. Более того, Маркс специально подчеркивает, что «цены издержек всех товаров, вместе взятых, будут в своей сумме равны их стоимости. Точно так же совокупная прибыль будет равна совокупной прибавочной стоимости, которую эти капиталы, вместе взятые, приносят в течение, например, года». Он убежден, что «средняя прибыль, а следовательно,

также и цены издержек были бы чем-то только воображаемым, и лишены опоры, если бы мы не взяли определение стоимости в качестве основы. Выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях производства ничего не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно изменяет только распределение ее в различных отраслях производства. Но определение самой этой прибавочной стоимости проистекает только из определения стоимости рабочего времени. Без этого определения средняя прибыль представляет собой среднее из ничего, чистую фантазию» (т. 26, ч. 2, с. 205).

Маркс, указав на различное действие внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, которое зафиксировано в категориях «рыночная стоимость» и «цена производства», сформулировал вывод о том, что не только сумма прибылей должна быть равна совокупной прибавочной стоимости, но и суммарная стоимость произведенных за определенный период времени товаров равна сумме их цен производства.

Примечание. Любопытно, что в 9–10 главах 3 тома «Капитала» Маркс строит свое исследование почему-то в обратной последовательности по отношению к проводимой им ранее. И это, конечно, неслучайно: трудность описания перехода от стоимости к цене оказалась непреодолимой. Поэтому он теперь сначала исследует превращения из-за межотраслевой конкуренции, а затем только анализирует рыночные цены и стоимости.

Но именно в части того, что здесь Маркс «специально подчеркивает», и зарыта проблема или ряд недоразумений основательного характера.

1. Как цены издержек всех вообще товаров (кажется, уже это должно означать как минимум то, что имеются в виду исключительно только те товары, в которые вложен труд) могут быть равны их стоимости, т. е. затратам общественно-необходимого труда? Таким образом, для начала следует понять, что на рынке присутствует достаточно товаров, в цене которых совершенно никак не предоставлены какие-либо вообще затраты труда. Как представляется, в реальности цена как раз только в самых исключительных случаях, и то – случайно может совпадать со стоимостью, т. е. с затратами, да еще и общественно-необходимыми рабочего времени. То же самое относится, соответственно, к совокупной прибыли и совокупной прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость – это неоплаченная часть труда, по крайней мере полученная, пусть даже косвенно, вследствие затрат труда. Прибыль же – это доход, который в своих источниках гораздо шире прибавочной стоимости, т. е. вполне логично то, что величина совокупной прибыли, как правило, должна быть больше величины совокупной прибавочной стоимости.

2. То, как осуществляются процесс производства, подготовка к нему, затем реализация готовой продукции в течение необходимого конкретного времени по каждому виду продукции в зависимости от места и

момента (география, климатическая зона, время года и суток, государственное устройство и ментальное своеобразие – все сказывается на производительности труда) – весьма специфично. Совершенно непонятно, за какой именно «отчетный период» времени необходимо брать данные или информацию для определения величин совокупной прибыли и совокупной прибавочной стоимости (за час, за сутки, декаду, месяц, квартал, год, сто лет или тысячу)? Или это предполагаемое тождество действительно вообще всегда в любой момент или миг исторического развития экономики каждого государства, а теперь уже, наверное, сегодня всей мировой экономики? Но в таком случае как эти величины могут быть практически определены или ограничены?

3. Какое-либо частное изменение величины прибавочной стоимости или же возможное выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях и сферах, естественно, ничего не меняет и не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно может только изменять ее распределение по различным отраслям производства. Какое в данном случае это вообще имеет значение? Ведь, по всей видимости, выравниваются лишь прибыли и, соответственно, цены, но не прибавочные стоимости и не стоимости. В отличие от Маркса, «только воображаемыми» мы можем представить именно трудовую стоимость и прибавочную стоимость, но уж никак не реальную цену товара или издержек, а значит, и вычисляемую среднюю прибыль.

4. Безусловно, определение прибавочной стоимости проистекает только из определения стоимости необходимого и прибавочного рабочего времени (и это вполне естественно в рамках теории Маркса), но средняя прибыль (или процент), существующая в действительности, очевидно имеет свои собственные источники формирования, как правило, практически никак не связанные с прибавочной стоимостью и затратами труда.

В 9–10 главах 3-го тома «Капитала» Маркс показывает, что возникающие под воздействием межотраслевой конкуренции цены производства таковы, что «из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится среднее, и это среднее присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства», замечая, что «предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме» (т. 25, ч. 1, с. 171). Внутриотраслевая конкуренция здесь не анализируется, а пока лишь предполагается. Эта предпосылка отражает тот действительный факт, что вследствие внутриотраслевой конкуренции устанавливается некий нормальный средний уровень

технической оснащенности и стоимостного строения (или, точнее, – калькуляционной структуры издержек) в каждой отрасли. Далее Маркс отмечает, что средняя норма прибыли представляет собой не среднюю арифметическую, а средневзвешенную величину – с учетом «соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства» (*т. 25, ч. 1, с. 171*) и приходит к выводу, что «общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капитала в разных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами» (*т. 25, ч. 1, с. 178*) (имеющими поэтому каждая особую норму прибыли).

Маркс полагает, что «с превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз сама основа определения стоимости, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее» (*т. 25, ч. 1, с. 183–184*). Иными словами, если не абстрагироваться от процессов, реально происходящих в экономике (при обмене) и не фантазировать, искусственно нужным образом ограничивая сферу анализируемого, то прибыль никоим образом не зависит (или не формируется в зависимости) от прибавочной стоимости и стоимости (в т. ч. и в данной отрасли), а определяется совершенно иными обстоятельствами.

Странным образом, но Маркс усматривал возможность научного отношения к вопросу только лишь в возможной действительности, им же и допущенного, вслед за Смитом и Рикардо, т. н. закона стоимости (на самом деле – ни на чем не основанного, и ничем не обоснованного), который к тому же по факту никогда никак не проявляет себя в наблюдаемой реальности (прямо-таки кантовская вещь-в-себе какая-то!). И в самом деле, современные марксисты – «виртуозы» тавтологий, в свою очередь, указывают на следующее место для стоимости в действительности: они заявляют (вы только вдумайтесь в это заявление!), что «стоимость есть идеальное, заключенное в самой вещи – товаре, и потому материальна, а не природна» (В. Межуев). Мы не будем это комментировать...

Примечание. Маркс говорит, что «Как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств производства, для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товаров есть данная, не зависящая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, т. е. некоторый избы-

ток стоимости над издержками его производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость – всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства – сумме оплаченного труда, плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства» (т. 25, ч. 1, с. 180).

Весьма странно слышать именно от Маркса, что прибавочная стоимость, а не прибыль – это некоторый избыток стоимости над издержками его производства, он, кажется, уже на подступах к вопросу начинает петлять. Далее, сумма оплаченного труда плюс неоплаченный труд составляют стоимость, но не цену производства, которая, как и прибыль, определяется, как уже ранее им же самим говорилось, «условиями, лежащими совершенно вне ее» («Границы процесса образования стоимости»). Кроме того, Маркс здесь же, кажется, сообщает, что для капиталиста не столь важен сам процесс производства и формирования издержек – они есть лишь предпосылка, более фундаментальное значение для него имеет результат обмена (реализации) товара, т. е. прибыль, величина которой зависит скорее от рыночной конъюнктуры. Таким образом, в конечном итоге получается, что **значение рынка для капиталистической экономики никак не меньше, чем сам процесс производства.**

Применительно же к совокупному общественному капиталу цена производства равна стоимости (на этом, вслед за Марксом, настаивают апологеты-ортодоксы) – в противном случае пришлось бы признать, как они совершенно верно считают, что **либо (в случае, если сумма цен производства меньше суммарной стоимости произведенных обществом товаров) некоторая часть общественно-необходимого труда на деле таковой не является (т. к. как бы избыточна!), но, это, кажется, невозможно по определению; либо же (в случае, когда сумма цен производства больше суммы стоимостей) необходимо было бы найти и/или указать независимые от труда, самостоятельные факторы ценообразования.** Говоря о таком факторе, как закон спроса и предложения, они, ссылаясь на оценку Маркса в 10 главе 3-го тома «Капитала», сразу же, особо не вникая, неоправданно быстро отвергают. Хотя, нельзя здесь не повториться: **факторы ценообразования, попросту – товары (которые представлены к обмену на рынке), которые в свою цену не включают затраты труда, весьма многочисленны, и их по крайней мере никак не меньше, чем тех, в цену которых включены затраты на труд.**

Примечание. Для вопроса о затратах на производство (факторов производства) имеет значение не только то, продолжают ли эти силы вообще существовать, а и то, продолжают ли они существовать и действовать так, чтобы быть в состоянии еще раз содействовать производству. Не может быть и

речи о бесконечном существовании, а о вторичном полезном действии этих сил пока мы можем лишь мечтать. К сожалению, затрата сил не может быть сделана вторично в пользу другого блага. То же самое можно сказать и о сыром материале. В действительности сырой материал не может быть затрачиваем на производство другого блага не только «в течение этого времени», т. е. того времени, в течение которого он находится в первом благе; в принципе, он не может быть затрачен и в последствии (если говорить вообще о глобальных явлениях, то, вероятно, здесь имеет смысл провести параллель с энтропией).

Итак, в 9 главе 3 тома Маркс:

- 1) вывел цену производства через анализ издержек производства и средней прибыли – и стоимости и на основе закона стоимости;
- 2) показал необходимый характер количественного несовпадения цен производства индивидуальных товаров с их стоимостями, при этом указал на необходимость внутреннего единства стоимостей и цен производства.

Но о каких именно внутренних обстоятельствах единства может вообще идти речь, если стоимость, практически никак не пересекается с ценой, а Маркс ведь говорит даже и об их необходимом единстве? Так до сих пор внятного ответа и нет.

В 10 главе он исследует, «каким образом происходит... выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз, оно, очевидно, есть результат – и не может быть исходным пунктом» (*т. 25, ч. 1, с. 191*). Маркс исходит из того, что поскольку существуют отрасли, в которых органическое строение точно (или приблизительно) совпадает со средним строением совокупного общественного капитала, постольку «средняя норма прибыли – есть не что иное, как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью» (*т. 25, ч. 1, с. 189*). Из этого совершенно ложного следствия он как бы декларирует два вывода.

1. Сумма прибыли всех различных отраслей производства должна равняться сумме произведенной в них прибавочной стоимости, а сумма цен производства – сумме стоимости.

(Хотя, строго говоря, по его же собственной логике, не сумма прибыли всех производственных отраслей, а общая сумма прибыли вообще в экономике должна равняться сумме прибавочной стоимости, произведенной лишь в производственных отраслях, и аналогично сумма всех цен не только продукции производства, а в целом всех товаров и услуг в экономике тождественна сумме стоимости произведенной, естественно, лишь только в производственной сфере).

2. Вся задача теперь – «только лишь» показать, как устанавливается общая норма прибыли в данной отрасли среднего строения.

Эту задачу Маркс пытается решить, анализируя процесс превращения индивидуальных стоимостей в рыночную стоимость товаров данной отрасли и установления одинаковой рыночной стоимости и цены. Рыночная стоимость при этом определяется «с одной стороны, – как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы, и которые составляют значительную массу продуктов последней» (т. 25, ч. 1, с. 195). При этом, подчеркивает Маркс, проведенный анализ остается корректным и по отношению к цене производства, «раз последняя заступает место рыночной стоимости».

Примечание. Очень любопытное и полезное пояснение: «В действительности имеются единичные товары, как, например, железные дороги, крупные строения и т. д., которые, с одной стороны, по своей природе неделимы, а с другой стороны, имеют такой объем, что весь продукт авансированного капитала выступает как единичный товар. Здесь, следовательно, имел бы силу закон, который обнаружил себя при рассмотрении единичного товара, именно, что цена товара есть не что иное, как выраженная в деньгах его стоимость. Совокупная стоимость капитала плюс прибавочная стоимость заключалась бы в единичном товаре и должна была бы выражаться в счетных деньгах. Определение цены такого товара не отличалось бы более ничем от ранее данного определения цены единичного товара, потому что совокупный продукт капитала здесь действительно был бы перед нами как единичный товар. Следовательно, нет нужды дольше на этом останавливаться» (т. 49, с. 10). В данном случае выходит, что ценообразование этого особо крупного единичного товара, являющегося не чем иным, как монопольным товаром, осуществляется или может осуществляться без отклонений в рамках именно закона стоимости. Иными словами, получается, цена может быть тождественна стоимости только лишь в таких специфических монопольных обстоятельствах.

Все эти марксовы чудесные превращения и введение дополнительных абстрактных сущностей более чем сомнительны и неубедительны. После он делает вывод, который вообще очень сильно удивляет: «действительные внутренние законы капиталистического производства... не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения..., так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. – покрываются» (т. 25, ч. 1, с. 207–208). Следует заметить здесь сразу, что ни спрос, ни предложение не прекращают свое действие никогда, даже тогда, когда они покрываются. И что значит в данном контексте «внутренние законы», чем именно они отличаются от «внешних»?

Далее он говорит о том, что само «отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонение рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением» (*т. 25, ч. 1, с. 208*).

Эпигоны полагают, что основные тезисы, важные для анализа критики ТТС, сформулированы самим Марксом.

1. «Так, как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует – как общий закон, управляющий колебаниями, – высоту средней прибыли, а, следовательно, общую норму прибыли, то очевидно, закон стоимости регулирует цену производства» (*т. 25, ч. 1, с. 197*);

(Очевидно, что, кроме первого его посыла, что совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, все остальное явно не соответствует действительности, и/или тому, что сам Маркс говорил об «условиях, лежащих совершенно вне» процесса образования стоимости. Т. е. закон стоимости или вообще не пересекается с законами (или факторами) формирования цен, или является лишь одним из факторов наряду с другими (в т. ч. и более фундаментальными, например, как время и дефицитность или редкость ресурсов) факторами, влияющими на формирование цены).

2. У Маркса все рассмотрение строится на том предположении, что спрос и предложение уравниваются: «мы... имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости» (*т. 25, ч. 1, с. 200*). По его мнению, многочисленные случаи неравенства спроса и предложения не являются непосредственным следствием действия закона движения капиталистического способа производства, а «дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции».

(Возражение, очевидно, то же, что и в первом пункте. Спрос и предложение не прекращают свое действие даже если в какой-то мере уравниваются. С рыночной ценой мы имеем дело, потому как имеем дело с ней на практике в действительности, а с рыночной стоимостью – лишь тогда, когда хотим понять Маркса и его закон стоимости (который может быть в самом лучшем случае лишь одним из факторов, влияющих на формирование цены). Далее следует всегда иметь в виду, что закон спроса и предложения является фундаментальным фактором – мотиватором, влияющим на рынок, и значит, на «оформленность» производительных сил в тот или иной способ производства).

3. «Средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом» и «средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню» (т. 25, ч. 1, с. 215).

(Здесь возражение то же самое: средняя норма прибыли зависит лишь в т. ч. и от степени эксплуатации, как, впрочем, и от других даже гораздо более значимых факторов. Таким образом, средняя прибыль, как правило, никогда не совпадает со средней прибавочной стоимостью, т. к. они отличаются друг от друга не только количественно и качественно, но и имманентными путями формирования).

Апологеты считают, что адекватное толкование марксовской концепции механизма ценообразования требует трехступенчатого рассмотрения происходящих процессов:

- 1) цена как абстрактная форма стоимости;
- 2) цена производства как превращенная форма стоимости;
- 3) рыночная цена (монополярная цена и т. д.) как эмпирическая форма стоимости.

Примечательно, что последний уровень – единственный, который находит свое подтверждение в действительном обмене, выходит за рамки теоретической системы «Капитала» и является предметом специального учения о конкуренции (таким образом, становится совершенно непонятно, что же нам делать в таком итоге – плакать или смеяться?).

Что же здесь еще в итоге бросается нам в глаза?

1. Выводы о прибыли как о превращенной форме прибавочной стоимости, а затем и о цене производства как превращенной форме стоимости и о первостепенном значении качественного, а не количественного аспекта проблемы Маркс сохранял на протяжении всех лет работы над «Капиталом».

2. Видно, что если общее направление, логику (диалектику) превращения стоимости в цену производства Маркс представлял совершенно определенно, то по явлениям и фактам обмена количественного характера у него явно были неясность и невнятность понимания.

3. Уже отмечалось, что последовательность анализа внутриотраслевых и межотраслевых процессов, приводящих к возникновению цен производства и средней нормы прибыли, прямо противоположна проводимому ранее Марксом анализу в своем политэкономическом исследовании. Наверное, прежний метод анализа приводил его просто в тупик, ведь его ТТС, все учение стоимости – довольно статичная и замкнутая в себе система. И это при том, что Маркс повсеместно задействует диалектический метод, который, казалось бы, есть само олицетворение движения и переходов. Удивительно, но Маркс не уделил должного внимания

значению длительности процесса инвестирования производства, особенно длительности его подготовительного периода, да и длительности самого периода обмена. Важным упущением, на наш взгляд, является игнорирование специфических механизмов ценообразования на сырье и полуфабрикаты в длительности этих процессов.

Примечание. Энгельс считал, что Маркс указал только лишь общее направление решения проблемы превращения стоимости в цену производства без нарушения и корректировки основных положений ТТС.

§ 2. О ДВУХ ВИДАХ КРИТИКИ ЗАКОНА СТОИМОСТИ МАРКСА, ОБОЗНАЧЕННЫХ МАРКСИСТАМИ

Ортодоксальные марксисты на рубеже XIX–XX-х веков различали, по существу, только два вида критики ТТС Маркса:

- 1) «качественную» – Бем-Баверка;
- 2) «количественную» – Борткевича;

Что касается т. н. «качественной» критики, то нельзя не подтвердить в очередной раз наше согласие в целом с принципиальной позицией Бем-Баверка. Выше мы уже дали уместную для этой нашей работы ее краткую интерпретацию, поэтому повторяться здесь не будем. Неприятие его позиций, с точки зрения апологетов-марксистов, в частности Рудольфа Гильфердина и Бухарина, по существу, ничем вообще не аргументировано. На наш взгляд, наиболее серьезной и действительно заслуживающей внимания является критика Бем-Баверка, осуществленная И. Г. Блюминым в его работе «Субъективная школа в политической экономике» 1928 г., но формат этой работы, к сожалению, не предполагает и ее углубленный анализ. Нельзя объять необъятное.

Примечание. Здесь вполне уместно снова напомнить, что Бем-Баверк в своей критике Маркса действительно допускает очень часто путаницу в понятиях между ценностью, стоимостью, себестоимостью и ценой. Его критики, в частности Гильфердин, это справедливо отмечали. Вряд ли это может быть как-то оправдано, тем более что стоимость Маркса есть в лучшем случае абстрактное понятие (имеющее весьма ограниченное значение в сфере влияния затрат труда), а «цена» – это понятие, характеризующее собой явление реальной экономической жизни.

По поводу же т. н. «количественной» критики нужно сказать следующее. Ладислаус Борткевич сосредоточил свое внимание на проверке

корректности количественных взаимосвязей между величиной стоимости и ценой производства. Он считал, что при переходе от «стоимостного расчета» к «расчету по ценам производства» нужно и элементы издержек производства пересчитать в ценах производства: ведь в реальной действительности многие факторы производства (машины, сырье, Pс) покупаются также на рынке, где они, естественно, продаются по рыночным ценам, а не по стоимости (этот момент, между прочим, был еще верно замечен Бем-Баверком). К сожалению, он вводит в свои расчеты почему-то в неявной форме (т. е. по умолчанию) собственное допущение, что норма реальной зарплаты должна оставаться неизменной. В основном, как считается до сих пор, не удастся получить общее полное и корректное решение этой проблемы. В итоге своих вычислений Борткевич пришел к выводу (и, судя по всему, к выводу верному), что сумма цен производства превышает сумму стоимостей, а совокупная прибавочная стоимость не может быть равна совокупной прибыли.

Примечание. Напомним, в нашем понимании уже само по себе словосочетание «сумма стоимостей», как и «величина совокупной прибавочной стоимости», – оксюморон, т. к. эти величины корректно не определены в принципе.

Исходя из этого, как бы становится очевидным то, что марксова ТТС не объясняет механизм реального ценообразования. Борткевич наивно полагал, что Маркс из-за «ошибки в расчетах» пришел к заблуждению относительно действительного значения созданной им ТТС. Но по всей видимости, заблуждался и сам Борткевич, т. к. **ошибка Маркса, без сомнения, была значительно глубже, а его ТТС – это лишь момент ее проявления.** Критику Борткевича марксисты отвергают.

Примечание. Эпигоны поясняют эту свою позицию следующими как бы вескими аргументами.

1. Сам Маркс видел указанную сложность: «за исключением вновь присоединенного труда, элементы капиталистического производства сами входят в процесс производства уже как товары, следовательно, с определенными ценами, то стоимость, прибавляемая постоянным капиталом – уже дана как цена» (т. 49, с. 12). Далее он продолжает: «в масштабе общества, – если рассматривать все отрасли, как одно целое – сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей. Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно, цены их содержат уже реализованную прибыль, и поэтому цена производства вместе с заключающейся в ней прибылью одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, сумму производимой в ней прибыли или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный

итог». «Рассматривая весь расчет в целом, мы находим, таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта, и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара. В общем итоге – прибавочная стоимость A (товара) не может засчитываться два раза» (*т. 25, ч. 1, с. 174–175*). Таким образом, Маркс рассматривал здесь прибыли, входящие в цены производства элементов постоянного капитала A (товара) и жизненных средств, потребляемых $Pc A$ (товара).

2. Он видел и другую проблему: «Мало того, что цена продукта, произведенного, например капиталом B , отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в B может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединенная к цене продуктов B , – то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала B , а косвенно – в качестве жизненных средств рабочих – и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства, плюс... прибыль... Что касается переменного капитала, то хотя дневная зарплата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которые рабочий должен работать для того, чтобы произвести, необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, не постоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей» (*т. 25, ч. 1, с. 175–176*). Маркс подчеркивал: «Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны стоимости товара, потребленного при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства» (*т. 25, ч. 1, с. 179–180*).

Апологеты-марксисты, комментируют свои аргументы так.

1. В «Капитале» числовые расчеты ничего не доказывают – они призваны лишь сделать более наглядными некоторые рассуждения.

2. Для того чтобы корректно формализовать данную экономическую задачу, потребовалось бы построить систему нелинейных уравнений со

многими синхронно варьирующими неизвестными. Очевидно, это не входило в намерения Маркса: «для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта. Поэтому, во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости» (т. 25, ч. 1, с. 180), для него главным было решение проблемы трансформации на качественном уровне, т. е. доказательство того, что в капиталистическом обществе стоимость с необходимостью выступает в виде цены производства.

Некоторые из марксистов полагают, что «модели не следует смешивать с иллюстрациями». В то же время они признают, что верно, конечно, и то, что «в ряде случаев Маркс пользуется числовыми примерами и схемами, не получающими у него общего выражения в виде формальных моделей, в этом смысле сохраняющими характер иллюстраций, однако, доведенными до уровня, за которым непосредственно следующий шаг – это построение модели» («Теоретические народнохозяйственные модели». Новосибирск, 1980. С. 8–11; Вольтух К. Марксова теория цены производства в формализованном изложении // *Общественные науки*. 1980. № 5. с. 110–111). «Видимо... он не считал вопрос о математическом равенстве стоимости и цен производства, достаточно существенным для своей теории» (Осадчая И. Н. *Консерватизм против реформизма*. М., 1984. с. 156). Апологеты поясняют, что Маркс считал, будто все затруднение сразу же «разрешается... благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит настолько больше, на сколько ее недостает в другом, а, следовательно, отклонение от стоимости, заключающееся в ценах производства товаров, – взаимно уничтожаются» (т. 25, ч. 1, с. 176). Более того, эпигоны даже указывают, что Маркс якобы показал, что при сопоставлении стоимостного расчета с расчетом суммы цен производства неизбежно возникает повторный счет в части прибылей, так что, по всей видимости, сумма прибылей всегда будет превышать совокупную прибавочную стоимость, произведенную за соответствующий период времени. У Борткевича как раз получается, что прибавочная стоимость (как прибыль) фигурирует в расчетах дважды, отсюда его сенсационный вывод. Но «ошибки» Маркса тут якобы нет – скорее Борткевич проглядел у Маркса ряд важных замечаний по этой теме. И не более того.

Примечания. В 1940–1950 г. Фрэнсис Сетон, используя аппарат линейной алгебры, разработал генерализованную версию для n -секторной модели и пришел к выводу, что лишь при введении крайне строгих ограничений (например, чтобы органическое строение капитала в производстве предметов роскоши было равно средне-общественному) выполняются равенства между суммой стоимостей и суммой цен производства, а также между суммарной прибавочной стоимостью и общей величиной прибыли. Таким образом, Сетон подтвердил гипотезу Борткевича, что требование Маркса

равенства удовлетворяется лишь тогда, когда органическое строение капитала одинаково во всех отраслях производства. Кроме того, можно прийти к выводу, что норма прибыли вообще не зависит от затрат живого труда, а только лишь от того, насколько количество потребительских стоимостей, являющихся издержками, меньше прибавочного продукта, также измеряемого в физических единицах. Т. е. в очередной раз получается, что теория стоимости и цены производства Маркса непригодна в качестве общей теории, объясняющей механизм ценообразования и функционирование капиталистической экономики в целом.

По мнению большинства апологетов (*речь прежде всего о С. Казанцеве, «Теоретические модели цен», с. 53*), «количественные» критики закона стоимости Маркса, как правило, «выставляют ранее неявно введенную предпосылку о независимости задаваемых параметров от стоимости как содержательный результат, полученный на основе строго математического исследования», таким образом ими якобы искусственно создается видимость того, что «получаемая в модели система цен может быть определена без использования теории стоимости».

В 2006 году Валерий Калюжный (харьковский экономист) в своей небольшой статье «Полное решение проблемы трансформации стоимости товаров на цену производства» довольно амбициозно заявил, что количественную проблему трансформации, математически сформулированную М. Туган-Барановским и Л. Бортковичем, он успешно разрешил. Нельзя не отметить беспримерное упорство автора в поисках математического решения этой проблемы. В ходе своих исследований Калюжный пришел к выводу, что «для полного и всестороннего решения проблемы трансформации стоимости товаров в их цену производства, требуется пройти ряд посредствующих звеньев или промежуточных трансформационных этапов, а именно:

1) этап образования средних норм прибыли и модификации стоимости постоянного капитала в отдельных сферах, производящих окончательные продукты;

2) этап первоначального превращения стоимости продуктов производственных сфер в цену производства в результате выравнивания средних норм прибыли в общую норму прибыли;

3) этап полной трансформации стоимостей продуктов сфер и отраслей производства в равновесные цены производства вследствие восстановления исходной нормы реальной зарплаты и соответствующего изменения общей нормы прибыли».

Калюжный утверждает, что таким образом им было впервые реконструировано недостающее в 3 томе «Капитала» звено – этап образования средних норм прибыли в отдельных сферах производства. Также в статье были «представлены новые элементы экономической теории: способ

моделирования сфер производства на основе трехотраслевой модели воспроизводства, метод преобразования индивидуальных норм прибыли в среднюю норму, а средних норм – в общую норму прибыли, а также метод обратной трансформации цен производства в стоимости». В. Калюжный уверен, что он доказал «наличие внутренней зависимости между стоимостями и равновесными ценами производства. Таким образом, трансформационная проблема исчерпывающе решена в полном соответствии с концепцией Маркса. В конечном итоге восстановлен научный статус теории трудовой стоимости».

При этом, правда, опять остается вопрос об оправданности допущения этих промежуточных трансформационных этапов для действительно исчерпывающего корректного решения проблемы трансформации стоимости, а также о степени корректности этих самых посредствующих звеньев.

Советские марксисты конца XX века (в частности К. Вольтух) в своих исследованиях этой проблемы в целом, пришли к следующим «любопытным» результатам.

1. Превращение прибавочной стоимости в среднюю прибыль, соответственно стоимости в цену производства может быть (?) все-таки выражено точной математической формой, показывающей равенство суммы прибыли в капиталистическом обществе сумме цен прибавочного продукта, воплощающего прибавочный труд рабочего класса. Более того, некоторые даже считают, что результат якобы уже получен (?) на основе модели межотраслевого баланса.

2. Это превращение неизбежно связано с несовпадением (точнее, лишь приблизительным совпадением) двух отношений: отношения прибавочной стоимости к переменному капиталу и отношения суммы прибыли к фонду зарплаты пролетариата. (правда, не совсем понятно: это-то здесь причем?).

3. Поскольку критика теории превращения прибавочной стоимости в среднюю прибыль сводится лишь к демонстрации того, что указанные соотношения (?) не совпадают, она и некорректна (?). Превращение происходит, и количественные пропорции при этом несколько меняются, как это и должно быть. Т. е. здесь перед нами лишь один из моментов несовпадения явления и сущности, якобы детально проанализированного в марксистской политэкономии.

4. Внешняя критика ведется с использованием таких приемов, как некорректный перевод положений Маркса на язык математических формул и т. п.

Все апологеты едины во мнении (и мы с ними в этом согласны), что Маркс считал, что ключевым вопросом при переходе от прибавочной стоимости к прибыли (а значит, в конечном счете от стоимости к цене) является вопрос о качественной специфике поверхностных, превращен-

ных форм экономических отношений буржуазного общества. По нашему убеждению, «гениальная» ошибка Маркса состояла в том, что, по-гегелевски глубоко перемудрив или перехитрив наблюдаемое, он стал полагать реальное проявление (цену и ценность) лишь призрачным образом абстрактного образа предполагаемой его сущности (трудовой стоимости). Он полагал, что стоимость в капиталистической экономике с необходимостью выступает как цена производства, и наоборот, цена производства может быть рационально понята лишь как проявление стоимости. В качественном отношении цена производства есть только лишь развитая форма стоимости, в количественном отношении это различие между сущностью (стоимостью) и явлением (ценой производства) проявляется в возможности несовпадения их величин. Любопытно, но на этом общем основании различные марксистские исследователи, тем не менее, как-то приходят к довольно различным выводам.

Если Томас Сэкине говорит о существовании «двух проблем трансформации» – диалектической и математической, то М. де Врой считает, что «Понятия стоимости и цены принадлежат к различным теоретическим уровням. Как результат этого математические операции, которые рассматривают их в одном ряду уравнений, не имеют смысла. К сожалению, на это обстоятельство редко обращали внимание, и большинство вслед за Марксом, повторяя его ошибку, считают подобную операцию эпистемологически обоснованной. С этим нельзя согласиться. Может быть установлена лишь качественная связь – благодаря концепции денежного выражения общественного рабочего времени». Вполне допустимо, что М. де Врой с какой-то точки зрения прав: понятие стоимости и цены принадлежат в некотором смысле к различным теоретическим уровням или пластам, и они лишь очень и очень условно сопоставимы. Ведь, как нам представляется, вполне допустима точка зрения, с которой стоимость все-таки является лишь одним из компонентов (факторов), формирующих рыночную цену, т. е. сумма всех рыночных цен в экономике явно всегда больше совокупной стоимости. С другой стороны, по логике Маркса, совокупная стоимость должна быть всегда избыточна, т. е. она больше суммы цен всех продуктов производственной сферы и при этом тождественна сумме всех рыночных цен в целом в обществе.

Примечание. Поэтому и неудивительно, что любые математические операции, которые рассматривают их в одном ряду сравнений, могут иметь весьма условный формально-абстрактный и ограниченный смысл. Когда количественный аспект становится главным и единственным критерием проверки истинности марксовой ТТС (например, как у неорикарданцев), то, как правило, забывают, что это чисто техническая проблема, решение которой по существу ничего не объясняет, и которая не в состоянии ука-

затянуть направление дальнейшего движения в сторону эмпирических величин, например рыночных цен. На это совершенно оправданно указывают и современные марксисты.

Неорикардианцы пытались обойти или выйти из заколдованного круга, где стоимость определяется трудом, который, в свою очередь, сам тоже имеет стоимость (или должен иметь стоимость). Эту проблему они как бы «изгнали» из теории стоимости в теорию цены. Апологеты-марксисты вполне обоснованно в связи с этим возражали, что метод «затраты – выпуск», лежащий в основе всех расчетов неорикардианцев, в принципе применим для составления балансов товарной продукции в ценах, но всякие попытки внести в данную модель некие «трудовые единицы» или цены, исчисленные в «трудовом выражении», исходя из постулатов учения Маркса, теоретически несостоятельны.

Примечание. Интересно, что и сам Маркс утверждал принципиальную невозможность выражения цены товаров непосредственно в труде: «Различие между ценой и стоимостью, между товаром, измеренным в том рабочем времени, продуктом которого он является, и тем рабочим временем, на продукт которого этот товар обменивается, это различие требует третьего товара, как меры, в которой выражается действительная меновая стоимость товара. Так как цена не равна стоимости, то элемент, определяющий стоимость – рабочее время – не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо в этом случае рабочее время должно было бы выражать себя одновременно как определяющее и не определяющее, как равное и не равное самому себе. Так как рабочее время как мера стоимости существует лишь идеально, то оно не может служить материей для сравнения цен. Различие цены и стоимости требует, чтобы стоимости, как цены, измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена, в отличие от стоимости, необходимо должна быть денежной ценой. Здесь проявляется обстоятельство, что номинальное различие между ценой и стоимостью обусловлено их реальным различием» (*т. 46, ч. 1, с. 80-81*).

Коммунисты полагают, что до тех пор, пока в экономике господствуют стоимостные отношения, учет необходимого труда может осуществляться только «опосля», через стоимость. По их мнению, даже в транснациональных компаниях (уместно добавить: и в СССР тоже) внутренний учет затрат труда велся и ведется на основе условных (расчетных) цен, а не «трудовых единиц» (почему не на основе актуальных рыночных цен – непонятно). Только в некапиталистическом обществе стоимостная оболочка производственных отношений станет излишней. И только тогда математическое моделирование и расчет общественных трудовых затрат якобы смогут как-то превратиться из утопии в прикладную задачу. Эпигоны всячески подчеркивают, что «абсолютная» (или «действительная») стоимость, просто стоимость и «относительная» стоимость, т. е.

меновая стоимость, – это не одно и то же (т. 26, ч. 2, с. 182–185). Ведь Маркс, по их мнению, не только проводил различие между меновой стоимостью как пропорцией, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, и стоимостью товаров как кристаллизацией заключенного в них общественно-необходимого труда, более того, он еще утверждал, что меновая стоимость есть лишь форма проявления стоимости. Таким образом, стоимость и величина стоимости обнаруживаются, проявляются в форме стоимости. Но это отнюдь не значит, что «стоимость и величина стоимости товара существует лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь в столбцах текущего прейскуранта товаров» (т. 23, с. 71). Маркс, а за ним и его правоверные адепты упрямо настаивают, что хотя в меновом отношении величина стоимости (цена) приобретает известную самостоятельность движения (меновая пропорция является отношением между двумя товарами, величина стоимости каждого из которых может варьировать), понять и объяснить эти вариации невозможно, не выяснив качественного своеобразия внутренней их природы.

Вот и получается, что ни понять, ни объяснить невозможно, но все равно при этом упрямо и догматически по-прежнему утверждаем о влиянии некоей «внутренней» их природы, в которой в качественном ее своеобразии якобы таится сущность механизма рыночного обмена. Очевидно, что это не только ложные или неверные, но и извращенные коммунистические установки с самого начала и до конца!

§ 3. ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕМЫ ГЕДЕЛЯ В ПОЗИЦИИ «ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ» МАРКСИСТОВ

«Закон является всеобщим и потому не может быть справедливым по отношению к каждому отдельному случаю» (Аристотель).

Нельзя не отметить своеобразии виртуозной как бы «адвокатской» позиции т. н. «перестроечных» апологетов учения Маркса. Возвращаясь к его известному положению о том, что в масштабах всей экономики не только суммарная прибыль равна суммарной прибавочной стоимости, но и сумма цен производства произведенных товаров должна быть равна суммарной их стоимости, они делают важные уточнения и замечания.

Примечание. В лице, например, А. Ю. Чепуренко, его «Идейная борьба вокруг “Капитала” сегодня» (1988 г.) – тогда если не лучшая, то одна из лучших работ по этой тематике.

Марксисты полагают, что из сказанного следует:

- 1) эксплуатация является единственным источником дохода капиталиста;
- 2) эти выводы были сделаны на том уровне исследования, когда еще не учитывался весь комплекс более конкретных причин, приводящих к их расхождению (а именно – ложная социальная стоимость, устойчивое несовпадение спроса и предложения и т. п.).

После этой, так сказать «мягкой», коррекции границ влияния этого догмата ими делается следующее замечание–признание, что «пока еще нет корректного в политико-экономическом и математическом отношениях решения, при котором одновременно выполнялись бы оба требования». Более того, на сегодняшний день вслед за Манфредом Хике (ГДР) целый ряд экономистов-марксистов на основе математического расчета трансформации констатируют, что равенство суммы цен производства сумме всех стоимостей достигается фактически лишь при том совершенно нереальном условии, что органическое строение капитала во всех отраслях одинаково. Иными словами, получается, что в действительности сумма цен производства, как правило, не равна суммарной стоимости товарной массы, она либо меньше (отметим, что нам неизвестны подобные случаи), либо больше последней.

«Адепты-перестроечники» оказались как бы в растерянности: или признать, что закон трудовой стоимости осуществляется «лишь как господствующая тенденция, как некоторая, никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний», или просто «теория Маркса оставляет еще не разъясненными ряд проблем», говоря словами Ленина?

В итоге своих долгих терзаний они обратили внимание на теорему о неполноте формальных систем, сформулированную еще в 1931 г. Куртом Геделем. Эта теорема гласит, что в достаточно содержательных формальных системах обязательно имеются неразрешимые, т. е. недоказуемые и одновременно неопровержимые в рамках данной системы положения. Именно так якобы обстоит дело и с системой этих уравнений: количество неизвестных во всех до сих пор предлагающихся вариантах его математического решения неизмеримо превышает число строк, так как всякий раз в систему вносятся дополнительные допущения, ограничения и условия.

Вне всякого сомнения, теорема Геделя о неполноте имеет очень важное, фундаментальное гносеологическое значение, ибо она как минимум показывает невозможность полной формализации человеческого мышления. Однако применима ли она к данному случаю?

Адептам кажется, что если ответ будет положительным и, кроме того, удастся еще доказать, что в «Капитале» невозможно обнаружить такое положение, которое может быть введено в качестве недостающей

строки в систему уравнений без увеличения числа неизвестных в нем, то только в этом случае проблему трансформации в ее количественном аспекте можно будет снять с повестки дня. При всем том, что уже было сказано, Чепуренко не забывает на всякий случай подчеркнуть, что речь идет лишь о количественной стороне превращения стоимостей в цены производства и возможности ее рассмотрения на том уровне теоретического исследования, на котором оно анализируется в «Капитале». Что же касается качественной стороны этой проблемы, то «ничто не поколеблет» того, что ТТС – единственно возможная база научного объяснения функционирования экономики. Что же касается опытной эмпирической ее проверки, то несложные вычисления, практический опыт класса капиталистов и его «неутолимая жажда прибавочного труда» «доказывают» (прямо почти как у Э. Бернштейна), что источником вновь созданной стоимости всегда является именно труд.

Трудно поверить, что этот ученый не то что изучал, а хотя бы просто читал, например, работы австрийской школы (а он ведь их упоминает)! Неужели не очевидно, что капиталиста интересует не прибавочный труд, его интересует только прибыль – именно чистая прибыль (между прочим, сам Маркс указывал на этот факт). Разве еще не ясно, что источником прибыли является далеко не один только прибавочный труд?!

В 1985–89 гг. адепты Маркса, задумываясь о как бы возможных пределах ТТС и ТПС, задаются то ли теоретически-гипотетическим, то ли футурологическим вопросом: возможно ли, что полная автоматизация уже в исторических рамках существующего капитализма положит предел существованию ТТС и всякому «теоретизированию, основывающемуся на понятии прибавочной стоимости» (Стидман)? Ведь, без сомнения, по логике самого же Маркса, это вполне допустимо. Но апологеты учения Маркса полагают же, что правильнее в данном случае осторожно лишь процитировать основоположника: «в буржуазном обществе, основанном на меновой стоимости, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя», в нем наличествуют «материальные условия производства и соответствующее им отношение общения, необходимые для бесклассового общества» (т. 46, ч. 1, с. 102–103).

Примечание. Под «материальными условиями» Маркс в данном случае, по-видимому, подразумевал тенденцию к превращению процесса производства в технологическое применение науки, выступающей в качестве непосредственной производительной силы, к становлению нового технологического способа производства – автоматической фабрики. Итогом развития производственных отношений в рамках капиталистического общества, по Марксу, может стать то, что «кража чужого рабочего времени» окажется

«жалкой основой в сравнении с... основой, созданной самой крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестанет и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости» (т. 46, ч. 2, с. 214).

Конечно, было бы во всяком случае иллюзией полагать, что благодаря технологическим переворотам и новым формам организации труда, мы уже достигли пределов царства свободы. **Царство необходимости является и, наверняка, будет всегда так или иначе являться доминантой в человеческой цивилизации.** Сегодня, по существу, мы наблюдаем тенденцию по превращению результатов сложного умственного труда в доминирующую форму субстанции общественного богатства в ведущих странах мира. Говоря об этих очевидных фактах, адепты-марксисты все равно полагают, что, тем не менее, производительным силам, складывающимся в «технотронную» эру, все теснее и неуютнее становится в оболочке «капиталистических производственных отношений».

По прошествии буквально 4 лет, в 1992 году, Л. Гребнев и уже нам известный А. Чепуренко, кажется, стали как бы смелее и решили все-таки определиться, что именно есть, «это “страшное” слово – эксплуатация». Оппонируя противникам рыночных преобразований в стране, они «решили порассуждать» о том, какие именно социальные явления за эксплуатацией «кроются и есть ли реальные пути избавления человечества от всех и всяческих форм угнетения». «Марксисты»-перестройщики в противостоянии с марксистскими фундаменталистами или ортодоксами начинают со следующего как бы успокаивающего или уговаривающего тезиса: «Сам по себе он (этот термин, «эксплуатация» – Ю. М.) не несет негативной нагрузки – говорим же мы об эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, месторождений, энергии солнца, воды, ветра, домашних животных, не видя в этом ничего страшного, предосудительного. Мы говорим и об эксплуатации каждым человеком своего собственного тела, своих природных данных. Например, преподаватель эксплуатирует свои голосовые связки для передачи информации слушателям и должен делать это с соблюдением определенной техники безопасности, чтобы не навредить своему здоровью, сохранить свой рабочий инструмент. Во всех этих случаях можно слово “эксплуатация” заменить как синонимом словом “использование”, в смысле подчинения природных или иных свойств каких-либо предметов некоей вне их лежащей цели». По их мнению, все это совершенно «нормально. Но есть в этом круговороте использования специфическая разновидность, именуемая паразитизмом («подчинение заложенного в человеке социального начала биологическому, то есть высшего – низшему» – Ю. М.) ... Причем иногда он бывает безвредным

или даже полезным, иногда же – угнетающим или даже смертельным. По аналогии с этим можно определить эксплуатацию в узком смысле слова как социальную разновидность паразитизма, при которой часть человеческого рода обеспечивает свое существование за счет ограничения возможностей жизни рода в целом. Под такое определение подходит и экономическая эксплуатация, и экологическое паразитирование», которое проявляется в загрязнении среды обитания грядущих поколений, сексуальном угнетении, национализме или расизме.

В итоге эти марксисты уже как бы ожидаемо (и, кстати, по нашему мнению, вполне оправдано) заявляют, что экономическая эксплуатация оказывается несводима только лишь к эксплуатации человека человеком, к присвоению чужого прибавочного труда. Ведь «во-первых, наряду с эксплуатацией человека человеком существовали и существуют и такие формы, как эксплуатация общества человеком (в каждом обществе существуют известные социальные группы, которые временно или постоянно живут за счет прибавочного труда всего этого общества, ничего не давая взамен, причем с прогрессом производительных сил они численно увеличиваются – таковы, например, безработные) и эксплуатация человека обществом (в лице, например, государства; к этой форме эксплуатации мы позже еще вернемся). Во-вторых, эти формы эксплуатации могут возникнуть лишь тогда, когда появляется сам прибавочный труд. В первобытном обществе эксплуатации не существовало, ибо для нее не было экономического источника – люди трудились до изнеможения, однако могли прокормить лишь самих себя. Значит, для появления эксплуатации необходимо прежде всего, чтобы человек имел физическую возможность в течение рабочего времени заниматься не только необходимым, но и прибавочным трудом, то есть чтобы он мог “выжать” из своего организма больше, нежели нужно для его физического существования. Таким образом, базисом всякой эксплуатации является... самоэксплуатация (в вышеописанном понимании)». Здесь, как нам кажется, апологетика эксплуатации со стороны, вероятно, уже бывших коммунистов превзошла даже либеральную. С нашей точки зрения, говорить о «самоэксплуатации» в данном контексте уж совсем излишне, да и по сути неоправданно. По определению ведь вся изначальная интрига этого термина состоит именно в возможных формах целесообразного использования «другого» («ближнего») или «других», которое, конечно же, вовсе не обязательно сводится именно только к присвоению чужого труда (пусть и прибавочного труда). Возможности и результаты использования или эксплуатации окружающих и вообще окружающего во всех смыслах гораздо шире достижений самого по себе труда.

Марксистское или коммунистическое положение о том, что «расширение возможностей человека и человечества, историческое возвыше-

ние человеческого рода» (да еще якобы и «сознательно творящего собственную историю») «измеряется в первую очередь его способностью к прибавочному труду», а, например, не его способностью к творчеству, научному прозрению и изобретательству, очевидно просто ложно и идеологически ангажировано. Говоря о том, что только «прибавочный труд позволяет» расширенно воспроизводить, менять и совершенствовать «прежние возможности и социальные связи», наши марксисты-политэкономы уже совсем неожиданно заявляют следующее: «Поэтому необходимый труд есть в известной мере “вычет” из прибавочного труда, его ограничитель», вероятно, даже не осознавая всю степень нелепости этого своего высказывания, которое к тому же очевидным образом по определению противоречит известному постулату Маркса. Кроме того, коммунисты как бы не догадываются, что человек просто не в силах всегда осознанно и тем более вполне разумно «творить собственную историю». Хотя действительно «человек – раб своего желудка», утверждать, что некая т. н. «самоэксплуатация» является «базисом всякой эксплуатации», конечно, нельзя. Дело в том, что первопричины и генезис эксплуатации во всяком биосоциуме гораздо глубже и шире проблем «своего желудка». Очевидно, что даже если человеку и удастся найти способ радикального изменения «своего положения в производстве жизненных благ и роли материального производства в жизни общества», некие необходимые формы эксплуатации человека человеком, эксплуатации человека обществом и общества человеком все равно останутся.

Нас, конечно, не может не умилять, когда буквально вчерашние горячие поклонники и/или фанаты Маркса коммунисты нам «говорят о том, что рыночная экономика сопряжена с эксплуатацией человека человеком, то это, конечно, верно. Правда, с одним маленьким уточнением: такова была классическая рыночная экономика времен Адама Смита. Ибо уже во времена Маркса (о чем известно каждому, кто знаком с “Капиталом”, а не только с “популярными” его изложениями в вузовских учебниках) эта форма эксплуатации была потеснена эксплуатацией человека обществом – в лице акционерных компаний и государства. Ныне же, когда в развитых странах Запада в рамках так называемого государства всеобщего благосостояния сложилась мощная система социальных гарантий, выплат, пособий и льгот наряду с двумя этими формами значительную роль в функционировании общества играет и эксплуатация общества человеком». Это, пожалуй, уже и социал-демократическим ревизионизмом назвать нельзя. По их тогдашнему наивному мнению, «переход к рынку у нас едва ли, даже при самом неблагоприятном сценарии, приведет к становлению системы эксплуатации человека человеком», ведь предусматриваемое «складывание государственно-монополистического

капитализма» предполагает эксплуатацию человека «государственными корпорациями (концернами, ассоциациями) монополистического толка». Гребнев и Чепуренко, с одной стороны, как бы забыли тот факт, что «хрен редьки не слаще», а с другой – почему-то как-то самонадеянно и поспешно решили, что «по всем параметрам мы весьма» сильно отличаемся «от тех стран “третьего мира”, в которых эта экзотическая форма эксплуатации еще является ведущей».

Немало повеселило нас и другое: в ходе этой заочной полемики с «ортодоксами» Гребнев и Чепуренко не забывают напомнить известную ленинскую мысль о «том, что государственный капитализм, безусловно, ближе к социализму, чем мелкотоварное или частнокапиталистическое производство». Более того, договариваются они еще и до того, что положение «эксплуатация связана с существованием частной собственности и рынка» «не соответствует действительности», т. к. «у эксплуатации, вообще говоря, существуют иные, более глубокие корни». Как бы оправдываясь, они добавляют, что «при натуральном хозяйстве, то есть при отсутствии частной собственности и рудиментарном рынке самоэксплуатация достигает самого высокого уровня». Причем здесь вообще какая-то «самоэксплуатация», когда речь должна идти именно о эксплуатации, абсолютно непонятно – до каких же только ухищрений и извращений не доходят наши «родные» постсоветские явно уже достаточно опытные «марксисты», чтобы убедить нас в том, что «лед может быть и жареным».

Примечание. Показательно, что наши ревизионисты уже согласны и с тем, что «существовавшее в СССР общество не было социалистическим». Правда, поясняют они это довольно странным образом: «В зависимости от того, какая форма эксплуатации преобладала, появлялись те или иные варианты мечтаний, противопоставлявшихся суровой действительности. Причем не только в разных обществах, но и у разных классов одного и того же общества формировались несовпадающие представления об идеале. Так, уже в 40-е годы XIX века одновременно существовал крестьянский и феодальный, мелкобуржуазный и буржуазный социализм, о чем Маркс и Энгельс писали в своем “Манифесте”. Позже возник национальный социализм в самых разнообразных модификациях. Можно говорить о двоякой реакционности всех этих вариантов социализма. Во-первых, они являются естественной, подсознательной реакцией эксплуатируемых на сам факт эксплуатации (“классовое чутье”). В такой реакции преобладают разрушительные эмоции, а не созидательный разум. Во-вторых, отрицание наличных форм эксплуатации стихийно сопровождается идеализацией прошлого, в котором еще не было того, что стало возмущать позже» (Гребнев, Чепуренко «Это “страшное” слово эксплуатация»).

В конечном итоге (конечно, исходя из марксистской парадигмы) делается весьма интересный и довольно последовательный вывод: «Превращение

социализма из утопии в действительность через живое историческое творчество народа, отвергающего знакомые ему формы эксплуатации, вовсе не обязательно должно привести к становлению общества без эксплуатации. Оно – в зависимости от обстановки и состава актеров исторической драмы – может быть чреватом переходом... от одной формы эксплуатации к другой, более примитивной». В нашем понимании упоминание здесь именно «более примитивной» формы абсолютно излишне, точнее, все-таки было бы сказать просто: к иным формам эксплуатации.

Примечание. Любопытно, как наши ревизионисты, оставаясь еще по уши марксистами (1992 г.), оценивают историческое прошлое страны: «В 1917 году народ... полуфеодальной, отсталой России... попытался взять свою судьбу в собственные руки. Это ему удалось, но “ценой” стал возврат от частной собственности к архаичным формам общей собственности, впервые в истории человечества появившимся в рамках азиатского способа производства. Исчезла ли при этом эксплуатация? Отнюдь нет, она лишь несколько видоизменилась. Все три основные формы эксплуатации сохранились». Заметьте, оказывается, народ в целом выступает актором или субъектом политики, а собственность способна быть «общей». Далее Гребнев и Чепуренко правильно констатируют, что эксплуатация продолжала в условиях нашего тогдашнего «реального социализма» «существовать в виде уравниловки, при которой плохо работающий получает доход за счет прибавочного труда старательного, умелого, инициативного работника. Более того, зона эксплуатации человека человеком в последние десятилетия даже существенно расширилась по мере усиления дефицитности экономики. Она преобладает у цеховиков, в теневой экономике или на черном рынке, где грабит покупателя спекулянт. Эксплуатация человека обществом (в лице государства) приобрела невиданные масштабы. Причем мы имеем в виду не только узурпацию государственной и партийной бюрократией значительной части так называемых общественных фондов потребления, но и гигантские затраты на разного рода разорительные “проекты века”, содержание громоздких общественно бесполезных идеологических и политических структур, подкармливание тоталитарных режимов за рубежом и другие формы выкачивания прибавочного труда нации в угоду абстрактным принципам внутренней и внешней политики. Наконец, существует и эксплуатация общества человеком. Наиболее отчетливо это проявлялось (и пока еще проявляется) в системе бюджетных дотаций убыточным предприятиям, дающей возможность их работникам иметь гарантированный доход, очень слабо связанный с количеством доставленного ими общественно-необходимого труда; в системе уравнительного доступа к общественным фондам потребления, что зачастую на практике оборачивается иждивенчеством, социальным паразитизмом маргиналов и люмпенов» (Гребнев, Чепуренко, «Это “страшное” слово эксплуатация»).

Ссылаясь на высказывание Г. Х. Шахназарова, помощника Президента СССР Горбачева, что о том, «что есть социализм, следует судить не по иде-

алу, выношенному утопистами, и не по определению классиков марксизма-ленинизма, при всем к ним уважении. Правомерно лишь определение, происходящее от самого сущностного смысла этого понятия, а именно: преобладание общего над частным, прежде всего и главным образом в формах собственности, производства и распределения. Был ли с этой точки зрения у нас социализм? На этот счет не может быть никаких сомнений» (Г. Шахназаров «В поисках утраченной идеи (к новому пониманию социализма)». *Коммунист*. 1991. № 4. С. 31). Гребнев и Чепуренко, в общем как бы отвергая это (как они говорят, по Пьеру Леру) «понимание социализма как примата общества над личностью», сформулировали достаточно оправданно «несколько иначе» свое определение: «Та форма “социализма”, которая у нас сложилась, была связана с преобладанием в системе экономических отношений эксплуатации человека государством. Именно она на протяжении многих десятилетий оставалась несущим звеном, две остальные формы эксплуатации были производными от нее». С этим определением уже спорить невозможно. Безусловно, последовательно «Выходит, если у нас и существовал социализм, то эксплуататорский, основанный на примате эксплуатации человека обществом. Сегодня, следовательно, происходит не переход от неэксплуаторского строя к основанному на угнетении капитализму, а нечто иное – переход к другой иерархии форм эксплуатации. При этом меняется и облик самих субъектов, участников, сторон экономических отношений». Более того, вероятно, уже в чем-то бывшие «марксисты» Гребнев и Чепуренко подчеркивают, что смысл уместных перемен, осуществляемых в стране, на самом деле в деэтартизации, или разгосударствлении, в переходе к частной собственности. Таким образом, «эксплуатация человека обществом при этом не исчезает, но на первый план выходит негосударственная ее форма».

У современных как бы поклонников Маркса наконец обоснованно возникает резонный вопрос: «ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЩЕСТВО БЕЗ ЭКСПЛУАТАЦИИ?». Отвечают они на него следующим вполне оправданным образом: «В самом деле, оказывается, и социализм – тоже не самое лучшее общество, а **эксплуатация является вечным спутником человечества, при всех его мечтах о лучшем, более справедливом общественном устройстве**». Тем не менее, как это и ни удивительно после всего изложенного ими, они далее все-таки заявляют: «Кому-то, может быть, покажется, что картина складывается весьма неутешительная... Да, пока – подчеркнем, пока – это так. Но значит ли это, что угнетение в принципе неустранимо?» Постсовковые коммунисты вслед за Марксом полагают, что поскольку якобы «человечество в целом – в отличие от отдельных утопистов – никогда не ставит перед собой неразрешимых задач», то и «социализм, понимаемый как освобождение от эксплуата-

ции, – не только мечта эксплуатируемой части общества, но и реальное дело общества в целом, если оно понимает, что от этого зависит его дальнейшее существование».

Примечание. В предисловии «К критике политической экономии» Маркс пишет, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить». Тем самым, по словам Арона, «Маркс и марксисты дают нам живое опровержение такой гармонии между стремлением людей и их возможностями». Ведь они как правило «соизмеряют задачи не со своими силами, а со своими мечтами» (*«Мнимый марксизм»*, с. 375).

В конце концов, всем современным коммунистам кажется абсолютно очевидным, что в перспективе, «вытеснение» человека из материального производства и его освобождение от нетворческих видов умственного труда (счетоводство и т. п.) приведут к исчезновению и различия между рабочим временем как таковым и свободным временем».

Примечание. Поясняется это ими следующим образом: «Любые формы эксплуатации, даже самые цивилизованные, мягкие, всегда сопряжены с конфликтом, противостоянием общественных сил (хотя попытки его разрешения, конечно, могут быть разными – от гражданских войн до переговоров за круглым столом в поисках приемлемого компромисса). При прочих равных условиях более жизнеспособным представляется, однако, такое общество, силы которого не тратятся на борьбу или предотвращение борьбы между его различными слоями, социальными группами, регионами, нациями, отстаивающими свои интересы за счет других, то есть общество, в котором никто не считает себя эксплуатируемым и действительно не эксплуатируется никем. Критерий жизнеспособности, выживаемости общества – совершенно объективный критерий. Борьба эксплуатируемых с эксплуататорами может кончиться не только взаимоприемлемым соглашением сторон или победой (действительной или мнимой) одной из них, но и исчезновением общества, его самоуничтожением. Значит, эксплуатация представляет собой угрозу для общества. Ликвидация этой угрозы – объективная жизненная потребность всего общества. Таким образом, социализм, понимаемый как освобождение от эксплуатации, – не только мечта эксплуатируемой части общества, но и реальное дело общества в целом, если оно понимает, что от этого зависит его дальнейшее существование. Но понимание необходимости перемен приходит, как правило, вместе с появлением их реальных предпосылок. Ибо человечество в целом – в отличие от отдельных утопистов – никогда не ставит перед собой неразрешимых задач. Эти реальные предпосылки сегодня уже прорисовываются – автоматизация и компьютеризация производства создают возможность для быстрого сокращения необходимого рабочего времени, а значит, и для сведения к минимуму самоэксплуатации. В перспективе же, очевидно, «вытеснение» человека из материального производства и его освобождение от нетворческих видов умственного труда (счетоводство и т. п.) приведут к исчезновению и различия между рабочим временем как таковым и свободным временем. Конечно, остаются еще другие, неэкономические

формы эксплуатации – загрязнение окружающей среды, национализм, расизм и сексизм. Но именно то обстоятельство, что они, а не экономическая эксплуатация, вызывают ныне наибольшую озабоченность у общественности развитых стран (многие социалисты на Западе считают сегодня социальный вопрос в том виде, в каком он стоял на повестке дня в первой половине XX столетия, исчерпанным, и провозглашают конец эпохи профсоюзов и рабочих партий и наступление эпохи новых общественных движений – антивоенного, а также зеленых, феминисток, молодежи, национальных и расовых меньшинств), – именно это свидетельствует, что человечество стоит на пороге принципиально иной эры. Грядет эра, когда основная форма эксплуатации – экономическая – навсегда отойдет в прошлое. Эксплуатация останется в исторической памяти человечества, для наших потомков она будет только “страшным” словом, но не жизненным понятием» (Гребнев, Чепуренко, «Это “страшное” слово эксплуатация»).

Ну да ладно, сейчас не будем углубляться и говорить о далекой туманной перспективе. Сейчас нас удивляет другое – то, как невероятным образом нынешним коммунистам оказывается «Ясно одно – к концу XX века впервые складываются условия для превращения подлинного, неэксплуататорского социализма из утопии в действительность». Ведь они, адепты Маркса, верят, что «такова магистральная линия развития человечества». При этом они верят еще даже и в то, что «Если нашему народу удастся решить проблему демократической модернизации экономических структур и создать – будем реалистами – общество, свободное не от эксплуатации, а только от архаических ее форм, мы сможем совершить этот марш относительно быстро», а это уже явно выходит за рамки всякого возможного нашего понимания.

В целом создается впечатление, что для этих постсоветских марксистов уже не так «страшна» даже капиталистическая эксплуатация человека человеком, как страшен тоталитарный режим (опыт которого им, видно, достаточно хорошо известен). Кроме как «бессилием трусости, которая, наряду с жестокостью, является логическим следствием всякого деспотизма» (Э. Ремарк), объяснить эту трансформацию трудно. Боязнь или суеверный страх, пропитавший не только подсознание, но и, кажется, каждую клеточку всякого совкового организма, бросает как бы обновленный «марксистский» разум из крайности в крайность, т. к. в его понятии «Любой иной (антирыночный – Ю. М.) вариант обновления общества чреват консервацией самых дремучих, косных форм угнетения».

Глава 12.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ В СВЕТЕ КРИТИКИ БЕМ-БАВЕРКОМ, БЛАУГОМ И МЕГИЛЛОМ

«Если какое-нибудь учение, так сказать, носится в воздухе, то утверждение, будто человек, высказавший данную мысль, обязательно позаимствовал ее у другого, не всегда справедлива»
(О. Бем-Баверк).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Включение в нашу работу этой главы имеет две причины. С одной стороны, это мотивированность всего учения Маркса доказательством необходимости уничтожения капитализма в декларируемом стремлении покончить с эксплуатацией человека человеком, а с другой стороны, это избыточная идеологическая ангажированность реально существующей социально-экономической проблемы – необходимости эксплуатации человека. Критические материалы, содержащиеся в этой главе, призваны уместно дополнить и завершить политэкономическую часть нашей работы.

§ 1. СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ У СОЦИАЛИСТОВ, ПО БЕМ-БАВЕРКУ

Бем-Баверк считает тождественными теорию эксплуатации и теорию социалистического процента. Ее разбор он дает в своей работе «Теория эксплуатации», краткую экспликацию которой мы здесь представляем. Сущность этого учения, с точки зрения Бем-Баверка, по большому счету может быть сведена к следующему требованию – обеспечению возмож-

ности «получения рабочими полной ценности продукта труда при первоначальном перераспределении блага, не сокращая при этом второстепенного права на вознаграждение других полезных членов общества. Это естественное право не осуществляется, так как рабочие получают в виде зарплаты только часть ценности своего продукта, между тем как остальная часть получается собственниками земли и капитала в виде ренты» («Критика теории Маркса», с. 152).

В своем анализе Бем-Баверк исходит из того, что под рентой социалистами понимается «весь доход, который получается без личного труда, исключительно в силу владения». Она бывает двух видов: земельная рента и прибыль на капитал.

Примечание. В представлениях социалистов / коммунистов, по мнению Бем-Баверка, рента обязана своим существованием стечению двух обстоятельств: первое из них имеет экономический характер, второе – юридический. Экономическая причина ренты – труд со времени разделения труда производит больше, чем необходимо рабочим для поддержания их жизни и для продолжения их труда, так что и другие могут жить на его результаты. Юридическая причина – существование права частной собственности на землю и капитал. Коммунисты почему-то уверены, что именно в силу этой частной собственности рабочие лишены возможности распоряжаться необходимыми условиями производства. Они могут производить только по предварительному соглашению с собственниками и на службе у этих последних. При этом коммунисты не хотят замечать, что в условиях государственного капитализма (т. е. реального «социализма», какой, например, был в СССР) рабочие точно так же лишены возможности «распоряжаться необходимыми условиями производства». Вне зависимости от того, кто является собственником, рабочие фактически никогда не вправе претендовать на весь произведенный продукт. Взамен от работодателя трудящиеся получают в виде зарплаты только часть ценности (точнее – цены) продукта, лишь столько, сколько, безусловно, необходимо для поддержания их жизни и воспроизводства рабочих для продолжения труда. «Сила, которая заставляет рабочего соглашаться на такие условия, – голод». Коммунисты просто игнорируют тот факт, что в реальной действительности далеко не везде и не всегда зарплата составляет лишь эту минимально возможную величину, как правило, не все уж так трагично.

Социалисты и коммунисты, как и все адепты ТТС, полагают, что в конечном итоге все продукты обмениваются сообразно затраченному на них труду, совершенно исключая даже гипотетическую возможность того, что блага и при нормальных условиях обмениваются не сообразно затраченному на них труду, а как-нибудь иначе. Бем-Баверк обращает внимание, что в этом случае, естественно, прежде всего возникает трудный вопрос о том, в каком отношении рента, получаемая от общего производства, распределяется или должна распределяться между произво-

дителем сырья, с одной стороны, и предпринимателем обрабатывающей промышленности – с другой? В стремлении хоть как-то разрешить эту проблему некоторые (Робертус) приписывают собственности на землю и капитал некую даже «воспитательную силу», без которой просто пока нельзя обойтись, «своего рода власть, которая может быть заменена только совершенно другой национальной системой воспитания, для которой, однако, нет еще ни одного из предварительных условий». До этого же времени собственность на землю и капитал «своего рода должность, заключающаяся в выполнении национально-экономических функций, направляющих экономический труд и экономические средства нации соответственно ее потребностям». Что же касается ренты, то ее с этой точки зрения можно рассматривать как вознаграждение, получаемое такими «должностными лицами» за выполнение соответствующих функций.

Любопытно то, что в представлениях социалистов есть и т. н. «естественные блага», которые хотя и необходимы и полезны для человека, но т. к. они не стоят никакого труда, то и «хозяйству нет до них никакого дела». Тот же Робертус говорит: «Человек должен быть благодарен природе за то, что она вложила в хозяйственные блага от себя, т. к. это сберегает ему соответственное количество труда, но хозяйство принимает это в расчет лишь постольку, поскольку труд дополняет дело природы». Невозможно не согласиться с Бем-Баверком в том, что эта точка зрения совершенно неверна.

Примечание. Повторяясь в очередной раз, заметим, что, без сомнения, хозяйству приходится иметь дело и с чисто естественными благами, если только они редки по сравнению со спросом на них. Разве в самом деле хозяйство принимает во внимание блага, стоившие труда, лишь постольку, поскольку труд дополнил дело природы? Если бы это было так, то люди, занимающиеся хозяйством, должны были бы ценить совершенно одинаково литр наилучшего вина «Хванчквара» и литр хорошо возделанного, но по природе своей простого местного вина – «жужки», так как в обоих случаях человеческий труд причастен / не причастен в более или менее одинаковой степени.

Затраты редких даров природы также представляют собой затрату, невозможность возврата которой отзывается на человеке совершенно так же и по совершенно той же причине, которую социалисты сами признают по отношению к труду. Ведь они считают причиной, заставляющей нас экономно обращаться с трудом и его продуктами, не страдания, сопряженные с трудом, а количественную ограниченность труда по отношению к бесконечности наших потребностей. Всякое расточение труда, и без того недостаточного для полного удовлетворения потребностей, еще

более усиливает невозможность удовлетворения наших потребностей. Уже только поэтому имеется разумное основание экономно обращаться и с чужим трудом. Иными словами, если бы труд даже не был сопряжен с перенесением личных страданий, мучений, принуждения и т. п., а доставлял рабочему только одно ни чем не нарушаемое удовольствие, но притом все же не был бы количественно достаточным для производства всех желанных благ, то он обязательно имел бы свою ценность / цену и подлежал экономии.

Бем-Баверк учит нас, что **на человеке таким образом отражается не только расточительная, но и обыкновенная затрата труда, потому что благодаря ей он лишен возможности удовлетворить какую-либо другую потребность. То же имеет место и тогда, когда редкий дар природы расточается или вообще затрачивается.** Если кто-то расточает зря ценные залежи ископаемых, то он расточает совокупность удовлетворения потребностей, которую мог бы приобрести при экономном обращении и которой он лишается при неэкономном обращении.

Может показаться, что дело обстоит бы совсем иначе, если бы отменили право собственности на землю. Но между тем, именно в решающем пункте дело, конечно, вовсе не обстоит бы иначе. Правовой порядок имеет значение только для выбора тех или иных лиц, на которых он будет отзываться. Но в любом случае никогда нельзя было бы избежать того, чтобы потеря или затрата редких даров природы вообще не отражалась на удовлетворении потребностей ни отдельного лица, ни совокупности лиц.

Бем-Баверк совершенно правильно подчеркивает: то, что труд представляет собой единственную первичную силу и единственную первичную затрату, неверно по существу, а если бы данная предпосылка была бы даже правильна, то и из этого еще не следовало бы, что правилен и вывод. Ведь остается совершенно непонятным, почему человеческое хозяйство наряду с «первичными силами» не может или не должно экономно обращаться еще с чем-либо другим. Наконец, эта рассматриваемая позиция совершенно ошибочна еще и потому, что точка зрения, исключаящая, между прочим, из производственной сферы даже непосредственное духовное руководство ее деятельностью, ведет к массе внутренних противоречий. Например, кто хочет произвести каменный уголь, тот должен не только копать, но должен копать в определенном месте. Это положение неверно не потому, что оно ошибочно представляет в производстве благо долю капитала, а потому, что оно ошибочно представляет долю самой по себе природы.

Необходимо, наконец, осознать, что **капитал представляет собой не исключительно «предварительно затраченный труд», он представляет**

собой только часть (обычно даже главную) «предварительно затраченного труда», остальную же часть его представляют накопленные силы природы, обладающие ценностью. Если же последние все-таки отсутствуют (как это бывает, например, в производстве, в котором во всех стадиях затрачиваются исключительно свободные дары природы и труд или же такие продукты, которые сами созданы исключительно свободными дарами природы и трудом), то мы в самом деле можем с социалистами согласиться, что блага, созданные в таком производстве, с хозяйственной точки зрения представляют собой исключительно продукты труда.

В нашем понимании именно только при строгом ограничении / предположении, что все блага производятся исключительно совместной деятельностью труда и свободных сил природы и при исключительном содействии таких капиталов, которые сами созданы только совместной деятельностью труда и свободных сил природы без содействия обладающих меновой ценностью / ценой даров природы, наверное, можно как-то согласиться с тем, что блага с хозяйственной точки зрения стоят исключительно только труда. Но даже в случае принятия всех этих допущений, на наш взгляд, все-равно нельзя согласиться с Родбертусом (ни с Бем-Баверком, который в этом случае почему-то согласился с ним), который считает, что с чисто юридической точки зрения справедливо, чтобы рабочему принадлежал весь продукт, который создан только им, или вся ценность такового без вычетов. Как представляется, такое индивидуалистическо-эгоистическое решение проблемы распределения является негуманным и неприемлемым в любом из случаев. Ведь всегда есть члены общества, которые должны жить и пользоваться всеми благами, при этом никак не участвуя в производстве или попросту – в труде. (Как это и ни удивительно, наиболее ярким примером такого члена общества является именно священник. Пусть это и очень не нравится Марксу).

Однако фундаментальная проблема оплаты по труду, как ни странно, все-таки кроется совершенно в другом принципиальном факте действительности, который верно отмечает Бем-Баверк: «Если рабочий должен получать всю ценность своего продукта, то возникает вопрос: или рабочий должен получать всю настоящую ценность произведенного им продукта в настоящем, или он должен получать всю будущую его ценность в будущем?»

Примечание. В данном и во многих других случаях в этой главе мы намерено приводим термин «ценность» вместо марксовской «стоимости», трактуя его значительно шире, чем благо, полученное лишь вследствие затрат труда.

Все социалисты / коммунисты (в т. ч. и Маркс, который даже считает, что рабочий как бы авансирует своим трудом бизнес), грубо говоря, понимают это так, что рабочий должен получать всю будущую ценность своего продукта уже в настоящем, и делают при этом вид, будто

это нормально и иначе якобы быть не может. Но в реальной жизни все происходит по-другому. Рабочий не может и/или не хочет ждать, пока его продукт будет полностью закончен. Рабочий желает по вполне понятным причинам получать соответствующую часть вознаграждения уже по истечению условленного (как правило, ранее) промежутка времени (дня, недели, месяца и т. д.). При этом возникает весьма серьезный, глубокий и немаловажный вопрос: как именно определить эту часть в зависимости от приведенного принципа?

Примечание. Бем-Баверк на с. 173 в «Критике теории Маркса» вносит примерно следующие должные пояснения: итак, как бы ясно, что рабочий получает все, что ему как бы следует, если он в данный момент получит то, что он создал. Но как же велика будет эта ценность по сравнению с ценностью готовой, например, паровой машины? На первый взгляд, может показаться, что все просто: рабочий, скажем, выполнил или сделал пятую часть труда, необходимого для изготовления всего изделия, значит, его настоящий продукт также будет обладать пятой частью ценности всего продукта, т. е. стоимостью, например, 1100 руб. Таким образом, кажется, что рабочий должен за год получить зарплату 1100 руб. Но этот вывод совершенно ложен! 1100 руб. представляют собой пятую часть ценности готовой имеющейся налицо паровой машины. Но рабочий произвел пока не пятую часть машины, которая уже готова, а пятую часть машины, которая, скажем, будет готова только через 4 года. А это уже далеко не одно и то же, не только на словах, но и по существу, совершенно так же, как все вообще настоящие блага имеют в настоящее время ценность отличную от ценности благ будущих. Таким образом, изготовленное этим рабочим в течение первого года пятая часть паровой машины, которая будет закончена только через 4 года, не имеет полной ценности пятой части уже готовой машины, она меньше. Насколько же меньше? Это обстоятельство находится в известной, на опыте наблюдаемой связи с величиной, существующей в этой стране ставки процента и с отдаленностью момента, в который будет закончен весь продукт.

Факт, что по оценке настоящего времени, к которому относится наше хозяйство, настоящие блага обладают большей ценностью, чем будущие блага того же вида и качества, является одним из наиболее распространенных и самых важных в хозяйстве. Этот фундаментальный практический принцип, что настоящие блага обладают большей ценностью, чем такие же будущие, несомненно, подтверждается даже самым поверхностным наблюдением в обыденной жизни.

Примечание. Следует отметить, что Бем-Баверк посвятил исследованию этого важнейшего экономического явления свой фундаментальный труд «Капитал и процент», благодаря которому его вполне оправданно можно отнести к настоящим классикам политэкономии.

По Бем-Баверку, именно из-за отказа от текущего дохода в пользу будущего возникает такой феномен экономической практики, как процент.

Примечание. Почему люди готовы платить за обладание благами сегодня? Причина этого, по мнению Бем-Баверка, коренится в недооценке людьми будущего, проистекающей из-за недостаточно развитого воображения, скоротечности жизни и неуверенности в завтрашнем дне. В результате этого появляется избыточный спрос на потребительский кредит, что приводит к положительной норме процента. Тем самым происхождение процента связывается Бем-Баверком прежде всего с фактором времени. Но оценивает текущие блага выше будущих не только потребитель, но и собственник денежного капитала. Причина в том, что последний предполагает возрастание в перспективе данного блага, а следовательно, уменьшение предельной полезности его в будущем по сравнению с настоящим. Кстати, это объясняет, почему в динамично развивающейся экономике (что предполагает рост доходов населения) норма процента всегда будет или должна быть положительной. Люди максимизируют полезность на протяжении всей жизни, и тогда в условиях растущего дохода прирост текущего потребления даст больше пользы, чем прирост потребления в будущем. Таким образом, по большому счету суть проблемы – в цене времени. Здесь, кажется, есть некоторое сходство со взглядами Ф. Аквинского, который рассматривал процент как плату за время, предоставляемое кредитором заемщику.

Конечно, ставка процента не является причиной более низкой оценки будущих благ. Процент и ставка процента могут быть, естественно, только следствием этого основного явления.

§ 2. ТРЕБОВАНИЯ СОЦИАЛИСТОВ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

«Абсолютного понятия справедливости, не относящегося к определенной системе социальной организации, не существует»
(Л. Мизес, «Человеческая деятельность», с. 546).

Социалисты требуют, чтобы вся ценность, которой будет обладать в конце работы готовый продукт, была обращена на зарплаты и выплачивалась, соответственно, уже в течение работы. Это так мало «естественно», что естественным путем ну никак неосуществимо. Т. е. требования социалистов, если называть вещи своими именами, сводятся в конечном итоге в реальности к тому, что рабочие в силу наемного договора должны каким-то невероятным или фантастическим образом получать больше, чем они заработали, больше, чем они могли бы получить, если бы они были сами предпринимателями за свой счет, и больше, чем они создают для предпринимателя, с которым они заключили договор. Они упорно

игнорируют то, что существующее отношение ценностей является непосредственным следствием того, что наша жизнь ограничена пределами времени, что сегодняшний день со своими потребностями и заботами предшествует завтрашнему, что в послезавтрашнем дне мы, может быть, вообще уже не можем быть уверенными. Различие между настоящим и будущим делает каждый вообще человек. Оценивается же это различие, как и все остальное в этом мире, рынком. Фактически их требование сводится к тому, чтобы в определении величины зарплаты или цены труда игнорировалась его рыночная оценка, чтобы не учитывалось это различие между настоящим и будущим.

Тем не менее, уже изначально ясно, что возможным и естественным (Бем-Баверк говорит, как ни странно, что и справедливым) будет, если рабочий получит всю стоимость машины через 5 лет. Если же он не может или не хочет ждать в течение 5 лет, то он, кажется, также должен получить всю ценность своего продукта, но только – настоящую ценность настоящего продукта. При этом данная ценность по необходимости должна быть меньше, чем та часть ценности будущего продукта, которая соответствует труду, т. к. в хозяйственном мире господствует закон, что настоящая ценность будущих благ меньше, чем настоящая ценность настоящих благ. Этот закон обязан своим происхождением непосредственно природе человека и природе вещей. В реальной жизни все еще гораздо сложнее: в примере с производством машины в течение 5 лет не учтен, кроме времени, еще один важнейший фактор – разделение труда. Т. е. наши рабочие могут взять на себя труд этих пяти рабочих лет не одновременно, а последовательно – один за другим. Какую же часть тогда готовой машины может теперь требовать за свой труд каждый из пяти участников согласно принципу, что рабочий должен получать всю ценность своего продукта? Например, в рассматриваемом случае, кажется, не подлежат сомнению два факта:

1) распределение возможно только по истечению 5 лет, так как до этого времени нет ничего, что можно было бы распределить;

2) общую ценность паровой машины следует распределить между 5 рабочими.

По какому же принципу? Конечно же, не поровну, т. к. такое распределение предоставило бы значительное преимущество тем рабочим, труд которых относится к более поздней стадии общего производства по сравнению с их товарищами, трудившимися ранее. В любом случае рабочие последних стадий были бы вынуждены обеспечить за рабочими предварительных стадий большую долю в окончательной ценности продукта в виде вознаграждения за отсрочку. Предположение, что каждый рабочий получает одно и то же вознаграждение, возможно только при условии,

что разница во времени не имеет для них никакого значения. Ясно, что такое предположение никогда не имело места и иметь не может. По мнению Бем-Баверка, обращение с рабочими будет вполне справедливо, если предприниматель предложит им то же вознаграждение, которое они получили бы в качестве доли распределения в том случае, если бы производили за свой счет.

Примечание. Т. к. все 5 рабочих затратили одинаковый труд для завершения работы, то справедливость требует, чтобы все они получили одно и то же вознаграждение. Это же вознаграждение выразится теперь в одинаковых суммах, т. к. каждый рабочий получает вознаграждение непосредственно после окончания работы. Следовательно, каждый из 5 рабочих в конце рабочего года получит 1000 рублей, как этого и требует справедливость. При этом сумма 5000 рублей, которую предприниматель выплачивает рабочим непосредственно после окончания работы, совершенно равноценна 5500 рублям, которые во втором случае могли бы быть распределены между рабочими в конце 5-го года. Бем-Баверк замечает, что в предложенном примере не может быть и речи о необходимости для участников соответствующей «производительной операции» оставаться праздными (т. е. без иной работы) в течение того времени, когда они не заняты в данном производстве. Более высокое вознаграждение (например, 1100 рублей каждому) было бы мыслимо только в том случае, если бы для предпринимателя было бы совершенно безразлично то, что небезразлично для рабочих, т. е. разница во времени, или если бы предприниматель захотел сделать рабочим подарок, равный разнице ценностей между настоящими 1100 рублями и будущими. Существует одно только «лицо», от которого рабочие могли бы по праву ожидать такого обращения к себе, – это государство.

Вероятно, только государство, конечной целью которого является благосостояние совокупности всех их граждан, может, если речь идет о благосостоянии большого числа членов, отказаться от строгой точки зрения в оценке прагматики взаимных услуг. По большому счету оно может просто дарить, вместо того чтобы торговаться. Должно ли государство так поступать или нет – это вопрос не только экономической, но и политической целесообразности. Но если государство будет выплачивать рабочим в качестве зарплаты всю будущую ценность продукта уже в настоящем, то это будет не соблюдение, а нарушение принципа, что рабочий должен получать в качестве вознаграждения всю ценность своего продукта. Это был бы искусственный прием для того, чтобы сделать возможным то, что при обыкновенном ходе дела невыполнимо. Тот способ вознаграждения, о котором говорилось в примере, и есть тот, который фактически осуществляется в хозяйственном мире: распределяется в качестве вознаграждения не полная окончательная ценность или цена продукта труда, а меньшая сумма, но зато в более раннее время. Величина вознаграждения отлича-

ется от окончательной ценности / цены продукта не больше, чем на сумму процентов, которую можно получить при существующей в данной стране процентной норме, постольку право рабочих на полную ценность / цену создаваемого ими продукта остается в полной силе, они получают весь продукт по оценке того времени, когда они получают свое вознаграждение.

§ 3. ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧИХ

Бем-Баверк почему-то считает, что только лишь в том случае, если общее вознаграждение отличается от окончательной ценности продукта больше, чем на сумму процентов, которую можно получить при существующей в данной стране процентной норме, можно при известных обстоятельствах усмотреть действительную эксплуатацию рабочих. При этом он полагает, что в общую разность между ценой продукта и выплачиваемым вознаграждением, выпадающую на долю предпринимателя, могут войти четыре существенно различные составные части:

1) премия за риск, служит для покрытия действительных потерь и не включает в себе сокращение зарплаты рабочих;

2) вознаграждение за собственный труд предпринимателя, в нем нет несправедливости по отношению к рабочим;

3) вознаграждение за разность времени между уплатой вознаграждения и реализацией окончательного продукта, соответствующее существующей процентной норме;

4) увеличение прибыли использованием затруднительного положения рабочих для еще большего ростовщического понижения зарплаты.

Итак, совершенно абсурдно стремление социалистов к тому, чтобы рабочий теперь уже получал всю ценность / цену, которой никогда не будет обладать его законченный продукт. Не менее **нелепо их убеждение, что ценность благ определяется исключительно количеством труда (пусть и общественно-необходимого), необходимого для их производства. Если бы это могло быть верно, то предварительный продукт, вмещающий в себя годичный труд, уже теперь обладал бы полной пятой частью ценности, которой будет обладать окончанный продукт, вмещающий в себя 5 рабочих лет.**

Важный факт, упускаемый из виду социалистами: из двух благ, производство которых требует одинаковой затраты труда, то из них приобретает большую меновую ценность, изготовление которого требует

большого аванса предварительного труда или более продолжительного промежутка времени. Следует заметить, что временная отсрочка (при известных условиях) оказывает на ценность благ даже большее влияние, чем количество затраченного труда (например, цена старого вина или столетнего дуба). В этом, собственно, и заключается **суть первичного процента на капитал: излишек меновой ценности, приобретаемый благами, производства которых требует аванса предварительного труда, и представляет собой то, что остается в руках предпринимателя-капиталиста в виде прибыли на капитал при распределении ценности / цены продукта. Если бы не было этой разности цен, то не было бы и первичного процента на капитал.** Эта разность ценностей / цен делает возможной его существование, она содержит его в себе, она тождественна с ним.

Удивительно, но действительно Бем-Баверк прав: социалисты во главе фактического теоретического исследования процента на капитал отвлекаются от существования самого главного вида процента – процента на капитал. Странно и непонятно, но на влияние времени на ценность продукта не обратили должного внимания даже такие социалисты, как Ротбертус и Маркс. Вот и получается, что в самых принципиально важных вопросах учение социалистов противоречит самому себе.

Примечание. Каким образом прилив капиталов может нивелировать ненормально высокую норму прибыли? Нивелирование ненормальных норм прибыли не может совершаться без продолжительного изменения меновой ценности или рыночных цен соответствующих продуктов и представляет собой явление особой важности. Если бы рыночная цена оставалась неизменной, то недостаточная норма прибыли могла бы возрасти до нормальной только тогда, когда бы недостающая сумма покрывалась бы за счет необходимого вознаграждения рабочих. В действительности следствием нивелирующего ограничения предложения в какой-либо отрасли производства является обыкновенно не понижение зарплаты, а повышение цен продуктов. Если бы притязания на большую прибыль должны были бы удовлетворяться только лишь за счет вознаграждения рабочих, а не за счет цен продуктов, то в промыслах или отраслях, требующих большой затраты капитала, зарплата была бы значительно меньше, чем в других промыслах, чего в действительности не наблюдается. И рабочие в общем всегда получают в качестве вознаграждения необходимые средства для содержания.

Бем-Баверк вполне обоснованно подчеркивает, что **если теория эксплуатации верна, то она должна быть в состоянии дать удовлетворительное объяснение явления процента на капитал в таком виде, в каком оно наблюдается в действительной хозяйственной жизни, т. е. во всех его существенных видах. Если она этого сделать не в состоянии, то она неверна.** Существующая теория эксплуатации, если даже предположить, что она в состоянии адекватно объяснить прибыль на ту часть капитала, которая затрачена на покрытие зарплаты, уже абсолютно

не в состоянии адекватно объяснить прибыль на ту часть капитала, которая затрачивается на материал для производства.

Примечание. Например, если речь идет о той части прибыли, которая заключена в капитале столетнего дуба или в многолетней выдержке вина или коньяка, – за счет каких рабочих была нажита именно эта величина прибыли на этот капитал? Естественно, что теория, которая не дает объяснения для важной части объясняемых явлений, не может быть правильной. Теория эксплуатации социалистов или коммунистов неверна и в своем обосновании, и в своих выводах, она противоречит самой себе и явлениям действительной жизни.

Тем не менее, как нам представляется, **вообще понятие эксплуатации как таковое все-таки принципиально оправдано, т. к. сам факт эксплуатации в любом социуме (в совершенно разнообразных формах своего проявления) настолько очевиден, что оспаривать его нет никакого смысла (в данном случае прав скорее Э. Бернштейн, чем Бем-Баверк).** Ясно также и то, что при этом возможная и нужная теория эксплуатации должна быть обоснована совершенно иначе. Кроме того, говоря об эксплуатации человека человеком, следует обратить внимание на необходимость более глубокого и всестороннего исследования такого объективного фактора, как разделение труда и генезиса принятого в социуме представления о справедливости.

§ 4. КАРЛ МАРКС ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ОБ ОБЩЕСТВЕННО-НЕОБХОДИМОМ РАБОЧЕМ ВРЕМЕНИ

В трактовке Бем-Баверка, Маркс находит и определяет понятие стоимости, оно у него не тождественно с понятием меновой ценности / стоимости, однако при этом находится с ней в нераздельной связи. Только кажется, что это абстрактное понятие как бы извлечено из меновой ценности. На самом деле, оно, напротив, в меновую ценность, Марксом скорее как бы внедрено или искусственно привнесено! По всей видимости, следует изначально считать не вполне корректным вообще применение Марксом понятия «абстрактный человеческий труд» – эта в реальности некая совершенно призрачная сущность, буквально навязывается нам Марксом, как некая виртуальная как бы недооцененная ценность.

Ценность / стоимость, по Марксу, есть «то общее, что выражается в меновой отношении или в меновой ценности товаров», и наоборот, «меновая ценность есть необходимый способ выражения или форма проявления стоимости». Величина стоимости всех благ измеряется не

количеством заключенного в них конкретного труда или же рабочим временем, которое случайно понадобилось тому индивиду, который создал известное благо, а именно общественно-необходимым рабочим временем, которое необходимо «для изготовления той или иной потребительной ценности при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда». От этих марксовых требуемых, так сказать «усредненных», абстракций уже аж голова кругом идет. Все эти его избыточно допускаемые или привносимые «средние величины» очень напоминают понятие о средней температуре у больных по больнице. Далее он полагает, что «Величина стоимости какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно-необходимого труда или общественно-необходимого для его производства рабочего времени».

Примечание. Маркс утверждает: «Каждый отдельный товар считается здесь вообще как средний экземпляр данного рода товара. Товары, в которых содержится одинаковое количество труда или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочего времени, имеют поэтому одинаковую стоимость». «Как ценности все товары – суть только определенные количества застывшего рабочего времени».

Почему Маркс так просто, особо не затрудняясь, приравнивает понятие труда и времени, затраченного на этот труд? В какой мере всеми трудящимися может быть затрачена одна и та же человеческая сила (Pc), даже если отвлечься от формы ее затраты? По Марксу, товары обмениваются друг на друга по количеству овеществленного в них общественно-необходимого абстрактного среднего простого труда, или, иначе говоря, товары «обмениваются пропорционально их стоимости» или «эквивалент обменивается на эквивалент». И опять совершенно непонятно, почему Маркс считает, что обмену подлежат лишь эквивалентные вещи? Разве не сомнительно, что вообще могут существовать какие-то эквивалентные вещи? Кстати, более чем сомнительно, еще и то, существуют ли вообще эквивалентные вещи? Правда, Маркс говорит и о том, что в отдельных случаях под влиянием временных колебаний предложения и спроса, встречаются также цены, которые выше или ниже стоимостей.

На вышеуказанных теоретических «основаниях» понятия стоимости Маркс строит свое знаменитое учение о прибавочной стоимости как о результате эксплуатации живого труда или Pc. Откуда же получается прибавочная или избыточная стоимость? На вышеуказанных теоретических «основаниях» ТТС Маркс и воздвигает ТПС – учение о прибавочной стоимости как о результате эксплуатации живого труда или Pc.

Примечание. Выше, в начале §2 гл.10, мы говорили о том, как Бем-Баверк трактует изначальные ограничивающие допущения Маркса, принятые им для объяснения происхождения прибавочной стоимости.

При этом ценность, или здесь, наверное, точнее, стоимость товара – P_c, как и всякого другого товара, тоже определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства.

Как представляется, **сведение стоимости всякой или, точнее, каждой P_c исключительно только к затратам рабочего времени, необходимого для ее воспроизводства, является полным бредом!** Как ценность P_c хорошего, старательного рабочего может быть равна ценности P_c недобросовестного, неответственного рабочего, даже если представить, что для воспроизводства P_c как одного, так и другого работника требуются одни и те же равные затраты рабочего времени? Как можно вообще что-либо произвести или воспроизвести исключительно только одними, пусть и какими угодно, затратами рабочего времени? Или, скажем так, затратами только лишь материальных ресурсов? Можно и другой вопрос поставить: если для обучения и воспроизводства железнодорожника и моряка (их P_c) необходимо затратить примерно одинаковое рабочее время, почему же при этом ценность P_c моряка значительно превышает ценность P_c железнодорожника?

По Марксу, прибавочная стоимость является следствием того, что капиталист как бы заставляет рабочего часть дня работать на него, не оплачивая ее. В течение необходимого рабочего времени рабочий создает средства своего собственного существования или их стоимость, за нее он получает зарплату. В течение прибавочного рабочего времени он эксплуатируется и создает прибавочную стоимость, не получая за нее никакого эквивалента. «Капитал означает... главенство над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какую бы особенную форму – прибыли, процента, ренты и т. д. – она впоследствии не кристаллизовалась, есть по своей субстанции материальное воплощение неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала целиком сводится к распоряжению определенным количеством чужого неоплаченного труда» («Капитал», т. 1). Такова центральная идея теории эксплуатации Маркса.

Примечание. В связи со сказанным возникает любопытный вопрос: что же происходит, если т. н. общественно-необходимое среднее рабочее время составляет все физически возможное время работы (т. е. 12, ну, или 15 часов работы в течение одних суток) рабочего? По логике Маркса, в этом случае ни о какой прибавочной стоимости, а значит, и прибыли, и речи быть не может. Разве не очевидно, что это не соответствует действительности? Ведь прибыль вполне возможна и в этом случае. Правда, Маркс позже поясняет, что нужно рассматривать лишь совокупную общественную прибавочную стоимость в целом.

Однако **на меновую ценность благ, как правило, оказывают определяющее влияние три фактора: их редкость (дефицит), время (которое проходит между затратой авансированного труда и реализацией**

окончательного продукта) и количество труда, которого стоило их производство. Реальная или рыночная цена, по всей видимости, устанавливается непосредственно между денежными оценками на рынке т. н. «предельных пар» покупателей и продавцов.

Бем-Баверк, конечно, прав, когда говорит, что ценность / цена и труд не такие уж и тесно связанные понятия: «то обстоятельство, что я трудился из-за какой-либо вещи, представляет собой один факт, а то обстоятельство, соответствует ли ценность данной вещи этому труду, – другой», оба эти факты различны и друг друга не обуславливают. (*«Критика теории Маркса»*, с. 213). **Естественно, не может быть и речи о какой-то непосредственно очевидной внутренней связи между трудом и ценностью! Неоправданное допущение оной в итоге оказывается только лишь навязываемой нам удобной теоретической фантазией**, ведь, согласно Марксу, использование или эксплуатация Рс есть конечная цель всякого обмена, который в самом себе как простой обмен не имеет цели.

Примечание. То, «что одинаковые усилия различных лиц имеют весьма различную ценность, является настолько же несомненным, как и вполне нормальным фактом. Плод месячного труда известного художника... имеет в сто раз большую ценность, чем плод такого же месячного труда простого маляра. Каким образом, это было бы возможно, если бы труд, в самом деле, был принципом ценности, если бы, в силу непосредственной психологической связи, наше суждение о ценности основывалось на соображениях труда и усилий, и только на этих соображениях?» (*Бем-Баверк, «Критика теории Маркса»*, с. 213).

При этом следует заметить, что большая ценность / цена продуктов необыкновенно ловких людей обуславливается совершенно другими мотивами, «чем уважением, которым пользуются такие таланты» (как думает Адам Смит). Сколько поэтов и ученых публика заставила умереть с голоду, несмотря на величайшее уважение, питаемое к их талантам, и скольким бессовестным спекулянтам она платила за их ловкость, хотя она совсем не уважала их талантов!

Далее, еще один немаловажный факт: при господстве разделения труда труд, который покупатель должен был затратить на приобретение желанной вещи, обыкновенно гораздо больше того труда, при помощи которого произведет эту вещь специалист-рабочий. По отношению к какому же из этих «трудов» непосредственно очевидно, что он определяет собой действительную ценность – по отношению к «сбереженному или переложеному на другого»?

Предположение Маркса об эквивалентности подлежащих обмену ценностей неприемлемо, т. к. осуществляющийся обмен скорее является как раз признаком того, что изначально существовали какое-то неравенство

или перевес, который, видимо, и вызвал это изменение, ведь там, где существуют равенство и точное равновесие, обыкновенно не происходит никакого изменения прежнего положения покоя. Кроме того, если обмен обозначает уравнение, которое предполагает существование «общей одинаковой величины», то необходимо, чтобы это общее могло быть отыскиваемо и находимо во всех видах благ, которые поступают в обмен не только продуктов труда, но и в дарах природы, как, например, в земле, в силах воды, пластах каменного угля, каменоломнях, залежах нефти, минеральных водах, золотых рудниках и т. п. Но Маркс декларирует в 1 т. «Капитала», что рассматривает только те блага-товары, которые являются обязательно продуктами труда, чем весьма существенно изначально ограничивает объективность своего исследования.

Примечание. Еще в пору своей юности мы задавались вопросом, которым, очевидно, озадачивались многие: «в рассуждениях Маркса совсем нельзя заметить причины, почему подобно уравнению 1 квартал пшеницы = а центнерам в лесу производимого дерева, не может появиться также и такое: 1 квартал пшеницы = а центнерам дикорастущего леса = в моргенам девственной почвы = с моргенам пастбища на естественных лугах» (*К. Книс*). Этот список, вероятно, стоит продолжить идеями, технологиями, и вообще прагматичной информацией.

Впрочем, даже когда Маркс в последующих 3 и 4 томах своего творения рассматривает товары, не являющиеся продуктами труда, то их ценообразование он все равно, хоть и опосредованно, связывает с перераспределенной величиной общей прибавочной стоимости (или, в конечном итоге, общего прибавочного труда) в данной экономике. Если бы Маркс не ограничил своего исследования лишь продуктами труда, а искал общее свойство и в имеющих ценность дарах природы, то было бы (или сразу стало бы) очевидным, что труд никак не может быть этим общим свойством. Принципиально говоря, наряду с трудом могли бы точно так же быть указаны общими и другие свойства.

Примечание. Маркс настаивает, что «в самом процессе обмена одна потребительная ценность имеет такое же значение, как и всякая другая, раз она имеется в надлежащей пропорции». Но это ведь полная чушь! Он смешивает отвлечение от какого-либо обстоятельства вообще с отвлечением от тех специальных форм, в которых выступает это обстоятельство. В действительности отвлекаются от специальной формы, в которой может выступать потребительная ценность товаров, т. е. от того, служит ли товар для пропитания, жилища, одежды и т. д., но никак не от потребительной ценности вообще. Кстати, Маркс и сам говорит, что «никакая вещь не может быть ценностью, не будучи предметом потребления».

Маркс говорит, что «если оставить в стороне потребительную ценность товаров, то у них остается только еще одно свойство, а именно то,

что все они продукты труда». Но не остается ли у благ, имеющих меновую ценность / цену, например, еще то общее свойство, что они также редки по отношению к потребностям? Или то, что они являются предметами спроса и предложения? Или то, что они продукты природы? Ведь «товарные тела – это не что иное, как соединение двух элементов, материи и труда». Почему же принцип ценностей не может совершенно также заключаться в каком-либо из этих общих свойств вместо свойства быть продуктом труда и/или являться трудовой стоимостью? Ведь те же условия, на основании которых Маркс исключил потребительную ценность, существуют и по отношению к труду. Труд и потребительная ценность имеют качественную и количественные стороны. Поскольку качественно различна потребительная ценность, постольку качественен различный труд столяра, плотника и прядильщика. И поскольку можно как-то сравнивать различный труд различного рода по количеству, постольку же можно также сравнивать потребительные ценности различного рода по величине потребительной ценности. Разве недопустимо это в той же самой мере?

§ 5. ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ КАК О НЕОБХОДИМОМ СОЦИАЛЬНОМ ФЕНОМЕНЕ

«...до тех пор, пока будут сохранены отношения между наемным трудом и капиталом, всегда будет существовать класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых». «Господа, не давайте обманывать себя абстрактным словом свобода! Чья это свобода?

Это – не свобода каждой отдельной личности по отношению к другой личности. Это – свобода для капитала выжимать последние соки из рабочего». «Как можно еще освящать свободную конкуренцию идеей свободы, когда эта свобода представляет собой не что иное, как продукт порядка вещей, основанного на свободной конкуренции?» (К. Маркс, т. 4, с. 416).

В 1873 году Энгельс убежденно заявляет, что «эксплуатация – вот коренное зло, которое социальная революция стремится уничтожить, уничтожая капиталистический способ производства. Краеугольным камнем капиталистического способа производства является именно тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу рабочего по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего работать дольше, чем необходимо для воспроизводства цены, уплаченной

за рабочую силу. Произведенная таким образом прибавочная стоимость распределяется между всем классом капиталистов и землевладельцев вместе с их оплачиваемыми слугами, начиная от папы и императора и кончая ночными сторожами и прочими. Как происходит это распределение, нас тут не интересует; несомненно одно, что все, кто не трудится, могут жить только за счет того, что перепадает им тем или иным способом от этой прибавочной стоимости (сравни “Капитал” Маркса, где это разъяснено впервые)» (*Энгельс, т. 18, с. 208*).

Для социалистов и коммунистов крайне важно, чтобы процент, получаемый капиталистами, был принципиально основан на действительной эксплуатации именно рабочих. **Но что такое вообще эксплуатация? Возможна ли вообще эксплуатация человека человеком, не основанная на использовании труда?** До сих пор единственное т. н. доказательство эксплуатационного характера процента основывалось на гипотезе закона стоимости, т. е. этим «законом» единственной причиной меновой ценности и ее величины – суммы всех цен – полагается овеществленный труд. Т. е. часть ценности, которую получает из ценности продукта предприниматель, может быть им получена только за счет рабочих, а следовательно, как доход от эксплуатации. Но раз в образовании меновой ценности, помимо труда, принимают участие еще и другие факторы, другие причины, то, получается, тогда уже нельзя утверждать, что участие капиталиста не только в цене, но и в стоимости основано только или обязательно исключительно на эксплуатации рабочих. Вне всякого сомнения, убеждение, что эксплуатация труда исключительно только «отражает в себе капиталистическую действительность в ее основных чертах», по сути ничем не обосновано и, конечно же, не может служить руководством к тем или иным радикальным действиям.

Все, что мы видим в действительности и знаем сегодня относительно мотивов, управляющих обменом, делает нас уверенными, что меновая ценность (в конечном итоге, речь, естественно, всегда идет о реальной рыночной цене) не могла бы соответствовать количеству труда и в т. н. некапиталистическом обществе совершенно также, как и в частно-капиталистическом: при любом строе общества и при любом перераспределении богатств люди руководствовались, да и будут руководствоваться соображениями выгоды и издержек, среди которых, без сомнения, имеет также свое место известное, но, безусловно, не самое важное и не исключительное значение величина трудовой затраты.

В известной мере, наверное, можно согласиться с Эдуардом Бернштейном, который объявляет трудовую стоимость «чисто интеллектуальным построением», «на абстракции основанным чисто интеллектуальным фактом», она представляет собой «только ключ, отвлеченное представление, подобно одушевленному атому». Но при этом он, тем

не менее, странным образом заявляет: «верна ли теория стоимости Маркса или нет – это совершенно безразлично для того, чтобы доказать существование прибавочного труда». Далее он делает вообще совершенно нелепое заявление: «она не составляет доказываемого положения, а лишь средство анализа и наглядного представления». И еще любопытная, скорее всего оправданная мысль: «учение о стоимости не дает еще нормы для справедливости или несправедливости распределения продукта труда». Чем же хочет Бернштейн оправдать теорию эксплуатации? Он прибегает к необыкновенно простой, но все же очень сомнительной в смысле доказательной силы предпосылке – просто указывает на тот факт, «что при производстве и доставке товаров принимает деятельное участие только одна часть общества, между тем, как другая состоит из людей, которые либо получают доход за услуги, которые не находятся ни в каком непосредственном отношении к производству, либо получают нетрудовой доход. Таким образом, за счет общего труда, заключающегося в производстве, живет гораздо большее число людей, чем то, которое принимает в нем деятельное участие, и статистика доходов показывает нам, что не участвующие в производстве слои, присваивают себе гораздо большую долю общего продукта, чем это требовало бы их численное отношение к производящей части. Прибавочный труд этой есть эмпирический, наблюдаемый на опыте и не требующий дедуктивного доказательства факт» (Э. Бернштейн, «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии»).

Примечание. Другими словами, Бернштейн все-таки понимает прибавочный труд в строго марксовом смысле, т. е. как эксплуатируемый чужой труд. Благодаря простому факту, что не весь национальный продукт распределяется между производящими рабочими в виде зарплаты, и что существуют еще другие формы дохода, Бернштейн считает уже непосредственно эмпирически доказанным, что рабочие подвергаются эксплуатации, и не требует для этого вывода никакого дедуктивного освещения. Бем-Баверк, кажется, на первый взгляд, обосновано возражает этому доказательству Бернштейна: «ясно, что точно также можно было бы доказать, что все остальное человечество живет эксплуатацией земледельческих классов, потому что, в конце концов, и факт, что за счет продуктов земли, добываемых сельскими рабочими, живет также масса других людей, неоспорим». Но в вышеуказанном контраргументе Бем-Баверка, как нам представляется, нет ничего достаточно убедительного или развенчивающего фактическое состояние дел, в т. ч. и в совершенно очевидном факте реальной эксплуатации сельскохозяйственной отрасли и ее тружеников всем остальным населением.

Бем-Баверк указывает на то, что плоды национального труда «распределяются между различными классами, доставляющими сотрудничающие факторы, на основании какого-нибудь определенного прин-

ципа». Конечно, бесспорно, что тот, кто хочет изучить и понять факты эксплуатации и их роль в экономической жизни и развитии цивилизации, должен бы заглянуть во внутреннее соотношение этих факторов и постараться на основании внутренних причин доказать, что (и почему), несмотря на внешнюю многочисленность сотрудничающих факторов, одни из них имеют большее значение, чем иные, или даже, более того, некоторые не имеют вообще никакого значения. Тем не менее, по-видимому, Бернштейн все-таки был во многом прав, даже несмотря на то, что, с хозяйственной точки зрения, все блага и не являются продуктами труда. И здесь вовсе ни при чем абсурдное требование социалистов или коммунистов о предоставлении рабочим всего того, что они создают уже тогда, когда производство этого продукта еще не закончено.

Примечание. Для данного искусственного предварения, и в этом Бем-Баверк абсолютно прав, нет ни естественного, ни соответствующего естественному праву законного основания, пренебрежение которым принципиально могло бы быть заклеяемо названием «эксплуатация».

Бем-Баверк противопоставляет сказанному об эксплуатации Бернштейном «некоторые не менее простые и элементарные факты»:

1) факт, что обычные способы производства, в которых с помощью «опосредованного труда» заранее изготавливается все необходимое, гораздо производительнее, чем те способы производства, которые лишены таких обширных приготовлений;

2) факт, что если смотреть на весь затраченный труд (для существующего потребительного блага) как на целое, то созревший для потребления «плод» можно получить только в конце продолжающегося несколько или даже много лет полного цикла трудового процесса;

3) факт, что социалисты требуют весь этот продукт или всю его стоимость / цену исключительно для трудящихся;

4) факт, что всякое распределение между рабочими до окончательного изготовления ими продукта вообще возможно лишь в том случае (и потому), если уже до окончания их продукта имеются созревшие для потребления блага, происходящие из какого-либо другого источника, и что только при этом условии труд может быть направлен на отдаленные результаты; такие запасы благ в настоящее время сосредотачиваются в руках капиталистов, но не подлежит никакому сомнению, что это запас благ создается и сохраняется иной заслугой, чем заслугой тех рабочих, которые содержались и оплачивались из него в продолжении начатых процессов производства.

Таким образом, явление, что по истечении известного промежутка времени получается более ценный продукт, отнюдь не составляет исключительно только заслуги настоящих рабочих, их труда и их ловкости. Часть

этой заслуги принадлежит также известному кругу ранее трудившихся лиц, которые заботились об образовании и сохранении накопленных запасов благ. Бем-Баверк указывает на то, что теория эксплуатации социалистов (или, по крайней мере, один из ее вариантов) до сих пор во всех своих формулировках избегала центрального пункта проблемы – различия времени между уплатой вознаграждения и окончательным изготовлением продукта, точно так же, как она вообще избегала различия времени и для производственной техники, и для оценки благ. Маркс об этом пункте говорит двойко: или считает его «совершенно безразличным» для образования стоимости, таким, что «относится ко времени, давно прошедшему», или доказывает даже противоположное – то, что, получая зарплату в установленные сроки, рабочие получают ее не преждевременно, а слишком поздно и притом в ущерб своим интересам, т. к. они обыкновенно получают свою плату в конце дня, недели, месяца, в продолжение которого они уже работали в пользу предпринимателя, так получается, что не предприниматель авансирует плату, а наоборот – рабочий авансирует свой труд («*Капитал*», т. 2). Это было бы совершенно верно, если считать, что предприниматель покупает не будущий продукт, который будет создан трудом, а просто настоящий труд рабочего. Кажется, принесет ли этот труд какую-либо пользу, – дело и проблема предпринимателя и не касается рабочего никак. На эти Марксовы замечания Бем-Баверк совершенно достойно отвечает, что если даже зарплату и выдают несколько позже отдельных частей работы, то все же они значительно опережают образование созревших для потребления продуктов, и поэтому основанное на конечном продукте право на вознаграждение удовлетворяется с искусственным предварением, которое ввиду существования различия в настоящем и будущем не может оставаться без возмещения в величине зарплаты.

Примечание. Бем-Баверк странным образом полагает, что правильность или неправильность теории эксплуатации зависит «только и исключительно от того, можно ли доказать, что абсолютное право рабочих на искусственно созданное предварительное получение всего национального продукта основано на их заслуге. Если этого доказать нельзя, то теория эксплуатации неверна», и якобы только тогда на оставшуюся часть национального продукта могут предъявить вполне справедливые притязания другие кандидаты (в т. ч. и государство).

Конечно, Бем-Баверк прав и в том, когда указывает на два обстоятельства, благодаря которым теория эксплуатации, несмотря на свою внутреннюю слабость, все же находила и находит к себе столько веры.

1. Чему верят охотно, тому верят и легко. Всякий филантроп должен желать улучшения положения трудящихся классов, которая в действительности бедственна или желает лучшего. При всем этом много при-

былей на капитал течет действительно из мутных источников, и, естественно, всякий порядочный человек должен желать их исчезновения. Толпа же в нее верит уже лишь только потому, что она ей приятна!

2. Немало благоприятствовала распространению теории эксплуатации и слабость ее противников. Однако заменить ложь истиной социалисты не сумели еще в большей степени, чем некоторые из поруганных ими противников.

При этом, как нам представляется, процесс гуманизации экономики и законодательства определяется совершенно не теми причинами, которые приводит и признает теория эксплуатации социалистов. Бем-Баверк глубоко не прав, когда считает, что теория эксплуатации, является всего лишь эпизодом ТТС Маркса. **На факт наличия многообразных и несводимых форм эксплуатации в обществе, необходимо посмотреть и с других точек зрения. Вне всякого сомнения, теория эксплуатации (не путать с ТПС) требует своего дальнейшего или скорее нового развития.**

В силу того, что ни одно учение даже в приближении не имело такого большого влияния на силы и чувства целых поколений, как теория эксплуатации, она, скорее всего, должна являться одной из существенных и основополагающих составных частей иной, еще только формулируемой (впрочем, теория эксплуатации тоже стоит лишь в начале своего развития или становления) т. н. теории справедливости. Судя по всему, Бем-Баверк все-таки не прав, когда сводит весь этот широкий спектр проблематики, так или иначе связанный с фактами эксплуатации в жизни общества, только лишь к теории процента или, тем более, к ложной ТПС Маркса.

§ 6. ЗАМЕЧАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АДЕПТОВ МАРКСА К ЕГО ТЕОРИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Т. н. «фундаментальная теорема» ТПС Маркса в определении Мигио Моришима и Нобуо Окишио звучит примерно следующим образом: эксплуатация рабочих капиталистами является необходимым и достаточным условием существования такой системы цен и зарплаты, которая обеспечивает положительные прибыли или, иными словами, условия существования капиталистической экономики. Существуют два варианта ее трактовки:

1) только эксплуатация рабочих является источником капиталистической прибыли (К. Фон Вайцзеккер, Э. Вольфштеттер и др.);

2) эксплуатация рабочих – вовсе не единственный источник прибыли, ибо эксплуатируется не только P_c , но и другие факторы-товары (И. Стивден).

В итоге распространилось довольно неожиданное мнение, что если подставить в теорему любой другой товар вместо P_c , то в результате получится соответствующая теория эксплуатации (например, нефти). По видимости, из вышесказанного должно следовать, что, как и всякая теорема, эта теорема должна предусматривать исключения, ведь очевидно, что далеко не всякий товар в равной мере, если его подставить в эту теорему вместо P_c , приведет к результату, соответствующему ТПС.

Апологеты со своей стороны правильно акцентируют внимание на том, что марксистскому пониманию не соответствует тезис, будто рабочий – единственный, кто создает продукт, т. е. нечто, имеющее ценность. Рабочий, с точки зрения Маркса, единственный, кто создает стоимость продукта, но в создании его потребительной ценности принимают участие средства производства и природа. Смещение акцентов на простой процесс труда при выяснении причин эксплуатации явно уводит нас в сторону от наблюдения и исследования разнообразных форм эксплуатации, существующих в действительности.

Примечание. Здесь, необходимо напомнить, что Маркс был противником «вульгарной триединой формулы»: «соответственное участие, которое земля, как первоначальное поле приложения для труда... и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материала и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, – т. е. их социальным представителям» (т. 25, ч. 2, с. 393).

Трудно не согласиться с Д. Элстер, который утверждает, что в известном предельном смысле ТПС Маркса должна была бы быть «нормативной концепцией, представляющей собой часть более широкой теории распределительной справедливости. Эксплуатация... есть моральное зло». Но сам Маркс так, конечно, не считал. Что такое справедливое распределение? Разве буржуа не утверждают, что современное распределение справедливо? И разве оно не является в самом деле единственно справедливым распределением на базе современного способа производства? Разве различные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о справедливом распределении? «Было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом распределении и делать на нем главное ударение. Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого

способа производства». Это лишь вульгарный социализм изображает «дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения» (*т. 19, с. 16, 20–21*).

Представляется важным здесь несколько отвлечься и заметить диалектический момент в колоссальном обратном влиянии способа «распределения» или, точнее, сферы обмена (т. е. рынка) на сферу производства, а значит, в известном смысле и на сами условия производства. Иными словами, рынок, обстоятельства и закон спроса-предложения, вся сфера обмена решающим образом влияют на формирование как идеи производства, так и условий производства.

Следует, конечно, согласиться и с Алленом Вуду, который замечает, что автор «Капитала» «отнюдь не критикует капиталистическое общество за какое бы то ни было ущемление справедливости или попрание чьих-либо прав... Маркс считает, что капитал эксплуатирует и притесняет рабочих, но он не выступает против эксплуатации и притеснения на том основании, что они противоречат праву и справедливости... поддержка Марксом общественных движений, выступающих против социального насилия, основывается на оценке исторической роли этого насилия в настоящую эпоху, а не исходит из каких-то общих представлений о свободе, справедливости или равенстве». Маркс действительно никогда не ограничивался лишь «обвинением» капитализма в эксплуатации.

Что такое справедливость с социальной точки зрения? «Для ответа на этот вопрос, мы должны обратиться не к науке о морали или о праве, и не к сентиментальным чувствам гуманности, справедливости, или хотя бы милосердия... Социальная справедливость или несправедливость, определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена – наукой политической экономии» (*т. 19, с. 255*). Разве можно с этим утверждением Энгельса хоть как-то согласиться? **Теория справедливости или несправедливости требует многообразного и разностороннего исследования. Очевидно, что она никак не может быть ограничена определением лишь одной науки, пусть и настолько серьезной, как теория экономики.**

Любопытный факт – Маркс согласен с тем, что прибыль капиталиста не есть лишь вычет или грабёж рабочего. Наоборот, он не только вычитает или грабит, но и помогает создавать то, что принадлежит вычету. В ценности, конституированной не трудом капиталиста, заключается часть, которую он может присвоить себе по праву, т. е. не нарушая права, соответствующего товарному обмену (т. к. обмен носит эквивалентный характер) (*т. 19, с. 373–374*). Более того, деятельность признается справедливой или несправедливой на основании морального кодекса, соответ-

ствующего именно данному способу производства. По Марксу, не существует надисторического, нерелятивистского понятия справедливости. При этом, как это ни удивительно, он характеризует те или иные явления общественной жизни как справедливые или несправедливые в терминах, предполагающих нерелятивистское внеисторическое понимание этих понятий. По Марксу обмен внешне носит эквивалентный характер, потому вполне справедлив с точки зрения права собственности, соответствующего товарному производству. Однако, по сути, здесь имеет место неэквивалентный обмен под видом эквивалентного, ибо рабочий получает не всю вновь созданную стоимость, а только зарплату, тогда как капиталисту достается ничего ему якобы не стоящая прибавочная стоимость. Следовательно, «способ присвоения может претерпеть полный переворот, нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству» (*т. 23, с 600*). Для того чтобы понять «справедливо-несправедливый» характер действительности, следуя Марксу, необходимо исследовать неизбежность и неустранимость внутренней двойственности обмена, совершающегося между капиталом и наемным трудом. Таким образом, получается, что Маркс обвиняет капитализм не с т. н. абстрактно-гуманистических и морализаторских позиций, а с точки зрения своих представлений (якобы уже им доказанных в «Капитале») о неэквивалентном характере обмена между капиталистом и рабочим, происходящем под видом обмена эквивалентного. Если неэквивалентном, то, значит, и несправедливым именно с позиций буржуазного права и морали.

Примечание. Мизес, как бы дополняя, подчеркивает: «Чтобы удержать прибыль, порождаемую эксплуатацией так называемой слабой рыночной власти рабочих, со стороны работодателей в их роли продавцов товаров понадобились бы согласованные действия. Это потребовало бы всеобщей монополии на все виды производственной деятельности, которую можно создать только с помощью институционального ограничения допуска в предпринимательство» («Человеческая деятельность», с. 453). Это в силах сделать власть, естественно, только при государственном капитализме или социализме, собственно, именно поэтому уровень эксплуатации в обстоятельствах «реального социализма» всегда значительно выше, чем в условиях рыночной экономики.

Что по этому поводу следует прежде всего сказать? Поскольку ТТС и вытекающая из нее ТПС в лишь лучшем случае имеют некое локальное значение, постольку они и не могут служить всеобъемлющим, а лишь только частичным основанием для объяснения эксплуатации. Т. е. существование эксплуатации обязательно должно быть исследовано, исходя

не только из эксплуатации живого труда, а и из иных факторов и обстоятельств, ее характеризующих. Возникает, конечно, резонный вопрос: что же в таком случае является реальным основанием теории эксплуатации, и что должна представлять собой эта теория?

Некоторые, исходя из того факта, «что Рс, подобно другим факторам процесса производства, является объектом отношений собственности» (Ходжсон), пришли к выводу, что «отношения собственности, а не ТТС, является центральным моментом» (Дж. Ремер) ТПС. Конечно, вывод этот более чем сомнительный. Это становится особенно заметно после того, как исследователь заявляет об ошибочности того, «что процесс труда в реальном социалистическом обществе ничем не отличается от труда при капитализме, то можно прийти к выводу, что в социалистических странах существует такая же эксплуатация рабочих, как и в капиталистических странах» (Д. Ремер). Если подразумевается тот «социализм», который был создан в целом ряде стран мира в XX веке, то Ремер однозначно не прав, т. к. в т. н. реальных «социалистических» странах действительно существовала и существует в сущности такая же эксплуатация (в т. ч. и эксплуатация рабочих, а то и пожестче, в силу имманентного ограничения гражданских свобод, например, вспомните трудоводни в колхозах для тогда фактически «крепостных» крестьян), как и во всех капиталистических странах.

С другой стороны, можно согласиться с Дж. Ходжсоном, который, упрекая теорию Маркса в натурализме и механицизме, утверждает, что абстрактный труд, определяемый как затраты человеческой силы вообще, является категорией вневременной, неисторической, а потому Маркс, который историческую специфику капиталистического способа производства выводит из всеобщего характера ценностных отношений, стоимости, создаваемой абстрактным трудом, входит в своеобразное противоречие с самим собой. Вообще категория «абстрактный труд», без сомнения, весьма противоречива. С марксистских позиций «абстрактный труд» – некая извечно надисторическая категория: «всякий труд есть расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно-человеческого, труд образует стоимость товаров» (*т.* 23, *с.* 55). Однако для того чтобы труд мог выступать в этой определенности лишеного различий человеческого труда, необходима определенная степень развития производственных отношений, а именно развитое товарное производство. Т. е. некий вневременной и внеисторический абстрактный труд, как это ни парадоксально, выводится Марксом из совершенно конкретных современных ему, только достаточно уже развитых, по его же мнению, для этого рыночных отношений.

Примечание. Здесь уместно обратить внимание, что явление «труда» очень сложно определить лишь как расходование P_c (которая, к слову, тоже совершенно невятно определена) только в физиологическом смысле. Такое определение представляется поверхностным и излишне упрощенным. Любой труд в той или иной степени включает в себя интеллектуальную составляющую, притом не только рациональное, но и творческое начало. Совершенно неясно, может ли быть оправдано вообще и если да, то до какой степени, сравнение или уравнивание творческих усилий и затрат физической энергии в физиологическом смысле. Где находятся границы корректности применения категории «абстрактный труд» для какого-либо объяснения тех или иных явлений действительного экономического процесса?

Ходжсон выявил **три формы эксплуатации** в процессе производства.

1. Телесная эксплуатация, которая вытекает из того факта, что P_c и труд как ее деятельное проявление неотделимы от самого рабочего. Рабочий прикован к месту работы и жительства. В какой мере или в каком, точнее, смысле мы можем говорить и о труде самом по себе, и о человеке труда как о «жертве», неизбежной и необходимой жертве существования и развития человеческого общества в целом и его экономики в частности?

2. Это давление нанимателя, который, купив P_c , волен использовать ее по собственному усмотрению и теоретически в неограниченных пределах.

3. Собственно классовая эксплуатация – откуда она возникает, и на чем основывается? «Эксплуатация существует, если один класс присваивает часть продукта коллективного труда только на основании того обстоятельства, что ему принадлежит собственность или контроль над средствами производства. Мы будем называть это классовой эксплуатацией» (Ходжсон).

Эпигоны верят, что Маркс, определяя производство прибавочной стоимости, тем самым раскрывал все причины и механизмы капиталистической эксплуатации. Но ведь совершенно очевидно, что не один лишь человеческий труд производит продукт производства и прибыль. Поэтому через определение прибавочной стоимости мы можем, по-видимому, в лучшем случае определить лишь механизм эксплуатации живого труда, но далеко не все причины и механизмы действительно имеющейся эксплуатации вообще в каждом социуме, в т. ч. и в капиталистическом обществе.

Апологеты соглашаются с тем, что телесная эксплуатация – действительно вечное естественное условие всякого производства вообще, т. к. ее причина – физическая сращенность живого субъекта, работника с его P_c . Причиной авторитарной формы эксплуатации является, с одной стороны, необходимость общественной формы организации труда, предполагающей определенную дисциплину и единоначалие, а с другой стороны,

наличие специфической формы подчинения наемного труда капиталу, соответствующая определенному этапу развития способа производства.

Однако ясно, что собственность или контроль над средствами производства – лишь одна из причин и далеко не главная эксплуатации в обществе. Анализ эксплуатации должен скорее предшествовать выяснению специфики отношений собственности, а не вытекать из него. Ведь здесь, кроме того, следует учитывать еще и то, на что вполне оправданно указывал Мизес: как правило «редкость труда превосходит редкость большинства первичных, природных факторов производства. Относительно большая редкость труда определяет степень использования относительно изобильных первичных естественных ресурсов. Неиспользуемая земля, неиспользуемые месторождения полезных ископаемых и т. д. существуют потому, что для их использования не хватает труда» («Человеческая деятельность», с. 453).

Примечание. Маркс говорит, что экономические отношения являются не только следствием частной собственности, но, в свою очередь, воздействуют на нее, увеличивая ее общественную силу и господство над людьми. Производительные силы детерминируют разделение труда, а последнее определяет форму собственности, которая понимается как «отношение индивидов друг к другу, соответственно их отношению к материалам, орудиям и продуктам труда» (т. 3, с. 20), фактически как синоним производственных отношений. «Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснение ее она нам не дает» (т. 42, с. 86). «Определить буржуазную собственность – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» (т. 4, с. 168). «Общественные отношения в совокупности образуют то, что в настоящее время называют собственностью, вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное, как метафизическая и юридическая иллюзия» (т. 25, с. 25–26).

Следуя логике Маркса, **одной из самых главных причин эксплуатации в обществе является разделение труда.** Собственность как правовое отношение является лишь оболочкой производственных отношений.

Примечание. Маркс учит, что «на известной ступени своего развития материальные и производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» (т. 13, с. 7).

Адепты Маркса выявили у него целый ряд различных определений собственности, которые формировались на протяжении всей его деятельности: «можно, руководствуясь указаниями Маркса, обосновать, по крайней мере, следующие представления о собственности. Собственность есть:

а) отдельные отношения, причем даже не между людьми, а отношения человека к вещам, к продуктам природы и труда;

б) отдельные отношения, могущие трактоваться и как экономическое, и как волевое – правовое;

в) чисто правовое отношение – юридическое признание и оформление с правом владения и распределения, т. е. юридический титул;

г) юридическое выражение производственных отношений;

д) совокупность, система производственных отношений, способ производства;

е) совокупность, система всех общественных отношений производства» (А. Мкртчян, «Собственность – вопросы трактовки», 1987).

Т. е., говоря иначе, собственность – это одна из характерных форм внешнего правового проявления эксплуатирующей (эксплуаторской) сущности системы, всех существующих общественных отношений и, конечно, прежде всего производственных отношений, как-то соответствующих способу производства.

Весьма глубоки и интересны следующие уместные замечания Маркса: «если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает свободу. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых ценностях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми ценностями представляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми ценностями; будучи развиты в юридических отношениях, они представляют собой все тот же базис» (т. 46, ч. 1, с. 191). Интерпретируя им сказанное, можно предположить, что **в действительности именно в обмене покоятся и реализуются как свобода и равенство, так, соответственно, и несвобода и неравенство. Именно обмен является реальным базисом и/или основанием как всякого равенства и свободы, так всякого неравенства и несвободы. Порядок именно таков, прежде всего из-за того, что в обмене на рынке, реализуется в конечном итоге предопределяющее, кажется, почти все разделение труда (необходимость которого проистекает из развития самих производительных сил).**

Примечание. С другой же стороны, по Марксу, свобода и равенство участников рынка – лишь оболочка, а собственность – лишь юридическая иллюзия, «между тем, как в глубине протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают» (т. 46, ч. 1, с. 194). Несколько «глубже» размещается то, что «побуждает к обмену»: «потребительная ценность, составляя содержание обмена, находящаяся совершенно за пределами его экономического определения, далека от того, чтобы причинять ущерб социальному равенству индивидов; напротив, природное различие между ними она делает основой их социального равенства...

только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и к их социальному приравнению друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена» (т. 46, ч. 1, с. 188–189).

Итак, по Марксу, природное различие между индивидами, различие их потребностей является естественной предпосылкой их равенства. Интересно, что же тогда является предпосылкой эксплуатации? Почему свобода и равенство в капиталистическом обществе носят лишь формальный характер? В силу каких именно причин законы собственности превращаются в законы капиталистического присвоения или, иначе говоря, законы присвоения чужого, например, труда? По Марксу, законы присвоения должны быть выведены из развития самой меновой ценности в капитал, т. е. из исследования процесса производства прибавочной стоимости. Отношения собственности определяются производственными отношениями. Таким образом, по мере развития меновой ценности в ходе процесса производства собственность, основанная на собственном труде, превращается в присвоение чужого труда. Эволюцию отношений собственности невозможно понять, исходя из них самих по себе. Т. е., по Марксу, познание специфики той или иной формы собственности или эксплуатации достигается вместе с проникновением в сущность соответствующего способа производства. Таким образом, изменение в структуре форм собственности и эксплуатации является скорее следствием, нежели причиной изменений, происходящих в механизме эксплуатации.

С точки зрения апологетов-марксистов, мировоззренческая ограниченность ревизионистов и критиков основана (или исходит) на их ориентации исключительно только на его величество факт. Они указывают на то, что, чтобы разобраться в экономической теории Маркса, недостаточно усвоить его терминологию, для этого еще нужно понять внутреннюю связь теоретической системы «Капитала», вне которой его положения утрачивают истинность. Необходимо понимание духа материалистической диалектики «Капитала» (только вдумайтесь: материалисты упоминают все даже некий «дух» ради того, чтобы как-то оправдать неадекватность реальности учения Маркса). В противном случае при анализе проблемы трансформации утрачивается то, что составляет ее подлинное содержание, – именно вопрос о природе цены производства как превращенной форме стоимости. Точно так же невозможным становится адекватное восприятие взглядов Маркса на соотношение ТТС и ТПС, роль и место отношений права и морали в концепции эксплуатации. Препарировать же «Капитал», пользуясь обычным инструментарием экономической мысли Запада, оказывается попросту невозможно – это оборачивается извращением изложенных в нем представлений.

Следует признать, что во многом эти апологеты правы: учение Маркса – довольно замкнутая система, и внесение в нее изменений и/или дополнений чревато извращениями и подменой самого ее существа. Сейчас уже можно практически без сомнений утверждать, что не нужно и не стоит улучшать, дополнять или развивать учение Маркса (в т. ч. в ее экономической части) – просто нужно осознать и понять если и не полную ее ошибочность, то, по меньшей мере, ее крайнюю ограниченность и ее, естественно, возможно только лишь локальное значение для объяснения какой-то узкой специфической сферы экономических явлений. Поэтому невозможно не согласиться с великолепным призывом Б. В. Скляренко: «мы решительным образом должны преодолеть и Марксов утопизм во взглядах на историю и ту методологическую основу, которая была заложена в их основании» (ФБ).

§ 7. ИТОГОВЫЕ, ПО М. БЛАУГУ, КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

М. Блауг правильно отмечает тот факт, что Маркс постоянно и довольно непринужденно смешивает понятия «запасы» и «потoki», не предупреждая об этом. Кроме того, он уместно напоминает нам, что, с точки зрения самого Маркса, ТТС формально верна лишь в том случае, если мы согласимся на допущения, что не существует различий в капиталовооруженности по отраслям. Принимая во внимание тот факт, что в реальном мире всегда существуют значительные различия в показателе капиталовооруженности на одного рабочего, Блауг приходит к выводу, что надо вовсе отказаться от ТТС как теории относительных цен (ср. с допущениями В. Калюжного в его «окончательном решении»).

Блауг предполагает, что давление, под воздействием которого выравнивается норма прибыли, неизбежно должно приводить к возникновению различий и в норме прибавочной стоимости между отраслями. Но его убеждение, что следует отказаться от ТПС, на том основании, что на величину прибавочной стоимости, произведенной рабочим, оказывает влияние сумма капитала, которым оснащен этот рабочий (т. е. прибавочная стоимость – не только и не просто экспроприированный труд), представляется не вполне корректным. Очевидно, что никогда не следует путать понятия прибавочной стоимости и прибыли.

По логике Маркса прибыль – это перераспределенная часть общественной прибавочной стоимости или стоимости, если в производ-

ственной сфере общая величина прибыли всегда несколько меньше, чем совокупная прибавочная стоимость, то в целом в экономике сумма прибыли тождественна величине общей прибавочной стоимости (как и сумма всех цен равна всей стоимости). Однако с иной, вполне допустимой точки зрения (но, к огромному сожалению, совершенно игнорируемой Марксом), прибавочная стоимость – это некая часть стоимости, а прибыль – это прибавочная стоимость плюс чистый доход от иных факторов, влияющих на цену (формирующих цену), некая часть рыночной цены. В этом случае прибавочная стоимость если и имеет какую-нибудь сферу влияния на прибыль, то очень ограниченную и обусловленную своим присутствием исключительно только в производственной сфере экономики. В таком случае даже в условиях равного органического капитала в различных отраслях хозяйствования равенство между стоимостями и ценами не может быть ни лишь формальным (ни очень условным), ни даже вероятно случайным, т. к. существует целый ряд действительных факторов (фундаментально влияющих на формирование рыночных цен, в отличие от стоимости, являющейся полнейшей абстракцией – неким только овеществленным в товаре общественно-необходимым трудом), которые вообще никак не учитываются при определении стоимости (более чем абстрактного понятия, которое практически никак и никогда не проявляет себя в действительности на практике). Таким образом, стоимость практически никак не преобразуется в цену, а прибавочная стоимость – в общую прибыль, т. к. их генезис и природа принципиально – качественно и количественно – различны.

Маркс был уверен, что суммарная прибыль в экономике в целом должна быть обязательно равна совокупной прибавочной стоимости (строго говоря, лишь в производственной сфере). По очень трудно понимаемой причине он считал, что если бы это было не так, то среднюю норму прибыли невозможно было бы определить: «производители делают надбавку к цене издержек на производство товаров, но как устанавливается сама эта надбавка?», как будто нам для сравнения каким-то невероятным образом может быть известна в каком-то из случаев конкретная величина прибавочной стоимости (в т. ч. и суммарная прибавочная стоимость во всех сферах). По Марксу, отрицать этот факт – это значит лишиться «политическую экономию... всякого рационального основания». Но как это ни парадоксально, говоря словами Бем-Баверка, именно настаивание на этом равенстве, как и на совершенно надуманной, абсурдной и не соответствующей действительности «трансформации стоимости в цену», Маркс лишил свою теорию и политическую экономию «всякого рационального основания», хоть как-то соответствующего фактическому положению дел.

Трудно не согласиться с Блаугом в том, что одной из основных причин слабости марксовской экономической теории является непонимание ука-

занного качественного отличия между прибылью, вытекающей лишь из теории стоимости, и прибылью, понимаемой в терминах цен. По мнению Блауга, невозможно также не заметить совершенно неправдоподобное и неоправданное допущение Маркса о том, будто каждый рабочий создает неизменный по величине прибавочный продукт, где бы он ни работал (странно, но Маркс нигде даже не попытался это доказать).

Как уже не один раз отмечалось, ни стоимость, ни норма прибавочной стоимости не наблюдаемы на рынке, более того, ни один агент не проявляет реакции в ответ на изменение в норме прибавочной стоимости: рабочие заинтересованы в максимизации своей реальной зарплаты, а капиталисты руководствуются нормой прибыли. Из-за того что фактически всяческая трудовая стоимость не выявляется ни в наблюдении, ни в поведении, мы просто совершенно не знаем, что предположить относительно нормы прибавочной стоимости, поэтому утверждать, что она одинакова, у нас не больше оснований, чем считать ее различной по отраслям. Как эмпирически мы можем узнать, что цена превышает стоимость в капиталоемких отраслях экономики и не падает ниже стоимости в трудоемких отраслях? По факту в действительности дело обстоит так, что **в марксистской формулировке проблема превращения форм искусно поставлена с ног на голову, ведь именно реально наблюдаемые цены следует трансформировать в ненаблюдаемые стоимости и ценности, а не наоборот.**

Удивительным образом Маркс предлагает или предполагает тождество трудовых стоимостей и денежных цен, в особенности цен на жизненные средства для рабочих. Только из того, что рабочие получают одинаковую номинальную зарплату, никак, конечно, еще не следует, что рабочее время, необходимое в разных отраслях экономики для производства товаров, которые обеспечили бы эквивалентный ассортимент жизненных средств, везде одно и то же, независимо от того, является ли соответствующая отрасль трудоемкой или капиталоемкой. Только если бы товары обменивались пропорционально овеществленному в них труду, одинаковая ставка зарплаты и рабочий день одинаковой длительности обеспечивали бы одинаковую норму прибавочной стоимости. Но поскольку товары не обмениваются согласно ТТС, мы не можем делать вывод о равенстве величин прибавочной стоимости потому лишь, что имеем равные зарплаты и одинаковый рабочий день.

Что сразу и очень сильно вводит в заблуждение при чтении Маркса, так это, по верному замечанию Блауга, его молчаливое предположение о том, будто совокупный и косвенно воплощенный в товарах труд (и при том общественно-необходимый абстрактный, средний и простой) очень просто поддается оценке путем «наблюдения и счета». Но на деле (может быть, и к сожалению) это отнюдь не так, ибо затраты косвенного или

прошлого труда путем применения машин могут быть зафиксированы только за определенный период времени, да еще и при соответствующей норме прибыли. По мнению Блауга, большая часть совокупного труда, овеществленного в процессе производства товаров, уже была учтена задним числом два или три, а может, и четыре года назад. Дело в том, что **стоимость любого товара ни в коем случае не может быть полностью сведена к прямым трудовым затратам, овеществленным в прошлом, уже в силу существования «совместно производимых изделий».** Таким образом, **допущение одинаковой нормы прибавочной стоимости во всех отраслях не может быть ни заключено из прямого наблюдения, ни выведено из экономического поведения рабочих и капиталистов.**

Маркс попросту приписывает весь доход эффекту приложения труда. Казалось бы, ТТС должна объяснять, каким образом рыночные силы создают равновесную нормальную цену, как определяются стоимости факторов производства и как уровни цен (в том числе цен на факторы производства) формируются из предложения факторов и структуры спроса на готовую продукцию, но она ничего не проясняет и не объясняет (точнее, в «Капитале» на все перечисленные вопросы нет ответов). «То, что Маркс имеет в виду, говоря о ценности стоимости товара, это его цена, выраженная количеством рабочего времени, когда доля зарплаты в валовых издержках на производство этого товара равна по величине доле, содержащейся в выпускаемой продукции в целом. Более того, этот товар должен быть воспроизводим при неизменных затратах и продаваться в условиях свободно конкурирующей и закрытой экономики. Отсюда ясно, что для любых практических проблем ценообразования, марксистская теория стоимости более чем бесполезна» (М. Блауг, «Экономическая мысль в ретроспективе»).

По Блаугу, ТПС является, в сущности, утверждением о существовании взаимосвязи между ценностью P_c и стоимостью конечного продукта. Несомненно, это утверждение относится и к относительным ценам. Получается, что у Маркса в конечном итоге ценность / стоимость – это не отношение, в котором продукты обмениваются между собой, а чистая абстракция, постулированная, но не наблюдаемая, которая как бы приписывает каждому рабочему среднюю норму прибавочной стоимости. Далее, когда совокупный избыточный продукт, агрегированный от этого среднего показателя, разбивается и перераспределяется между отраслями, то, по убеждению Маркса, можно говорить о том, что цены почти всегда отклоняются от предполагаемой необходимой стоимости, и что прибыль как результат конечного анализа есть не что иное, как просто неоплаченный абстрактный труд.

Очень важно иметь в виду, что **понятие прибавочной стоимости у Маркса вовсе не выведено формально из ТТС, т. к. для того чтобы P_c продавалась по своей стоимости, на рынке труда должен иметься**

некий уравнивающий механизм, который обеспечивал бы соответствие рыночной цены трудовых услуг и их естественной цены (т. е. стоимости). Такой механизм, по мнению Блауга, находили в теории народонаселения, но Маркс, к сожалению, отверг эту теорию Мальтуса, не соглашаясь с предположением о том, что P_c производится в соответствии с рациональным подсчетом затрат. Вместо этого он ввел понятие «резервная армия» безработных, которая, однако, не имеет обязательной тенденции сохранения зарплаты на уровне стоимости P_c , хотя и может быть достаточно эффективной, чтобы сдерживать рост зарплаты. **Получается, что сам того не осознавая, Маркс считает невозможным применение ТТС к зарплате, т. к. выравнивающий механизм, который положен в основу этой теории, на рынке труда не действует.**

Примечание. «Конечно, находчивый ученый, как заметил Шумпетер, всегда сумеет согласовать теоретическую схему с действительностью, увеличив количество дополнительных гипотез. Но когда гипотезы, необходимые для такого согласования, становятся слишком многочисленными либо слишком фундаментальными, наука должна отказаться от теоретической схемы и заменить ее другой. В данном случае это тем более необходимо, что к теории стоимости и к теории прибавочной стоимости прибавляется еще теория заработной платы. Шумпетер считает ее просто-напросто игрой слов, поскольку, по его мнению, нет общей меры между количеством труда, необходимого для производства товара, и количеством товаров для поддержания (или воспроизводства) рабочей силы» (Р. Арон, «Мнимый марксизм», с. 278).

У Маркса проблема, по всей видимости, заключалась в том, чтобы показать, каким образом прибавочная стоимость сохранится в экономике, в которой цены определяются действием обезличенных сил, а отношение между нанимателем и рабочим основывается скорее на договоре, чем на имущественном положении. Блауг полагает, что, отбросив механизм «зарплата-народонаселение», Маркс был вынужден обратиться к концепции хронического избыточного предложения труда, которое, по его мнению, могло бы постоянно сдерживать рост зарплаты. Избыточное предложение означает, что преобладающая в данное время норма оплаты труда выше равновесного уровня зарплаты. Можно представить, как подобная ситуация может сохраняться в условиях неразвитой экономики, где равновесная норма зарплаты, которая должна разгружать рынок труда, значительно ниже прожиточного минимума. В этом случае норма зарплаты будет искусственно поддерживаться на высоком уровне с помощью всевозможных общественных соглашений, поощряющих справедливую зарплату, а результат замаскирован точно так же, как и настоящая безработица. Это и указывает на то, что использование постоянного капитала на полную мощность оказывается, тем не менее, недостаточным, чтобы поглотить все имеющееся предложение труда. Маркс

утверждает, что безработица нужна даже в развитой экономике для того, чтобы зарплата не съела прибыли, подрывая тем самым стимул для накопления капитала. По Марксу, подъем деловой активности вызывает уменьшение численности резервной армии, а любой кризис эту армию пополняет, тогда как деятельный рост при полной занятости является противоречием. Это напоминает идею Кейнса о равновесии в условиях безработицы, только у Маркса это динамичное, подлинное равновесие.

Описывая прибавочную стоимость как экспроприированное рабочее время, Маркс настаивает, что прибавочная стоимость не есть вознаграждение за производительный труд, более того – это вовсе не та плата, которая технически необходима для реализации производственного процесса, это скорее результат частной собственности на средства производства. Но ведь очевидно, что уже только потому, что капиталисты в состоянии авансировать зарплату, они оправданно получают процент в качестве личного дохода. Кроме того, отмечает Блауг, ясно, что чистые инвестиции не могут быть осуществлены, если отдельные люди не проявят готовности отсрочить свое текущее потребление, т. к. очевидно, что никто не готов этого делать без вознаграждения, отмена процента означала бы отсутствие источника капиталовложения. Поэтому в условиях существующих форм разделения труда существование положительной процентной ставки на денежную ссуду необходимо в одинаковой мере в любой экономике, в т. ч. как при капитализме, так и при социализме.

Следует согласиться и с тем, что объяснение существования процентного дохода или прибыли исчерпывающе не объясняет существование частной собственности на средства производства и право нанимать Рс. Для обоснования этих прав необходима дополнительная аргументация, которая корнями уходит в необходимость существования нормального рынка, предусматривающего свободу и мотивацию индивидуального и децентрализованного принятия решений более эффективных и продуктивных, чем централизованное планирование. Таким образом, по-видимому, спор о капитализме в его сравнении с социализмом должен вращаться вокруг вопроса о том, как наиболее эффективно могут выполняться определенные социальные функции (например или в т. ч. функции владения собственностью).

Не обязательно понимать учение Маркса или просто быть марксистом, чтобы верить в социализм, а одобрение капитализма еще не означает отрицание фактов, из которых социалисты и Маркс вывели неоправданное заключение о том, что прибыль есть своего рода легализованный грабеж. Существует большая разница между социалистами-прагматиками, которые критикуют капитализм за его неэффективность и присущее ему неравноправие, и коммунистами-фанатиками, которые осуждают

капитализм за эксплуатацию рабочих и фетишизацию материального производства и присвоения. Но при этом следует еще иметь в виду, что, в сущности, **именно неравенство в распределении богатств сделало возможным те накопления материального богатства и основного капитала, которые являются главным оправданием капиталистической системы.** Если бы богачи лишь тратили свое вновь приобретенное богатство только ради собственного удовольствия, мир уже давно признал бы подобную систему неприемлемой. Огромные накопления основного капитала не могли бы произойти в обществе, в котором богатство распределялось бы поровну. Таким образом, получается, что, прежде чем **как-то рационально рассуждать на эти темы, необходимо договориться о понятии, так сказать, «хорошего общества»,** ведь без **неравенства просто немыслима экономика.**

Маркс совершенно наивно утверждал, что прибыль или процентный доход якобы исчезнет, если мы национализируем средства производства и уничтожим свободный рынок, ведь это же вовсе не необходимая оплата издержек. Но чистый, или первичный процент служит определяющим фактором при распределении ресурсов между текущим и будущим потреблением и, очевидно, представляет фундаментальную общеэкономическую категорию, свойственную не только капитализму, а существующую везде, где происходит обмен благ текущего и будущего потребления. Маркс странным образом полностью игнорирует проблему распределения ресурсов во времени при таком желанном для него социализме. Таким образом, экономическое учение Маркса отказывает именно там, где оно больше всего нужно, а именно оно не дает экономически разумного обоснования экономике социализма!

Марксово доказательство эксплуататорской сущности прибыли сводится к банальному утверждению, что рабочие создают продукции по величине больше, чем затраты на их собственное содержание и воспроизводство. Но таким образом доказывается всего лишь тот факт, что капитализм производит прибавочный продукт сверх минимального биосоциального уровня жизни населения. Все, что ему удастся показать, это лишь то, что в процессе производства создается некий избыток. По Марксу, эксплуатация может прекратиться только тогда, когда текущий чистый продукт труда будет целиком доставаться рабочим для их текущего потребления, т. е. эксплуатация означает положительные чистые инвестиции. **По-видимому, теория эксплуатации, основывающаяся только на одной частной собственности на средства производства, есть не что иное, как обман.** Ведь это означает, что сущность прибыли можно объяснить, исходя только из того случайного замечания, что к машинам и заводам нет свободного доступа для всех.

По Марксу, эксплуатация – это «пагубное использование другого лица в целях собственной выгоды». Но как доказать, что вся прибыль является результатом только марксовой эксплуатации? Где доказательство того, что прибыль обязана своим происхождением только исключительно живому труду? Деление рабочего дня в отношении любого работника на необходимый труд и прибавочный труд, есть не что иное, как фикция: рабочие в отраслях, выпускающих потребительские товары, работают весь день для того, чтобы произвести жизненные средства для себя и для других рабочих, в то время как те рабочие, которые заняты в отраслях, производящих средства производства, не производят жизненных средств ни для себя, ни для остальных рабочих. Бесспорно лишь одно, а именно то, что капиталист должен поддерживать «деспотизм рабочего места», и именно в этом смысле и поэтому прибыль есть результат эксплуатации. Но осуществление деспотизма рабочего места еще более очевидно в условиях наблюдаемого в реальности т. н. «социализма», невзирая на то, что здесь вся прибыль идет государству. Здесь стоит напомнить, что «Центральным фактом является то, что монополия спроса на труд не может существовать и не существует в свободной рыночной экономике. Она может возникнуть только вследствие институциональных ограничений доступа в предпринимательство» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 453).

Примечание. Спрос на труд вообще и предложение труда вообще – «эти понятия, как уже указывалось, не имеют соответствия в реальной действительности. На рынке труда продается и покупается не труд вообще, а совершенно конкретный труд, оказывающий определенные услуги. Каждый предприниматель ищет работников, способных выполнить именно те специфические обязанности, которые необходимы для реализации его планов. Предприниматели сталкиваются не просто с недостатком труда вообще, а с недостатком конкретных видов труда, необходимых для их заводов. Конкуренция предпринимателей за самых подходящих рабочих не менее остра, чем их конкуренция за необходимое сырье, инструменты и станки, а также за капитал на ссудном рынке. Расширение деятельности отдельных фирм, так же, как и общества в целом, ограничено не только массой наличных капитальных благ и предложением труда вообще. Расширение каждой отрасли производства также ограничено имеющимся предложением специалистов» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 453). Таким образом, очевидно, что в рыночных условиях цена конкретного труда как фактора производства не просто может быть монопольно высокой, но и как правило достаточно высока.

По мнению Блауга, единственное условие, при котором цена предложения капитала всегда будет равной нулю независимо от точки зрения (узкой – частной, широкой – макроэкономической), может быть задано только исключительно тогда, когда ни сбережения, ни инвестиции никак

не связаны с процентной ставкой, или нормой прибыли. Если падение нормы прибыли уменьшает сбережения и инвестиции, тогда цена предложения капитала фактически положительна (под ценой предложения понимается просто плата, стимулирующая предложение капитала). Блауг замечает, что для Маркса не существует проблемы стимулирования инвестиций, и, более того, если принимать ТПС всерьез, в ней логически нет места для какой-либо проблемы, касающейся некоего подобного стимулирования капиталовложений. Естественно, этот взгляд разрушительно воздействует на марксову теорию экономических циклов и, тем более, на всю его концепцию кризиса капитализма.

Капитализм должен быть уничтожен, доказывает Маркс. Но не только из-за некой присущей ему несправедливости в распределении дохода между классами и не потому, что потребление рабочих может быть увеличено предположительно на 20 % или 30 % национального дохода, которые потребляются сейчас капиталистами, а прежде всего по той причине, что эта система приводит к войнам, колониальной эксплуатации и особенно – к потере людских ресурсов вследствие безработицы. Выходит, можно прийти к несколько неожиданному выводу, что данный Марксом анализ структурного развития капитализма совсем не зависит от признания или непризнания ТТС и/или ТПС. Именно при социализме он видит возможность создания полной занятости, более эффективного контроля рабочих над условиями своего труда, эмансипации личности, высвобождения нового культурного потенциала и международного мира.

Блауг упоминает еще один из очевидных, по его мнению, парадоксальных тупиков экономического учения Маркса: «если прибавочная стоимость не создается в сфере обращения, тогда труд рабочих на транспорте, погрузке-разгрузке и т. п. – не подвержен эксплуатации по логике Маркса. Т. е. они получают полный продукт своего труда или его эквивалент. Но тогда: 1) нарушается принцип эксплуатации наемного труда капиталом; 2) неизвестен источник прибыли капиталистов соответствующих предприятий. Если же эксплуатируются все виды труда, то тогда, очевидно, не только прибыль создается в сфере обращения, но также даже и прибавочная стоимость (*т. 25, ч. 1, с. 320*)» (правда, здесь Блауг, кажется, заметно неаккуратен в трактовке Маркса, ведь у Маркса всегда известен источник прибыли – им является доля в перераспределяемой общей прибавочной стоимости, но вот в каких именно долях должно осуществиться это нужное распределение, т. е. как именно определяется величина процента, для Маркса совершенно неясно).

Итак, Блауг прав независимо от того, какое из пророчеств Маркса мы исследуем: мы никогда не находим исчерпывающего доказательства феномена, о котором идет речь. Невозможно не согласиться с тем, что ни одно из них нельзя рассматривать как обоснованное хотя бы теоретически.

По мнению М. Блауга, в качестве теории относительных цен ТТС есть не что иное, как статистическая теория общего равновесия, применимая к любой закрытой рыночной экономике, безотносительно к характеру собственности, при условии, что коэффициенты производственных затрат задаются по чисто техническим соображениям, и преобладает совершенная конкуренция. Таким образом, по его мнению, ТТС представляет собой частный случай более общей теории Вальраса. Из закона Вальраса (данную идею впервые высказал в 1844 г Дж. Милль) следует, что если на некотором рынке имеется положительный избыточный спрос, то хотя бы на одном из других рынков должен быть отрицательный избыточный спрос или, иными словами, избыточное предложение. А если все рынки, кроме одного, находятся в равновесии, т. е. избыточный спрос на них нулевой, то и последний рынок должен быть в равновесии. Т. е., говоря иначе, общая стоимость избыточного спроса не может превышать общую стоимость избыточного предложения. Вот здесь у Блауга **возникает действительно очень хороший вопрос: «и что же (ирония судьбы!) может внести марксистская экономическая теория в решение проблемы оптимального распределения производственных ресурсов в социалистической экономике?»** Ведь весь исторический опыт убедительно свидетельствует: «государство способно определять цены не лучше, чем гусь откладывать куриные яйца» (*Мизес, «Человеческая деятельность», с. 303*).

§ 8. ОБ ОБНИЩАНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА У МАРКСА, ПО БЛАУГУ

«... если даже стоимость труда снижается по отношению к некоторым предметам, то все равно с ростом объема совокупной продукции растет достаток рабочего»; «вывод, представляющийся нам очевидным: по мере совершенствования производства при том же самом количестве труда производится больше предметов потребления и, следовательно, увеличивается достаток» (*Р. Арон, «Мнимый марксизм», с. 285*).

Маркс был убежден, что в техническом прогрессе господствует трудосберегающая тенденция, сводящая на нет норму дохода и на капитал, и на труд. По Марксу, страсть к накоплению выражается в основном в нововведениях трудосберегающего характера. При этом, чтобы поддерживать прибыль на высоком уровне, норма зарплаты должна оставаться низкой, но борьба за еще более высокую прибыль уничтожает свою собственную цель. Но на самом деле ничего подобного не случилось и не происходит в действительной истории.

Как отмечает Блаут, серьезной ошибкой Маркса было непризнание им того, что труд или, точнее, P_c может оказаться относительно дефицитным фактором. Хотя при этом Маркс никогда и не отрицал, что реальная зарплата при капитализме может повышаться. Он подчеркивал, что относительная доля труда будет уменьшаться, но в действительности никогда не употреблял выражение относительно обнищания. У Маркса нет никакой сформулированной теории нищеты рабочего класса. Доктрина об абсолютном обнищании есть на самом деле вопрос о качестве, а не о количестве. Маркс говорил не о материальной бедности, а о «пауперизации», «нищете» и «умственной деградации» рабочего класса. В его представлении «по мере того, как происходит накопление капитала, положение рабочего класса независимо от того, высока или низка его зарплата, обязательно будет ухудшаться». Однако и здесь невозможно не согласиться с утверждением Р. Арона – одного из самых глубоких и эрудированных известных нам марксоведов: «В самом деле, если придерживаться марксистских схем, то Марксу не удалось в строгих экономических терминах доказать абсолютное или даже относительное обнищание и неминучесть катастрофы. Возможное сокращение доли заработной платы в национальном доходе или тенденция к снижению нормы прибыли не ведут к окончательному крушению» («Мнимый марксизм», с. 329). Несомненно, Маркса сильно бы удивило, что при капитализме относительная доля труда упорно возрастала в течение столетия и дольше.

Примечание. Следует подчеркнуть весьма специфическое (почти «сексуальное») возбуждающее воздействие факта роста уровня жизни при капитализме на адептов-марксистов всех мастей. По Блауту («Экономическая мысль в ретроспективе», с. 239–240), у них наиболее заметны два толкования этой тенденции.

1. Чтобы сохранить существующие относительные доли неизменными и хоть как-то уравновесить распределение личных доходов, за последние столетия был предпринят целый ряд шагов: введено фабричное законодательство, законы о минимальной зарплате, расширение сектора социальных услуг, прогрессивный подоходный налог, рост налогов на наследство, добровольное перераспределение крупных состояний через общественные фонды и, наконец, рост профсоюзов и тому подобное. Т. е. они считают, что если исключить сильное противодействие государства и рабочего движения, то основная тенденция зарплаты колебаться вокруг прожиточного минимума неизбежно будет проявляться вновь. Следует заметить, что в таком взгляде на вещи есть нечто существенно чуждое духу учения Маркса, т. к. он предполагает, что распределение есть в принципе политический вопрос, что конкурентное давление на рынке труда не оказывает влияния на ставки зарплаты и что норма эксплуатации не подчинена никакому общему правилу. В таком случае теория, претендующая на полное описание законов движения капита-

лизма, должна была бы предложить анализ переговорного процесса, политико-правовой эволюции государства и морально-этических, культурных изменений в обществе, которые в данном аспекте имеют для системы, без сомнения, такое же, если не более существенное значение, что и экономическая тенденция сохранения прожиточного минимума зарплаты. Следует понимать, что, например, профсоюзы – вовсе не случайные институты. Они порождены силами, присущими самой природе капитализма. Зрелую капиталистическую экономику без профсоюзов почти так же трудно себе представить, как и капитализм с отрицательной ставкой процента. К сожалению, до сих пор еще не написано какое-нибудь учение о профсоюзах и о государственном социальном вмешательстве в экономику, в том числе и прежде всего при капитализме.

2. Высокий уровень жизни рабочих в развитых странах каким-то образом якобы возможен благодаря эксплуатации колониальных народов. Но избыточный доход от заграничных капиталовложений не настолько превосходил доход от внутренних, чтобы убедительно объяснить увеличение реальной зарплаты в 3 раза за последнее столетие. Более того, это означало бы, что рост уровня жизни в развитых странах сопровождается снижением уровня жизни в колониях. Не будь заграничных инвестиций, национальный доход, несомненно, увеличился бы не столь быстро, но то же самое относится и к внутренним накоплениям. Более того, большая часть заграничных капиталовложений в лучшую пору империализма ни в коей мере не уравновесивала внутренних сбережений, их основная масса была обусловлена реинвестициями нераспределенной прибыли от прежних инвестиций. Ошибочно предполагать, будто сбережения, переведенные за границу, могли бы вообще существовать в отсутствие экспорта капитала – заграничные капиталовложения, стимулируя экспорт, порождают прибыль, а следовательно, и сбережения в такой же мере, как это происходит и с внутренними капиталовложениями. Таким образом, если не ошибочной, то весьма сомнительной представляется идея о том, будто благосостояние британского рабочего было достигнуто только или хоть в какой-то мере только за счет индийского крестьянина или африканского горняка.

У апологетов-эпигонов есть «теория», которая пытается объяснить повышение уровня жизни трудящихся при капитализме, исходя из диспропорции в развитии различных государств (из разрыва между бедными и богатыми странами с точки зрения динамики заграничных инвестиций и капиталовложений). Эту концепцию развивал уже не Маркс, а Ленин. Тем не менее, Блауг верно замечает, что анализ прогнозов у Маркса будет недостаточен полным, если не принять во внимание эту т. н. теорию империализма.

Конечно, перспектива получения сверхприбылей в бедных странах должна вызвать отток капитала из богатых стран! Однако Блауг совершенно оправданно настаивает на том, что «нужно еще объяснить, почему заграничные капиталовложения имеют именно данную

структуру и почему отток капиталов в отдаленные регионы был столь ограниченным даже в XIX веке. Более того, непонятно, почему внутренние сбережения развивающихся стран часто придерживаются или экспортируются в развитые страны: если коэффициент окупаемости капиталовложений здесь действительно столь высок, как говорят, тогда что мешает появлению туземных капиталистов?» При этом он уместно замечает, что «в действительности доход с капитала, как правило, выше в экономике, изобилующей капиталами, чем в развивающихся странах, так как в развитых странах капитал вкладывается не столько в обрабатывающие, сколько в базовые отрасли, транспорт и энергетику, в отсутствие развитой инфраструктуры, потенциально высокую прибыль с капитала в бедных странах получить невозможно... Вообще, при прочих равных условиях естественно то, что инвесторы предпочитают вкладывать свой капитал у себя дома, а не за границей. Конечно, сверхприбыли и неожиданные крупные удачи случались у колонизаторов, но и потери не были необычным явлением... (Прибыль от заграничных капиталовложений в XIX веке превосходила чистый доход, получаемый на внутреннем рынке, более чем на 2–3 %)». Отличительная особенность движения капиталов в эпоху развития капитализма была как раз в том, что капитал и труд вместе перемещались из старого света в новый – любопытный факт, совершенно игнорируемый марксистами. Кроме того, спрос на иностранный капитал был большей частью обусловлен разработкой проектов социального развития. Более половины всех капиталов, вложенных за границей, были размещены в других европейских странах, при том, что в колонии было инвестировано менее 10 % совокупных капиталовложений.

В действительности лишь малая доля капитала направлялась в густонаселенные страны, а большая его часть вкладывалась в государственные облигации, приносящие фиксированный процент, или же в ценные бумаги, обеспеченные правительством. Предпочтение инвесторов в пользу относительно развитых и родственных в культурном отношении экономик есть факт, который никак не вписывается, например, в ленинскую теорию империализма. Ясно, что в направлении международных потоков капитала существенную роль играли мотивы безопасности и предотвращения риска.

Все перечисленные факты могут даже привести к парадоксальному выводу о том, что чем дальше развивается капитализм, то тем меньше он как бы нуждается во внешних рынках сбыта. Блауг, скорее всего, прав: «мы должны, как минимум, отказаться от ленинского мифа о том, будто колонии жизненно необходимы развитым капиталистическим странам, а развитые экономики богаты лишь потому, что они ограбили Азию и Африку».

§ 9. СМЫСЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ – РЫНОК И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

«Не существует абсолютной ценности, так же как не существует абсолютной теплоты, но ценность одной вещи можно сравнивать с ценностью другой... Ценность может измеряться только ценностью» (Ж. Сэй).

«Нетрудно заметить, что возможности, равные с объективной точки зрения, могут быть – и, в строгом смысле, должны быть – неравными применительно к субъективным шансам отдельного индивида, и наоборот»

(А. Шютци, «Смысловая структура повседневного мира», с. 309).

Конечно, Маркс был прав, когда утверждал, что рынок не может существовать в соответствии с критериями разумности, но его ошибка, говоря словами Мегилла, заключалась в том, что на основании этого он пришел к выводу о неприемлемости рынка вообще. Дело в том, что даже само по себе рациональное «удлинение периода предусмотрительности является не простым инстинктом, как у некоторых животных, делающих запасы пищи, а результатом процесса определения ценности» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 371), т. е. оценивания, которое адекватно осуществляется именно только исключительно на рынке. По этому поводу Мегилл верно замечает, что на самом деле «некорректны не рыночные отношения, а его теория их объяснения». Вне всякого сомнения, рынок объективно необходим для нормального функционирования экономики, имеющей корни в разделении труда. Но, по-видимому, он так же или даже более того необходим для обеспечения нормальной жизнедеятельности почти во всех сферах биосоциума. Ценность заключается уже в самом акте выбора или оценки, в конечном итоге люди обладают какой-то ценностью не из-за того, что они выбрали или оценили, а поскольку они вообще выбирают и оценивают. Поэтому можно даже сказать, что «ценность не просто является социально полезным изобретением, но опирается на онтологическую истину» (К. Мейясу).

Итак, к основным причинам целесообразности рынка следует отнести необходимость в экономике и обществе в целом:

- 1) свободных мотиваций; конкуренции; «социальных лифтов»;
- 2) определения новых потребностей и масштабов спроса, формирования предложения, в т. ч. новых видов продукции и товаров, инноваций и изобретений, идей и путей модернизации производства, социальных институтов, государства и всего общества в целом;
- 3) формирования адекватных ценностей и цен (в т. ч. и критериев оценки труда или Рс).
- 4) формирования периодов возможного прогнозирования и планирования.

Мегилл прав – «аскетический социализм, чтящий равенство, но не свободу, не был объектом симпатий Маркса». По сути его возражения сводились только к отрицанию эксплуатации и подавления людей, а не к отрицанию роста и разнообразия их потребностей и производства, признанного их удовлетворять. По всей видимости, Маркс не вполне понял проблему постоянного роста, разнообразия и образования совершенно качественно новых потребностей и желаний у каждого человека и у человеческого общества в целом и, очевидно, не воспринял ее достаточно всерьез. Недооценка значения феномена возрастания и изменения потребностей привела к серьезным недоразумениям и в его экономическом учении. При постоянном изменении, росте и развитии (появлении непредсказуемых и неожиданных новых) потребностей – очень трудно или скорее невозможно адекватно планировать их удовлетворение. Кроме того, следует иметь в виду, что далеко не все потребности очевидны и, более того, «неочевидность» многих (большинства) потребностей возрастает вместе с их развитием. Кто заранее может знать, что именно приобретет человек из этого или предполагаемого ассортимента, если он просто хочет нечто в этом или некоем подобном духе? Это не под силу ни одному чиновнику или администратору. Все это просто невозможно запланировать. На эти вопросы до сих пор нет научно обоснованных ответов, Шютц вполне оправданно говорит, что «ни социальная психология, ни культурная антропология не могут предложить критерии для определения того, какие потребности и мотивы должны считаться “основными” и универсальными. Без этого невозможно сформулировать устойчивую теорию равенства людей, основанную на общих потребностях человечества. Только исследование человеческого фактора в целом, места человека в космосе, другими словами, только полностью разработанная философская антропология могла бы дать нам знание об элементах, необходимых для решения этой проблемы» (*«Смысловая структура повседневного мира»*, с. 265).

При отсутствии нормального рынка (а значит, и частной собственности на средства производства) невозможен необходимый адекватный, да и какой-либо рациональный экономический расчет, а значит, совершенно невозможно успешное централизованное планирование (по крайней мере, радикально превосходящее по эффективности рыночный механизм координации), невозможно формирование адекватных (т. е. рыночных) цен, невозможны вообще адекватное калькулирование и смета. Узнавать цены, сравнивать их, принимать рациональные экономические решения, достигая наилучших результатов при наименьших затратах, позволяет только рынок. «Где нет никакого рынка, там нет никакой системы цен, а где нет никакой системы цен, не может быть никакого экономического

расчета»; «В социалистической экономике учитываются только субъективные оценки государства, а люди лишены всяких средств выражения своих собственных оценок» (Мизес, «Человеческая деятельность», с. 429). В советской России вскоре после Октябрьской революции 1917 года была предпринята попытка отмены денег (товарно-денежных отношений) и рынка, о чем, кстати, как бы стесняются упомянуть апологеты коммунизма. Буквально через две недели хаоса власти были вынуждены ввести деньги обратно.

Трудно не согласиться с Мизесом в том, что **хоть какая-то разумность разделения труда возможна только при наличии рыночных отношений**. Очевидно, что Маркс был глубоко неправ, полагая, что совершенную целесообразную разумность можно достичь, уничтожая рынок. Маркс настаивал на взаимно обязывающем характере отношений между потребностями и объектами, призванными их удовлетворять. Человеческие чувства, в т. ч. и духовные, «возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе» (т. 42, с. 122). В сущности, он тем самым допускал никак не подтверждаемое предположение, что не существует тех потребностей, для которых не существует предмета их удовлетворения (ранее мы уже говорили об этом). Это, конечно же, очевидное преувеличение. Итак, Марксу почему-то казалось, что производство создает все предметы потребления, все способы потребления и даже все влечения к потреблению. «Точно так же потребление порождает способности производителя, возбуждая в нем направленную на определенную цель потребность» (Маркс). Но ведь есть множество вещей, о которых люди ничего, даже абсолютно ничего не могут сказать заранее. Только когда эти вещи появятся, люди смогут разобраться в том, нужны ли они им, и смогут ли они удовлетворить какие-то их потребности. Таким образом, спрогнозировать появление той или иной новой потребности никак невозможно.

Итак, две экономические проблемы, которые вытекают из марксового отрицания рыночных отношений.

1. Экономический расчет, который невозможно осуществить в условиях отсутствия рынка, ведь при отсутствии цены и информации о ней нельзя посчитать затраты и принять рациональное экономическое решение. (Следует отметить, что для осуществления выбора и принятия решения изначально необходимо обладать определенной степенью материального, да и духовного достатка и, конечно, личной независимости. Сам по себе рынок не гарантирует возможность «свободного» выбора. Политическая система или государство должно обеспечить такую возможность, потому и необходимы демократические институты). Будущее общество Маркса – общество безрыночной экономики – изначально

страдает от отсутствия возможности экономической калькуляции и возможности экономического анализа.

2. Рынок – это инструмент анализа динамики потребностей людей. Осуществляя свой выбор, покупатель производит информацию, которую «регистрирует» рынок. Безрыночная экономика страдает от отсутствия точных знаний о происходящем в экономике. Рынок помогает людям ориентироваться в их собственных потребностях. «Рынок – это одновременно и устройство прямого отображения, показывающее людям то, что они, возможно, никогда бы и не увидели, и устройство обратного отображения, регистрирующего успехи и неудачи сделок купли-продажи товаров (наподобие экспериментов в науке). Действуя совместно, эти устройства производят экономические знания, знания об обществе вообще» (Мегилл). **Рынок – механизм интеграции и созидания знаний, измерения и сопоставления ценностей.**

Конечно, рынок не является вполне достаточным механизмом удовлетворения человеческих потребностей. Кроме того, в каком-то смысле «Рынок – это фронт, фронт среди фронтов, конфронтация» (Ж. Деррида, «Призраки Маркса», с. 219). Но, тем не менее, Маркс и Энгельс с наивностью утопистов все равно очень сильно переоценили возможности научного планирования и недооценили значение роль анархии или спонтанности в процессе производства, да и жизни вообще. Без сомнения, «Пока мы не можем алгоритмически предсказывать, когда именно люди захотят иметь “вот это” или будут нуждаться “вот в том”, нам нужен будет рынок» (Мегилл). Естественно, что нормальный рынок возможен в обществе, создающем достаточные условия для нормального функционирования рынка. Нужна и соответствующая культура, позволяющая и даже поощряющая людей предлагать новые и смелые (пусть даже шаткие) идеи.

В более общем виде рынок есть условие наличия (или отсутствия) таких институтов в обществе, которые одновременно поощряют эксперименты в экономике и упорядочивают их. «Лучше всего рыночное общество может быть определено как “экспериментаторское общество”, поскольку эксперимент является в нем по-настоящему ключевым моментом. Эксперимент означает не вседозволенность, а прежде всего проверку гипотез. В гражданском обществе, которое функционирует в соответствии с некоторыми этическими правилами, рынок становится средством, по выражению Карла Поппера, предположения и опровержения. В средней и длинной перспективе ошибки, сделанные на рыночных торгах, преподают нам хорошие уроки, а счастливые догадки дают немалые прибыли (в краткосрочной перспективе рынок учит нас допускать ошибки)» (Мегилл). Нормально функционирующая рыночная система нуждается в гражданском обществе (придерживающемся определенных этических

норм), в приемлемой юридической системе, в определенном уровне доверия граждан друг к другу и рынку, их свободе, равном доступе к базовым товарам и ресурсам, а также в контроле и регуляции. Ведь очевидно, что экономика должна быть гуманной, иначе в чем тогда вообще ее смысл? Естественно, что речь идет прежде всего о необходимых соответствующих институтах; по Ходжсону, институты – это «долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям», короче, это «суть системы социальных правил» (Ходжсон Дж., «Экономическая теория и институты», с. 11).

Примечание. Наверное, можно попробовать представить себе некую компьютеризированную поисково-информационную систему, претендующую заменить собой рынок вообще или на то, чтобы стать его другой формой. Но (здесь Мегилл совершенно точно формулирует вопросы) как гарантировать достоверность и серьезность ответов индивидов на опросники, предлагаемые «сетью», а также достоверность и серьезность самих опросников? Как побудить людей, да и администраторов «сети» к ответственности? По-видимому, лишь реальный процесс покупки товаров вместо вопросов и ответов мог бы обеспечить необходимую степень ответственности. Итак, «круг замкнулся».

Следует особо отметить, что постулат плановой экономики неадекватен (и в этом тоже совершенно прав Мегилл) преданности Маркса идее свободы как актуализации человеческих возможностей. Согласно Марксу потенциально человек обладает огромным количеством возможностей, которые остаются нераспознанными до тех пор, пока не будут созданы условия для их выявления и развития. Но возникает вопрос, а каким образом «плановики» заранее смогли бы узнать об этих возможностях и вытекающих из них потребностей людей?

К сожалению, рынок – не саморегулируемый феномен. Нет никаких гарантий того, что рынок всегда будет функционировать стабильно. Да и в самом рыночном механизме нет указаний на то, что он производит продукты, во всех отношениях востребованные обществом. В этом смысле Маркс был, конечно, прав. Но следует понимать, что люди совершенно принципиально не знают и не могут рассчитать, что принесет с собой будущее (ср. Д. Юм и Дж. Кейнс). Вследствие этого как таковое всеобщее планирование нелепо уже изначально. Тем не менее, и в этом трудно не согласиться с Кейнсом и Мегиллом, какое-то государственно-монополистическое регулирование не только возможно, но и необходимо. Рыночная экономика не может бескризисно функционировать и развиваться (а может, даже и не сможет выжить) без политического адекватного управленческого вмешательства со стороны государства (здесь мы, конечно, не согласны, например, с позицией Мизеса). Естественно, государственное регулирование экономики нужно в каждом месте

совершенно конкретное и определенное, при этом важно не забывать об изначальной умеренности такого вмешательства (с тем, чтобы при этом не подорвать фундаментальные основы свободного функционирования самого рыночного механизма).

Проблема в том, что даже самые грамотные («правильные») решения и усилия, предпринятые по погашению рыночных колебаний, и стимулированию развития рынка в целях удержания экономики на «ровном киле», не дают гарантии того, что получившаяся, казалось бы, оптимизированная система произведет результат, отвечающий желаниям людей. Мегилл совершенно оправданно обращает внимание на то, что нет никаких оснований полагать, что сам рынок гарантирует адекватный доход для всех членов общества, нет и причин думать, что такие вещи, как образование, здравоохранение, индустрия развлечений и достижения культуры благодаря механизму рыночного контроля будут равным или справедливым образом распределены в обществе. Также рынок сам по себе не гарантирует необходимое качество товаров и их адекватное количество. Не менее важным является и то, что рынок совершенно не обеспечивает развитие фундаментальной науки и связанных с этим исследований, требующих колоссальных ресурсов, при этом никак не гарантирующих скорый экономический эффект, если таковой вообще предполагается. Ведь зачастую научные исследования направлены на изучение глобальных проблем, таких, например, как экологическая, климатическая, эпидемиологическая, космическая и тому подобная безопасность.

Действительно, жизненный и исторический опыт учит нас тому, что рынок должен быть поддержан и скорректирован самыми различными способами. Трудно не согласиться с Мегиллом и в том, что, кроме государственной поддержки рынка, должна существовать и поддержка частных спонсоров. **Важным фактом является то, что механизм, обеспечивающий максимизацию благосостояния общества, должен находиться внутри самого этого общества. Следует понимать, что общество должно быть справедливым, а экономика – гуманной.**

Примечание. Ж. Деррида глубоко прав, говоря: «Справедливость, как и закон не может быть сведена к праву... Любая этика и любая политика – безразлично, революционная или нет, будут невозможны, немыслимы, несправедливы, если они не базируются на уважении к тем другим, которые – или уже больше не-, или пока еще не – присутствуют, сейчас, тут в качестве живых людей, но в качестве умерших или еще не родившихся. Справедливость вообще представляется невозможной, немыслимой – мы сейчас говорим не о законе и подчеркнем это еще раз, не о праве, – если она не опирается на принцип некоей ответственности, превосходящей всякое живое присутствие» (*«Призраки Маркса», с. 10*). Справедливость «требует понять жизнь не как то, что ограничивается смертью, но как сверх-жизнь» (*там же, с. 12*).

Т. к. свободный доступ к социальным институтам не обеспечивается автоматически наличием рыночных отношений, то поэтому в обществе должны быть приняты определенные этические и культурные стандарты (в т. ч. и стандарты этикета), а его политическая система должна эти стандарты поддерживать и гарантировать права людей. На некоем базовом уровне социума люди необходимо должны быть все-таки равны в своих правах.

Примечание. Энгельс полагает: «справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливый рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым... Представление о вечной справедливости изменяется, таким образом, не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми... “каждый понимает нечто другое”. Если в обыденной жизни при простоте отношений, с которыми там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувство права, пользуются даже по отношению к общественным явлениям без особых недоразумений, то в научных исследованиях экономических отношений эти выражения... приводят к такой же беспросветной путанице, какая возникла бы, например, в современной химии, если бы там попытались сохранить терминологию теории флогистона» (*т. 18, с. 273–274*). «Пока будут существовать эксплуатирующие и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и порабощенные на другой, – до тех пор применение хитрости и насилия будет с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь останется бессильной» (*т. 19, с. 465*). Таким образом, у коммунистов получается, что мораль может быть уместной только в обществе без классов, господства, порабощения, насилия и даже вообще какой-либо эксплуатации.

С какой-то точки зрения, наверное, допустимо говорить, что т. к. «времена меняются, и многое из того, что было желательно и необходимо пятьдесят, даже тридцать лет тому назад, – теперь устарело и было бы совершенно неуместно», поэтому, значит, «то, что справедливо с точки зрения морали или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане». У классиков оказывается даже, что «социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена – наукой политической экономии» (*Энгельс, т. 19, с. 255*). По мнению Энгельса, согласно политической экономии справедливость требует, чтобы все стороны рыночного обмена «были с самого начала поставлены в одинаковые условия», но, как он сам верно замечает, «этого-то и нет в действительности».

Примечание. Например, «Если капиталист не договорится с рабочим, то он в состоянии ждать, живя на свой капитал. Для рабочего это невозможно. Кроме заработной платы, ему жить не на что, и поэтому он вынужден брать работу тогда, там и на тех условиях, на которых он может ее получить. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях борьбы» (Энгельс, т. 19, с. 256). Но очевидно, что рабочий не несет предпринимательского риска капиталовложений и разорения, того, что плоды его труда будут вообще не востребованы или востребованы не в полном объеме.

Однако если необходимость «жертвы» вообще имеет некие онтологические основания, то о какой справедливости может вообще идти речь в этом мире?

Примечание. Здесь, вероятно, имеет смысл обратить внимание и на следующее небесспорное, но имеющее место быть высказывание Мизеса: «не существует вечных критериев того, что является справедливым, а что несправедливым. Природе чужда идея правильного и неправильного. Не убий определенно не является частью закона природы. Характерной чертой естественных условий является тот факт, что одно животное стремится убить других животных, а также то, что многие виды могут поддержать собственную жизнь, только убивая других. Представление о правильном и неправильном – это человеческий механизм, прагматический прием, предназначенный для того, чтобы сделать возможным общественное сотрудничество в условиях разделения труда. Все нравственные правила и человеческие законы являются средствами достижения определенных целей. Не существует иного метода, чтобы оценить, хороши они или плохи, кроме как тщательно проверить их пригодность для достижения поставленных и преследуемых целей» («Человеческая деятельность», с. 546). Складывается такое впечатление, что Мизес вообще ничего не слышал о существовании кантовского нравственного императива.

Как это ни удивительно, но подобный ракурс видения социальной проблематики Марксом не приветствовался. Любой намек на этическое измерение социального Маркс рассматривал как не научный, а «идеологический», который уже на этом основании должен быть отвергнут. Несмотря на присутствие у него некоторого акцента на универсальной ценности каждого (нравственного) человека, он не признавал или не хотел признавать важность этического суждения в процессе принятия решения. Тем не менее, не только в молодости, но и на протяжении всей своей жизни Маркс, по всей видимости, все-таки исходил из категорического императива, повелевающего «ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом» (т. 1, с. 422).

Эл. адреса автора:

dinarics@i.ua

dinarics@mail.ru

dinarics@gmail.com

MUPSH@ukr.net

Аккаунт автора на ФБ:

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100022871263768>

Никнейм: *Юрий Мюши (Mupsh)*

Аватар:

«Ужас, страх» - картина художника *Мальцева П.Н.* (1926-2010).

Дана робота (у 3-х книгах) присвячена розробці концепції всебічного критичного зняття / подолання вчення Маркса, що дозволяє виявити ще не освоєні напрями та горизонти у розвитку філософії історії та соціології, а також по-новому поглянути не тільки на багато добре відомі аспекти, постулати, аксіоми або догмати Маркса та Енгельса, але й виявити наявні проблеми у методології теорії сучасного суспільства.

Видання адресується філософам, соціологам, історикам, економістам та політологам, а також усім, хто цікавиться спадщиною мислителів минулого.

Науково-популярне видання

Юрій Мюш

КРИТИКА МАРКСИСТСЬКОЇ ПОЛІФОНІЇ РОЗУМІВ

((Досвід критичного аналізу книги Коряковцева та Віскунова "Марксизм і поліфонія розумів". Матеріали щодо критики вчення Маркса).

КНИГА ДРУГА

Критично про політекономічні уявлення Маркса.

Матеріали щодо критики вчення Маркса

*Видається в авторській редакції
Російською мовою*

Науковий редактор: к.і.н. *Олександр Півоваров*

Коректор: *Марія Цветкова-Верниченко*

Підписано до друку 13.09.2022 р.
Формат 60x84 1/16.. Папір офсетний. Друк цифровий.
Умовн. друк. арк. 32,0.
Тираж 300 прим. Зам. № 13-09.

Видавництво та друк
ФОП Іванченко І.С.
пр. Тракторобудівників,89-а/62, м. Харків, Україна, 61135.
тел.: +38 (050/093) 40-243-50.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготівників та розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 4388 від 15.08.2012 р.
monograf.com.ua